

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Серия самых замечательных книг выдающихся деятелей русского национального движения, посвященных борьбе русского народа с силами мирового зла, русофобии и расизма:

Аверкиев Д. В.	Куняев С. Ю.
Айвазов И. Г.	Личутин В. В.
Аквилонов Е. П.	Любомудров М. Н.
Аксаков И. С.	Марков Н. Е.
Антоний (Храповицкий), митр.	Меньшиков М. О.
Аракчеев А. А.	Мержеевский В. Д.
Бабурин С. Н.	Мионов Б. С.
Башилов Б.	Нечволодов А. Д.
Бондаренко В. Г.	Никольский Б. В.
Бородин Л. И.	Нилов В.
Булацель П. Ф.	Нилус С. А.
Буткевич Т. И.	Осипов В. Н.
Бутми Г. В.	Пасхалов К. Н.
Величко В. Л.	Проханов А. А.
Винберг Ф. В.	Рогозин Д. О.
Воробьевский Ю. Ю.	Розанов В. В.
Восторгов И. И.	Ростопчин Ф. В.
Вязигин А. С.	Семанов С. Н.
Голицын Д. П.	Сенин А. А.
Грингмут В. А.	Солоухин В. А.
Державин Г. Р.	Суворин А. С.
Достоевский Ф. М.	Фотий (Спасский), архим.
Дубровин А. И.	Хатюшин В. В.
Дудко Д. С.	Цикунов А. К.
Жевахов Н. Д.	Чванов М. А.
Жеденов Н. Н.	Чивилихин В. А.
Замысловский Г. Г.	Шарапов С. Ф.
Иванов В. Ф.	Шафаревич И. Р.
Ильин И. А.	Шевцов И. М.
Книга русской скорби	Шиманов Г. М.
Крупин В. Н.	Шипунов Ф. Я.
Крушеван П. А.	Шмаков А. С.
Кузьмин А. Г.	

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

**СЛОВО
К НАРОДУ**

МОСКВА
Институт русской цивилизации
Родная страна
2013

ББК 66.3(2Рос)12

УДК 323.2

П 84

Проханов А. А.

П 84 **Слово к народу** / Составитель и отв. ред. О. А. Платонов / Предисловие В. Г. Бондаренко — М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2013. — 896 с.

В книге публикуются главные идеологические труды выдающегося русского писателя и журналиста, политического и общественного деятеля Александра Андреевича Проханова. В декабре 1990 года им была основана газета «День» («Завтра»), ставшая важнейшим центром русского созидательного национализма и собирания народных сил. С этих дней Проханов – один из ключевых русских политиков в войне с внутренними врагами Российского государства. Его статьи и призывы становятся программой деятельности для миллионов русских людей.

Главная идея Проханова – идея государства. Все его герои – государственники. Ядро его идеологии – спасти русский народ ныне и во веки веков может только мощное, созидающее государство.

ISBN 978-5-4261-0074-9

© Проханов А. А., 2013

© Бондаренко В. Г., предисловие, 2013

© Институт русской цивилизации, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Александр Андреевич Проханов родился 26 февраля 1938 года в Тбилиси. Он – выходец из старинного и знатного рода русских молокан, которых еще Екатерина Великая сослала в Закавказье. Его дед И. С. Проханов – известный религиозный деятель, публицист начала XX в.

После окончания школы Проханов поступил в Московский авиационный институт им. Орджоникидзе, который окончил в 1960 году. Еще в институте начал писать стихи, а затем и прозу. Несколько лет проработал инженером-ракетчиком. Создавал противотанковые снаряды. Уже тогда его жизнь делилась надвое: с одной стороны – увлечение космосом, высокими технологиями, военными операциями; с другой – прекрасное знание русского фольклора, древних русских песен и плачей XVI–XVII вв. Он увлекся путешествиями по русскому Северу, а затем и вообще резко поменял жизнь. Бросил свою любимую оборонку. Уехал работать лесником сначала в Карелию, а затем в Подмосковье. Стал активно печататься в «Литературной газете», в «Сельской молодежи». Как прозаик был под сильным влиянием А. Платонова и В. Набокова, но не стать их эпигоном помогло глубокое знание фольклора – магия древнерусских песен оказалась сильнее. Первые публикации А. Проханова высоко оценил Ю. Трифонов, написавший яркое предисловие к его книге «Время полдень». Член Союза писателей СССР с 1972 года. Его журналистская звезда взлетела после очерков с о. Даманский. Побывал во всех горячих точках планеты, где хоть в какой-то мере были

задействованы советские военные специалисты: в Никарагуа, в Анголе, в Эфиопии, в Кампучии. В Афганистане пробыл в целом более года. Участвовал в боевых операциях. Он был певцом советской эпохи в тот период, когда начался ее закат. Он видел ее вершины, ее высшие достижения и потому стал в непримиримую оппозицию к разрушителям Державы. Из соловья Генштаба он стал последним солдатом Империи.

С 1985 года – секретарь правления Союза писателей России. С 1989 года на короткий период стал главным редактором журнала «Советская литература». С декабря 1990 года – главный редактор газеты «День». Газета была задумана как орган Союза писателей, еженедельная литературная газета, но в силу надвигающихся событий стала одним из центров русского национального сопротивления. В стенах редакции Прохановым было написано знаменитое «Слово к народу», ставшее идеологическим манифестом ГКЧП. Газету запрещали 3 раза, но окончательный ее разгром состоялся в октябре 1993 года. Тогда здание редакции было захвачено автоматчиками, а вся техника редакции разгромлена и уничтожена. Проханова по праву считают идеологом двух путчей – 1991 и 1993 годов. Под угрозой ареста в октябре 1993 года ушел в леса, где скрывался у своего друга В. Личутина вместе с В. Бондаренко и Е. Нефедовым. Там же было принято решение выпускать новую газету. Ее назвали «Завтра». Газета стала ведущим органом патриотической оппозиции, в ее редколлегию вошли В. Распутин, Т. Глушкова, В. Клыков, И. Шафаревич. С. Куняев и др.

Как писатель Проханов начинал как романтический этнограф второй половины двадцатого века. Вот метод творческой работы Проханова-журналиста: когда он приехал в Чернобыль, он познал это бедствие на трех уровнях. Он летал вместе с вертолетчиками, сбрасывавшими песок на реактор. Он прошел с шахтерами по туннелям под реактором. Он вместе с мальчишками солдатами прошел путь к реактору и по земле. Кто еще из журналистов может рассказать о таком изучении события? И с учетом того, что в Чернобыль Про-

ханов прилетел сразу после возвращения из Никарагуа, где в партизанских джунглях подхватил малярию... Вспомним Афганистан. Александр Проханов прошел самыми опасными маршрутами. Мне рассказывали в Кандагаре, как он с фотоаппаратом бежал вместе с десантниками в ту самую «зеленку», откуда стреляли, где многих ждала смерть.

Уже в семидесятые, когда Проханов утверждал технотронную Россию, спорил со своими нынешними друзьями и союзниками по патриотическому движению, уже тогда и сторонники, и противники понимали его неконъюнктурность, чувствовали его подлинную страсть, ощущали его трагические истины. Те, кто писал по заказу партии, ловко менялись в соответствии с новыми установками, а Проханов продолжал нести читателям свою страсть и волю, свою мечту о великой державе.

Его техницизм близок техницизму Андрея Платонова, его империализм близок империализму Николая Гумилева. Речь идет о типе творчества. Даже сидя в большевистской тюрьме, Николай Гумилев приветствовал поход Красной армии на Иран, как приветствовал его еще один русский националист – Велемир Хлебников. Прозу Проханова я могу сравнить с прозой еще одного решительного романтика, погибшего на кавказской войне, Александра Бестужева-Марлинского. Вот вам и литературная традиция, вот еще одна выдающаяся ветвь русской литературы.

Главная идея у Александра Проханова – это идея государства. Все его герои – государственники. Вот почему с неизбежностью он разминулся с авангардистами-разрушителями типа Вознесенского и почему с еще большей неизбежностью сблизился с традиционалистами-почвенниками, с лидерами деревенской прозы – В. Беловым и В. Распутиным. С разных эстетических сторон они пришли к единому этическому выводу – спасти русский народ ныне и во веки веков может только мощное, созидающее государство.

Еще со времен господина Великого Новгорода и древнего Киева живет идея государства как некой целостности этических, эстетических, политических и экономических основ на-

ции. При сменах общественных формаций, при перемене господствующих классов видоизменялась, но вновь оживала эта идея. От Ярослава Мудрого до Александра Невского, от реформатора Сперанского до пушкинского однокашника Горчакова, от Потемкина и Безбородко до маршала Жукова. Полководцы Великой Отечественной, покорители космоса – все они творили во имя государства. Вспомним генерала Деникина, Бунина, Солженицына. И даже во вражде братской, становясь по разные стороны, боролись друг с другом, но не с государством, препятствуя нашим внешним врагам.

Проханов при всей своей идеологичности никогда не вступал в партию. По сути своей он антимарксист. Но как государственный он верно служил и будет служить государственным интересам России.

Уверен, таким же он был бы и сто лет назад, служба Государю Императору, таким будет и в будущем, при любой власти – если эта власть будет стремиться к созданию великой России, будет верно служить национальным интересам России – будь то монарх, президент или еще кто. Он не боится ни смешанной экономики, ни предпринимательства, ни народного капитализма, ни государственной собственности. В этом смысле он не идеолог, не политик и большой плюралист, чем все нынешние демократы.

Его истинное трагедийное восприятие мира улавливали немногие. Так явно увидеть вылетевшую в тебя в упор пулю из автомата никакой созерцатель не в состоянии. Это уже эзотерическое, потустороннее видение писателя трагического мироощущения. Удивительно, но когда к творчеству Проханова обращаются талантливые рецензенты, даже из враждующего лагеря наряду с критикой всегда звучит признание его таланта, пусть и сквозь зубы.

Александр Проханов обладает еще одним, увы, редким качеством: он до конца верен дружбе, не умеет предавать друзей, даже когда расходится с ними во взглядах.

«Слово к народу» – сейчас уже не секрет, что написал его Александр Проханов, написал, убежденный в правоте всего за-

явленного. Проханов интуитивно предчувствовал развал страны, деградацию экономики, гибель культуры, эскалацию войн. Жаль, что это слово не было услышано народом. Жаль, что не нашлось умных государственных лидеров. И потому сегодня, может быть, главное, что делает Александр Проханов, – всячески поддерживает русскую национальную элиту, формирует ядро национальных лидеров.

Не будучи только политиком, Александр Проханов взял на себя важнейшую роль объединителя. Он никогда ничего не хотел отдавать нашим противникам – разрушителям государства – ни пяди земли, ни одного национального гения, ни одной культурной традиции.

Авангард и архаика, очевидно, этот по тем временам непривычный сплав и заинтересовал Юрия Трифонова, с чьей помощью Александр Проханов опубликовал свои первые произведения. Затем Юрий Трифонов написал восторженное предисловие к первой книге молодого автора «Иду в путь мой», вывел его в литературный мир.

Набираясь сил от былого крестьянского, лесного лада, держа в запасниках души жар натопленной избы, родниковость старинных песен – «В островах охотник...», «Над двором моим, сараем», «Всей бессонницей я тебя люблю...», – он понимал, как рвутся связи у каждого из нас со старой, оседлой Россией. Он видел, как русские мужики оказываются разбросанными по всей земле, как растет кочевое сознание, люмпен-идеология. Герои его прозы часто гибли из-за подобной несовместимости. Они старались в механизированной бездушной системе реализоваться как личности, как люди с государственным мышлением, но внутри них еще жили тайны прошлого, почти мистическое уважение земли. Внутри самоуправляемых электронных систем, сконструированных разумом, мерцала лампада древних чувств.

Он романтизировал свое государство, находя в нем место всем народам, всем религиям, всем обычаям. Он уже тогда, в ранние годы творчества был законченным государственным человеком, что применительно к России и русскому народу обязательно

обозначает и имперское сознание. Да, Проханову изначально присуще имперское русское сознание и, значит, – подчинение наднациональным ценностям, отсутствие национального эгоизма в любой форме. Имперское сознание означает отсутствие любых расовых комплексов. Думаю, что только в случае ликвидации у русских имперского мышления (если такое случится), мы выработаем наконец-то русский национальный эгоизм, ставя интересы своего этноса выше всего остального. И нынешний кризис в русском сознании, неумение защитить себя внутри бывшего Советского Союза, бывшей Российской Империи связаны со все еще надэтническим, государственно-имперским мышлением русского.

Я уверен: или же мы вновь сыграем роль объединителя народов, укрепившись на евразийских пространствах, или же, осознав себя народом региональным, выстроим более узкое, но и более национально-эгоистическое, может, и шовинистическое, православное государство. В любом варианте с неизбежностью мы останемся великим государством. В этом раскладе Александр Проханов – всецело сторонник евразийской, имперской модели развития. Он – не региональщик по складу мышления, по воспитанию, по генетике, по образу жизни.

Как журналист он прославился еще на Даманском. Его первые очерки о событиях на Даманском читала вся страна в «Литературной газете». С той поры на протяжении двух десятков лет именно от «Литературной газеты» Проханов объездил практически все «горячие точки» планеты. Увешанный гранатами и автоматом, он переправлялся даже по рекам Латинской Америки. Перекрашенного в негра, чтобы не засекали вертолетчики, его брали с собой в партизанские рейды в Анголе. Белые заложники ценились обеими сторонами, и поэтому привычна была маскировка. Один из таких мнимых черных, убитый немец-наемник встретился Проханову во время рейда. На память о нем – кинжал с немецкой готикой на лезвии. Кампучия и Эфиопия и, наконец, Афганистан. Журналист, литератор обязан наблюдать, анализировать. Проханов по каким-то неведомым мистическим законам репетировал

заранее возможную трагическую ситуацию в своей стране. Он хотел предотвратить ее, где угодно, лишь бы не докатилась до родных русских полей. Докатилась.

Александр Проханов – явный противник неимперской унитарной России. Его национализм – это национализм имперского человека, думающего обо всех народах, заселяющих наше геополитическое пространство. Это национализм без расового признака, без запаха крови. Впрочем, послушаем его самого: «Распад СССР – это и скорбное расступание земель, и бешенство пучин, это наползающие враждебные континенты, сламывающие хребет Евразии. Будто тектонические могильные створки хотят сомкнуться над шестой частью суши. Мы переживаем геополитическую трагедию. Мы – опрокинутая, побеждаемая, плененная цивилизация, попавшая в петли, раскинутые цивилизацией чужой, совращенная манками, уготовленными над волчьей ямой.

Но ветры крушения, накликаемые победителями, против их воли отдули края той эгиды, что скрывала их трансцендентную чуждость, делала их “своими” в глазах большинства, раз ходят по той же земле и говорят на том же языке. В народном сознании перебрасываются мостки между односторонним разоружением, раздачей территорий и государственным развалом, голодом, холодом и тотальным ограблением, именуемым приватизацией... Слепые – не поднимемся поверженные. Зрячие – мы уже в объеме Божьего замысла, если – беда прибавит ума! – сумеем увидеть себя со стороны, нащупать вехи нового самоопределения, сулящие исход из морока. А они есть, и они были всегда. Ныне и Россия – не Россия, и столица – не Москва, но за летящими обломками, столбами пыли, стенами дыма и плача высветляется идея Евразии, отрицающая Америку, размыкающая – хотя бы в чаянии – змеиные кольца, что захлестнули российского Лаокоона и его сыновей».

Романы Александра Проханова конца советского периода – это романы-исповеди одного человека о целом мире, это моментальные снимки нашего времени, сфотографированные откровенно тенденциозным, субъективным художником.

Рассказывая о мире, он рассказывает о себе. Его исповедь перемежается с репортажем. Он не позволяет информации, какой насыщены романы, замыкаться на самой себе. Сплачивая дробный и разъятый мир воедино, соединяя голоса мира, автор в качестве системы связей использует главного героя произведений, героя чрезвычайно близкого ему самому. По мнению А. Бочарова, это экстенсивный реализм, собирающий воедино разрозненные звенья жизненного потока. Александр Проханов знал, что собирает. Его интуиция всегда была отчасти рациональна. В нем всегда жил и лесник, лирик, романтик, и авиаконструктор. Логика инженерного образования подчас оказывалась сильнее эмоциональных побегов в карельское лесничество, в стихию русских народных песен. Что верно, то верно, экстенсивности в политических повествованиях Проханова много. Вместо художественной типизации времени шел художественный сбор впечатлений, переживаний, деяний. Но глубже, чем инженерное мышление, обширнее, чем экстенсивный реализм, природу художника определяло всезахватывающее чувство трагизма, трагического восприятия мира.

Может быть, предчувствия и гнали молодого автора от заоблачных мечтаний, от живописи словом, от парада метафор к нынешней его литературе политического факта. Может быть, предчувствия и заставляли спешить. «Дерево в центре Кабула» (1982), «В островах охотник» (1983), «Африканист» и «И вот приходит ветер» (1984). Политическая тетралогия, возникшая в результате поездок в Афганистан, Кампучию, Мозамбик, Никарагуа. Горящие сады планеты, горящие сады в душе автора. «У меня одна командировка следует за другой, одна вещь сразу за предыдущей, и все они вопят, кричат – им больно, им некогда. И я не могу ждать. То, что я видел, не может не потрясти человека».

Увлечение русской историей под влиянием деда (еще одна повторяемость почти во всех романах – герой воспитывается дедом), институт, в котором учился и автор, уход из инженерии в карельские леса «поближе к тем водам и зорям, к тем

поющим, волхвующим, знающим древнюю истину людям, что медленно и спокойно исчезали с земли, усевая кладбища белыми и красными крестами».

Политические романы Проханова – романы вопросов, а не ответов. «Неужели и эта смерть канет бесследно, ничего не изменив на земле?.. И мир, меняющий свои очертания, есть только бесконечно длящийся абсурд?» – вопросы поколения невоевавших. Вопросы из мирного времени. Вопросы расколотого трагического героя. Медленное понимание времени. Медленные неудачные попытки что-то сделать.

В серии еще советских лет политических, фронтовых романов Проханова завершающим можно назвать роман «Последний солдат Империи». В этом произведении Проханов поразил всех своих читателей иным, нетрадиционным для патриотов подходом к ГКЧП. В течение десяти с лишним лет после августа 1991 года патриоты прославляли членов ГКЧП как героев, как людей, пошедших на великие жертвы во имя державы.

И тогда, сразу после поражения, был, конечно, замечен определенный пафос, заметна определенная идеализация последних лидеров советской державы, вошедших в ГКЧП. Но эту идеализацию вполне можно было оправдать их жертвенностью, их содержанием в тюрьме. Да и сам Проханов переписывался с ними, встречался после освобождения из тюрьмы. Газета «День» провела торжественный вечер в кинотеатре «Ударник» сразу же после их освобождения в конце 1993 года, и тогда была сделана уникальная историческая фотография всех участников встречи.

Вместе со многими из членов ГКЧП Проханов составлял «Слово к народу» накануне августовских событий, не случайно его назвали идеологом августовского путча. И вот в «Последнем солдате Империи» читатель встречает вместо былых полубогатых героев откровенных пораженцев, имевших всю полноту власти, могучую армию, МВД, прекрасные спецслужбы, многочисленный партийный аппарат, и за три дня все пустивших по ветру, слабаков, сдавшихся кучке негодяев, не пожелавших принять последнее сражение,

пасть или победить. Понятно, что с годами мы все становимся мудрее, а к тому же сама жизнь становится все ужаснее и трагичнее. Если тогда, в те августовские и сентябрьские дни 1991 года, мы были просто ошпарены всем происшедшим: крахом страны, танками на улицах – и многим из защитников советской державы казалось, что арестованные члены ГКЧП – это герои прошедших лет, что они действительно выступили навстречу врагу. Спустя дюжину лет, когда было выявлено в руководстве страны громадное количество ренегатов и перебежчиков, когда мы видим огромные количества заговоров, тончайших интриг, физических и метафизических воздействий, а главное, когда мы вдруг очутились в катастрофе адовой глубины, когда с каждым годом нас, русских людей, становится все меньше и меньше, а от великосоветской империи остались только обглоданные кости, как будто, говоря словами самого Проханова, «умер и сгнил огромный кит от Бреста до Владивостока, и мы живем среди обглоданных костей этого гигантского умершего животного...», – стало ясно видно, кто сдал нас противнику, видно, кто не нашел в себе государственной воли и трусливо, а то и осознанно предательски отрекся от собственной страны. И писатель смело отказался от иллюзий, от излишней жалости к своим героям, позорно сдавшим страну. Переписал свой первый вариант романа «Последний солдат Империи», и все увидели в гэкачепистах никчемных лилипутов.

Если внимательно читать роман, мы видим, как плетется целая сеть заговоров, один наплывает на другой, другой на третий. Почему наша страна, еще недавно стремительно развивающаяся, определяющая мировую историю, вдруг вошла в суету заговоров, почему не оказалось какого-то единого государствообразующего центра? Куда исчезла энергия целой нации?

В романе «Последний солдат Империи» есть метафорическая сцена о гибели красных богов, об отлете красных огромных птиц, которые вырываются из Кремлевской стены, из сердца героя романа, и улетают в бесконечность. Впрочем, и сама красная империя, сам Советский Союз – тоже был

великим проектом, это тоже была суперкомбинация, если угодно, был заговор, да и в целом вся русская, в том числе советская история – это непрерывная система развития меняющихся планов, проектов.

И вот в результате последнего заговора ГКЧП, согласно роману «Последний солдат Империи», оказывается, что главным носителем зла, главным разрушителем красной империи стал главный чекист страны. Так ли было на самом деле? Комитет государственной безопасности не просто не справился с вмененной ему задачей обеспечения безопасности страны, но осознанно стал разрушителем системы социализма не только в Советском Союзе, но и во всем мире? Совпадает ли реальная роль КГБ со зловещей мифологической действительностью романа «Последний солдат Империи»? Что это за зловещая фигура главного чекиста в романе? Как эта фигура соотносится с реальным последним руководителем КГБ Крючковым? Герой романа «Последний солдат Империи», глава заговора КГБ, и реальный Крючков, – конечно, разные люди. Герой романа наделен чертами носителя мирового зла, агент сатаны. Наверное, во многом вся кровь, которая с тех пор пролита, и льется еще и сейчас: две чеченские войны, расстрел Дома Советов, пояса шахидов, ужас, стон всех народов России, которую бульдозером срывают с континента, сдирают, – все это страшный результат жестокости, которую гэкачеписты проявили по отношению к собственному строю, к собственной стране, к собственному народу.

Может быть, в результате заговора КГБ спустя десять лет возникает новый заговор ФСБ. Откуда идет нынешний заговор ФСБ – эта мысль, несомненно, возникает после прочтения романа «Последний солдат Империи». Бывшие комитетчики создали свои маленькие КГБ при банках, при корпорациях, эти маленькие КГБ со своей разведкой, со своим нанесением смертельных ударов, со своими информационными технологиями, они могут устранить противника, заказать его, создать ложные цели на уровне, который мог позволить себе только КГБ СССР. А что касается сегодняшней политики, то она вся

связана со спецмероприятиями, с активками, как говорят разведчики, и сегодняшняя власть пользуется спецслужбами для создания абсолютно колоссального количества больших или малых заговоров в политике.

«Красно-коричневый» – слово, придуманное врагами, наполнилось энергией русского подвига, русской святости. Когда я читал роман «Красно-коричневый», у меня возникало ощущение, что я смотрю на икону, огромную, написанную на красно-коричневых досках. Такие иконы можно найти в древних ростовских храмах, в запорошенной Суздали – величественные и суровые иконы Древней Руси. Меня поразило, что они написаны в красно-коричневом колорите. И второе открытие – закон построения икон ростовско-суздальской школы и романа «Красно-коричневый» одинаков.

В центре романа, этой иконы-жития, находится русский святомученик. Он окружен клеймами, житейскими сценами, картинами, показывающими его страдания, его подвиги, его деяния, его сражения, его успение. Он узнаваем: обычный отставной офицер, не изменивший присяге. И вот этот воин архистратиг идет на свой Подвиг, на свое святое мучение. Такой русский ангел с автоматом Калашникова в руках. Это русский святой, воплотившийся в полковника спецназа в отставке, живущий в Москве в самое смутное время 1993 года, вторгающийся в политику, в борьбу, возжелавший отдать свой боевой опыт ради русского сопротивления. Сражавшийся и погибший, герой как бы канонизирован прохановским романом. А с ним, вымышленным художественным образом, канонизированы и все реальные погибшие герои октября 1993 года, к каким бы течениям патриотической оппозиции они ни принадлежали.

Это роман – как продолжение траурной колонны с фотографиями погибших героев, которая проходит каждый год в траурные, печальные и величественные дни 3–4 октября как продолжение фотографий и листовок, что расклеены на всех стенах стадиона у Дома Советов, где палачи добывали раненых защитников.

Этот роман должен прочитать каждый русский человек, чье сердце билось и сопротивлялось насилию ельцинских мучителей, прельстившихся тридцатью сребренниками.

Но его будут читать и враги, узнавая себя, рвя роман на части, кидая его в ужасе в костер. Происходит классическая литературная канонизация современного русского героя: мученика за Отечество, русского Витязя, страдальца за Веру.

В романе «Красно-коричневый» Александр Проханов соединил фрагменты, склеил чашу Победы. Она в романе склеена кровью погибших, кровью 1993 года. Но еще шире – в соединенных фрагментах обретает свою плоть весь наш народ. Он действует в романе, он творит свой подвиг. Он живет на баррикадах. Туда, на баррикады, пришли и менестрели с гитарами, и священники, и красные радикалы, и рабочие с умолкших заводов, и старушки, лишенные пенсии, и ученые, выкинутые из закрывшихся оборонных НИИ, и старые советские писатели, там проверяли свои силы казаки. Все они пришли на баррикады у Дома Советов. Откуда-то с Запада их приветствовали бывшие диссиденты Владимир Максимов, Александр Зиновьев, Андрей Синявский, ими гордились в городах и селах России. Это и был тогда русский народ.

И все разнокалиберные лидеры объединяются в тот миг с народом, становятся его частью. При этом все они соединены и с главным героем романа. Герой, с одной стороны, – это персонаж, имеющий свою реальную судьбу офицера разведки, свои имя и фамилию, свои привычки и привязанности, свою возлюбленную и даже свою московскую топографию. Он – знаток Москвы и в каком-то смысле ее певец. С другой стороны, герой романа становится связующим центром и вбирает в себя всех, становясь мифологизированным образом народа. Главный герой романа – это и лидер, и витязь, и воин, но в нем заключена и народная идея, идея Победы. Также и все фрагменты сопротивления, собранные вместе, дают нам современную мистическую, но и строго социологическую картину состояния народа.

Конечно, в центре романа острый политический конфликт. Но за политикой проглядывает уже метафизический

конфликт добра и зла. Зло в этой бойне, в этой мучительной казни главного героя, Хлопьянова, победило в материальном мире, уничтожило центр сопротивления, убило его героев, палячи расправившись с Хлопьяновым, но духовно зло проиграло. Сам роман – свидетель духовной Победы России и русских героев. После казни Хлопьянова, после расстрела Дома Советов в 1993 году история пошла по другому пути. Герои гибнут, а их идеи овладевают умами многих.

1993 год – это год изменения русской истории. И отнюдь не в ту сторону, в какую хотели потянуть бесы. История медленно, но верно пошла по русскому пути.

В романе Александра Проханова через всех его героев формируется идеология русской Победы. Во имя Победы и гибель Хлопьянова, и молитвы старца Филадельфа, и формирование всех без исключения фрагментов сопротивления, чтобы в итоге чаша Победы была соединена и предстала перед миром цельной. Кто знает, какое важное слово несет, может быть, и малый, с виду незначительный осколок ее?

Канонизируя в своем романе Хлопьянова, Александр Проханов одновременно канонизирует всю плеяду наших героев с древних времен до последних погибших. Он этим романом продолжает героическую традицию в русской литературе, традицию книг о героях, таких как книга Николая Островского «Как закалялась сталь», Александра Фадеева «Разгром» и «Молодая гвардия». Роман этот встраивается в череду советских романов о героях, которые закрепляются в русском сознании.

Полковник военной разведки Хлопьянов, как и реальный мученик чеченской войны русский солдат Родионов, отказавшийся снять православный крестик с шеи и за это погибший мученической смертью, а ныне прославляемый в русских храмах, и как герои Великой Отечественной войны красные патриоты Талалихин, Матросов, Галушин, Гастелло, Кошевой, Космодемьянская, Яков Джугашвили, Карбышев, – это все святые русские люди, погибшие за нашу Победу.

Что же это за русский путь, ради которого терпит пытки и умирает Хлопьянов? Во имя чего он терпит боль? «Хлопья-

нов почувствовал, как в грудь ему вонзилась глубокая пышная боль, окружая сердце ломаным сложным орнаментом. Он кричал, задыхался в объятиях палача, дергал ремнями. А ему вместе со звездой вырезали сердце. Когда его отпустили, он повис, истекая кровью, дико вращая глазами. На груди его, среди алой росы, бегущих красных ручьев, кровянела звезда, его последняя боевая награда... Он звенел болью, как жуткая звонница с навешенными колоколами боли...»

Это русская альтернатива миру. Мир давит на нас сатанизмом, фашизмом, чуждыми религиями, властью доллара. И многие сдаются, предаются, терпят поражение, уходят в тень. И тогда Россия начинает уклоняться от своего пути, терять свои территории, ресурсы, а самое страшное, терять свой дух. И каждый раз нужны Ослябя и Пересвет, нужен Иван Сусанин, нужен Тарас Бульба, нужен Хлопьянов, чтобы народ опомнился и отринул врага. Темный мир зла подобен пирамиде, где внизу суетятся мелкие бесы, а где-то на вершине сидит рогатый прелестник с алмазной шестиконечной звездой во лбу. Он стремится показать свое превосходство, подчинить себе все народы. Наша, русская, альтернатива – иная. Это пирамида, повернутая острием вниз. Внизу всегда стоит русский великомученик, пирамида втыкается в его сердце, разрывает его, но от него пирамида идет ввысь лучами света, лучами любви, и, расширяясь, этот свет и эта любовь образуют царство справедливости, добра. Это русская картина мира. И в третьем тысячелетии мы все должны восстановить эту пирамиду, эту благодать, которую мы дарим всему человечеству.

В душе русского человека живет образ Рая. В XX веке он принял образ коммунизма. Предчувствием Рая для Хлопьянова и его возлюбленной стал Русский Север, Поморье, куда они вырываются из бесовской Москвы в начале лета 1993 года. Это и искушение – останься в раю, работай, люби, рожай детей. Природный гармоничный мир, где люди с утра идут ловить рыбу, вечером возвращаются, усталые, с уловом. Мир, где есть дружба, работа, дом, любовь, природа, рыбы, олени, деревья, церкви, птицы и какой-то столетиями отлаженный поморский уют.

«Красно-коричневый» Александра Проханова стал не только хроникой, летописью, иконой нашего времени, роман стал на долгие годы вперед нашим оружием, знаком Победы. Он будет во всех наших сражениях, со всеми сомнениями героев, с обольщениями, которым подвергаются и Хлопьянов, и его друзья. Эта книга близка нам, ибо и мы проходим такой же путь сомнений и очарований, уныния и неверия, прежде чем обретаем искомую веру в Победу.

А «Господин Гексоген» – монументальная живопись, которую виртуозный и пламенный художник посвятил новой России – России, решившей выжить и победить, несмотря ни на что. Роман разочарует пессимистов, которым сегодня надобны лишь плачи и стенания, бывших вельмож, ностальгирующих по прошлому своему величию. Но всех тех, кто не бросил Россию в лихую годину, кто боролся за нее и в 1991-м, и в 1993-м, и в 1996-м, кто борется за нее и сейчас, роман вдохновляет жить и побеждать.

Это романтическая мистерия, посвященная жизни отставного разведчика Виктора Андреевича Белосельцева, ушедшего от дел, вернувшегося в Москву. Он становится, если хотите, нашим Вергилием, нашим путеводителем, нашим гидом по кругам ада. Вместе с ним мы застаем в постели с девкой Генерального прокурора, вместе с ним мы организовываем из Москвы басаевское нападение на Дагестан, а затем и сами взрывы в Москве. Мы убиваем бывшего питерского мэра и отстраняем суетливого премьера, доказавшего, что честь офицера в России ничего не стоит. Мы присутствуем на смотринах проекта новой Хазарии вместо России, меняем руководителей телеканалов, мы делаем все, что на самом деле делали, а вернее в чем соучаствовали как граждане России за это позорное десятилетие. Но, как видите, Россия все еще стоит на месте, и Чечня худо-бедно, но под российским контролем, и этому всему тоже есть объяснение в романе. Если читать второпях, то можно увидеть отречение автора от всех мифов прошлого, от красного мифа, от мифа русскости, от православного мифа, от мифа государственности, а кое-кто с гневом увидит и смерть

еврейского мифа, и смерть мифа индивидуализма, и гибель новой буржуазии, и реальную гибель всех предателей России, встраивающих свою родину в американский сырьевой проект. Мне кажется, все эти скоротечные мифы, отблески реальных событий, сочно выписанные карикатуры на реальных политиков, – на самом деле всего лишь фон прохановского романа, такой социальный сюрреализм, притягивающий внимание читателя. Уверен, о конкретных событиях в скором времени если не забудут, то отодвинут в даль памяти. Ведь когда-то и приключения свифтовского Гулливера задумывались и прочитывались как некий политический роман. И кто сейчас помнит прототипов и реальные события, имевшие место быть в старые английские времена?

Проханов – великий русский националист, отчаянный и неистовый ревнитель своей Державы. Все его и радости и поражения, его герои и антигерои и гибнут, и побеждают вместе со своей Державой. Пусть развеются все миражи у обманутого мира, но мечта о великой русской Державе всегда остается. Будем и мы верить в нее.

В. Г. Бондаренко

СТАТЬИ В ГАЗЕТАХ «ДЕНЬ» И «ЗАВТРА»

Крах либеральной утопии

Советская империя как огромный ледяной континент – множество замороженных, застывших конфликтов, приостановленное развитие, дремлющие под ледником вулканы, полюса мирового холода, остужающие политический климат планеты. Наша империя была выставлена под палящий жар «либеральной утопии» – растопились в одночасье льды, расплавились все крепости, все сдерживающие оболочки.

Последовал взрыв, разломавший громадный монолит государства. В мутной жиже расплавленных льдов ожили, зашевелились чудовищные противоречия, сцепились в борьбе, порождая лавину крещения. И там, где вчера было дремотное царство, сонное общество, заторможенная история, где были мы с вами – сегодня буря, катастрофа, страдание, схватка оживших монстров. Мир с содроганием наблюдает дымный хаос страны, где торчат острия ракет, мнутся голодные толпы, шевелятся кости на бесчисленных безымянных кладбищах.

Хаос, сменивший спячку, крушение вместо развития, нестерпимая боль вместо отупения, безнадежность вместо иллюзий есть свидетельства краха «либеральной утопии», предложенной нам политиками «новой волны», затолкавшими страну в катастрофу.

Не выявленные прежде конфликты – наций, религий, классов, сословий, укладов, поколений, политических партий и групп – рой непримиренных интересов вырвался на свободу, разломал все структуры, все оси общественных и идеологических координат, бытовое и гражданское обустройство, и мы в своем ожесточении и вражде приблизились к последней беде – к гражданской войне, второй за столетие.

Есть несколько желобов и форсунок, сквозь которые огнище гражданской войны рвется в наше сотрясенное бытие.

В полиэтническом обществе нации, национальные идеи, пущенные на самотек, обретая скороспелую государственность, агрессивное самосознание, требуя себе исключительности, вступают в столкновения с соседними этносами, борются за территорию, ресурсы, сферы влияния, экономическое богатство. Схватываются в кровавом междоусобии по всей «дуге нестабильности» – от Балтики до Тувы.

Вялая центральная власть, конкурируя с регионами, утрачивает влияние на важнейшие государственные структуры – армию, внутренние войска, безопасность. Эти неделимые прежде организмы разламываются, членятся по национальному, политическому, идеологическому принципу. Борьба между военными округами, бунтующие корабли и военные базы – близкая реальность, которая просматривается в деморализованной, полуразложенной армии, в поведении недовольного офицерства, в высказываниях парализованного генералитета, теряющего управление войсками.

Либералы, стремясь к доминированию, используя влияние в народе, побуждают голодное, безработное, нищающее население к бунту, к восстанию, к захвату центров власти – министерств, партийных и советских оплотов, заводов, электростанций, целых городов и районов, где, возможно, размещаются атомная энергетика, пусковые ракетные шахты, заводы опасной химии. Такие восстания-захваты несут угрозу глобальной технологической катастрофы, и власть, предотвращая аварии, кинет войска на подавление бунта, открывая период кровавых столкновений армии и народа.

Так называемые «традиционалисты», «консерваторы», вытесненные из открытой политики, из средств информации, из политической элиты, в последнем отчаянии готовы поднять народ, кинуть его на ненавистных «демократов», разваливших державу.

Повторение гражданской войны будет означать полное вырождение народа, необратимое разорение экономики, окончательное выпадение из мирового развития, таит угрозу глобальной ядерной катастрофы.

Чем объяснить, что либеральная греза, сулившая расцвет, свободу и благоденствие, обернулась жестокой антиутопией, вторично в этом веке ломающей хребет великому государству, толкающей его в погибель? Куда отодвинулось пылкое неподкупное лицо либерала-трибуна, сменившись хищной пастью криминального дельца и диктатора?

Психологический тип реформаторов, состав перестроечной бригады, качество и устремление личностей, затеявших реформу, во многом объясняют провал «либеральной пятилетки». Полное несовпадение психологии лидеров с психологией страны и народа.

Рожденные в недрах государственных и партийных структур, развиваясь в этих омертвелых структурах, отделенные этими непроницаемыми структурами от живой жизни, лишённые интеллектуальных творческих центров, лидеры перестройки не знали, не понимали общества, к которому приступали с реформой, не ведали его социальной и национальной тайны, его законов, его чертежей, по которым складывалось государство из хаоса постреволюционной России. Наивная некомпетентность, романтическая облегченность, неведение грандиозных противоречий страны определили политическую практику лидеров, разрушивших проржавелую социальную машину общества, превративших ее в бесформенную свалку деталей.

Другие реформаторы, приглашенные на пир перестройки, были из числа потерпевших фиаско в предшествующий период. Диссиденты или полудиссиденты, выбитые из политики, снова вернулись в нее с чувством реванша, с острой

социальной обидой. Ими правила ненависть к государству, неприязнь к обидевшей их системе, и они, получив влияние, мстили ей тотальным отрицанием. Нигилизм был их мировоззрением. Ими двигала не творческая, созидаящая идея, а пафос истребления и возмездия.

Третьи из них, воспитанные на образцах и идеалах Запада, упоенные успехами заморских цивилизаций, презирая скудный опыт измученной, остановленной в развитии Родины, предлагали реформе калиброванные легированные образцы, изъятые из чужих машин – из чужих экономических и социальных систем, из чужих политических институтов. Они вставляли новые органы в изнуренное, дряблое тело Родины, и страна отторгала эти органы, тратя на отталкивание последние остатки сил с упорством смертельно больного, не желающего перед смертью испить отвратное зелье. Эти лидеры, приступая к реформе, не любили свою страну, презирали ее. Любили другие страны.

Четвертые были ренегатами. При перемене курса предали прежних хозяев, с механическим рвением стали обслуживать новые веяния, внося истеризм в работу, исповедуя не государственную идею, а верноподданническую, движимые не служением Отечеству, а страхом потеряться.

Лидеры перестройки приступили к реконструкции огромного, непознанного, угрюмого общества, не владея теорией реконструкции, не имея идеологии творчества, в который уж раз затевая без народа абстрактное, лабораторное дело.

Теперь они один за другим уходят с арены, оставляя после себя ожоги и ямы, уступая место будущему субъекту власти.

Новый властный субъект, неизбежно вырастающий из руин государственности, среди холода, голода и кровавых раздоров будет напоминать коллективную думу, представлять все разоренные, терпящие бедствия слои и сословия, структуры и пласты государства, как бывало в смутные годы истории. Его задача – предотвратить гражданскую бойню, пресечь захват власти криминальной буржуазией, сменив либералов, продолжить реконструкцию.

В нем, в этом коллективном субъекте, будет представлен госсектор экономики, разорванной на клочки, сотрясенной забастовками, обобранной кооперативным движением, готовой впасть в коллапс.

Будут представлены фундаментальные науки, лишенные инвестиций, страдающие от утечки мозгов.

Представители недавней правящей партии, отданной на заклятие толпе, с изрезанной идеологией и колеблющимися вождями.

Будет представлена армия, честно служившая своему государству, принесящая жертвы на афганской войне, в зоне Чернобыля, на обломках Спитака, на заставах Степанакерта и взамен получившая хулу и плевки.

Будут земледельцы на сырых полях, терпеливо собирающие урожай, отправляющие хлеб и картошку на полуостановленные заводы и шахты.

Будут художники, писатели, музыканты, чье искусство, все более отсекаемое от народа вульгарным ширпотребом и безвкусицей, продолжает стремиться к красоте и гармонии.

Будут духовники православной, мусульманской, иеговистской веры, у своих алтарей взывающие к милосердию Божьему, умоляющие пощадить сметенные народы.

Этот коллективный субъект власти, на глазах создаваемый, сменит нынешний либеральный, израсходованный слой политиков, займется собиранием разбросанных ломтей государства.

Конструирование, которое в жестких рациональных формах продолжит модернизацию страны, будет основано не на либеральной абстракции, где вера в игру свободных стихий заменяла теоретическое знание и целенаправленную волю, а ополчится на политологические и социологические центры, где скопилось знание о реальной стране, о ее реальных возможностях и все сущности, все болезни, конфликты, гаммы интересов и целей, выстроенные в иерархии, осмысленные социальной теорией, позволяющей последовательно работать с группами противоречий, снимая их слой за слоем, осторожно проводя общество сквозь неизбежные потери и траты.

Конструирование рынка, гражданского общества, новой внутренней и внешней политики будет успешным, если народу предложат не просто траты, не просто сверхусилия, не абстрактное всеподавляющее единство, а осмысленную, доступную, близкую сердцу идею, в которой выразилась бы вся полнота народной души и мечты, его невысказанный затоптанный в пыль идеал, – одухотворенную идею развития, сочетающую народ в единое творящее целое.

Такая идея может родиться лишь в недрах гуманитарной национальной культуры, питаемой из родников народных верований, согласной с национальным чувством красоты и правды. Такая культура, возвращающая нации самосознание, соединяющая ее с небом и почвой, с космосом и историей, может объяснить народу необходимость трат, к которым его призывают, обнаружит в народе квант могучей энергии, необходимой для реконструкции.

Национальной культурной политики – вот чего не хватило большевикам, строившим ДнепроГЭС и разрушавшим храм, запускавшим моторы и глушившим фольклор. Ее не хватило и перестройщикам, своим поп-искусством, галлюциногенно-психотронной культурой отсекавших народ от фундаментальных реальностей духа.

Культуре в новый неизбежный период конструирования будет предложено огромное долговременное действие.

Она, культура, должна омыть своими целящими, животворными энергиями измученный разобщенный народ. Поместить его в созидующее духовное поле, созданное за время национальной истории. Вернуть народу чувство величия, истинности и значимости национальной судьбы. Освободить его от апатии, подавленности, вмененной неполноценности. Устами национальных пророков напомнить о целостности мироздания, где великому народу-страстотерпцу уготовано достойное место среди прочих языков и народов.

Своей лучистой энергией культура пронизжет расколотое бытие и вновь на высшем всепримиряющем уровне сочетает несочетаемое, склеит заново расколотую чашу нашего земного

бытия. Примирит народ с народом, веру с верой, идеологию с идеологией. Только в ней, в культуре, возможен диалог либерала и консерватора, еврея и русского, православного и мусульманина. Только культура удержит за одним столом технократа и натурфилософа, централиста и либерала. Она, как Оранта, выставленная встречь мятущимся ненавидящим толпам, смирит политическую гордыню, остановит гражданскую рознь.

Три периода нашей истории, истребляющие друг друга в непримиримой вражде, когда само время изгрызает себя – тысячелетнее царство, революционные семьдесят лет и последняя либеральная политика, – эти три разомкнутых отрезка, погруженные в потоки культуры, сложатся заново в неразомкнутую цепь времен, где каждое мгновение, исполненное то величия, то трагедии, соединит ныне живущего с бесконечной чередой предков, сделает его бессмертным в прошлом, обеспечит бесконечное движение в грядущем.

Только в культуре сойдутся теоретики и политики, радеющие о судьбе государства, инженеры и заводчики, создающие технотронные технологии, священники и писатели, обращенные к народной душе. В совместном думании, сверяя свои открытия с культурой, добудут долгожданную сверкающую идею – формулу развития, указующую суверенный, выстраданный в истории путь.

Мы, пережившие крах большевистской утопии, пережившие крах либеральной утопии, станем терпеливо и бережно возводить над собой новый купол.

Январь 1991 г.

С Новым годом, люди русские!

Минул год, как мы, благословясь, с надеждой и робостью приступили к сотворению первого номера «Дня». Год грозный, разрушительный, незабываемый, где было столько потерь, что хватило бы на десять эпох. Но и год побед, открытий, презренный, где мы узнали себя при ослепительном свете катастрофы.

Что мы хотели, отправляя наши первые необильные рукописи в наборный цех? О чем говорили в тесной редакционной комнатке, собираясь на первые планерки? Почему отодвинули в стороны недописанные романы, отклонили лестные предложения других газет и журналов, предпочли нескончаемые хлопоты и радения академическому созерцанию?

Нами двигали страх за гибнущее государство, боль за погубляемый и разоряемый народ, любовь к единственной и ненаглядной России, религиозная и неколебимая вера в ее грядущий свет.

Мы начали печатать политические статьи, художественную прозу, духовные трактаты. Нападали и защищались. Нападали на лукавцев, жестоких политиков, дилетантов, защищая ошельмованных художников, обиженных государственныхников, обманутых тружеников. И сразу же, с первых номеров, нас заметили. Недруги развернули в сторону «Дня» свои малые и большие калибры. Единомышленники и друзья предложили свои произведения и идеи, бескорыстные услуги и помощь.

В нашей редакции родилось «Слово к народу», мы опубликовали его и были услышаны.

В августе у наших дверей стояли вооруженные десантники, под окнами шли танки, а потом под рок-музыку и вой толпы «победители» требовали наших голов, грозили застенком. Запретили нашу газету.

В эти дни, когда многие оглохли от страха, превратились в соляные столбы, мы выстояли. Не отказались ни от одного произнесенного прежде слова, ни от одного единомышленника и друга, особенно тех, кого кинули в каземат.

Мы провозгласили сопротивление. Вынесли на первую полосу слово «оппозиция». Пошли пикетировать запрещающее нас министерство. И мы выиграли. Нас поддержали русские писатели и интеллектуалы. Поддержали читатели, приходившие в слякоть и дождь пикетировать желто-белый министерский дворец. Поддержали коллеги из других газет и журналов. А в Мадриде и Милане состоялись демонстрации в защиту «Дня».

Открытая оппозиция и стоицизм оказались лучшей защитой. К нам в газету – в редколлегию, в авторское содружество стали приходить замечательные писатели, известные ученые и политики, и мы сами, не ожидая того, среди нападков и поношений усилились и окрепли.

Мы стали твердо еженедельной газетой. У нас появились жертвователи среди купцов и промышленников, думающих об Отечестве. Мы оказались в состоянии глубоко и серьезно анализировать политику, общественное сознание и культуру. И теперь, когда совершилась трагедия – исчезновение могучего государства, когда сорвано множество масок и шутовских балахонов и напялено много новых, когда обманутый, лишенный сил народ вымаливает у Бога кусок хлеба, а будущее угрюмо и непроглядно, мы остаемся газетой духовной оппозиции и еще раз открыто провозглашаем свои идеалы и цели.

В чем же они?

Мы знаем, что братство, совестливое и справедливое отношение друг к другу, жертва за «други своя» есть основа нравственной жизни народа. Она спасет нас сегодня и ляжет основанием в жизнь будущую.

Мы полагаем, что могучее государство, обороняющее от врагов, охраняющее слепых, сберегающее традицию, поощряющее развитие и творчество, обеспечит нам внешний и внутренний мир, установит народовластие там, где сегодня правит горстка цепких властителей.

Мы будем биться за каждый, пусть самый малый, клочок Русской земли, за островок, за полынную кочку, за степной курган, за великие реки и просторные океаны, к которым вышли наши предки, основали великую Россию, завещая нам беречь ее и лелеять. Территория России священна и нераздельна, и всякий, на нее посягнувший, будет проклят и отвергнут народом.

Евразийская душа России соединилась с множеством рас, культур, национальных вер и историй, открыта и ныне тюркам, уграм, монголам, славянам, всем языцам, сложившимся в многоликую стоцветную историю, которую не разорвать, как вялую ветвь, и она, история, пройдя сквозь се-

годняшний хаос, продолжится в совместном историческом деянии и творчестве.

Мы верующие люди, и, каким бы земным изнурительным делом ни отягощали себя, в какую бы беду и напасть ни затолкали нас, мы не отворачиваем глаз от неба, веруем в нашего Бога, в нашего русского Ангела.

Обо всем этом будет говорить газета устами поэтов и прозаиков, священников и аналитиков, военных и инженеров. Мы – газета, создающая сложное культурное поле, в котором присутствуют одухотворенные политические и экономические идеи, живут интеллектуальные и информационные потоки. Сегодня, когда большинству не по карману книга прозы, философский и религиозный трактат, мы предлагаем наш «День», где искусство и эстетика сочетаются с политической борьбой и идеологической целью.

Сто тысяч наших читателей, отыскавшие нас среди разноголосой прессы, многотиражных гигантов, оглушающего телевидения, – это наше духовное братство, наша духовная партия, и, найдя друг друга, мы уже не потеряемся, а станем расширяться, искать себе подобных, обнаруживая их в очередях и храмах, в гарнизонах и научных центрах.

Год, который начинаем, мы проживем в великих трудах, стоицизме, в напряженных исканиях, поддерживая друг друга, делясь последним, складывая кто что имеет в общую шапку, в общую копилку. И мы, я верю, совершим совместное наше открытие – откроем новую, не подвластную тлению Россию, выстроим ее из наших душ и сердец.

С этим чувством мы и выходим в русскую вьюгу.

С Новым годом, люди русские!

Декабрь 1992 г.

А ты готов постоять за Россию?

Враг в доме, пахан в суде, растлитель в школе. Нашим парням бреют лбы и отсылают в Сербию воевать за Америку.

Наших дев скупают и отправляют в заморские бордели. Нам уже нечем обороняться, нечего есть. Чужая разведка правит бал. Идут война, мор, и зимой станут взрываться котлы и реакторы. Российские женщины перестали рожать, и целые губернии тихо вымирают под чавканье жирующих мерзавцев, под визг и клетот врунов. В России хорошо только крысам и воронью.

Нас убивают планомерно, безнаказанно. Америка руками своих наймитов мстит России за ее недавнее величие, за непокорность. Уничтожаются навсегда раса, характер, культура. Тушатся темперамент, миросознание, уникальное, охватившее своей верой, пониманием, любовью тысячу лет истории. Все это выбивается, превращается в сукровь, в ничто.

Кажется, у народа нет больше сил. Он смирился, сдался. Будет бунтовать напоследок, перед тем как исчезнуть. Страшно разорвет на груди рубаху, пойдет безоружный на своих губителей, падая под выстрелами в упор, проклиная палачей жутким русским проклятием.

Или нет? Народ не слаб, не глух, чутко слушает, ждет? Просто не желает верить кому попало, а только тем, кто угадает его беду, его смутную мечту, расколдует, сбережет от последних траг, отведет от последней черты?

Есть еще несколько часов на предельную работу ума и духа. Есть последняя надежда поднять народ на осознанное сопротивление перед крайним поступком и взрывом.

В ЧЕМ ИДЕОЛОГИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ? В ЧЕМ ПРАКТИКА НАРОДНОГО ИЗБАВЛЕНИЯ И ПОБЕДЫ? В КАКОЙ ДУХОВНЫЙ ОБЪЕМ ЗАКЛЮЧИМ НАШИ ТАЮЩИЕ СИЛЫ, СБЕРЕЖЕМ ДРАГОЦЕННЫЙ НЕИСТРЕБЛЕННЫЙ ОСТАТОК?

Две энергии, две идеи – «красная» и «белая» – дышат в нашем измученном теле. Сталкиваются, движутся слитно, вновь расплескиваются, отбрасывая друг друга, готовые к взрыву.

«Красное» – идея земного строительства, усовершенствования. Дерзкое упование на силу, конструкцию. Братство, артель, сплоченные для достижения земного совершенства, в

котором утоляется народная мечта о справедливости, людской семье, где сильный заслоняет слабого, богатый делится с бедным и единой общиной создается «рай земной».

«Белое» – идея великой русской судьбы, русской веры, русской заповедной доли, создавшая неповторимый народ среди неповторимых огромных пространств, где тысячу лет совершается загадочная Божья работа, выговаривается Божественное слово, еще не произнесенное, но тайно звучащее в древнем сказе, в народной песне, в храмовой литургии. Это слово о грядущем чуде, любви, народной красоте, в котором вся правда, все знание о земле и небе.

Эти две идеи, две силы злосчастно столкнулись в гражданской войне, истребляя друг друга, проливая океан народной крови, посыпая костями пространство меж трех океанов. Обескровили, обессилили Россию, и она, растоптав в себе «белое», одевшись в «красное» одеяние СССР, рухнула через 70 лет, превратившись в нас с вами – без государства, рассеченных, расстроенных, оккупированных чужаками, с чужой, оскорбляющей нас идеей и волей, изгоняющей нас из истории.

Прежде чем восстать на недруга, поднять народ на сопротивление, трагедия «красно-белого» противоборства должна быть преодолена в сверхусилии. «Красное» – социальная справедливость для отдельного, проживающего век человека. И «белое» – национальная справедливость для неповторимого в своей бесконечной судьбе народа. Эти две народные веры должны слиться, уже сливаются, начинают наполнять изрытые берега родной истории.

Идеология национального спасения – идеология примирения. С гражданской войной, тлеющей и поныне в России, должно быть покончено. «Белые» и «красные» кости должны быть ссыпаны в братскую могилу, и на ее свежем холме перед походом и боем мы произнесем слова примирения. Социальная правда и национальная красота соединят патриотов. И пусть беснуются бессильно желающие нас поссорить. Пусть расточатся те, кто хотел бы господствовать среди наших распрей и бед.

ДВА КОНЯ, «КРАСНЫЙ» И «БЕЛЫЙ», НА БОРИСОГЛЕБСКОЙ ИКОНЕ ШЕСТВУЮТ РЯДОМ БОК О БОК. В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ВЕЛИКОЙ РОССИИ ОБЪЕДИНЕННЫЙ НАРОД СТАНЕТ ЧЕРПАТЬ ОБЕИМИ ЧАШАМИ – КРАСНОЙ И БЕЛОЙ – И ПИТЬ ИЗ ОБОИХ КОЛОДЦЕВ.

В России больше нет государства. Не ходят поезда, стоят незакопанные гробы. Остатки армии задыхаются в прибалтийском котле. МИД готовит площадки для десантников НАТО. Судьи травят патриотов, а гангстеры в бриллиантах продают города и земли. Снаряды попадают в спальни, а демократы в префектурах и мэриях бездельничают, воруют и пьянствуют.

Мы, государственники, вернем государство народу.

Для русского человека государство – не просто казарма, или суд, или система налогов, или генерал-губернатор. Для русского человека государство – это религиозная, этническая, духовная категория, в которой воплощаются все личные, семейные, родовые, народные упования и свершения, позволившие за тысячу лет избежать погибели, холмик за холмиком, речка за речкой создать уникальную державу, населенную ста языками, со множеством вер и культур, исторических векторов. Не задавить, не замучить эти культуры и верования, а сочетать в многоголосье, исключить среди них раздоры и войны, нацелить на единую, понятную всем задачу совместного совершенствования и процветания.

Вот почему, как ни тяжела была жизнь, государственниками в России были смерд и князь, приходской священник и великий писатель, великоросс и татарин. Отдавая свой живот за Отечество, они знали, что служат своим чадам и умершим предкам, а также высшей – для неверующего социальной, для верующего Божественной – истине.

Вот почему разрушение нынешними предателями великого государства расценивается народом не только как страшное горе, но и как нарушение самих законов бытия. И их, предателей, Россия считает врагами рода людского.

Быть в России государственником просто, ибо так уж устроены наши заводы и храмы, дуют наши ветры и текут

наши реки. Быть разрушителем государства в России тяжко, ибо их, предателей, малая горстка, и их ненавидит и клянет всяк живущий в России.

БЛАГОСЛОВЯСЬ, МЫ НАЧИНАЕМ НАШЕ СВЯЩЕННОЕ ДЕЛО – ВОССТАНАВЛИВАЕМ ГОСУДАРСТВО РОССИЙСКОЕ.

* * *

Человек, мнящий себя президентом, обещает Курилы японцам. Его советница, чья адская роль – подстрекать, ссорить Баку с Ереваном, Тбилиси с Сухуми, предлагает рассечь Россию на тридцать крохотных стран. «Глазник», нацеленный в мэры Москвы, называет русских рабами. Сатанисты закалывают на телеэкране свинью, называя ее Россией. «Известия», «Останкино», сотни газет и листов, ненавидя все российское, радуясь каждой нашей неудаче, пытаются нас убедить – мы не имеем права на свое государство, мы глупы, уродливы, злы, и только просвещенный пришелец управится с диким народом, выпасет его жезлом железным.

Мы, государственники, с презрением отвергаем хулителей. Оглядываясь на государственный опыт, богатейший в истории, приступаем к воссозданию государства.

Никто сегодня не скажет, каким оно будет, наше будущее государство Российское. Будет в нем царь или президент, парламент или народная дума. Слишком много мнений, идеалов среди нас, патриотов. И никто в час общей борьбы и жертвы не посмеет сказать другому: «Я прав, а ты нет! Я знаю, а ты заблуждаешься!» История после нашей победы сама подскажет, научит. Строительство и труды неоглядные покажут, как выкладывать стены и кровлю нашего общего российского храма. Но все же есть несколько общих воззрений, несколько опор и камней, на которых во все века ставился храм государства.

Три сущности, три «космоса» русских представлений о мире, складываясь в триединство, образуют мироздание, архитектонику русской земли и неба, наполняют собой «русскую идею».

«ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОСМОС» – стремление русских вдаль, вширь, ввысь, в бесконечность, позволившее нам создать огромную «машину пространств», которой управлением не даем распасться, покрываем городами, дорогами, холим, бережем, сочетаем вечный лед и вечный зной, океан и малый источник, дельту Дуная и Амура. Множество народов живет на этом управляемом контингенте, где прежде сталкивались в войнах хребты и долины, враждую, напознали друг на друга часовые пояса, смиренные Россией, остановились в равновесии, даря народам мир, благоденствие. Россия не может быть крохотной, а только огромной, великой. Это ей наказ от планеты, от уравновешенных континентов. Злодеи, расчленяющие нас на множество нелепых осколков, разрушают «машину пространств», приводят в движение горы и моря, и на разломах и впадинах уже горят города и селения, умирают с проклятьями обманутые народы.

«СОЦИАЛЬНЫЙ КОСМОС» – стремление россиян основать свой быт и уклад на правде, на коллективном благе, на всенародном согласии, где был бы огражден малый и слабый, будь то народ или личность, где в государственных уложениях и судах, в царских палатах и народных сходах был бы возвышен творец, чье служение – во благо людей, где любое открытие, любое устремление к совершенству вливалось бы в общую копилку народа.

Такое праведное общество, такой справедливый мир сквозь всю кромешность и зло реальной истории русские донесли до сегодняшних дней, только на него и согласны. Мы отвергаем олигархию лжецов и стяжателей, строящих свое счастье на народных слезах. Отвергаем президента, кидающего свободный трудолюбивый народ в рабство к лиходеям. У России будет правитель, согласный с ее идеалами. Будет элита, жертвующая собой за народ. Будет собор и парламент, состоящий из патриотов России.

«ДУХОВНЫЙ КОСМОС» – бесконечность нашей мечты, неутоленность одной лишь земной юдолью, понимание, что «не хлебом единым» жив человек. Знание, предчувствие

истинного смысла истории, где в нещадной борьбе столкнулись добро и зло, свет и тьма, и всякий людской поступок, всякий государев указ осмысливаются на фоне этой борьбы, служат победе света и одолению зла. Родная история – война, строительство, поступки святых и героев есть священная книга, куда каждая душа, и наша с вами, вписывает свою злую буквицу. Культ чистогана и похоти, бездушной машины и сухого расчета, призванные покалечить наш дух, мы отвергаем.

«ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕЯ» РОССИИ, КОТОРУЮ НАМ ПРЕДСТОИТ ВОПЛОЩАТЬ В КОНКРЕТНЫЕ ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ, В УСТРОЙСТВО ГРАНИЦ И НАДЕЛОВ, ПОНЯТНА ВСЕМ ПОКОЛЕНИЯМ ГОСУДАРСТВЕННИКОВ ВО ВСЕ ПЕРИОДЫ НАШЕЙ СВЯЩЕННОЙ ИСТОРИИ.

* * *

Русских, у которых Толстой и Суворов, Есенин и маршал Жуков, эстонцы держат в рабах. Снегур, получив самолеты от Ельцина, бомбит молдаван, украинцев и в эпоху «общечеловеческих ценностей» стирает город с земли. Шеварднадзе, убивший Союз, а теперь убивающий Грузию, посылает вертолеты расстреливать абхазские пляжи и здравницы. Горбачев, преступник всех веков и народов, сломал огромное завоевание человечества – равновесие мира, и на мир сполз оползень: уже воюют Балканы, Кавказ, задымилась Средняя Азия, зашевелилась Средняя Волга. Мы остановим этот страшный оползень, остановим войну. Мы, государственники, приступая к строительству, имеем наказания живших до нас, ученики великих умов России.

«Русская идея» как драгоценное живое дыхание, в котором не умирают национальная философия, культура, царствостроительство, не чувствует себя без «идеи славянской», погружает себя в нее, расцветает в ней, обменивается непрерывными живыми энергиями. Она почти неотделима от нее, неразличимо с ней слита, как неразличима граница проживания русских и украинцев, неотделима русская судьба от судьбы белорусской.

Бессовестные вожди, нацеливающие украинские пушки на русские корабли, изгоняющие русских профессоров из белорусских университетов, уже сегодня воспринимаются славянами как христопродавцы, и их имена проклянут с амвонов славянских церквей. Безнравственный наймит, присоединивший Россию к гонению против сестры нашей Сербии, обгаренный кровью Балкан, – ненавистник славян, прямой исполнитель казни взятого в плен славянства.

Российское государство и в минувшем, и в будущем будет иметь три сердца, три славные столицы – Москву, Киев, Минск. Российская политика, вернувшись от разрушителей к государственным, будет прославянской, обеспечит славянам желанный для них союз.

Тюрки, монголы, финны, иранцы, сарматы, угры – сколько ликов, сколько кровей и вер объединилось в Россию, вложило свои силы, открытия в великое государство, которое дважды за этот век было разрушено, раздроблено, разбазарено и которое мы, не отстояв год назад, станем теперь добывать.

«Государственная идея» объясняет неизбежность огромного многоязыкового государства, выражает закон континента, чья судьба гарантирована союзом живущих на нем народов. «Государственная идея» – теория, по которой соединились – и лишь на миг по вине разбойников распались – народы, чье отдельное благоденствие зависит от благоденствия континента, чьи целостность и развитие зависят от целостности и покоя в континентальном государстве Евразии.

Смысл предстоящей нам изнурительной, но неизбежной работы – воссоздать наш Союз, созвать на объединенный совет все испившие горькую чашу народы, и только в таком союзе, на таком совете умолкнут пушки Карабаха, погаснут пожары Сухуми, зарубцуются окопы Приднестровья, а на арыках и виноградниках Ферганы больше не будет рыданий. Не поверим ссорящим нас. Не рассоримся, славяне и тюрки, православные и мусульмане. Такова наша мудрость.

И ТОЛЬКО В ТАКОМ ЕДИНСТВЕ, В НАЦИОНАЛЬНОЙ УТОЛЕННОСТИ, ВО ВСЕЙ ВНУТРЕННЕЙ СТРОЙНОСТИ И

ПОЛНОТЕ МЫ ОБРАЩАЕМСЯ ЛИЦОМ К ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ, ЧУВСТВУЕМ СЕБЯ ЕГО ЧАСТЬЮ, ВЛИВАЕМСЯ В ЗЕМНУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ.

* * *

Остановлены наши ракетные заводы. Нашими тайнами и секретами завладел враг. наших ученых вывозят за границу питать чужую науку. Наши писатели умирают с голоду. Из наших музеев воруют иконы. наших девушек учат быть проститутками. наших юношей поощряют стать спекулянтами. И везде – на экранах, на улицах, на газетных листах – царствует хам, сытый, гнусный, хохочущий.

Нет слов, случившаяся беда превелика. Разрушено государство, расколото общество, разорен уклад, травмирована национальная психология, угнетена национальная идея, и все мы в великой разрухе. Но есть одно в этом не сразу видимое благо, есть одно сокрытое преимущество, о котором и говорить-то не время. В крахе не одни только мы. Весь мир, все цветущие на вид цивилизации – гнилые внутри, отжили свое, тяготятся собой, и чуткое ухо слышит гулы и треск их разрушающих стропил. Грядет новая земная реальность, новый тип цивилизации, новый тип человека, отвергающего свирепое потребление, машинное отношение к жизни, безучастие к природе, к Богу, к тайне души и мира. Старый мир исчерпал себя, и миру не избежать обновления.

Мы на нашем пепелище, затеваясь воссоздать государство, имеем возможность заложить в него новый, ощущаемый человечеством смысл. Мы, россияне, у кого украли страну, вернем ее себе не для реставрации, не превращая ее в музей, где витают лишь образы минувших эпох. Историческое творчество, которое мы затеваем, будет связано с открытиями, с непрерывной новизной с жадным устремлением в будущее. Мы не потеряем из былого ни одной иконы и летописи, ни одного куполка и молитвы, не отвернемся от недавних всенародных свершений, будь то создание могучей индустрии, победа в войне, рывок в космос.

Но мы, чуткие к будущему, станем строить цивилизацию не на силе, хотя нет для нас дороже армии-защитницы, не на материальном могуществе, хотя в первую голову, изгнав супостата, накормим умирающих с голоду, оденем раздетых, вернем гражданину все, что отняли у него лихоимцы. Мы создадим нашу цивилизацию на гармонии материи и духа, поставим в центр жизни научное и религиозное познание. Устремимся в наших деяниях к целям, указанным угодниками Церкви, философами и учеными национальной науки, писателями и учителями народа, призывавшими нас жить по правде и совести. Российская цивилизация – это то, что возвращает нас к самым глубинным первородным основам, к той пуповине, что связывает нас с почвой, природой, с одушевленным космосом.

РОССИЙСКИЕ ГОСУДАРСТВЕННИКИ, СВЯЗЫВАЯ ДРЕВНОСТЬ И БУДУЩНОСТЬ В НЕПРЕРЫВНОЕ ТВОРЧЕСТВО, ОТКРЫВАЮТ В НАРОДЕ ЕГО ГЛУБИННЫЕ СИЛЫ И ЦЕННОСТИ, ДЕЛАЮТ НАРОД ВСЕМОГУЩИМ.

* * *

Вы помните, как уморили Осташвили, и много ли патриотов России вступилось тогда за него? Помните, как демократы в августе громили райкомы, и ни один коммунист не вышел их защищать? Помните, как жалко, трусливо депутаты Союза поднятием рук спустили державу в могилу? А нынешний российский парламент, видя, как гибнет Родина, все слушает своего дрессировщика?

Какова этика государственника, этика патриота, отложившего на время заботы о личном благе ради спасения Родины?

Жертвенность и бесстрашие, ибо слабость, робость, уклонение от борьбы, страх потерять то малое, чем еще владеем, – это и только это держит у власти беззаконников, пугающих и унижающих нас. Пусть они, как филины, страшат нас своими ночными кликами, пусть ведут нас в темницу и томят нас, глумятся над нашими милыми. Пусть даже отнимут наши

жизни. Не устрашимся, как не убоялись витязи на великих русских полях, партизаны в застенках оккупантов, мученики нашей религии и культуры.

Братская любовь, береженье друг друга. Мы, патриоты, такие разные, столько в нас оттенков и свойств, сколько непохожих идеалов. Среди нас монархисты, коммунисты, либералы, технократы, теократы, атеисты, язычники. Так просто уязвить и обидеть другого. Заподозрить, не согласиться, рассориться. Все распри должны быть отставлены перед ликом оскорбленной Отчизны, перед образом обездоленной Родины, которая созывает нас на поле, на рать, на единение.

И если нет среди нас живого святителя, то преподобный Сергей смотрит на нас с небес и взывает: «Братья, любите друг друга! Патриоты, встаньте плечом к плечу!» Потом, когда одолеем губителей, разберемся, кто за царя, кто за вожда. А теперь – только братство, единство.

И еще – Россия не мстительна. Россиянин отходчив. Победив, он не станет казнить. Довольно того, что вырвет из рук неприятеля меч. Мы не жаждем реванша, не намерены ставить плах. Мы устали от крови и слез. Мы нуждаемся в гражданском согласии, и оно, добытое патриотами в их совместном спасении Родины, согласие «красных» и «белых», либералов и центристов, ляжет в наше будущее братское общежитие.

Пусть услышат нас калмык и чуваш, якут и татарин. Мы, почитая глубину и святость любого народа, называем здесь всякого россиянина, для кого Россия – мать, кто не может жить без нее, кто готов постоять за Россию.

А ТЫ – РУССКИЙ? ТЫ ГОТОВ ПОСТОЯТЬ ЗА РОССИЮ?

Октябрь 1992 г.

Триста тысяч красно-коричневых

Минувший вторник был для Москвы небывалым. Все, кто собрался на площади у Белорусского вокзала, слились

в огромный живой людской поток, наполнивший всю Тверскую улицу. Москва никогда не забудет этот день. Было солнце, было красным-красно от алых стягов, трепетали флаги имперские, хлопали по ветру златотканые хоругви. Весь не потерявший чести московский люд вышел славить свое воинство, вышел славить Великую Армию России и Советского Союза, вышел выразить ненависть режиму, обманом и подлостью захватившему власть.

Год назад мы шли по Тверской напряженные, угрюмые, исполненные подозрения, исполненные ощущения неминуемой беспощадной схватки, готовые сложить головы свои. И действительно, на этой улице произошла бойня, на нас надвинулись стальные клинья грузовиков и автобусов. Наши колонны рассекались, на нас бросались омовцы Лужкова с дубинами. Я на всю жизнь запомнил, как на железный фургон лужковской полиции вскочил мальчишка с красным стягом и как громилы-омовцы, забравшись туда, били его по голове, вминали в люк стальной тюрьмы машины. Рядом со мной тогда шел Алкснис. Его оттащили и били ногами в живот. Это было побоище, которое никогда не будет прощено демократам и лично Попову, Лужкову и Мурашеву.

Вчера все было иначе: вчера вышла грозно-уверенная, спокойная и одновременно ликующая рать москвичей и двинулась к Вечному огню, двинулась к Манежу. По пути каким-то странным, загадочным образом людям попался Мурашев – тот самый организатор прошлогоднего избиения. Они сразу же узнали его, окружили, надавали тумачков, но не растерзали, а позволили броситься наутек. Никто не хотел омрачать этот праздник.

Впереди колонны шли офицеры во всей парадной форме, развевались знамена всех родов советских войск, длинной неровной цепочкой шли члены ГКЧП, еще недавно сидевшие в тюрьме и обессиленные казематами. Они были смущены этим обилием люда, этим обилием знамен, и это движение было как бы компенсацией, как бы вознаграждением за это их тюремное полуторагодовое сидение. Выступал как всегда

стройный, величественный генерал Варенников. Перед ним трепетало огромное алое полотнище, и он, я помню, сказал: «Совсем как флаг Победы мы несем». Рядом шел Бакланов, он был очень слаб, но я видел, что глаза его светятся надеждой и счастьем. Я вел под руку вдову маршала Ахромеева, и мне казалось, что и сам маршал шел в нашей колонне.

Манежная площадь была закрыта глыбами бетона и огорожена стальной решеткой, с помощью которой демократические правители пытались устранить митинги в центре столицы. Но народ нахлынул на эти решетки, навалился на этот вольер, разобрал стальные прутья и залил всю площадь целиком. Площадь была полна до предела. Кульминацией митинга на Манежной явилось выступление генерала Варенникова, который открыл митинг. Он как будто принимал военный парад, поздравляя Вооруженные силы России, Вооруженные силы Советского Союза с их традиционным доблестным праздником. Невзоров совершил удивительный ритуал – он привез в Москву чудом сохранившийся последний флаг крейсера «Аврора». Флаг содрали демократы, вывесив на крейсере власовское полотнище, и Невзоров все эти месяцы хранил военно-морской флаг, хранил для того, чтобы привезти его в Москву и передать коммунисту Зюганову, который ныне, по сути дела, принял на себя и новую компартию, и все бремя ответственности за 73 года советской власти. Площадь с восторгом встречала своих политических и национальных лидеров и проклинала предателя Ельцина. Она вторила гневными голосами, услышав приговор трибунала, вынесшего Горбачеву всенародное презрение и вечное проклятие. Она поддержала решение патриотов создать Комитет национального спасения с включением в него виднейших политиков оппозиции. Она одобрила немедленное формирование народных дружин.

День 23 февраля 1993 года войдет в историю русского сопротивления, в историю восстановления великого государства.

Февраль 1993 г.

«День» – 100!

Слово главного редактора

Каждый номер газеты мы строили, как строят дом, – клали венцы, кровлю, украшали, стеклили окна, чтобы в нем, в русском доме, могла укрыться беспризорная, осиротелая русская душа, кинутая посреди лютой стужи. И таких домов мы построили сто.

Каждый номер газеты был как снаряд, который мы выпускали по беспощадному, превосходящему нас врагу – по его гусеницам, башням, отбиваясь, как отбивалась на опушке русского леса последняя сорокопятка, заслоня своим иссеченным щитком любимую землю, на которую напоззало несчастье. И таких снарядов мы выпустили сто.

Каждый номер газеты был как вече, на которое сходились просветители и художники, государственные мужи и воины, складывали свои дарования, помыслы ради одной-единой заботы – как сберечь Россию, сохранить государство. И на эти сходы мы собирались сто раз.

Мы затевали наш «День» в пору, когда был СССР. Он уже качался, рушился, подточенный предательством, недомыслием, оскудением государственной воли. Мы хотели помочь государственным, дать им опору. Но государство упало, и несколько месяцев посреди руин и развалин мы были государством. Русские писатели в своем доме в Хамовниках. Бесстрашный Славянский собор. Невзоров с «Секундами». Считанные коммунисты, не упавшие на колени. Сегодня это государство расширилось, в нем вся оппозиция, съезд, парламент, множество областей и республик, все сословия, лидеры движений и партий – отстаивают суверенность России, ее идеалы, будущее, борются с оккупантами. «День» – газета русского сопротивления.

Один из ста номеров мы выпустили нелегально, когда нас закрывало карательное министерство печати. Мы пикетировали аморальное министерство, и они нас открыли.

Мы побывали во всех местах, где льется кровь патриотов, где Родину не продают, а умирают за нее. Мы были в Приднестровье, в Абхазии, там, где отвратительные, набрякшие кровью «демократы» убивают непокорившийся народ. «День» сражался в окопах Дубоссар и Сухуми.

Мы были в Вуковаре и Сараеве, и песни сербских четников распевают в «Дне».

23 февраля «День» прорывался на Тверской сквозь кордоны ОМОНа, и мы выпустили номер в рубцах и кровоподтеках. 22 июня мы были там, где громилы Лужкова били по головам русских писателей, и мы выпустили номер в пятнах крови. 1 Мая народ не отступил перед водометами, стальными щитами, дубинами, и мы видели, как пожилая женщина отбивалась номером «Дня». 9 Мая триста тысяч патриотов прошли по столице как ее хозяева, и «День» вместе с непокоренным народом праздновал Победу.

Нам удавалось своими публикациями вскрывать уголовные замыслы нынешних временщиков и правителей. Мы публиковали документы, из которых видно: власть – воровская, состоит из предателей и мздоимцев. Мы публиковали секретную переписку Козырева и его американского командира, и народ увидел, как торгуют святынями. Нас грозили сечь и взорвать, мы несколько раз ночевали в редакции с огнетушителями, не реагируя на телефонные угрозы и проклятия.

Мы находили деньги для семей погибших в Приднестровье, медикаменты для раненых. Узники «Матросской тишины» получали «День» в своих казематах.

Три цели, три задачи двигают нами. Мы создаем идеологию, в которой наш истерзанный, рассеченный народ вновь обрел бы силу и крепость для исторических деяний и творчества. Мы проводим политику, смысл которой – привести к власти русских патриотов, увести от власти ренегатов, наймитов чужой империи. Мы предлагаем соотечественникам пример поведения, при котором отсутствует страх перед оккупантами, перед президентом-диктатором. Бесстрашие, готовность жертвовать собой за Россию – этика «Дня».

В идеологии нам удалось соединить национальное и социальное, сочетать национальную справедливость со справедливостью социальной. Этот синтез привел к историческому примирению «красных» и «белых», положил предел трагической гражданской войне, не прекращавшейся в России семьдесят лет. Сейчас Объединенная оппозиция, а затем Фронт национального спасения созданы с прямым участием «Дня», который является рупором этого многонационального, живого единства.

Мы можем гордиться появлением плеяды блестящих патриотических лидеров без страха и упрека, парламентариев и военных, теоретиков и вождей уличного сопротивления, руководителей партий и движений. Политическая элита, входящая в редакционную коллегию Дня, может сделать честь любой нации. Ее безупречные качества отличают ее от коррумпированных, изолгавшихся, утомленных вождей «демократии».

Художники, философы, артисты – все, кто своими именами, славными в России, украшает редколлегию «Дня», создают в газете поле непрерывного творчества, в котором красота, вера, любовь служат все тому же: ненаглядной любимой Родине, хранят ее и лелеют.

МЫ ВСТРЕЧАЕМ НАШ 100-Й НОМЕР В ТРУДАХ И БОРЕНИЯХ. НАС СУДЯТ, НАС ХОТЯТ ЗАДУШИТЬ 6-МИЛЛИОННЫМ ИСКОМ ТЕ, КТО ТОРГУЕТ МОСКВОЙ, ТОРГУЕТ РОССИЕЙ. НАС ХОЧЕТ ЗАКРЫТЬ АМОРАЛЬНОЕ МИНИСТЕРСТВО ПЕЧАТИ И ИНФОРМАЦИИ, ВЕРНОПОДДАННЫЙ СЛУЖКА РЕЖИМА. МЫ УВЕРЕНЫ: НАШИ ЧИТАТЕЛИ НЕ ПОЗВОЛЯТ ЗАКРЫТЬ ГАЗЕТУ РУССКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ, КАК НЕ ПОЗВОЛИЛИ ОНИ УНИЧТОЖИТЬ НЕВЗОРОВА. ВОДОМЕТЫ И ГАЗ – ЭТО ТАК МАЛО ДЛЯ ПАТРИОТОВ. НАС ОСТАНОВИТ ТОЛЬКО ПУЛЯ, И НЕТ У НАС ДРУГОГО ДЕЛА, КРОМЕ СЛУЖЕНИЯ РОДИНЕ.

СОТЫЙ РАЗ МЫ ПОВТОРЯЕМ ЭТО НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ, ПОВТОРИМ И В ТЫСЯЧНЫЙ!

Май 1993 г.

«22 июня, ровно в 4 часа...»

22 июня 1941 года, ночью, фашисты заливали в танковые баки горючее, стягивали к границе дивизии, высылали дозоры, подвешивали бомбы, заряжали стволы, рассматривали в бинокли советские заставы.

22 июня 1992 года омовцы Лужкова стекались к «Останкино», сгружали с машин щиты, ящики с газом, автоматы, затягивались в бронежилеты, закупоривали улицы самосвалами, подкармливали овчарок, разглядывали в приборы ночного видения маленький палаточный городок, где дремали пикетчики.

В 4 часа утра, на туманном рассвете, фашисты проломли границу, танками давили заставы, посыпали бомбами города, взрывали аэродромы, расстреливали в упор пограничные заслоны, давили в пшенице убежавших детей и женщин.

В 4 часа утра, когда над башней «Останкино» едва побледнело небо, омовцы Лужкова кинулись на палаточный городок – валили палатки, били сквозь ткань сонных людей, отлавливали бегущих, избивали их до крови, травили овчарками, кидали в зарешеченные стальные фургоны бездыханные, с поломанными костями тела, рыскали по окрестностям в поисках неизбитой, раненой, еще не истерзанной плоти.

И весь день 22 июня 1941 года шли кровопролитные бои, отбивались заставы, полуразгромленные части Красной Армии, оставшиеся от бомбовых налетов эскадрильи, уцелевшие танки. Огромная, раненная страшной раной страна смотрела, как в неравном сражении гибнут ее солдаты и офицеры, кидаются в отчаянные контратаки поредевшие роты, падают под пулями не желающие сдаваться герои.

И весь день 22 июня 1992 года шли митинги и демонстрации у «Останкино», вал людей с красными и черно-золотистыми знаменами разбивался о груженные камнями самосвалы. Лужковские псы-рыцари, загородившись щитами, окружали демонстрацию, рассекали боковыми ударами,

били железом и резиной детей и женщин. Кровенели бинты. Сто русских писателей приняли удар костоломов. Дружинники отнимали у карателей раненых, заливали раны йодом. Москва видела в метро и троллейбусах множество людей с синяками, в окровавленных, разодранных одеждах, на их избитых лицах было угрюмое истовое выражение не покорившихся борцов.

Минул год. Беда, упавшая на Родину, все так же огромна, непомерна. Гибнут под пулями тысячи наших братьев. Превращаются в пустыню цветущие города и села. На всех дорогах – беженцы, погорельцы. Останавливаются заводы. Взрываются атомные станции. Трусы и предатели лижут сапог оккупантов. В Кремле все те же ненавидящие нас властители.

Но были у нас победы.

Было шествие – февральское, морозное, в День нашей Армии, когда колонны от Белорусского до Манежа прошли в едином строю, с единым дыханием, от которого враг покрылся экземой страха, а на Лужкове оттопырилась чешуя.

Была мартовская победа, когда нетопыри, долгоносики, членистоногие и чешуйчатокрылые подбили своего Идола установить диктатуру. Съезд затолкал эту диктатуру обратно в недопитую бутылку, в недогрызенный огурец.

Было первомайское шествие свободных людей, на которое напал все тот же кровопийствующий Лужков, чей лоснящийся лик оттиснут на каждой милицейской дубине. Впервые народ не уstraшил, не подставил ребра и черепа под удары, а взял с мостовой булыжник, выломал из забора доску, поднял арматуру. ОМОН, награжденный своим дрессировщиком за избивание женщин и стариков, знает теперь, что на каждый удар он получит удар ответный – народ не станет терпеть побои, а ответит пылающими грузовиками.

И, наконец, было победное 9 Мая, когда триста тысяч крепких духом, отважных, нестигаемых людей прошли по своей столице, были песни времен войны, звоны колоколов, иконы, знамена победоносных дивизий, имперские стяги, цветы. Шли в рядах раненные в первомайском побоище и ветераны

Великой Отечественной. Все овчарки, все палачи, все предатели и убийцы не выдержали духа Победы и исчезли, как дым.

И вот снова «Останкино», снова атака на ненавистное чудище, ставшее для народа олицетворением оккупации, символом русской беды, образом убивающего нас врага.

Имена Егора Яковлева, Попцова, Брагина вписаны навсегда в списки национальных преступников, нарушивших все моральные заповеди, преступивших все законы этики. Останкинская башня, которой так недавно гордились москвичи, превратилась в страшную заточку, пропоровшую горло измученной, взятой в плен Родины.

Мы помним, как после горчайших августовских дней 91-го Егор Яковлев, разрушитель СССР, пришел победно на телевидение, изгнал оттуда всех, кто исповедовал «русскую идею», кто слыл государственным, кто мучился и болел за Россию. Он заявил, что с его приходом даст эфир только той оппозиции, что существует в недрах «демократической России», а вся остальная – вне эфира, вне политики и культуры, «шпана». С тех пор на экране корчится, привлекается, шепелявит, картавит, глумится над святынями, безнаказанно произносит пошлости и мерзости десяток адептов, чьи глумливые лица – как с картин Босха. Долго еще в страшных снах будет сниться этот паноптикум.

Мы помним, как на российском канале комсомольский трубадурчик Попцов, вовремя вильнувший к «демократам», отдавал приказ своим операторам снимать патриотов камерой «рыбий глаз», выбирать уродливые ракурсы, выхватывать лица понелепей. Наши митинги, наши конгрессы, наши писательские съезды экспонировались на попцовском телевидении серией уродов, дебилов, отвратительных чудищ. Люди бессильно плакали перед экраном, узнавая родные лица в изуродованной оптике. «Красно-коричневые», «фашисты» – эти гремучие смеси попцовско-яковлевского телевидения внесли отвратительный крен, омерзительную дисгармонию в политический процесс России, демонизировали оппозицию, жестоко раскололи общество, и этот раскол еще проявится жуткими

эксцессами в братоубийственной бойне, которую с таким сладострастием заварили телевизионные алхимики.

Желая подавить моральное сопротивление нации, они непрерывно, час за часом, день за днем интерпретируют отечественную историю как серию непрерывных уродств, творимых народом-извергом, народом-рабом. У них не нашлось ни одного доброго слова в адрес русских полководцев, писателей, отцов Церкви. Главная их цель остается – внушение народу, что он проиграл историю, что Россия – ошибка истории и ей больше нет места в потоке исторического творчества. Вершиной этой нравственной пытки было заклятие на телевизионном экране свиньи, которую перед этим назвали Россией. Ее кровавое четвертование, растаскивание ее костей и окороков было ритуальным воспроизведением будущего расчленения России, магическим действием, превратившим попцовско-яковлевское телевидение в эзотерическое оружие, направленное против страны.

Когда отнимали у народа трудовые деньги, передавали их горстке рвачей и воров, когда разоряли ученых и писателей, инженеров и крестьян, в одночасье на воровские доходы создавая класс мытарей, спекулянтов и мздоимцев, телевидение благословляло воровство, внушало голодавшему народу, что он должен радоваться появлению рыцарей казино, вояжеров на Багамы и Канары, что богатство – синоним чести, бордель нужнее космодрома, сутенер полезней хлебороба. Реклама американского шоколада для голодных, забывших вкус конфет детей, реклама шампуней и духов для одичавших, погрязших в эпидемиях городов – вот что такое садистское телевидение Яковлева, Попцова, Брагина.

Гениталии крупным планом, поэзия педерастии, культ сатаны, все самое уродливое, срамное, растлевающее, культивирующее в человеке низкий инстинкт, похоть, интерес к извращениям, – это целая программа на телевидении, настойчиво разрушающая национальную этику, целомудрие, стремление к познанию, вере. Итог этой телепедагогики – детская проституция, разлив наркомании, культ насилия, полное заб-

вание той красоты, доброты и света, которую проповедовали русская культура, русский театр, русская песня. Их нет в поповском капище, где ежедневно приносятся сатанинские жертвы, совершаются «черные мессы». Грязно-позолоченный кляп американской поп-культуры, запрещенный и отвергнутый в самой Америке, вогнали телевизионные сатанисты в русское сознание. Бесчисленные проповедники, жрецы заморских сект вещают погибающим русским, стараясь отвратить народ от спасительной национальной идеи.

Телевидение в руках маленькой, уродливой горстки политиков, презирающих вскормившую их страну, погубивших эту страну, уморивших целые губернии, – единственное, последнее средство удержания власти, постоянный наркоз, под которым совершается кровавая ампутация. Действуя в интересах аморальной «Демроссии», телевидение навязывает народу гипнотические образы, ложные представления, шифрует реальность, отрывая сознание от действительности, от многострадальной жизни народа, подменяет ее лживыми диаграммами, из которых вырастает гипербола «демократического рая», «демократического героя», «демократического президента». Только с помощью телевидения, тиражировавшего бессовестные обещания Ельцина, удалось околпачить несчастный народ в период перед референдумом. С помощью телевидения шельмуется любой, кто встал в оппозицию. Телевидение – огромный многоопытный шулер, передергивающий карты в бесчестной игре с народом.

Безобразные карлики «Демроссии», с помощью телевидения помещенные в центр оптических галлюцинаций, делают витязями и рыцарями исторического прогресса. К моменту, когда кончается один политический фарс, изнашивается очередной идеологический кафтан, этим карликам с помощью телевизионных портных шьется новый наряд, создается новый образ, и они, вечные оборотни, кочуют по телеэкрану, витийствуя и поучая гибнущий, измученный ими народ. Те, кого мы помним вельможными коммунистами, а затем бесстрашными американистами, сегодня становятся «просвещенными патри-

отами», подобно Демосфену бродя по берегу и набив рот галькой, учатся выговаривать ненавистное им слово – «Россия».

Ненависть народа к телевидению – это ненависть подвешенного на дыбу, которого жгут, бьют бичом, а он сквозь слезы и кровавые пузыри прокликает имена мучителей.

Полуночная фея Миткова, чьи глаза полны адреналинового ужаса, имитирующего еврейские погромы, а улыбка из фильмов Хичкока, – уморительная пародия на Жанну д'Арк.

С ней состязается куртуазная Сорокина, избравшая ампулу пифии демократии, чьи бесподобные крохотные нравоучения и притчи, коими она заключает оскопленные информационные выпуски, – свидетельства милой пустоты, оскорбительные после зрелищ горящего Сухуми или остановившегося завода-гиганта.

Караулов – бесцветный копировщик чужих находок, чей психологический запас исчисляется двумя-тремя гримасами, а политическая ангажированность позволяет предсказывать наперед все тусклые пассажи и откровения.

Киселев – трескучая политическая машина, заправляемая раз в неделю из бачка президентской команды, аранжировщик и участник всех кампаний травли и оскорблений, общение с которым может стоить приличному человеку репутации на долгие годы.

Куркова – от ее облика невозможно оторваться, как от зрелища чего-то простого, утробного, эмбрионального, проникающего в подсознание, как тихий бред наяву.

Гурнов, этот постоянно кипящий пузырек яда, подобно неумолимому преданному спаниелю хватает след любого патриота, раздувая ноздри, гонит его и преследует, зная, что хозяин с двустволкой, ждущий, когда взлетит потревоженная дичь, срежет ее точными выстрелами.

Ростов – мнимо объективный и унылый, как говорящая калоша, чьи аналитические выкладки должны создавать иллюзию демократического плюрализма, в котором усматривается все та же задача – не пустить на экран информацию, интерпретировать русскую трагедию как величайшее благо истории,

оправдать «демократическое» свинство и позор, за что он, как и Гурнов, отдыхает на Западе, посылая нам стерилизованные репортажи из супермаркетов.

Любимов – держатель шапито, нагло и безнаказанно оскорбляющий всякого, кто решит возразить его экспансивным пустым тирадам, тот самый Любимов, что в августе 91-го травил патриотов, отлавливал их вместе с гвардейцами Боксера, а в мае 93-го, после кровавого побоища на Калужской, призывал выявлять попавших на пленку демонстрантов, давал телефон, по которому могут звонить юные бейтаровцы, желавшие вступить в «эскадроны смерти». Это смесь диск-жокея, дрессировщика и осведомителя.

Сердитый бурундучок Политковский – со своими кухнями и клозетами, мнимо отважный, псевдоостроумный, верный ландскнехт все той же «Демроссии», посетитель ее кормушек и аналитических сходов.

Весь этот кордебалет изломанных, знакомых до малейшей лживой интонации, до каждой фальшивой гримаски танцоров ведет свой неутомимый хоровод в призрачно-голубой пустоте телевизионных экранов. То, над чем пролетает их бестелесный танец, – Россия, распятая, вымирающая, умолкнувшая, бесильная ответить на удары и оскорбления.

Телевидение Попцова и Брагина – это лаборатория мозга, где перфорируется сознание, из него иссекаются блоки исторической и индивидуальной памяти и красоты и подменяются дискеткой примитивных рефлексов, откликающихся на позывные страха, ненависти, на примитивный ритм чужой музыки, на ужимку чужого лица.

Телевидение Попцова и Брагина – это оккультное воздействие, при котором электромагнитная волна модулируется злой волей колдуна, мага и беззащитному зрителю внушаются апатия, ужас, подобоострастие, заставляющие любить палача, внимать мучителю, желать для себя повторения пытки.

Телевидение Попцова и Брагина – это камера пыток, перенесенная в каждый дом, где садистские программы приводят зрителей к самоубийствам и душевным болезням.

Можно утверждать, что телевидение Попцова и Брагина подпадает под классификацию массовых средств истребления, это аморальная организация, виновная в преступлениях против человечества.

Так неужели Россия будет безмолвствовать, помещенная в ядовитые, сжигающие лучи?

Нет, у России остался голос – мегафонный, мембранный, голос демонстраций и митингов, осаждающих Империю лжи. «Демроссия» огородила «Останкино» бетонной стеной, стальным трехметровым забором. Пусть она заминирует подходы к своему телевидению, пусть поставит вышки с пулеметами, пусть в каждой студии привяжет овчарку. Энергия народной ненависти проникнет сквозь ряды ОМОНа, сквозь бетонные стены, замкнет в электронных шкафах микроэлементы, расплавит контакты, парализует лживые микрофоны и кинескопы.

Телевидение, контролируемое «Демроссией», – это синоним оккупации, вопиющей пример технотронного оружия, направленного на безоружный, беззащитный народ.

Соотечественники, вспомним 22 июня 1941 года! Вспомним 22 июня 1992 года! Все на манифестацию!

Июнь 1993 г.

**Сначала – Ипатьевский дом,
а потом – всю Россию...**

1

Только что мимо Белого дома под дождем, в угрюмых сумерках прошла громадная колонна внутренних войск, тяжело пробежала, с лязгом, с хриплым дыханием, с топотом кованых сапог. Каски в отливах ртути, подсумки, дубины, напряженные, воспаленные лица. Запах мокрого сукна, кирзы, пота и ненависти – запах насилия. Из проулков, от американского посольства, двинулись крытые брезентом грузовики: слепящие фары, рычание мощных моторов, зловоние солярки, ОМОН – сытые,

откормленные лица, наглые, веселые и жестокие, бронежилеты, автоматы, любимцы Лужкова, наевшие румянец за счет голодных старушек, чахоточных женщин, дистрофичных младенцев.

Все не рожденные в России дети, все до времени погребенные старики – в этом красном румянце бульдожьих физиономий, известных народу по побоищам в феврале и июне 1992 года, по майской кровавой мясорубке этого года. Ударный отряд фашизма, штурмовая бригада гангстеров и насильников. Все самое страшное, отвратительное, аморальное, что существует от века в человеческой природе, все низменное, животное, биологическое воплотилось в этом мерзком путче. В движении грузовиков с ОМОНОм, в хриплом придыхании карательных батальонов, нацеленных на Остров народного сопротивления, на белый Дворец Советов.

Но тут же зашевелились баррикады, замкнулись проходы, выдвинулись острые стержни арматуры. Стали набегать, становиться заслоны дружинников. Нагибались к грунтам булыжников, вставляли цепь за цепью, оттесняли в глубь площади женщин и детей, защищали непрерывный митинг, порталы Дома Советов.

Через несколько минут, еще сырой от дождя, я беседовал с Председателем Верховного Совета Хасбулатовым все в той же очаровательной гостиной с красивой мебелью, с икебаной на столе, где недавно мы философствовали о судьбах России, евразийской идее, высоких материях нравственности и политики, запечатленных на страницах «Дня». Теперь, после путча, все это было в историческом прошлом.

Сейчас Хасбулатов выглядел усталым. Осунулся, побледнел, но поражал своей выдержкой, мягкой пластичностью, рафинированным интеллектом, способностью переключать психологические регистры от жестокой, агрессивной манеры до иронии и сарказма. Вот его мысли, произнесенные за полчаса до отключения света, когда враз погасла вся громада дворца и в окнах затеплились, замерцали лампадки и свечи.

– Время ежечасно работает на нас. Мы выдержали первый удар, первый шок. Депутаты собрались на съезд, преодо-

лев все препоны – помехи властей, запугивание. Мы собрали кворум, продолжаем принимать важнейшие политические документы. Конечно же, народ пробуждается не так быстро, как нам хотелось. Семьдесят лет тирании сказываются, и апатия, аполитичность, социальный страх налицо. Люди чувствуют: от ельцинского переворота веет ужасным прошлым. Но прежние жестокие режимы хоть как-то помышляли о подданных, о населении, а этот режим думает только о себе, о малой горстке олигархов, обрекая весь остальной народ на умирание. Но по мере того как люди начинают это чувствовать, увеличивается отпор в Москве, отпор в регионах.

Ельцин отвратителен во всем, и прежде всего в личных качествах. Эти непрерывные безумные выходки, конфузы на приемах, свидетелями которых являются лидеры других стран – уважаемые люди, писатели, священники, Россия не может без конца терпеть такой позор. Большая мания власти для него – единственный мотив поведения. И чтобы удержать эту власть, он прольет океан крови.

Я думаю, что у хунты, захватившей власть, сейчас очень тревожное время. Как может себя чувствовать банда, совершившая насилие? Всегда плохо, всегда тревожно. Она ждет преследования, наказания. Это жестокая, беспринципная банда, живущая по животным законам уголовного мира. От нее веет смертью, тьмой. Я абсолютно не исключаю самый худший вариант. Штурм Дома Советов, насилие, кровь. Не исключаю распространение террора на всю Россию, разгон Советов по всем регионам. Возможно, такой указ уже подготовили. Мы будем отстаивать нашу резиденцию до последнего, но, если нас выдвоят отсюда силой оружия, мы уедем в другой город, в другой регион, один из многих, куда нас зовут, и продолжим работу.

Я не могу призывать к ответному насилию, не могу призывать народ к оружию. Наше оружие – закон, политическая воля, бесстрашие. Депутаты ведут себя мужественно, их не удалось запугать, не удалось подкупить. По мере того как народ прозревает, а регионы вырабатывают согласованную политику, мы переходим к более решительным действиям.

За эти дни я ни разу не говорил по телефону с Ельциным. Для меня это просто невозможно по соображениям морали. Он общается со мной через свою «пятую колонну», через перебежчиков и наймитов. Я никогда не был близок к Ельцину, не был с ним, что называется, дружен. Вначале я был политически верен ему, поддерживал его, уважал его демократические заявления. Очень часто помогал ему выпутываться из дурацких ситуаций, дезавуируя его нелепые высказывания. Сейчас у меня нет в душе злобы и ненависти к нему, а только боль, горькое чувство. Ведь мы его сделали сами, создали его мнимый образ. Он «человек-неудача». В личном плане у него сплошные провалы, сплошные срывы. Он тот, кто разрушил Ипатьевский дом, и этим все сказано. Два года его правления – сплошной позор России. Теперь, после этого путча, он зафиксировал свою роль в российской истории как отвратительную.

Чем же он силен? Может быть, такими помощниками, как Ерин, который не более чем фельдфебель? Или Полторанин, который комично изображает из себя интеллектуала? Он силен Америкой, интеллектом ЦРУ, Пентагона. Я – ученый, международник. Мне совершенно ясно, в чьих интересах он действует, на чью мощь он опирается, кто настоящий автор переворота. Вся его экономическая политика продиктована интересами Международного валютного фонда и Всемирного банка. Под их давлением он вернул Гайдара в правительство, наметил его вместо Черномырдина. Он сделал бы это уже теперь, если бы Черномырдин не поддержал его столь рьяно и беспринципно.

Их экономическая цель – втягивание России в мировое хозяйство через сырьевые отрасли. Западная цивилизация задыхается без сырья, а Россия – это кладовая сырья. Им не нужны наше машиностроение, наш космос, наш оборонный комплекс, наша продовольственная индустрия, наше обильное население. Все это сознательно снижается, уничтожается, а развивается одно – добыча сырья. Американцы уничтожают в нас все, что связано с великой державой, прежде всего армию,

оборону. Грачев – не более чем разрушитель, действующий в интересах вооруженных сил США.

У Верховного Совета – прочная связь с регионами. Если бы не эта связь, Россия давно бы распалась. Регионы поддерживают нас. Вы знаете, витает в воздухе формула «нулевой вариант»: одновременные выборы парламента и президента. Я выдвинул эту идею еще на VII съезде, но она не была понята депутатами. Я был готов пойти на это, даже пожертвовать нынешним составом депутатов, лишь бы устранить из политики этого чудовищного человека. Он – ключевой элемент современной российской трагедии. Тогда я не был поддержан депутатами, меня обвиняли в отступничестве. Теперь же эта идея, похоже, начинает находить понимание, регионы сходятся на ней все упорнее.

Регионы относятся к перевороту Ельцина резко отрицательно. Ельцин, как домоуправ, отключил от Дома Советов телефоны, электричество, воду. А если регионы отключат от Ельцина нефть, газ, бюджетные поступления, железнодорожные линии? Мы связаны с регионами тесно. Пусть у нас здесь нет средств связи, но у нас есть в Москве несколько дублирующих центров, откуда мы рассылаем и получаем факсы, звоним, общаемся с региональными лидерами.

«Домоуправ» хочет отключить от Дома Советов воду, но ему невдомек, что остановленные водяные насосы – это выход на поверхность грунтовых вод во всех прилегающих к Москве-реке регионах, затопление фундаментов, подземных коммуникаций. Это начало эпидемий, начало пожаров. Гитлер в 1945 году открыл шлюзы Шпрее и затопил берлинский метрополитен. То же хочет сделать Ельцин в Москве 1993 года.

Я все эти дни не покидал наш Дом Советов. Сплю очень мало. Работы невпроворот. Не исключаю, что блокада может перейти в штурм с применением оружия. Приходят мысли о судьбе Сальвадора Альенде. Это судьба настоящего национального лидера.

Если робкие зернышки демократии, посеянные в русскую почву, будут затоплены. Россия еще на сто лет погрузится в социальный страх, в раболепие. В России будет покончено

с духовной национальной жизнью, насилие, продленное еще на одно столетие, сделает нас необратимыми рабами, роботами, работающими на чужой стол, на чужой комфорт, на чужое процветание. Эта мысль для меня ужасна. И она, эта мысль, делает меня бесстрашным!..

Я слушал Хасбулатова, думая о стальных батальонах, окруживших дворец, об автоматчиках в «мерседесах» и «вольво». Дорожил этим предельным откровением человека, поставленного в центр русской беды, сжигавшей его. Пули, забитые в стволы оружия, еще не вылетели. Еще идут переговоры и со вещания, но трагедия нарастает. Огарки свечей на столах, масляные коптилки в кабинетах Дома Советов – это светильники русской трагедии конца XX века.

– Как Ваша матушка? – спросил я у Хасбулатова, вспомнив недавнюю фотографию в «Дне». – Как она себя чувствует?

– Конечно, тревожится, – был ответ. – Сейчас все матери России тревожатся!

2

Впервые полковника Александра Руцкого я увидел в Афганистане, мельком, не знакомясь, на военном аэродроме Баграм, когда он в шлемофоне шел к своему самолету. Мне показали этого летчика, однажды сбитого американской ракетой, и снова, после травмы и госпиталя, вернувшегося в часть. Я увидел, как взмывает его самолет, превращается в точку над хребтом, за которым шло сражение.

Потом я узнал о втором катапультировании Руцкого, у пакистанской границы. В сопло его самолета вошла американская ракета «воздух-воздух», обломки машины упали в пустыню, а сам пилот попал в плен. Скитания по безводным камням, муки плена, висение на дыбе, земляные тюрьмы, допросы американской военной разведки. Позднее от Крючкова я получил подтверждение – Руцкой вел себя в плену безукоризненно, выдержал физическую и психологическую пытку. Звезда Героя Советского Союза украсила его грудь не напрасно.

С этой Звездой Героя я увидел его позднее в Академии Генерального штаба, где мне довелось выступить. Его адресованный ко мне вопрос был полон желчной неприязни к Горбачеву, к политическому и военному руководству страны, сознательно разрушившим мощь армии.

Его облик казался мне тогда столь привлекательным, что я захотел помочь ему в его предвыборной кампании. Он баллотировался в народные депутаты СССР, проводил свою кампанию под знаком великой России, использовал национальные лозунги, энергию национального пробуждения. Помню, как мой друг-священник на митинге в Кунцево вселюдно благословлял офицера-героя. И это, быть может, было первым – ошеломившим тогда – символом сближения армии и православия.

Он проиграл своему конкуренту. Следующую предвыборную кампанию, уже в народные депутаты России, проводил в Курске под «красными лозунгами». Компартия, курские райкомы, коммунисты обеспечили ему победу.

Несколько близких, тесных встреч с Руцким дали мне представление о его пылком темпераменте, неутомимости, склонности к психологическим экспромтам. Великолепный рассказчик, он так интересно и зрелищно рассказал о своей одиссее в пакистанской пустыне, что мне захотелось написать о его военной судьбе.

Его карьера напоминала вертикальный взлет самолета. Когда решалась судьба Ельцина на I съезде народных депутатов, Руцкой расколол коммунистическую фракцию, замкнул на себя либерально настроенных коммунистов, и, быть может, это и поставило Ельцина на вершину парламентской пирамиды.

Руцкой стал вице-президентом России, выстрадав эту роль на полях сражений, выиграв ее политическим сотрудничеством с Ельциным. Он удачно аккумулировал в своей личности общественный идеал, истосковавшийся среди маразма «перестройки» по силе, энергии, прямоте.

Когда летом 91-го появилось «Слово к народу», где группа художников, политиков и военных обратилась к нации с при-

зывает воспротивиться распаду Советского Союза и встать на пути разрушителей, Руцкой, в высшей степени раздраженный, с телеэкрана пообещал двенадцать лет тюрьмы всем, подписавшим «Слово...», а стало быть, и мне.

Его роль в защите Белого дома, вызволение «пленного» Горбачева, его азартный ельцинизм сделали меня на долгое время его противником. «День», борясь с абсурдизмом ельцинизма, атаковал окружение Ельцина, погружавшее Россию в катастрофу, не обходя в этих атаках Руцкого.

Притчей о возвращении блудного сына можно назвать путь Руцкого от Ельцина к оппозиции, когда он обратил свой политический потенциал против разрушителей. Пошел сквозь грязь, клевету, остракизм, сквозь угрозы и унижения к своим прежним идеалам и к бывшим товарищам. Второй раз он выбирался из плена, более страшного и жестокого, чем пакистанский.

И вот я снова вижу Руцкого в осажденном Белом доме. Мы обнялись при встрече.

Площадь под окнами кабинета кипит непрерывным митингом. Мембранный рев микрофона. Костры, баррикады из ржавого колючего железа с грудями камней и булыжников, выложенных рядами, позшелонно, метательные снаряды защитников. Построение полка добровольцев. Старики и юноши, в пилотках и шляпах, юношеские худые шеи, растрепанные бороды, драные телогрейки, модные кожанки – ополченцы 1941 года.

Вот прошел крестный ход, батюшка с иконой служит молебен. Вот прибыло подразделение казаков из Сибири. Хоровод, танцуют «Камаринскую». С фасада Белого дома – речи депутатов, писателей, генералов, грозные, едкие, громогласные. Митинг ненавидит, когда упоминают переворот Ельцина. Хочет в тысячи ртов, когда сочно острят над Бурбулисом или адвокатом Макаровым. Замирает, когда рассказывают о нарастающем сопротивлении регионов.

И вот мы с Руцким в кабинете. Маленький прибор с красным индикатором то и дело мерцает и попискивает, фиксируя

направленное излучение снаружи. Спецслужбы Ельцина направляют в кабинет свой подслушивающий электронный луч.

– Упоминают о «нулевом варианте», и каждая политическая группа вкладывает в него свой смысл, иногда весьма туманный. Я лично уже высказал свой взгляд на преодоление последствий государственного переворота в Российской Федерации. Что это в себя включает?

Во-первых, полную отмену указа № 1400 и всех последующих связанных с ним решений. Это необходимое условие вывода страны из политического кризиса. Затем – одновременное проведение в январе–марте 1994 года выборов президента и парламента Российской Федерации. Далее в целях преодоления последствий государственного переворота, а также для организации и проведения выборов необходимо создать контрольный орган Совета субъектов Федерации. Гарантами проведения свободных демократических выборов являются Конституционный суд и контрольный орган Совета субъектов Федерации. Правовая основа выборов – закон «О президенте РФ», а также решения высших органов законодательной власти – съезда и Верховного совета. Президент Российской Федерации складывает свои полномочия в соответствии со статьей 121.6 Конституции Российской Федерации. Правительство РФ до момента выборов занимается исключительно вопросами оперативного управления экономикой. Вот юридический процесс выхода из кризиса.

Когда выиграем, первое, что мы сделаем, – прекратим процесс над ГКЧП и доставим в зал суда Ельцина, Ерина, Галушко, Грачева, Черномырдина, Шахрая, Гайдара – всю преступную хунту. Но это так, к слову. Просто сейчас я взвинчен, возбужден. Страшнее всего трусость и предательство! И, конечно, дуры! Только что попытались взорвать съезд изнутри. Наши «непримиримые» атаковали Хасбулатова, обвиняя его в медлительности и нерешительности! Не исключаю, возможна атака с другого фланга – обвинения Хасбулатова в непримиримости, в радикализме! Ельцин хочет купить депутатов, обещает им деньги, оклады, безопасность,

квартиры: «Только предайте!» И некоторые предают! Я не говорю о той сотне из «Демроссии», которая не явилась на съезд! Они изначально поддержали переворот. Они, по сути, такие же преступники, как и Ельцин! Я имею в виду этих перевертышей – Воронина, Степашина, Починка! Ненавижу предателей! Как русский генерал ненавижу! Россию губят не внешние враги, а дураки и предатели!

Чем сейчас озабочен как глава государства? Обращаюсь к мировому общественному мнению. Американский президент Клинтон, лидеры демократической Европы поддержали путч в России, в результате которого уничтожается орган народовластия – парламент и съезд. Я спросил сегодня американца: «А если бы Клинтон разогнал конгресс США? Такое возможно?» «О нет!» – ответил американец. Почему же тогда двойная мораль? Не потому ли, что они относятся к нам, русским, как к скоту, недостойному демократических норм? Обрекают нас на вечный кнут, насилие, раболепство! В Америке и в Европе, в мире в целом существует огромный либеральный потенциал: деятели культуры, религиозные течения, политические партии! Они, я убежден, уже в ближайшее время нас поддержат, морально и интеллектуально, осудят Клинтона!

Второе поле забот – страны СНГ. Народы СНГ, которые недавно были народами СССР, хлебнули суверенитетов! Некоторые обуглились в войне, как Армения, Азербайджан, Молдова, Грузия, Таджикистан! Некоторые разорились дотла, как, например, Украина! И если в России победит Ельцин, то дотла разорится Россия. Здесь вместо электростанций будут лучины! Вместо тракторов «К-700» – сохи, и женщины в них будут впрягаться! Здесь будет первобытный строй, как уже сейчас в некоторых районах Киргизии, Армении! Поэтому народы СНГ должны выступить против фашистского переворота Ельцина! И уже выступают! Многотысячные митинги, телеграммы поддержки... Моя забота – войти в плотное взаимодействие с недавними территориями Советского Союза!

Третье направление работы – судьба России, ее населения, экономика, территориальная целостность. Мы думаем

над тем, как создать достойный России кабинет министров, найти главу, объединяющего вокруг себя экономические и политические интересы нации. Здесь нельзя ошибиться, как ошибся в свое время съезд, назначив Черномырдина. Здесь должен быть не «отраслевик», не раболепствующий перед высшей властью человек, а «системник», знаток экономики в целом, самозабвенно любящий Россию.

Далеко не все в нынешнем кабинете поддерживают Черномырдина и Ельцина. Выход Глазьева – лишь самое явное, самое смелое проявление несогласия. Это замечательный, отважный поступок. Сейчас Глазьев в Доме Советов, с нами. В окружении крупнейших экономистов он готовит первоочередные экономические документы, которые должны немедленно облегчить невыносимое бремя народа, спасти людей от физического вымирания. Мы хотим снизить и зафиксировать цены на хлеб, мясо, овощи, крупы, молоко, снизить их на 50 процентов. За какой счет? Монополия внешней торговли – нефть, полиметаллы, тонкие технологии, все, что сейчас по льготным лицензиям выбрасывается за рубеж.

Все это мы возьмем под контроль. На вырученные деньги, а это многие миллиарды, компенсируем производителям продовольствия резкое снижение розничных цен. Но здесь необходим точный расчет. Никакого популизма. Экономисты сейчас сидят и считают!

Особая моя забота – силовые структуры, армия. Наши новые силовые министры Ачалов, Баранников, Дунаев в постоянном взаимодействии с частями. Грачев посадил всю армию под домашний арест. Все войска заперты в гарнизонах. У личного состава отменены увольнительные. Не дай Бог, молодой солдат встретится с народом, узнает что-нибудь о событиях. Смешно сказать – солдаты вообще не ведают, что происходит в стране. Все парки с боевой техникой, все оружейные комнаты взяты под охрану ОМОНа. Этой же оскорбление для офицеров! Милиция заперла их и не пускает на волю!

Силовые структуры натянуты, как струны. Они могут прорваться в любую минуту. Армия не воспринимает Грачева.

Она его терпеть не может. Грачев разрушил русскую армию до основания! Военные присягали Конституции, а не Грачеву, не Ельцину. А Конституция актом бывшего президента растоптана. У меня на столе ворох телеграмм и депеш от десантников, сухопутчиков, пограничников, моряков – поддерживают Конституцию и Верховный Совет!

Я хочу сказать народу: мы сейчас боремся не только за судьбу России, мы боремся за судьбу Советского Союза! Как только победим здесь, в Москве, мы опять восстановим нашу великую державу, служившую гарантом безопасности и развития для множества братских народов!..

Так говорил Александр Руцкой, днюющий и ночующий в Доме Советов, подписывающий свои документы ночью при свечах, днем принимающий парад добровольцев, делегации регионов, с головной болью от переутомления, под пиликанье и красное мигание индикатора, фиксирующего шпионский, направленный в кабинет луч.

Перед уходом я спросил Руцкого:

– Кто был прав тогда, ранним летом 1991 года, когда прозвучало «Слово к народу»?

И Руцкой ответил:

– Ты!

3

Дом Советов, черный, без огонька, похожий на одинокую хладеющую скалу, окатил ледяной темный ливень. Под утро, перед рассветом, пошли тяжелые, враскачку, грузовики. Воспаленные дымные фары, лиловые мигалки и солдаты, солдаты. Дивизия Дзержинского выгружалась, вываливала огромные массы дышащего человеческого мяса, железа, электроники, клубки белой зубчатой стали. Охватывала дом своими страшными клешнями, и под утро дворец осажден, опутан острейшей, как акулы зубы, «колючкой», стиснут мокрыми безликими шеренгами, облупленными зелеными щитами. Повсюду дубины, каски, кулаки, скулы, подбородки, сжатые ремнями.

И моечные машины, водометы, цистерны с водой – присланы Лужковым смывать кровь с московских улиц.

В каждом стальном щите, в каждой тупой дубине чудится то рыхлая физиономия кинематографиста Рязанова, воспевшего добрейшего президента, то клюв Марка Захарова, гуманиста и интеллектуала, то улыбка милейшего армянина Андроника Миграняна, несменяемого советника русского властителя. И во всем вместе – железный, зубчатый, оскаленный, хрипящий лик первого секретаря обкома.

С председателем Конституционного суда Валерием Зорькиным так и не побеседовали: мельком столкнулись в Белом доме, договорились о встрече. Я уже был у него в приемной, уже хотел задавать свои мучительные и больные вопросы. Но передо мной извинились – срочный вызов к Черномырдину, и я остался в пустоте безлюдного Конституционного суда, из которого, казалось, излетел дух разумного правового и праведного устройства мира.

До этого я уже знал, что Зорькина лишили охраны, отключили правительственную связь, готовились поступить с ним так же, как с самой Конституцией. Но потом что-то изменилось, связь восстановили, стал звонить Черномырдин, приезжали от Ельцина Шахрай и Полторанин. В тонкой, рвущейся на глазах пленке внутривластных отношений что-то стало происходить – неведомая химия политики периода диктатуры.

«Нулевой вариант», который так яростно отвергается осажденным Руцким, в устах мягкого, настроенного на компромисс, пытающегося вернуть обратно в пробирку вырвавшийся ядерный взрыв Зорькина стал мне понятен из его выступления на чрезвычайном съезде:

– Народ возложил на федеральные ветви власти огромную ответственность, поручив им вывести страну из того состояния, в котором она оказалась не без их участия. И ведь никто из облеченных этим доверием не признался в своей неспособности оправдать надежды. Напротив, одни обещали – и даже неоднократно – «лечь на рельсы», если через давно прошедший промежуток времени не приведут стра-

ну к определенным рубежам. Другие грозили выражением недоверия или порицанием за неиспользованные сверхполномочия. Ну а третьим, как говорится, было написано «на роду» (то есть в законе о Конституционном суде) разбирать эти «разборки», в результате чего их же и обвиняли за «вмешательство в политику».

Чтобы конфронтация не дошла до того предела, когда страна окончательно расколется по регионам, а между верующими уже замаячил огонь и даже пролилась кровь, нужны не просто благие пожелания, а конкретные – адекватные именно созданной ситуации – действия. Сейчас не время для обид и взаимных упреков, хотя можно понять эмоциональный настрой в условиях, когда совершены насилие и поругание, которые есть все основания квалифицировать как государственный переворот. Однако это нельзя назвать неожиданностью.

Обстановка была тревожной на протяжении длительного времени и не оставляла места для благодушия после относительно мирно окончившихся эксцессов в минувшем декабре и нынешнем марте. Тем более что как бы на волне этой политической междоусобицы страну все больше стала захлестывать не только экономическая, демографическая или экологическая деградация, но и самая беспредельная преступность. Могут ли такие «исходные данные» гарантировать нормальные условия для защиты конституционного строя и элементарных жизненных прав людей? На этот счет не может быть двух мнений. Вот почему Конституционный суд, уже неоднократно взывавший к рассудку и ответственности политиков, предлагает серьезно подумать о происходящем и внимательно выслушать то, к чему мы еще раз призываем.

Во-первых, в сложившейся обстановке речь должна идти о проведении в декабре всеобщих перевыборов парламента и президента. На отговорки, что остается мало времени для подготовки и это «рано» (хотя именно этот срок президент посчитал достаточным для односторонних выборов в своем указе), можно с полной ответственностью сказать: в марте будет слишком поздно.

Во-вторых, парламент выбирается, как и намечено, на профессиональной основе, уже без съезда. Но есть существенное замечание. Совет Федерации, как верхняя палата, по нашему мнению, представляет собой неустойчивое формирование, противоречащее федеративной структуре государства и важнейшему конституционному принципу разделения властей. Только представьте себе, как будут одни и те же люди принимать законы, а потом, разъезжаясь по своим регионам, исполнять их! Нужен именно профессионально работающий двухпалатный парламент, а не повторение той мешанины, от которой мы сейчас и пытаемся уйти.

В-третьих, необходимо подготовить и принять пакет законодательного обеспечения всего этого процесса, на что, считаю, не понадобится много времени. Даже нынешний парламент располагает огромным количеством заготовок, которые при наличии доброй воли могут быть довольно быстро доведены до «кондиции».

И, наконец, последнее – обеспечительные гарантии всего дела. К сожалению, в следующей на данный момент обстановке гарантами не могут выступить ни представительная или исполнительная ветви федеральной власти, ни Конституционный суд в полном составе, поскольку последние события восприняты судьями неоднозначно. Да и не очень хочется, откровенно говоря, быть посредниками, зная, например, как относится к Конституционному суду исполнительная ветвь власти, судя по высказываниям первого вице-премьера В. Шумейко, чьи обещания применить к нам «санкции» охотно тиражирует ширококвещательная пресса. Хотя в эту «разборку» ему не удастся нас вовлечь, потому что главное сейчас для нас – не какое бы то ни было «мнение», а подлинные интересы России.

Именно это побуждает обратить взор к субъектам Федерации, которые с полным правом могут и должны стать гарантами ее спасения от окончательного развала. Ведь в конце концов не на политических ристалищах, а на хлебных нивах, фермах, в мастерских и лабораториях, у станка – только там,

где не только «потребляют», но и созидают, – фактически решается судьба страны. Именно тем людям, которые составляют честь и славу нашего многострадального Отечества, принадлежит право в качественно новых выборах определить, кому они после всего пережитого доверят осуществлять именно свою волю в органах федеральной власти.

По поручению большинства своих коллег (кроме тех, кто не присоединил свой голос к заключению, вызванному известным указом президента РФ от 21 сентября с.г.) я обращаю к представителям субъектов Федерации – руководителям республик, краев и областей – еще один призыв. Мы просим вас по окончании запланированных мероприятий 28 сентября собраться для обсуждения всего комплекса вопросов, связанных с кризисом. Если он не будет разрешен цивилизованными средствами в кратчайший срок, это неминуемо приведет к гражданской войне. Прозвучавшие уже выстрелы и первые жертвы – серьезное предупреждение об этом.

В качестве ответа на упреки тех, кто вновь может обвинить меня в «политиканстве», хочу сказать: я отдаю себе отчет в том, что иду на самосожжение. Не думайте, что вас, как членов парламента, не будет, а мы в качестве конституционных судей останемся. Но даже ясность таких «перспектив» не может и не должна заглушить гражданские чувства у истинных сынов своего Отечества. Мы не можем упустить, может быть, уже последний исторический шанс вернуть Россию на правовой путь. Только это способно как оправдать нас самих, так и очистить нашу страну от позора перед цивилизованным миром.

Дом Советов отсечен от Москвы, обречен на удушье. В нем, полуголодные, в холоде, без света, сопротивляются депутаты, лидеры нации, горстки вооруженных, готовых к смерти людей. Неужели Москва, Россия, весь просвещенный мир будут смотреть, как спецназ врывается во дворец, лупит из гранатометов вдоль коридоров, режет из автоматов депутатов, надевает кандалы на любимцев народа, а дом занимается медленным пламенем, зловонным дымом, затмевающим Кремль? Неужели свершится это мерзкое злодеяние конца XX века?

И снова слышатся глухие слова, произносимые губами умершего поэта: «Мы, дети страшных лет России, забыть не в силах ничего».

Октябрь 1993 г.

«Завтра» — рубеж сопротивления

Вы помните судилище над «Днем» летом девяносто третьего года – зал суда, наполненный пестрым людом, красные знамена, трехцветный имперский штандарт. Священник отец Дмитрий Дудко кропит стены, изгоняя нечистую силу. Народные депутаты в пикете. Блистательный Михаил Кузнецов, отражающий нападки агрессивных и бездарных истцов.

Тогда нас судили за публикацию «Преступник Ельцин должен уйти», где мы обнародовали проект указа о введении чрезвычайного положения. Всего через несколько месяцев этот указ под номером 1400 положил начало государственному перевороту, кровавой бойне в Москве. Нас судили за публикацию «Козырев – враг России номер два», где мы рассказывали о секретных полетах натовских самолетов над территорией России, санкционированных предательским МИДом. Недавно американские «геркулесы», преодолев пол-России, приземлились на Тоцком полигоне, высадили американский контингент. Нас судили за материалы, посвященные рабской доле русских в Эстонии. Тогда эти материалы назывались разжигающими национальную рознь. Теперь сам Козырев сквозь гнилые зубы цедит о дискриминации русских в Эстонии.

Министерство печати и информации, верноподданническое, истеричное, некомпетентное, проиграло процесс. «День» не был закрыт в те летние дни минувшего года, но был закрыт без суда и следствия этим же коварным и отвратительным министерством 25 сентября, через три дня после переворота, когда мы посвятили всю нашу газету обороне осажденного парламента. «День» был закрыт первым из оппозиционных газет до введения чрезвычайного положения,

закрыт ударом башмака Давида Цабрии. Уже позже, утром кровавого 4 октября, в газету ворвались автоматчики, разгромили редакцию, украли документы, похитили архивы и деньги. Сиропно-ванилиновый Молчанов шастал с телекамерой по разгромленным кабинетам, имитируя картину фашистского логова, и вся демпресса визжала от восторга по поводу уничтожения «Дня».

В те грозные дни гонений и арестов, доносов и всеобщего отчаяния мы не сдались. Выпустили подпольно несколько номеров под другими названиями, воспользовавшись «шапками» дружественных изданий. Напечатали тираж «за границей», в Минске. Другой – в Восточной Сибири, в Красноярске. Тянули его целую неделю по железной дороге в Москву. Но газета выходила, появлялись свидетельства преступлений, снимки расстрелянных, картины восстания. У нас почти не было денег, не было помещения; за нами по пятам следовали машины с «наружкой». Нас была малая горстка людей, решивших сражаться до конца, защищая арестованных товарищей, вселяя надежду в репрессированный народ, подымая с колен сломленных.

Мы создали газету «Завтра», которая продолжила дело «Дня».

Мы действовали подобно малой подводной лодке, которая в одиночку вела охоту на вражеские транспорты, сталкивала линкоры, вносила смуту в эскадры противника. Мы выскальзывали из нашего фьорда, настигали добычу, выходили на нее внезапно под самыми невероятными углами атаки, отстреливались и уходили обратно, прорываясь сквозь завесу глубинных бомб и минных полей, сквозь взрывы, ловушки и системы подслушивания. Израненные, с поврежденным корпусом, измотанным экипажем возвращались в наш фьорд, загружали очередной запас торпед и уходили в море, в бой. Мы дали себе слово биться за Родину, за оскорбленную нацию, за попоранные святыни. Лучше погибнуть, чем сдать.

Наши торпеды достигали цели. Их удар почувствовал «непотопляемый Лужков», жирно усевшийся на Москве. Мы

обвинили его в причастности к кровавым событиям 1 Мая и 3–4 октября, и он выставил нам многомиллионный иск. Удар торпед почувствовал новый российский Рокфеллер – Гусинский, чьи миллиарды составлены из крох обнищавшего населения за счет развратных казино и игорных домов и чьи боевики участвовали в гонении на патриотов и в закрытии «Дня».

За нами стали охотиться, посылая на нас громадные средства подавления и уничтожения.

Мы опубликовали беседу с известнейшим русским интеллектуалом-эмигрантом Александром Зиновьевым, не менее известным, чем Солженицын. Он сказал, что с ельцинским режимом, расстрелявшим парламент, утопившим в крови Москву, уничтожившим две ветви власти, невозможно вести гуманитарный диалог, а необходимо объявить ему «священную войну».

Эта метафора возмущенного философа была истолкована Комитетом по печати как призыв к войне, то есть к развертыванию воинских контингентов, к накоплению складов оружия, к мобилизации населения для проведения военно-стратегической операции против Ельцина и Кремля. Пресловутый Комитет направил в Генпрокуратуру требование возбудить уголовное дело против Зиновьева и главного редактора «Завтра». Такое дело возбуждено, и упомянутым нарушителям грозит тюрьма сроком до 7 лет. Тогда же мы получили от Комитета первое предупреждение о нарушении закона о печати с угрозой закрытия «Завтра».

Мы опубликовали обширную статью Ионы Андропова по материалам зарубежной печати под названием «Тайны Кремля», где высказываются предположения об алкоголизме Ельцина и о множестве недугов, поразивших человека, чья несвязная речь, угрюмые угрозы, постоянные интеллектуальные сбои рождают в народе подозрения, что Ельцин серьезно болен. Вместо того, чтобы сдержать данное обещание и предоставить свою плоть и психику в распоряжение медицинских экспертов, а потом обнародовать данные этой экспертизы, Ель-

цин заставил своих подручных из так называемой Судебной палаты по информационным спорам, загадочного неконституционного карманного органа, потребовать от Компечати нового предупреждения для газеты «Завтра».

Мы опубликовали спецвыпуск газеты с рассказом защитника Дома Советов И. Иванова «Анафема», где вскрывается чудовищная кибернетика заговора, картина государственного переворота осени 1993 года, названы имена политиков, военных, банкиров, запятнавших себя пролитием крови. В центре этого заговора – все тот же чудовищный Ельцин. Этот спецвыпуск, являющийся готовым обвинением в будущем народном трибунале, вызвал лютую злобу «переворотчиков». Все та же судебная палата, возглавляемая ельцинистом Венгеровым, потребовала немедленной расправы над газетой.

И наконец, беседа главного редактора «Завтра» с председателем думского комитета по безопасности Виктором Илюхиным «Россию надо спасти от нынешней власти», где вскрываются эшелоны коррупции, поразившие администрацию, – эта беседа послужила поводом для нового предупреждения и иска Комитета по печати в Мосгорсуд о закрытии газеты «Завтра».

У истоков этой инициативы стоит зловещая фигура пресс-секретаря Костикова, чье мохнатое недоброе личико постоянно соседствует с багрово-мясистой, ошпаренной маской Ельцина. Он, Костиков, расшифровывает невнятные урчания президента, он исправляет его лексическую абракадабру, он вбрасывает в измученное общественное сознание скользкие формулировки, исполненные угроз и дезинформации. Костиков, эта микрофонная мембрана Ельцина, иницирует весь нынешний поход ненависти против газеты «Завтра». Его креатура, зампред Комитета, некто Грызунов, известный тем, что в пору своего бývания в Белграде в качестве корреспондента телевидения посылал антисербские, антиславянские комментарии в Москву, одобряя американские санкции против Югославии в тот самый момент, когда от нехватки медикаментов умирали в белградских больницах старики, а

от нехватки тепла замерзали в домах младенцы, – тот самый Грызунов, который отправлял в Москву тайные доносы и наветы на русских писателей и политиков, посетивших сражающуюся Боснию. Грызунов является главным исполнителем костиковской программы истребления «Завтра». Он подписывает иски и предупреждения, выслуживаясь перед режимом своей патологической ненавистью к оппозиции.

Однако вершиной костиковской программы мыслится не закрытие «Завтра», а испечение президентского указа, по которому возможно внесудебное закрытие газет, если в них, по усмотрению Компечати, содержится крамольная публикация. Инициация такого указа уже происходит, о нем говорят в администрации президента, у Филатова, в кулуарах и.о. председателя Роскомпечати Володина, в предбаннике Венгерова. Его издание будет равносильно введению чрезвычайного положения в прессе, оно будет эквивалентом цензуры, вгонит кляп в гортань не только патриотическим журналистам, но и демократическим. Ибо множество демизданий, испытывая отвращение к коррумпированному режиму, отвернулись от него, критикуют его аморальных олигархов. И напрасно минкины и сванидзе радуются гонениям на «Завтра». Этот указ запечатает сургучом и их глумливые уста.

Мы готовимся к судебным процессам. Их в октябре будет у нас добрый десяток. Это изнурительная для нашего маленького коллектива процедура отнимет остаток сил. Но не процессы доставляют нам сегодня главные мучения.

Всесильная Компечать, монопольно управляющая всей полиграфической базой России, негласно, неформально, в традициях телефонного права, запрещает типографиям печатать «Завтра».

После прошлогоднего переворота и лютой цензуры Шумейко, после бесчинств Цабрия, получив отказы от всех московских типографий, мы наконец нашли приют во Владимире. Большая типография, задуманная как межобластная, влачит сегодня жалкое существование из-за нехватки заказов. Рабочие не получают зарплату, простаивают машины.

Появление такого крупного еженедельного заказа, как «Завтра», оживило комбинат. Рабочие с нетерпением ждут наших гонцов с макетами, безукоризненно, в срок печатают газету, грузят и отправляют в Москву.

Но вот подневольному директору комбината пришли указания из Москвы, из Комитета по печати – отказать «Завтра». К нему, подневольному, на комбинат приехал сам глава владимирской администрации Власов, потребовавший разрыва отношений с «Завтра». И подневольному пришлось выбирать: либо он лишается работы, либо отрекается от «Завтра». Он, естественно, выбрал второе. Нам отказали во Владимире. Одно непонятно: почему молчат рабочие, лишившиеся многомиллионного заказа? Почему не идут с требованием к директору, не пишут петиции главе администрации, не устраивают пикеты перед его резиденцией? Из-за самодурства власти и мягкотелости директора они лишились заработка, достатка в домах. Нам известно, что они ропщут, клянут начальство. Но почему не выступают против отвратительного административного нажима выскочки Власова, чей владимирский ОМОН особо лютовал в октябре прошлого года в Москве, стоял на стадионе «Красная Пресня», где пытали и расстреливали взятых в плен патриотов?

Когда мы попытались отпечатать тираж в Твери и уже почти договорились, получили согласие у местных полиграфистов, те напоследок, на всякий случай, позвонили в Москву, в Компечать, и зампреда А. Черненко запретил печатать «Завтра». На каком основании? Где решение суда о закрытии? Где антимонопольный комитет, выступающий в защиту прав потребителей, попираемых монополистами типа Компечати?

Андрей Черненко, запретивший печатать «Завтра», персонаж известный. Он был помощником Пуго в злополучные дни августовских событий 91-го года. Пуго застрелился, а Черненко, «очернив» мертвого шефа, поступил в Министерство безопасности помощником к Баранникову. Баранников сел в тюрьму после событий сентября–октября минувшего года, а

Черненко, дав скверные показания на шефа, пошел зампредом в репрессивную Роскомпечать, стал замом Миронова. Миронов снят, а Черненко запрещает «Завтра».

Генерал КГБ Андрей Черненко появлялся в кабинете главного редактора «Дня», уверял, что сочувствует патриотическому направлению, а сам между тем занимался выявлением источников финансирования, надеясь перекрыть эти каналы, уморить газету.

Пусть люди запомнят фамилию Черненко, как и фамилию Цабрия, Грызунова, Федотова – гонителей и душителей патриотической прессы.

Что ж, нам в «Завтра» предстоит очередной виток борьбы. Мы готовы к нему. Мы будем рыскать по России, вплоть до Магадана, искать отважные типографии, которые решатся отпечатать хоть один тираж «Завтра», а потом поездками, самолетами или пароходами вокруг Сибири будем доставлять его в столицу. Мы готовы к единоборству с монстрами ельцинских министерств и комитетов, к системам прослушивания, к провокациям и террору. Готовы к судам и тюрьмам. Мы уверены, нам поможет народ, ибо все, что мы делаем, делаем не для себя, не для своего кармана и благополучия, а только во имя оскорбленного народа. Мы уповаем на русскую интеллигенцию, идеям и духу которой мы стараемся дать выход на наших страницах. Надеемся на Церковь и священнослужителей, которые благословляют нас на деяния. Мы надеемся на оппозиционных политиков, которых мы поддерживали всегда и всех, какую бы идеологию они ни исповедовали, в какую бы беду ни толкнула их оппозиционная борьба. Мы надеемся на предпринимателей, ибо эти гонения и суды, печатания втридорога подточили наши сбережения. Но больше всего, как и прежде, мы уповаем на собственную этику и стоицизм, согласно которым мы рассматриваем «Завтра» как рубеж борьбы за «русскую идею», русскую судьбу, русскую суверенность, в верности которым мы поклялись четыре года назад.

Сентябрь 1994 г.

Не спешите брататься с драконом

Общественное сознание России оказалось настолько дробным, наполнено такими трещинами и надломами, настолько лишено объединяющей идеи, что стоило «рвануть» в Чечне, как взрывная волна с Кавказа сокрушила все хрупкое поле идеалов и принципов, превратив его в нелепые остроугольные осколки, которые сталкиваются, цепляют друг друга, складываются в моментальные, пугающие сочетания.

Зюганов и мелкотравчатый Гайдар сидят за одним столом, и оба, каждый по-своему, осуждают вторжение в Чечню. Козырев и Баркашов – из двух разных галактик, соединились и поддерживают Ельцина, благословляя вторжение. Анпилов и Новодворская почти в один мегафон клеймят проклятый режим, пославший танки в Чечню, и зовут пришедший на митинги люд каждый – к своей революции. Националист Бабурин, испытавший удары ельцинских танков в октябре минувшего года, в декабре нынешнего почти солидарен с экипажами этих же танков. Либерал Явлинский, ликовавший по поводу кровавых жертвоприношений в Доме Советов, теперь клянет жрецов, продолжающих все ту же мистерию в чеченских селах.

«Чеченский взрыв» ударил по всему пространству сегодняшней российской политики, сдвинул ее шарниры, сместил координатные оси, и в этих смещенных координатах фантазмагорично вращаются несопоставимые ценности, сталкиваясь и истребляя друг друга, щедро умножая русский хаос.

Что может быть отвратительней Гайдара, «заслоняющего» Чечню от вторжения? Гайдара, который своим страшным правлением сделал воровство содержанием политики, попустительствовал превращению Чечни в логово бандитов, стоянку убийц, банковских воров, ни словом не обмолвился о непомерных страданиях русских, чеченцев, татар, а в страшные дни Москвы, когда крупнокалиберные пулеметы рвали в клочки тела детей и старух, его сизый, как кровавая луна, лик проплыл над Москвой, побуждая к продолжению бойни.

Какое чувство может вызвать разжиревший Явлинский, кафедральный начетчик, надоевший стране назиданиями, неутоленный честолюбец, избранник темных олигархий, сложивших свои нечестивые деньги из украденных у народа копеек, – Явлинский, говорящий сегодня о Ельцине, что тот «опасен для общества», что ельцинская власть «невменяема»? Россия никогда не забудет дни октябрьской казни, когда Ельцин пытал и насилывал русских в центре Москвы, а Явлинский и его нижегородский дружок Немцов, бело-голубые от ненависти, поощряли насильников.

Кто он такой, Юшенков, загоревшийся вдруг любовью к чеченским крестьянкам, готовящий импичмент Ельцину? Не забыто и никогда не забудется его сидение с чернозубой Курковой в обгорелых, истрелянных залах Дома Советов, из которого еще выносили трупы смельчаков и защитников, быть может, добивали и домучивали пленных и в подвалах, вытаскивали мертвцов в кровавых тюках, а он, Юшенков, на фоне погрома разглагольствовал о победившей демократии, о великом ее спасителе.

Какой безумец может поверить «государственнику» Козыреву, шепчущему фарисейскими губами, голубой слизи библейских глаз? Козыреву, который готовил уничтожение Советского Отечества, отталкивал прочь от России едва отделившиеся, еще нестойкие республики Украины и Казахстана, тайно прорабатывал передачу Курил японцам, демонизировал депутатов России. Этот наймит Америки, позорище и посмешище профессиональной дипломатии, вещает об интересах России?

У всех у них, всегда и теперь, в каждый час русской беды и позора отсутствует этика, человеколюбие, любовь к стране и народу, а есть лишь изощренное лукавство и властолюбие, стремление избавиться от полупарализованного, полуживого Ельцина, нетерпеливая страсть перескочить в следующий политический период, чтобы и в нем главенствовать, управлять, сосать живые соки, все умертвляя вокруг. Так из туши дохлого, начинающего гнить кита, разрывая

тленную кожу, выползают на свет яркие нарядные черви, ползут прочь в поисках другой теплокровной жизни. Странно и горько обольщение некоторых патриотов, поощрение «чеченской акции» Ельцина, желание видеть в этом государственный шаг, долгожданное «обращение» Ельцина «из Савла в Павла», становление в нем русского государственника и жизнестроителя. Не поддается объяснению вера многочисленных патриотических политиков в то, что после «чеченского умирения» начнется заступничество за русских в Казахстане и Нарве, укрепление обвисших связей западной России с зауральской частью и осиротелым Дальним Востоком. Что наконец-то уменьшенная, обрубленная, отрезанная от морей, выброшенная из Европы и Азии, четвертованная Держава, управляемая новым, преображенным властителем, начнет сочетаться в полноценное целое, воссоздавая разрушенную гармонию пространств и народов. Неужели так велико искушение, что ему поддались бесстрашный и пылкий Невзоров, мужественный и терпеливый Лысенко, экстравагантный и артистичный Лимонов? Приняли борьбу двух динозавров за поединок Добра со Злом?

В стране стремительно, гораздо быстрее, чем работают думские комитеты, формируется и достраивается новый тип власти, бандитской, кровожадной, захватившей силой и ловкостью несметное народное богатство, убившей две конституции, сводящей на нет население, истребляющей все способы нравственного, политического, биологического сопротивления, коими народ пытался защититься от невиданной и несусветной беды. Этот тип власти тем страшен, что возвел преступление в ранг государственного делания, подчинил государство малой горстке мерзавцев, добывающих благосостояние из несметных богатств русской нефти, русских алмазов и золота, бесценного опыта русских оружейников. Эта новая власть тем страшна, что использует для своего расширения колоссальный организационный опыт уничтоженного Советского Союза – банки данных, хранящихся в кладовых разведки, опыт чекистов и «грушников», интеллектуальную

силу «плановиков» и «системщиков». Эта организационная мощь сделала ельцинскую Россию бедой не только для русских, но и для мира в целом, о чем начинает со страхом подвывать ЦРУ, определяя Москву как столицу мировой мафии.

Москва – это «федеральный бандит», который вступил в конкурентную схватку с Грозным, «региональным бандитом». Эта схватка кончится победой Москвы, ибо силы неравны: за Москвой военное господство на земле и в воздухе, численное превосходство солдат. Следующий удар «федерального бандита» будет нанесен по «региональному» в Якутии, Кузбассе или Хабаровске. Централистская тенденция, обнаруженная «федеральным бандитом», не имеет ничего общего с собиранием Руси. Это собирание богатств в одном месте, чтобы эти богатства, отобранные у нации, были централизованы, без потерь сброшены «золотому миллиарду» европейской и американской элиты, а в России, населенной бомжами и пьяницами, будет разрастаться огромный, застывающий пустырь с редкими, видными издали дворцами черномырдиных и лужковых.

Этот побеждающий «федеральный бандит» одевается в национальные ризы, оснащает себя государственной символикой, проверенной, ласкающей слух риторикой, корчит из себя патриота. Но эта риторика излетает из мохнатой бородки Костикова, а символика – на рукаве убийцы-омоновца.

Именно этот национальный по форме, интернациональный по содержанию «бандит», уродливый и нелепый, как негр в поморском кокошнике, прельстил патриотов, поспешивших поддержать «чеченские поползновения».

Нет, не так поведет себя будущий патриотический правитель, которому достанется обессилена ельцинистами Родина. Не с теми словами он обратится к изможденному, алчущему истины народу.

Он расскажет доступными народу словами, что Россия – это родина пространств, живая их ткань и гармония, создаваемая тысячелетиями, где опушка в Брянском лесу созвучна и соразмерна ковыльной казахстанской степи, где

дюны Балтики слышат ручей Памира, где музыка огромных и малых территорий складывается в хор пространств, делая эти пространства неповторимой частью планеты.

Он расскажет людям, что Великая Россия – это Родина народов, тюрков и славян, иранцев и монголоидов, угров и потомков сарматов, соединенных не насилием и неволей, не бомбовыми и ракетными ударами, а общим радением над этими землями. Народы дорожат своей неповторимостью, любят в других эту неповторимость, населяют страну, где народ народу брат, помощник, защитник.

Он скажет, распечатав наконец слепленные, сшитые проволокой и дратвой уста, скажет о великом русском народе, добром, могучем и верящем, кому судьбою вменено особое назначение, задан особый урок через все страдания, непосильные труды и беды обнаружить в истории высшую Правду, высшую Божественную Справедливость, воплотить ее в своем Государстве.

Но об этом никогда не поведает человек с перебитым носом, пославший танки в Чечню.

Безмерно жаль людей, чеченцев и русских, которых хотят остервенить друг против друга. Безмерно жаль Грозный, посыпанный бомбами, разделивший судьбу Дома Советов в Москве. Безмерно жаль остатки русской армии, которую заставляют бомбить села и городские кварталы, а в спину ей, как это было в Афганистане, стреляют «московские комсомольцы» и НТВ. Безмерно жаль Родину, которой не один еще день мучиться и страдать в кольцах страшного, стиснувшего ее дракона.

Декабрь 1994 г.

Слово Александра Проханова

Минувшей осенью, когда в Москву один за другими возвращались загорелые, благодушные политики, мы возвестили о потрясениях и переворотах. Над нами иронизировали друзья и враги, хотя уже начинала двоиться «кремлевская яйцеклет-

ка», нарастала вражда «федерального князя» и «региональных бояр», копилась близкие скандалы на валютных торгах, и в Чечню прибывали «борта» с оружием и волонтеры с Кавказа.

Мы поднимали новогодние бокалы шампанского, не забывая, что в этот момент пикирует на Грозный ночной штурмовик, фугас разрывает в клочки чеченцев и русских и от пули снайпера падает у Толстого-Юрта рязанский солдат. Мы вступаем в 95-й под лезгинку дальнобойных орудий, под кадрили правозащитной лжи, под хриплые и гундосые речи «демократа» с топором в руке.

В 1995 году мы будем жить в другой России, с другой политикой, с другим «видеорядом», другой риторикой. Риторикой катастрофы. Ее контуры, различимые в 94-м, пройдут по омертвелым краям Севера и Дальнего Востока, по оставленным заводам-гигантам, по взорванным нефтепроводам и коммуникациям, охватят всю систему вражды регионов с Москвой, напрягут из последних сил остатки армии, промышленности и найдут свое завершение в смертельной схватке двух монстров, которым тесно в одной столице, чьи клыки, истерзав Россию, начинают лязгать и сталкиваться, терзая друг друга.

Новый курс – «государственность, патриотизм и народность» – о котором все чаще говорят толстосумы, отправившие родню за кордон, есть следствие страшного тупика, куда затолкало Родину поколение безнравственных и жестоких либералов, стремящихся избежать возмездия. «Чеченский поход», куда отправились разжиревшие генералы, изолгавшиеся администраторы и примкнувшие к ним идеалисты-патриоты, есть ярчайшее проявление «нового курса». Длинную, растянувшуюся по чеченским дорогам рать сопровождает множество маркитантов, готовых делить одежду убитых, мытарей, готовых разжиться на погребениях, юродивых и кликуш, вещающих: одни – о «Великой России», другие – о «правах человека». Эти кликуши есть главный оплот двух яростных конкурентов за власть, добывающих своей схваткой последний ресурс государства.

«Сахаровцы», посыпанные старческой перхотью, возбужденно топорща пейсы, в который уж раз проклиняют Россию, вдруг обнаружив ее главное зло – «самодержавного» Ельцина с его танками, Коржаковым, партийным прошлым и зловещим империалистическим будущим, – и «державники» из Газпрома и банка «Торнадо», стягивающие в сизый, не устающий сжиматься кулак трубопроводы Тюмени, алмазы Якутии, алюминий Красноярска, вернувшиеся во внешней политике к категориям «подлетного времени». Им, первым и вторым, не ужиться в России 1995 года, и гибель одного из чудовищ не позволит другому воспользоваться плодами победы.

Что делать в часы этой схватки патриотам, которых гайдари, шумейки, явлинские ненавидят первобытной ненавистью ящеров, ликуя от любого проявления наших страданий и мук? Патриотам, которых коржаковы, грачевы и ельцины убивали из танков год назад посреди Москвы, наталкивая в морги и крематории? Возможен ли выбор?

Нам, искушенным неудачами и поражениями, многократно обманутым и готовым опять обмануться, остается все та же неизменная возможность поддержать отдельного человека или политическое движение, которые в состоянии сформулировать и подтвердить доктрину национального служения и государственного делания, ту единственную, ради которой стоит жить и дышать.

Чутким слухом и пытливым умом проверим все самые робкие, едва заметные признаки превращения нынешней, омерзительной, прозападной власти в национальную. Но ступить ей навстречу можно не прежде, чем она, эта власть, признает свой страшный грех за сокрушение СССР, объяснит свои мотивы, толкнувшие ее на злодеяние, признается, что стратегической задачей будущей России станет восстановление разорванных территорий, строительство рухнувшего континентального купола, под которым жили в безопасности и преуспевали народы. Три океана омывали естественную, сотворенную Богом чашу, и Великое государство Российское было лишь человеческим оформлением огромной планетар-

ной истины, в которую верили, которую открывали для себя множество населявших Россию народов.

Сегодня, борясь со взбесившимся сепаратизмом, будь то Кавказ, или Волга, или якутская тундра, власть должна объяснить свои уродливые и нелепые танки как самую нежелательную и дурную часть новой стратегии, где выброшенные с Родины тридцать миллионов русских, отданных в рабство прибалтийским баронам и азиатским ханам, будут возвращены вместе со своими землями, космодромами и портами в лоно Отечества.

Власть, пытаясь объяснить свои бомбово-штурмовые удары и цинковые гробы обездоленному русскому населению, солдатским матерям, новобранцам, офицерам поруганной, попираемой армии, должна немедленно возбудить «русский фактор», сделать его центральным в экономической и культурной политике, отказаться от подавления русских в России, вернуть русским ощущение Родины, ощущение патриотической власти, которая печется не о своих кошельках и дворцах, а о рождаемости русских младенцев, о здоровье подростков и старцев, о благосостоянии семей, о справедливости в судах, о русской речи и русском лице на телевидении. Ибо сегодня тупые и косноязычные слова властителей, обращенные к народу, порождают негодование, уныние, ненависть. И никакой Невзоров с его артистическим блеском не одухотворит страшащиеся и неправые лица властителей.

Новый курс, если он – «курс», и если он «новый», должен немедленно сформулировать стратегию национального возрождения, включающую в себя народовластие, справедливость, русскость.

Этот курс не могут осознать и выговорить обрыдшие России персонажи, с чьим образом связано у народа чувство поражения, беды, оккупации, и лучше пустое мерцание экрана, чем эти мертвенные призраки русского несчастья и горя.

Только в этом случае, при соблюдении всех перечисленных условий, мы можем поверить: да, началось изгнание дракона из кремлевских дворцов и соборов. Его чешуйчатый

хвост прошуршит, проскользит по московским мостовым и исчезнет в лужковской дыре на Манежной, пропадая в ту мусть и бездонность, откуда он выполз.

Слишком дорого нам дались наша незапятнанность, братское единство и вера, чтобы мы в одночасье откликнулись на манок Яковлева или Попцова, побежали навстречу своей нравственной смерти.

Стоицизма, религиозной этики, бескорыстной любви к России – вот чего хочу пожелать читателям «Завтра» в эти первые новогодние дни грозного 95-го.

Январь 1995 г.

Пал смертью храбрых в боях за Грозный

Гарнизон, где я бывал у него; старые, кирпичные преобращенские казармы; КПП с красной звездой; здоровяки-десантники, пятнистые, как тритоны, в синих беретах. Там кабинеты офицеров разведки, где сживали, негромко и осторожно беседуя. Там баня, славная парная; он брызгал на камни из пивной бутылки, и мы сидели, блестящие, потные, среди огненных ячменных ароматов, духа смолы и березы.

Теперь его вносили в открытые двери штаба, сгружали гроб, обитый кумачом, и я впервые видел на этом военном гробу трехцветие нового российского флага: вместо красной ленты, чтобы не сливалась с кумачом, – оранжевая, цитрусовая. Черный православный крест и прибитая к крышке офицерская фуражка. Гроб на плечах десантников ушел в глубину дверей. Следом офицеры под руки провели вдову и оседающую на негнущихся ногах мать. Протекла необильная, в черных платках и косынках родня, деревенские тетушки и дядья, и пахло еловой хвоей – солдат в берете шел и разбрасывал лапник. Зеленая ветка на черном, истоптанном асфальте.

Я не торопился входить, стоял у дверей, пропуская офицеров с черно-красными перевязями, генералов в новой, не-

привычной для глаз «бундесверовской» форме. Старался вспомнить, где мы встречались или могли встречаться с Владимиром Викторовичем Селивановым, полковником, офицером разведки, погибшим от пулевого ранения в сердце во время новогоднего штурма Грозного.

* * *

В Панджшере, у поселка Киджоль, где бронеколонна преодолевала укрепрайон моджахедов, взорванный, рухнул склон горы, завалил «бэтээры» и танки. Пехота пыталась подняться, падала под пулеметным огнем. Танки били прямой наводкой по черным пещерам, где мерцал, серебрился злой огонек пулемета. Десантники на «вертушках» оседлали вершины и сверху, с тыла, сбивали заслоны противника. И когда протасили по ущелью колонну и по зеленой реке плыли, ныряли кровавые бинты, коробки с английскими надписями, обрывки пакистанских газет, с горы спустилась усталая цепочка десантников. Он, ротный, черный от горного солнца, в грязи и нагаре, отложив автомат, пил из реки долго, жадно, тяжелея от сладкой воды, и я смотрел на синяки и царапины на его голой по локоть руке.

Под Гянджой, когда распадался Союз, разрушалась великая армия и десантники из Степанакерта вытаскивали «осажденный» пехотный полк, офицерских жен и детей, остатки разграбленной техники. На дорогах взрывались самодельные мины, пленных русских солдат сжигали заживо, заталкивая в автомобильные скаты, и вчерашние «афганцы», братья по оружию, жадно убивали друг друга. Мы ехали на броне по армянским селам, и он показывал мне дом, где вчера застрелили солдата, – и снег был красный, словно его полили вином.

Вспоминал, как совсем, казалось, недавно мы сидели в Баку, в уютном гостиничном номере, он держал в руках яблоко и долго, счастливо смеялся какой-то нехитрой шутке.

* * *

Гроб был открыт; он лежал в гробу, под белой, с золотистыми узорами пеленой, и остро под этой пеленой торчали носки его ног. Гроб наполняли ворохи живых, с сочными черенками, цветов, на красных подушечках лежали его ордена – две Красные Звезды, Боевое Красное Знамя, и лицо его, удаленное от меня, было серое, сухое, с ястребиным носом, плотно сжатыми губами и веками, словно невыносимы для него были слезы и причитания матери:

– Ой ты, Вовочка, мой родименький, да что же ты понаделал!.. Да как же ты мог уйти наперед родителей!.. Да как же ты мамочке своей не сказал!.. Да как же они тебя на верную смерть посылали!.. Да ведь ты такой молодой и красивый!.. И какой же ты теперь холодный, застудился небось на морозе!.. Да кто же такую беду придумал!.. Сколько же можно таких молодых убивать!.. Да ты уехал, не сказал, что на войну уезжаешь!.. Мамочку свою не хотел огорчать!.. И какой же ты был в детстве добрый, послушный!.. А теперь ты в гробу лежишь и мамочке слова не скажешь!.. И зачем на нас, на русских, такая беда!.. Уж лучше бы мне с тобой в ту ночь умереть!..

В зал входили солдаты, делали круг у гроба те немногие, что остались в гарнизоне. Другие, их товарищи, были на окраинах Грозного; гвоздила по невидимой цели боевая машина; низко, в тумане, прошел штурмовик; и солдаты, прижавшись к броне, кутались в сырые бушлаты.

Я глядел на убитого, окруженного стенающей родней, и подумал: чеченская пуля, сразившая его в новогоднюю ночь, все еще в нем, сплюснутая и холодная, и убивший его человек жив, утомлен, небрит, ест сухую корку, заняв боевую позицию у окна десятиэтажного дома, куда не дошла бронегруппа десантников.

* * *

Я знал, как погиб Селиванов. Доставивший гроб офицер, усталый, угрюмый, готовый к отлету обратно, рассказы-

вал, как колонна двинулась в Грозный, плотно, пулеметы и пушки «елочкой», обрабатывала обе стороны улиц. Личный состав под броней. Напоролись на минное поле, на удары гранатометчиков в лоб. Изменили маршрут, двинулись параллельными улицами и там увязли, натолкнулись на укрепленный район. В зоне строительства, на пустыре, где дыбились сваи и мерзло дно котлована, заняли круговую оборону, рассылая по окрестным домам долбящие удары пушек. Под утро, когда наступил Новый год, Селиванов следил за погрузкой раненых, отправлял на санитарной «таблетке» подорвавшихся механиков, обугленных операторов, подстреленный десант. Пуля снайпера настигла его на дне котлована, и в дороге на полпути к медсанбату он умер на железном дне транспорта. Я слушал тусклый рассказ офицера, вспоминал, как смеялся Селиванов моей шутке, подбрасывал на ладони малиновое яблоко.

* * *

Командующий ВДВ Подколзин прощался со своим офицером. В окружении генералов, невысокий, плотный, с нарукавной нашивкой, на которой скалилась звериная пасть, казался огорченным, болезненным. Вернулся из зоны конфликта, обремененный неудачами штурма, сотней убитых десантников, грудями сгоревшей брони, неразберихой управления, тупыми и бездарными приемами боя, нелепыми приказами, вытягивающими в теснины домов уязвимые для гранатометов машины с никудышной агентурной разведкой, ропотом в войсках и нарастающей злобой на политиков, газетчиков, на высшее командование, на всю проклятую жизнь, терзающую войска в течение десятка лет, методично, усилиями пацифистов, щелкоперов, брехливых депутатов, лживых министров, воров и лукавцев всех мастей и калибров, превративших великую армию, контролирующую материки, океаны и космос, в последнюю горстку десантных полков, которую теперь используют как тупой таран наступления.

Об этом думал командующий, глядя на серое, с запавшими висками и презрительно стиснутыми губами, лицо своего офицера. Вдова все гладила мужа, все касалась рукой его серой бритой щеки и на женской руке, занесенной над гробом, блестело колечко с камешком.

Командующий приблизился к матери, обнял ее за плечи, что-то тихо сказал. Та подняла на него залитое слезами лицо, укоряла, умоляла, просила вернуть ей сына, и полковник в гробу строго и молча слушал причитания матери.

* * *

Прежде я видел Подколзина однажды и очень давно, в самолете, куда меня посадил генерал Варенников. Самолет был полон генералов и офицеров-десантников. Там был и Лебедь, был и Грачев, был и Ачалов в полевой генеральской форме. Все казались едины, дружны, верили в свою силу и право, служили своему государству. Это теперь, подозрительные, озлобленные, пропущенные сквозь камнедробилку политики, отдававшие кто тюрьму, кто опалу, генералы почти несуществующей армии, они явно и тайно желают смещения Грачева.

Этот узколобый генерал с кривыми ногами кавалериста стал ненавистен и народу, и армии. Хитрый, наглый, уверенный в президентской поддержке, повязанный с ним кровью московского октября, ославленный махинациями в «западной группе», появляющийся прилюдно со смазливой бабенкой, любитель бань, приватизированных дач и «мерседесов», Грачев становится козлом отпущения. Но иногда его жаль, особенно когда вдруг спустили на него всех демократических овчарок и, затравливая, закусывали насмерть, желая отодрать его от Ельцина, лишить президента армейской опоры, затолкать в министерское кресло рыхлого Кокошина, «арбатовца», любимца Америки, чтобы встали намертво последние оборонные заводы, чтобы от армии остались роты парадных караулов, облаченные в бутафорские, петровских

времен кирасы. Грачев, марионетка в лампасах, пешка в руках все тех же богомерзских либералов, ненавидящих армию, которые, как саранча, в три года сожрали Россию, а до этого в пять лет – Советский Союз. Грачев, сослужив свою службу, вытолкнув войска из Европы, разогнав офицерский корпус, деморализовав личный состав, пустив под откол военную идеологию и науку, – теперь Грачев им не нужен. И его бездарный «чеченский позор», результат омерзительной военной политики, стал поводом, чтоб Грачева свалить. Уйдет, как побитый пес, запрется с бутылкой на даче, так и не подняв в свою защиту ни единого взвода, не разрядив в ненавистников России ни единого боекомплекта.

Те же либералы сразу после учиненного ими госпереворота 93-го запустили в ФСК своего бездарного толстощекоего ставленника, парламентского ренегата Степашина. И он, засев на Лубянке, учинил очередную чистку, изгоняя из управлений остатки компетентных разведчиков, доведя до морального паралича весь состав недавно мощного, всемирно известного КГБ, против которого ополчились и продолжают ополчаться все эти григорьянцы, старовойтовы, черниченки. Уничтожили оплот государственной безопасности, сделали Россию бессильной перед чужими разведками, пустили ЦРУ во все государственные структуры и ведомства. Именно поэтому ФСК бездарно проваливала комбинацию с чеченской оппозицией, а позже передала армии бездарную и лживую информацию о военном и моральном потенциале Дудаева, о планах и укрепрайонах Грозного, о силе и глубине «исламского фактора», поднявшего на дыбы всю Чечню, а за ней Кавказ, исламский восток с его многомиллионным населением, нефтедолларами и боевиками, с «джихадом», о который разбился стотысячный «Ограниченный контингент Советской армии в Афганистане».

Об этом я думал, глядя на утомленного командующего ВДВ, чья ладонь на мгновение коснулась деревянного гроба, словно сквозь доски на прощанье он пожал своему офицеру руку.

* * *

Гроб накрыли крышкой с трехцветным флагом, и десантники на сильных руках повлекли его из зала. За ним потянулась родня, хватаясь друг за друга, качаясь, словно все они были связаны одной веревкой, и веревка эта была привязана к гробу, и этот гроб их тащил за собой. Всхлипывая, охая и стоная, они выходили на свет, на снег, где в деревьях летело низкое сырое небо и сочно, грозно, страшно всхлипывал оркестр. Все туманилось, плыло – офицерские фуражки с орлами, солдатские береты, зеленые хвойные ветки, брошенные на дорогу, словно перед гробом прошла большая зеленолапая птица, оставив свои отпечатки. Медленно шли по гарнизону к катафалку. Множество людей следило, как плывет по воздуху, не касаясь земли, их убитый товарищ.

* * *

Десантник, друг Селиванова, чей пятнистый бушлат украшала круглая голубая эмблема миротворческих сил в Югославии, рассказал о боях за Грозный. Война в теснинах кварталов, где каждый этаж и дом, каждый двор и проулок является рубежом обороны, маршрутом отхода, засадой, дотом и бункером, – такая война требует от наступающего не просто превосходства «пять к одному», но использования всех огневых разрушительных средств для сокрушения обороны противника. Иначе город не взять. Иначе у наступающих колоссальные жертвы.

Во время Второй мировой все крупные битвы были на пространствах полей и пустынь. Только два города стали ареной борьбы: Сталинград – превращенный в огромный скелет, и Берлин, растертый в каменную крупу.

Я был в Югославии, в Вуковаре, недалеко от мест, где размещается миротворческий батальон русской армии. Видел город, взятый сербами штурмом с применением арсеналов третьей мировой войны. В этом городе не осталось ни одного

жилого дома, ни одного необугленного окна, ни одной неразрушенной церкви, ни одного не срезанного снарядами дерева. Казалось, под каждое здание старательно подкладывали фугас и взрывали. Самоходки и танки ползли по улицам и планомерно, прямой наводкой, разрушали дома. Казалось, этот город нельзя отстроить заново. Он должен со своими руинами зарастить мхом, лишайником, лесом, как города древних разоренных цивилизаций, и случайный путник, пробравшись сквозь заросли, натолкнется на разрушенную церковь, на стене сквозь мох и плесень глянет блеклая фреска.

Грозный, как и Вуковар, ждет истребления. В противном случае, без уничтожения с земли и с воздуха опорных пунктов чеченцев, захват города будет означать несметные жертвы русских, слабо обученных воинов, жертвенное кровопролитие, которое Грачев приурочит для своего господина не к Новому году, так к Пасхе; не к Пасхе, так к Троице. Ханжеские приказы о прекращении бомбардировок с воздуха во имя спасения мирных чеченцев означают многократные прибавки русских потерь, которые на сегодня вопреки лживой информации превышают шестьсот убитых.

Однако захват Грозного и уничтожение «грозненской группировки» Дудаева будет означать завершение лишь самого первого и понятного этапа войны. Ибо она, эта война, будет перенесена на пространства гор, холмов, речных долин, ущелий, больших и малых сел, где проходят стратегические нефтепроводы, линии электропередач, железные дороги и трассы, вся развитая инфраструктура, питающая сложнейшие производства русского и украинского юга. По этой инфраструктуре, по незащитной техносфере будут наносить удары отошедшие из Грозного отряды. Южный коридор, умышленно оставленный Грачевым, чтобы сквозь него просочились и улетучились отряды Дудаева, облегчив тем самым захват города, – этот коридор питает будущую жестокую фазу войны. Защищать сотни километров нефтепроводов и электропередач – дело безнадежное. Я помню, как из Южной Анголы уходили в Намибию партизаны СВАПО, рвали в пустыне Калахари нитки водопро-

водов, и за сотню километров останавливались шахты, алмазные копи, перерабатывающие производства.

Боевиками, которые будут воевать в лесистых горах Чечни, взрывать нефтехранилища и химзаводы, будут не обязательно чеченцы, которым эти взрывы на родной земле сулят погибель. Ими будут стрелки и воины других мусульманских стран, для которых Чечня – чужая земля, место возмездия и религиозного подвига, куда послала их воля пророка.

Как в Мекку, в Медину со всего исламского мира тянутся богомольцы, так и в Чечню со всего белого света – из Азии, Африки, Европы и чернокожей Америки протянутся воины ислама. И тогда эффект афгано-таджикской границы, где гибнут ежедневно отправленные Козыревым русские, станет или будет эффектом всего русского юга. Сбудется стратегический замысел Америки: Россия на весь двадцать первый век превращается во фронтовое, антиисламское государство.

Нет, не думали об этом толстяки из русского Генштаба, когда затевали Чечню, словно не было «афганского похода», Пешавара, изнурительной десятилетней войны без фронта и без победы. Но думал, думал об этом головастенкий, с выпученными глазами вкрадчивый человек, занимающий небоскреб на Смоленской. Сочная личинка Госдепа, отложенная в теплый навоз ельцинской внешней политики.

* * *

Впереди, в черно-красном автобусе, двигался гроб, окруженный поникшей родней. Следом – автобус с венками, почетным караулом, свернутым бархатным знаменем. Следом еще один – с офицерами, провожавшими друга. Мы катили по зимней Москве, по набережным мостам, площадям. Среди этой туманной Москвы мерцали новогодние елки. Яркими кляксами мерцали рекламы. Вот «Мальборо» с мужественным загорелым ковбоем. Вот «МОСТ-банк» с порхающей птичкой. А там обнаженная, в застекленной витрине девка. Убитый воин двигался по Москве миллионеров в роскошных

дворцах и нищих в помойках. Проституток в холлах гостиниц и пикетов у думских порталов. За кого из них он отдал свою жизнь в котловане на окраине Грозного?

Над эстакадой тускло, золотыми шарами соборов, седой и багровый, возник Кремль. Хмуρο, сквозь золотые очки, посмотрел на убитого, то ли простился, то ли сердито от него отмахнулся.

* * *

Там, в Кремле, под строжайшей охраной томился властитель России. Большой и угрюмый Ельцин. Беда, божья кара. Инструмент, выбранный Богом для какой-то неясной работы по истреблению России. Вставленный, как чугунная баба, в загадочный, дробящий механизм мира, он непрерывно, тупо и планомерно наносит удары по Родине, которая его вскормила и вырастила. Его политика – уродство и слепое насилие. Его политический путь – вырождение. Результаты его жизнедеятельности – непрерывно растущие руины, захватывающие непомерное пространство среди трех океанов, где уже вмерзли в лед города, ржавеют и тонут корабли, останавливаются поезда и падают самолеты. Где нет властей и бродят шальные шайки, взрывая и насилуя в подворотнях. Где горит и будет гореть бесконечно белый Дворец на Москве-реке, где эскадрильи с грузом ракет и бомб пикируют на чеченский город.

Мистический Ельцин для России – возмездие за какую-то давнишнюю, нерусскую, быть может, дочеловеческую вину. Он – как пробоина в борту континента, сквозь которую унеслась накопленная энергия, вера, опыт великого государства, его несметные богатства. Так сдувается атмосфера с живой и плодоносящей планеты, и там, где цвели леса, текли реки, множилась жизнь – теперь мертвая, безжизненная луна с кратерами от бомб и фугасов.

Ельцин, по-видимому, доживает свои последние дни и часы, запертый в Кремле, ненавидимый недавними союзниками и друзьями. Как раненый вепрь, присел на задние лапы,

весь в ранах, в картечи, истекает лимфой и кровью. Хватит ли у него сил вскочить и в последнем кабаньем прыжке резануть клыками по злобной обступившей его своре – или ослабеет, осядет, изойдет сукровицей, и в неживого с веселым урчаньем вцепится вся клыкастая популяция киселевых, попцовых, гайдаров, явлинских, и старушке Боннэр принесут кошелек, выделанный из свиной розовой кожи с остатками седоватой щетинки.

Историческая миссия Ельцина во всей ее метафизической полноте была бы завершена, если бы он перед своим исчезновением уничтожил всю свору, которая привела ее к власти, сопутствовала ему в самые гибельные для России деяния, вертела им как хотела, а теперь сладострастно предает. Если в нем есть хоть капля русской крови, если не иссякла русская стихия и буйство, он должен подорвать себя вместе с обступившей его сворой. Перемешать свои грешные кости с костями недавних клеветов.

* * *

Хованское кладбище, заснеженное, в сугробах, с черными сквозными ветвями, в которых, черная среди голых ветвей, нахохленная, мерзнет ворона. Свежая, с рыжей землей могила. Блеск лома и заступа. Румяные на морозе могильщики.

Гроб снова открыт, и легкий снег падает на серое, голубоватое лицо Селиванова, на цветы, на золотое шитье бахромы. Стою за спиной родни. Седой, без шапки, отец, старый воин, родивший сына сорок лет назад в Потсдаме, в победном боевом гарнизоне, рядом с парком и дворцом Сан-Суси, резиденцией прусских королей, куда всякий раз доставало русское оружие и откуда теперь изгнали его с позором под улюлюканье и хрипы «Калинки».

Почетный караул с автоматами, с Боевым Знаменем, в наверхье которого запаяна звезда. Краткие надгробные слова. Мать все не может оторваться, не дает накрыть гроб – смотрит, не насмотрится на родное лицо. И все мы стоим без шапок –

и генерал, и друзья-офицеры, и могильщик, приготовивший горсть длинных блестящих гвоздей.

* * *

Накануне по телевидению показывали очередное мерзкое зрелище. Новогоднее пиршество «демократических» писателей, поэтов, актеров, лоснящихся розовым жиром политиков, богачей с бриллиантовыми перстнями, их разодетых самок в мехах. Льстивая, говорливая, жующая челядь. Поросята на столах, икра в вазах. Пир и веселье мерзавцев, выставляющих напоказ свое растленное празднество перед ликом несчастной, воюющей, облитой кровью Россией. Именно тогда, когда они рассказывали друг другу смешные еврейские анекдоты, обнюхивались острыми рыльцами, гладили друг друга мохнатыми лапками, когда играл на саксофоне толстогубый Боровой, когда извивался пиявицей пародист Иванов, когда сардонически, брызгая слюной, хохотал Черниченко, когда утомленно-декадентски натертый массажами Дементьев позировал перед камерой – именно тогда полковник Селиванов, краса и гордость русского офицерства, бесстрашный красавец, добряк, на стылом ветру помогал санитарам грузить в гусеничные «таблетки» стонущих раненых, светил фонариком в обожженное лицо механика-водителя, и пуля, выпущенная из окна высотки, пробила его, засела в разорванное сердце.

Эта «интеллигенция», безнравственная, беззастенчивая, неутомимая в разрушении лжи, в плотоядном потреблении благ, – есть одно из проявлений той загадочной антижизни, что за два столетия развивалась в утробе России и мучит ее и губит. Эта антижизнь меняет обличье, идеологию, лексику, выразителей, проникает во все поры, как зараженная пыльца. Передается из поколения в поколение, из одного политического периода в другой. Она съедает одних политиков, и перед тем как их сожгут, успевает перекинуться к другим, Она лжива, лукава, многолика, по-своему религиозна загадочной потусторонней религией. Не имеет центра и управляется не-

видимым коллективным разумом, как планктон, который вдруг своей несметной армадой по незримому сигналу возбуждается, приходит в движение, обволакивает тучей корабли, острова, континенты.

Правозащитник Ковалев (не путать с ренегатом от компартии), промолчавший как рыба во время страшных избиений в Москве, когда насиловали дев, пытали юношей, сжигали заживо безоружных, сей старец вдруг в одночасье, по нажатию кнопки, заговорил своим шелестящим голосом в защиту чеченцев. А почему не в защиту тех русских, кого чеченские боевики держат заложниками, простреливают им икры и щиколотки, чтобы те не ушли, – об этом рассказывал мне офицер, доставивший труп Селиванова. Почему не вопиет в защиту русского воинства, в которое стреляют профессионалы из Панджшера, обученные на злато Америки? Он залепетал, заговорил синхронно с немцем Кодем, французом Жюппе, американцем Кристофером, которым наплевать на убитых чеченцев, а важно одно – заклеить в очередной раз обманутую, обессиленную Россию, парализовать ее волю, воткнуть навсегда в кровавый православно-мусульманский конфликт.

Пока не будет изолирован и срезан весь этот мерзкий, набитый бациллами слой, Россия вечно будет больна, бедна, будет уменьшаться, кровоточить и плакать.

* * *

Качаясь на веревках, ударяясь о края могилы, гроб уходит под землю. Дважды, залпом, звучит прощальный салют. Знамя, малиновое, обугленно-черное, коснулось белого снега. Мать пускает вслед сыну горсть промерзшей земли. Одна из тетушек в черном полушалке мечет в могилу заплаканный батистовый платочек, «чтоб слезы все в землю ушли». Могильщики дружно, в четыре лопаты, валят и валят землю, ровняют холм, обрезают острием лопаты черенки стылых цветов, вкапывают в могильный холм. Что-то жестокое, надежное, как смерть, есть в этой зимней могиле, посеребрен-

ном, сваренном из железа надгробии, в ярких, вкопанных в глину розах. Растерянная, осиротелая без этого гроба родня. Офицеры, которым завтра снова возвращаться в часть, в Моздок, в Грозный. Черная неподвижная птица в голых ветвях. Стук солдатских сапог. Развеянное красное знамя. Моя рука в желтой глине. Я сжал замерзшие пальцы, перекрестился: «Прощай, Владимир Викторович, когда-нибудь снова увидимся». И в ответ его живое, с тонкими бровями лицо, смеющиеся тонкие губы, подброшенное, пойманное в теплую ладонь малиновое спелое яблоко.

* * *

За что он погиб в новогоднюю ночь – на окраине российского города, от пули, выпущенной из российской винтовки? За конституционный порядок? За конституцию, ельцинскую, принятую меньшинством населения, с подлогом и подтасовками, взамен той, которую тот же Ельцин расстрелял из танков, совершив небывалый по беспощадности конституционный переворот? За эту конституцию погиб Селиванов?

Или, быть может, за исполнительную власть, за Верховного главнокомандующего, олицетворяющего любимую Родину, мощь и славу страны, как в пору великой и священной войны солдаты подымались и шли на пулеметы с криком: «За Сталина»? Может быть, за Ельцина, отечного, косноязычного, не сказавшего за все годы правления ни одного живого, искреннего, обращенного к народу слова, а только вечные угрозы, обман, поношения? За него погиб Селиванов?

Или, как талдычит безнадежно неумная власть, – за демократию, целостность РФ, целостность какой-то странной, мифической, небывалой страны, выбросившей за свои пределы двадцать пять миллионов русских, не пускающей их обратно, отказавшейся от своих электростанций, портов, космодромов? За целостность страны, где управляет американец Козырев? За демократию, где лучшие люди – это банкир Гусинский и «новый русский» Гайдар? Где население рабски до-

бывает нефть, золото, лес, а потом все это гонится за кордон, и несметные доллары оседают в иностранных банках, а русская бабушка роется на помойке и русская школьница идет на панель, становится утехой богатого развратника? За целостность такой страны погиб Селиванов?

Зная его в том далеком ущелье Панджшер с ледяной зеленой рекой, помня его у армянского села в Карабахе, где снег был в малиновых пятнах, встречаясь с ним в ту недавнюю страшную осень, когда Белый дворец на реке был черен, и вокруг в мерцающей тьме темнились зеленые каски, и прожектор пробежал по колючей проволоке, и люди на Горбатом мосту выкладывали свой боекомплект – камни и палки, и мы тайно встречались с офицером-десантником, предчувствуя неминуемую беду, – я могу предположить, за что погиб Селиванов.

Он погиб за Армию. За ту извечную для русского человека ценность, в которой обрела свое воплощение этика воина и защитника и этика работника, устроителя. За Армию, пусть ныне поруганную, уменьшенную, лишенную оборонных рубежей в Европе и Азии, потерявшую цвет генералитета и офицерства, лишенную современного вооружения, оскверненную и оболганную, но ту Великую Армию, что была частью Великого государства, его эмблемой, идеей и совестью. Теперь только эта Армия, да, быть может, часть патриотической культуры, да сокровенная, не оробевшая перед властями Церковь, – являются хранителями святынь, от коих поведется строительство нового Государства Российского. Того неизменного, завещанного предками, спасаемого и возводимого каждым поколением русских. О котором мы говорили с полковником в час московской беды. Он погиб за Армию, откуда сквозь все наветы и ложь исходит воля к воссозданию Великой России.

«Чеченский ужас», уродливый «чеченский поход» имеет свой смысл в том, что с него должно начаться очищение русской жизни от скверны, от ложных, навязанных нам постулатов, от предателей и лжецов. «Чеченская война», преступно

развязанная тупой исполнительной властью, должна убедить последнюю, что она, эта власть, добившись полной бесконтрольности и независимости от общества, лишилась и поддержки оного. «Чеченский поход», его стыд и кровь, должен побудить патриотов, где бы они ни находились – в армии, в промышленности, в дипкорпусе, в Думе, в культуре и в Церкви, – соединиться для коллективного, неизбежного делания. Восстановления порушенного Государства.

Час государственного делания близок. Нынешний режим распался, разрушен «чеченским взрывом». Новый близкий период России повернет ее к истинным задачам и целям.

За этот грядущий период, за Великую Россию, за всенародную работу погиб полковник десантный войск Селиванов.

* * *

Зал гарнизонной столовой. Столы под скатертью. Поминальная снедь.хлопоты, тихие вздохи. Булькает водка в стаканы. Все встают и единым вздохом, сдвинув брови, пьют поминальную чарку за русского офицера, отдавшего жизнь за Россию.

Январь 1995 г.

Чеченский фронт. Аргунское направление

Грозный – как упавший, разбитый горшок, из которого сквозь черепки вылилось парное кровавое пойло. Разгромлена, отступает на юг основная группировка дудаевцев. Уходят малыши, обгорелыми группами, бородатые, в тряпье, унося на плечах измызганное оружие, избитые минометы, источенные о кирпич и бетон автоматы. Просачиваются сквозь редкие блоки российских войск, сквозь южную дыру в блокаде, к неразоренным, не тронутым бомбардировками селам, где можно отдышаться, пополнить продовольствие и боеприпасы, усилить отряды нетерпеливой, воинственной молодежью,

и на новых рубежах Аргуна и Гудермеса дать второе сражение российским войскам, празднующим победу на костровищах и развалинах Грозного, среди кровавых бинтов, горелой брони, трупной вони.

Туда, к Аргуну и Гудермесу, снятый с блоков на окраинах Грозного, брошен сводный полк 104-й десантной дивизии, свежий, не израсходованный в январском побоище, – на восток, маршем, к новым полям сражений, наступая на рыхлую, неоформленную оборону чеченцев.

Шли по бетонкам колонной, грузовиками и боевыми машинами, торопя тягачи с артиллерией, высылая разведку, заглядывая в устарелые гражданские карты, и к ночи, в полной тьме вышли к железной дороге. Мертвая, заваленная вагонами колея, за которой – ветряная рваная темень, непроглядное поле, невидимая ночная река и Аргун без единого огонька и звука.

Туда, через насыпь, в эту пустоту, на плацдарм, устремился полк.

Ткнулись в железнодорожную насыпь. Слишком крута – машины не брали подъем, гусеницы лязгали и отлетали от рельсов. Саперы рвали полотно, растаскивали колею, подсыпали щебенку. Осторожно карабкаясь, цепляя траками, вползали головные машины. Переваливали крутизну, ныряли вниз, без габаритов, проседая в тугую резиновую пашню. Уходили вперед, утягивая за собой авангард. Полк медленно, вслепую заливал ночное непроглядное поле своим железом, дымом, ночными прицелами, хрипом позывных и команд.

Разрывы пошли внезапно, словно в земле открывались белые, в бельмах, глаза, испарялись красным дымом, и все поле – в ртутных нарывах, колючих трассах, визге и свисте. Со всех сторон под разными углами – пунктиры, долбящие иглы, столбы подсвеченной, вырванной земли, будто поле сворачивается в огромный рулон, и в этом рулоне заматывается, задыхается попавший в ловушку полк.

Головная машина, подорванная, с красной метлой огня, продолжала катиться пустая, без экипажа. Люди, черные на

фоне пламени, разбегались, поддерживали друг друга в горящих бушлатах, пока ни сдетонировал боекомплект и в разодранной оболочке машины не дернулся ослепительный взрыв, и люди падали, истерзанные сталью и пламенем.

Другая машина, получив удар по каткам, крутилась и визжала на месте. Из люков кувырком, оглушенный, сыпался десант, попадал под огонь пулеметов.

Третья машина всосала в себя кумулятивную струю раскаленной плазмы, перепилившей ноги механика, разделившей надвое стрелка. Встряхнуло внутренним взрывом машину, перемешало кости людей, оружие, брошенный на днище трофейный ковер, превратило в месиво и горящую жижу.

Полк увязал в черноземе, крутился, отстреливался, лупил вслепую по кромке земли и неба, зарывался в грязь, и уже начинали из-за насыпи бить полковые пушки. Батальоны, пережив шок, собирались в боевые единицы, работали рации, запрашивали поддержку корпусной артиллерии. Огонь противника стихал, умолкал. И наутро – белый туман, синеватые дымки остывающих подбитых машин, перерытая, в ребристых надрезах, пашня. Рывтины окопов, шевелящиеся каски, мельканье лопат. Полузакрытые, в кляксах грязи машины. В полевом лазарете, среди разбитых железнодорожных вагонов, военврачи бинтовали обрубки и раны.

* * *

Я выбираюсь из темного сырого блиндажа, где, кашляя и вздыхая, спят офицеры. По ступенькам, задевая чужой автомат, выхожу под звездное небо, и оно, огромное, затуманенное весенним ветром, с одиноким далеким выстрелом, накрывает пашню, холмы, невидимое за рекой селенье. Корма боевой машины десантника, хлыст антенны, каска часового осыпаны звездами.

- Пароль – два! – слышу голос солдата.
- Четыре, – отвечаю ему. – Откуда сам?
- С Архангельска...

Стоим молча рядом, сочетаемые этим небом, дальним выстрелом, одновременным пребыванием в этом загадочном мире, на этой войне, одной из бесчисленных, пережитых миром, одной из многих, пережитых Россией, первой для этого молодого солдата, последней для его товарища, убитого здесь, под Аргуном.

– Дома кто?

– Мать.

– Письма быстро доходят?

– Дней десять.

– Что ты ей пишешь?

– Что все хорошо, все нормально...

Далеко на левом фланге заработал вдруг пулемет, одной долгой непрерывной очередью. Смолк. Его сменил другой, поближе, задолбил в ночь ровным, упругим стуком. Стихло. Рядом с нами, в соседнем окопе, запульсировало, задрожало красное пламя, лопнут воздух от трескучей очереди. Отстучало. Правый фланг подхватил этот рваный металлический стук. Ротные пулеметы, сменяя друг друга, резали ночь пулями, по секторам, отпугивая от позиций чужую разведку и снайперов.

– Профилактика, – сказал часовой.

Весенняя ночь под Аргуном, пронизанная пулями, светом звезд. Ночь российской гражданской войны.

* * *

Плацдарм, на котором угнездился полк, был несовершенно. Передний край проходил по открытому полю. С него был не виден поселок, не видна река. Лесные посадки, арыки, проходящие за передним краем, служили прибежищем для чеченских гранатометчиков и снайперов, которые ночью перебредали реку и истребляли появлявшихся на поле десантников. Скотный двор, кирпичное, удаленное строение служили огненным рубежом, на который выкатывались чеченские гаубицы, подъезжали в ночи чеченские самоходки, накрывали перед рассветом позиции русских беглыми взрыва-

ми. С рассветом бесследно исчезали на другой стороне реки. Аргун, скрытый за береговыми холмами, посылал из-за реки точные, пристреленные снаряды.

Решили увеличить плацдарм. Вписать его в рельеф, выдвинуться вплотную к реке, сбить чеченских стрелков с удобных позиций. Ночью тремя группами пробрались к ферме. На рассвете ударили по артиллерийским позициям, перевертывая гаубицы, истребляя расчет. Захватили новенькую, только что подошедшую из-за реки самоходку, так и не успевшую пальнуть из тяжелого, в заводской смазке, ствола. Выбили с фермы одуревших чеченцев, и, догоняя, расстреливая, сбрасывая с крутизны к утренней, по-зимнему мелкой реке, увидели Аргун: черепичные крыши, сады, утренние дымки, скотину, кативший по сельской улице автобус, одинокую махину элеватора. Полк сдвинулся, рванулся на новый рубеж, перетаскивая командные пункты, заталкивая в капониры машины, выставляя НП на крутом берегу. Вся компактная, устремленная в наступление мощь полка была готова рвануть за реку, по перекатам и бродам на плечах обезумевшего противника. Ворваться в Аргун, исполосовать его трасами, треками, перетряхнуть скоротечным боем, устанавливая контроль на стратегическом направлении Грозный–Аргун–Гудермес.

Полк был готов наступать, но последовал «стоп-сигнал». Черномырдин объявил перемирие. Разгромленные чеченцы вздохнули. Полк глушил двигатели, глушил наступление, глушил энергию атаки, которая превращалась в тромб злобы. Офицеры чертыхались и харкали, проваливались по колено в холодный маслянистый чернозем, переходили к позиционной войне, обустраивались на «пластилиновом поле».

* * *

Просыпаюсь утром от ледяного воздуха, стекающего по ступенькам в ямину блиндажа. Надо мной накат, сделанный из поваленных телеграфных столбов, кусок дерна с начинающей зеленеть травой. Выхожу на свет – слоистый недвижимый

туман скрыл соседнюю лесопосадку, арык, берег Аргуна. Корма боевой машины, зеленая, росистая, как лист лопуха. Солдат колет топором доски зарядного ящика, готовит костерок для завтрака. Офицер установил зеркальце на броне, бреется, и жетон на его шее болтается. Пулеметчик очищает свое гнездо, горстями выбрасывает со дна ячейки стреляные гильзы. Они, как семена, летят, рассеиваются по земле, лежат на ней, латунно-красные, и невольная мысль: «Что вырастет на поле из этих семян? Какой пожнем урожай?»

Из тумана, с той стороны Аргуна раздается слабый хлопок. Еще. Короткая негромкая очередь. Посвист пуль. Лопнул, ударил в воздухе близкий взрыв, и что-то прошуршало, прозвякало по броне.

– К бою! – кричит офицер, отбрасывая бритву, рукавом смахивая пену с лица.

Солдат, колющий доску, и второй – перетаскивающий бачок с водой, и сержант в замызганном камуфляже, и пулеметчик, кидающий гильзы, – все по окопам, у прицелов, чутко слушают посвист невидимых пуль.

Начался еще один день позиционной войны, состоящей из грязи, обстрелов, земляных работ, тоскливого ожидания, – не смерти, не замены, а наступления.

* * *

Если открыть коробку пластилина, где лежат маслянистые, разноцветные, похожие на замазку куски, размять их в горячих кулаках, перемешать, вмазать один в другой, то получится липкий ком со множеством разноцветных прожилок, слизистых слоев разноцветной гущи, и уже невозможно разять этот ком, расщепить на первоначальные цвета. Все сплюсось, сползлось, свилось в грязную липучую гущу, напоминающую сукровь, гниющую плоть, больную тленную ткань.

Так же война на этом «пластилиновом поле» под Аргуном, где слиплись черная грязь, обрывки корней, кровавые бинты, пороховая гарь, дерьмо, желтая латунь, синеватая

оптика, тоска, молитвы, короткие позывные, злое ожидание, упорное терпение, воронки от вчерашних взрывов, сегодняшние, еще не опавшие взрывы. И над всем этим – загадочное движение чьей-то невидимой недоброй и недремлющей воли, остановившей рядку цепь батальонов на этой раскисшей чеченской земле.

Офицеры, корректирующие огонь артиллерии, отправляющие раненых в тыл, наводящие на врага авиацию, долбящие из орудий передний край чеченцев, не могут понять: в чем смысл перемирия, в чем стратегия остановленного наступления? Почему войскам не дали победить и закончить войну? Почему позволили отдышаться чеченцам, которые посылают говорливых и лукавых парламентаров на встречи с русскими, а сами усиленно строят рубежи обороны, формируют отряды, закупают орудия и гранатометы, рассылают гонцов по исламским странам, организуют московским пацифистам поездки на свои позиции, направляют богача Борового в штаб Дудаева и молотят из «безоткаток» и гаубиц залипшие в «пластилинном поле» батальоны, незаметно, каждодневно редющие, отсылающие в тыл «санитарки» с убитыми и ранеными? В чем смысл этой таинственной остановки, превратившей скоротечную кровавую бойню в Грозном в тягучее, по каплям, кровопускание позиционной войны?

Потеряв в своей столице 13 тысяч отборного войска, Дудаев сохранил группировку, насчитывающую шестнадцать тысяч стволов, половина из которых сосредотачивается на аргунском рубеже. Эта группировка, пока идут разговоры о мире, зарывается в землю, строит позиции, аккумулирует огневую мощь. Остановленный в разгар наступления полк угрюмо думает: если через неделю последует приказ наступать, полк бросят фронтально на подготовленный укрепрайон, через разлившуюся в весеннем паводке реку. По боевым, тонущим среди бурунов машинам ударят из всех стволов и гранатометов, и снова – терять людей, карабкаться под пулеметами вверх по откосу, платя жизнью – за что? За долларový и нефтяной передел? За банки Гусинского? За нефть

Черномырдина? За картавые посиделки раскормленных и глумливых мерзавцев?

Десантные войска не приспособлены для боя в городе, где требуется тяжелая, разваливающая дома артиллерия, приемы борьбы в развалинах, методы удержания разрушенных, наполненных боевиками развалин. Десантные войска не приспособлены для долгой позиционной войны, для окопов, артиллерийских дуэлей, сидения на размытых разорванных коммуникациях. Эти летучие, небесные войска созданы Маргеловыми для молниеносного захвата плацдармов, для громящих рейдов по тылам неприятеля, для мгновенных появлений и исчезновений, ошеломляющих противника, вслед за которыми на завоеванные плацдармы втягивается неповоротливая угрюмая махина сухопутных войск с тяжелой артиллерией и танками.

Здесь, под Аргуном, боевые машины десантников с тонкой, защищающей от автоматных пуль броней действуют против чеченских гранатометчиков и артиллеристов, а взрывная, маневренная психология десантников сложно, по необходимости, трансформируется в упорное и длинное ожидание, в изнурительное сидение на «пластилиновом поле», которое не скоро еще покроется злаками, а когда наконец покроется, среди корней все будут таиться катышки сплющенного свинца, окисленная латунь, ржавый, отбитый взрывом каток БМД.

* * *

Смотрю, как вдали за полем, в тылу, по бетонке катит колонна. Грузовики, крытые брезентом, наливники с цистернами. Скрываются за лесопосадкой, появляются у моста, медленно, держа интервалы, поднимаются на мост, скатываются и снова идут по бетонке. По этой колонне, по мосту начинает работать вражеская артиллерия. Горчичные рыжие взрывы грохают в посадках, подбираются к дороге, приближаются к мосту, вырастают перед грузовиками. Грузовики продолжают катиться, проходят сквозь взрывы, и думаешь: как там водителю? Ка-

кой страх стискивает его кулаки? Своей мыслью и слабой беспомощной волей оттаскиваю, отвлекаю от дороги горчичные взрывы, спасаю молитвой неведомого водителя.

Два танка, приданные батальону, начинают носиться в близком тылу, наворачивать на гусеницы черные мохнатые ковры. Останавливаются, делают несколько звонких выстрелов, подавляя артиллерию чеченцев. Быстро разворачиваются, меняют позицию. В этих тяжелых, стреляющих танках есть что-то от неуклюжего рассерженного животного, быть может, от кобылы, виляющей задом, которую огрели хлыстом.

Солдаты не обращают внимания на артиллерийскую дуэль. Один из них вывесил на борту БМД красное стеганое одеяло, дубасит палкой.

* * *

Немного увидишь в оптику перископического прицела, установленного на кромке брестера. Немного узнаешь о противнике по радиоперехватам, по скупым донесениям агентурной разведки. Лишь по ритмам стрельбы, по интенсивности огня можно судить о меняющейся, пульсирующей численности чеченцев, об их боекомплекте, о типах и калибрах оружия. Иногда мелькнет среди домов «легковушка», подыметесь синяя гарь из выхлопной трубы танка. В эфир, в частности батальона, вдруг влезет чеченский, с акцентом голос и начнет бранить русских, угрожать окружением и смертью. Иногда на берег в сумерках выйдут малой группой и начнут в мегафон поносить пришельцев, восклицать «Аллах акбар!», и тогда гранатометчик из «агэсса» посылает туда короткие частые взрывы.

Однажды на мосту возник человек, вышел на середину, и сержант из снайперской винтовки был готов послать в него одинокую точную пулю. Но вдруг увидел, что человек крестится, осеняет себя крестным знаменем. Значит, не чеченец, а русский. Разведчики, рискуя быть подстреленными, стащили его с моста, привели в расположение батальона.

Пьяный в дугу старик рассказал, что он из тех русских, которых привезли под конвоем в Аргун и заставляют по шестнадцать часов рыть окопы и рвы, под дулами автоматов, под непрерывным огнем русских батарей. Он был из русских батраков и рабов, которых использовали на полевых и домашних работах богатые чеченцы. «Кавказский пленник» конца двадцатого века, решивший лучше умереть от пули, чем доживать как скотина.

Он рассказал, что каждое утро в Аргун, на передний край приезжает автобус со снайперами, и те расходятся по позициям, а вечером «рабочую смену» забирают, и важный чеченец на белой «Волге» раздает снайперам деньги. Сказал, что огневые удары батальона по траншеям и рвам убивают русских землекопов, и на кладбище за поселком каждый день вырастают два-три свежих креста.

Старика накормили, отмыли, а когда протрезвел, отправили в тыл, в ФСК.

Однажды, когда комбат на командирской частоте работал с ротами, в частоту влез чеченец и сказал: «Коля, здорово!» И комбат, вступив в разговор, с изумлением узнал в чеченце своего сослуживца Бисултана, офицера-десантника, с которым вместе служили в Гяндже под началом комдива Щербака. Когда дивизию вывели в Ульяновск, Бисултан, любимец комдива, отправился в Москву, поступил в Академию имени Фрунзе. Летом прошлого года его разыскали московские чеченцы. Сказали: если он чеченец и мужчина, его место в Грозном, рядом с Дудаевым. Бисултан покинул академию, уехал в Чечню и стал готовить офицерские кадры Дудаева, которые, усвоив новейший опыт современной армии, разгромили головные колонны русских в кровавую новогоднюю ночь. Он, Бисултан, руководил теперь инженерной работой в Аргунском укрепрайоне, разрабатывал план обороны. Здесь, под Аргуном, воевали друг с другом недавние боевые товарищи, сыны великой Советской армии, позже присягнувшие российскому оружию, а теперь кровенящие оба берега реки чеченской и русской кровью.

Чечены – опасные, смелые, коварные противники. Вступая в артиллерийскую дуэль, они умудряются выпускать снаряды синхронно с русскими взрывами, оставаясь незаметными для корректировщиков и авианаводчиков. Боевая машина чеченцев прошла незаметно сквозь порядки русских, двинулась по тылам и расстреляла в упор артиллерийский расчет. Чеченский гранатометчик выбегает на позицию, выпускает гранату по русским окопам, а когда десантники выскакивают, кидаются к пулеметам и БМД, засевшие снайперы выбивают бегущих.

Война, протекающая вдоль Терека, Аргуна и Сунжи, – кавказская война второй половины двадцатого века, несущая в себе старинные, традиционные формы, облеченные в новейшие приемы борьбы, в бомбо-штурмовые удары, стрельбу по площадям, тотальное уничтожение населенных пунктов, превращенных в рубежи обороны.

* * *

Обедаем на воздухе, прикрытые бруствером и земляным ровным валом, за которым сочится арык. Тушенка, серый хлеб, бутылка трофейного «Ркацители», которое вдруг в огромном количестве появилось в полку, добытое на каком-то брошенном винном складе.

Вдалеке, в сине-туманном небе две вертолетные пары готовятся для атаки. Заходят на боевой разворот, по-рыбьи вытянув носы, выходят на курс, снижаясь, убыстряя движение. Под брюхом головной машины мелькает бледная вспышка, черный мазок сажи. По невидимой траектории уносится порция нурсов, вспарывая хрустящими взрывами предместья Аргуна: окопы, огневые точки, брошенные дома, стожки сена, черепицу крыш, и там, где упали нурсы, поднимается длинное кучевое облако. В нем возникают жирные комки сажи, что-то горит, то ли бензин, то ли резиновый скат. Вторая пара, заступая в небе место отлетевшей, готовится к удару, нацеливает свои хищные рыбы тела.

– Мне сегодня опять сучий сон приснился, – говорит ротный, макая в тушенку хлеб. – Будто к нам в тыл по «железке» прорвался их бронепоезд и с платформ из орудий громит нас с тыла. Третий раз кошмар снится!

– А Ковалев – сука! – почему-то вдруг говорит замкомбата. – Сука московская!

Под брюхом вертолета, словно мазок черно-красной молоки, всплывает пламя, нурсы уходят к земле, и новое кучевое облако, в стороне от первого, медленно всплывает над Аргуном.

Русский солдат конца двадцатого века в разоренной стране, потерявшей треть территории, лишенной обороны идеологии, наводненной пропагандистскими чужеродными ядами, солдат, взятый из рабоче-крестьянских семей, где царят бедность, уныние, изумление перед новоявленными богачами, гоняющими на Канары, пирующими на телеэкранах, предающимися наслаждениям и разврату в то время, когда здесь, у Аргуна, взрывается боевая машина и с оторванными ногами стрелок в смоляном факеле захлебывается дымом и кровью, – каков он, русский солдат, воюющий на «пластилиновом поле»?

Бежит, сгибается под тяжестью зеленых, набитых патронами ящиков, среди взрывов, которые черными всплесками кочуют по полю, приближаются к нему, готовы разорвать, а он торопится, влипает сапогами в грязюку, туда, где его ждут на позиции.

Голые по пояс, лопатами копают упорно, тупо, – в который раз готовят позицию танку. Вываливают тяжелые шмотки грязи, сами грязные, с закопченными лицами, на которых устало горят синие глаза, а над ними сквозь ветер и мокрый снег посвистывают пули, и ротный, нажав тангенту, хрипит и матерится по рации.

Стреляет из автоматического гранатомета, уперев в него руки, как в плуг, вспахивает далекий речной откос, откуда забил пулемет, а потом, раненный миной, лежит на операционном столе с серебряной цепочкой на шее, с татуиров-

кой на круглом плече, одурев от промедола, что-то бормочет, смеется, бредит.

Устроился на холодном, чуть пригретом солнышком земляном уступе и давит на рубаше вшей, которые невесть откуда наполнили в его окоп. Упер сапоги в желтую россыпь пулеметных гильз, давит их тщательно, терпеливо, пользуясь затишьем.

Убили товарища, он лежит на броне, готовый к отправке в тыл. Его накрыли брезентом, а сами, отвернувшись, уселись на зарядные ящики, обедают, как бы забывая о мертвом. Ломают хлеб, тщательно пережевывают, сдвинулись в свой поредевший круг.

Пишет письмо невесте, рассказывая о местной природе, об арыке, о лесопосадке, ни словом не упоминая о войне, обстрелах, а еще вчера вытаскивал из горячей машины товарища, тащил на себе подальше от горячей брони, слыша, как начинают лопаться и трещать в огне пулеметные патроны, страшась, что ахнет, сдетонирует боекомплект, отрывая башню, накрывая обоих жидкой плазмой.

Он, этот русский солдат, узнаваем. Его описывали Толстой, Шолохов, Симонов на поле боя. А в деревнях, городках, поселках его, этот русский характер, описывали Шукшин, Распутин, Белов.

Терпелив, неприхотлив и прост, чужд патетики, неярок. Его подвиг не столько в том, что заслонил собой командира, отбивался до последнего патрона, вызвался добровольцем в разведку, а – в бесконечных, бессчетных усилиях войны, вытекающих одно из другого, которые сливаются в сермяжную, повседневную ткань, дающую возможность выжить, выстоять, победить и при этом сохраниться добряком, умницей, не давая разрушиться в себе таинственному началу, которое делает его любящим сыном, преданным женихом, а в дальнейшем отцом и хранителем очага, продлевающим род русских земледельцев, строителей, воинов.

Находясь под непрерывным обстрелом, испытывая перегрузки и стрессы, он внешне почти бесстрашен, по-бытовому

невзрачен, и только худеет, тает от нервных напряжений, от невидимых миру переживаний, от непомерных усилий войны.

Русскую армию на чеченской войне отличает от той, афганской, ее русский, славянский образ. Уже нет изобилия казахских, узбекских, кавказских лиц. Все они остались за пределами России, а эта поредевшая, немногочисленная русская армия кажется более сплоченной, органичной, хотя в чем-то и обедневшей, утратившей свою евразийскую неповторимость.

* * *

Небывалая вещь на войне, когда на фронт через все КПП, военные посты и шлагбаумы в окопы приезжают солдатские матери с намерением забрать сыновей с фронта, выхватить их из-под чеченского снаряда и пули. «Демократы», создавая движение «солдатских матерей», хотели натравить их на армию, чтобы женщины в своем материнском ужасе и любви накинулись на офицеров, заполнили гарнизоны, создавая невыносимые условия для воюющих, уводя из окопов своих единственных, ненаглядных.

Эта затея провалилась. Матери, приезжая на фронт к сыновьям, встречают со стороны сыновей твердый отказ: «Как же я уеду, а товарищи мои останутся воевать! Когда они вернутся в тыловой гарнизон, как я стану смотреть им в глаза?» И матери, исстрадавшиеся, измученные, – все из тех же небогатых и простых русских семей, с той же русской этикой, понимают своих сыновей. Оставляют им иконки и крестики, уезжают обратно в свои городки, деревеньки – молиться и ждать.

* * *

Среди дня – новый минометный обстрел. Мины окружают позиции черными полупрозрачными взрывами, словно кто-то сажает вокруг кусты и деревья. Солдаты вжимают головы в плечи, спасаются в укрытиях. Взводный, впрыгивая в окоп, материт зазевавшегося: «Ну ты, сверчок, каску, каску надень!»

Обстрел продолжается, и, словно разбуженные чужими минометами, прилетают штурмовики. С далекого аэродрома, на большой высоте отстреливают тепловые мишени, оставляют в небе курчавые косички «термиток». Сбрасывают бомбы на укрепрайон, сотрясая тяжелыми взрывами оба берега Аргуна. Стиснутыми зубами чувствую мощь этих взрывов. Самолеты делают несколько заходов, возвращаются и опять пролетают над целью, но уже не бомбят, а, должно быть, фотографируют клубы тяжелого, неоседающего дыма, и потом уходят, черные, остроносые, похожие на уток-чирков.

Минометный обстрел продолжается. Солдат, сидящий в машине на рации, высунул из люка конопатую рыжую голову, кричит: «Рыбакова ранили! Осколок в голову!» и ротный, выскакивая из окопа, очумело бежит на этот вопль и призыв.

* * *

Здесь, на КП полка, в штабах, в окопах и в лазаретах, офицеры носят бородки, короткие, аккуратно подстриженные, и черные вязаные шапочки с крохотной цветной розеткой. Этот «чеченский» облик продолжает традицию кавказских войн, когда русский офицер, сражаясь с горцами, видя в них врагов, перенимал от них бурку, серебряный восточный кинжал, особую «чеченскую» манеру сидеть в седле. Истребляя мятежные аулы, мстя за погубленных в коварных засадах товарищей, странной любовью любил Кавказ и его обитателей, передавал эту таинственную любовь из поколения в поколение. Здесь, под Аргуном, офицеры, кляня войну, по-чеченски стригут свои бороды, носят темные, не предусмотренные формой шапочки, делающие их похожими на дудаевцев.

Офицеры сегодняшней Российской армии отличаются от своих предшественников, от себя самих трехлетней давности. Они неуверенней, раздражительней, чутко, болезненно реагируют на критику армии, несут в себе драму уничтоженной оборонной мощи СССР, клянут режим, считают эту

войну разборкой двух мафий – московской и грозненской, – в которой используют остатки вооруженных сил. Младшие офицеры вплоть до майора – политические нигилисты, которые среди «правых» и «левых» политиков не видят тех, кому можно верить. Но те, что постарше – от подполковников до генерал-майоров, – осторожно, с оговорками, склоняются к Зюганову. Среди своего генералитета не почитают ни Громова, ни Лебеда, но романтично любят генерала Востротина, помня его по Афганистану, одобряя его уход в Министерство по чрезвычайным ситуациям как жест протеста против сегодняшней военной политики.

И все-таки они замечательны, эти молодые мужчины, сбитые в полковое братство, вскакивающие по ночам со своих коек, хватая телефоны, оружие, заскакивающие в люки машин, мгновенно включаясь в бой. Пьют водку, и третий тост непременно за погибших, а четвертый – «за то, чтоб за нас не пили третий». Играют на гитаре сентиментальные песни. Тоскуют по женам. Вытаскивают фотографии детей. Некоторые вместе с офицерскими жетонами носят нательные кресты. Они матерятся, грубы с солдатами, но за их спиной говорят о солдатах с нежностью, восхищением, превознося их, давая самую высокую аттестацию.

Они воюют умно, отважно, сменяясь через каждые полтора-два месяца, уступая свои боевые места товарищам, что уже были здесь однажды в начале января. Потеряв советскую идеологию, не обретя религиозную веру, они верят в армию, как в залог государственной силы, в надежду на воскресение Родины, как в высшую ценность, с которой связали жизнь. Они, десантники, ревниво относятся к морской пехоте, называют ее «мокрые штаны», но восхищаются морпехами за их отвагу и рыцарство. Они ненавидят ОМОН и войска МВД, презирают их за трусость, за неумение воевать и мародерство.

Даже у капитанов за спиной не одна, а несколько войн: Карабах, Тбилиси, Абхазия, Приднестровье, «две Москвы» (одна – 91-го, другая – 93-го года). Псковичи, рязанцы, улья-

новцы не могут простить предательство 119-го нарэфоминского полка, атаковавшего Дом Советов, хотя сегодня этот полк воюет отважно, льет свою кровь.

Они считают, что чеченская война страшнее, чем афганская, своим кровопролитием, непонятностью, жертвами среди мирных, убиваемых ими соотечественников. Они питают отвращение к этой войне, но хотят в ней победы и быстрого ее завершения. Считают ее остановку, перевод в тлеющую позиционную фазу преступлением перед армией.

Они ропщут на ничтожную зарплату, на отсутствие квартир и все равно тянут лямку, погибая на передовой вместе с солдатами в пропорции один к одному. Но если их спросишь, за что они здесь воюют, они, не вдаваясь в разъяснения, ответят: «За Россию».

* * *

Раненного в голову Рыбакова дважды оперировали ночью. Седоусый военврач-полковник отдал ему свою кровь. То же сделала медсестра. Он умер под утро, не приходя в сознание. Я улелел вертолетом, где тесно на лавке сидели раненые, жались в угол две русские беженки, и на носилках, накрытый голубой больничной накидкой, лежал Рыбаков. Под тканью выделялась его голова, сложенные на груди руки, разведенные в стороны ступни.

Мы летели над весенними полями, арыками, прозрачными, начинающими оживать лесами, в Москву, где по-прежнему царил мерзость, грызлись и кривлялись политики, наживали миллиарды сытые жулики, покупали дорогих баб, крестились перед телекамерами. А мы летели над Россией, многострадальной любимой Родиной, и она знала о нас – о живых и мертвых – неразгаданную нами жестокою истину.

*Сводный полк,
104-я дивизия ВДВ
Март 1995, Аргун*

А на груди его светилась медаль за город Гудермес

Пятнадцать раз мне пришлось побывать в Афганистане, где в ущельях и плодоносных долинах скрестилось советское и чужое оружие: русские «бэтээры» подрывались на итальянских минах; экипажи гибли от китайских пуль; вертолеты, как горящая пакля, падали, сбитые американскими «стингерами».

В Анголе кубинские бригады установками залпового огня отгоняли от Луанды атакующие подразделения ЮАР, в Кунене батальон «Буффало», состоящий из немецких, французских и английских наемников, жег камышовые хижины, а мы с инструктором по танковым двигателям, уроженцем Калуги, спасались на джипе, виляя по красному бушу в пустыне Калахари.

В Мозамбике я наблюдал, как правительственные войска уничтожают аэродром подскока, куда приземлялись легкие самолеты буров с белыми диверсантами, подрывавшими нефтепровод «Бейра–Зимбабве», и военные из Северной Кореи доставляли на берега Лимпопо зенитки, старались построить противовоздушную оборону района.

В Никарагуа, на атлантическом побережье, я шел по горячим болотам вместе с сандинистской пехотой, солдаты несли на плечах измазанные тиной и грязью «калашниковы» и трофейные «М-16», а двухмоторный бразильский транспорт увозил в Манагуа завернутые в брезенты трупы – потери у Рио-Коко.

В Эфиопии наш вертолет со свежей дырой в борту, в которой посвистывал ветер, сел в Лалибелле, огромном «голодном» лагере, где под солнцем вяло умирала многотысячная толпа, врачи из Англии делали инъекции тощим, с огромными пупками детям, а их голые матери с сухими, как висящие носки, грудями недвижно взирали трахомными глазами. Среди врачей работал военный разведчик, управлявший поставками египетского и суданского оружия эритрейским повстан-

цам, а у берегов Асмары курсировали советские корабли с бригадой морской пехоты.

В Кампучии, у тайландской границы, я двигался с наступавшей вьетнамской армией, сидя на трофейном американском танке, захваченном под Хайфоном. Заслон «красных кхмеров», вооруженный китайскими гранатометами, сжег четыре головные машины.

Так сложилась моя судьба, что мне довелось побывать на всех локальных войнах, многие из которых длятся поныне. Пришлось наблюдать «управляемые конфликты малой интенсивности» на разных стадиях, исследуя проникновение в эти конфликты энергий и интересов множеств стран и структур. Конфликт, который зарождался в глубине страны как племенная стычка или социальное столкновение, постепенно, через несколько стадий, умело превращался в малую войну с участием нескольких государств, которые влияли на этот конфликт, питали его оружием и деньгами, поддерживали годами на необходимом уровне, извлекая из него политический или финансовый эффект. Держали в напряжении огромные регионы, формировали с его помощью геополитические плацдармы, меняли режимы в сопредельных странах, ослабляли противника, удаленного на тысячи километров от зоны конфликта.

Это был опыт двадцатилетних наблюдений за пределами моей страны. Но только теперь, в Чечне, на территории ослабленной, оскопленной России, я смог понять механизмы, запускающие такие конфликты Стадии взращивания тлеющей войны, которая, как малый гнойник, питает ядами весь организм государства. Электроды вживленные в эту язву, побуждают ее болеть, кровоточить, гноиться, и исход войны уже не зависит от мощи огня, от искусства полевых командиров, но от тайных жрецов и советников, шелестящих бесцветными губами в заокееанских гостиных.

Об этом я думал, находясь в операционной военного госпиталя, следя за бригадой хирургов. Сталь, флаконы и колбы, циферблаты, электронные лучи на экранах. Ранен-

ный под Гудермесом сержант с осколком в сердце лежал на операционном столе.

Длинный, с литыми мускулами, с рыжей куделью лобка, с синей татуировкой на круглом плече. Его тело было рябым от множества метин. Желтый йод, коросты запекшихся ранок. Осколки гранаты, выпущенной из РПГ, иссекли, испятнали, покрыли бедра и грудь множеством тонких надрезов. Один осколок воткнулся в сердце. Невидимый, впился в сердечную мышцу, и запекшиеся дышащие губы, закрытые дрожащие веки, пульсирующий впалый живот чувствовали крупцу стали, пробившую сердце.

Врачи занимали места у пультов, агрегатов, экранов. Помещали в штативы цветные флаконы с раствором, словно развешивали над десантником хрупкое ветвистое дерево с блеском стеклянных плодов. Его усыпили. Отделили и вычерпали его боль и память о том арыке, о боевой машине, куда ударил взрыв, убил механика, прожег лучом броню, рванул в сердцевине машины вспышкой плазмы. Боль и память о чеченском селе, о маленькой стрекозе вертолета, о капонири с зеленой машиной, о грохоте полковой артиллерии, – отделенные от сознания, пульсировали на экранах, скользили в электронном луче, трепетали в показаниях стрелок.

Я следил за работой хирурга и думал о природе конфликта, частью которого был раненный в сердце десантник.

* * *

«СТАДИЯ ПРИСТАВКИНА». В центрах чужих разведок, в штабах аналитиков, в советологических институтах изучали Советский Союз: его территорию, этносы, тайные и явные хвори, мучительные переломы истории, уязвимые незащищенные зоны. Чеченцы – травмированный кавказский народ, живущий в геополитическом центре Кавказа, чей фольклор помнит ужасы «усмирения» Ермолова, кошмар «депортации» Сталина. Незаживающая гематома, непрерывные, невидимые миру страдания. Это место в ключевом районе

Кавказа было выбрано для разжигания конфликта. Если здоровый участок кожи непрерывно раздражать и расчесывать, он воспаляется и в него проникает инфекция. Чечня стала мишенью изошренного воздействия, травмирующего историческую память. Эту память раздражали, расчесывали, воспаляя больные национальные чувства.

«Ночевала тучка золотая» – роман Приставкина о депортации чеченцев был представлен как один из главных «перестроечных» романов, с помощью которых разрушались константы советского строя. Идеологический департамент А. Яковлева «раздул» роман, сделал Приставкина гением. Осыпанный советскими и зарубежными премиями, затасканный по заграницам, литературный дутыш не исчезал с газетных страниц и экранов.

Его исторические, исполненные ненавистью и мнимой филантропией речи, его полубезумное от обличений лицо то и дело мелькали среди других фантомов «перестройки». Теперь он забыт, забыт и его роман. Но тогда он сыграл свою первую злосчастную роль в растравливании чеченской язвы. Лежащий на операционном столе десантник был ранен и этим романом.

* * *

К изголовью, к стриженной золотистой макушке подкатили искусственные легкие, пульсирующие, с гофрированным колыханием мембраны. Сестра приоткрыла сержанту губы, ловко и бережно вставила трубку, проталкивая в глубину, отбирая дыхание. Он отдавал машине свои слабые вздохи, свои неслышные стоны, команды, радиопозывные и коды, свои мольбы и проклятья. Неразумная машина, сотворенная из стекла и металла, подхватила его дух. Словно малый кузнечный мех, дула и дула в него, как в кузнечный горн, поддерживая слабый огонь. Не давала потухнуть.

Сдвинулись тесно хирурги – маски, бьющие изо лбов лучи. Война, политика, интересы государств и народов вонзи-

лись стальным осколком в сердце солдата, и его, умирающего, старались выпутать, выхватить из зоны конфликта.

* * *

«СТАДИЯ НОВОДВОРСКОЙ». Эта тучная, неприветливая, похожая на вечно рассерженную индюшку дама стала символом чудовищной, невозможной для других государств идеологии самоистребления, саморасчленения и распада, либеральной доктрины, согласно которой Советский Союз, а потом и Россия, должны быть расчленены на десятки небольших независимых государств, каждое из которых способно построить свое гражданское общество, свою рыночную экономику, интегрироваться в мировой капитал. Эта американская, рожденная ненавистником России Бжезинским доктрина нашла в Советском Союзе адептов. Самого крупного и коварного А. Яковлева – инициатора «народных фронтов» в Прибалтике и на Кавказе. Шахрая и Бурбулиса, восседавших рядом с Ельциным за преступным Беловежским столом. Шизофренического Шелова-Коведяева, готового отдать Курилы японцам, а также сонмища мелких и крупных журналистов, политиков, общественных деятелей, заразивших организм страны на долгие годы синюшным ядом распада.

Чечня после расчленения СССР должна была продолжить сегментацию России. В ней, согласно той мрачной, антирусской доктрине, пропитавшей официальную политику России, сознательными усилиями центра создавались основы независимой государственности. Был одобрен разгон «гэкачепистского» парламента. Трансплантирован из Эстонии «демократ» Дудаев. Была оказана идеологическая и политическая помощь. Так же, как руками Москвы, осторожными лапками Козырева создавались и поддерживались соседние с Россией, ненавидящие ее государства СНГ – им поставлялось оружие, нефть, продовольствие, блокировалось выступление отданных в рабство русских, – точно так

же усилиями антинациональных, засевших в Кремле группировок создавалась независимая Ичкерия.

Осколок, пробивший сердце сержанта, не более чем осколок той страшной, все еще действующей антирусской идеологии и политики.

* * *

Сестры пеленали голое тело, оставляя узкий просвет на груди. Осторожно сдвинули, покрыли тканью серебряную цепочку с крестиком, синюю татуировку с орлом. Мазали йодом грудь, золотили ее. Хирург поднял скальпель. Вглядывался, целился, помещая инструмент в длинный сверкающий луч. Скальпель коснулся тела, проведя полукруглый надрез. Двинулся вниз, оставляя длинный росистый след. Работала служба спасения. Брали частые анализы крови, измеряли температуру, давление. Танки, врытые в землю, поворачивали тяжелые пушки. Пригибаясь, хоронясь за холмом, пробегала цепочка солдат. Из неба, как малая белая искра, выпал штурмовик, пикировал на сады и селенья, и над ними подымались рыхлые купы разрывов.

* * *

«СТАДИЯ ШАПОШНИКОВА». Государство – это прежде всего армия. Крах советской государственности был крахом величайшей армии, державшей под контролем материки, океаны, космос, сохранявшей равновесие мира. С именем странно улыбающегося, пугающего этой лунатической улыбкой Шапошникова связана трагедия Вооруженных сил СССР, когда отдавались на разграбление танковые группировки в Закарпатье, уничтожались наземные и воздушные армии в Прибалтике, расхватывалась и осквернялась армянами 7-я гвардейская, растаскивалась и продавалась 4-я армия. Оружие за взятки, за подачки переходило в руки взбесившихся сепаратистов и тут же начинало стрелять и крушить в Карабахе, в Аб-

хазии, в Приднестровье. Кто расскажет об ужасе кинутых на произвол судьбы офицеров, их жен и детей? Кто расскажет про русских воинов, ставших от безысходности наемниками диких азиатов, стреляющими в таких же, как и они сами, русских?

Передача вооружения неандертальским режимам – дело рук аморальных российских политиков и военных, олицетворение которых – вечно улыбающаяся маска, нелепые маршальские эполеты, муть и дразги, связанные с дачей, с коррупцией, с социал-демократией, с горбачевским фондом. Этот перебежчик, «кремлевский бомбометчик», предавший Советскую армию в августе 1991 года, ответствен за передачу Дудаеву вооружения полнокровной дивизии, тяжелых гаубиц, новейших танков, несметных автоматов и гранатометов, сжигавших бронеколонны российской армии в первый день нового 1994 года. Дудаевская государственность получила оружие из рук Шапошникова. Это крупнейшее преступление перед народом и Родиной ждет своего расследования и трибунала. И мы, я уверен, доживем до дня, когда наконец перестанет улыбаться этот паточный маршал и на суд встанут из могил, придут все убитые под Степанакертом, Бендерами, Сухуми, все растерзанные и сожженные в Грозном солдаты.

* * *

Хирург протянул руку в резиновой эластичной перчатке. Сестра выхватила из кипятка, подала ему блестящий зубчатый шнур, окутанный паром. Хирург наклонился над раненым, бережно, осторожно орудовал гибкой пилой. Резкий проблеск металла, хруст рассекаемой кости.словно на груди расстегнули молнию, и раскрылась внутренняя алая жизнь. В распил вставляли распоры, поворачивали винты, и грудная клетка медленно раскрывалась, как шкаф. Становилась видна фиолетовая дрожащая пленка, плотное, наполненное кровью, страданием нутро. Сестра подносила к сочащимся кровеносным сосудам электрический коагулятор. Вспышка, треск, горевшая капелька крови, запах жареной плоти.

* * *

«СТАДИЯ ШАНИБДОВА». После уничтожения СССР Чечня на границе России оставалась геополитической шарнирной территорией, скреплявшей окрестные хребты, долины, горные проходы, пути снабжения, нефтепроводы, железные дороги. Ключевой камень в расшатанном и крошащемся кавказском куполе, соединяющий Дагестан, Ингушетию, Осетию, Адыгею, Абхазию, а также Украину, Грузию, Азербайджан. Влияние Дудаева, его деньги, эмиссары, идеология стремительно проникали к соседям, а Конфедерация горских народов Кавказа стремительно превращалась в государственное полиэтническое образование под гегемонией Чечни, обретала образ будущей Кавказской империи, ориентированной на Турцию, резко враждебной России. Чечня в своем государственном становлении, в антирусской центробежной политике лишь обогнала на пару лет Татарстан, Башкирию, Якутию, Уральский регион, губернии Поволжья, где складывались конгломерации территорий со всеми признаками государственности, враждебные Москве, через ее голову стремящиеся решать проблемы своей экономики и политики. Территория России покрывалась густой сетью трещин, надколов, зон усталости. В эти зоны и трещины бьют и бьют лукавые политики, журналисты, региональные банкиры, промышленники. «Глотайте суверенитета кто сколько может!» – этот преступный ельцинский тезис, провозглашенный после распада Советского Союза в России, – доктрина, породившая метастазы сепаратизма в Кавказском регионе, превратившая южный рубеж России в грандиозный склад порока.

* * *

Хирург точно и ловко действовал кривыми ножницами, вскрывал фиолетовую слизистую пленку, словно взрезал целлофановый пакет. Рассек, и под пленкой обнажился взбухший глянцевитый бутон. Сотрясался, наполненный соком. Каза-

лось, готов был раскрыться, превратиться в огромный огненный мак. Сердце под руками хирурга нервно, пугливо билось, на мгновение останавливалось, начинало трепетать и дрожать. И в сердечной мышце, в тканях, жгутах и сосудах был виден надрез – узкий проход осколка. Сестра протягивала к сердцу блестящую трубку, с хлопанием отсасывала кровь. Хирург пальцем подбирался под толстую голубоватую вену, пытаясь ее подхватить.

* * *

«СТАДИЯ ГАЙДАРА». Это синтезированное, человекоподобное тело, живущее не на белковой основе, а, быть может, на фосфоре и аммиаке, излучающее в сумерках болот голубоватый мертвенный свет, – он по своей жестокости, равнодушию к людским страданиям, ко всей шкале человеческих ценностей, несомненно, самое уникальное в демократической коллекции антисуществ, проникших, пользуясь своим внешним сходством с людьми, в человеческое сообщество России, осуществившее страшную, небывалую акцию уничтожения.

Существуя долгие годы как маленький, никому не видный пузырек-зародыш, Гайдар, когда настал его час и его начали вскармливать, раздулся до размеров огромного, наполненного газом шара, задавившего всю Россию. Это теперь, когда его снова спустили, он жалок, мал, мигает подслеповатыми глазками, перестал издавать свой странный, связанный с переполнением звук. Но тогда он был главным выразителем контргосударственной идеи. Он сознательно разрушал саму идею рационального государства, рационального управления, рациональной защиты гражданина и общества, предлагая сложнейшему, противоречивому миру России многонациональной, многоукладной, многопространственной, – предлагая самой сложиться в гармоничное целое. Пухлыми руками Гайдара Америка окончательно уничтожила русскую государственность, превратив русскую жизнь в мерзкий хаос с расползающимися зонами смерти, в которых

стали множиться, рыскать воры, преступники и бандиты. Не знаю, вор ли сам Гайдар. Мы видели документы о продаже криминальной «красной ртути» с подписями Гайдара и Бурбулиса. Мы знаем, что именно при Гайдаре чеченские жулики обокрали российские банки фальшивыми «авизо» с очевидным участием в этой сфере самих банков. Именно при Гайдаре «независимая», а значит, не инспектируемая МБ Чечня стала перевалкой контрабандного российского оружия. Не просто пистолетов и автоматов, но реактивных штурмовиков, танков, секретных «Ураганов». Именно при Гайдаре шла на переработку в Чечню российская нефть и пропадала бесследно, не принося в казну ни рубля. Именно при Гайдаре полилась через Чечню в Россию, а затем и в Европу, река наркотиков, и «чеченская мафия» поставила своих представителей в черноморских и балтийских портах России, в каждом среднерусском городе, терроризируя простодушных русаков. Мы не заблуждаемся, «чеченская мафия» не более чем представленная чеченцами «кремлевская мафия», куда входят, по всей вероятности, высшие лица России, та, о которых конфиденциально сообщил Ельцину глава американского Федерального бюро расследований Фри, те, кто накладывает сегодня на ход чеченской войны свой зловещий отпечаток, то ускоряя, то замедляя ее, спасая Дудаева от поражения, боясь, что в случае его пленения и суда над ним всплывут сокрушительные разоблачения.

Сержант, молодец, красавец, золотоголовый, отважный, получил сталь в сердце, расплачиваясь за преступный курс молодого безжалостного шизофреника, усвоившего на факультативных занятиях в Чикаго краткий курс колониальной политэкономии, решившего реализовать его в многострадальной, измученной его предками России.

* * *

К операционному столу подкатывали аппарат искусственного кровообращения, граненый хромированный сейф

с врезанным брусом хрусталя, в манометрах, циферблатах и трубках. Искусственное, рукотворное сердце, созданное в помощь живому. Их соединение и оживление напоминало дозаправку самолета над полюсом. Перекачку топлива в высоте на огромной скорости, медленное сближение громад, которые четко тянулись друг к другу, боясь ошибиться в касании. Малейший перекосяк и неточность – и в грохоте, истребляя друг друга, рухнут громадой обломков в полярные льды.

Человек в своей беззащитности был отдан на откуп приборам, и они монотонно и преданно сохраняли ему бытие. Память, дыхание, кровь, отделенные от человека, жили в проводах, на экранах, трепетали в стальных оболочках. Та ночная разведка и речной перекосяк с голубоватой вспышкой воды. Моросающий дождь, и сквозь зелень ночного бинокля – тропинка на склоне, пространство воды, по которому вброд пройдут боевые машины, и он, коченея, боится шевельнуться в кустах, знает – на той стороне притаился наблюдатель-чеченец.

* * *

«СТАДИЯ СТЕПАШИНА». Апофеозом «демократических преобразований» был разгром КГБ. Сильнейшая разведка мира, могучий конкурент ЦРУ, была уничтожена антигосударственниками в угоду тому же ЦРУ. Бесчисленные переформирования, усечения, угнетения, увольнение опытных офицеров, шельмование организации в целом, внедрение в структуры дилетантов и предателей превратили органы безопасности в деморализованную беспомощную контору. Вся ее беспомощность в полной мере проявилась в Чечне, когда запоздалый, животный рефлекс власти толкнул полубольного Ельцина на уничтожение дудаевского государства. Эта подрывная операция была поручена ФСК, возглавляемой «пожарником» Степашиным, и лично – «демократическому выскочке» – Савостьянову, мелкой политической пичуге, вознесенной русской бедой на вершину власти. В Чечне спешно и неумело «лепилась» оппозиция. Тасовались Автурханов и

Завгаев. Отсекался неугодный Хасбулатов. Закупались танки, вербовались в российских гарнизонах «наемники». Не имея опыта подобных операций, не зная чеченской реальности, совершая ошибку за ошибкой, плохо «сваренная» операция завершилась громогласным вторжением оппозиции в Грозный, где танковая колонна с русскими экипажами была сожжена, ополчение оппозиции рассеяно, и скоротечные расстрелы пленных, выставление на позорище пораженцев, ликование победителей, срам российской ФСК сделали Дудаева героем нации. Разворошили чеченский муравейник. Консолидировали пылких и мнительных чеченцев вокруг своего президента. Сделали вторжение российских войск в Чечню неизбежным. Чеченский микроб развивался, меняя формы, разрастаясь в болезнь, проходя инкубационные стадии. Превращался в жестокую болезнь с ее неизбежной открытой стадией.

* * *

Хирург бесстрашно и мощно, ударом отточенных кромок прорвал стенку аорты. Кровь всклокотала, натолкнулась на сталь, устремилась в трубу. Минуя живое сердце, хлынула в насос. Заработала, задышала машина, мягко, бархатно толкая алую жизнь. А живое сердце опало, притихло. Лишь слабо вздрагивало. словно рыба, выброшенная на отмель, подымала свои плавники. И на дне этого обмелевшего, высыхающего сердца, как тончайший осадок, – танки идут через реку, подымая фонтаны брызг, горит окраина города, бледные иглы трассеров, и в пожаре, сквозь копоть и дым, розовое цветущее дерево.

* * *

«СТАДИЯ ГРАЧЕВА». Русские войска неуклюже вошли в Чечню и медленно, на виду у всего мира, продвигались к Грозному. Выбрав самое удачное для своего поражения новогоднее время, вошли в столицу Чечни, чтобы тут же пре-

вратиться в груды горящей брони, в шипящее мясо, в сотни убиваемых и плененных солдат, которых военное руководство, собрав по сусекам в нищих деморализованных округах, кинуло под чеченский топор. Разгром 81-го самарского полка и моздокской бригады – это трагедия русского воинства, созвучная с Цусимой и гибелью армий у Мазурских болот. Вечная память русским солдатам, погибшим 1 января 1994 года на Вокзальной площади Грозного, в переулках и улицах во-круг президентского дворца, спасая падающую русскую го-сударственность, поваленную кремлевскими мерзавцами. Казалось, то был крах. Последнее поражение. Сигнал для се-паратистов по всей территории России, чтобы начать согла-сованный управляемый бунт против пораженцев в Кремле. Отдадим должное министру Грачеву, который в этот страш-ный час начавшейся паники войск, начавшегося ликования всех врагов государства нашел в себе упрямую силу и кинул последний резерв – десантные полки и морскую пехоту на Грозный. Уничтожил город, который по логике развернутой бойни нельзя было не уничтожить. Полумиллионный Гроз-ный разрушался средствами авиации, тяжелой артиллерии, уличными боями на глазах у изумленного мира, и вместе с домами, где погибал цвет дудаевской гвардии, гибли тыся-чи мирных жителей, граждан российского общества. Уни-чтожалась силами русского правительства цветущая часть русской земли. Уродливая и неизбежная метаморфоза демо-кратической» власти, годом раньше, осенью 93-го года спал-ившей в огне российский парламент, учинившей гекатомбу в центре столицы.

* * *

Хирург провел в сердце узкий хрустящий надрез. Про-сунул вглубь палец, осторожно водил внутри, ощупывая сердечную полость, отыскивая осколок. Кривые блестящие ножницы погрузились в надрез. Рассекли сердечную мыш-цу. Ассистенты извлекли из груди и держали в руках пустое

недвижное сердце. Хирург пинцетом сделал легкий молниеносный рывок, извлек осколок. Держал на конце пинцета крохотный кристаллик металла. Уронил в стеклянную розетку стальную острую искру.

* * *

«СТАДИЯ КОВАЛЕВА». Он из семейства тундровых лишайников, выращенных в послевоенные годы на гранитном монолите СССР. Садовники из 5-го управления КГБ и их контрагенты из ЦРУ с помощью этой диссидентской культуры управляли внутренней политикой советской империей. В конце концов вырастили из них Сахарова и Солженицына, подобных пористым грибам-гигантам в диссидентской тундре. Пересадили их в самый центр унавоженной Горбачевым общественной жизни.

Ковалев управляем, податлив, несамостоятелен, отвратителен своим карикатурным воспроизведением Сахарова, который и сам был карикатурой. Он, ельцинский правозащитник, молчал, когда убивали в Доме Советов патриотов, пытали и насиловали женщин, закрывали газеты, накладывали железный намордник на оппозицию. Он не пискнул, когда Снегур громил из орудий Бендеры, а эстонские фашисты устраивали этнические чистки, вышвыривая русских из Прибалтики. Он заговорил, как по нажатию кнопки, в тот момент, когда горящий Грозный был полон трупов, русские войска в уличных боях, теряя офицеров и личный состав, брали каждый дом, как крепость, а мировое общественное мнение ожидало случая вновь возненавидеть Россию. Ковалев своими фарисейскими выступлениями дал русофобам мира блистательный повод для ненависти.

Мы помним, как по первой проправительственной программе ТВ вручали убогие официальные сводки. Показывали летчиков-героев, садившихся в кабины штурмовиков, осуществлявших бомбардировочные удары по Грозному. И тут же по второй, «либеральной» программе и по НТВ показы-

вали убитых бомбами русских и чеченских детей, горящие детские сады и больницы. Пропаганда России, находящаяся в руках у прозападных «демократов», осуществляла эту зверскую операцию по разложению остатков Вооруженных сил. Натравливала обезумевших от горя и страха солдатских матерей на изнывающую, из последних сил сражающуюся армию. Благодаря «демократам», их прессе, их эмиссарам, и главным образом Ковалеву, вся грязь, весь кровавый сор из Чечни, как из чернобыльской зоны, разлетался по миру. Образ России устойчиво приобрел отвратительные каннибальские черты. Это он, Ковалев, под охраной чеченских боевиков приходил в распоряжение русских осажденных подразделений в Грозном, предлагая им сдаться. Это он, Ковалев, ездил многократно в Европу доносить на Россию. Это он, блеющий, слюнявый заика, возмечтал о Нобелевской премии, этой устойчивой взятке для всех русоненавистников. Теперь, как вялый жук, он пополз по стене, стремясь в президенты. Чеченская бойня как результат демократической внутренней политики, как столкновение интересов «московской и грозненской мафий», как тщательно отработанный западный проект по расчленению России усилиями ковалевых был интерпретирован как проявление свирепого каннибализма русских, которых могут остановить лишь жесткие репрессии извне.

Вся мерзость диссидентства, вышедшего из смрадного подполья в открытую политику, воплотилась в марионетке Ковалеве, которую, похоже, задержали в последнее время до шизофрении.

* * *

Лишенный сердца человек остывал, как жилище, в котором погасили очаг. Сердце лежало в ладонях хирургов, извлеченное из груди. Кривая игла проникала в сердечную мышцу, тянула за собой тончайшую дратву. Из сердца опали нити, черные, белые, как ночи и дни. Хирурги тянули ее нити, как ткачи, ткали человеку новую жизнь. Было видно, что они

страшно устали, их лбы вспотели, они работали молча и исто-
тово. Осколок, извлеченный из сердца, как малая искра, мер-
цал на стеклянном блюде.

* * *

«СТАДИЯ ЧЕРНОМЫРДИНА». Война после штурма Грозного достигла своей высшей, горячей фазы. Окровавлен-
ная, победившая Российская армия, набирая темп наступле-
ния, преследовала деморализованные части Дудаева, гнала
их к Аргуну и Гудермесу. На их плечах готова была ворваться
в опорные пункты. Но последовало «перемирие Черномыр-
дина», приказ остановить наступление. Войска, изумленные,
проклиная командование, встали. Зарывались в грязь, пере-
ходя к позиционной войне, давая противнику возможность
уйти, создать рубежи обороны, насытить позиции огневыми
средствами. Война из активной, готовой к завершению фазы
перешла в тлеющую, долговременную, питая лазареты не-
прерывными малыми порциями убитых и раненых, а сред-
ства информации – непрерывным политическим материалом,
направленным против армии и России в целом, давая беско-
нечные поводы политическим термитам внутри и вне России
использовать чеченский конфликт для поедания России. Ду-
даев, объявленный государственным преступником, оставал-
ся на свободе, бодро переписывался с Абдулатиповым, при-
нимал российских «демократов», планировал партизанскую
войну и подрывы русских атомных станций. Группы захва-
та, окружившие штаб Дудаева, готовые его уничтожить, за-
гадочными приказами были остановлены и отозваны. Злые
языки связывали остановку войны с клубком интересов, в
которые были впутаны «Газпром» Черномырдина, «Росвоо-
ружение», насыщенное ставленниками Шумейко, имевшими
связи с чеченским режимом. Нам неизвестно, какое отноше-
ние к формированию этой тлеющей фазы имеет сам нефтя-
ной миллиардер Черномырдин или покровитель «Росвоору-
жения» Шумейко. Но «Мост-банк» Гусинского, сердечного

друга Лужкова, по словам генерала Куликова, «крутит» колоссальные суммы Дудаева, отстегивая ему проценты, подерживая при этом НТВ и «Сегодня», занявшие однозначно продудаевскую позицию.

Черномырдин, этот самодовольный, вихляющий бедрами господин, выражение политической пошлости и экономического лукавства, – напрасно надеется, что «правоцентристский блок», который ему поручил возглавить Ельцин, принесет ему победу. Этот «блок» будет отвечать за кровопролитие в Москве осенью 1993 года, за превращение чеченской войны в источник долговременной политической и экономической интриги, направленной против России.

Говорят, в кабинете Черномырдина, куда он въехал после того, как турки смыли кровь патриотов со стен и полов Дома Советов, – на стене его кабинета разрастается с каждым днем багровое пятно, сквозь все побелки и гримы. Это пятно питается патриотической кровью, пролитой в проклятом московском октябре, и чеченской, пролитой на кавказской войне.

* * *

На сердце наложили шов, стягивая рану. Его опускали в разъятую грудь, и оно выплывало из рук хирургов, подобно светилу, вновь восходило в человеке. В него возвращали кровь, тепло, биения. Над ним смыкали темный свод, занавешивали, помещали в костяной короб. Работали иглы, сшивали оболочку за оболочкой, заключая сердце во множество одежд, и оно, побывав на свету, вновь начинало биться и жить в сокровенной глубине человека.

* * *

«СТАДИЯ КОЗЫРЕВА». Его глаза – изумрудная слизь. Его голос – шорох гусеницы, съедающей лист. Он – министр русского поражения, пять лет работает над ослаблением России. Он, ненавистник СССР, сконструировал отвратительное

СНГ, не давая осуществиться объединительным тенденциям. Он форсированно создавал из бывших республик Союза независимые, враждебные России государства. Наймит Америки, «дорогой Андрей», как называл его Бейкер, Козырев отсек Россию от дружественных Ирака и Югославии. Он не приемлет все, что веками делало Россию могучей и неуязвимой. В чеченском конфликте его роль – придать этому конфликту международный статус. Благодаря ему в распоряжения воюющих войск таскаются эмиссары ОБСЕ. Благодаря ему Клинтон и Коль, явившись в Москву, обсуждают с Ельциным проблему Чечни. Чечня стала притчей во языцех. За нее Россия будет платить Западу частью своего суверенитета. Любой западный премьер или президент, даже такой страны, как Люксембург, величинной с божью коровку, сможет тыкать России в нос проблемой Чечни. Чеченский кризис, пройдя множество фаз, достигнув открытой, кровавой, угаснув благодаря конструкторам затяжных локальных конфликтов, на последней упомянутой стадии превратился в незаживающую язву на теле России, в которую вживлены раздражающие ее электроды, не дающие ей зажить. По этим электродам подаются извне сигналы страдания и боли, деформирующие русскую внешнюю и внутреннюю политику.

* * *

Раненный под Гудермесом сержант, освобожденный от белых пелен, с багровым рубцом на груди, лежал на каталке. Маленький серебряный крестик свисал с плеча. Тело десантника было недвижно, наполненное сонными и наркотическими зельями, но сердце его, освобожденное от зазубренной стали, билось и жило ровно. Хирурги устало отходили, снимали розовые от сукрови перчатки, опускали маски.

* * *

Я смотрел, как увозят сержанта и его красный рубец, словно фонарь, гаснет в сумерках коридоров. И туда же по-

лупрозрачным жужжащим роем пронеслись серые духи тех, кто ранил его и измучил. Направил в бойню, превратил арыки, сады и села в поле междоусобной российской брани. Желая долгой жизни десантнику, я желал гибели этим духам тьмы, терзающим мою Родину. Пока они, словно нетопыри, усеивают золотые кресты кремлевских соборов, не бывать в стране благодати и миру. Все новые и новые катастрофы и беды будут терзать мою землю. Вот почему их изгнанию я посвящаю все силы. Вот почему мои друзья и соратники, старики и юнцы, идут сквозь тюрьмы, путчи, служа до последнего вздоха оскорбленной любимой России.

* * *

Стою в опустелой операционной среди кровавых бинтов и тампонов. Держу на ладони извлеченный из сердца осколок.

Май 1995 г.

Третий Рим или Республика Русь. Приглашение к дискуссии

«Империя погибла, да здравствует империя!» – все громче слышится на пространствах нашей разрушенной Родины. Даже записные либералы и отчаянные националисты ужаснулись содеянному. Тайно вздыхают по утраченному величию, тоскуют по контурам огромной красной страны, великой, как континент.

Давление всех слоев, всех сословий и классов, политических движений и национальных вождей вновь начинает стягивать растерзанные территории, расторгнутые народы, сжимая их в огромный Евразийский материк. Это давление, его рациональные составляющие все отчетливее формулируются политиками, промышленниками, военными, все очевиднее в высказываниях философов и художников.

Почему необходима империя? Желанно многонациональное сверхгосударство? Что заставляет государственников конструировать новую мегамашину пространств?

Беловежские ножи, действуя вслепую, впотьмах, рассекли по случайным уродливым линиям живое цветущее целое, в котором народы сочетались сложными подвижными узорами, выстилая ими необозримые земли. Давали жизнь пескам и черноземам, ледникам и теплым морям. Смешивались, проникали друг в друга, разливались по пространствам свободными животворящими потоками. Создавали неповторимое материнское поле, где созревали новая цивилизация, новая возможность действовать в мироздании, чувствовать его многоцветные спектры, осваивать опытом многонациональных культур.

Рассеченные народы корчатся и умирают. Соединяются в нелепые, нестойкие образования. Тяготеют друг другом. Враждуют, слабеют и вырождаются, затихая и кровоточа, как затихают на эшафоте четвертованные обрубки. Русские, построив на безводном Устюрте и в огненных Каракумах великолепные города и заводы, превратив хуторскую, с коровьими глазами Прибалтику в страну космических станций и океанских портов, варварски расчленены. Двадцать миллионов из них оторваны от праматери-России, кинуты под власть жестоких слабоумных царьков. Оказались в мстительном плену, лишены подвижности, творчества. С ужасом наблюдают, как взрывают созданные ими космические станции, как пыльные овцы пасутся на ракетодомах, а там, где еще недавно вращались легированные электротурбины, теперь добывают огонь трением, лепят языческих божков из кизяка и самана.

Народы своей органической жизнью и исторической памятью тяготеют к материнскому полю, преодолевают совершенное над ними насилие, складываются в прежнюю общность.

Советский Союз как имперское образование имел колоссальные объединенные ресурсы пространств, ископаемых, населения, культурных и исторических форм, которые позволяли стране осуществлять небывалые по размаху и

гибкости проекты в интересах одного отдельного народа или страны в целом, рассчитанные на год или исторический период. «Организационные проекты» – вот что жадно выхватывают и уносят в свои интеллектуальные лаборатории Америка и Германия, Англия и Япония, разгребая груды конструкций, оставшихся после СССР.

Поголовное, моментальное преодоление неграмотности. Создание национальной интеллигенции у феодально отсталых народов. Рывок в индустриальное общество. Победа в величайшей войне. Создание океанской и космической цивилизации. Планирование не просто скоростей развития, но и его ускорений, что означало победу над хаосом истории, превращение истории в рациональный процесс. Все эти колоссальные организационные проекты, осуществляемые на шестой части суши, меняющие образ земли. Сам Советский Союз с его политическими и государственными институтами и идеологией, принципами хозяйствования был грандиозным организационным проектом, остановка и свертывание которого привели к затуханию развития на Евразийском континенте. Все псевдоидеологии, псевдоэкономические доктрины, заменившие имперский рационализм СССР, являются промежуточными формами распада, реакционны и нежизнеспособны. И это остро, каждый по-своему, ощущают энергетики и специалисты транспорта, военные и культурологи, политики и социальные инженеры, для которых великое пространство ставило колоссальные проблемы и давало невиданные возможности для построения цивилизации будущего.

К соединению пространств и народов, на время разделенных, толкает сама геологическая сила, построившая между тремя океанами государство-материк, где границы совпадают с естественными кромками континента, климатическими изотермами, древнейшими ареалами расселения, а народы и территории складывались в устойчивую, выдерживающую нагрузки истории конструкцию, разрушение которой породило геополитический хаос на обоих полушариях. Попытки обуздать этот кровавый унижительный хаос иными,

неимперскими методами приводят лишь к его углублению, близят ужасающие технологические и этнические катастрофы. Выводят в историю демонов, замурованных долгие годы в монолите империи.

Все эти мотивы и доводы, говорящие в пользу империи, не объясняют метафизической тайны соединения земель и народов, культур и религий. Шестая часть суши, именованная Российской империей, а потом Советским Союзом, сочтается в целое не только гарнизонами и военными округами, единой энергосистемой и общим внешним врагам, коллективным историческим действием и наднациональным идеалом, но также и шестой частью звездного неба, шестой частью Космоса, творящего свою загадочную земную работу, перенося в пески и снега, в соленые воды и великие реки свой таинственный смысл и узор, ведомый не отдельным пророкам и духовидцам, а народам в целом.

* * *

Но пойдем и другое. Антиимперские, националистические движения разорвали на лоскутья ткань империи не только потому, что умный, блестяще оснащенный противник, разрушая потенциал соперника, вскормил и взрастил целый питомник будущих президентов, парализовал с помощью адептов имперский централизм Кремля, но и потому, что сила и универсальность имперской идеологии ослабла, утратила модус развития, не сумела включить в себя быстро растущие, экспансивные национальные идеи, сама растворилась в их едких соках.

Русские националисты – писатели, философы и политики, толкнувшие Россию к суверенитету и тем самым, как никто иной, подорвавшие СССР, были правы, утверждая, что русские как имперский народ положили себя без остатка на великой имперской стройке. Цена, которую заплатили русские, чтобы возникла, устояла и получила мировое развитие Красная империя СССР, – эта цена непомерна. Воплощая советскую

сверхзадачу, русские, один из самых здоровых, плодоносных и универсальных народов, стали иссякать в своих сокровенных источниках. Двадцатое столетие, несомненно, – русский век, где русские, в красном облачении, предложили миру свой вариант поведения, свою историю, свою глобальную идею и технологию. Россия перекроила планету в войнах и революциях. Россия всех мировых континентах. Русские военные, политики, идеологи, художники присутствовали на всех широтах, во всех инициативах, во всех коллизиях и конфликтах века. «Русский след», «русский отпечаток» лежит на всей поворотной для человечества истории двадцатого века.

Но это стоило русским непосильных трат, непомерных жертв. Иссякания этнических ключей и источников. Надрыва и убывания. Свертывания генетической спирали. Падения интереса к мировой истории.

Выпадение России из империи, тоскующий и депрессивный национализм, откат из истории, «солженицынское сосредоточение» – есть органический ответ русского народа на имперские траты.

Поэтому следует самым бережным и тщательным образом оценить суждения тех русских националистов, что призывают отказаться от иссушающей идеи «Третьего Рима», сконцентрироваться на безопасной для этноса, охранительной по отношению к народу «Республике Русь» – территории, свободной от инородцев, моноэтническом русском государстве, занятом рекультивацией подорванных народных основ.

Мы затеваем дискуссию, которая и без того ведется в обществе, вырывается на партийные форумы, становится содержанием государственной политики, формирует атмосферу в армии и разведке, возвращает русское общество к традиционным для него дилеммам: личность или государство, народ или империя.

Нам представляется важным, чтобы на указанные темы высказывались лучшие умы России, сверили свои идеи, выстроили бы наконец идеологию, с которой народ мог бы шагнуть в XXI век.

Крайне насущно теперь, после хаоса и сумбура распада, когда уже улеглась самая первая тяжелая пыль взрыва и в воздухе носится мелкая пудра и дым, – насущно выслушать идеологов «Республики Русь», наших «земцев», знающих больше других о мистических, тончайших энергиях, которые витают в народе, дают ему дыхание, веру, связывают с почвой, неослабно взаимодействуют с прошлым, делая народ бесконечным.

Пусть они объяснят, как, формируя государство из областей, заселенных этнически русскими, выдавливая за эти пределы Северный Кавказ, Татарию, Башкирию, не помышляя больше о Крыме и Северном Казахстане, примиряясь с отпадением Нарвы, – как решить судьбу тридцати миллионов русских, для которых упомянутые земли стали Родиной? Превратить ли их в русскую диаспору, судьба которой будет схожа с трагической судьбой первых двух эмиграций? Или вернуть их на исконные земли, затеяв великое, в начале XXI века, переселение народа, состоящего их тридцати миллионов беженцев? Ибо и то, и другое есть продолжение грандиозных трат, на которые обрекали народ. Как обойтись государственным «Республики Русь» со своими единоверцами и братьями, обманутыми имперской идеей?

Какой идеологией, какой культурой, какой военной или экономической силой скрепить воедино остатки русских земель, длинной полосой выстилающих северную часть восточного полушария, если и эти земли уже начинают дробиться? Русское Приморье вот-вот отпадет от континентальной России. Урал трещит, не выдерживая русского сепаратизма по обе стороны хребта. Не есть ли сегментация собственно русских территорий продолжение сегментации империи, и собственно русские земли созданы все из той же имперской материи, которая, распадаясь в одних своих частях, поражена и в других, и от скверны распада не спасет никакая ампутация?

Очень важно для идеологов «Республики Русь» сформулировать в терминах экономической географии и геополитики самодостаточность такой страны – ее способности

существовать за счет своих уникальных ресурсов, воды, нефти, меди, за счет уникальности ее географии, которая сохраняет за Россией роль великого транзита между Европой и Азией за счет своего уникального этнического потенциала, способного, несмотря на все траты, к культурному и социальному творчеству.

Им, желающим построить русское государство нового типа, придется объяснить, чем новым в русской душе, в русской философии и культуре они намерены заменить «мессианскую идею», которая в разные эпохи, облекаясь то в церковные, то в комиссарские ризы, претендовала на «всемирное», «всесветное», обнимала собой не просто родные бугорки и пригорки, но и все Мироздание, весь пылающий Космос.

Эти аргументы и доводы, накопившиеся в среде русских националистов, надо внимательно выслушать, пристально изучить, прежде чем кидаться в новую футурологию, в строительство новых башен, дабы не повторить вавилонский опыт.

* * *

Но, выслушав националистов, с неменьшим пристрастием выслушаем «имперские доводы». И прежде всего – какая идея, какой побудительный мировоззренческий импульс ляжет в основу нового «имперского братства», в которое зазываются народы, уже ощутившие силу и красоту национальных идей и верований, лишенные, и быть может навсегда, «великой интернациональной утопии», которая возвышала людей над их стойбищами и аулами, над их земскими городками и унылыми стройками, делала их «всемирными людьми», соединяла для высшего предназначения, братала во имя ослепительного будущего, спасала от трагической повседневности. В чем суть новой имперской идеи? Ибо очевидно, что одной военной мощи, или экономической интеграции, или геополитической целесообразности, спасающей от общего внешнего врага, – мало! Национальные идеи, не будучи подавленными и репрессированными, должны со-

четаться друг с другом не как арифметическая сумма, а как высший духовный синтез через светоносную сверхидею, питающую национальное чувство. Готово ли это открытие? Каков его религиозный масштаб?

Архитекторы «новой империи» уже сейчас и немедленно должны показать, по какому чертежу они намерены создавать свое грандиозное сооружение. В чем их «сопромат». Какие балки и конструкции они положат в фундамент и свод. Из чего возведут стены. Будут ли эти стены глухими и закрытыми к внешнему миру, как стены средневекового замка, или станут стеклянными, прозрачными, проницаемыми для энергий мира. Пусть расскажут, какое государство намерены воссоздать. Традиционную ли русскую монархию с шапкой Мономаха на вершине. Или президентский диктаторский централизм с универсальной «партией власти». Или систему безнациональных губерний с клеточками земского самоуправления. Или нечто абсолютно новое, где «сильные регионы» управляются «справедливым центром» и сложнейший ансамбль земель, ресурсов, этносов, климатических и экономических районов складывается в кибернетическое единство сложно и умно построенной государственной машины.

И главное, на что должны указать «архитекторы империи», будь они коммунисты, или монархисты, или новые буржуа, или лидеры государств СНГ, – какие технологии и государственные методики они намерены использовать для новой интеграции. Каких катастроф и опасностей следует избегать. Распад Российской империи в начале века и собиранье ее в коммунистический Союз был связан с Гражданской войной, унесшей десятки миллионов жизней, разрушившей материальную жизнь страны до основ. Повторение такого «военного собиранья» невозможно. Взамен ему должен быть предложен «пакет» гибких, многоэшелонированных политических, экономических и культурных рецептов, которые будут приемлемы для общества.

В недрах предлагаемой дискуссии неизбежно встанет вопрос о русском национализме, о содержании «русской идеи».

Ибо от понимания и отношения к выявленным национальным константам России зависит судьба строительства, его успех или неуспех, количество и качество трат, сетевой график и алгоритм этой величайшей стройки.

Почему в русской национальной среде, отринувшей коммунизм, усилились антихристианские, языческие настроения? Формируя новую русскую идеологию, молодые политики-националисты вскрывают языческий русский пантеон, в своих арийских упованиях вчитываются в «Старшую Эдду», в мифы о нибелунгах? Почему Православие, если оно хочет стать русской национальной идеологией, не способствовало формированию «русской правой партии», которой все еще нет, хотя, казалось, в посткоммунистической России именно такая православно-монархическая партия имеет огромные перспективы? Почему сегодняшняя Православная Церковь абсолютно устранилась от политики, индифферентна к трагедии государственного распада, не подымается до «гермогеновских» высот? И не есть ли, в подтверждение открытия Пушкина и Достоевского, сущностью русской национальной идеи ее наднациональность, ее беспредельность, ее открытость миру, ее стремление к абстракции и утопии, будь то коммунистический «рай земной» или «философия воскрешения мертвых»?

Эти проблемы неизбежно встанут, и хор высказываний, мы надеемся, станет музыкой имперского дела.

Мы приглашаем на диалог, на совместный интеллектуальный и духовный труд наших проверенных единомышленников, с кем близки и поныне. И тех, с кем нас развела судьба, но мы преисполнены к ним уважения и сердечной признательности за прежние совместные деяния. И тех, кто воспринимает нас как противников, использует против нас инструменты политической борьбы. Мы открываем наши страницы писателям, лидерам партий, священникам, политологам, главам республик и областей, военным и конструкторам.

«Завтра» – газета империи, не скрывая своего идеала, хочет услышать «музыку империи» во всей полноте и мощи.

Ибо любая мысль, любое чувство и откровение будут остро необходимы на этой громадной и, как мы полагаем, неизбежной стройке грядущего века.

Июнь 1995 г.

Зюганов

В девяносто первом я впервые увидел Зюганова в его кабинете на Старой площади, где были дорогая светлая мебель, разноцветный сервис телефонов, ритуальная секретарша и скользкие референты, одинаковые, как морская галька, отшлифованная упрямой и терпеливой волной. Я поразился тому, как непохож Зюганов на традиционного партийца. В его облике не было властности, бессознательно усвоенной самозначительности, жреческого всеведения, которое проявлялось даже у самых деликатных и интеллигентных людей, если политический эскалатор возносил их на высшие роли в партии. Вожди «советской империи времен упадка» в своем поведении, стиле, неуловимых человеческих качествах были серийной продукцией мощной кадровой машины, добывавшей сырье из глубин социальной жизни, обогащавшей, калибровавшей эту добычу, извлекавшей из нее особо ценные фракции, проверявшей образцы на прочность и жаростойкость и лишь после множества проб помещавшей эти уникальные экземпляры в высшее святилище власти. Пусть эта кадровая машина уже несколько десятилетий давала сбои. Созданные в тщательном отборе партийные кадры – одна их часть, сговорившись, уничтожила эту машину вместе с партией и страной, а другая в дни ГКЧП не выдержала социальных температур и давлений, и алмазы превратились в горстки пепла. Пусть так, но дух олигархизма был им присущ до конца.

Зюганов поднялся мне навстречу, и – не помню, что, помню, как, – ко мне обратился. В нем были радушие, некая простоватость, ожидание услышать нечто для себя важное и полезное, поучиться хотя бы мимолетно, используя встречу

с неизвестным человеком. В нем был интерес, и в силу этого – эмоциональная зависимость от собеседника. Он давал собеседнику простор, а сам словно отступал. И самое первое от него впечатление – это присутствие пытливого интереса, направленного на узнавание. В дальнейшем это первое впечатление от Зюганова, усложняясь, подтверждалось в главном.

Он – собиратель, ищущий и неутомимый. Не коллекционер, не энциклопедист, не скопидом, а, пожалуй, пчеловод, огородник, садовник, имеющий дело с живой природой, прилагающий усилия к тому, чтобы жизнь приумножилась, не разорилась, усовершенствовалась сама в себе. Это народный, пожалуй, деревенский тип человека, проводящий век с природой, а не с вещью. И это природное качество спасало и будет спасать Зюганова в периоды, когда цивилизация вещей и предметов взрывается, ломая колоссальные суммы механических представлений и ценностей.

Вскоре после знакомства Зюганов пришел ко мне в редакцию «Дня», на Цветной бульвар, в еще не разгромленный «переворотчиками» кабинет, не затоптанный боевиками Лужкова, ворвавшимся в редакцию октябрьским утром 93-го года. На дворе была весна 91-го, и мы уселись за большой стол, на котором стояла банка с первыми полевыми цветами. Он спросил меня, не считаю ли я необходимым подготовить воззвание, в котором известные стране патриоты обратятся к народу, призовут его к сплочению перед угрозой беды. А беда, сказал он, почти неминуема. Партия распадается, государство раскалывается, Горбачев уничтожает страну, и обвал неизбежен.

Из этого разговора через несколько дней возникло «Слово к народу», и Зюганов все за тем же большим столом читал исписанный мною листок.

Это была исключительная, не свойственная партии попытка обратиться к народу через голову генсека, апеллировать напрямую к растревоженным, лишенным ориентиров людям. Это чем-то напоминало сталинское: «Братья и сестры», когда уповать было больше не на что: ни на КГБ, ни на партийные

деньги, ни на мистику власти, – а только на «братьев и сестер», которых ожидало впереди великое горе – потеря страны. Эта самодеятельность не увенчалась успехом, не подкрепилась ГКЧП, тем не менее, она показала, что в КПСС уже существуют две партии – одна народная, готовая с остальными патриотами сражаться за Родину, а другая – олигархическая, открывшая крепостные ворота врагу. Зюганов, еще не подозревая о своей будущей роли, действовал как «народный партиец», подготовленный к этому всем своим складом.

Страшная трещина, пробежавшая у самых ног Зюганова, оставила его вместе с убиваемым народом, навсегда отделила от сонма перебежчиков, возвращенных на жирных номенклатурных калориях, унесших к врагу партийные сейфы, секретные связи, стратегические проекты. Они обокрали партию интеллектуально, оставили без мозговых и организационных центров. «Слово к народу», в создании которого Зюганов сыграл ведущую роль, было прообразом народного сопротивления, в котором увязла и продолжает увязать смертоносная политика власти.

Одна из очевидных заслуг Зюганова – это кропотливое и мучительное собирание партийной интеллигенции, возвращение партии ее умственных сил, ее интеллекта и штаба, где продолжают, пусть еще робко, теоретический поиск и стратегическое планирование. Ослепленная, с вырванным языком сегодня компартия возвращает себе зрение, речь, политическую прозорливость.

Еще одна встреча с Зюгановым, в августе 91-го, после катастрофы, когда в воздухе свистела секира, острая, как бритва, и все недавние властители, непреклонные витии пригибались к земле, пропуская над собой свистящее лезвие, и у всех была единственная мысль – уцелеть. Тогда, в августе, как огромное черное чудовище в океане всплывал социальный страх, и все молниеносно совершенные перемены – отпадение республик, перехват власти, запрещение партий, аресты правительства – совершались в атмосфере социального страха, который впрыскивался сквозь форсунки телевидения, поддерживался

камланием рок-ансамблей, словно со всех чердаков сорвались нетопыри и темные духи, подавляя волю к сопротивлению.

Зюганов пришел ко мне в «День», когда газета была еще под запретом, мы недавно вернулись с пикетирования полторанинского Министерства печати, стояли под дождем с плакатами на груди, требуя открытия «Дня».

Зюганов был подавлен, растерян – без кабинета в ЦК, и, мне казалось, – подъем, царивший в редакции, дух сопротивления, наш маленький коллектив, являвшиеся к нам писатели-патриоты, казаки, руководители патриотических, еще очень мелких организаций – все это успокаивало Зюганова. Эти многочисленные непокорившиеся романтические люди говорили о России, о Христовой жертве, о Минине и Пожарском, об этике отпора и жертвенности – эти люди были важны Зюганову, он жадно общался с ними, чему-то у них учился, присматривался к ним, и, быть может, тогда зародилась в нем идея слияния двух разгромленных «демократами» сил – коммунистов и национал-патриотов. Быть может, тогда, со времени его визитов в «День», родилась политика соединения «красных» и «белых» в единую оппозицию. Сначала интуитивно, а потом и осознанно он старался окружить свою разгромленную партию, лишённую кожи и всех защитных и иммунных систем, окружить спасительной оболочкой из патриотических движений, заслониться этим экраном от беспощадных «победителей». Патриотические движения как бы бинтовали раненую партию, позволяли оправиться, пережить самый страшный для нее период – остановить кровь, срастить переломы, зарубцевать раны. Было ли это тактикой умного политика или естественным произвольным слиянием двух ущемленных и униженных фрагментов общества – Бог весть. Но это слияние состоялось. Встречи, знакомства, партнерство и дружба в стане «левых» и «правых», первые заседания этого пестрого товарищества, из которого вырос Фронт национального спасения, – они проходили у меня на глазах, часто в редакции «Дня». Я видел, как сложно, умно и терпеливо Зюганов взаимодействует с Бабуриным

и Константиновым, с Астафьевым и Саенко и как сплачивается Фронт, как он начинает действовать в парламенте, на улицах, на столичной площади и в удаленной провинции, преодолевая внутренние распри и дразги, втягивая в себя все новые силы, рождая все новые яркие фигуры, захватывая своей гравитацией Руцкого и Хасбулатова.

Триумфом Фронта, его исторической миссией и трагедией было восстание в октябре 93-го года, оборона Дома Советов, где сгорел Фронт, сгорел «День», сгорел целый период российской истории.

Образ коней, белого и красного, на которых восседали Борис и Глеб, – этот иконописный символ стал метафорой современной России, где энергия социальная сливается с энергией национальной, порождая идеологию абсолютно новых политических движений, крупнейшим из которых суждено стать «русскому коммунизму».

Коммунист Зюганов в союзе с патриотами-государственниками сломал стратегию «демократов», по которой слабая, еще не упрятанная в хитин «демократия» должна была выиграть историческое время, натравив «белых» на «красных», спровоцировав «белый реванш», воспроизведя на новом витке гражданскую войну в России, где «белые» потерпели в начале века сокрушительное поражение от «красных». Эта стратегия провалилась, бойня между коммунистами и националистами не состоялась. Фронт национального спасения торжественно провозгласил конец гражданской войны, и на всех торжествах и мероприятиях Фронта имперский трехцветный стяг – черный, золотой и белый реял рядом с красным знаменем коммунистов, а «красный поп Пичужкин» на анпиловских митингах славил Сталина и Христа.

В это союзе, установленном в те роковые дни и по сей день до конца не растаявшем, – непреложная заслуга Зюганова.

В октябре 93-го года в Москве лютовали ельцинисты, действовал комендантский час, обкуранный ОМОН врывается в дома, взламывает багажники автомашин, когда ДОМ СОВЕТОВ, черный и страшный, был образом смерти, когда аресто-

вывали и кидали в тюрьму наших товарищей, а «День» был разгромлен, и одеклоновый телеведущий Молчанов рылся в моих архивах, я встретился с Зюгановым на Миусской площади. Мы крутились по Москве на стареньких «Жигулях», отрываясь от коржаковской «наружки», обсуждали последствия разгрома оппозиции, остававшиеся возможности сопротивления. Я видел, как тяжело Зюганову, какие сложные решения ему предстоят, чтобы спасти свою запрещенную партию, над которой нависла угроза истребления. Умной, осторожной, взвешенной политикой, рискуя иногда показаться конформистом, используя весь свой политический такт, Зюганов вывел партию из-под удара, привел ее в декабре к выборам, сделал КПрФ реальной политической силой страны, почти единственной оппозиционной организацией, о которую споткнулся и продолжает спотыкаться режим. Я знаю упреки в адрес Зюганова наших радикалов, укрепляющих его за телевизионный призыв к народу 3 октября после кровопролития в «Останкино», когда он просил людей воздержаться от участия в беспорядках. Не стану его защищать, есть правда в упреках радикалов, некоторые из которых заплатили за сопротивление тюрьмой, побоями, потерей близких. Но, должно быть, именно это заявление лишило ельцинистов возможности уничтожить КПрФ, как они уничтожили и запретили Фронт, РКРП, РНЕ и других. Но чего стоили призывы радикальных партийных вождей штурмовать «Останкино»? Что стоило молчание вождей в ночь с 3-го на 4-е, когда уже «Останкино» было в крови и утренний штурм был очевиден, а безоружные люди на баррикадах не были выведены из-под удара? Что стоили заявления Союза офицеров о поддержке армии, а заявления народных депутатов – об активной поддержке регионов? Почему радикалы, взывавшие к революции, не добились забастовок в Москве? А попытка захвата военного штаба на Ленинградском проспекте – не свидетельство ли это безответственности и истерики?

У защитников Дома Советов не было организации, не было единого управления, не было глубокой стратегии, что и привело к катастрофе и поражению. И все, кто сегодня ки-

дает камень в Зюганова, сохранившего самое драгоценное, чем располагает оппозиция, – политическую организацию, пусть все они посмотрят на себя непредвзято и ответят: может быть, и сегодня они, неорганизованные, ссорящиеся, экзальтированные, не умеющие работать на заводах, в гарнизонах, вновь кинут народ на баррикады? Народ не пойдет за шумным вождем-одиночкой, доколе не увидит его во главе разветвленной дееспособной партии, объединяющей вместе рабочих, военных, интеллигенцию. Только тогда, опираясь на партию, вождь имеет моральное право звать за собой народ, гарантируя ему победу.

Зюганов не просто возглавил запрещенную в 91-м году компартию, не просто вместе со своими соратниками выиграл процесс в Конституционном суде, вернувший партии легальный статус. Не просто избежал разгрома в 93-м и привел КПРФ в Госдуму. По существу, он создал новую партию, способную действовать в условиях усеченного буржуазного парламентаризма, когда традиционная правящая КПСС была уничтожена вместе с социалистическим государством – с Госпланом, Госнабом, со всеми централистскими институтами управления. А все, что осталось от КПСС, было уже не партией, а остатками остатков партии, было ботвой, а не клубнем. Клубни же были вырыты и выброшены. И из этой ботвы, из этих остатков, из растерянных человеческих сумм, потерявших вождей, помещения, финансовые средства, без идеологии, без боевых и подпольных фракций, без опыта существования в новых жестких условиях, – из всего этого Зюганов с товарищами создал и продолжает создавать эффективную организацию, способную не просто выжить, но и «делать политику», влиять на режим, избежать судьбы партий-маргиналов, чей удел – сектантство, внутренние распри, имитация отживших форм, крохотные митинги, собирающие все меньше приверженцев.

Я не был никогда коммунистом и не знаю законов внутрипартийной жизни, не знаю, сколь мучителен этот процесс перекраивания компартии. Так, должно быть, древние рыбы, когда стали высыхать океаны, вынуждены были выйти на бе-

рег и двигались, ломая плавники, хлопая жабрами, наращивая себе ноги и легкие.

В этом наращивании – еще одна заслуга Зюганова.

У Зюганова свой стиль – доверительный, простодушный, слегка окрашенный не иронией, но юмором. Даже и не стиль, а естественная, органичная «народному человеку» манера держаться, говорить, думать, общаться. Он любит бывать с людьми, не боится появляться на сходках, конгрессах, конференциях, митингах. Вот он – на писательском съезде. Вот – на палубе атомного крейсера. Вот на монархическом совещании. Не для того, чтобы показаться, а для того, чтобы послушать, поучиться, узнать новость, окунуться в социальный поток. Когда с ним говоришь, не возникает ощущения, что он информированнее тебя, а напротив, он вслушивается в тебя, ожидает от тебя мысли, ждет, не мелькнет ли в твоём разговоре оригинальная идея. И он мгновенно ее усваивает, перерабатывает, вставляет в непрерывный, длящийся в нём процесс самообучения. Он – прямая противоположность «демократическим» всезнайкам, будь то Гайдар или Явлинский, которые с кафедральной навязчивостью укоряют, поучают, издеваются над темными и непосвященными. Но мы-то знаем: там, где прошли эти всеведущие кафедры, там смерть, разрушения, человеческие слезы и кровь. Зюганов осторожен в утверждениях, и эта осторожность – тоже следствие его народности, его русского понимания того, что в жизни много безымянного, неназванного, быть может, и вовсе непознаваемого разумом, а только сердцем, и всякое жесткое определение и последующее за ним жесткое действие – уничтожение этих безымянных ценностей.

Зюганов – русский интеллигент, каким его формировало гуманистическое XIX столетие и социалистический XX век, наградив здравомыслием, душевностью, острым интересом к человеку. Я видел, как он терпелив с врагами, поносящими и оскорбляющими его. Сколько стоят ему эти сдержанность и терпение. И это – не слабость, а этика учителя и священника, терпение инженера и врача, имеющих дело с грехом и болезнью, с неустроенностью и недостаточностью жизни.

«Демократические» враги, желая уничтожить коммунистов и патриотов, изобрели для них расстрельный ярлык – «красно-коричневые». По «красно-коричневым» стреляли танки Евневича в августе 93-го года, «красно-коричневых» расстреливал беспощадный Романов у стены стадиона, «красно-коричневых» на телевидении травили Сванидзе и Минкин.

Недавно в станицу Вешенская на юбилей Шолохова привезли приветствие Зюганова, и многотысячное собрание казаков, как известно, изрядно потерпевших в свое время от «красных», стоя, аплодисментами поддержало Зюганова. Врагу не удалось деморализовать компартию, и ярлык «красно-коричневые» утратил свою расстрельную силу и стал почти любимым в народе. После чего человеконенавистник Сванидзе, заросший от ненависти дурным волосом, вынужден был от него отказаться.

Обстоятельный, открытый, «прозрачный» облик Зюганова, его понятный и не страшный людям образ, его огромный лбище, голубые под пшеничными бровями глаза, рокочущий бас, широкая, вразвалку, поступь нравятся людям. Он свой, народный, не обманет, не обидит. И этот образ лидера слился в сознании людей с образом партии, которую «демократам» не удалось превратить в чудовище. И многие из моих друзей, далеко не «красные», земцы, монархисты националисты, говорят: «А за кого голосовать-то еще? За Зюганова!»

И в этом – очередная его заслуга.

* * *

Коммунисты утверждали, что у истории есть законы, что они, коммунисты, познали эти законы, с помощью «партии нового типа» владели этими законами, а с помощью «государства нового типа», СССР, стали управлять историей. В этом смысле можно сказать: история СССР – это история управления историей с помощью партии, которая ведала исторические законы. Партия в своем развитии превращалась в государство, а государство – в машину, вырабатывающую уникальный продукт – историю.

Оказалось, что выработанный этой машиной продукт отличался по составу и качеству от того, каким он мыслился первоначальным ее конструкторам. Этот продукт взорвался внутри машины и разнес ее вдребезги. После СССР история России снова превратилась в стихию, в игру свободных сил, в неуправляемую природу, которая омывает человеческую цивилизацию, причудливо шлифует ее, протачивает в ней дыру, проступает на ней экзотическими мхами и лишайниками. Парламентская партия подобна сооружению, использующему историю для своего движения, как ладья – воду, а самолет – небо. Компартия, как ее замышляли отцы-основатели. Сама творила небо и одновременно летала в нем, создавала океан и одновременно его бороздила.

Способность управлять историей сегодня переместилась на Запад, давно порвавший с традиционным парламентаризмом. Стала двигателем западной цивилизации, которая толкает историю в нужном ей направлении, исповедуя ценности загадочного, скрытого в этой цивилизации олигархизма. В сторону, противоположную той, куда толкал ее Советский Союз.

Расхожее в сегодняшней патриотической среде утверждение о естественном ходе вещей, о чутком восприятии исторического момента, о доверии к матери-истории порождает в этой среде множество нарядных явлений, облекших себя в кокарды, лампасы, генеральские эмблемы и символы. Патриоты красят купола, реставрируют лепнину дворцов, переименовывают улицы, а мимо, размытая и едва заметная для наших глаз, несется другая управляемая цивилизация, и если ее неосторожно тронешь, она отрывает руку, а если ослушаешься, она пошлет в тебя «томогавки», запрет в резервации.

Я подозреваю, Зюганов остро чувствует эту дилемму: оставаться ли ему лидером традиционной парламентской партии, в которую он превратил КПРФ, давая ей возможность выжить и действовать и одновременно обрекая ее на унылый парламентаризм, или же, исцелив организацию, оснастив ее запасом социальной прочности, снова, продолжая коммуни-

стический завет, бросить вызов пошлой стихии, предпринять попытку здесь, в России, овладеть историей, перехватить ее у Запада, развернуть в «русскую сторону», туда, где мерещится «русское будущее», «русское солнце», «русская несказанная мечта». Что это за «мечта» и «солнце», даст ответ теория и идеология Русского Коммунизма, на освоение которой, я убежден, Россия потратит следующий век.

КПРФ занята сегодня изнурительным партийным строительством, парламентской маетой, но она будет той партией, в которой возникнет теоретический центр, футурологический штаб, разрабатывающий теорию Русского Коммунизма. Станет ли Зюганов начальником этого генерального штаба? По силам ли ему следующий, вслед за «державным», рывок в новизну? Или это будет иной человек?

У Геннадия Зюганова очень много сил и возможностей. У него много сподвижников. Он открыт для будущего.

Хотелось бы видеть, как он согнется и выстоит под этой огромной ношей, вмененной ему русской судьбой.

Сентябрь 1995 г.

Мистика Восстания

Не будучи богословом и не обладая пророческим даром, я тем не менее остро ощущал метафизический смысл совершившегося осенью 93-го года, когда ломалась не просто политическая система, не просто период истории, а гнулась незримая ось, вокруг которой вращается мирозданье. Все события тех дней – смерти, подвиги, пожарища – казались мне мистерией, в которой русская жизнь проходит свой Крестный путь.

Я сверял мои впечатления с впечатлениями других участников событий, и многие из них чувствовали то же, что и я, – сокровенный мистический смысл, наполнявший те ночи и дни.

Английский студент Вильям Пис, пришедший к Дому Советов в первый же час после преступного указа и посе-

щавший народные сходы у костров, в палатках, на митингах, говорит, что у него было чувство, будто здесь расцвел благоухающий сад. А когда он явился сюда после расстрела и бродил среди бронетранспортеров и танков, ему казалось, что этот райский сад вырубали.

Прихожанин Никольского храма, что у Хамовников, услышав о предстоящем 3 октября выносе чудотворной Владимирской иконы Божьей Матери, предостерег: «Там, подле иконы, соберется множество бесов». И верно, люди по телевизору узрели в храмовом шествии много администраторов, через несколько часов отдавших приказ стрелять в народ.

Режиссер Николай Бурляев, провожавший 3 октября митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, подходя под благословение, услышал от владыки: «Из определенных источников обретается знание того, что кровь будет... Я сделал все, что мог...» После расстрела Бурляеву казалось, что Москва погрузилась в преисподнюю.

Отец Виктор, все дни у Дома Советов служивший непрерывный молебен, сообщил, что иконы, прежде откликавшиеся благодатно на его молитвы, внезапно, в ночь с 3-го на 4-е, замолчали. Молитва его не находила отклика и как бы «падала в пустоту», что указывало на неизбежность беды. Когда утром началось побоище, отец Виктор с образом двинулся навстречу стреляющим «бэтээрам», стремясь остановить убийц... Люди видели, как он идет среди пуль, и считали его погибшим, однако он спасся, что считает несомненным чудом.

Библиотекарь Марина Корина рассказала о вещем сне за несколько дней до побоища – когда она видела штурм Дома Советов, черных, как чертей, омонцовцев, а когда все стряслось, явь напомнила тот кошмарный сон.

Глава Конституционного суда Валерий Зорькин очень скупно рассказывал о своих переживаниях, однако обмолвился, что его собака, чувствуя близкое столпотворение, вдруг в несколько дней облысела, а утром 3 октября он, выйдя на балкон своего дома в Крылатском, увидел темный крест во все небо, который медленно плыл в сторону центра к Дому Советов.

Юрий Власов, в ночь перед штурмом, ожидая кровавого исхода, увидел, как над Домом Советов взвилась огненная спираль ввысь, в небеса, в самую глубину мироздания.

Вице-президент Александр Руцкой, который, судя по его книгам, обладает мистическим опытом, рассказал мне, что в «Лефортово» в камеру был допущен монах из Псковско-Печерского монастыря, чудесным образом преодолевший запреты начальства, охраны, засовы. В камере монах поведал Руцкому нечто важное и духовное, о чем тот не пожелал мне сказать.

Лидер РКРП Виктор Анпилов, атеист и революционер, шагая по тюремному дворику под железной решеткой, сквозь которую падал снег, испытывал соединение с другими, жившими до него революционерами, героями и мучениками, отстаивавшими добро и справедливость.

Председатель Союза офицеров Станислав Терехов, будучи до Восстания «красным» и атеистом, после всех испытаний, выйдя из тюрьмы, обратился к Богу, крестился и венчался с женой.

Артистка Наталья Варлей, увидев 28 сентября колонну солдат, готовых напасть на баррикады, кинулась к ним, говорила с ними, молила, и ей казалось, что эта молитва остановила солдат, отвела в тот момент беду. Когда она видит теперь отремонтированный Дом правительства, окруженный острой оградой, ей кажется, что это вместилище зла, а на отточенных кольях изгороди ей чудятся головы мучеников.

Илья Константинов, лидер Фронта национального спасения, утверждает, что пройдя сквозь Восстание, казематы, страдания, он прошел сквозь очищение. Он понял, что восставший народ всегда прав, что в восставшем народе живет дух правды и даже внешне разгромленный народ остается духовно непобедим.

Эти и многие другие суждения заставили меня взяться за перо и осмыслить дни октября как мистерию, в которой просверкал истинный смысл бытия, а восставший народ выразил Божественное откровение.

Мистики, кому открыто высшее знание, учат: во Вселенной есть источник света и источник тьмы. Источник света пропитывает мир светом, а источник тьмы пропитывает мир тьмой. Там, где в земной истории встречаются свет и тьма, там происходят битвы, совершаются восстания, падают троны, творятся великие подвиги и великие злодеяния. Через Россию, утверждают духовидцы, в мир приходит свет. Человечество устраивается на земле как единая семья, обращенная к свету. Этому обращению противодействует закон тьмы, выстраивая человечество как огромную пирамиду, на вершине которой восседает зло. В своей истории Россия сражалась не с народами и царствами, а с законом зла, не давая воздвигнуться пирамиде. Русские святые и мученики – это служители света, и головы их украшены золотыми солнцами.

Народное восстание осенью 93-го года – еще одно сражение света и тьмы, в котором через жертвенную русскую кровь и вековечный русский подвиг победил свет, а тьма, готовая затопить мир, отхлынула.

Душное лето 93-го года несло приметы апокалипсиса, словно в град въехала Блудница Вавилонская, и повсюду совершались осквернения и злодеяния.

Был убит Поляничко, который носил в себе тайный замысел «нового курса», имевший целью отстранить от политики самых злостных разрушителей и ненавистников, – его темный, усыпанный цветами гроб выставили в Доме Советской армии, и в траурном карауле стоял убийца. Тогда же, на Пасху, сатанист в Оптиной пустыни убил резаком трех монахов на устрашение праведных и молящихся. Тем же летом в центре Москвы, на месте, где стоял Храм Христа, а позже был вырыт бассейн, – на кафельном иссохшем днище бассейна было учинено камлание, когда бесноватые упражнялись в бесчинствах, глумились над святынями, совершались мерзости, и не нашлось никого среди властей и церковников, кто бы их прогнал. Тогда же по улицам Москвы пронесся безумный бензовоз, взорвался среди толпы, и адский огонь сожрал множество людей, среди них – детей и беременных женщин. Ельцин, напялив на голову десантный

берет, облачившись в тритоний мундир, разъезжал по гарнизонам, подбивал генералов стрелять в народ, тряс перед фотокамерами автоматом. А в Бетховенском зале музыканты, танцоры, сочинители куплетов и вирш требовали от президента казней. Тогда же, как говорили странствующие богомольцы, во многих церквях России плакали иконы – из темных досок сочилось, как слезы, капли мирра.

Чуткому уху было слышно, как летают по Москве невидимые духи, рассекая воздух отточенными перепонками, заостренными клювами, чешуйчатыми хвостами. Когда 21 сентября на экран выкатилась голова Ельцина и зачитала преступный указ, случился неслышный вакуумный взрыв огромной мощности, унесший в секунду целый период российской истории, истребивший огромный слой времени, и, казалось, разверзлась безвоздушная пустота. Те, кто явился той ночью к Дому Советов, чувствовали эту пустоту, стоя у одинокого костра, где дымились доски мусорного ящика и две–три согбленных фигуры мутно брели в темноте.

Так же как недавно копились духи тьмы, точно так же стали слетаться духи света. Они являлись в образе простых людей. Возникали из тумана, из холодной московской тьмы. Разводили костерки, сгребали в них щепки, опавшие листья, ветки деревьев. К утру вокруг Дома Советов горели костры, сновал народ, появился флажок, другой. Засипел, зарокотал мегафон. Как в старину на сечу из разных краев и уделов сходились дружины князей, сливались в единую рать, так сюда, на Красную Пресню, каждый час, каждый день прибывал народ. Привела свою «сотню» «Трудовая Россия» Анпилова. Терехов привел свой суровый Союз офицеров. Казак Морозов поставил своих «станичников». Пришли баркашовцы, протопав бутсами по холодным камням. Текли ручейки – отставные офицеры, богомольцы, священники, замелькали знакомые лица актеров, писателей. Разгорался непрерывный, денный и ночной митинг. Трибуна пестрела флагами. У костров, у ветхих палаток, у колючих баррикад копились люди, шумели дискуссии. Братались, делились хлебом, пускали на

ночлег, постилая полу шинели. Возникал Добровольческий полк. Сновали гонцы. Мешались воедино депутат и бомж, разведчик и сельский батюшка, вождь политической партии и известная народу артистка. Пел детский хор ангельскими голосами, хрипела грозная казачья песня, тянулся сладковатый псалом, грохотала «Война народная».

Это были люди России, которые откликнулись на трубный глас. И казалось, за каждой ратью, за «красной», за «белой», за каждой прибывавшей подмогой стоит свой светлый дух, летит свой светлый Ангел.

И когда на улицах и площадях начались столкновения, ОМОН калечил старух, кипела толпа на Смоленской, народ, разметав преграды, бежал по Крымскому мосту, казалось, над Москвой, в снегу, в дожде, в бледном осеннем солнце сшибались духи света и тьмы, и чуткое ухо слышало небесную брань.

День 3 октября. «Три часа победы». Когда прорывали блокаду, все, кто был в этой счастливой толпе, пережил мистические ликование, словно солнечный столп вознесся над синей рекой, и кто-то огромный, в белоснежных одеждах с золотыми полосами смотрел на людей своим чудным лицом.

Богословы утверждают, что в земной истории на разных ее этапах постоянно воспроизводится жизнь, смерть и чудесное воскресение Иисуса Христа. Мистический смысл истории в том, что она несет в себе символическую метафору Христовой жертвы. Богословы говорят, что история и судьба России – это воспроизведение народом жизни и жертвы Христа. Если это так, то события дня 3 октября соответствуют ликующему въезду в Иерусалим, а события вечера 3 октября и утра и дня 4-го – есть Голгофа, казнь, крестное распятие «агнца». Так пытаются истолковать промыслительные умы страшную бойню, учиненную ельцинистами над русскими женщинами и мужчинами в центре Москвы на глазах всего рода людского, созерцавшего русскую жертву и русский подвиг.

Теперь из прокурорского расследования известно, что у «Останкино» народ не стрелял, штурма телецентра не было. Люди пришли к ненавистой башне, к поганому идолищу,

источавшему отраву, нечистоты, сеющему безумие и растление, пришли, чтобы выразить свое негодование. И здесь, у подножья этого идолища, у этого языческого кумира была принесена первая кровавая жертва. Синие трассеры чертили жуткие иероглифы, крупнокалиберные пули драли в клочья тела, «бэтээры» с безумными экипажами носились в толпе, уничтожая все живое. Там, под огнем еринских пулеметов, русские люди совершали подвиг самопожертвования. Закрывали друг друга телами, сын вытаскивал раненую мать, старик нес убитого внука, женщины рвали на бинты платья, и всех накрывала смерть.

Ночное сидение окровавленных палачей в Министерстве обороны было сидением опьяненных убийством демонов, думающих, как страшнее, напоказ, на устрашение русским продолжить казнь.

Все, кто наутро 4 октября атаковали Дом Советов, уничтожая безоружных «палаточников» и «баррикадников», наполнял пулями и лужами крови вестибюль Дворца, дырявил танковыми снарядами стены, поджигая жуткий факел на набережной, а потом расстреливал, насиловал и пытал, ночью на черной барже отправлял по реке горы трупов все они – Катенев, Грачев, Ерин Барынкин, Куликов, Романов, Волкогонов, Кобец, Евневич, – все были участниками ритуального убийства, проходившего под ведьмовские завывания Ахеджаковой и Казаковой, под зубовный скрежет Сванидзе. У всех у них будет обнаружено одинаковое трупное пятно, похожее на рогатую козлиную голову, – награда за тот ритуальный расстрел.

Те, кого расстреливали, вели себя как первохристиане на арене римского Колизея. Пели, молились, прощали друг друга, обнимались, стирая друг другу слезы, укрепляли слабых духом. Но иные русские воины, когда шлепали по ступеням подошвы палачей, не сдавались, убегали наверх, на горящие этажи, отстреливались до последней пули. И души этих витязей уносились в свистящем огне в бледное московское небо, где накануне в золотом сумраке протянул журавлиный клин.

Потом было военное положение, немота, тьма. Как будто Россию придавило плитой, той самой, многопудовой, которую надвинули на Гроб Господен, схоронив под ней снятого с креста Спасителя. Омоновцы, черные, в масках, похожие на чертей, как их изображают на фресках, сновали по Москве, врывались в жилища, грабили лавки, хватали и избивали. Вожди восстания сидели в темницах, народ лежал в прахе, и казалось, торжествует зло, и вечный ему памятник – обугленный, похожий на череп Дом Советов. В этой немоте, как воронье на погосте, слышны были голоса Шумейко, Лужкова, Филатова, витали упыриные лики Немцова и Явлинского, раздувался, как кровавый пузырь, Гайдар. И было ощущение, что мародеры ходят среди убитых воинов, срывают с них кольца, кресты, торопливо суют в свои воровские сумки. Такими были дни после положения во гроб. Так их трактует православное чувство.

И вдруг – великое таинство, связанное с Воскресением, отнявшее в одночасье победу у черных победителей, вернувшее России свет. Мы помним, как вначале невнятно, потом все отчетливей и видней заволновались, замельтешили бесы, словно их кто-то ненароком начал крестить, Начали уменьшаться, тонко попискивать, жаловаться. Стали вдруг рядиться в тех, кого только что истерзали, примеривали на себя уворованные ризы и одеяния.

Вдруг стали говорить о патриотизме, проталкивая слово «Россия» с шипением сквозь гусиные горла. Мистическая зимняя ночь во время подсчета думских голосов, задуманная царственным бесом как шабаш на Лысой горе, как пиршество победителей. Расселись со своими самками за столами, полными яств, чмокали, лобзались с ужимками, и вдруг, как молния с Востока, от Тихого океана полетела на них беда. Сверкнул грозный свет, электронные табло стали выбивать на своих циферблатах итоги голосования, и стало видно, как русский народ молча проклиняет своих палачей. И какая собачья свадьба тут началась, как крутила мышинным хвостом белесая дикторша, как заходился в истерике ненавистник Карякин, как набряк дурной кровью Чубайс. Все они в ужасе, будто при крике тре-

тьего петуха, полетели вон из Храма, застревая в оконных рамах в срамных позах, жалкие, сморщенные, обессиленные.

Именно тогда стал на глазах уменьшаться Гайдар, превращаясь обратно из огромной раскормленной лягушки в скользкую икринку. Именно тогда произошло чудо: вопреки ельцинским стражам растворились двери тюрем, и герои восстания вышли на свободу.

В канун Пасхи ставят в печи просфоры, белые пресные хлебы. Затворяют заслонкой печь, и огненная сила проникает в пшеничное тесто, мистической силой претворяет хлебную плоть в плоть Господню.

Россия, поваленная, оглушенная, снятая с Креста, упрянтанная во гроб, восставала, наполняя грудь первым глубоким дыханием. И длани ее, пробитые гвоздями, стали искать меч праведный.

О палачах особая речь. Они еще носят мундиры, разрушают города, получают премии, паясничают на презентациях. Но они испытывают ужас. Вглядитесь в их лица. Они иссохли, как от страшной болезни, покрылись буграми, на них проступила синева разложения. Их глаза бегают, их речь невнятна, они ищут прибежища, покупают квартиры в Англии и Испании. Ночами им слышится железная поступь по лестницам, хлопанье лифтов, угрюмое урчание моторов. Они встречаются тайно и шепчут друг другу о жестоких временах. Эти времена неминуемы. Как были истреблены палачи, расстреливавшие казаков и крестьян, пытавшие дворян и священников, насиловавшие гимназисток и сестер милосердия, так будут уничтожены эти. Ибо мистика возмездия в том, что оно неминуемо. И на иудином дереве задохнутся в тепле все, кто душным летом 93-го года требовал смерти и обрек на мученичество полторы тысячи невинных людей. И дети палачей, если отцы их избегают кары, будут умирать от невиданных болезней, падать от невидимых пуль и не будут знать, что это действует мистический закон возмездия. И никакие лицемерные свечки в их окровавленных руках, никакие храмы, которые они строят на краденые богатства, не спасут их перед сверкающим ликом возмездия.

Еще далеко до скончания бед. Еще Россия в плену. Еще мучают ее наймиты, тянут ее жилы, вешают на дыбу. Но утомлены ее палачи, а Россия жива, шевелит мускулами, хмурит свой светлый лоб, готовится сбросить мучителей.

Когда через несколько дней пойдем всем народом в наше шествие к поминальному кресту, воздавая молитвенную память нашим павшим братьям, присмотримся к небу сквозь ветки заповедного дерева: не мелькнет ли в высоте клин журавлей, не пролетит ли в осеннем небе голубой русский Ангел.

Сентябрь 1995 г.

Знамя победы, святое и красное

Огненное штурмовое знамя Победы – наше, под которым мы воевали, умирали, молились. Которое водружали над покоренными городами. Возносили в Космос. Целовали в святыи минуты. Выхватывали из пожаров. Уносили на себе под рубахой. Пропитывали своими слезами, потом и кровью.

Мерзкие руки сорвали это знамя с флагштока в августе 91-го. В октябре 93-го его расстреляли и сожгли в Доме Советов. Это знамя, роняя на него ядовитую пену, топтали уроды и проходимцы, Но оно, мистической силой молившихся под ним миллионов, побеждавших под ним дивизий и армий, ликовавших под ним поколений, вновь вернулось на флагшток Родины.

Всенародной бескрайней колонной мы несем его от Владивостока до Бреста как свою драгоценную неопалимую святыню.

Седой знаменосец, твои генеральские золотые погоны сияют. Твой мужественный лик светел. Мы идем с тобой плечом к плечу, и расступается мрак, и разбегаются врассыпную пауки и подземные гады.

И пусть разваливший наш дом еще гонит свою вялую туфту про зарплату, читает свои тусклые бумажки под мелким дождиком, пусть танцует напоказ с размалеванными бабенками и ходит пешком в гастроном – люди не простят ему ведения и великого позора. Не простят кровавых бинтов Чечни, го-

ревшего Дома Советов, казнокрадов в правительстве, русских проституток в заморских борделях, дивизий НАТО на русских границах, мерзкую, бесовскую ложь Киселева, который вьется, как червяк на крючке, со своими рейтингами и прогнозами. Россия своей угрюмой силой и божественной волей сбросит со своих плеч этот прелый зловонный тулуп, в котором копошатся мелкие кровососы и твари. Вновь омоется светом, облачится в светлые ризы. И мы еще увидим посветлевшие глаза стариков, успокоенные очи матерей и сестер.

Как хочется покончить с изнурительной борьбой, забыть о пучеглазых, искаженных ненавистью телевизионных личинах. Как хочется положительного, прямого, не связанного с отрицанием поступка и действия. Хочется дожить до трудов, до урожаяев, до космических пусков, увидеть Родину исцеленной, без бомжей и нищих, обняться с другом-казахом, облобызаться с братом-белорусом. Как хочется налюбоваться на Москву без мэра-лицемера, прославить Родину стихом и песней. К этой потаенной мечте – наше шествие и наше движение. Мы – народ, бесконечны, никогда не умрем. И в этом ликовании мы подымаем вверх глаза, и в синем туманном небе, как виденье, летит над Родиной Красный Ангел Победы.

Май 1996 г.

Украденные выборы

Казалось бы, кончена казнь, утомленные палачи, все эти телеобозреватели, руководители ельцинских штабов, стягивают с себя кровавые фартуки, откладывают раскаленные клещи, пилы, бичи, сточенные орудия пыток и объявляют итоги выборов, тут же, на эшафоте, празднуют победу. И в ответ из всех русских углов несется тихий, нарастающий вой, плач, рыдания. Русь голосит, отпевает своих любимых, дерет на себе одежды, падает ниц. «Как такое могло случиться? Какой он, такой наш народ, у которого Ельцин отобрал государство, продал тридцать миллионов русских братьев в плен

врагу, вывез из России в “немецину” золото, нефть, иконы, лучших ученых, посадил обобранный люд на жмых и лебеду, выбрал самых красивых дочерей для публичных домов и панелей, а самых свежих и добрых сыновей – для цинковых чеченских гробов; каков же он, наш народ, если проголосовал за своего мучителя и отдал ему себя в окончательную погибель? Да и есть ли он такой, русский народ? И стоит ли вместе с ним и за него жить и бороться? И не лечь ли на топчан под образа и там тихо, в слезах, умереть?»

Нет, братья и сестры, очнемся и не станем корить себя понапрасну, не осудим наш многострадальный народ, а пойдем, что воры, кравшие народные драгоценности, старушечьи сбережения, государственные заводы и полковые кассы, – эти воры украли и выборы.

Триллионы рублей, не заплаченные солдатам, рабочим и беспризорным, были брошены на круглосуточное телевизионное воспевание Ельцина и на поношение Зюганова. На лакированные, баснословно дорогие журналы и газеты, печатаемые за рубежом. На цветные плакаты, обклеившие с чердаков до фундаментов наши города. На концерты и фестивали, напоминавшие вальпургиевы ночи с косматыми и полуголыми эстрадниками. Все это – украденные народные деньги, и мы потребуем отчета у воров.

Администрация, от кремлевских воротил до самых малых уездных клерков, получающая зарплату у Ельцина – использовала всю свою власть, телефоны, машины, влияние, угрозы, контроль над урнами в пользу Ельцина. Народу угрожали, его подкупали, на глав избиркомов давили, вызывали в область, в Москву, увольняли, кидали конверты с деньгами, и в итоге фальсификация и воровство голосов, по мнению спецслужб, достигли 18 процентов. Многие регионы, в первом туре проголосовавшие за Зюганова, во втором, после «шаймиевских улыбочек», проголосовали за Ельцина. Мы потребуем ответа у воров и лжецов, сличив все акты и протоколы комиссий.

Взорвана над Россией технотронная информационная бомба невиданной мощности, по своим последствиям страш-

нее Хиросимы, Чернобыля. Оглушенный электронным наркотиком народ был доставлен в полуобморочном состоянии к урнам и, как в тумане, бросил в них свои бюллетени, где подписал себе смертную казнь, как в камере пыток, чтобы побыстрее, ценой смерти, избегнуть мучений. И этого мы не забудем ворам и мучителям.

И последнее злодеяние, содеянное в эти дни, – возведение на престол больного, разрушенного, находящегося в полукومه Ельцина. Страна в катастрофе, вымирающая, добываемая мерзавцами всех мастей и калибров, получила в лидеры посыпанную пудрой личинку, запечатанную в глухой кокон сатаровыми, пайными и лившицами, отделяющими ее от страны.

Ельцин – в бессрочной больнице. Черномырдин – хозяин страны. Нефть – за рубеж. Армия и военно-промышленный комплекс, после разгрома силовиков и восхождения Лебеда, – уничтожаются до нуля. Россия беззащитна. В ней, по расчетам международных банкиров, – лишние 100 миллионов. И они, отделенные от нефтяной трубы Черномырдина, обречены на исчезновение.

Этому не бывать. Мы, народно-патриотическая оппозиция, выдержали страшный таранный удар. Мы устояли. Не потеряли, а приобрели в этом сражении десятки миллионов сторонников. Мы обладаем организацией, командой беззаветных патриотов, общенациональным лидером Зюгановым, идеологией строительства государства Российского. Мы продолжим нашу борьбу, нашу «народную войну» с оккупантами и ворами. Вечная память героям, павшим на этой священной войне! Слава ратникам этой священной битвы!

Июнь 1996 г.

В шесть часов вечера после выборов

Кончился «выборный обморок». Тускнеют раскаленные, брызгающие ненавистью экраны. Полоумных, с выпученными глазами людей оттаскивают от телевизоров, обливают

холодной водой. И люди наощупь, охая от переломов и ран, расползаются по своим углам. Россия, которую пропустили сквозь камеру пыток и заставили выбрать Ельцина, начинает вкушать плоды этого выбора.

Снова закипает кровавое побоище в Чечне, снаряды роют селенья, горят колонны, и солдаты в цинковых гробах возвращаются к своим матерям. А курчавый аспирант Явлинский, сдавший своих избирателей, как ни в чем не бывало стрекочет о моральной политике, примеряет колпак вице-преьера.

Снова щелкают зубами голодные рабочие у закрытых касс, варят жмых ивановские ткачихи. Встали, теперь уже окончательно, заводы Приморья, и на север, где задули первые ледяные сквознячки, не доставлено ни капли горячего. А глазник Федоров, большой любитель кобыл и народного капитализма, лепетавший о защите рабочих, с готовностью куртизанки метит в министры.

Мздоимцы, как и прежде, сидят в своих кабинетах под портретом своего президента, берут миллиардные взятки – за каждый вздох, обкладывая непосильной данью измученный народ. Убийцы, которые до выборов стреляли только в банкиров, теперь подрывают троллейбусы и вагоны метро, разрывая в клочья стариков и детей, а генерал-страшилка Лебедь, отославший своих избирателей в стойло к Ельцину, уничтожил последних государственников в окружении президента, и ни один волос не упал с головы вельможных гангстеров.

НАТО, перемолов остатки русского генералитета, спокойно идет на Восток, готовится к уничтожению ГРУ и последнего оружия России – тяжелых шахтных ракет, а «империалист» Жириновский, пославший своих избирателей к Ельцину, моет стопы не в теплых морях Востока, а в московском шампанском.

И главное, на что обречена Россия, – это малоподвижное, как в гипсе, тяжкое, словно вырубленное из бетона, туловище вновь избранного президента, его невнятные, считаваемые с бумажек речи, его больное сознание и все тот же крикливый и жирующий грай сатаровых, лившицев и чубайсов, рой лъсти-

вых придворных киселевых, сванидзе, придворная челядь рязановых, хазановых и жванецких, весь босхианский гунгливый журчащий и булькающий мир преисподней с разгорающимся на горизонте багровым русским пожарищем.

Патриоты, кто бы вы ни были: лидеры партий, депутаты Думы, предприниматели и директора предприятий, писатели и певцы, – не оскверните себя прикосновением к этим духам потустороннего мира, к этому бетонному идолу, которого выведут на Ивановскую площадь. Не падите ниц перед истуканом, которого возведут на царское крыльцо под колокольные звоны, воздыхания патриарха и тайные усмешки иностранных послов. Этика, совесть, служение идеалам – только это имеет последнюю цену в разоренной и оскорбленной России, у которой все еще остаются Пушкин, Серафим Саровский, миллионы безымянных сынов, погибших за святыни отцов, тысяча павших недавно на ступенях Дома Советов, старики и юнцы, из последних сил, под плевками власти обходившие бараки и избы, призывавшие голосовать за Зюганова.

Не посраим их имен. Сегодня Россия напоминает несчастного Кочубея, преданного и оболганного, прошедшего сквозь руки палачей. И мы вторим этому русскому государственнику пушкинским слогом:

Так, не ошиблись вы: три клада
В сей жизни были мне ограда.
И первый клад мой честь была,
Клад этот пытка отняла;
Другой был клад невозвратимый –
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь над ним дрожал:
Мазепа этот клад украл.
Но сохранил я клад последний,
Моей третий клад: святую месть.
Ее готовлюсь
Богу снести.

Июль 1996 г.

Лик Ельцина уходит в пучину

Еще идет по всей многострадальной России подсчет голосов. Еще шулера и крючкотворцы перебрасывают бюллетени из лузы в лузу. Еще «электронный жулик», управляемый спецслужбами, мерцает своими воспаленными цифрами. Но уже очевидно: как бы ни сложились проценты, как бы ни падали из ловких рук последние доли народных голосов, Ельцин погружается в пучину. Тот Ельцин, из которого цепкие лапки демократов наспех слепили народного вождя. Тот, который с танка в 91-м развеял робкое сопротивление ГКЧП. Кто в Беловежье, как мясник, перерезал горло Советскому Союзу. Кто осенью 93-го развеял кострище в центре Москвы и устроил страшную казнь своим соотечественникам. Кто усеял костями чеченцев и русских цветущую область России. Кто танцевал «Калинку» перед Колем и отдал Россию в управление Госдепу и ЦРУ. Кто скакал под рок-музыку на фестивале «Голосуй, или проиграешь» и после первого тура выглядел как мертвый истукан, с каменной потусторонней улыбкой. Этот Ельцин погружается на дно, над ним смыкаются воды, и среди пузырей на поверхности плавает загадочная крикливая птица с длинной шеей и маленькими злыми глазами.

Вместе с Ельциным исчезает и оппозиция, та стихийная, представленная вначале крохотными группками писателей-патриотов, коммунистов, отважных националистов, одиночками-ораторами в парламенте, горсткой ярких публицистов в малотиражных газетах. Эта оппозиция, как первый космический вихрь, изначальный завиток гравитации, что втянул в себя все частички протеста и сопротивления и собрался за эти годы потрясений и жертв в могучее движение, охватившее половину народа, со своим большинством в Думе, своим общенациональным лидером, своей философией строительства новой России.

Оппозиция своим слабым, как давление травы на асфальт, воздействием остановила самые страшные намерения правящей власти. Не позволила передать Курилы японцам. Не по-

зволила Снегуру потопить в крови Приднестровье. Заставила разрушителей великого СССР приступить к интеграции. Выдавила из политики «убийцу экономики» Гайдара и «убийцу международных отношений» Козырева. Своей мистической жертвой в Доме Советов заставила вновь заговорить власть о патриотизме, о национальных интересах. Заставила замолчать богохульников, а некоторых из них поставила у алтарей со свечами в руках. Оппозиция не дала посадить на престол «подсадного заморского монарха» и отправила в небытие всех палачей, кто кровавой осенью стрелял и казнил народ. Оппозиция вернула в политическую философию русскую идею с ее главной составляющей – государственной идеей. Заставила очнуться власть, развернула ее лицом к национальной безопасности, к армии, к национальной культуре.

Как бы ни посчитали итоги выборов рябовские колдуны и звездочеты, ясно одно: половина России уже встала с колен, и ее не отхлестать бичами и не поставить к стенке. Начинается новое время, когда каменное, тяжелое, как жернов, лицо Ельцина будет скрываться в пучине, а над Россией станет восходить новый лик.

Вглядимся в него спокойными очами. Опишем его неторопливым слогом. Нарисуем правдивой кистью его проступающие черты. Не поспешим. Не ошибемся. Приготовимся к великим трудам и великим испытаниям, вмененным нам, русским, нашей великой историей.

Июль 1996 г.

Бесы телевидения, вон из дома!

Почему, когда на экран выходит Сванидзе, полстраны начинает икать и кашлять? А когда Киселев развешивает над Родиной свои усы, начинают выть собаки и вянуть цветы в горшках? Почему после передачи «Пресс-клуб» падают колокола с колоколен, а после выступлений Окуджавы и Хазанова вода в колодцах оказывается отравленной? Почему Пельш с его «Уга-

дай мелодию» действует как «веселящий газ» на смертельно больного, а Сорокина с ее притчами действует как газ «циклон» в Бухенвальде? Почему после передач НТВ усиливается поток цинковых гробов из Чечни, а после концертов «Голосуй, а то проиграешь» останавливаются заводы в целых регионах?

В наших домах поселились бесы. С утра до вечера, меняя обличья, то в чопорных пиджаках, то с голыми задками, то в образе красивой бабенки, то в виде волосатого козлища они вырываются из кинескопа, скачут по нашим кухням, кабинетам, и спальням, и мы становимся уродами, у нас выпучиваются глаза, гложет совесть, мы кричим во сне, бросаемся из окон, ненавидим и богохульствуем. У наших жен случаются выкидыши, а наши старики умирают от горя тут же, перед телевизором.

Мы все исхлестаны их холодными чешуйчатými хвостами, избиты их острыми копытами, исколоты их витыми рогами.

Мы должны осознать, что нет никакой «четвертой власти», за которую выдает себя телевидение. Нет никакой телевизионной мафии Благоволина и Малашенко, жирующих на рекламе негодных товаров. А есть сатанинское племя, использующее электронику XX века, как прежде использовали печную трубу и метлу, чтобы проникнуть в каждый дом и мучить и изводить сынов человеческих. Сегодня в результате сатанинской атаки произведен захват России, свито чертово гнездо в самой ее сердцевине, и что бы ни предпринимали министры, пытаясь спасти полумертвую экономику, что бы ни делали генштабисты, стремясь сберечь остатки обороны и армии, что бы ни вещали священники, и казначейства и храмы, все гибнет, ссорится, чахнет, брат идет на брата, а они веселятся от своих богомерзких проказ.

Это о них, бесчисленных, молодых и старых, вылупляющихся, как головастики из жабьей икры, сказал Пушкин:

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре,
Закружились бесы разны,
Словно листья в ноябре...

Что же нам делать с ними, которые страшнее киллера и президента? Чем заговорить и залоснить эти рожи, перед которыми Босх и Брейгель – наивные карикатуристы?

Может, пойти всем народом и переломить о колено проклятую останкинскую вышку? Срыть до земли останкинское телевидение? Но так уже было в 93-м году, когда измученный, оскорбленный люд не стерпел и пошел на «Останкино». Но из каждого телеведущего, из каждой дикторши вдруг вылезло пулеметное рыло и поколотило безоружных людей. Ритуальная жертва на пороге сатанинского храма.

Так что же нам делать?

Перестать им верить. Понимать любое их слово как ложь, как перевернутую правду. Воспринимать и называть их как врагов России и рода человеческого. Постоянно указывать на них как на исчадие ада. Крестить их бороды, усы, их лупоглазые личины, чтобы они сморщились, потекли, превратились в комочки слизи. И если ты депутат, указывай на них и требуй русский телевизионный канал. Если ты солдат, гони их прочь из своей казармы и требуй русский телевизионный канал. Если ты художник, нарисуй их без прикрас и требуй русский телевизионный канал. Если ты священник, служи молебен об изгнании бесов и требуй русский православный телеканал. И если ты хочешь жить и дышать, выруби этот мерзкий, воняющий серой ящик и скажи: «Изыди, сатанидзе!»

Июль 1996 г.

Мы – из русской цивилизации!

Трое мясников, закатав рукава, набросились на Советский Союз и зарубили его топорами, с хрястом, хлюпом раскидывая по сторонам кровавые дергающиеся обрубки. Они рубили не партию, не коммунизм, не стратегические ракеты, а зародившуюся в недрах СССР «русскую цивилизацию», основанную на великих открытиях науки и техники, на прозрении о Боге и Космосе, на благоговении человека к человеку, на бережении

праматери-природы. На сложнейшем синтезе земного строительства и порыва в непознанное мироздание, который в конце семидесятых годов среди социальной тишины и внешней неподвижности складывался в новое земное устройство – русскую цивилизацию. Как будущая мать, почувствовав в себе первое биение плода, затихает, дурнеет лицом, избегает внешних проявлений, сосредоточивается на внутреннем бытии, на таинственном возвращении, так наша страна, не тяготясь тем, что ее называли застойной, копила силы, переливала их в будущее богатырское дитя, готовилась к родам.

Убийцы, как в притче об избииении младенцев и о царе Ироде (в православном народе Ельцина соотносят с царем Иродом), искали этого будущего богатыря и спасителя и рубили безжалостно кричащую мать.

Мы, русские патриоты, которых лишили процветающей Родины, русские ученые, чьи открытия растоптаны или отняты, русские писатели и философы, чьи творения осквернены и запрещены, мы бродим как впотьмах, не понимая, кто мы, для чего живем, какие миссия и судьба нам уготованы.

Очнемся! Мы – те, кто уцелел от побоища. Кто в августе 91-го и в октябре 93-го вынес из погромов и пожарищ святыни и скрижали, где записаны священные тексты, генетические коды, научные и религиозные формулы русской цивилизации. Наша миссия и задача – найти друг друга, сойтись воедино, сложить эти расколотые таблицы, склеить разорванные и обугленные свитки и снова выявить общую формулу, по которой на этой части земли, сквозь все потрясения и нашествия, все сатанинские козни, осуществляется Божественное провидение. Это провидение избрало Россию как землю и народ, для которых Любовь и Правда стали главным смыслом бытия – строим ли мы космодром, открываем ли приходскую школу или ищем совершенства в рифмах и песнопениях.

Мы соединяемся в движение, в Народно-патриотический союз – не просто в политическую организацию, а в огромную мастерскую, где снова, под завывание бесов, под рывканье держиморд, среди палачей и предателей, продолжаем вменен-

ную нам работу по спасению и воссозданию «русской цивилизации» вслед за великими ее работниками – Святославом и Ольгой, Сергием и Серафимом, Пушкиным и Толстым, Суворовым и Жуковым, Менделеевым и Курчатовым, Вернадским и Гагариным, Платоновым и Мельниковым. В этой заповедной работе есть задание каждой душе, каждым умелым рукам и отважному сердцу.

Прочь уныние! Мы – работники извечного русского дела, созидающие наше дитя, наше русское чудо, нашу русскую цивилизацию.

Август 1996 г.

Операционный стол накрыт — кушать подано

Вам не приходилось видеть мертвого кита? Лежит на отмели, разбухший от жары, в перламутровой слизи, в отеках желтого жира, среди смрадных ручьев и луж. На нем сидят обожравшиеся, отяжелевшие чайки, а из лопнувшей кожи, раздирая дряблые волокна, обнажая ребра и вспухшие внутренности, лезут на свет экзотические твари. Разноцветные черви, глянцевитые жуки, волосатые клещи. Маленькие, с кровавыми рыльцами хищники, загадочные гибриды, похожие одновременно на птиц и на рыб, откормленные в мертвых, разлагающихся органах. Все они, наевшись падали, напитавшись трупного яда, выбираются наружу, оставляя скважины в теле кита, расползаются, разбегаются по сторонам, разнося заразу и смрад.

Такова сегодня политическая, предоперационная картина в обществе.

Троица самых откормленных, упитанных на ельцинизме известна: Черномырдин, Лужков и Лебедь. Все они за минувшие годы многократно меняли обличья. Обрастали то пером, то чешуей. Ходили на четвереньках, летали в поднебесье. Отращивали носы и полировали лысины. И в предвыборной неизбежной кампании каждый нанял себе гримера, суфлера, готовится играть на шатких гнилых подмостках.

Неинтересен вялый, мямлящий, лишенный фантазии Черномырдин.

Понятен и Лужков.

Нам интересен Лебедь, самый талантливый, одаренный свыше лицедей, непредсказуемо хватающий себе новую яркую роль, сбрасывающий, как змея, устаревшую тесную кожу. Вот он каков, наш красавец: лампасы на брюках, жилетка на животе, бурка на плечах, треуголка на голове, пейсы на висках, боксерская перчатка на правой руке, лайковая на левой, Минкин одесную, Коржаков ошуюю, – и все это вместе напоминает батьку Махно, летящего в тачанке под «Семьсоток» и «Калинку-малинку» по бескрайним просторам русской гражданской войны.

Однако, что бы ни выделял Лебедь в своей предвыборной демагогии, пленяя пластилиновое, изуродованное телевидением сознание народа, мы не забудем ни на миг: он первый своим соглашением в Чечне начал ломать Россию, зажег над ней кровавую зарю междоусобиц, побоищ и разрушений.

Вот он, миротворец, угодный Богу, остановил войну, отсылает из Чечни изнуренные русские батальоны, вытирает слезы на почерневших материнских лицах, вызволяет из плена похожих на скелеты солдат и строителей. Знаем: вслед за его миротворчеством запыхают Кавказ и Поволжье, трещины пойдут до Якутии и Приморья, и в этих трещинах, как в полынях, захлопает океан русской крови.

Вот он начинает витийствовать об униженной русской армии и военной промышленности. Требуется выплатить офицерам зарплату, спустить военный заказ для остановленных военных и ракетных заводов. Знаем: не будет зарплата и заказов, а будут сотрясенные распадом территории, разорванные сети железных дорог и электропередачи, бесчисленные стычки на границах сбесившихся регионов, где бывшие офицеры Российской армии возглавят банды «имени Росселя или Немцова», будут расстреливать взятых в плен недавних товарищей по чеченской войне.

Вот генерал, выучив несколько звучных цитат из Ильина или Карамзина, выписанных для него Радзиховским, начнет бороться за чистоту русского языка и культуры. Возьмет правильно, со второго раза, в руки свечу. Перекрестится, пусть не в ту сторону, но истово, православно. Знаем: не убесятся с экранов воловьи глаза Сванидзе и тараканьи усы Киселева, не услышим русской музыки, речи и философии. Все та же серная кислота ненависти будет литься на открытую русскую рану, и в расплавленной, утратившей прошлое и будущее стране будет мчаться на запряженных в дилижанс верблюдах, в кокошнике, галифе и выгнутых восточных чувяках то ли тюрко-иудей, то ль чечено-якут, и все утонет в диком разбойном свисте.

Сентябрь 1996 г.

Загнанных президентов пристреливают, не правда ли?

Нет числа злодеяниям, учиненным демократами в России. Воры, клятвопреступники, предатели, растлители, отравители колодцев, извращенцы – все это слабо для них, не описывает потусторонней сущности тех, кто клубками змей вьется в российской политике, культуре, экономике, жаля и убивая все живое.

Последнее их злодеяние, вписанное в бесконечную летопись преступлений, – полутруп президента, который они, загримировав под живого, протащили через два избирательных тура, вытолкали на инаугурацию, а потом положили под капельницу в мавзолей ЦКБ.

Три года назад они расстреляли из танков Верховный Совет, переколотили полторы тысячи русских людей, ибо, не сделай они этого, Россия судила бы их судом народа и всем бы им болтаться на огромной сосновой виселице или на фермах Крымского моста, или на «колесе смеха» в Парке культуры и отдыха.

Теперь они втащили во власть мертвеца, от которого за версту пахнет формалином, и, не сделай они этого, суд народа был бы еще беспощадней, и прожектора, направленные на Крымский мост, освещали бы ночью распухшие, свернутые набок лица мучителей и палачей России.

Знали Чубайс, Березовский, Гусинский, знали Черномырдин и припавший к ним Лебедь, знали дочка и жена президента, что Ельцин болен неизлечимо и страшно, его плоть и рассудок распались, эти истлевающие волокна, эти сиплые звуки, эти обрывки мыслей и слов не могут составить во властную политическую волю, столь необходимую умирающей стране. Они это знали и все же вошли в преступный сговор, в узкий придворный заговор, подтащив к этому заговору два телеканала, Министерство финансов, спецслужбы и губернаторов, и, используя свободу выбора, захватив контроль над урнами, обрушив на изнуренный народ ядерный удар пропаганды, израсходовав на свой мерзкий проект годовой бюджет государства, выиграли выборы, превратив Россию в огромный морг.

Налицо многомерный состав преступления. Злостный обман общественности, сокрытие истинной картины смертельной болезни Ельцина. Использование телевидения как средства массового психического уничтожения нации. Бесконтрольное расходование на узкогрупповые цели бюджета страны. Использование медицины в целях преступной политики – медикаментозное взбадривание больного человека – что ускорило и предопределило его смерть. Массовая фальсификация итогов голосования, в результате – не описанная еще юридической теорией форма государственного переворота, когда на пост главы государства протаскивается недееспособный, умирающий субъект, а все исполнительные функции совершает за него узкая неконтролируемая прослойка временщиков, действующая против интересов страны.

Все это вместе взятое требует от общества, оставшихся государственных институтов, честных граждан начать беспрочную кампанию за устранение временщиков от власти,

используя для этого суд, парламент, общественное мнение, волю некоррупцированных политиков. Ибо, будучи не остановленным легально, государственный переворот приведет к полному разрушению страны и будет трагически остановлен бунтом голодного народа, взрывами неуправляемых атомных станций, атаками чеченцев на банки Москвы, выходами талибов под стены Кремля.

Нет – временщикам, захватившим власть в России! Долой Чубайса, организатора «государственного переворота», виновника грабительской приватизации! Позор дочери и жене президента, обрекшим главу семьи на мучительную и бесславную роль! К ответу Черномырдина, допустившего опустошение казны, обрекшего страну на безденежье! Беспощадный спрос с Киселева и Сванидзе, Березовского и Гусинского, Благоволитина и Малашенко, причастных к психотронному истязанию русского народа, навязавших стране через телевидение «живой труп»! Отвращение и презрение Явлинскому и Лебедю, отдавшим свои голоса мертвецу!

Русские – офицер и рабочий, писатель и священник, журналист и политик – не отдавайте Родину в рабство мерзавцам, положившим в центр русской истории смердящий труп.

Октябрь 1996 г.

Народный булыжник национального согласия

Набросили на Россию огромный целлофановый мешок, связали по рукам и ногам, она задыхается, выпучивает глаза, беззвучно кричит, отекая потом и кровью, а ей сквозь мешок предлагают национальное примирение.

Народу не дают взять в руки булыжник и для этого используют тысячи халдейских приемов.

Народ кромсают на «красных» и «белых», в расчете, что одни переколотят других. Его членят на «коммуно-фашистов» и «здоровые реформаторские силы», и вторые стреляют из танков в первые. Народу подбрасывают ложного лидера, и

вот уже генерал Лебедь выкатывает грудь колесом, рывкает смешные несуразности и уводит у Зюганова десять миллионов избирателей. Отсчитываются по списку деньги, почести, государственные посты и квартиры, и вот уже вчерашние патриоты превращаются в Рябова, Рыбкина, Валентина Ковалева. Ссорят между собой оппозицию, и она напоминает расколотое зеркало, в котором множество искаженных отражений. Показывают на ТВ патриота с крокодиловой пастью, одним глазом, поросшего шерстью и чешуей, от чего у чувствительных обывательниц случаются родимчики. Отлучают от народа тех, кто говорит языком красоты и духа, и уже годами мы не видим на экране Распутина, Белова и Шафаревича. Порочные комедианты, изображая дебилов и извращенцев, играют с народом в непрерывные телевизионные игры, от которых у человека атрофируются боль, вера и воля к сопротивлению, и он, как Леня Голубков, превращается в жвачное животное. Не платят зарплату всем – от академиков до разведчиков, а когда среди обезумевших от голода начинаются волнения и самострелы, выплачивают аккордную взятку наиболее активной протестующей части и смотрят, как, благодарно благословляя милосердие властей, съедают эту взятку шахтер и воздушный десантник. Церковник, получая от властей льготу на торговлю спиртным, проповедует смирение и освящает еще один разбойный банк. Наймит из «Пен-клуба» внушает народу, что его история – это скопление мерзости, и учит русских любить историю штата Оклахома.

И все это, чтобы народ не протянул свою худую руку к обрезку трубы или навозным вилам. А теперь еще, как видим, послеоперационное откровение Ельцина, объявившего день красного восстания голубым днем национального примирения.

Кого с кем станем мирить? Тридцать миллионов русских, проданных в один день на невольничьем рынке в гаремы и караван-сарай СНГ – с Бурбулисом и Шахраем, авторами Беловежского контракта? Сытеньких, беспощадных Гайдара, Шохина, Бориса Федорова, раскормленного, как гренландский кит, Черномырдина – с теми, кого они отпра-

вили на паперть, к мусорному ящику, в петлю самоубийцы? Новодворскую, которая враскоряку протопала по красному флагу, – с теми, кто водрузил этот флаг на рейхстаге? Ерина и Грачева – с теми, кого они недопытали, недостреляли и недожгли у Дома Советов? Ельцина, который посыпал бомбами города и поселки Чечни, и Шамиля Басаева, который умерщвлял беременных русских женщин?

Нет, господин Сатаров, если это вы придумали идею нацпримирения. Нет, господин Чубайс, если это в ваших иностранных мозгах родилась подобная пошлость.

Сначала изменим экономический курс, уничтожающий русскую индустрию. Потом изменим Конституцию, упразднив в России самодержавие без Православия и народности. Дадим оппозиции свой собственный телевизионный канал. Сформируем правительство национального доверия. А уж тогда и поговорим о согласии. Пока еще булыжник – в мостовой, а пила не распилена на обрезки.

Ноябрь 1996 г.

Шесть дыр в сердце Ельцина

Его ввели в операционную в предрассветный час черного утра, когда в тюрьмах казнят преступников. Охрана, жена, глава администрации – все остались за стеклянной перегородкой, и несколько телекамер транслировали операцию в круглый зал, где собрались врачи и ученые, и также через океан, где за операцией следил президент Америки.

Он лежал на операционном столе после усыпляющего укола и вяло шевелил полураскрытыми губами.

Ему вставили в рот серебристый шланг, проталкивая поглубже к легким, и машина, похожая на кузнечные мехи, заменила ему легкие. Скальпель прочертил на груди надрез. За лезвием выступила необильная черно-красная роса. Отсасывающая трубка, похожая на клюв кроншнепа, с хлюпаньем выпила капельки крови.

Ему вскрывали мышцы, подбираясь к груди, раздвигая бледные розоватые ткани с комочками нечистого жира.

Добравшись до грудины, в нее вставили длинный зубчатый шнур. Хирург резко дернул, как дергают стартер лодочного мотора, и грудь распахнулась, словно расстегнулась молния на спальном мешке. И хирург убирал влажные опилки костей.

Вскрыли слизистый перламутровый перикард, под которым открылась глянцевице, похожее на скользкий грибувалуй, сердце. Сильным грубым движением хирург вогнал в сердечные сосуды канюли, и теперь его кровь качала и перегоняла машина, а сердце, обмякнув, остановилось и было похоже на глубоководную рыбу, выброшенную на берег.

Хирург погрузил свою голую по локоть руку в глубину его рассеченной груди. Вынул сердце и держал на весу. Маслянистое, вздрагивающее, оно лежало на ладони у хирурга, а тело, лишенное сердца, пустое, как долбленая лодка, лежало отдельно.

В сердце, которое держал хирург, зияли дыры. Они были похожи на пробоины, которые оставляет лом в глыбе льда и на кратере остывающей Луны. И на вскрытые, отекающие сукровью нарывы. Хирург их считал – и насчитал шесть дыр.

Первая дыра образовалась, когда в Беловежье он совершил преступление и разрушил Советский Союз, растоптал с веселым бражным хохотом Конституцию

Вторая дыра образовалась, когда он обобрал до нитки трудолюбивый народ, превратил в изгоев и побирушек рабочих, академиков и полководцев, а учителей и библиотекарей послал копать в мусорных кучах.

Третья дыра образовалась, когда он разрушил вторую Конституцию, натравил танки стрелять по парламенту. Пулеметы секли невинный народ, намолотив тысячу трупов, и раненую девушку насильовали в темном углу Дома Советов.

Четвертая дыра образовалась, когда он начал войну в Чечне. Засыпал, как маньяк, бомбами мирные города и села. В подбитых танках торчали кости сгоревших танкистов, и после смерти проклинавших пославшего их на верную смерть.

Пятая дыра образовалась, когда он закончил войну в Чечне, допустил ее выход из состава России, разрушив третью Конституцию, обрекая несчастную страну на распад и крушение.

Шестая дыра образовалась, когда он вдруг понял, что у него больше нет власти. Что властью завладели гангстеры, шпионы, еврейские банкиры и прожженные партийцы, когда-то служившие секретарями обкомов, а теперь гребущие в свои сусеки алмазы и золото.

Хирург осматривал дырявое сердце, похожее на изъеденный червями корнеплод. А потом терпеливо принялся латать его, действуя кривой блестящей иглой, продергивая дратву. Он накладывал заплаты и швы, и был похож на усталого, умудренного сапожника, латающего старый валенок.

Когда работа была закончена, хирург осмотрел залатанное сердце. Поднес его к красной раскрытой груди и кинул. И оно долго летело обратно в грудь, и гулко ударилось, как булыжник о дно колодца.

Тело медленно зашивали, замазывали, отключали от машин и приборов. И от здания кардиологического центра как угорелая, сверкая мигалкой, помчалась черная машина. В ней сидел Чубайс. Он летел к своим друзьям-банкирам сообщить, что операция прошла успешно и они могут еще несколько лет грабить и мучить Россию.

Декабрь 1996 г.

Командир спецназа и детская смертность

В холодильнике с твердыми глазами замороженного осетра лежит президент. А кругом в необъятной России идет мор, какого не бывало при Батые, Гитлере и Левушке Троцком. Не имея ни рубля зарплаты, без света, еды и тепла, мрут города вокруг остановленных комбинатов, гибнут области, отключенные от электростанций и железных дорог, смерзаются в комочки грудные младенцы, пухнут в промозглых постелях мертвые старики. И везут без счета покойников

на всероссийское, между трех океанов, кладбище, будто вся страна превратилась в блокадный Ленинград. Каждый год по весне, выползая на огородные грядки, недосчитываемся миллиона своего населения.

Кто же нас морит? Кто посадил народ в замороженный, обнесенный колючкой барак?

Да вот же они, тесной тучной семьей собрались на заседание правительства, окружив с обеих сторон долбленое, наполненное вкусным пойлом корыто. Вот же они, малая горстка, захватившая Кремль, Грановитую палату, гробницы русских царей, – сатаровы, батурины, паины, красный, словно напившийся клоп, Чубайс. И еще дружный десяток банкиров, обсосавших Россию, как вываренную белую кость. И среди них два самых изощренных, творящих непрерывную пытку: глава еврейского конгресса Гусинский и гражданин Израиля Березовский, чьи телеканалы показывают голодному народу своих соплеменников, жрущих икру и индеек, а матерям-солдаткам – их обезглавленных в чеченских моргах сыновей. И среди рыдающей, обезумевшей от горя России – непрерывные ритуальные игры с участием неутомимых одесских хохмачей и подопытных, прооперированных на мозг русских дурней.

Откуда ждать спасения? Где, среди бессилия и уныния, загорится, заблестит, как драгоценный алмаз, – огонь народного гнева? Кто он, чудесный избавитель России, посланный, как Ангел Небесный, вывести свой народ из гибели?

Может быть, Строев, трижды обмолоченный сноп, из которого вяло сыплется бесцветная мякина опасных незначащих слов? Или Черномырдин, трусливый и хитрый, причитающий бабьим голосом, от которого начинают ныть зубы? Или Лужков, что-то неутомимо и бестолково строящий: церкви и синагоги, памятники и тюрьмы, – при котором Москва превратилась в образцовый бандитский притон, ненавидимый всей остальной Россией? Или генерал-птица, упорный, как прямая кишка, в которую заглянуло столько хитрых и внимательных глаз? Или, быть может, сам президент,

которого раз в месяц вытаскивают за жабры из холодильника, размораживают и показывают журналистам, которые фотографируют его, как натюрморт?

А что думает командир спецназа, умеющий брать президентские дворцы в Кабуле и Грозном? Что он чувствует, глядя, как любимую Родину-мать насилует свора мерзавцев и Родина, давшая ему жизнь и дыхание, кричит от боли и ужаса?

Что думает ротный спецназа?

Январь 1997 г.

Чеченский нож под русское ребро

Радуйтесь, православные! Аслан Масхадов, сердечный друг Москвы, брат всем русским, советский офицер, интеллектурал, благородный воин и европеец по духу стал президентом Ичкерии! И теперь, после ночных, за бараном и шахматами, посиделок Лебедея, стремительных, как полет мухи, бросков Березовского, пылких ораторий новоиспеченного в сметане Рыбкина, солидных, с подрагиванием щек и ляжек выходов Черномырдина – теперь у России появился надежный партнер и союзник.

Масхадов, как гудит нам об этом «гуденыш» Юшенков, а также недостойный сын Адама Ковалев и бесстрашная в бронебюстгалтере русалка Елена Масюк, Масхадов – человек, которого выстрадала русская история. Нечестно в дни его инаугурации, в часы вселенского торжества вспоминать, что именно он, Масхадов, командовал зоркими гранатометчиками, превратившими в новогоднюю ночь полсотни русских танков в сковородки, на которых спеклись молодые голубоглазые танкисты, посланные защищать Конституцию. Также грех вспоминать, как по приказу Масхадова захваченных в плен солдат и офицеров Майкопской бригады поставили к стенке во дворе Полиграфкомбината и расстреляли, где потом полгода валялось окровавленное «хэбэ». И уж только очень злой недоброжелатель вспомнит сейчас, когда

вся фракция «Яблоко» тянет к Масхадову шипящие бокалы с шампанским, – вспомнит, что чадолюбивый Масхадов планировал захват роддома в Буденновске, заслонялся животами русских беременных баб, прокладывая дорогу к вечному миру между Чечней и Россией. И уж совсем мизантроп, чело-веконенавистник в час великого братания, когда баранам на улицах бывшего Грозного привычно, как русским пленным, перерезают горло, а русских пленных, как баранов, гуртами перегоняют из одной земляной тюрьмы в другую, – только мизантроп напомнит о двух казачьих уездах, отданных московскими друзьями Масхадову. Завидующие братскому пиру, если вдруг узнаете о зверски зарезанных корреспондентах ОРТ и о том, что это было известно руководителям ТВ еще накануне выборов – не верьте злопыхателям! И если вдруг услышите о чеченских атаках в Кабардино-Балкарии и Дагестане, не верьте, это дело русских спецслужб. И если зазеленеют флаги с волком на фасадах чеченских посольств в Эмиратах, в Польше, в Эстонии, – да Бог с ними, с флагами! У нас есть свой президентский штандарт, висящий то в ЦКБ, то на елке в Завидово.

На высоком одре, на шелковых подушках, под стеклянным колпаком, чтобы не трогали руками, лежит президент России. Своими фиолетовыми бескровными губами он поздравил с победой Масхадова, забыв покаяться перед русскими мальчиками, которых послал под пули чеченских стрелков.

В головах у президента, достойно и строго поблескивая очками стоимостью в три тысячи долларов, стоит президент Еврейского конгресса Гусинский. По другую сторону, по обыкновению опустив глаза долу, так что и не различить: глаза ли это или женские соски, чуть прикрытые опущенными веками, стоит Березовский. Среди других, узнаваемых по мультфильмам ужасов, советников, соратников, собутыльников и приживалок – выгодно выделяется Строев. Он вовсе не похож на этих монстров. Он похож на орловского рысака, отбегавшего все сроки еще при советской власти, съевшего все зубы на обкомовских харчах, и теперь, облезлый, с мозолями

на мослах, жалко и непрерывно екает селезенкой про, надо думать, какие-то конституционные поправки, которые после «отделения Чечни» превратят остальную Россию в жидкий студень расплывшихся регионов.

Русский человек, не верь ни единому слову, несущемуся из застекленной лживой глотки телевизора! Зоркими беспощадными глазами запоминай лица предателей. Постарайся ответить на вопросы: сколько патронов в магазине «АК»? Сколько – в обойме «макарова»? Сколько длилась оккупация Гитлера? Сколько гражданств у Березовского?

Русские, учитесь считать! Вот вам тетрадка в клеточку!..

Февраль 1997 г.

Лимит на русскую революцию не исчерпан

Среди кремлевской прислуги гуляет глухая молва, что якобы в президентском кабинете установлена барокамера, куда загружают главу государства сразу после завоза в Кремль. Чубайс аккуратно задраивает люк и общается с президентом через стеклышко с помощью манометра. Егор Строев при последней встрече продолжительно целовал стеклышко, а на прощанье долго жал специальную, приделанную к барокамере руку с тремя резиновыми пальцами. Говорят, в марте эту барокамеру повезут в Финляндию, и Клинтон, увидев сквозь стекло знакомое, с застывшей улыбкой лицо, скажет в телефонную трубку: «Это ты, Боб, не так ли?»

Одновременно стало известно, что на стапелях крупнейшего военно-морского завода закладывается Ковчег невиданной конструкции на случай нового всемирного потопа, именуемого русской революцией. Строительство Ковчеха финансируют 12 крупнейших банков, и на его борт уже начали доставляться разные твари, каждой по паре. Известен список доставленных. От банков – Гусинский и Березовский; последний с приложением свидетельств о гражданствах. От телевидения – Киселев и Сванидзе; Доренко вычеркнут. От нефтедобытчиков – Вяхи-

рев и Алекперов; фамилия последнего по-английски. От политических партий – Сергей Ковалев и Гайдар; оба с ночными вазами. От губернаторов – Россель и Немцов; последний помечен как самец. От юмористов – Жванецкий и Хазанов; записаны справа налево. От режиссеров – Марк Захаров и Рязанов; тоже справа налево. От редакторов – Голембиовский и Павел Гусев; приложены отпечатки пальцев. От министерств – Лившиц и Сидоров; с пробиркой слез Лившица. От советников – Сатаров и Паин; написаны слитно, как одно слово.

Все они уже размещены на Ковчеге, в парные стойла на случай, если после потопа придется высадиться на турецкой горе Арарат и, составив супружеские пары, вновь размножиться в популяцию, достаточную для уничтожения России.

Удастся ли достроить Ковчег до начала потопа или голодный, ненавидящий, озверевший от обманов народ доберется до этих тварей и учинит с ними то, что твари учинили с народом осенью 93-го года?

Сможет ли Куликов, припомнив свой «октябрьский» опыт, бросить на умирение народа 101-ю бригаду, где от горя застрелились все комбаты? А штатский генерал Родионов, перед тем как его схарчит натовец Батурин, сможет ли он направить на подавление народа танки Кантемировки, у которых пропиты все аккумуляторы?

Как смола, как густой раскаленный вар, закипает народная ненависть. Клокочет в забоях, откуда несутся голодные рыки и угрозы правительству. Бурлит в университетах и школах, где учителя на досках пишут проклятья режиму. Взбухает по деревням и поселкам, где разоренные крестьяне угрюмо поглядывают на вилы и топоры. Революция есть закон мироздания, которым исправляются великие перекосы Вселенной, будь то деформированная, готовая взорваться Галактика или изнасилованная, готовая взорваться Россия.

В этом неизбежном ослепительном взрыве, которым ответит народ на самую великую в его истории несправедливость, на самое страшное, сотворенное над ним злодеяние, – оппозиция сможет сыграть святую, очистительную роль. Или

же сгореть, как поношенный обкомовский пиджак, забытый в кабинете во время пожара.

Февраль 1997 г.

Говорят, в кремле кур доят

Говорят, в берлоге, куда бросил гранату Черномырдин, сидела ручная медведица Машка, доставленная из московского зоопарка. Говорят, сын премьера скупил в Америке плантации виргинского табака, и теперь дым сигарет «Мальборо» приносит ему огромный барыш. Говорят, что в случае ухода Ельцина Черномырдин по-хрущевски соберет «разоблачительный XX съезд» и спишет на ушедшего все недоимки режима. Говорят, Чубайс разгадал коварный план «медвежатника» и готовится ударить по нему из кремлевской берлоги. Говорят, что на встрече Мадлен Олбрайт и Ельцина последний взял ее за руку и не отпускал всю встречу – так, что пришлось вызвать техпомощь и развинчивать их, как гайку и болт. Говорят, что Ельцин спутал Олбрайт с Элизабет Тейлор и спросил: удачно ли у той прошла операция? Говорят, что в ночь после победы Говорухина в Думе все каналы ТВ показывали такую «порнуху», что девяностолетний старичок, карауливший Исторический музей, впал в половую истерику и стал обзванивать знакомых старушек. Говорят, Лебедь-младший закрыл хакасское телевидение, ссылаясь именно на этот случай, и назвал имя старичка – Ростропович. Говорят, Лебедь-старший подружился в Париже с Аленом Делоном, и артист обещал приехать в Москву на инаугурацию Лебеда, сразу вслед за кремацией. Говорят, Лужкова не стало слышно в политике, потому, что он в Севастополе перерасходовал годовую квоту патриотизма и теперь готовится к референдуму по поводу медных истуканов Церетели. Говорят, тринадцать банкиров решили пойти во власть, жадно делят портфели, но не могут выяснить, куда подевался тринадцатый: либо его не было вовсе, либо он сбежал к коммунистам. Говорят, тайна освобождения журналистов

ОРТ связана с тайной «золота рейха», а также с тайной обаяния Штирлица. Говорят, Игнатенко был случайно вовлечен в операцию по освобождению заложников, и он полагал, что разговаривает по телефону со знакомой дамой, которая на поверку оказалась террористом Садировым. Говорят, Черномырдину вместо ракетного командного пункта показали диспетчерскую котельной в Одинцово. Говорят, 23 февраля Ельцин находился в хорошем расположении духа, демонстрировал бойцовские качества и грозился кого-то отлупить. Говорят, в программе Сванидзе «Зеркало» сторонники Сагалаева рядом с сюжетом о Ельцине поставили сюжет с совокупающимися жеребцами. Говорят, двадцать шесть килограммов, на которые похудел Ельцин, перешли к Черномырдину. Говорят, Руцкой хочет построить в Курске международный аэропорт и воздухом доставить в область тысячу французских коров, для чего скотники принимаются на курсы французского. Говорят, в «Независимой газете» у большинства сотрудников обнаружена кислотная недостаточность, что, по мнению врачей, объясняется необычайной пресностью Третьякова. Говорят, Коржаков держит компромат в сливном бачке ничего не подозревающей пожилой дамы, которая «сливает» его по нескольку раз в сутки. Говорят, петербургский коммунист Белов пригрозил властям предельно жесткими мерами, а именно – сбором подписей, для чего из боевых arsenалов партии была доставлена тысяча карандашей. Говорят, отлученный от Церкви Глеб Якунин сшил себе по этому поводу новую рясу. Говорят, население России сокращается каждый год на 1,5 миллиона человек, и народ, вымирая и зверея одновременно, сдует всю эту пену своим ненавидящим хриплым дыханием.

Февраль 1997 г.

Чубайс как зеркало русской революции

Чубайс в западне. Его обложили, как волка. Обтянули флажками и в елках, на «номерах», поджидают стрелки.

Лужков целится в лоб из карабина, не прощая ваучерной приватизации, отхватившей у «московской группы» сочный ломоть собственности. Лебедь выцеливает из снайперской в сердце, не забыв предательства, когда секретаря СБ, как нашкодившего щенка, Чубайс и банкиры вышвырнули из тепла под дождь. Черномырдин, знатный «медвежатник», наставил автомат в брюхо, защищая родной Газпром, которому Чубайс уготовил судьбу разрубленного на части червя. Зюганов с «красной Думой» метит из трехлинейки Чубайсу в бок, не прощая связи с МВФ и Америкой, а также гнусный фортель в предвыборной президентской кампании, протолкнувший в Кремль больного невменяемого старика. Строев норовит пальнуть из берданки под хвост, выполняя наказ тощих регионов, ненавидящих безмозглый, ворующий и неплатящий Центр с благородным лицом Чубайса.

Однако не так рыж Чубайс, как его малюют. Он готовит волчий прыжок прямо на грудь одному из стрелков. Полоснет влажным клыком по заплывшему горлу – и нерасторопного Черномырдина, бормочущего в забыты свои нелепицы, увезут из леса на розвальнях. А рыжая бестия пойдет махать по сугробам, радостно оглядываясь на обалдевших стрелков.

Стратегический план Чубайса в том, чтобы разогреть «социальный котел». Довести температуру до взрыва. Отвести удар народного гнева от Ельцина и себя самого. И направить взрыв на Черномырдина, виновника голодовок и стачек, на правительство, состоящее из никчемных чиновников, на Думу, связанную с Черномырдиным, утвердившую гнилой бюджет, на оппозицию, вяло и несмело идущую из кабинетов на площадь. Обезумевшие от голода чернобыльцы, некормленные учителя и военные, озверевшие от неплатежей рабочие сотрут в труху кабинет, и руками народа Чубайс и банкиры проведут новый революционный погром России, вслед за 91-м и 93-м годами. Срежут Думу, о чем проговорился болтливый и пустой Шумейко. Расхватают, вслед за заводами, русскую землю, леса, воды, кромки озер и морей. Последний

ресурс России будет жадно и свирепо разграблен на глазах обомлевшего, в который уж раз околпаченного народа.

Вот почему подвластные банкирам наймиты Киселев и Доренко почище любой оппозиции костерят Черномырдина. Вот почему на экранах – умирающие от голода дети, стреляющиеся академики, замерзающие города, клокочущие ненавидящие гарнизоны. Вот почему Шмаков, «американский независимый профсоюзник», на своих голубых транспарантах напишет: «В отставку правительство!» Не Ельцина, виновника всех бед и несчастий. Не Чубайса и толстосумов из банков, кто обескровил и обезлюдил Россию. А Черномырдина, недвижимого и распухшего, как выброшенный на берег кит.

А что же делать народно-патриотической оппозиции? Скорее туда, в народ! На заводы, в гарнизоны, в цеха! Достучаться в каждый дом, выступить на каждом митинге, влиться в каждую протестующую колонну! С лозунгами: «Долой Чубайса и банкиров!», «Чубайс – это рыжая смерть!», «Кровососов – вон из Кремля!» «Ельцина – на медицинскую экспертизу!» «Правительство – под контроль парламента!»

Если же нет, если робость и инертность оставит народ без вождей, он, народ, в который уж раз управляемый длинным, хлещущим из телевизора бичом, побежит и упадет в глубокую яму. Протопчет путь для веселых мерзавцев, которые в блестящих штиблетах пройдут по спинам людей. Снова набьют свои кошельки и желудки, банки и заморские сейфы несметными богатствами, отнятыми у несчастной России.

На кремлевском приеме кто-нибудь в черном фраке и галстук-бабочке хохоча подымет бокал: «Господа, выпьем за то, чтобы каждый народ имел такого Чубайса, которого он заслуживает!» И господа, блестя бриллиантами, погрузив носы в черную икру, загогочут, загуркают. А под досками и бревнами пола, раздавленные, с переломанными костями, слабо застонут русские рабы и рабыни – жертвы «ига чубайсова».

Март 1997 г.

Русский, учи албанский!

Какими круглыми, рыжими глазами испуганной кошки смотрит Сорокина, вещая об албанских событиях! Как нервно Сванидзе шевелит малиновым ртом, полным слюны и зубов, рассказывая о повстанцах Саранды! Каким тиком, какой конвульсией страха кривится лицо Доренко, когда комментирует кадры с идущими на Тирану танками! Для них взявшийся за оружие народ – это бандиты. Восстание обобранных, оскорбленных людей, свергнувших своих палачей, – это мятеж. Отважный захват арсеналов – грабеж и разбой. И как жадно, с какой надеждой следят за албанским восстанием русские люди в своих нетопленных, голодных домах, у колыбелей с некормленными детьми, у постелей, где, накрытые ветошью, замерзают старики. Молятся за восставших албанцев, желают им победы.

Ну а сами русские? Так и будем выть от голода, грызть вместо хлеба уголь, тупо слушать вранье президента, выворачивать по требованию Чубайса карманы, пить натошак ядовитую водку и падать замертво на грязную мостовую под неоновой рекламой банка «Менатеп»?

Ведь не шевельнулись, когда в 91-м повели у нас на глазах в тюрьму лучшего русского генерала Варенникова и лучшего русского крестьянина Стародубцева. Не шевельнулись, когда трое преступников в Беловежской пуще с рожами, красными, как бураки, разорвали в клочья страну, бывшую нам Родиной-матерью. Не ойкнули, когда сочный, как улитка, Гайдар отобрал в полчаса все накопленное за советские годы добро. Не кинулись, не побежали на помощь, когда братья наши в Крыму, кровные наши в Казахстане, когда русские в Нарве – стенали и плакали, а Парфенова, бойца за Советский Союз, в наручниках выдавали врагу. Проспали, профукали, когда армяне добивали 7-ю гвардейскую армию, а молодых офицерских жен лапали и насиловали «дети гор». Лузгали семечки, когда телевидение Попцова называло луч-

ших русских писателей Бондарева и Распутина фашистами, а фронтовиков-демонстрантов изображало уродами и дебилами. Молчали, когда разбухшая от ненависти, с жабьим животом Новодворская топтала красный флаг, а в галерее «Реджина» зарезали прилюдно свинью, называя ее Россией. Тупо и остекленело смотрели, как танки Грачева долбят снарядами российский парламент в центре Москвы, а генерал Романов, друг и обожатель чеченцев, добивает у стены стадиона пленных баррикадников. Не взялись за топоры и вилы, когда отнимали детские сады, пионерские лагеря, лечебницы и профсоюзные путевки за границу. Поверили и жадно схватили бумажки-ваучеры, когда Чубайс раздарил заводы и порты «бандитской братве». Пролежали на боку, когда Ельцин вспоил и вскормил Дудаева, передал ему гранатометы и пушки, а потом бросил под эти гранатометы крестьянских детей, и матери все бродят по Чечне в поисках безымянных могил. По-бараньи, покорно шли к урнам, кидали бюллетени за полуживого Ельцина, насмотревшись эстрадных проституток и платных врунов. Развесив уши, слушали Наину Иосифовну, какие блинчики и пирожки готовит она своему доброму сердобольному мужу.

Неужто мы и впрямь дураки и тупицы, и наш удел – оковы и кнут?

Полно же, мы не такие! А защита Союза писателей, когда в 91-м горстка русских художников не пустила в свой храм «бейтаровцев»! А русские волонтеры, тайными тропами пробиравшиеся в Приднестровье, Абхазию, в боевые отряды Караджича! А защита Дома Советов, когда на баррикадах встали рядом дитя и старик, «красный» трудороссовец и «белый» православный священник! А марши по Тверской и у Рижского, когда пели песни под дубинами мэра Лужкова! А недавняя поддержка Зюганова, когда 30 миллионов проголосовали за народного лидера! А победа «народных губернаторов»! А пенсионеры, перекрывшие Октябрьскую железную дорогу! А шахтеры, перекрывшие Транссибирку! А голодовка академика Страхова!

Слушай, ты, Черномырдин, мы не рабы, не скоты, И вы, господа банкиры, нас не загоните в стойло. Мы вернем народу заводы, старикам – лекарства, детям – конфеты. Мы отберем у Мавроди уворованные деньги. Соберем разорванную страну. Подключи электричество и газ к нашим промерзшим домам.

Среди транспарантов, которые мы понесем на наших мартовских маршах протеста, будет лозунг «Русский, учи албанский!»

Март 1997 г.

Ельцин как ночная туфля Петра Первого

Ельцин не желает походить на Сталина и Ленина. Не желает быть генсеком и секретарем обкома. Он не желает быть даже президентом России. Он мечтает быть Царем всея Руси.

Какой золотой двуглавый орел на его штандарте! Какой царский золотой, малахитовый кабинет у него в Кремле! Как венчально звонили колокола на его инаугурации! Как величественно выходил он к народу на Красное крыльцо! Заглянем тайно в его гардероб: среди пиджаков и штанов вдруг увидим новую горностаевую мантию, подарок уральского Росселя, и алмазную императорскую корону, подарок якутского Николаева. Вот оба они, царствующие Ельцин и Наина Иосифовна, под музыку Глинки и слова Евтушенко восходят на трон, и Юмашев в белых панталонах и парике подает им пергаментный свиток: «От Клинтона, Ваше Величество!»

Ельцин замышляет вынести Ленина из Мавзолея. Благоговяет возведение памятника Петру I работы жестянщика Церетели. Ельцин хочет быть похожим на Петра. Пусть люди говорят: вот он, новый Петр, дерзкий реформатор России, провозвестник ее будущего возрождения! Но, странное дело, глядя на коричневого огромного Петра с выпученными глазами, заслонившего собой пол-Москвы, чувствуешь его гулкую пустоту. Он, царь, чем-то похож на мертвого, высохшего таракана, от которого остался только коричневый хрупкий хитин.

В чем смысл смехотворной фальшивки?

Петр I, расширяя Россию, которая распаивалась, как ослепительная галактика, завоевал Нарву, пробился к Финскому заливу, врезался в турецкие причерноморские земли, укрепляя русские рубежи обороны. Ельцин разбазарил добытое Петром достояние, отламывал от империи и кидал, как мясо голодным собакам, Туркестан, Малороссию, Прибалтику. Разрушитель Отечества.

Петр I строил заводы, открывал университеты и школы, собирал коллекции мировых мастеров, насаждал науки, искусства. Ельцин задушил все заводы и фабрики, разорил дотла индустрию, похерил науку, оскопил культуру, и Россия Чубайса и Лившица превратилась в унылый тупик истории.

Петр I рвался в Европу с пушками, с циркулем, с окуляром бинокля. Посылал за границу лучших русских людей – и те привозили на Родину чертежи дворцов, образцы заводских изделий, новые идеи и замыслы. При Ельцине из Европы в Россию хлещет порнуха, наркота, эстрадная дешевка, прибывают проходимцы и воры, сдирают с России последнюю кожу, угоняя на Запад несметные русские богатства. Ельцин – царь вороватых.

Петр I застроил Россию городами, пустил в море флот, реформировал армию. Окружил себя дерзновенными полководцами, мореходами, архитекторами и учеными – «птенцами гнезда Петрова». Ельцин разорил, заморозил, обезлюдил прекрасные города, утопил флот, разогнал армию, растранил казну. Окружил себя наглой, болтливой, вороватой челядью, которая чмокает, жует, набивает защечные мешки, банковские сейфы. При виде их люди отворачиваются, затыкая ноздри, а иноземные послы после вручения верительных грамот моют часами руки. Президентский совет – есть «совет нечестивых».

Народ боялся, но чтит и любил Петра. Нес тяготы петровских реформ, закладывая корабли, оковывая в гранит набережные, умирая на полтавских редутах. Наш народ ненавидит Ельцина, отвергает его воровские реформы, глядит на

Кремль голодными, злыми глазами, запускает кирпич в наглые телевизионные хари.

Памятник Церетели – это не Петр, который являлся Пушкину в блеске штыков, среди пушек, строительных лесов. «На троне вечный был работник...», «Здесь будет город заложен...», «Полки увидели Петра...»

Ничего этого нет ни в Ельцине, ни в ельцинской истории, ни в медном церетелевском истукане. Мы смеемся над подделкой под царя Бориса. Его несшитая горностаевая мантия уже бита молью. Его корону украшают не алмазы, а водяные сосульки, которые потекут и повиснут на его носу смешными каплями. Его трон пластилиновый – растечется липкой лужей. Его челядь – как комары-толкуны, их сдует ветром истории.

Мы отворачиваемся от истукана и, вглядываясь в туманную даль, ждем своего героя. Читаем Пушкина: «И он промчался пред полками, могуч и радостен, как бой!..»

В бой – за Россию!

Март 1997 г.

Не верьте колдунам Сванидзе и Киселидзе!

Вы помните, как накануне народной манифестации юлил премьер и его черно-рыжие вице-премьеры? Так и хотелось перефразировать песенку: «Слева – кудри шулера, справа – подлеца!» А как мямлил президент что-то о справедливости народных требований, об очередных выплатах пенсий! А как НТВ в одних передачах нагнетало страсти, показывало голодных детей, словно подбивало народ на восстание, а в других – демонстрировало водометы и автоматы ОМОНа, кадры подавления народа в 93-м, будто натравливало карателей на народ, предвкушало кровь! Но вот прошли, прокатились события 27 марта. И что же?

Телевизионные маги в черных колпаках с серебряными иероглифами, навевающие чары на народ, набрасывающие на

сознание тонкие паутины неверия, апатии и усталости, со-
общили, что манифестация голодных и обездоленных про-
шла вяло. В ней участвовали лишь миллион двести тысяч.
Жалкие и подавленные люди вымаливали у властей зарплаты
и пенсии. Апатия и безволие народа – суть, дескать, провал
оппозиции и победа черномырдо-чубайсо-немцовского три-
умвирата, которому и служат телевизионные колдуны в хал-
дейских колпаках и накидках.

Не верьте платным волшебникам Гусинского и дрессиро-
ванным волхвам Березовского! В общероссийской манифеста-
ции протеста участвовало более 10 миллионов: суровых, ор-
ганизованных, ненавидящих власть, – которые игнорировали
шкамовские наставления и просили у власти не корочку хлеба,
не маковую росинку, а гнали эту власть взашей.

Новизна этой акции, пугающая власть и радующая па-
триотов, состояла в том, что народ, прежде поднимавшийся
только в крупных, «базовых» городах, где закрылись универ-
ситеты и заводы-гиганты, теперь вышел на площади средних
и малых городов, рабочих поселков, деревень. Новым было
участие в демонстрации множества молодых людей – умных,
воспитанных, образованных, а также интеллигенции – вра-
чей, учителей, инженеров. И совсем уже новость – военные,
в форме, погонах, хоть и без оружия, но с выражением «по-
следней черты» на лицах.

Далеко не покорно и не вяло шли демонстрации. В Дзер-
жинске, к примеру, рабочие завода искусственных алмазов
создали дружины самообороны, когда администрация при-
грозила им ОМОНОм. В Екатеринбургской области учителя
перегородили стратегическую магистраль. Во Владивостоке
манифестантов поддерживали корабли, стоящие в бухте, в том
числе и военные, огласили город ревом своих сирен.

Власть хотела притушить демонстрации. Срочно нака-
нуне реорганизовалась. Даже Ясина лишили его поношен-
ного портфеля. Даже Лившица спрятали в платяной шкаф.
Стали срочно печатать деньги, судорожно делать выплаты,
перекупая всех, кого еще можно перекупить. Выставили на-

показ отряды подавления с дубинами, но солдаты внутренних войск, побывавшие под чеченскими пулями, отворачивались от телекамер.

В Москве все было крепко, слаженно. Профсоюзные транспаранты, выполненные на заказ одной рукой на какой-то текстильной фабрике, выпускающей голубые кальсоны, не замутили океан красных флагов. Были среди стягов и черно-бело-золотые, имперские, и красные хоругви со Спасом. С народом прошагали Зюганов и Анпилов – почаще бы им встречаться.

Отраднo, что народ нес транспаранты с лозунгами, которые были напечатаны в «Завтра» и довели до истерики высокооплачиваемого юриста-приживалку Венгерова. «Русский, учи албанский!», «Чубайс – рыжая смерть!», «К суду палачей-реформаторов!» Особенно порадовали театрализованные самodelки из каких-то картонных коробок, на которых рукою мастера были намалеваны хари, чем-то напоминавшие Черномырдина и Чубайса, впрочем, в толпе можно и спутать.

И совсем уж по-народному прогнали из своих рядов генерала Лебеда, попытавшегося прислониться к патриотам. Его гнали криками: «Предатель!» «Иуда!». Так пичуги гонят ворона-разбойника, чей твердый клюв в пуху и крови. И генерал, весь фальшивый, как напечатанный чеченцами доллар, удирал подобру-поздорову.

Ну что ж, будем жить и бороться дальше. Теперь Зюганову, похоже, тесно в пальто фасона «компромисс». Вот и пусть надевает спецовку в стиле «стачка». В такой не стыдно и в Думу прийти, и в шахту спуститься. А то и в гарнизон воздушно-десантных войск заглянуть.

Апрель 1997 г.

Мистическая звезда Александра Лукашенко

Он был один, как перст, когда падало Великое Государство, и все маршалы, вожди, святители и пророки легли

лицом в грязь, и никто не смел поддержать падающую Красную империю, бывшую всем нам Родиной. Никто, кроме Лукашенко. Один на этом поле брани, против несметных беспощадных сил, без надежды на победу, как последний солдат, он вступился за страну – и та, погибая, словно мать, передала ему свои заветы и тайны, свою красоту и любовь, и в нем одном не погибла. Лукашенко – хранитель великого Государства. Тепловая смерть, умертвляющая Вселенную, энтропия, гасящая галактики и солнца, в жизни людей проявляется как робость, равнодушие, безропотность, страх перед сильными, забвение идеалов. И преодолевается подвигом, вызовом, смертельным риском и жертвой, которая подымает из праха народы, воздвигает царства. Лукашенко совершил свой подвиг, принес свою жертву, и солнце славян не погасло.

Кто вдохнул в него эту силу? Какой Ангел стоит у него за плечами? Какой неизвестный старец молится за него на Афоне? Он, политик века сего, в черном сюртуке, среди чиновников, на приемах, парламентских сессиях и банкетах, он – носитель мистической тайны. Эту тайну, эту данную свыше энергию угадал в нем народ. Без поддержки банкиров, без собственной партии, поносимый клеветниками, имея противником всю страшную мегамашину мирового зла со спецслужбами, наемными убийцами, платными хулителями, Лукашенко был услышан народом, и народ на руках внес его в президентский дворец. Это – чудо, подобное тому, что свершилось под Москвой, когда остановились и обратились вспять несокрушимые дивизии Гитлера. Это славянское чудо, и где-то среди домашних киотов и церковных иконостасов есть образ, запечатлевший это чудо.

Он – славянин в самых светлых проявлениях. Открыт, радушен, ясен умом, настойчив, деятелен, бесстрашен, любит народ, природу, труд, веселье. В час славянского унижения и беды, когда Боснию разбомбили американцы, когда чехов и поляков повели на аркане немцы, когда Украину кидают под турок, когда стреноженная Россия, словно полонянка, семенит, привязанная к «мерседесу» банкира, – бе-

лорус Лукашенко становится лидером славян. Он выстрадан славянами, их вождь и воитель.

Все бесы – против него. Спущенные с чердаков, кидаются на него, грызут, брызжут ядом. Вся телевизионная нечисть, все лахудры ОРТ, нетопыри НТВ – лишь видимая часть несметных бесовских полчищ. Нам не узнать, как тяжело ему в этой незримой брани, сколько слез и крови проживает он в этой сече, какие черные миры, ударяясь о него, опрокидываются и падают в преисподнюю. Мы же видим его улыбку, его большой белый лоб, его сияющие глаза. Лицо воина, победителя.

Он неизмеримо больше, чем простой политик. Над ним сияет мистическая звезда. Он – носитель мессианской идеи, кому суждено историческое деяние. Не разрушение, но великое строительство. Не утешение, но звание к битве. И от этой лучезарной славянской звезды светло на небе, и улетают в страхе, разбегаются тени нетопырей и уродов.

Победи, Александр Григорьевич!

Апрель 1997 г.

Взятка президенту

Когда Ельцин третьего дня объявил по радио войну коррупции, в стране раздался гомерический хохот. Хохотали в правительстве, в Кремле, в мэрии, в префектурах, в судах, в прокуратуре, в министерствах, в ГАИ, на таможнях, в налоговых управлениях, в генеральских кабинетах. Громко, хрипло, захлебываясь, заходясь в конвульсиях, хохотали все воровы России. И пока они хохотали, эти полчаса в России не брали взяток.

Неужели Ельцин, показывая по телевидению свои трясущиеся пустые ладони, говоря: дескать, взяток не беру! Живу с зарплаты. Хоть и бедновато, но на жизнь хватает – неужели Ельцин, как и в случае с тридцатью снайперами, полагает, что народ, которым он правит, – дебил? Академики-атомщики и инженеры-ракетчики, учителя словесности и приходские свя-

щенники, воздушные десантники и угольные шахтеры. Неужели не понимает, что власть, которую он получил от врагов своей Родины за уничтожение Великой Державы, – это и есть самая большая в истории человечества взятка? И взятка эта воспроизводится с каждым визитом Коля и Клинтона, которые инспектируют, как протекает вымирание русского народа, как необратимо добиваются все средства его жизнедеятельности.

Ельцин остается девственником, непорочной весталкой и после того, как приблизил к себе спиртного магната Тарпищева, сфотографировался с Отари Квантришвили. А как же фирма «Пепси-кола», с которой связала свое благосостояние Наина Иосифовна? А Татьяна Дьяченко, повязанная с банкирами бог весть какими узами? А зять президента Окулов, получивший в управление золотую жилу «Аэрофлот»? А внучек, получающий образование в Англии? Все это омывается гигантским потоком денег, их валы и удары накатываются на кремлевский кабинет президента, но тот, как Афродита, встает из пены и показывает народу свои пустые перламутровые ладошки.

А Чубайс, которому Ельцин передал Госкомимущество, ставшее синонимом сверхъестественного комимуществу равняется годовому бюджету России. А Шумейко, призывающий сегодня разогнать «политизированную Думу», «духовный отец» вора Якубовского, сам проходящий по множеству уголовных дел, каждый раз закрываемых воровской президентской прокуратурой? Пусть этот «конституционный демократ» во фраке расскажет как на духу о незаконной продаже автоматов подставной фирме «Селма». А Борис Федоров, с чьим именем связано расхищение алмазов и золота в пользу еврейско-американской фирмы «Голден Ада», чей президент Козленок уже сидит в бельгийской тюрьме? А экраны коммерческого ТВ, хлюпающие кровью, слюной Сванидзе, ядовитой химией платных реклам? А неудачник Листьев, коммерсант и шоумен, оставивший вдове огромный дворец, спотыкнулся о золотой слиток, так и лег в гроб, забыв снять очки? А «дело о коробке», уголовщина, которую хотят замять? А Чубайс, который, по признанию самих американцев, получал деньги (из рук Госде-

па или ЦРУ?) и тратил их на подрывную деятельность против собственной страны? Он кто – взяточник или государственный преступник? И это он сегодня принимается укреплять государство! Он хочет собрать налоги! Хочет повысить квартплату! Но народ, обобранный до нитки Чубайсом, не желает платить свои последние, кровные государству-вору!

Ельцин, и только он, сложил бандитское, бессовестное, состоящее из жуликов государство, поработившее талантливый, наивный, благородный народ, посадившее людей на лебеду и жмых, показывающее народу по телевидению огромную розовую задницу – государственная символика нынешней власти – и трясущиеся ладошки президента, к которым, если присмотреться, прилипло такое количество крови, грязи, рыжих волосков Чубайса, трупных волокон убитых в Чечне солдат, рукопожатий злодеев, что душа человеческая содрогнется, и из цветного телеэкрана вдруг сунется в дом страшный мохнатый кабан, крутанет малиновыми глазами, и запахнет в доме серой и железной окалиной, запашком преисподней.

Апрель 1997 г.

Дегенераты у власти

«Земля, как и вода, рождает газы, и это были пузыри земли», – скажут когда-нибудь словами Шекспира о сегодняшних российских политиках наши уцелевшие немногочисленные потомки. Мы же признаем: нами правят политические дегенераты, обладающие химерическими свойствами, болезненным разнообразием уродливых реликтовых форм.

Чего стоит Бурбулис, из первой дегенеративной волны, породившей распад государства. Его мучительное скрипучее косноязычие, извилистое, как осетровая хорда, движение мысли, костяная нашлепка на лбу, под которой роятся чудовищные проекты, такие, как Беловежский сговор или расчленение России на множество государств. А его сподвижник, теперь уже почти позабытый Шелов-Коведяев, в непрерывной

нарциссианской истерике готовый отдать Курилы японцам, – типичный клиент дегенеративного МИДа, управляемого огромным пучеглазым мальком, в чьих жилах – холодная лимфа. Или маршал Шапошников с подвязанными на ниточках уголками губ, чтобы не шмякнулись на пол, вооруживший Дудаева, в запале вообразивший себя Герингом и едва не разбомбивший «Василия Блаженного».

Вторая дегенеративная волна, положившая на бок страну, воплощена в Гайдаре. Так и кажется: повис над землей огромный, лишенный волос эмбрион, досрочно, на втором месяце, покинувший матку, вампирически высасывает жизненные соки народа: Или странный потусторонний Шохин – чудится, что в его тройных окулярах проглядывают не глаза, а участки розового мозга, его болотная, булькающая речь содержит в себе постоянную угрозу для остатков российского населения. Будто синтезированный из пластмассы продукт неудачного опыта – вездесущий политик Шумейко, пустой, как целлулоидный детский попугай, наполненный треском сухого гороха. Или министр финансов Борис Федоров, при котором состоялось чудовищное разбазаривание российских алмазов, получившее в наши дни смехотворно-омерзительное завершение – удержание американцами русского Алмазного фонда.

Третий дегенеративный период, опрокинувший навзничь страну, воплощен в Черномырдине, напоминающем огромный куль денег, чье исчисление требует несуществующей стозначной цифры, его бессмысленная и бессвязная речь могла бы стать драгоценным материалом психиатрических клиник. Будучи расшифрованной в космическом центре НАСА, эта речь обнаружит в себе ту же информацию, что и остывшая мертвая глыба глиняного метеорита. Именно при Черномырдине окончательно сложилась экономика абсолютно пустой казны, дарового, неоплачиваемого, как в рабскую эру, труда, банков-кровососов, непрерывного движения больших и малых воров, неустанно, как трудолюбивые муравьи, растаскивающих народное достояние.

И главный реформатор – продукт несварения мирового желудка. Агрессивный, с разбалансированной психикой, неадекватный в любых проявлениях, он расстрелял из танков парламент, порубил пулеметами прекрасных русских людей, залил Чечню российской кровью. Порождение каменноугольной геологической древности, как если бы в результате тектонического разлома поднялся из ледника волосатый, полуразложившийся мамонт и тяжело протопал в Георгиевский зал Кремля.

Четвертый дегенеративный период, наступивший месяц назад, отмечен золотой медалью с профилем Чубайса – на одной стороне и скелетиком русского ребенка – на другой.

Нет власти, которая от людей, но либо от Бога, либо от дьявола. В час своего Воскресения Христос сошел в ад, чтобы там объявить всем грешникам об искуплении их грехов, поднял из гробов умерших, даровав им жизнь вечную.

Быть может, во времена Второго Пришествия, по милости Божией, среди страшных грешников, кому будет даровано прощение, окажутся Нерон, Гитлер или садист Чикатило. Но никогда – все эти сонмища умопомраченных существ, разоривших дотла нашу Родину. Вечно мокнуть Доренко в ядовитой, пропитанной серной кислотой тине. Вечно жариться Сванидзе на тонком поворотном стержне, как общипанная кура в печке «гриль». Вечно тонуть Киселеву в булькающем, расплавленном олове. И никто им не протянет мизинца. Ни отрок, сраженный пулей у Дома Советов. Ни русский солдат с содранным скальпом. Ни сошедшая с ума, изнасилованная в подворотне невеста.

Апрель 1997 г.

На нашей улице будет праздник!

Если ты одинок, измучен печалью о любимой поруганной Родине, если лучшие твои чувства и верования оскорблены мерзавцами НТВ, если завод твой закрыт, а парк, где

ты гулял с детства, продан банкиру, если там, где ты видел прежде мудрых вождей и правителей, доблестных генералов, прославленных певцов и писателей, теперь толкутся трусы, лгуны и воры, если пучеглазая, из желтого жира, жаба глумится над красным флагом, а сальный веселый развратник растлевают прилюдно детей, – не падай духом, не поддавайся унынию. Ступай на улицу, к людям, в народ, на наше первомайское шествие.

Здесь, в народе, ты увидишь родные лица. Здесь, в нашем шествии, тебя встретят и обнимут как брата. Под песни Родины, под флагами Великой Страны мы пройдем в могучей колонне.

В этом стотысячном действе ты увидишь ветеранов Войны, чьи седины, как серебро, а медали горят золотом сорок пятого года.

Ты увидишь десантников, их плотную боевую шеренгу, нашивки за ранения, полученные при штурме Гудермеса и Грозного.

Увидишь казаков, их русого силача-атамана.

С тобою рядом пойдет твой любимый актер и не забытый тобой любимый поэт. Ты пожмешь руку космонавту, академику, неподкупному народному лидеру. И девочка подарит тебе вербу из пасхального храма, а мальчик – красный зубчатый флажок.

Тебе будет хорошо среди нас. К тебе вернутся бодрость и вера, гордость за свой народ. Ты уверуешь, что будет и на нашей улице праздник, и мы, верные сыны Родины, пройдем сквозь алые ворота Кремля, отслужим в храме благодарственный молебен о чудесном избавлении России от супостатов, и в беломраморном Георгиевском зале раздадим награды героям сопротивления, избавившим страну от гибели.

Становясь в наш ряд, одним своим появлением, одной своей первомайской улыбкой, ты наводишь страх и панику на засевших в гнездовьях мучителей, испугавшихся народного многолюдия.

Узрев в окно алое море флагов, тонко взвоят Киселев и начнет кружиться по комнате, стараясь укусить свой соб-

ственный хвост. Сванидзе оскалит все свои четыре зубатые челюсти и в бессильной ярости искушает и порвет на куски нарядный, сшитый для президентских приемов пиджак. Доренко захлебнется от ненависти, словно в горле у него застряла лягушка, и ему померещится, что смеющийся президент Лукашенко дает ему в лоб щелбан.

Заметив тебя в колонне, твой главный мучитель Чубайс помчится в американское посольство продлевать выездную визу. А Немцов позвонит Киркорову: не спрячут ли они его с Пугачевой в их общую, как проходной двор, постель. А Черномырдин что-то забубнит, залепечет, заночует, нырнет в трубу и сквозь газовую скважину в Уренгое попадет в преисподнюю. И главный Бармалей всяя Руси, заросший мхом, покрытый лишайниками, догрызающий остатки Черноморского флота, запивающий их дешевым виски, присланным «другом Биллом», – заткнет свои волосатые уши деревянными пальцами, чтобы не слышать, как ты поешь: «Широка страна моя родная!..»

Апрель 1997 г.

Реформы проводит цэрэушная банда

Чеченские фугасы разносят вдрызг русские вокзалы, рвут в клочья русских парней и бабок. А трепетный, как банный лист, Березовский и мордастенький пылкий Рыбкин летят к Масхадову и к террористу Басаеву. Уверяют их в вечной дружбе. Оплачивают из русской казны работу чеченских террористических центров. Готовят встречу невменяемого, наштипованного шунтами Ельцина с президентом Ичкерии, переполнившим Терек и Сунджу красной русской кровушкой.

Весь мир сражается с террористами. Безжалостно истребляют боевиков «Тупак Амару» и Аум Сенрике. Но первые лица России вскармливают от своих сучьих сосцов бандитское антирусское государство. Воспевают через свое садистское телевидение «борцов за свободу Кавказа». Глумятся над

русскими солдатами, милиционерами, над русским министром Куликовым.

Что может быть отвратительней Совета безопасности имени Лебеда, Березовского, Рыбкина? Только слюнявые си-зые губы Иуды.

Люди русские, новость слышали? Ахтунг, ахтунг! Чубайс и Немцов начинают второй этап радикальных реформ! Запасайте мыло и соль, крупу и спички! Выписывайте адреса бывших оборонных заводов, перепрофилированных на изготовление печек-буржук!

Вы знаете, почему в России не выдают зарплаты и пенсии? В период президентской кампании молодые рыже-кучерявые жулики передали эти деньги коммерческим банкам. Велели попридержать выплаты, «наварить» проценты и бросить эти проценты на выборы Ельцина. Но банкиры и главы ельцинской администрации украли и проценты, и сами деньги, и в бюджете образовались дыры величиной с Евразию. Теперь, чтобы залатать эту дыру, рыже-кучерявые во-ришки станут сдирать с народа последнюю шкуру. Но и эта тощая шкурка будет уворована реформаторами.

Второй этап радикальных реформ – это второй тур безнаказанного воровства и перевода последних ресурсов России в зарубежные банки.

Вы видели страну, населенную босыми академиками и офицерами в кальсонах? Это Россия времен молодых реформаторов Чубайса и Немцова.

А что вытворяет сатанинский табунок телевидения, все эти мохнатые рожицы, рогатые рыльца, косматые хари и образины, – что вытворяют они с российско-белорусским союзом, с президентом Лукашенко? Вы думаете, это политика, экономика, идеология? Да нет же! Это, говоря богословским языком, сатанинская атака на Россию, когда соединили свои змеиные трубчатые жала Киселев, Сванидзе и Доренко, направили парапсихологический удар в каждое русское и белорусское сердце. Мы чувствуем боль, словно в грудь нам вонзился отравленный ядовитый гарпун.

Мы наконец увидели, каков он, враг России, в истинном его обличи. Как поблескивают у него очки. Как перехватывает у него дыхание от спазма ненависти. Как прихорашивается, кокетничает он, пошевеливая тараканьими усами. Слава Богу, у России обнаружился враг, обретя очевидное воплощение. Тройка телеведущих с маленькими красными ранками на шее, пахнущая сероводородным дымком.

Ельцин все больше напоминает груду гнилой ботвы, которую Чубайс подхватывает на вилы и переносит с места на место.

Ну а Госпожа Оппозиция? Из кого она состоит – из крепких, умеющих рисковать мужиков, способных драться, или из пласивых баб, вяжущих который год одни и те же патриотические чепцы?

Оппозиционеры! Ваш час! Объединитесь и шарахните «вотумом недоверия» по Чубайсу и его цэрэушному курсу! А то ведь глядишь на вас – и иной раз скулы от скуки сводит.

Май 1997 г.

Народу — победа, Ельцину — беда

Ужасным было лицо Ельцина на Параде Победы. Злое, потрясенное, не понимающее смысла происходящего, чувствующее огромную подмену, частью которой он сам является. Должно быть, такое лицо бывает у висельника перед тем, как на него натянут мешок.

В этом году Ельцин не решился повторить фарс минувшего года. Не поднялся на Мавзолей, с которого 70 лет принимали парады создатели Красной Империи, маршалы и вожди СССР. Он, предатель Отечества, разрушитель Великой Родины, вскарабкался в прошлом году на гранитную, из карельского камня, трибуну. Но этой весной был с нее сброшен. Помещен в деревянную тумбу с золоченой двуглавой курицей, смехотворный в своих страхах и комплексах.

Он говорил о победе над Гитлером, о подвиге народа, о святынях и немеркнущей памяти. Но знал, что сам он для

народа страшнее, чем десять Гитлеров. Разогнал и лишил Отечества советский народ. Отдал в концлагерь тридцать миллионов русских людей. Пустил по ветру труды поколений – и за это проклят навек. Его хриплый трескучий голос, зачитывающий подsunутую бумажку, дрожал и прерывался от страха.

Он пропускал мимо себя редкие шеренги военных – жалкие остатки Советской армии, которую он уничтожил, добил в недавней чеченской войне, а сегодня, с помощью министра в штатском, похожего на клерка страховой компании, сокрушает ВДВ, режет ракеты, открывает путь НАТО в самое сердце России. Офицеры, шагавшие мимо него, ненавидя, одними глазами, требовали: «Отдай зарплату!»

Но есть мистика истории. Мистика Великой Победы, которая одолевает мерзость врагов и хулителей, клевету на народ, на армию, на Генералиссимуса, на Маршала Жукова. Победа, как огненная фреска, проступает сквозь известку и мазню, которыми ее хотели закрыть. Вот оно. Красное святое знамя Победы, которое несут знаменосцы мимо испуганных, вороватых банкиров. Вот он, «Пост номер один», восстановленный у Красной стены на страх цэрэушникам и «агентам влияния». Вот оно, несметное народное шествие – с генералами, казаками, героями Афганистана, Чечни – от Белорусского вокзала, от Белоруссии, напутствуемое бодрим Лукашенко.

Ельцин, этот злой, с перекошенным лицом человек, убивший в 91-м году Красного кита, всадивший ему в спину гарпун, теперь с ужасом видит, как всплывает этот огненный кит из темной пучины, живой, дышащий, поднимающий над поверхностью вод алую спину. Испуганный предатель и окружающая его клика, вся мельтешащая мелюзга – есть не более чем мелкий планктон, суетливые рачки и креветки, обрывки сине-зеленых водорослей, прилипших к спине кита.

Мы, патриоты Родины, окрылены Красной Победой. Мы – в лучах ее золотого Солнца. Она, немеркнущая, – наш Бог и Хранитель.

Май 1997 г.

Россией правит злая обезьяна

Министр обороны, боевой генерал Родионов, беззвучно стоял навытяжку, а Ельцин, невежда в военных делах, ни дня не служивший в армии, славный расстрелом мирного Дома Советов и кровавым поражением в Чечне, хрипло орал на него на глазах у всей армии, оскорбляя не просто министра, не просто генералов, но самую Российскую армию, превращая ее в половик, о который аккуратный Батурин вытрет свои дистрофичные ножки.

Но и сам Родионов, вторично за свою карьеру прогоняемый взащей, безропотно снес позор, оскорбляя раболопным молчанием офицерский корпус страны, честь русского мундира, который он, Родионов, покорно, по приказу Батурина, снял с плеч, открывая путь в министерство штатским, ненавидящим русскую армию «агентам влияния».

Точно так же, беспощадно и унизительно, был изгнан Лебедь, поверивший хитрым банкирам, что именно его Ельцин назначит преемником. Щелкал каблуками, изображал Наполеона, спас израсходованного, больного президента, обманул доверие патриотов, отобрал голоса у Зюганова и верноподданно передал их Ельцину. Тот, полумертвый, воскрес, подключенный к генералу, как к капельнице. Лебедь, неизгладимо опозоривший свое имя, снискавший репутацию предателя, продливший муки и страдания России, был выброшен, как сухая, выпитая пауком муха.

Еще раньше ту же участь разделили Коржаков, Сосковец и Егоров, раболопно обожавшие своего властелина, готовые растерзать на клочки любого, кто косо взглянет. Падали ниц при его появлении, целовали его ортопедическую туфлю и были ею отброшены за порог.

Та же доля ожидает Куликова, «полицмейстера его величества». Ибо Березовский уже прислал ему «черную метку», а чуткие на падаль Киселев и Сванидзе кружат над ним, снижаясь. Безропотно, жалко оставит свои двадцать четыре

дивизии и по мановению склеротического перста уйдет в небытие, туда, где, как болотные тени, витают Грачев и Ерин – «белодомовские герои России».

Компромисс с Ельциным, пусть помнит об этом Строев, преданное ему служение, пусть прислушаются к этому Рыбкин и Ковалев, означают неизбежный крах карьеры, смерть репутации, унижение и жалкое существование собаки, побитой палкой и выкинутой со двора на мороз.

Уважаемый министр Тулеев, брат ты наш Аман Гумирович, уходи из правительства. Пусть оно гниет без тебя. Рабочий Кузбасс ждет твоих слов и деяний.

Русская катастрофа разрастается. Россия оползает, как гора, всей своей массой. И каждый новый оползень вместе с погибающей частью народа уносит очередную порцию ельцинских привратников и прихлебателей. На их хрустящих костях, дурацких тупых головах танцуют, балансируют, пытаются удержаться Чубайс, Березовский, Немцов, весь кордебалет кремлевских советников. Затаскивают на вершину оползающей русской горы размахивающего дубиной президента. Они все равно упадут. Из преисподней уже тянутся к ним косматые когтистые лапы.

Всяк, кто прикаснется к ним – перстом, или взглядом, или трусливой верноподданной мыслью, – неизбежный мертвец. Будь он мэр столицы, или глава Газпрома, или церковный иерарх, или актер и писатель.

Глаза баррикадника осенью 93-го года, сияющие, синие, ненавидящие губителей Родины, любящие беззаветно свое святое Отечество, – такими глазами станем смотреть на русскую катастрофу. Этот взгляд сразу узнаем на лице офицера, на лице священника, под твердыми бровями политика и мыслителя.

Ночь над Кремлем. Черт грызет луну. Ельцин пишет указ – не о сокращении армии, не об урезании расходов на медицину и образование, не поддержке бандитского режима в Чечне. Он пишет указ о ежегодном сокращении русского населения на миллион пятьсот тысяч. И в это число уже в этом году могут попасть твоя мать, твой сын и ты сам.

Не вздумай идти на поклон к палачу твоего сына и матери. Глади на него синими глазами баррикадника!

Май 1997 г.

Гитлер и Бандера в гостях у Ельцина

На прошлой неделе в атмосфере пышных похорон Ельциным были подписаны два договора о купле-продаже России. Договор с НАТО в Париже напоминает Версальский мир, по которому Россию вытряхивают из Европы, оставляя ее с отвинченными боеголовками на милость польским капралам. И договор с Украиной, дурной и нелепый, как если бы голова заключила договор с ягодицами о нерушимой и вечной дружбе.

Ельцин впал в очередной раж и теперь настойчиво ищет, с кем бы заключить договор, да желательно такой, чтобы от России щепки летели. Отдал Америке бывших советских сателлитов в Европе. Отдал бендеровцам русский Крым. Отдал чеченским террористам Грозный. Отдал Бундесверу Балканы. Передал Китаю Туманган, дельту русской реки Туманной. Как до этого в беловежском угаре, оторвал от России и кинул под хвост собаке пятнадцать цветущих республик.

В кремлевском кабинете воспаленно вглядывается в географическую карту, подложенную ему Ястржембским, и ищет, что еще можно отдать. Курилы можно отдать японцам: талантливый трудолюбивый народ, и император – человек замечательный. Калининград отдадим Германии, дружба с Колем превыше всего. Дальше – Татарстан и Башкирия, им следует принести извинение за четырехсотлетнюю тиранию и отпустить на свободу в Турцию. Следом – Кавказ. Пригласим-ка в Кремль ингушей, дагестанцев: пара договоров – и нет у России Кавказа.

Когда, с какого момента в среде партийных чиновников, мидовских перевертышей, продажных разведчиков и облизанных властью писателей завелась та плесень, что впоследствии превратилась в сознательную политику власти по расчленению собственного государства? Какая мутация поразила эли-

ту, чтобы из Молотова мог получиться Козырев, из Щербакова – Яковлев, из Шолохова – Приставкин, из Зорге – Калугин?

Государство собиралось по крохам – по комочкам подзола в среднерусских лесах, по снежинкам в заполярных тундрах, по раскаленным песчинкам в закаспийских пустынях. Петр добыл для России Нарву. Суворов вышел на Днестр. Ермолов прогнал англичан с Кавказа. Скобелев под бой барабанов с развернутым знаменем прошел по Устюрту и взял Бухару. Ленин собрал в кулак изъеденную либералами империю, сохранив ее среди трех океанов. Сталин, завершив вековечное дело, очертил материк Евразию.

Какой тлетворный микроб, какая большая извилина под лакированной плешью Хрущева породили сегодняшнюю породу предателей, кретинов и мотов, разбазаривших достояние предков? Какие кумиры будут предложены молодежи в новых учебниках Сороса? Ельцин – вместо Петра. Старовойтова – вместо Екатерины Великой. Волгогонов – вместо Кутузова. Бурбулис – вместо Горчакова. Чубайс – вместо Столыпина.

Подмахивая один за другим акты о капитуляции, Ельцин довершает дело Иудушки Горбачева, но не дело русской истории. Мы, патриоты России, понимаем, что по Божьей воле нам досталась страшная и святая доля выстоять и не сдаться. Сохраним разум. Сохраним стоицизм. Сохраним честь. Сохраним заветы великой Российской державы.

Демократы аплодируют Ельцину своими мягкими волосатыми лапками, радостно обнюхиваются мокрыми песьими рыльцами. Угрюмо смотрит из своего разоренного гарнизона русский солдат. Угрюмо взирает со своего заросшего поля русский мужик. И глаза их, созерцающие мерзкий пир разорителей, говорят: «Ненавижу!»

Июнь 97 г.

Россия без армии, с царем-чеченцем

Армия, ободранная, голодная, с министром, которого прогнали взашей, с сержантом, который перебил свой взвод без бо-

екомплекта, без военной разведки, с шелестящим Батуриным, страстно торжествующим свою победу, с вкрадчивым, подбравшимся вплотную к министерскому креслу Кокошиным, – армия, не сумевшая восстать, но сумевшая расстрелять в 93-м году Дом Советов, сумевшая покорно, трижды кряду отдать банкирам свою победу в Чечне, – теперь она кипит последним, затухающим гневом, читая присланную в войска директиву: снизить к 1999 году численный состав до 560 тысяч человек.

Это значит, что у России к последнему в XX веке году останется 6 дивизий и 17 бригад, сохранится один лишь Северный флот – без Тихоокеанского, Черноморского и Балтийского, исчезнет ПВО, а общая численность сухопутных войск, основных для великой континентальной державы, составит 150 тысяч человек. У Франции этих войск – 256 тысяч, у Германии – 234 тысячи, у США – 1 миллион 88 тысяч. Это значит, что сухопутная держава Россия оказывается открытой для любого вторжения, даже поляков, даже финнов, даже африканских пигмеев. Политика России в континентальном Казахстане и горном Кавказе сводится к нулю, а Китай сможет захватить Сибирь и Приморье с помощью одних пионеров.

Исполнять эту директиву надлежит министру-временщику Сергееву, после которого у России не останется войск. Торжествует Верховный, борясь за чистоту русского языка. Ликуют Чубайс и Немцов – русские войска получают новенькие кивера образца 1812 года и деревянные, из драгоценных пород, ружья, изготовленные на мебельных тульских заводах. Эти войска будут задействованы на всех потешных парадах, на всех шутовских развлечениях, которые задумают новые русские себе на усладу.

Одна из таких услад приближается. Царь Гоша едет на Русь в испанской карете с немецкими фельдъегерьями, с пухлой мамашей, которая крестится на все придорожные церкви и водонапорные башни, с благородной, морщинистой, как чернослив, иностранной бабулей, которая вслед за президентом России борется за чистоту русского, малопонятного ей языка. Их станут принимать приветливые губернаторы разоренных про-

винций, гостеприимные командующие обезлюдевших военных округов, православное духовенство, победившее все сатанинские секты и освятившее все коммерческие банки, а также писатели-демократы со стихами Бродского на устах. Шапито под названием «монархический проект», озвученный НТВ, за светится лампочками, озарится шутками. Старый, окровавленный в борьбе с народом Ельцин может уйти на покой, передав свою власть царю Гоше и двум камер-юнкерам Чубайсу и Немцову – смесь французского с нижегородским.

Однако картина получилась неполная. Удугов в бараньей папахе и Рыбкин в чем-то похожем, но из собственных волос, заключили в Москве соглашение по восстановлению разрушенной Ельциным Чечни. По этому соглашению Россия «уступает» Чечне долги российских регионов, которые те, по скудости, не заплатили в федеральный бюджет. Так в бандитском мире «продают» долги пахану, и тот, удерживая для себя львиный процент, выколачивает их кастетом и паяльной лампой из нерадивого кредитора. Чеченские полевые командиры в каракуле с «калашами» станут разъезжать на «мерседесах» по русским провинциям, вламываться к губернаторам, помахивая подписью Рыбкина, и выбивать, как они это умеют, с помощью похищений и пуль, необходимый для Чечни ресурс.

Так Ельцин кинул чеченцам на откуп Россию, навязал стране «чеченское иго», отдавая русских людей в рабство энергичным, ненавидящим Россию кавказцам.

Россия без армии, с Чубайсом и Немцовым в Кремле, с чеченскими, разъезжающими по городам баскаками, с румяным царем-иностранцем, протягивающим для поцелуя Березовскому руку. И неслышный миру, немолчный стон русских людей, уходящих с земли.

Русский, не плачь. Собери в себе все силы ума и души. Осознай небывалую, упавшую на Россию беду. Не погибни, не рассыпся в прах. Выдержи страшное давление истории. Готовься к сражению. Пусть твоя испекшаяся в уголь душа превратится в алмаз.

Июнь 1997 г.

Наздратенко, будь Лукашенко!

Происходит вторая оккупация Приморья. Не самураями Микадо, не Квантунской армией, а посланцами Чубайса, деятелями ФСБ, заезжими выскочками и наместниками. Неудачником Савостьяновым – дважды проиграл, в Москве и в Грозном, теперь пробирается к Владивостоку. Немцовым – «трехнедельный удалец», взлетевший в русское небо, как яркая, быстрогаснущая шутиха. Травят губернатора Наздратенко, свергают, шельмуют. Науськивают на него пенсионеров. Грозят судом. Прямым президентским правлением. Вот-вот закуют в кандалы и в клетке, спецрейсом, доставят в Москву на правож.

В чем суть конфликта?

Чубайс с помощью ваучера передал общенародную собственность, гордость и достояние СССР, кучке блатных мерзавцев, и те оголили казну, продырявили кошельки у людей, перекачали за границу богатство и сделали Россию нищенкой. Наздратенко не дает Чубайсу приватизировать дальневосточные порты, электростанции, пароходства – и за это ненавидим Чубайсом.

Ельцин создал убудочную федерацию, где регионы и живущие в них люди поделены на «вечно бедных» и «вечно богатых». На вкалывающих и жирующих. На тех, кто пашет, роет, воюет – и все наработанное до копейки уплывает в чубайсову казну. И на тех, кто торгует, интригует, обдирает, как липку, страну и все просит и просит безотказные чубайсовы дотации. И при этом косит, кто на Турцию, кто на Германию. Наздратенко требует справедливой федерации, без пасынков и любимцев, где русские не являются гражданами третьего сорта, и за это его ненавидят в Кремле.

Дальний Восток – жемчужина советского строя. Русская цивилизация в боях и страданиях встала твердо на берегу океана. Каждый кедр, каждый комок руды, каждый рисовый стебель и бетонный пирс с причаленным крейсером

или лодкой – результат вековечного русского дела. Мерзкая московская власть отдает Туманган китайцам, уничтожая значение Транссибирки и БАМа. Готовится сдать Курилы японцам, приближая этот предательский акт с каждым официальным визитом в Токио.

Наздратенко не уступает русские земли азиатским соседям, бьет по рукам московских временщиков и мздоимцев. И за это его ненавидят предатели.

Конфликт в Приморье – это конфликт уродливого, построенного «демократами» общества и русского здравого смысла, которым наделен Наздратенко.

Однако существует нечто еще, неявное, глубинное, зашифрованное, на уровне ДНК, что заставляет кабинетного умника, торговца цветами, «гарвардского мальчика» Чубайса ненавидеть Наздратенко, старателя, золотопромышленника, землепроходца, самобытного народного человека. Это конфликт двух миров, двух религий – «американской мечты», в которую с помощью танков, голодухи и брехни рыжего выскочки загоняют народ, – и русской идеи, выстраданной поколениями народа, создавшего уникальную державу между трех океанов.

Сумеет ли выстоять Наздратенко и отстоять свое конституционное право? Или его на глазах молчащей, забитой кнутом страны выволокут на веревке из губернаторского кабинета, как в 93-м году выволокли в тюрьму из горящего Дома Советов защитников Конституции!

Если он сдастся, сломается, кинется с покаянием в Москву, поцелует склеротическую клешню владыки, – он пропал. Его оставят высшие силы. От него отвернутся соратники. Он сгинет на бескрайнем пустыре ельцинского режима, где белеют безымянные кости его былых раболепных сатрапов.

Но если он, окрепнув духом, осознает себя носителем общерусской идеи, даст сражение на дальневосточном рубеже супостатам, поедающим Русскую землю, – он станет национальным героем.

Наздратенко, крепись! Тебе нельзя являться в Москву с повинной. Твоя база и крепость – Владивосток, корабли, рудники, избравший тебя народ. Атакуй!

Обратись к дальневосточникам, давшим тебе власть, – они не выдадут тебя в когти Чубайса.

Обратись к офицерам флота, которым ты ссужаешь корабельное топливо, к пограничникам, чьи пограничные столбы ты защищаешь, к армейцам, которым ты не даешь умереть с голоду, – им Чубайс отвратителен, как и тебе.

Обратись к Государственной Думе – пусть избранники народа сыграют наконец острую партию.

Обратись ко всем патриотическим движениям и партиям, левым и правым, к Церкви, к культуре, ко всем патриотическим лидерам – они, без сомнения, поддержат тебя.

Обратись с палубы ракетного крейсера ко всем русским людям, ко всему народу с яркими словами и мыслями – у тебя они есть, слава Богу.

И тогда рыжий карлик убежит и скроется в норку. И тогда фээсбэшная тень улетучится, как пар над болотом. И тогда зазвучат с новым смыслом слова старой песни: «Разгромили атаманов, разогнали воевод...» И тогда угнетенный человек в своей уютной квартирке, на своем огорожке, в своих печалях и тяготах, услышит, как шумит, приближается, дышит русский Тихий океан!

Июнь 1997 г.

Тело Ельцина положат в муравейник

Ельцина, который низвел Россию со второго на пятьдесят шестое место в мире и за это был введен восьмым в мировой политический клуб, – когда-нибудь, как мертвую лягушку, положат в муравейник. И это будет называться погребением согласно завещанию.

Все, кто ратует за вынос тела Ленина из Мавзолея, ссылаясь на православную традицию, ничего общего с ней не

имеют. Возможно, они иудеи или буддисты либо атеистические невежды. Равнодушные к православной истории Родины, они никогда не бывали в Киево-Печерской Лавре, где в прохладных склепах, за стеклами, облаченные в схимы, лежат великие покойники древности, и люди нескончаемыми вереницами, держа свечи, движутся мимо священных саркофагов, заглядывая на нетленные мощи.

Предлагая разрушить Мавзолей – его розовые граниты и черные мраморы пойдут, вероятно, на отделку саун молодого поколения «реформаторов», – Ельцин хочет уничтожить то место, откуда снежной осенью 41-го года военный парад, салютуя Сталину, уходил под Волоколамск, где и лег под немецкие танки, не пустив фашистов к столице, чье 850-летие сыто и безопасно отпразднует хозяйственник-мэр. Ельцин хочет разрушить место, мимо которого в 45-м на белом коне проскакал чудотворец Жуков и куда, как мусор, валились шитые серебром черно-красные штандарты рейха – трофеи генерала Варенникова.

Вавилонское мышление Ельцина – стирание материальных памятников покоренных народов, чтобы овладеть их смиренными душами, – побуждает его разрушить священную Красную площадь, храм под открытым небом, в котором молились три героических поколения. Осквернением этого храма явились рок-фестивали, напоминавшие свальный грех, после которых брусчатка была сплошь покрыта раздавленными пивными банками и гигиеническими прокладками. Сюда в 93-м выпустили Ростроповича, который, как злой сверчок, размахивал палочкой, дирижируя ОМОНОм, избивавшим у Дома Советов бессильных стариков и детей. Здесь же, на Красной площади, без Мавзолея, без священных могил, среди сусальных балаганов и бутафорского войска станут венчать на царство пучеглазого царевича, рожденно-го от заморской лягушки.

Три великих архитектурных шедевра оставил нам предвоенный Советский Союз. ДнепроГЭС – Дворец электричества, где сотворялся культ одухотворенной человеком

машины. Мельниковский «Клуб Русакова», напоминавший плывущий линкор, – символ всепобеждающего коллективизма. И Мавзолей, проект незабвенного Щусева, воплотивший идею бессмертия.

Красная звезда большевизма враждовала не с двуглавым орлом, убитым в самое сердце либеральным масоном Керенским, не с имперской короной, а с гербами и значками провинций, республик и вотчин, на которые развалилась империя, – и свинтила красным винтом воедино.

Маги из окружения Ельцина, готовящие ритуальное убийство Мавзолея как завершающий этап истребления Советской Истории, предлагают иную символику. Их воскрешенный двуглавый орел, напоминающий курицу-гриль, знаменует убийство России. У этой птицы две тонких жилистых шеи и две головы – Березовского и Гусинского. Одно, изведенное злыми страстями, многократно шунтированное сердце, из-под перистой юбки – две ноги Наины Иосифовны, а вместо глаз – 25-центовые монетки.

Древний птеродактиль, вспорхнувший с отпечатка на сланце. Но ему не летать над Россией.

Придите ночью на Красную площадь. Брусчатка, как светящийся черный чугунок. Таинственно-алый, сложенный из карельских глыб Мавзолей. Золотой, с циферблатом, обруч. Рубиновая немеркнущая звезда. Коснитесь рукой брусчатки, и вы услышите трясение земли. Идут поколения героев, ваши деды, отцы. И вы идете в их сдвинутых тесно рядах. Так будет всегда. Будут колонны героев. Будет Родина. Будет Победа.

А мертвая лягушка реформ неизбежно упадет в муравейник. Превратится в хрупкий скелетик. В назиданье юннатам.

Июнь 1997 г.

Ельцин отдыхает у нарисованного озера

Натворив массу бессмысленных или вредных для России дел, Ельцин на два месяца отправился в отпуск, ошастли-

вив перед этим обезумевших от разрухи граждан очередным скрипучим посланием. Написанное чьим-то утонченным фарисейским пером, оно было похоже на покаяние устыдившегося разбойника. И как в древности случилось чудесное превращение Савла и Павла, так и теперь, судя по посланию, канул в лету Ельцин – разрушитель и убийца, а предстал перед нами то ли Тишайший Царь, то ли кроткий Марк Аврелий, президент-инок, президент-богомолец.

По-человечески это понятно. Измочалилась дубина, которой он молотил народ, исхлестался кнут, которым он половогал страну. Во что превратилось верное окружение? Былой советник, схваченный за руку, скрывается от каторги в Польше. Страж правосудия, генпрокурор, сидит в тюрьме. Министра обороны прогнали взашей. Министр юстиции совершил ходку в баню и канул. Приморский губернатор показал Кремлю дулю. Секвестр не принят Думой. Культурные ценности не возвращаются другу Колю. Пасынок императорского дома, с кем связывали плавный переход власти от престарелого кремлевского коммуниста, разрушившего Ипатьевский дом, к «молодым реформаторам», посягнувшим на Мавзолей, – этот побочный великий князь, испугавшись участи Гришки Отрепьева, отказался от венценосных притязаний.

Что делать Ельцину на этом кладбище репутаций? Выход нашелся. Дочь Таня, напоминающая греческую Аспизию своей эллинской просвещенностью и любовью к Отечеству, введена в ранг советника, отвечающего, как было сказано, за «имидж» отца. Уж не Татьяне ли принадлежит текст последнего радиопокаяния папы?

Чем-то реликтовым, родоплеменным, доисторическим повеяло от этого назначения. Ранней бронзой или поздним неолитом, когда племенем управляла семья, живущая в лучшей пещере и отдыхающая на лучших шкурах. Старый вождь, его дети, племянники, его зятья и невестки. Один управляет жрецами, другой – собирателями кореньев, третий – отрядом охотников, четвертый – припасами, а любимая дочь намазывает на бледный, изрезанный морщинами и пороками лик во-

жда разноцветную глину, наносит ритуальную татуировку, вешает на грудь зуб акулы.

Мы не удивимся, если на пост в Центробанк или в Управление по делам казачества будет представлена Наина Иосифовна.

Нет сомнения, доктор Дебейки сделал все, чтобы Ельцин дожил до суда, где станут его судить за сотворенные злодеяния. И тогда дочь Таня, умеющая как никто ловко повязать галстук, побрызгать лаком на седины или подобрать цвет пиджака, – будет незаменима.

За что станут судить Ельцина? За уничтожение, вопреки Конституции, нашей великой Родины, Советского Союза. За вторичное нарушение Конституции и расстрел парламента, во время которого была зверски убита тысяча людей. За учинение чеченской бойни с применением арсеналов Третьей мировой и уничтожение цветущих российских городов и селений и сотен тысяч российских граждан. За неконституционное выделение Чечни из состава России, что сдетонировало распад страны. И еще за то, что каждый год Россия недосчитывается полутора миллионов своих граждан.

Мы не знаем, что делает Ельцин в эти минуты. Может, сидит в палате у нарисованного озера. Может, четвертый час подряд безучастно смотрит на поплавок, запущенный для него в специальную ванну. Мы же поднесем к его сонному уху один любопытный документ и зачитаем:

«Когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно подчиненный одной и той же цели, свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности становится правом и обязанностью народа».

Так гласит Декларация независимости, принятая Конгрессом США 221 год назад, той страны, в которую Ельцин, его кузнецы и вольные каменщики перековывают Россию. Согласно этим словам, все народы имеют право на восстание.

Неужто все, кроме русского, господин отпущник?

Июль 1997 г.

Костиков обратил Ельцина в католичество

Можно легко представить, как президент отклонял закон о вероисповеданиях.

Была глухая ночь. Петухи не пели. На столе стоял пустой череп, и в нем горела свеча. В уголке тихонько подвывали ведьмы. Качалась на бечевке тушка выпотрошенной обезьянки. Папский нунций в малиновой шапочке с козлиной бородкой подкладывал документы на подпись. В тот момент, когда президент макал перо, сделанное из иглы абиссинского дикобраза, в чернильницу с соком каракатицы и подписывал документ, исполненный на латыни и древнешумерском, – в этот момент обрушилась колокольня в селе Воздвиженском, что на Вятке, на скотном дворе у самарского фермера родился двухголовый теленок, а из Лысой горы ударил столб голубого огня.

Отвержение этого закона, одобренного губернаторами всех русских земель, думцами от всех русских краев и вотчин, а также Патриархом всея Руси, Верховным муфтием всех мусульман России, буддийским верховным ламой, а значит, и всем многоязычным народом страны, – окончательно очертило вчера еще расплывчатый образ человека, вбитого, как осино-вый кол, в новейшую русскую историю.

Когда он росчерком все того же пера расчленил Великий Советский Союз, отправил 30 миллионов русских в рассеяние, лишил Россию половины ее пространства с нефтяными полями, урановыми и золотыми копями, – у людей все еще оставались сомнения: а вдруг не по своей воле, а вдруг из благих побуждений и рано или поздно одумается?

Когда он запустил во власть ненавидящего страну Гайдара и тот разнес в прах заводы, космодромы, хлебные нивы и оборонные технологии, без которых невозможно стране в XXI, полном опасностей, веке, – и после этого у оголодавшего, лишенного кошельков люда еще оставались сомнения.

Когда он умело и ловко создал для народа ад, уморил его голодом, отравил болезнями, задушил нищетой, залепил

глаза и уши разноцветной замазкой, изготовленной на НТВ, когда Россия с целлофановым мешком на голове стала задыхаться, теряя устойчиво 1,5 миллиона жителей в год, – и тогда кое у кого оставались сомнения.

Когда осмысленно устранил из власти проверенных государственников, для которых Россия и Родина не пустые слова, а вместо них запихнул в Кремль, в Дом правительства, в прокуратуру, в банки отпетых бандитов, когда на мушки киллеров оказалась посаженной половина России, то и тогда у самых наивных и простодушных, у тех, кто слушает «Угадай мелодию» и американского проповедника Познера, все еще оставались сомнения.

Сомнения исчезли, когда он, пнув Патриарха, отверг закон о верованиях. Возжелал затоптать ключи, бьющие у сокровенных корней России, питающие ее таинственное духовное древо, мистическую связь с небом, Богом, бессмертием.

Ельцин – орудие вселенской тьмы, избравшей его как жерло, сквозь которое в Россию пускают один за другим снаряды страшной разрушительной силы, взрывающей нематериальные, глубинные основы народной жизни.

Он разрушил Ипатьевский дом в Екатеринбурге, продолжая труды Юровского. Он покусился на Мавзолей, таинственный кристалл, помещенный у основания советской истории. Он поджег из пушек российский парламент, усеял Москву обгорелыми костями и клочками растерзанных тел, убив тысячу русских свободолюбцев. Он разбомбил до кирпичной пудры российский город Грозный, упрятав в каменной братской могиле сто тысяч граждан многоплеменной России, испепелив ударами «Ураганов» русскую идею вселенской любви и братства. Теперь же он, толкнув локтем Патриарха, осквернил золотые ризы Православия.

В октябре 93-го Церковь обещала предать анафеме того, кто первый начнет стрелять, кто прольет русскую кровь. Анафема, как утверждают иерархи Церкви, была объявлена, но – тайно, без гласного указания имен. Люди гадали – на ком

проклятье. Сегодня патриаршьё осуждение Ельцина открыло покров тайны. Анафема – на Ельцина.

В центре преисподней, в раскаленном железном шаре косматое чудовище скрежещет зубами, царапает когтями раскаленную сферу, поджидая, когда ему кинут душу президента-иуды.

Июль 1997 г.

Журналисты ОРТ, сифилис и Березовский

Их выводят в секретной лаборатории Александра Яковлева. Тщательно отбирают среди пораженных коровьим бешенством, СПИДом и бледной спирохетой. Возвращают в темноте среди червей и слепых личинок. Прикармливают падалью. По мере возрастания ампутруют органы, контролирующие сострадание, совесть и честь. Тренируют зрелищами детских казней. Подвергают заключительному испытанию, где каждому надлежит оклеветать и умертвить мать родную. А затем выпускают в свет, делая журналистами ОРТ, НТВ, «Известий» и «Московского комсомольца». И мы, видя этих энергичных, дружных, веселых людей на заседании «Пресс-клуба», не всегда замечаем, какие у всех у них одинаковые белые зубки, испачканные розовой слюной.

Бесконечна история провокаций. Бомбардировка американцами Северного Вьетнама, превратившая страну в напалмовый ад, началась с провокации в Тонкинском заливе. Вторая мировая война, превратившая планету в руины, началась с провокации переодетых в польскую форму эсэсовцев, захвативших пограничную радиостанцию.

Журналист ОРТ Шермет был выбран Березовским для разрушения российско-белорусского союза. Этот наймит, всласть наоскорбляв Лукашенко, завоевав симпатии ненавистников славянского братства, был направлен в запретную зону, где белорусы отрабатывали меры пограничной защиты. Его

аресту и проверке на предмет шпионажа сопутствовал подготовленный хай в Москве, когда все крикливое сообщество, известное своей способностью расклевать до костей любую теплокровную жертву, выступило против «диктатора Лукашенко». Березовский на тонких ножках, входящий в гостиную к Ельциным, тут же наябедничал и нашушукал в розовое ушко Татьяны Дьяченко, вдывая в него ядовитый ветерок «информации» – о невинном, закованном в кандалы Шеремете. Чувствительная нежная дочь, проверенный враг белорусов и русских, взвинтила отца, чей мозг, помещенный в сосуд с физиологическим раствором, соединен с внешним миром тонкими проводками с чувствительными датчиками и приборами. Тот вспылел, пригрозил разрывом отношений России и Белоруссии, но чуть позже один из советников, обслуживающий склянку с мозгом («Мозгбанк»), доливающий в нее испарившуюся жидкость, направил в центр, управляющий речевыми функциями, корректирующий сигнал, и Ельцин, глядя белыми вываренными глазами, высказался за сохранение Союза.

Описанный сюжет мог протекать по-иному. Иначе выглядело резное ушко Татьяны Дьяченко с бриллиантовой сережкой. Березовский, посещая дачу в Барвихе, был похож не на чертика с тонкими ножками, а на кузнечика с длинной головкой. Но инцидент, как его наблюдал народ, высветил до самых сокровенных, наполненных гнилыми органами глубин суть нынешней российской власти. Большой, неадекватный, в припадках страдания и бешенства президент, которым вертят несколько умных, беспощадных, очень богатых и враждебных России людей. Они запускают для пополнения своих миллиардных (в долларах) состояний жуткую и примитивную машину: полушария большого президентского мозга, телевизионные передатчики «Останкино», свора высокооплачиваемых, человекоподобных существ и затуманенное сознание телезрителей, в котором, как в голубоватом аквариуме, плавают мутные рыбины ОРТ.

Всмотритесь в Листьева, который в гробу, в очках читает газету. Всмотритесь в Масюк, фурию чеченской войны, кото-

рую представляют как мать Терезу. Всмотритесь в Голембиовского, честного и независимого, которого люди «Лукойла» вышвырнули, как напрудившего лужу щенка. Вглядитесь в Доренко – его праведная ярость и пылкое негодование имеют температуру обратной стороны Луны и исчисляются десятками тысяч долларов в неделю. Вглядитесь в Киселева, которого Коржаков вкрадчиво назвал «сексотом». Вглядитесь в Познера, надевающего на вашу дочь «железную маску», накачивающего в ее раздираемые криком легкие «веселящий газ».

Это не журналисты. Не ведущие телепрограмм. Не репортеры известных газет. Это тайный орден, «черный спецназ», сатанинская элита, подобная саранче из Откровения Иоанна Богослова, которая явилась на пространства России, чтобы сеять болезни и смерть.

Август 1997 г.

Кто забьет бычка оппозиции

Конец лета. В деревнях бьют бычков. Стоял себе посреди луга, ел траву и цветы, смотрел на пролетающих бабочек, лизал протянутую руку хозяйки, подставлял пятнистую спину теплым дождям. В один прекрасный день подкатил ревуший грузовик. Мужики из кузова спустили доски, привязали бычку на рога веревку и ударами палок, с руганью погнали на борт. Ревет, не понимает, что с ним делают, а его вгоняют в зловонный кузов, крепят в распоры. И бычок, оторванный от родных лугов, чует близкую смерть, не понимает, откуда она и за что, мычит, а его увозят на бойню.

Так и народ – умирает, стонет, обливается слезами, бестолково в разные стороны мотает головой. А его бьют дубьем по хребту, гонят в смертную колымагу, и он идет, упирается, не понимает, откуда и за что ему смерть, кто его палач и мучитель.

В своем отчаянии начинает винить в случившемся – кого бы вы думали? Не Чубайса с Немцовым, не Ельцина с

дочками, не расплодившегося в несметном количестве Лившица, а своего лидера, возвращенного им, выстраданного, поставленного им же, народом, во главе оппозиции. И вот уже капиталист-коммунист Семаго выступает с публичной критикой оппозиции в газете ее противников. И вот уже молодые комсомольцы-революционеры, коим число полтора человека, грозящие кулаками царским монументам, открывают охоту на Зюганова. И вот уже известный писатель с открытой трибуны разочарованно о нем отзывается. И все это мгновенно и жадно хватают острыми клювами НТВ и «Известия», и враги, оснащенные миллионными тиражами, умными пропагандистами, используя нетерпение и усталость людей, плодят миф об усталости самого оппозиционного лидера.

Но лидер не устал. Он находится в страшном огненном фокусе сжигающих его общественных противоречий и сил, дорожа каждым малым, незаметным для глаз приобретением, каждой новой ячейкой сопротивления, каждой новой, пусть крохотной, группой, включенной в борьбу, не подавая виду, как велик риск потерять все разом. Отдать на растерзание маньякам и палачам 93-го года безоружный, не защищенный законом народ. Будем искренни: готов ли народ к открытому сопротивлению убивающей его власти? Сколько сотен стариков выходит перекрывать Транссибирку? Сколько десятков пошло на Москву после полугодовой страстной проповеди Анпилова? За сколько сребреников продалась атомная элита Арзамаса, проголосовав за Сκληрова?

Смысл сегодняшней общероссийской политики в том, что против Чубайса, срезающего американской секирой 1,5 миллиона русских голов ежегодно, складывается общенациональный фронт. Это прежде всего народно-патриотическая оппозиция. Это и губернаторы умертвляемых регионов – не только из «красного пояса». Это и армия, крикнувшая «Нет!» устами Рохлина. И директора предприятий.

А в этом месиве интересов и целей, при видимой пассивности народа, действует лидер, вступая в альянсы и временные соглашения, выбирая союзников и партнеров,

уклоняясь от прямых ударов властей, сберегая Думу и штабы оппозиции.

Чего, скажите на милость, стоят кафедральные призывы иных оппозиционеров начать мирную национально-освободительную революцию? Где они видели такую? В Палестине, в Мозамбике, в Анголе, где земля красна от крови революционеров? Только поза, красивый жест, декларация.

Не станем торопиться с капризной критикой. Лидер не эстрадный певец, который должен нравиться зрителю и если хоть на миг не потрафил, его готовы освистать и забыть. Лидер – это наши с вами огромные труды и жертвы, наши ожидания и молитвы, брошенные в общую шапку копейки. Лидера возвращают медленно, как сильное дерево. И его нельзя косить, как траву. У лидера есть обязательства перед народом. Но и у народа есть обязательство перед лидером. И это обязательство в том, чтобы беречь лидера, хранить, возвращать до решительного часа.

Горе нам, если этот час пробьет, а мы недосчитаемся лидера.

Горе бестолковым бычкам, которых злой и беспощадный погонщик гонит бичом на бойню.

Август 1997 г.

Дума, объяви импичмент предателю!

18 августа – страшный день для России. Кремлевские палаты. Маленький, недвижимый, как высеченный из камня, Масхадов в курчавой папахе, завоеватель, победитель Кремля. Рядом – потрясенный, безумный Ельцин, размахивающий руками, с багровой, как жуткая рыхлая клубничина, личиной. Что-то силится сказать: о свободе для Чечни, о независимой Ичкерии, про какой-то рог, которым не надо упираться, о том, что все равно Россия и Чечня будут рядом на карте. И в этих скачках и кривляниях разрушителя Родины – трагедия распавшейся России, убитых и оскопленных солдат, изничто-

женных сограждан, коих сотни тысяч, коим несть числа. А он в Кремле размахивает конечностями, как марионетка, и лишь едва заметны нити, прикрепленные к его запястьям.

Этому танцу утром предшествовал языческий ритуал, когда чеченцы, чтобы умастить кремлевского пораженца, кинули на землю грязную бурку и выкатили из нее изнасилованную Масюк – «подарок от нашего стола к вашему». То ли дар, то ли угроза, что, дескать, так же могут выкатить Татьяну Дьяченко.

К вечеру этот ритуал был дополнен стрельбой сквозь оптику, когда продырявили все внутренние органы, выбили все мозги и глаза Маневичу, закадычному другу Коха, успешшего сбежать в Америку, побратиму Чубайса, устроившего распродажу «Норильского никеля» и «Связьинвеста». Пули снайпера не долетели до рыжей головы вице-премьера, размазали по автомобильной панели не его, чубайсову кровь.

Туда же, в ту же воронку, как осиновый кол, вонзился и рухнул самолет-амфибия, ставя крест на всей показухе в Жуковском, куда Шапошников, как в нарядный морг, свез хорошо промытые и подкрашенные останки советской авиационной державы.

В конце этого жуткого дня перед годовщиной ГКЧП, когда явственно слышно шевеление тектонических разломов России, скрежет старинных русских костей, хруст фундаментов московских храмов, в конце этого дня состоялся большой футбол, на который сошлись поглядеть Ельцин, продавший Россию, Куликов, при котором убивают безнаказанно милиционеров, журналистов, банкиров, Лужков, одержимый строительством великой столицы карликового государства, а также лидеры оппозиции, встраиваясь системно в футбольный праздник. Все дружно смотрели, как пинают мяч, чем-то похожий на голову Елены Масюк.

Дума, если ты есть. Если ты государственная. Если не скуплена на корню чеченцами, ингушами, ливанцами, зулусами и марсианами. Если твои депутаты не вырезаны из фанеры, как мишени на стрельбище. Если в тебе остался большой нерв

жизни. Если ты хочешь сохраниться в народном сознании защитницей Родины. Дума, соберись на свое внеочередное заседание и объяви импичмент разрушителю государства! Не встраивайся системно в огромное совершаемое преступление!

Август 1997 г.

У Масюк сохранились длинные ногти

Фильм Антониони «Блоу-Ап»: фотограф, снимающий все подряд, сфотографировал женщину в парке. Проявляя снимки, обнаружил попавший в кадр лежащий под деревом труп.

Работники ряда редакций, рассматривая телезапись НТВ, посвященную встрече только что вызволенной из плена Масюк, желая выбрать для публикации наиболее драматический кадр, обнаружили крохотный, моментально проскальзывающий фрагмент. Масюк подносит руки к лицу, и на пальцах женщины, полтора месяца просидевшей в земляной пещере, длинные, хорошо ухоженные ногти. Шедевр маникюра. Чудо земляной ямы, охраняемой дикими автоматчиками.

Другое чудо – последний перед похищением репортаж Масюк, «чудом» – так и сказано – сохраненный отважной журналисткой в течение ста дней плена. Ни обыски, ни свирепое обращение, ни мыкание по подвалам и ямам не помещали Масюк бог весть в какой части одежды, в каком месте тела сохранить объемную кассету с пленкой, где в который уж раз на посрамление квелым и никчемным русским военным предстает рыцарь чеченского сопротивления Радуев, наводящий ужас на пораженцев.

Третье чудо – абсолютное, до часов, совпадение визита в Москву Масхадова и вызволение журналистов. Словно чудо это плановое, запрограммированное, согласованное и с теми, кто наносил визит, и с теми, кто принимал, и с теми, кто вызволял, и с теми, кого вызволяли. Гуманитарный праздник, устроенный Березовским и Гусинским в честь вечной дружбы Ельцина и Масхадова, отделяющий Чечню от России.

Все эти «чудеса» способствовали распространению версии, по которой якобы не было никакой земляной пещеры, а была комфортабельная вилла Басаева, где можно было наводить маникюр и монтировать сюжет о Радуеве. А выкуп – около семи миллионов долларов (кстати, откуда деньги? Из казны? Из кошельков Березовского и Гусинского?) – выкуп пошел на восстановление нефтяной трубы в обход бюджетным проплатам.

И все-таки истинным чудом явился срыв этой «мыльной оперы», когда вдруг ни с того ни с сего Березовский и Малащенко, «дудка Гусинского», обрушились на Масхадова, делая его бандитом и похитителем, при этом выставляя в гнуснейшем свете Ельцина, братавшегося с гостем в папаше.

Что произошло в ночь после постыдного приема в Кремле? Какие миллиарды долларов начал терять Березовский, сорвавший папашу с Масхадова? Какая муха укусила Рыбкина, переставшего лгать о «неопределенном статусе» Чечни? Какая степень конфликта между Чубайсом и Потаниным, с одной стороны, и Гусинским и Березовским, с другой, обнаружилась и привела к взрыву? Какова роль Сороса, перехватывающего у Березовского нефтяную трубу? Остается гадать.

Однако ясно, особенно после мерзких провокаций ОРТ в Беларуси: журналисты «демократической» прессы и телевидения есть особая, элитарная, тщательно сформированная прослойка, с помощью которой узкая группа банкиров управляет искаленным обществом и помраченным сознанием президента, осуществляя самые темные, эгоистические комбинации себе на выгоду, России на погибель.

Мы должны быть готовы к тому, что с помощью биороботов, именуемых «тележурналистами», в ближайшее время будет осуществлено еще несколько злодеяний. Таких, например, как разрушение Красной площади и Мавзолея. Или утверждение на российском престоле династии Гогенцоллернов с регентом Чубайсом. Или продление президентского правления Ельцина на третий срок. Или разрыв союза

с Беларусью. Или, под аккомпанемент имперских маршей, вселенских молитв и всероссийских торжеств, расчленение несчастной России.

Однако на судебном процессе, неизбежном после краха Ельцина, эти «тележурналисты» будут сидеть на отдельной скамье, и в качестве «вещдока» им будет представлена усохшая женская ручка с президентскими часиками и остатками маникюра.

Август 1997 г.

Арбуз Думы будет разрезан

Оппозиционная Дума вернулась в Москву, зрелая, плотная, наполненная соками, покрытая осенним глянцем созревшего спелого плода. Вкатилась в свое величественное здание на Охотном ряду, как круглый промытый арбуз.

Депутаты рассаживаются в знакомые кресла, оглаживают милые сердцу столики, по-снайперски присматриваются к пультам для голосования, пускают пластмассовыми карточками, как зеркалацами, зайчики света.

Пока законодатели отдыхали на пляжах и водах, исполнители, пользуясь отсутствием Думы, провернули множество вредоносных для страны дел. Пустили на приватизацию стратегические «Связьинвест» и «Норильский никель», отдавая Соросу остатки суверенитета. Провозгласили деноминацию, вторгаясь в контролируемую Думой финансовую политику, готовясь привычно залезть в кошельки граждан. Начали «военную реформу», которая страшнее Цусимы. Ельцин принял в Кремле Масхадова и заявил о независимой, свободной Ичкерии. Провокаторы ОРТ поставили на грань разрыва российско-белорусский союз. К тому же опубликованная книга Коржакова открыла вопиющие, уголовно наказуемые факты, сопровождающие ельцинское правление.

Как обойдется с этим явившаяся из полей и лесов оппозиционная Дума?

В минувший сезон, постоянно декларируя защиту народных интересов, атакуя «преступный курс», она утвердила черномырдинский лживый бюджет, сладко сглотнула назначение на ключевые посты Чубайса и Немцова, ненавистных народу персон. Приняла в первом чтении чудовищный Закон о разделе продукции и грабительский Налоговый кодекс и, забыв свои «Одиннадцать требований к режиму», так и не объявив вотум недоверия правительству, ловко избежав не грозящего ей разгона, удалилась в луга.

Теперь ей предстоит, позабыв о «секвестре», принять новый бюджет, провозглашаемый Чубайсом «бюджетом экономического роста». При этом в бюджете отсутствуют расходы на «северный завоз», он обрекает на холодную и голодную смерть треть российского населения и промышленности.

Оппозиционную Думу можно уничтожить двояко. Тупо и недалевидно вставлять деревянные палки в стальное колесо чубайсовских реформ, провоцируя роспуск жертвующих собой депутатов. Или жалко, по-рабски волочиться за стальным колесом победной колесницы, на которой торжественно стоят Чубайс и Черномырдин, а за ними на шелковом поводке пылят босые оппозиционеры, презираемые народом.

Политика в том, чтобы, непрерывно балансируя между этими двумя путями, нападая и отступая, использовать свои невеликие конституционные возможности для обуздания бешеной исполнительной власти, сохраняя драгоценный потенциал оппозиционности, накапливая силы для взятия власти.

Время работает не на оппозицию, не на Россию. Утомленные уходят из политики, умирают отважные старики. Аполитичные растленные поколения вязнут в стяжательстве. Утверждается уклад, в котором господствуют 30 миллиардеров и одна «семья». Падают в бесчисленных сокращениях и реорганизациях последние институты власти. Торжествует сепаратизм с добродушным лицом Шаймиева. Расползается по швам шитый сусальным золотом, усыпанный стеклянными алмазами гнилой кафтан государственности.

Именно в этот час, в этот роковой для России момент вкатывается в здание на Охотном ряду спелый арбуз Думы. Коммунистически-красный внутри, с черными семечками НДР, покрытый жесткой глянцевиной кожей, в которую власть так и норовит воткнуть свой отточенный нож.

Сентябрь 1997 г.

Лужков пролетел на серебряном «Су»

Какой на Москве небывалый праздник! Сколько шума, блеска и ликования! Там конница Дмитрия Донского рубит фанерными мечами Мамаеву орду. Там бояре, распушив косматые бороды, восходят на Красное крыльцо. Там черные маслянистые арапы бьют в барабаны и бубны. Стрельцы, гвардейцы Петра, богомыслящее духовенство, почетное купечество, земство. И снова арапы, солисты Большого театра, главы стран СНГ, предки-язычники, босые, в рубашках, с безумными глазами волхвов, и хорошенькие танцовщицы с голыми ножками.

Там мэр Лужков, то в кепке, то без нее, то в храме, то в си-нагоге. Вот он режет ленточку перед мечетью, славит Аллаха. А вот ступает твердой ногой в супермаркет – вылитый Меркурий, покровитель ремесла и торговли. Вот бесшабашно летит на карусели, на самолете, на верблюде. А рядом с ним – президент, на ракете, на крокодиле. А за ними – матрешки, клоуны, карлы, горбуны, дураки и вновь милые русскому сердцу бояре. И вдруг рванула к небу четверка «Су», встала на огненных столбах, и нет ее – только лезвия лазеров секут пустоту.

В одном из шествий конь с золотой уздечкой заржал, встал на дыбы, испугался барабанного боя, сбросил седока в картонном шлеме и умчался в переулки. И все кинулись с гиком и хохотом его настигать.

Особо хорош был Дракон Кончаловского. Выполз из Кремля, прямо из президентского кабинета. Чавкал пастью, хлопал костяными веками, выпускал клубы дыма. И все гадали: кто поместился в Драконе? Сатаров, Паин, Урнов, Лив-

щиц, Березовский, Гусинский, Кох, Уринсон, Чубайс, Немцов, Познер? Или Гусман? Или кто другой? Кто так коптил на всю Москву и Россию?

Конечно, это был праздник всенародный, но – и президента, и мэра, и группы «Мост», и «ЛогоВАЗа», и владельцев «мерседесов» и «вольво» и, конечно же, Церетели. И было не отличить, где его медный Петр, а где пластилиновый и бумажный. Где его рукодельные ежи и медведи, а где настоящие, в зоопарке. И повсюду золото, бриллианты, пиво, вино, сосиски, и конечно – Зыкина, величественная, как Россия, как Черномырдин в юбке.

За московским праздником наблюдала Россия. Даже безработные, забыв об оставленных заводах, ликовали и хлопали в ладоши, будто каждому из Москвы прислали леденец. Даже жители северных замерзших городов скакали и согревались, вторя танцам скоморохов. Даже русские в Казахстане, в Крыму и Нарве, в землях, которые когда-то собирала Москва, любовались на великое множество царей и князей, надеясь, что их снова присоединят. Нищие и беженцы восхищались открытием ювелирного магазина в подземном царстве у Манежа. Больные холерой радовались цветущим лицам дочери и жены президента. И даже самоубийца в военном городке помедлил пустить себе пулю в лоб – досмотрел, как проскачут мимо правительственной трибуны наездницы с голыми бедрами, и отложил пистолет.

Что это было? Из каких мешков вытряхнули на московские улицы всю эту мишуру, лепнину, надувную резину, сусальное золото, бронзу для могильных крестов – но откуда взялась впервые за десять лет эта искренняя радость на лицах, гордость за Москву и Россию? Это был Рим, который Нерон поджег себе на потеху? Или долгожданный взлет народного духа? Предвыборная кампания мэра? Или начало новой идеологии русского патриотизма? Это были похороны Красной Москвы, лежащей во гробе вместе со своей великой эпохой, и ее мертвый суровый лик гримировали белилами и румянами? Или пробуждение после долгого сна? Или это были прижиз-

ненные поминки по Ельцину, которого, как непонимающего медведя, водили в окружении шутов и карпов, а уже другой был царь на Москве?

Нет ответа. Только ночные огни, салюты, разноцветные в небе люстры, отраженные в реке золотые змеи, дворцы, купола, музыка, катание на воде, пиры, объятия, счастливый смех, поцелуи.

Поздней ночью, ближе к утру, когда все разошлись по домам и обморочно, без сил, повалились в постели, где-то на Воробьевых горах бездомный мальчик поднял к небу лицо. И увидел: высоко, в голубоватых лучах неся над Москвой конь с золотой уздечкой. На нем – всадник с косой. Бьется под воинским шлемом костяная голова. Темнеют пустые глазницы. Коса срезает у мечетей и храмов полумесяцы и кресты. И с копыт коня падают на Москву смоляные горящие капли.

Сентябрь 1997 г.

Петр I, Сталин, и скоморох Бориска

Посмотрите, какой новой шерстью обрастает линиялый кремлевский медведь. Вот он, сидя среди малахитов, называет себя Борисом I. Вот в Нижнем Новгороде среди ярмарочных редисок и корнеплодов намекает на пожизненное царствование с институтом престолонаследия. Вот, подобно буйному самодуру, сдергивающему со стола скатерть с кушаньями, грубит и оскорбляет Лукашенко. Вот, наконец, читая грамотку, нацарапанную верным Чубайсом, рычит на Думу, пугает ее оскалом и танками 93-го года, сулит ей скорый конец.

Весь этот дурной неприличный театр должен подкрепить содержание его недавней речи в Совете Федерации – об усилении роли государства. О начале самодержавного правления, кладущего предел либеральному свинству, дури чиновников, ереси губернаторов, воровству банкиров, предательству телевидения. «Вот он я, Царь Борис!»

И мы, патриоты России, исконные государственники, «кладущие животы свои» за Великое Государство Российское – будь то Багратион на Бородинском сражении, Матросов на амбразуре дота, Макашов в горящем парламенте, – мы должны бы закрыть глаза на все неприличия и возрадоваться: «Наконец-то встает из праха сильное русское государство!»

Пять лет он долбил ломом доставшуюся ему в наследство империю. Раскалывал на куски территорию. Кидал собакам крупнейшие в мире месторождения нефти, урана и золота. Заколотил все окна, которые Петр I прорубил из России в Европу. Истер до крупы все институты власти: армию, разведку, централизованное управление, символы Победы, самих государственников, изгнав их из министерств, университетов, штабов. И там, куда пять лет подряд опускался его лом, где прежде существовало государство, – образовалась огромная ямина, уродливая рытвина, в которую тут же устремилась вся мерзость мира. Бандиты, дураки, лихоимцы, педерасты, нравственные уроды, русофобы, предатели наполнили яму смрадом и нечистотами. И если заглянуть в эту чудовищную, наполненную гнилью топь, то увидишь, как на дне ее, окруженный гадами, клещами, кровососами, ворочается беспомощный, перепачканный Ельцин.

Оттуда, из этой ямы, он произнес свою речь в Совете Федерации. Объявил о строительстве госкапитализма в России.

Сталин строил свой централистский социализм под красным флагом, имел в руках могучее государство – монополитную партию, великую армию, преданный НКВД. С помощью государства он переколотил враждебную агентуру, построил заводы и домны, разгромил Гитлера, возвел Университет, вскормил Курчатова и Королева, поднял красный имперский флаг на космическую орбиту.

Ельцин, прежде чем строить свой мифический госкапитализм, должен заново создать государство и вычистить тухлую ядовитую яму, открытую им самим посреди России.

На это он не способен. Весь оброс, как бородавками, банкирами, телеведущими, «цэрэушниками», домашними

тетками, сосущими его волю и кровь. Он не смог остановить НАТО. Не смог победить чеченцев. Не смог укротить приморского губернатора Наздратенко, «смести» Рохлина, уволить мэра Коняхина. Не мог усмирить грызущихся, кидających друг в друга комья мерзкой грязи. Все, что он смог, — это прогнать Сатарова, наорать на Думу и закрыть воздушный коридор для Лукашенко. Он просто комичен, но не до слез, а до рыданий.

Мы помним Петра, в галунах и ботфортах, с обнаженной саблей, на горячем коне в дыму полтавских редутов. Помним Сталина в золотых погонах, с бриллиантовой Звездой Победы на Мавзолее, взирающего на ворох поверженных германских штандартов. И мы запоем Ельцина на нижегородской ярмарке, подающего своему «духовному пасынку» Немцову пучок петрушки.

Яма все так же глубока и зловонна. И только прикрыта теперь новым паспортом с золотым двуглавым орлом.

Октябрь 1997 г.

Есть ли у Думы 28 гвардейцев-панфиловцев?

Все напоминает осень 93-го. Те же дожди, холода, желтые деревья московских скверов. Так же на Думу рычит президент, угрожает разгоном. Так же двоится, расслаивается Дума — на тех, кто готов сражаться, считает президента «главарем», и на тех, кто робко, тайком бегают в кабинеты правительства, выискивают себе местечко потеплей.

Власть принесла в Думу бюджет, похожий на похоронные расходы для умирающей России. С пустым, как сухая тыква, докладом выступил Черномырдин. Прогромыхал, как оторванный кровельный лист, Чубайс, суля промышленный рост.

Оппозиция принесла в Думу изъеденный молью, в дырках и клочках ваты пиджак компромисса. Напаялит ли снова этот пиджак? Будет ли красоваться в нем на скромном, но почетном месте, выделенном ей президентом в головах у покойницы-

России? Или сбросит пиджак, рванет на груди рубаху, объявит правительству «вотум недоверия»?

Вокруг «вотума» ведется в душах патриотических депутатов, на заседании фракций, на явных и тайных переговорах невидимая брань. Стоит ли идти на самоожжение, обрекая себя на неизбежный после «вотума» роспуск?

Существует несколько уровней, в которых совершается этот мучительный выбор. Сталкиваются рациональное и идеальное, этическое и прагматическое, эгоизм и самопожертвование.

Дума, говорят депутаты, является единственной препоной для бесчинствующей власти, занятой разрушительными для России деяниями. Дума никогда не позволит ратифицировать «проамериканский» договор СНВ-2. Никогда не даст в обиду братский Союз с Беларусью. Не пустит в распродажу банкирам кормилицу-землю. Если распустят Думу, власть немедленно разбазарит последние крохи госсобственности, «отпустит на свободу» Чечню, оставит в правительстве воров и мздоимцев.

Еще утверждают, и не без основания: Дума с ее аппаратом, связью, вниманием прессы, финансами, сгустком политической энергии – есть организационный ресурс оппозиции. Дважды сохраняя на посту расстрельщика парламента Черномырдина, принимая воровской бюджет, оппозиция выигрывала время для наращивания организационных возможностей. Создавала в регионах новые и укрепляла старые ячейки. Формировала патриотическую прессу и радио. Создавала патриотическую экономику. Способствовала избранию 20 патриотических губернаторов. Выходила на международную арену, прорывая блокаду «демократов», обретая в «давосах» respectable образ. Что ж, все это правильно. Когда распустят Думу. Теперь проверим эффективность организации. Есть ли у оппозиции региональные отделения, способные возглавить народный протест? Есть ли всероссийское информационное агентство? Есть ли собственные банки и СП? Заработают ли в разных точках России патриотические радиостанции? По-

могут ли в трудный час патриотические губернаторы? Или, не дай Бог, все это блеф и упорное думское сидение – только прикрытие для политического бессилия?

Сегодня в Думе, оповестив о намерении бойкотировать власть, объявить гнилому кабинету («вотум недоверия»), Зюганов, похоже, сжег корабли компромисса. Вышвырнул в форточку компромисс, как израсходованный пакетик испитого чая.

Дума, преодолей ренегатов из ЛДПР, НДР и «Яблока»! Не иди на поводу у Лаховой, Старовойтовой и Борового! Блокируй «власовцев» из патриотических фракций! Встань в окопе, как это сделали до тебя гвардейцы-панфиловцы! Кинь бутылку с горючим, ударь из противотанковой пушки в мерзкую харю танка, раздавившего любимую Родину!

В России ежегодно недосчитывается 1,5 миллиона граждан.

Октябрь 1997 г.

Власть пинцетом не берут

Всю неделю после отложенного «вотума» с разных сторон к Зюганову неслись голоса.

Одни из них понуждали:

«Что вы тянете с “вотумом” – трусите или куплены?..»

Не объявив “вотума” в Думе, вы лишаетесь права призывать народ к сопротивлению, звать его на улицы и на площади. Не станет народ бороться на шпалах Транссибирской, в шахтах Кузбасса, если вы в теплой Думе боитесь проголосовать пластмассовой карточкой!..»

Объявляя “вотум”, вы ничем не рискуете, вам не грозит ни тюрьма, ни расстрел, как это было у ваших ранних предшественников. Вам придется три месяца после роспуска Думы агитировать, а потом возвратиться в Думу с победой. Решайтесь, робкие души!..»

Эти голоса жгут Зюганова паяльной лампой. Но другие, не менее громкие, пескоструйным аппаратом сдирают кожу.

Голоса вразумляющие:

«Просим не путать; мы – не КПСС, имевшая в руках могучее государство, великую армию, финансы и СМИ. Мы – остатки разгромленной и расчлененной организации, состоящей во многом из стариков. Грех подвергать их еще одной выборной встряске, гонять по подъездам и подворотням. Умно и тонко воспользуемся пребыванием в Думе для укрепления организации...

Строй, сложившийся сегодня в России, столь силен, имеет поддержку в Америке. Его не опрокинуть простым объявлением “вотума”. Мы возвращаем сложный, медленно созревающий союз партий, движений, профсоюзов, губернаторов, элементов властных структур, чтобы сообща, согласованно изменить сокрушительный курс. Преждевременный “вотум” спугнет несложившийся хрупкий союз, обернется обычным “фальстартом” в угоду крикунам и истерикам...

В 93-м году мы сохранили организацию – единственную, способную противодействовать власти. Оставьте демагогию о “Думе на крови”. Кровь пролилась из-за поспешных, несогласованных действий авантюрных неопытных лидеров. Где другие союзы и партии, которые действуют умнее и отважнее нас? Где могучий РОС? Где ФНС? Где Союз офицеров? Почему за Анпиловым в его Марш на Москву пошло лишь полсотни людей?..

Мы призываем народ сражаться, зовем его к забастовкам и стачкам. А голодный, безработный народ не бастует. Умирает, уходит с земли, но не покидает своих нетопленных и бесхлебных квартир. В стране идет “гражданская война особого типа”, без тачанок и конных армий, без белого и красного террора. И пока мы не овладеем технологиями этой войны, непродуманный одноразовый “вотум” будет хлопком холостого патрона...

Мы не можем ошибиться и пустить под нож истории новые миллионы жизней. Нам нужен не взрыв, не конфликт, который уничтожит Россию, а сложное взаимодействие всех классов и общественных сил, способных преодолеть катастрофу».

Два электрода жалят Зюганова. Тормозят, побуждают медлить. И торопят, толкают к быстрым решениям.

История не сотворяется нажатием кнопок. Ее творит от-важный, ответственный, жертвенный, связанный с риском и глупо-боким прозрением поступок, собирающий в огненную точку не просто ум и опыт политика, но мистическую энергию народа.

Ясно одно: каким бы ни было решение – «вотум» или «невотум», упадет ли с думского дерева гнилое «Яблоко» Явлинского или останется висеть с торчащим из него говорливым червячком, – политическая жизнь России стала уже другой. И мы, сторонники компромисса или, напротив, ярые его враги, живем уже в новой, увы, по-прежнему катастрофической фазе.

Октябрь 1997 г.

Четвертая русская революция – впереди

В Москве, у Дома Советов, где осенью 93-го шли бои, ныне стоят три алтаря. Дерево, увитое лентами, флагами, бумажными цветами, – русская языческая Берегиня. Поминальный православный крест, в лампадах, в тихом мерцании свечей. И баррикада с серпом и молотом из железной арматуры и проволоки – символ «красного» сопротивления. Три энергии, три русских стихии, сражавшиеся и отрицавшие друг друга в истории, здесь, на костях павших, на священной крови «погибших за правду», сосуществуют, восполняют друг друга.

Любвеобильная мечта восточных славян создавала свой образ рая, идеального бытия, где братство, добро, золотые яблоки. Жар-птица, Василиса Премудрая давались народу в награду, как волшебное чудо, за исполнение нравственного завета.

Православный горный Рай, населенный праведниками, радателями и мучениками за народ, за Россию, за «нищих духом», – был наградой за земной подвиг, за всенародный, общинный труд, где равнялись и царь, и смерд, где земное бытие, стремясь к монастырской святости, было прелюдией вечного небесного Царства.

«Красный» земной рай строился в скрежете машин, в «громადье» городов и заводов. Россия, превращенная в огромную артель, в монолитную дивизию, выковывала этот огнедышащий рай прямо здесь, на евразийском пространстве между трех океанов.

Мечта о рае, о любви всех ко всем, общей для всех правде и справедливости – русская мечта. Ибо так устроены русские равнины и реки, русская молва и песня, именно так сверкают светила и звезды на русском небе. Эта мечта неистребима, куда жив хоть один русский.

Трижды она облакалась в неповторимые формы истории. Искала для себя воплощение. Трижды рушилась. В последний раз – в роковом 91-м, когда пал СССР и огромный народ в одночасье оказался брошенным в мировую бурю.

Четвертое воплощение – впереди. Еще смутно в умах и душах. Еще нет чертежей «четвертого рая». Нет архитекторов и провидцев. А в народной душе уже начинают бродить «дрожжи русской истории», подмешанные Бог весть каким хлебопеком. И хлебы испекутся в печи.

Россия – мессианская сторона, несущая под сердцем «икону рая». Не может жить без этой иконы. Эту мечту не ампутировать в народе, какой бы страшный скальпель в него ни вонзили. Говоря языком современным, Россия – «левая» страна, требующая от человечества справедливой истории.

В брежневском «остановленном» СССР, когда жизнь была тучной, сонно-пресыщенной, лишь немногие прозорливцы угадывали в этой спелой сонливости признак беременности. Так сонлива и недвижно-пресыщена мать, несущая в чреве дитя. Застойный СССР был беременным русской цивилизацией – особым развитием, основанным на новейшей науке, водородной энергетике, космических полетах, а также на единстве природы, Бога и человека, прозвучавшем в творчестве некоторых русских писателей, художников и философов.

Советский Союз убили, чтобы предотвратить русскую цивилизацию. Так убивают мать, не давая родиться ребенку. Нож пронзает трубу и поражает плод.

Три «волны эмиграции» последовали из коммунистических рядов в ряды победившего олигархизма, онтологического зла, угнездившегося в России на пепелище СССР. Первая волна прокатилась в 91-м, когда члены Политбюро сожгли свои партбилеты, разорвали страну на части и нарядились в халаты, кафтаны и камзолы баев, князей и баронов. Вторая волна – в 92-м и 93-м, когда «красные директора» и «чекисты», чуть помедлив, растоптали «иллюзии» и жадно сожрали народное добро, настроив дворцы на Мраморном и Адриатическом морях. Третья волна началась после 93-го, когда первые две полили Москву кровью. Тогда побежали «рыбкины», встраиваясь во власть, утягивая за собой нынешний, последний слой «системных коммунистов».

Так моют золото. Грязь и глина уходят, а в лотке истории остается слиток.

Сегодня, в День восьмидесятилетия Октября, кажется, что «левая идея» осиротела. У нее в России нет своих волхвов и приходских священников, нет комиссаров. Но это иллюзия. Россия создана как реторта, в которой под воздействием неба и почвы совершается реакция, вырабатывающая вещество, именуемое Справедливостью. Если есть вещество, найдется и Алхимик, который, быть может, уже задумчиво бродит по вечерним переулкам и улочкам.

Если на эту реторту навалят камень, замуруют в бетон, размалюют двухголовыми сусальными птицами, навесят вывески «Мост-банк» и «ЛогоВАЗ», эта реторта рванет, и мы станем свидетелями и участниками того, что именуется – Четвертая русская революция.

Ноябрь 1997 г.

Битва гигантов сливного бачка

Не правда ли, в этом есть нечто библейское – Экклезиаст или Книга царств?

Ельцин убил Советский Союз и родил Чубайса. Чубайс убил экономику и родил ваучер. Ваучер убил несколько миллионов русских людей и родил банкиров. Банкиры, числом «13», сели вокруг убитой страны и, как мародеры, по-честному, стали делить часы, кольца, цепочки, выламывать золотые коронки. Один не выдержал и фраернулся по жадности. Когда главу «ОНЭКСИМ-банка» Потанина сделали вице-премьером, он забыл о товарищах и в карман «ОНЭКСИМа» упал сочный кусок госсобственности: «афера Су», Череповецкий комбинат, а позднее – «Норильский никель». Нечестного фраера скинули, но его покровитель Чубайс остался. Вместе с жеманным, в бигудях, Немцовым он стал называться «молодым реформатором».

Приближалась продажа с молотка стратегической госсобственности – «Связьинвеста». Два самых дошлых банкира, Березовский и Гусинский, подловили в Ницце Чубайса и, сидя по чресла в море, сказали ему: «Братан, скинь “Связьинвест” по дешевке». Чубайс к тому времени стал косить под царя Петра и ответил: «Продам “ОНЭКСИМу” и Соросу. Они больше заплатят. Царству нужны “бабки” для выплаты долгов по зарплате».

Сорос сглотнул «Связьинвест». Рассерженные банкиры, оседлав свои телеканалы, стали мочить Чубайса. Мочат и мочат. Ельцин собрал банкиров и строго сказал: «Твари, миритесь! Не трогайте молодых реформаторов!» Банкиры разошлись и, словно это был не Ельцин, а резиновый надувной старик, с новой страстью устами двух неистовых теленаймитов Доренко и Киселева продолжали порку Чубайса.

Чубайс ответил жестоким ударом. Березовский, выбирающий себе гражданство согласно «розе ветров», был изгнан с позором из Совета безопасности, где он вместе с Рыбкиным помогал бандитской Чечне. Его стали гнать с ОРТ, где раз в году на всю страну рыдают о Листьеве и где прикормленный на сыром мясе, притравленный на Чубайса, работает ценный телеведущий.

Березовский, оплачивающий Доренко и Минкина, нанес ответный удар по Чубайсу. Все гнездо «молодых реформа-

торов», так называемая «петербургская банда», – было объявлено взяточниками, и вслед за туберкулезным Кохом, как гнилые яблоки, попадали Бойко, Казаков, Мостовой. Собчак, убежавший в юбке своей жены за границу, только постанывал и хватался за здоровое сердце.

Чубайс остался один, окруженный врагами и следователями. Гордо, красный, как рак, он подал в отставку, но Ельцин отставку не принял, требуя от Чубайса заполнения дырявой казны. Чубайс остался, и теперь мы, зрители, получившие нечто большее, чем испанская коррида, или римский бой гладиаторов, или рыцарский средневековый турнир, – мы, сидя у телевизоров на голодный желудок, ждем ответного удара Чубайса.

Быть может, это будет страшный компромат на Березовского, рассказ в «Комсомолке» или в каком-нибудь французском журнале о том, как Березовский сколотил свои три миллиарда долларов. Какой-нибудь там счет в швейцарском банке с намеком на Татьяну Дьяченко и великокняжескую чету Окуловых, с которыми связан пресловутый банкир, или что-нибудь про «кровь младенцев». Мы ждем с нетерпением.

За этой битвой наблюдает Черномырдин, похожий на забытый, невыкопанный корнеплод, страшится, что и его скovyрнут. Наблюдает Шаймиев, которого толкают на «чеченский вариант» отделения. Наблюдает Немцов, слушая, как у его кучерявых венцов свистит коса. Наблюдает «красная Дума». Наблюдает Ельцин, чья рука незаметно тянется к клавише сливного бачка. Нажатие трех пальцев – и в черную крутящуюся воронку, с рокотом и мягким грассированием, напоминающим речь Скуратова, уйдет вода, унося с собой борющихся гигантов.

А мы, среди всей этой пошлости, глядя на омерзительные лживые рожи, – очнемся ли на миг, не почувствуем, как медленно, неумолимо сдвигается огромная плита континента, смещается платформа мира, и нарождается «другая земля и другое небо», и грядет настоящий Герой, в огненном плаще, с сияющим копьём. Целит острием в мерзкого змея, и тот, как

на русской иконе, извивается кольцами, высовывает мокрый язык, чувствуя неотвратимый Божий удар.

Ноябрь 1997 г.

Савостьянов и Степашин — «опричники демократии»

Когда банкиры проносятся на своих «мерседесах», то вслед им смотрят ненавидящие глаза беспризорников, старых фронтовиков, воинов чеченской войны, священников, инженеров, писателей. Миллионы ненавидящих глаз провожают лакированные лимузины. Банкиры вжимаются в сиденья за темными стеклами, включают «мигалки», усиливают охрану. Воюющая армада пронесится сквозь город к загородным дворцам, где за колючей проволокой, под током, с пулеметами на вышках, их ожидают перепуганные самки и выкорыши.

Помимо тока, овчарок, следящих и подслушивающих устройств, банкиры придумали «комиссию при президенте по борьбе с экстремизмом». Ее возглавили пресловутые «опричники демократии» Савостьянов и Степашин. Последний, получив в свое управление все казематы страны, все лагеря и тюрьмы, карцеры и камеры смертников, будет лично раздавать приказы, когда засадить за решетку лидеров «Русской партии» или активистов «Трудовой России», или редакцию «Завтра», или распространителей «Русского порядка» и «Лимонки».

Однако пусть знают банкиры, что помимо этой действует и другая комиссия — «имени Олега Кошевого», ведущая счет преступным экстремистам, отправляющим в небытие ежегодно 1,5 миллиона русских людей.

Среди этих умельцев числятся и Савостьянов со Степашиным, развязавшие чеченскую бойню. Вербовавшие в гарнизонах русских танкистов, снаряжавшие танковую колонну, пославшие ее в Грозный под гранатометы Дудаева, где экипажи танков превратились в груды обгорелых костей.

Числится и Ельцин, растерзавший в Беловежье Советский Союз. Преступно уничтоживший Конституцию СССР в 91-м, расстрелявший из танков Конституцию России в 93-м, а в 96-м превративший цветущий Грозный в жуткую братскую могилу для сотен тысяч людей.

Здесь отмечен потусторонний, как пузырек преисподней, Гайдар со своей «шоковой терапией», уничтоживший советскую цивилизацию, превративший свободный и гордый народ в скопище бомжей и сирот.

И Чубайс со своим «ярлыком дьявола» – ваучером, обобравший страну, превративший хлеб в камень, вино в зловонную жижу, разделивший народ на горстку миллиардеров в бриллиантах и на миллионные голодные толпища.

Здесь числится и НТВ с Киселевым, надетым на палец Гусинского. Показывают сатанинские фильмы и растленные игрища, оскорбляющие чувства православных. Выпускают регулярно, в дни лунных затмений, Новодворскую, существо подземелий, оскорбляющую чувства советской половины страны.

Здесь числятся и сами банкиры, создавшие тысячные вооруженные банды, из недр которых то и дело раздаются прицельные выстрелы, и умелые «киллеры» с золотыми цепями, развязавшие террор.

Власть в России в конце XX века захватила свирепая экстремистская свора, состоящая из злобных зловонных хорьков, изгрызающих бедную Родину. Страну покрыла слизь и мокрота, сеющая заразу, от которой стреляются офицеры, бросаются под поезда сироты, мрут без лекарств старики. Именно этой слизью подернута новоиспеченная при президенте «комиссия по экстремизму».

Депутаты, если от вас отсекут протестующий, именуемый «экстремистом» народ, запретят патриотические, именуемые «экстремистскими» газеты, – кто станет вас избирать? Что вы станете читать?

Вам придется открыть книжку в красной обложке «Государство и революция».

Декабрь 1997 г.

Сталин грядет!

Прислушайтесь. Приложите ухо к брусчатке Красной площади. Припадите к слабющему сердцу фронтовика-патриота. Прижмитесь к материнской груди оскорбленной Родины. Слышите? – Шаги! Сталин идет.

Сталин – больше, чем человек. Больше, чем историческое лицо. Больше, чем эпоха. Он – космическое явление, появляющееся каждый раз в русском небе, когда встает необходимость показать миру, что есть и иной мир, иная история, «другие земля и небо». Есть Россия.

Россия – та мистическая земля, где среди великих рек и лесов сотни языков и народов силится обнаружить себе иной способ жить, дышать, общаться с человеком и Богом, согласно великой заповеди и великой мечте – мечте о Рае.

Россия издревле беременна Раем. Тянется к нему, видит его в исторических снах. Раз в тысячу лет берется его построить.

Сталин пришел в начале кромешного века, среди войн, революций, великой сатанинской лжи, великого бесовского обмана, на костях народов и на руинах царств, среди сожженных библиотек и оскверненных храмов, когда в России вновь забрезжило Раем. В утробе дрогнул и затрепетал дивный младенец. Сталин – акушер, посланный принять эти роды.

Галактики и светила рождаются среди катастрофы Вселенной. Рай рождается среди катастрофы «ветхого мира». Сталин возник посреди катастрофы, освещенный ее прожекторами. Реял над миром весь век, как огромная хоругвь в скрещении ртутных лучей.

Сталина не объяснить фактологией, событиями его личной жизни, перечнем партийных съездов, числом репрессированных, «десятью сталинскими ударами» или Большой Советской Энциклопедией. Все это проекция Сталина в двумерную, умопознаваемую реальность. Сталина поймет мистик, способный подняться над двумерной реальностью,

перенестись в область метафизики, где в страшном извечном сражении бьются два Ангела, два Витязя, два Коня, две Иконы и две Истории. Сталин – там, на Красном Коня, на Красной Иконе, сражается с Тьмой. Если земля во тьме, если она – в историческом мраке, то Сталин утверждает в ней «иноисторию», он «не от мира сего».

В этот мистический мир русской «иноистории» можно проникнуть трижды, в разные моменты сталинской судьбы. Когда Сталин без шапки, в волчьей шубе, заиндевелый, у деревянного Мавзолея стоял над Красным гробом. Когда Сталин в военной шинели провожал в снегопаде полки, уходившие под Волоколамск и под Клин. Когда Сталин в маршальском френче смотрел на штандарты Гитлера, шелковым мусором застилавшие гранит Мавзолея.

В эти три мгновения ищущий разум и верящий дух способны подняться в сферы, где откроется истинный Сталин.

Он выдирает русский Рай из гнилого омерзительного бытия, как выдергивают из болота тонущего – за волосы. Тот, кого спасают, кричит, захлебывается, проклинает спасителя. Там, где была зловонная топь, – там встал Университет. Как ангел, взлетел Гагарин.

Сегодня «Русский Рай» вновь погрузился в пучину. Там, где он был, остался липкий гнилой пузырь, скользкие черви, тухлое зловонье. В этой гнили носятся блестящие ядовитые жучки, водяные клопы и косматые водомерки. Карликовые «вожди», похожие на гнойные язвочки.

Но – прислушайтесь! Прижмите ухо к русскому, усыпанному пеплом континенту. Далеко, еще за пределами мира, чуть поскрипывают сапоги.

Всмотритесь в звездную туманность русского неба. В едва заметный нарастающий вихрь. В свистящую огненную спираль.

«Имеющий уши да слышит!»

Сталин грядет.

Декабрь 1997 г.

Куриный след ноги Ельцина

Огромный клоун в красном трико мечется по снежной России. Корчит рожи, взрывает шахты, говорит с народом голосом Ястржембского. Держит в руках полушария президентского мозга, бьет в них, как в медные тарелки.

Рыбкин готовит независимость Ичкерии в составе пленной России, а Радуев, недобитый по приказу Ельцина, готовит «стингеры», чтоб завалить самолет президента, жжет русские танки под Буйнакском.

Группа «Альфа», как говорит Ковалев, провела блестящую операцию по освобождению шведа-заложника, при этом израсходовала годовой боекомплект и потеряла лучшего своего офицера.

Все военные самолеты России рухнули в одночасье, словно по ним отстрелялась реформированная ПВО страны, а суетливый министр, ни разу не побывавший на поле боя, носит звание маршала, как Жуков.

Ельцин, как утверждают газеты, умер, лежит в жидком азоте, но радиобращения его, заготовленные Юмашевым на весь XXI век, продолжают звучать, словно голос на спиритическом сеансе.

Березовского «опустили», прогнали из Совета безопасности, но он нанял Доренко и Минкина и сделал из Чубайса котлету, показывает ее на пресс-конференциях, как деликатес для собак.

Кости царя возят по стране, словно выставку передвижников, и говорят, что в кабинете у Росселя стоит какой-то скелет.

ФСБ, эта пуговица от штанов КГБ, справляет свой юбилей, а в правительстве правая рука Черномырдина передает секретные тексты Америке, и Лившиц от возмущения покрывается патриотическим потом.

Черномырдин, похожий на директора крематория, в котором испек три десятка своих министров, гордится стабильно-

стью кабинета и курса, регулярно, раз в неделю, высылает венки на могилы погибших от безденежья шахтеров и летчиков.

Центробанк чеканит копейки, и нищие недовольны весом и размером монет.

Ельцин отдал японцам Курилы и убрал с границы блистательного генерала Николаева, заменив его мэром Черепковым, который в связи с этим прервал голодовку.

Правительство вещает об экономическом росте, напоминая при этом бюро ритуальных услуг, а Немцову овцеводы Чили подарили бигуди, которые распрямляют кудряшки, превращают барашков в козчиков.

Демпресса на виду у людей жрет из рук банкиров, «независимый» Третьяков стал заикаться и бляеть, как Березовский, «пресс-клуб» все больше похож на кишечник, переваривающий объедки «Моста» и «ЛогоВАЗа».

Застрелился от тоски и позора еще один академик, создававший мощь СССР, а Яковлев и Филатов собирают «Конгресс интеллигенции», напоминающий клопов под обоями публичного дома.

Упал – на этот раз не самолет, а балкон, придавив несчастных детишек, а Наина Ельцина заходится в восторге от того, как хорошо живется в России.

В Париже судят «Шакала», наводящего ужас на Америку и Израиль, а в Шереметьеве поймали магаданского бомжа и хвастают, что захватили русского Че Гевару.

Подберезкин, «стратег компромисса», возглавил выборы патриотов в Московскую Думу, но Лужков не пустил его даже в прихожую, оставил стоять на морозе.

Веселый черт в красных кальсонах скачет по зимней России. Морочит, корчит жуткие рожи, рвет в городах тепло-трассы. Опаивает народ отравленной водкой, подкидывает в кастрюли говядину, зараженную бешенством. Ястржембский с легким акцентом переводит с мертвого на русский. Минелли с губами, как бампер у джипа «чероки», танцует на усладу мэра.

И где-то в глухой деревушке отрок разгрызает острыми зубками размоченный матушкой жмых. Мастерит кастетик. Примеряет на худой кулачок.

Декабрь 1997 г.

1998: восстание машин

Соглядатаи из «комиссии по экстремизму», ночные совы режима, Савостьянов и Степашин, парят над Россией. Выискивают «взрывателей памятников». Роются в досье патриотических лидеров. Берут на заметку рабочих, блокирующих Транссибирку. Стращают страну революцией, смутой, террористами «красных бригад». А страна не боится «красных бригад». Безропотно и безгласно мрет, тихо сходя под землю, украшая родные могилки венками из бумажных цветков. Редко кто из офицеров и академиков пустит себе пулю в лоб. Совсем уж единицы в голодном помрачении вырежут из деревяшки гранату, захватят магаданский самолет или машину беспечного скандинава и ждут, когда их пристрелят. Народ, обессиленный, лишенный вождей, исхлестанный бичом НТВ, покорно ждет от Немцова и Чубайса зарплаты, остается в стойле «реформ», глядя, как очередные полтора миллиона соотечественников превращаются в пар.

Взбунтовались машины. Тысячи механизмов вошли в беспощадный подпольный заговор. Организовались в террористические группы моторы, турбины, системы связи, радары, коммуникации. Падают на землю самолеты-самоубийцы. Взрываются протестующие шахты и нефтепроводы. Рассыпаются от ненависти мосты и высотные здания. Сгорают один за другим оскорбленные космические аппараты. Рвутся теплотрассы, обрекая на замерзание регионы. Хранилища химических и радиоактивных отходов мстят, отравляя континент.

Революция взбесившихся от отчаяния машин направлена против бездарного преступного режима, безмозглого и болтливового кабинета, против «хозяйственника» Черномыр-

дина, погубившего экономику и великую техносферу СССР, уныло и косноязычно разглагольствующего о «реформах», о «правительстве профессионалов», о неизменности курса.

Машины устали от брехни, устали от неплатежей, устали от воровства и пошли походом на Кремль и Барвиху. Тот, кто первый вставил беловежский лом в колеса огромной государственной машины СССР, построенной из часовых поясов, тот не уберется от атаки машин, среди которых куранты на Спасской башне и часики на руке Наины Иосифовны.

Если вся ПВО страны попытается прикрыть небо над Барвихой и все спецслужбы режима окружат резиденцию тройным кольцом, все равно – ибо так устроена единая и неделимая техносфера – лопнет сливной бачок в «августейшем туалете», и этот взрыв будет услышан на атомных станциях и в ракетных шахтах.

Государство в конце технотронного XX века не может управляться партократическим зубро-бизоном, пораженным болезнью Паркинсона. Не может управляться трусливым и жалким банкиром, отдавшим Россию Чечне. Не может управляться тупым, как кастет, генералом, чьи афоризмы взяты с наколок зэка.

Советская цивилизация, охватившая континент грандиозной машинерией, уходящей в магму, в Космос, в человеческий мозг и сердце, цивилизация, беременная суперпроектом XXI века, управлялась технократами Баклановым, Тизяковым, Нечаем, которые были устранены. Заменены младшими научными сотрудниками из демократических НИИ, попами-расстригами и неудачниками-публицистами. И те, решив, что им достался синтезатор из дискотеки, стали нажимать множество разноцветных кнопок и клавиш. Услышав угрюмый гул идущей вразнос техносферы, трусливо бежали. Передали экономику в руки Шойгу, оглохшего от пожаров и взрывов.

Где ты, великий Технократ-Духовидец, ведающий тайну машины и природы, души и механизма, государства и Бога? Знающий язык птиц, поэтов и машин?

Где великое русское дерзновение, направленное на одухотворение железного и бездушного механизма?

Карлики, не оставляющие еды людям и топлива – машинам, потрескивая телефонами сотовой связи, состряпали смертельный для России бюджет-98. Другие прикормленные карлики с телефонами «билайн» приняли этот бюджет, подпитывая катастрофу.

Наконец-то свершилось: Чернобыль и Черномырдин нашли друг друга.

Декабрь 1997 г.

Богородица, спаси Россию от Ельцина!

Те, кто в новогоднюю полночь не выключил телевизор, мог слышать, как Нечто голосом Кощя Бессмертного обещало России продление ига. И мы, подъяремные, можем не сомневаться – иго продолжится.

Все так же будут гибнуть в шахтах шахтеры, падать с небес самолеты. Все так же будет грипповать президент и во время заморских поездок произносить безумные речи. Так же Рыбкин будет вскармливать Шамиля Басаева, а чеченские «ловцы человеков» станут прятать в тайниках журналистов. На НТВ будут играть в сексуальные игры, а в метро – взрываться заряды. Все больше будет на Тверской проституток и все меньше – упоминаний о Пушкине в школьных учебниках. Нефть Березовского будет мерно течь за кордон, а немые детишки будут клянуть в переходах копейки. Либеральные интеллигенты будут страстно хвалить режим, получая подарки и премии, а Собчак, улизнувший от следствия, будет томно смотреть на Сену. Офицеры продолжают стреляться, а министр Сергеев будет бурно реформировать армию.

Беда продолжится, как длилось иго Батыя, как тянулось нашествие Гитлера.

Но продлится и наша борьба.

Что можем мы сделать, не имея армии, телевизионных каналов, банков, спецслужб?

А что могли сделать волхвы во время побоищ, унося за леса и озера свои сказания и песни? Что могли сделать монахи во время пожарищ, унося в катакомбы священные книги и летописи? Что сделали староверы, скрывая от царских стрельцов чистоту непорченной веры? Что сделали соловецкие старцы, распевая на страшной барже прощальные псалмы и молитвы? Что сделали советские воины разгромленных полков и дивизий, вынося на израненном теле простреленные полковые знамена? Что сделал Пушкин, когда оскорбили его Натали? Что сделал Достоевский, когда его заточили в острог? Что сделали русские писатели в 91-м, когда их Дом осадил Евтушенко? Что сделали в 93-м, когда Ельцин расстрелял Конституцию? Что делаем мы денно и ночью, отвергая мерзость и ложь, сохраняя честь и достоинство, не пуская тьму на пороги жилищ, поддерживая веру друг друга, утешая обиженных, вдохновляя унылых, отламывая от своей краюхи голодным, отдавая последнюю рубаху раздетым? Что делают Шафаревич, Распутин, генерал Варенников, президент Лукашенко?

Чистотой наших помыслов, непорочностью дел, горячей жертвенностью, наивной верой, великой любовью спасется Россия от тьмы, от погибели, от Кощея, от Малюты Скуратова, от Гайдара, от Гитлера и от Ельцина.

Из века в век, среди разорений и страшных нашествий, пишется дивная Икона России. И каждый из нас может стать ее живописцем. Покуда есть среди нас не сдавшиеся, не павшие духом, не помраченные разумом, радеющие о Родине, до той поры ей и быть.

В Новый год, братья, с любовью к ненаглядной России!

Январь 1998 г.

С Кавказа дует пепел перемен

Министр Куликов пригрозил, что поднимет эскадрилью и станет бомбить гадюшники на территории отпавшей Чечни,

где размножаются убийцы. Выползают в Дагестан, в Ставрополье. Жгут русские танки. Стреляют в солдат и милицию. Воруют трактора и скот. Угоняют в рабство людей. Держат в страхе и панике безоружный народ. Бомбить эту кровавую мразь – иностранца Хаттаба, спалившего русскую бронеколонну, помахивающего вырванным из груди солдата легким. Параноика с железными зубами Радуева, грозящего России ядерным взрывом. Генерал Куликов, доведенный до отчаяния кровавой свистопляской на границе с Чечней, лишь сказал, что нужно бомбить.

Что тут поднялось! Вся вражья прочеченская стая, засевавшая в правительстве, в Совбезе, в банках, на телеканалах, брызгая ненавистью к русскому человеку в мундире, принялась его когтить, марасть, науськивать на него толпу, натравливать президента, напоминая всем, кто истинный хозяин в несчастной, обезоруженной, поднятой на дыбу стране.

Теперь мы видим, как будет протекать вторая, неизбежная война с Чечней. Снова кинут в огонь деморализованную, собранную по крохам армию говоруна Сергеева. Снова Черномырдин дождется, когда в кровавой каше войска добьются успеха, и остановит их. Снова Масюк, одетая в черное, словно вестник смерти, будет брать интервью у Хаттаба и показывать его по центральному телевидению. Снова Радуев возьмет детский дом в Ставрополье и повесит пару детишек. Снова «Альфе», пошедшей на штурм, дадут приказ отступить. Снова Рыбкин, тряся благородно щеками, станет говорить о государственной мудрости и терпении. Снова Березовский, моргая умными глазками, станет вещать об экономическом либерализме. Снова Тим Гульдеман под охраной звероподобных бородачей въедет в Грозный. Залепечет, заблеет Сергей Ковалев о правах человека – того, с кривым кинжалом, что вырезает у контрактника печень. И во всем этом ужасе и предательстве, под улюлюканье и свист журналистов, русские мальчишки в дырявых ботинках, сжимая старые «калаши», пойдут штурмовать Гудермес

Елки, предназначенные на гробы, еще растут на Валдае. Они еще заснежены, заиндевелы, в красных замороженных шишках. Но уже выбраны лесорубами. Уже заряжены бензопилы, тянутся к заиндевелым комлям.

Президент проходит под елками к озеру. Садится на теплый стульчик. Кидает в лунку мормышку. Дерг, дерг! Поймал окунька. Хороший такой окунек, только в странном сером налете, будто обсыпан пеплом. И тропинка от озера к дому тоже посыпана пеплом. И тарелка, поданная к обеду, посыпана пеплом. И рюмка в пепле. И в бутылке на дне осадок, наподобие пепла. Пепел хрустит на зубах. Сыплется из президентских волос. Устиляет кровать, ковер. Набит в ночной тапок.

Откуда пепел?

Это прах, оставшийся от ельцинского правления. Черная пудра, которой помечен он сам и вся его страшная свита. Конечный продукт крематория, куда ежегодно заталкивают полтора миллиона русских.

Мы принесем этот пепел на новый Нюрнбергский процесс и высыпем на стол прокурора.

– Встать, суд идет!.. Да поднимите вы его, мужики!..

Январь 1998 г.

Русский интеллигент в час солнечного затмения

Остатки, бывшие когда-то президентом, не прошедшие идентификацию, пораженные инсультами, инфицированные вирусом, шунтированные, переложенные ватой, перевозятся из клиники в клинику, из Торжка в Вышний Волочек. Выставляются на подпорках перед телекамерой и голосом Ястржембского сквозь нос воспроизводят тихий бред остывающего под капельницей пациента. И никто не скажет народу правду о падающем к земле самолете, в котором гибнут сто пятьдесят миллионов русских пассажиров.

Либеральная интеллигенция, состоящая из смазливых телесамок, потрепанных лицедеев и раскормленных на вранье сибаритов, не вылезает из застолий и презентаций и все врет, врет и врет, не замечая, что в салоне пожар.

Политики в Думе, в Совбезе, в Доме правительства хватают вставными зубами ломти власти и, не пережевывая, жадно глотают. Давятся, икают, и их выпученные глаза и жующие рты подернуты дымом горящих двигателей.

Никто из тех, кто захватил страну в 91-м, засел в ее дворцах, министерствах и храмах, не говорит народу правду о расколоте фюзеляже, опустевшем баке, о показателе высотомера, на котором стрелка уткнулась в «ноль».

Только русские интеллигенты, пропущенные сквозь пытку 91-го и 93-го года, сквозь мерзость 96-го, исхлестанные бичами «демократов», оболганные, лишенные театров и издательств, изгнанные из университетов и телестудий, посаженные на хлеб и на воду, – только они из своей катакомбы говорят жестокую истину о русской катастрофе, называют имена палачей, и одним своим существованием, своим голосом, напоминающим вопль кликуши, стон смертельно раненого воина, проклятья и молитвы пророка, искупают ложь и паденье сгнивших вождей и витий.

Инок, писавший среди разорений и пожаров «Слово о полку Игореве». Митрополит Филипп, заступившийся за несчастных и павший на ступенях царских палат. Пушкин, из сугробов Михайловской ссылки воспевавший подвиг декабристов. Блок, среди декадентского тления игравший на своей флейте «музыку зорь». Платонов и Булгаков, кричавшие сквозь железную маску. Все они передали свои заветы нынешнему поколению русских интеллигентов, не потерявших совесть, не искусившихся на деньги и славу, не обольщенных льстецами и лицемерами, не испугавшихся громил и насильников.

Русский интеллигент – последний, кто свидетельствует перед Богом правду о русском Горе, русской Борьбе, о неизбежной русской Победе.

Вам – Шафаревич, Распутин, Бондарев, Варенников, отец Дмитрий Дудко, Клыков, Бурляев – вам со товарищи, стоящим насмерть на роковой меже русской истории, внимают и верят люди. Вы – власть! Вы – совесть! Вы – последнее прибежище русской судьбы!

Январь 1998 г.

Преемник Ельцина – Змей Горыныч

Ельцин поедет в Чечню, на место совершенного им преступления. Дорога его будет выложена русскими и чеченскими костями. Под штиблетами его будет хлюпать кровь. Ночью в своей постели он обнаружит труп зарезанного, с отрубленной головой контрактника. Встречать его станут чеченские дети с оторванными ручками. В окно его бронированного лимузина плюнут комбаты и комбриги опозоренной им русской армии.

Рыбкин скрутил из российской Конституции «козью ножку», обкуривает народ марафетом своих скользких, навыверт, слов. Сдаёт Чечню, гонит террористу Басаеву триллионы русских рублей, несёт ахинею о независимо-зависимой, ассоциированно-диссоциированной Чечне. И глаза его напоминают выражение подсудимого на Нюрнбергском процессе.

Бесшумно и мягко работает помпа, построенная Гайдаром и Чубайсом, откачивает из России ежегодно пятьдесят миллиардов долларов. Россия лишается крови, как мученица в концлагере, лежит в полосатом рубище, умирает от дистрофии. Учительница идет на панель, стреляется от тоски академик, эстонский хирург пересаживает почку голодного русского больному еврею. И Немцов, проведя экспертизу, готовит к захоронению останки старого народа, улыбаясь милой смышленной мордочкой.

Черномырдин, убивший медведицу, окончательно выбран преемником Ельцина. Косноязычно прочитал в Давосе малопонятный ему доклад о России XXI века. Получил благо-

словения немецкого Коля и американского Гора, в то время как орально-вазелиновый Клинтон посылал бомбовозы в Ирак. Заручился поддержкой «семьи», сплотившейся вокруг пиров Наины Иосифовны, верящей, что Черномырдин не выдаст народу Ельцина. Ведь вместе расстреливали Дом Советов, вместе «зачищали Чечню», вместе в четыре руки сыграли похоронный марш над убитыми летчиками и шахтерами.

Но почему не восстает на убийц народ? Почему отдает им Отчизну на поругание? Ведь он, народ, в годину войны, как ни один другой народ мира, сражался за Родину, за детей. Кидался грудью на амбразуры, умирал под пыткой в гестапо, выиграл мировое сражение «на земле, в небесах и на море». Но тогда у народа был Сталин, была партия, был штаб и Совет обороны. Они создавали фронт, создавали отпор, ковали Победу.

Где теперь наш центр сопротивления, боевой штаб отпора? Где голос, вещающий в черный громкоговоритель «от советского Информбюро»?

Пусть признанный лидер оппозиции Геннадий Зюганов, на которого с надеждой взирает народ, объяснит, как намерен победить на грядущих выборах.

Как обогнать Лужкова, который начинает «качать» русский патриотизм и державность, сдобренную «новым социализмом»? Как обойти Черномырдина, который с помощью Зыкиной будет прикидываться добрым советским премьером? Как одолеть Лебеда, который своими словами-кастетами понятен молодому, вооруженному наганом русскому бизнесу?

Как поведут себя на выборах «красные губернаторы», поспешившие сбросить свои красные ризы, превратившиеся в унылых третьесортных хозяйственников? Как проявит себя народ, сжимающий от ненависти кулаки, перекрывающий Транссибирку, берущий в заложники административных воров, готовый обложиться соломой и сжечь себя вместе с Евразией?

Кстати, у Косяка Бессмертного был недавно день рождения. Его нежно, метлой по спине, поздравила Баба Яга, и он выбрал себе преемником Змея Горыныча.

Февраль 1998 г.

Компромисс — в мусоропровод, Ельцина — на свалку!

Кастрюля компромисса вычерпана до дна. Тот, кто все эти месяцы совал туда ложку, хлебал постные щи соглашательства, теперь скребет по дну. И этот невыносимый для уха скрежет слышит вся патриотическая оппозиция. «Правительство национальных интересов», ради которого затевалась сомнительная игра с поддержкой Черномырдина, принятием бюджета, с «круглыми столами» и «круглыми дураками», обернулось стариковским гриппозным чихом в розовые лица соглашателей.

«Два молодца из одного сельца», Чубайс и Немцов, высочайшим повелением остаются в правительстве до 2000 года, и страна, подавившаяся этими рыбьими костями, будет по-прежнему харкать кровью.

Принимаемый бюджет, сшитый из подштанников Чубайса, безнадежный и дутый, принесет плановую смерть народу и неизбежный позор принимающим его депутатам. Одна Чечня, которую Рыбкин выращивает, как сколопендру в банке, сожрет весь куцый бюджет, направит его Радуеву, вооруженному до стальных зубов, а тот ударит по Кавказу, истребляя все русское, сберегая все березовское.

И не надо печально твердить, что народ спит и безмолвствует, не готов к сопротивлению. Не надо мазохистски браниться, называя народ быдлом. Народ кипит праведной ненавистью. Урчание в голодных желудках ста пятидесяти миллионов людей похоже на движение танковых армий. Народ захватывает заводы, держит в заложниках вороватых директоров, перекрывает улицы, мосты, магистрали, создает комитеты общественного спасения. И если будет воля политического ядра оппозиции, если из этого ядра уйдут утомленные кафедралы и унылые аппаратчики, народ обретет направляющую и руководящую силу и пойдет путями Ганди, Кинга, Насера, де Голля, а если сильно припрет, то и путям Ленина–Сталина.

Работа с молодежью должна проводиться не седовласыми старцами, придерживающими катетер, а молодыми мужчинами, знающими интернет, автомат Калашникова и физику национального сопротивления. Политическая воля есть возрастной биологический фактор. Завидную политическую волю продемонстрировали армяне, сбросив президента-соглашателя, а также евреи, застрелив премьера-отступника. Недостаток политической воли русской оппозиции – явление драматическое, но преодолимое.

Невозможно атомной энергией народного негодования питать карманные телефоны сотовой связи, верещащие, как сверчки, в руках думских оппозиционеров. Эта энергия должна питать турбины и роторы народно-освободительной борьбы, первым шагом в которой будет объявление недоверия «правительству геноцида», общенациональный суд над преступниками, спускающими под землю ежегодно полтора миллиона русского населения. Только это обеспечит симпатии народа, вне зависимости от его классового состава, к лидерам и вождям. Только это построит народ в колонны, поведет и на штурм Бастилии, в которую Ельцин, Черномырдин, Чубайс по чертежам Березовского превратили Россию.

Февраль 1998 г.

Армия Петра I и Сталина — непобедима!

Сегодня русская армия в котле, в окружении. Истекает кровью, несет неисчислимые потери. Исчезают фронты и группировки, гибнут корпуса и дивизии. Сгорают армады танков, тонут эскадры, рушатся к земле эскадрильи. Пропадают без вести прославленные генералы. Стреляются не желающие сдаваться в плен офицеры. Толпы дезертиров, сорвав погоны, скрываются по углам и чащобам. Перебежчики и предатели надевают чужие ордена и мундиры. Остальные бьются насмерть. Идут на прорыв. Выносят на израненных телах простреленные полковые знамена.

Враг, напавший на армию, пострашнее Гитлера, Гудериана, Манштейна. Это Ельцин, друг НАТО. Черномырдин, любимец Германии. Сергеев, палач ВДВ. «Молодые реформаторы» – сверхточное оружие неприятеля. Незаметный глазу Кокошин. Тихий, как крот, Уринсон. Это «нейтронная бомба» НТВ, истребляющая личный состав. Спецназ в черной юбке – Масюк, бьющая по штабам. Вся несчетная свора неутомимых писак, рыскающая по тылам, подрывающая мосты, отравляющая колодцы, минующая переправы и броды.

Но русская армия бьется. Не сдаются проданные на чеченской войне командиры, поддерживающие боевой дух утомленных бригад. Не сдаются подводники, через силу направляющие усталую лодку к берегам Калифорнии. Не сдаются перехватчики ПВО, затыкающие бреши в воздушной обороне страны. Не сдаются военные инженеры, полуголодные, без зарплаты, выпускающие лучшие вертолеты мира. Не сдаются ветераны, выходящие с красным флагом на свои демонстрации. Не сдаются Варенников, Макашов и Ачалов. Не отступает неистовый Рохлин. Не молкнут военные писатели и поэты – «певцы во стане русских воинов». Армия выдерживает таранный удар, разжимает клещи, переформирует потрепанные части, снова кидает их в бой. Сегодня каждый русский – это солдат, ополченец, встающий из окопа с бутылкой бензина, швыряющий ее в танк, с которого Ельцин возгласил смерть СССР.

В чем природа упорства? В чем тайна непобедимости армии? Пойди и постой среди бурьянов Куликова поля. Послушай, о чем шумит рожь под Бородино. Выйди на берег Волги под Сталинградом. И поймешь. Открой фамильный альбом, где лицо не вернувшегося с Великой Войны лейтенанта с ромбом. Окажись в кругу «афганцев», прошедших Кандагар и Герат. Послушай десантников, бравших Ведено и Аргун. И поймешь. Об этом написано золотом на мраморе в Георгиевском зале. Об этом поведает алмазный Орден Победы.

Пусть ельцинисты шьют для русских солдат натовский мундир и фуражку. Пусть кремлевские цэрэушники сажают

агентов в штабы и секретные центры. Пусть «рыжий» с «кудрявым» продают ракетные заводы Америке, алюминий и никель Израилю. Им не продать образ Жукова, не поменять на ваучер Дмитрия Донского.

Русской армии быть! Снова, как бывало не раз, воспрянет из пепла. Снова походным маршем двинут стальные дивизии. Снова выйдет народ с хлебом-солью встречать освободителей. И мы услышим родное: «Соловей, соловей, пташечка!..», «Солдатушки, бравы ребятушки!..», «Броня крепка, и танки наши быстры!..», «Горит в сердцах у нас любовь к земле родимой!..» Россия, прогнав оккупантов, содрав с фасадов и крыш знаки нашествия, восславит родную армию!

Февраль 1998 г.

Козленка зарежут

За неделю в помойке фактов скапливается так много отбросов, что невольно превращаешься в мусорщика. В фартуке, с железным крючком роешься в сорных ящиках, извлекая тухлую дрянь, которой забрасывает нас власть, российская и мировая. Хамское давление на Ирак. Бюджет в дегенеративной Думе. Костоломы МВД арестовали элиту десантников. Пиявка Камдессю в Кремле. Но среди всей этой скверны непременно найдешь в помойке подброшенный трупик ребенка. Известие о скорой выдаче российским властям господина Козленка, главы злополучной фирмы «Голден Ада», укравшей у России грузовик бриллиантов с прицепом золотых изделий.

Узнав о скорой выдаче, Козленок пропел своему адвокату: «Горят костры горючие, кипят котлы кипучие, точат ножи булатные, хотят меня зарезати!» Пропел не без оснований. Ибо тут же его сообщник в Москве, доставленный на заседание суда, был убит неизвестной рукой, которая потом подпернула его на крюк, имитируя самоубийство. Этот случай напомнил эпизод из сериала «Спрут» и как нельзя

лучше иллюстрирует доклады Куликова Ельцину, где первый рапортует о решительных победах над преступностью, а второй старается вспомнить, кто перед ним сидит.

Слушая жалобные крики жертвенного Козленка, попробуем понять, почему этого славного вороватого парня должны зарезать.

«Завтра» писала о хищении упомянутых алмазов, с которыми связано имя бывшего министра финансов в гайдаровском «правительстве людоедов» Б. Федорова. Опубликовала тайный документ ельцинской Счетной палаты, где вскрывались чудовищные хищения и упоминался Федоров. Обнародовала закрытое письмо С. Филатова самому Ельцину, подтверждавшее выводы палаты. Напечатала «бумагу», из которой видно, что Б. Федоров разрешил «отправку» бриллиантов. После всего этого Хамовнический райсуд Москвы, славный своей ненавистью к «Завтра», по настоянию прокурора Латышевой и волеизъявлением судьи Черемухова оштрафовал газету, посягнувшую на честь «бриллиантового» министра.

Однако оппозиционная «Завтра», обложенная исками, уголовными делами и прокурорскими расследованиями, не угомонилась, а минувшей осенью, когда в Москву приезжал глава ФБР Фри, опубликовала «утечку» из его окружения. В ней намекалось, что Козленок и «Голден Ада» осуществили кражу бриллиантов с благословения высшего кремлевского чиновничества, и средства, вырученные от кражи, пошли не только на гонорары Ельцину за его умопомрачительные, написанные Юмашевым мемуары, но и на саму «президентскую кампанию» 96-года.

Таким образом, если версия справедлива, Козленка непременно должны зарезать, ибо он на процессе может огласить «высочайшие» имена заказчиков, всю преступную комбинацию по созданию «предвыборного президентского фонда», и тогда пресловутая картонная коробка Евстафьева покажется песчинкой.

Якубовский и «Властилина», якобы хранящие «страшную тайну Шумейко», живут, но лишь потому, что держат

свои обличительные свидетельства в тайниках, не доступных следствию.

Сегодня, когда в недрах «семейки» уже принято решение о «третьем сроке» Ельцина, начинается накопление средств на предвыборную кампанию 2000 года. И Бог знает, какие комбинации придумает «штаб выборщиков» для сбора этих несметных средств. Быть может, продаст Шикотан японцам. Или «Василия Блаженного» – американцам. Или Калининградскую область – немцам. Или миллион русских младенцев Израилю для пересадки органов по «эстонскому образцу».

Власть для Ельцина всегда была выше страны. Поэтому убит СССР. Расстрелян российский парламент. Посыпана черепами Чечня. И народ вымирает со скоростью полутора миллионов в год.

Коняхин, мэр маленького кузбасского городка, взятый под стражу, кажется «матерью Терезой» в сравнении с «коллективным бандитом», захватившим политическую и экономическую власть в России под знаком золотого орла и музыки Глинки. И много еще козлят, агнцев и просто беззащитных граждан попадут на бойню, которая длится в России семь долгих лет.

Февраль 1998 г.

Русское сопротивление: пророки и лидеры

Страна превращена в огромную скупку политического барахла, где веселые шинкари и торговцы по дешевке скупают ценности, оставшиеся от бесхозного СССР. Первыми купили вельможных партаппаратчиков, элиту КПСС, отделы ЦК, партийные школы и академии – всю тучную когорту идеологов, продавших Родину, Мавзолей и Красную площадь. За ними продались дипломаты – тбилисский шашлычник надел их всех на шампур и поджарил на мангале, установленном в Госдепартаменте. Следом купились «красные директора» – получили виллы в Испании, контрольные пакеты ак-

ций, а жемчужины советской индустрии украсили кокошник на голове Чубайса, братьев Черных и Сороса. Следом вышла на панель разведка – прославленные КГБ и ГРУ, уставшие таскать из огня каштаны для государства, перебежали в совместные предприятия, в службы безопасности банков, и все 5-е управление, выславшее Солженицына за границу, сегодня обслуживает Еврейский конгресс Гусинского. Либеральный интеллигент покупался поштучно, как скупают в скорнячных лавках шкурки кротов и тушканчиков и растягивают на дощечке мездрой наружу. Рабочий класс скупали по отраслям, то шахтеров, то металлургов, и теперь за них больше не платят денег, а меняют на бартер – на картошку, на мясные консервы из бездомных собак. Не хочется говорить о маршалах СССР, румяных крепышах, процветающих в ельцинской райской группе, или о стратегах Западной группы войск, разъезжающих на «пашах-мерседесах».

На этой политической барахолке, на вселенской скупке краденого, где в качестве товара предлагаются поп-звезды, губернаторы, архимандриты и герои страны, вы не встретите единственных, кто не искусился на золото и власть, не испугался пули и голода, не продался за славу, вы не встретите русских интеллигентов – писателей, философов, духовидцев, сказавших сатане: «Изыди!», сохранивших нравственный и религиозный огонь, который светит поныне в мрачной ночи ельцинизма.

Нынешнее поколение патриотических интеллигентов, утомленных, изведенных, закиданных камнями и комьями грязи, Божьей волей воспроизводит мистическую энергию, пророческую проповедь, не умолкавшую ни на одно столетие среди русских бед и пожаров. Они, русские писатели и священники, крохотная горстка безоружных мыслителей, в страшную осень 91-го года, когда армия ушла из Москвы, а компартия рассыпалась, как комок паутины, они затворились в Доме писателей, соорудили хлипкие баррикады из торшеров и письменных столов и три дня среди беснующихся победителей отстаивали святыни – священный русский огонь.

Именно от этой сбереженной лампы медленно, от свечи к свече, от костра к костру, возгоралось пламя русского сопротивления. Они, интеллигенты, оставили свои перья и рукописи, свои подмости и кафедры и наполнили духом и смыслом патриотическую оппозицию, соединив в ней «красных» и «белых», коммунистов и монархистов, предотвратили вторую гражданскую войну, претворив пережеванные остатки империи в русское сопротивление.

Реальность, в которой протекает сегодняшняя русская жизнь, – это геноцид, осуществляемый Мировым банком, Международным валютным фондом, группой московских банкиров, Всемирным еврейским конгрессом, Чубайсом, Немцовым, премьером Черномырдиным и апокалипсическим Ельциным, что выбивает в интересах «золотого миллиарда» русский народ как целое.

Борьба с геноцидом есть главное содержание патриотического движения. Идеология этой борьбы – национально-освободительное сопротивление, объединяющее все силы и слои народа, вне зависимости от классов и партий, от бомжа или красного радикала до «челнока» и русского миллионера. Таков опыт всех национально-освободительных революций, всех победоносных союзов, созданных Ганди, Мартином Лютером Кингом, Сандино или Боливаром. Так перед лицом национального уничтожения ощущали себя в 41-м году все русские, от коммунистов до соловецких мучеников, от зэков ГУЛАГа до деникинских офицеров в Париже. Другие братские народы СССР, отождествляя себя с русскими и именуя себя советскими, бились плечом к плечу в окопах Подмосковья и Сталинграда.

Новый оппозиционный альянс, не уничтожая, но, расширяя прежний, должен оформиться как многомерный союз патриотов, сражающихся за русского ребенка, русское слово, русское пространство, русскую традицию. За все то, что так страшно и беспощадно уничтожают НТВ и действующие за этой структурой «Бухенвальд и Освенцим для русских», над входом в которые висит портрет Черномырдина кисти Киселева.

В центре этого священного союза, этого общенародного похода должен встать русский интеллигент – стоик, мученик, жертвователю, которому за его безупречное служение Господь дал пророческую силу и власть восклицать: «Имеющий уши да услышит, что Дух говорит церквам!»

Март 1998 г.

Революция крыс

В дикой природе и в политике ленивых и неподвижных убивают. Неповоротливых «номенклатурных» динозавров, только и умевших, что хрумкать хвощи и папоротники, а также потеть на пресс-конференциях, сожрали молодые остро-зубые крысы, прыгая им на загривки. При свете весеннего солнышка, когда так хочется порассуждать о «державности», был убит ударом в пах Черномырдин, а с ним – находящаяся у него в паху «системная оппозиция». Накануне белый, как Пьеро, Березовский в программе «Итоги» рассказал, что будет на следующий день. Но динозавры, засыпающие с заходом солнца, не видели его ночной передачи. Березовский записал свое интервью еще в пятницу. Значит, в четверг уже была подготовлена «революция крыс», лимит на которую у крыс, как известно, не исчерпан. Березовский, с бесстрашием призрака, которого не берут ни пуля, ни петля, заявил, что крупный капитал (воровской, заметим мы вскользь) прокладывает себе коридор в XXI век и любой ценой обеспечит себе господство в России, посадив на престол своего президента. Препятствием этому кровопийственному капиталу, который среди педерастов именуется почему-то олигархическим, служат угрюмые номенклатурные старцы, они же – обросшие шерстью реформ «красные директора». Проглотив сочный ломоть государственной собственности, засева в корпорациях, акционерных обществах и концернах, они не желают отдавать банкирам Газпром, железные дороги и оборонку. Другим препятствием служит патриотическая оппозиция,

клокочущая ненавистью к банкирам и убийцам детей. Ее руководящее ядро, как корнеплод, выросло на тех же номенклатурных грядках. Похожи на Черномырдина пиджаками, кепками и народностью, умением играть на гармошке и танцевать кадрили. И те, и другие, пусть в разных формах, с разными отклонениями, хранят традицию последнего поколения советских управленцев, несут в себе ген СССР. Выжиганию этого гена, окончательному и бесповоротному уходу от самой памяти о былом Союзе была посвящена «революция крыс».

Ее следующие этапы халдейской клинописью выбиты на лбу Березовского.

Правительство, наспех сколоченное, как табуретка, возглавляемое робким человечком, похожим на провинциального провизора, предлагается на утверждение в Думу. Дума, вдруг покраснев, как щека, по которой заехали кулаком, отвергает это политическое насекомое. И ее выгоняют метлой.

Выборы в новую Думу состоятся в июне, когда поспеет клубника, и от «весеннего наступления трудящихся» не останется даже веснушек на лице Подберезкина. Явлинский, которому Березовский и Гусинский уже обещали несметные миллиарды на предвыборную кампанию, а также мощь своих телеканалов, радиостанций и газет, поведет эту кампанию под личиной принципиального, последовательного оппозиционера, всегда отрицавшего «гибельный курс Черномырдина». Он, Явлинский, непричастен к разгрому СССР, к расстрелу Дома Советов, к чеченской войне, к «кровопийственному курсу реформ», он всегда был «против», этот интеллигентный, безупречно честный мальчик с недержанием речи. И он же, эта «думская целка», станет упрекать Зюганова в сговоре с Черномырдиным, в поддержке бюджета, в утверждении премьера, которого в народе уже называют «Витька Геноцид».

Дума, по Березовскому, изменит состав. Резко усилится «Яблоко». Рассосется, как флюс, Жириновский. Просядет КП РФ, которая, не дай Бог, в минуту кручины расколется. И уж можно не сомневаться, в Дом на Охотном ряду, как танк в перьях, въедет Лебедь.

И мы увидим новую Думу, ослабленных патриотов, торжествующих олигархов.

Попутно – и это тоже читалось на выбеленном лбу Березовского, – он захватит Газпром и его огромные деньги. Чубайс вопьется в российские электросети. И вот вам несметный ресурс для президентской кампании.

Чтобы попытаться спасти положение, коммунисты могли бы открыто осудить «стратегию системной оппозиции», повалившей на бок патриотическое движение и встроившей протестную энергию народа в тухлый пах Черномырдина. Следует объявить незаконными всю ваучерную приватизацию Чубайса и «аукционы» Черномырдина. Не признавать внешних заимствований правительства, сделавшего Россию вечным должником иностранцев. Объявить Ельцина главным виновником геноцида, развязанного против русских. Указать на белые, испещренные клинописью лбы банкиров, составивших себе миллиардные состояния на костях русских старцев и трупиках русских детей.

Март 1998 г.

Президент-надомник и премьер-наемник

Россией играют, как сломанной игрушкой. Сперва Ельцин заколачивал ею гвозди. Потом ее обсасывал и слюнявил Гайдар. Потом ее то закапывал, то откапывал Черномырдин. Теперь ее дали поиграться пацаненку – забыл, как его звать, – и он будет аккуратными пальчиками выколупливать ей глазки. Сумеет ли народ вырвать Родину из рук олигофренов, тупиц, проходимцев?

Рабы и холопы окружают президента. Каждый заслуживает удара сапога. Каждый его получает в зубы.

Как собак, поочередно выкидывал Ельцин Бурбулиса и Полторанина, Коржакова и Барсукова, Батурина и Сатарова. Жалкого мохнатенького Костикова швыряли за борт. Рыхло-

го мямлящего Родионова прилюдно вытолкали взащей. Теперь настал черед заживревшего во власти Черномырдина и верного служаки Куликова.

Черномырдин, пока оперировали Ельцина, держал в зубах ядерный чемоданчик, как преданный сенбернар, и тут же вернул его отходящему от заморозки хозяину. Куликов с Грачевым, когда Ельцин совершил государственный переворот, были вне закона, и на них можно было надеть наручники, не сделали этого. Они гвоздили из танков парламент, били в кровь баррикадников. Коржаков, державший в трепете банкиров, повелевавший страной, оказался устроенным просто, как электробритва, которую отключили.

Краток список сопротивленцев, не поклонившихся Змею. Варенников, гордо отринувший амнистию. Глазьев, добровольно ушедший из воровского правительства. Николаев, положивший на стол прошение об отставке. Рохлин, спаливший мост между своей карьерой и людоедской фракцией. И, конечно, герои 93-го года, сгоревшие в крематории Дома Советов, и отважные депутаты, и Сажи, и Горячева, и неистовый Макашов, которого сковали и в черном берете, в «черном воронке» утянули в «Лефортово».

Политик, претендующий на роль президента России, должен уже на подступах к своему президентству продемонстрировать качества волевого, самоотверженного лидера, самостоятельного отважного бойца, способного в случае президентской победы выдержать страшный удар. Блокаду Запада. Бойкот банкиров. Терроризм сепаратистов. Вопль засидевшегося в безделье народа, которому придется работать. Страсть реванша у большинства оскорбленного населения. Разногласицу моделей развития.

Политическая борьба в условиях парламентских форм, не допускающая штурма Зимнего дворца или обстрела из пушек Кремля, предусматривает неутомимую работу в обществе, агитацию, привлечение на свою сторону большинства населения, когда народ у избирательных урн выбирает лидера и политический курс. Выборы в условиях, при которых

«лимит на революции исчерпан», – не бремя, не пустая трата денег, а желанный повод для побеждающих партий приблизить свою победу.

Кутузов, отступая в глубь страны, сохраняя армию, собирая кавалерию, накапливая силы для удара, понял, что не может без боя сдать Москву, русские требуют сражения, требуют подвига и жертвы за Россию. Когда бы не было Бородина, не было бы и Ватерлоо.

В предшествующую неделю мы убедились, что есть Россия Березовского. Есть ли Россия Зюганова – мы выясним на неделе текущей. Последние твердые заявления «красного спикера» и недвусмысленные высказывания лидера НПСР побуждают верить, что такая Россия существует.

Апрель 1998 г.

Психиатр президента сошел с ума

В последнее время поведение Ельцина претерпело новые изменения, которые не описываются прежними диагнозами периода «калинки-малинки», «тридцати снайперов» и «отвинченных боеголовков». Теперь, делая внутривнутриполитические высказывания, он непременно ставит рядом с собой негров, видимо, ассоциируя их с фамилией Черномырдина. Так, Кофи Анан и Сэм Нуйома стали неожиданными атрибутами разгона российского правительства, выдвижения Кириенко и зловещих угроз Думе. Именно после этого ведомство Примакова получило заказ на доставку следующей пары негров, без чего, видимо, не обойдется «круглый стол» и голосование премьера в парламенте. Жестикаляция президента стала энергичней, на всю длину вытянутой, со стиснутым кулаком, руки, а мимика включает одновременно два неразделимых выражения: плутоватого трехлетнего шалунишки и быка, которому показали прежний советский флаг.

Потеря памяти компенсируется быстротой принимаемых решений. Несколько раз называя Степашина Кулико-

вым, а Наину Иосифовну Анатолием Борисовичем, он не забывал, однако, следить за выборами мэра в Нижнем Новгороде и, используя «ядерный чемоданчик» как обычный междугородный телефон, аннулировал результаты выборов. Это аннулирование в политологических кругах расценили как знак особого расположения к Климентьеву, которого, как утверждают, Ельцин назначил своим преемником, после чего из поселков, близких к Барвихе, поползли слухи о скором аресте Черномырдина. Вертолетчик, пролетавший в районе Завидова, утверждает, что видел двух женщин, похожих на дочерей президента, которые, пользуясь весенним теплом, сидели на балконе пансионата «Русь» и пришивали к мужской ночной рубашке длинные, по два метра, рукава, связывая их узлом. Охране даны строжайшие указания избавить президента от колющих и режущих предметов, для чего на нос Жака Ширака надевался специальный войлочный наконечник.

Четыре банкира, которых специально подбирали так, чтобы их фамилии оканчивались на «-ский», страшно поссорились в спальне президента, споря, как пишется слово «неплатежи» – вместе или раздельно. Их встречи, связанные с переизбранием Ельцина на третий и пятый срок, часто заканчиваются катаниями на снегоходах в обнаженном виде, после чего то одному, то другому делают операцию по удалению яичка, что, в свою очередь, скверно сказывается на качестве кинофильмов Невзорова и передовиц «Независимой газеты».

Между тем реформы в армии по темпу догоняют разрастание городских свалок, эпидемий брюшного тифа и популярности передачи «Про это». Личный состав, наблюдая, как исчезает снежный покров, предвкушает скорую возможность полакомиться ягелем, свежей травой и другими витаминами, приготовленными по рецепту маршала Сергеева, который утверждает, что таяние снегов взято под личный контроль президента.

Рост производства наконец-то сравнялся с ростом волос на лысине Ясина, а валютный коридор, если по нему

пройти до конца, кончается камерой предварительного заключения, куда могут посадить председателя Центробанка. Приход весны также с облегчением воспринят кладбищенскими служащими и могильщиками, ибо оттаявший грунт, несомненно, облегчит захоронение очередного миллиона россиян, спускаемых в землю под музыку Глинки и ужимки Жванецкого.

Русский народ, очнись от сонной одури, в которую повергли тебя колдуны и чародеи кремлевских подвалов! Выходи на улицу с поднятыми кулаками! Плюнь в размалеванную маску смерти, которую подбросил тебе американский доктор Дебейки! Укажи на аэропорт «Шереметьево-2» гражданина Израиля Кириенко! Возьми обратно заводы, нефтяные поля и банки! Крутани плечом, чтоб слетели с него нетопыри и бесы «реформ», цэрэушники и предатели!

Апрель 1998 г.

Ельцин — Зюганов: лобовая атака

В 45-м, в Берлине, потеряв цвет армии, немцы призывали детей из «Гитлерюгенд», давали им «фаустпатроны», посылали на русские танки. Ельцин призвал Кириенко, погладил его по головке, обвешал гранатами и послал на Зюганова.

Зюганов после проигрыша в 96-м уходил от прямых столкновений. Но, увидев, как в дурном сне, Кириенко в роли премьера, услышав за спиной жаркое дыхание товарищей, принял вызов.

Так два истребителя, два аса летают в огромном небе. Уходят один от другого, падают в штопор, ложатся в виражи, совершают «мертвые петли», стараясь зайти противнику в хвост. Но вдруг, вписанные в таинственные кривые и эллипсы, оказываются на встречных курсах. Идут в лобовую атаку в грохоте изношенных двигателей, в ненависти, сближаясь, направляя в противника стволы пулеметов и пушек. Кто первый отвернет, тот погиб. Очереди скорострельных ору-

дий искрошат фюзеляж, раздробят кабину, сожгут моторы, направят к земле неудачника.

Ельцин – герой «люфтваффе». Сбил Горбачева. Расстрелял ГКЧП. Пролетел над разгромленным, в дымах и пожарах, Советским Союзом. Протаранил Руцкого и Хасбулатова. На бреющем уничтожил Чечню. Без единого выстрела, одним мановением крыла посадил на грунт тучный бомбовоз Черномырдина, фанерный штурмовик Куликова. И вот теперь, утомленный, весь в «железных крестах» и шунтах, летит по прямой на Зюганова, на последних каплях горючего, с остатком боекомплекта.

«Як» Зюганова с красной звездой, старой довоенной конструкции. Вооружение легкое, скорость средняя, потолок невелик, мотор изношен, бортовины залатаны. Но пилот искусен. В воздушных боях, среди падающих эскадрилий, ни разу не подставил машину под удар «мессершмитта». Пролетел сквозь огонь зениток в дни жестокого августа. Взмыл свечой над пламенем Дома Советов. В передышках между боями подготовил в летных школах когорту «зюгановских соколов». Обзавелся запасными аэродромами в тридцати «красных» регионах. Так бы и летать над жнивьем, тарахтя негромким мотором, пропуская над собой свирепого «мессера». Но тайная логика войны свела их на встречных курсах. Народ оккупированной Родины кричит с земли: «Бей гада!» Боевые товарищи вторят: «Бей по шунтам!» И вот они летят по сверкающей пунктирной прямой, в блеске моторов, съедая разделяющее их небо. Кто отвернет, тот погиб.

Ельцин сидит в кабинете, без парашюта, прикованный к пулеметам, без шасси, и, коверкая имя подкидыша, с криком «Даешь Хереенко!» летит на Зюганова.

И Зюганов ждался в своем «ястребке», слушает оглушительный вой мотора, щупает гашетку, столь не похожую на кнопку для голосования, и, отыскивая прибор, на котором значится: «Лимит на революции не исчерпан», с криком: «Временное правительство Кириенского в отставку!» – метит в лоб Ельцину.

Беспощадная лобовая атака. Нацелены каналы стволов. Враг в перекрестье прицела. Внизу Россия. Кто отвернул, тот погиб.
«Мочи его, Гена!»

Апрель 1998 г.

Победа рядом, измена за углом

Вторично Дума выкинула маленького нахала. Народ вздохнул с облегчением – значит, есть настоящие, не продажные мужи в Думе. Есть оппозиция и ее народные лидеры. Не дадут посадить на шею умирающему русскому великану еще одного смышленного кровососа.

Но Ельцин в Японии забил в барабан, вызывает из преисподней всех колдунов, нетопырей, звездочетов. В третий раз посылает на приступ Думы. И под бой барабана лупят по головам студентов в Свердловске, расстреливают генералов в Назрани, а в Москве набрасывают на депутатов невидимую сеть – так ловят наивных птиц, слетевших поклевать зерно, рассыпанное президентской администрацией.

Почему нельзя поддерживать Кириенко?

Ельцин попал в волчью яму, мечется в ней один, а сверху смотрят на него ловцы – оскорбленный Черномырдин, беспощадный Лужков, ненавидящие «центр» губернаторы, объединившиеся против Ельцина банкиры, военные, «эмвэдэшники», учителя, шахтеры, друзья Климентьева, друг Билл, друг Коль. Провалившийся в яму Ельцин протягивает оттуда крохотного Кириенко, и «народная оппозиция» ухватится за плешивенькую молодую головку и вытянет Ельцина из ямы.

Почему не страшны перевыборы Думы?

Ангел явился к Иосифу, мужу Марии, в дни иродова избияния младенцев и сказал: «Не бойся идти в Египет!» Тот же ангел пусть слетит к изголовью Зюганова и скажет: «Не бойся идти на роспуск Думы!»

Страна, изнасилованная Ельциным, «левее». Лгут рейтинги Киселева, составленные по рецептам 5-го Управления

КГБ: европейски известный эксперт Бетанели опубликовал прогноз, по которому за КП РФ проголосует 38 процентов избирателей. Одряхлевшая нынешняя Дума кинется в выборы, как Иван Царевич в кипящее молоко. Вынырнет помолодевшая, румяная, сильная. Из нее исчезнут лизоблюды правительства и агенты, отправятся на заслуженный отдых ветераны. Она, наполненная ненавидящими Ельцина «бюджетниками» и предпринимателями, сможет объявить импичмент невменяемому разрушителю Родины.

Засидевшиеся в Думе оппозиционеры, обросшие ракушками комфорта, привилегий, тусклой аппаратной работы, вырвутся в свежий кипящий рассол истинной, а не мнимой политической борьбы, очистятся от скверны компромисса, выявят в своих рядах новых активистов и лидеров, прервут затянувшийся период «оппозиционного застоя».

На Руси наступила Святая неделя. Кругом обновление, весна, ожидание великих перемен. И пусть каждый патриот России исполнится мужества, света, любви к Святой нашей Родине, и, совершая каждый свое: в Думе, на пашне, на броне транспортера – повторит стихи хорала: «И да воскреснет Бог, и да расточатся враги Его!»

Апрель 1998 г.

Лебедь выключает глаза России

Лебедь идет к власти. Броня в перьях, на гусеничном ходу, на борту кресты, желтые звезды, масонские знаки, герб республиканской партии США, лазерные прицелы. Пушка разрывает в клочки штабы политических движений и партий. Пулеметы дырявят дряблые тела трусливых противников. Проектора высвечивают руины Чечни, развалины Дома Советов. От рубежа к рубежу. От предательства к предательству. Предал Язова, переметнулся к Руцкому. Предал Руцкого, выбрал Ельцина. Предал Ельцина, стал народным вождем. Утопил Зюганова, вернулся к Ельцину. Сдал При-

днестровье, сдал Чечню. Принял НАТО, принял поддержку Америки. Враг Березовского. Друг Березовского. Оборотень, перевертыш. Скинулся через правое плечо – Пиночет. Через левое – Наполеон. Кувырок вперед – друг евреев. Кувырок назад – державник, рюрикович. Допер до Сибири. Плавающим танком – через Енисей. Выиграл первый тур. Встал посреди Красноярска. Посылает позывные: Я – «Лебедь»! Я – «Лебедь»!.. Всех передошут!.. Как слышите меня?..

Лебедь знает, что такое власть. Она для него – бог и черт. Он хохочет над слизняками от «демократии», над соломенной «системной оппозицией». Разворачивает из Красноярска блиндаж своей головы в сторону Кремля. Нащупывает дальномерами поросшее волосами спятившее чудище, притаившееся в Грановитой палате. Выцеливает его башку сверхточным оружием. И можно не сомневаться, всадит в его тупой гематомный лоб подкалиберный сердечник. Повесит на Васильевском спуске мокрую красную шкуру мездрой наружу.

Это нравится банкирам, сохраняющим через Лебеда награбленные состояния. Нравится чеченцам, оккупирующим после Хасавюрта бессильную Россию. Нравится республиканцам в конгрессе, сделавшим ставку на расчленение остатков ненавистной империи.

«Параллельный центр» – так называлась операция по формированию вокруг Ельцина антигорбачевской оппозиции, когда от утомленного, деморализованного Горбачева усилиями западных спецслужб и политологических институтов «отслаивался» Ельцин. В него накачивали ресурсы, оснащали деньгами, советниками, мировой поддержкой. В три дня августовской конституционной неразберихи Ельцин перехватил власть, перечеркнул Горбачева, заплатив за это западным покровителям распадом СССР. «Параллельный центр-2» – так следует именовать операцию по формированию вокруг Лебеда антиельцинской оппозиции, когда от утомленного, израсходованного Ельцина усилиями все тех же спецслужб и институтов «отслаивается» Лебедь. Короткий конституционный переполюх, три минуты безвластия –

и Лебедь перечеркивает Ельцина, получает власть, правда, платит за нее распадом рыхлой России.

Через неделю после прихода к власти в Красноярске он переориентирует на себя региональные силовые структуры, включая военный округ. Через месяц перестанет платить Москве налоги, отправляя мимо «проклятого Центра» слитки норильского никеля. Через полгода вместе с братом перережет Транссибирку, и это не будет походить на перекрытие дороги горсткой изможденных пенсионеров.

Тухлый ельцинский Центр, который жалко пасует перед бандитами Кавказа, не пикнет, когда узнает, что в Сибири возникла вторая столица России, у которой есть свои воздушные армии и ракетные шахты.

Народ, оголодавший, ненавидящий хлыщей «демократии», всех этих зубовых и собчаков, выберет Лебеда – себе на муку, России на погибель. «Системная оппозиция» теряет доверие народа, отсылает людей к Лебеду. Сама возводит Лебеда на престол.

Оппозиция, протри зенки, пока их тебе не выклевал Лебедь!

Май 1998 г.

Буто́н револю́ции, цвето́к катастро́фы

Воистину, Борис Николаевич Рельсен! Вывести весь народ и уложить на шпалы от Тихого океана до Черного моря – это вам не на барабане играть! Конечно, и чеченская война – это подвиг. Послать зеленых юнцов под гранатометы Дудаева, а потом бомбить фугасами русский город – за это и Пол Пот похвалит. Или, скажем, в центре Москвы раздолбать из танков белоснежный парламент, набить московские морги русскими трупами – это поступок, достойный Кальтенбрунера. А Беловежье – какой уж там Брестский мир! Атилла, разрушающий Рим, Герострат, сжигающий храм Артемиды, – все это жалкие предтечи уральского чудища, которое начало репетировать еще с разрушения дома Ипатьевых. Но чтобы за каждым

гражданином закрепить свою отдельную шпалу и добиться, не выплачивая ему по полгода зарплату, чтобы этот гражданин отыскал свою шпалу, уложенную где-то между Ростовом и Владивостоком, – это уже нечеловеческое! Это ноосфера!

Русская революция 98-го года пахнет креозотом, ржавой колесей, мочегонными речами Немцова и угрюмым молчанием кремлевской деревяшки, выточенной из комля КПСС, отшлифованной шкурками ЦРУ, размалеванной аспидами демократии и изъеденной до трухи пороками и преступлениями, за которые горят в самом центре ада.

Впервые народ вышел из своих опозоренных и оскверненных жилищ и показал Кремлю черные кулаки, нечищенные ногти, набухшие жилы и гаечные ключи, которыми можно развинтить болты на всех двутаврах, мостах и атомных станциях, а также, подобрав ключ «девять на двенадцать», аккуратненько свинтить умную маковку Кириенко. И Кремль молчит. Маршал Сергеев считает свои несуществующие полки. «Пожарник» Степашин спит в шлеме ОМОНа. И только трещит, как цикада, Ястржембский.

Это восстание без вождей, без профсоюзов, без партий. Это восстание обворованных, потерявших терпение русских против воров и разбойников, вскормленных Ельциным. Это восстание рабочего люда против индустрии, которую социализм построил для народа, а ельцинизм превратил в орудие смерти.

Это восстание обнищавших, озверевших регионов против жирующей златопузой Москвы с шелестящими, как тараканы, банкирами.

Этим бесхозным восстанием пытается запоздало воспользоваться оппозиция. Ущербные демократы, как и в 91-м, засылающие в ряды шахтеров своих криворотых лазутчиков. Сытые, откормленные правительством профсоюзы с их кабанчиком-лидером. Губернаторы самозванных республик и президенты сепаратистских окраин, пускающие под откос опостылевший безобразный Центр. И, конечно, все те же банкиры, поджигающие своими телепрограммами тлеющие регионы, взрывающие, вслед за Чечней, Дагестан, сделавшие Лебеда сибирским царем.

Ельцин молчит, потому что в Кремле идет невидимый миру торг – с ним торгуются банкиры. Не за Роснефть, не за «Связьинвест», не за Газпром или РАО ЕЭС. Выторговывают конфедерацию, превращение Центра в дырку от бублика. Добивают то, что осталось от СССР. Неделю, пока делятся шахтерские бунты и разорваны железные дороги, связывающие страну в единое целое, Россия живет, как конфедерация, отдельными кусками, с несуществующим Центром, и это репетиция распада России.

Банкиры и демократы в феврале 17-го года, оседлав революцию, уничтожили Центр, распоролы на лоскутья империю, превратили Россию в ветошь. Большевики прошлись по этим лоскутьям и снова сшили империю – нового фасона, в красном галифе. На этой портняжной работе русский народ потерял несколько миллионов жизней.

Оппозиция, если ты состоишь из «державников», если борешься за власть – иди в бараки, гарнизоны, забои! Не пускай в революцию банкиров! Не укрепляй своим соглашательством сгнивший центр Ельцина и Кириенко! Выстраивай новый Центр – не в Красноярске, а в Москве, привлекая в союзники всех централистов!

Блокада дорог снимается. Шахтеры мусолят у касс тощие получки. От экономики остались подштанники Ясина. От Центра осталась ночная туфля Березовского. Ельцин, бросивший страну в камнедробилку истории, сам превратился в пудру. А что, батюшка, может, на третий срок?

Май 1998 г.

Кто сорвет цветок ненависти?

Голодные дети Сахалина держат в руках плакатики: «Дайте хлебушка!» Как в блокаду Ленинграда. Пискаревка. Детские трупики. Ельцин не дает зарплату. Посылает внуку в Англию дорогие подарки. Пусть внучек растет здоровым и добрым. Купим ему пони. Наина Иосифовна глядит на умирающих русских детишек, и слезы у нее на глазах: «Жалко!»

Сатана с кривым носом и мокрыми красными губами подает ей батистовый платочек: «Вытрите слезки, мадам! Ваши глаза – это совесть России!»

Другая совесть России – Пугачева, примчалась к Лебедю, как виноватая школьница. Скаля вставные зубы, спела покаянную песню.

Шахтеры подобрали пустые животы с черными от угля пупками и смотрят, как блестит колея Транссибирской. Кириенко, проворный, как мышка, все кивает своей плешинкой, все мечется между Парижем и Ваганьковским кладбищем, добывает для страны кусочек сыра, свечной огарок, пустой колосок. Банкиры, числом десять, включая Чубайса, предъявили ультиматум Ельцину, упрекая его чуть ли не в идиотизме. Объявили войну МВФ, встали на защиту русских заводов и хлебных полей, как вставали на эту защиту патриоты в 93-м году, и их крошили крупнокалиберными пулеметами, взрывали из танков, пытали в застенках, сжигали в ночных крематориях.

Починок сшил новый мундир – его похоронят именно так: в мундире, головой вниз, к центру планеты. А по деревням уже ходят налоговые инспекторы, обсчитывают число кур, смородинных кустов и стариковских бород. Народ поговаривает: не пора ли рубить сады?

Сгорели две-три синагоги, и на «пожарника» Степашина больно смотреть. Не видит без очков, что от России остался черный обгорелый остов, как от упавшего самолета, и сто тридцать миллионов погорельцев бродят по пепелищу, роются в угольках, вытаскивая на свет божий железный костыль Ельцина.

Ненависть закипает, как в урановом котле. Все приборы зашкалило. Все средства блокировки отключены. Стальная обшивка содрогается от давления. Лопаются одна за другой заклепки. И уже накаляется, просвечивает белое ослепительное пятно, прожигает сталь и бетон. Шибанет взрывом по всей верхней части суши – так, что и в Австралии кенгуру зарыдают.

Ненавидят люди, тянут руки к ломам. Ненавидят машины, сплюсчиваются в катастрофах. Ненавидит природа – заливают паводком северные и южные реки. Ненавидят воро-

ны, пролетая над Кремлем, заглядывая в кабинет президента. Грядет возмездие за все, что сотворили с народом. Его уже не остановишь «сменой курса», «сменой президента», «сменой конституции», премией Тэфи с устрицами и моллюсками.

Возмездие неотвратимо, как восход солнца. Ибо вступили в действие не человечесьи, но Божьи законы, лежащие в основе галактик. Их чувствовал Блок, созерцая кровавые зори. Их не чувствовали Зиновьев и Троцкий, устраивавшие оргии в Теремном дворце. Их чувствовал Вернадский, пророча смерть немецким дивизиям под Москвой. Их не чувствовал Власов, натягивая мундир немецкого генерала. Их чувствует Сатаров, сбежавший из кремлевской администрации. Их не чувствует Коротич, вернувшийся из Кентукки в Россию.

«Отче, помолись за того, чьи злодеяния исполнили чашу Божьего гнева! Пусть в своем ужасном конце хоть напоследок прозреет истину!» И отвечает отче: «Не могу, не выговаривают уста. Нельзя молиться за царя Ирода».

Июнь 1998 г.

Церебральный паралич кремлевского мозга

Милошевич, обладая мощной отмобилизованной армией, предал Караджича, не двинул дивизии на помощь боснийским сербам, и теперь его, малодушного, будет бомбить НАТО. Руцкой во имя губернаторства предал память героев 93-го года, поклонился убийце, отвернулся от товарищей-оппозиционеров, и теперь за его помощниками приезжает «черный воронок», который в Курске уже называют «такси Руцкого».

Ардзинба, обладающий волей и национальной страстью, выдержал удар Шеварднадзе, выкинул разбойника из Сухуми, и теперь американо-германский прихвостень только злобно тарашит глаза и бессильно брызгает ядовитой слюной. Приднестровский Смирнов в сражении под Бендерами разбил молдавских фашистов, отстоял Родину, снискал себе любовь русских патриотов.

Саддам Хусейн, воплощение воли и национального стоицизма, который год с блеском отбивается от американских авианосцев, натовских эскадрилий, доказывая миру, что есть управа на сионистов, что власть, оснащенная волей, облеченная доверием народа, несокрушима.

В Кремле сидит большая тряпичная кукла, в которую Чубайс с Немцовым то и дело досыпают опилки.

У этой куклы нет воли ответить обнаглевшим банкирам, подгрызающим под куклой золоченый трон. Нет воли сопротивляться Лебедю, который открыто, на глазах у всего света, копает кукле могилу. Нет воли вернуть назад похищенного чеченцами Власова, несчастного горемыку, лично представлявшего куклу на Кавказе. Дни куклы сочтены, и она это знает, раздавая прощальные премии олегам табачковым и ефремовым, которые ловко и привычно рассовывают сувенирчики по карманам, дырявым, как совесть лъстеца.

Народ, потеряв защитника в лице государства, обретя в лице государства вора и неплательщика, жаждет волевой власти, светлой строгости, карающей справедливости. И выбирает Лебеда, имитатора, одного из самых несвободных и мнимых политиков, умеющего хрястнуть кулаком и приобняться с Березовским, поиграть желваками и одобрить НАТО, процитировать Ильина и подписать Хасавюрт.

Оппозиции, чтобы она не превратилась в высыхающую лужу, необходима хотя бы малая группа волевых людей, которые, будучи брошены в перенасыщенный рассол народного возмущения, вызовут кристаллизацию национально-освободительной борьбы.

Июнь 1998 г.

Импичмент, суд, высшая мера

Ельцина выдавят из политики, как выдавливают угорь из нездоровой кожи. Его выдавят через импичмент или массовые народные волнения, или интриги губернаторов, или

козни банкиров, или из-за океана последует короткий приказ – убраться. После отставки его ждет не остров Святой Елены, не Ферапонтов монастырь, а скамья подсудимых, где суровый прокурор в мантии, чем-то похожий на Виктора Илюхина, предъявит ему обвинения. Здесь будет значиться государственный переворот 91-го года, когда в нарушение Конституции СССР в Беловежье был уничтожен Советский Союз, – расстрельная статья. Будет значиться государственный переворот 93-го года, когда указ № 1400, состряпанный Шахраем, уничтожил Конституцию Российской Федерации, – расстрельная статья. Его обвинят в применении танков против защитников и депутатов парламента, когда Москва, с благословения оруджав и явлинских, была залита русской кровью. Его обвинят в чеченской бойне, когда он сначала ковровыми бомбежками стирал с лица земли российские города и селения, а потом допустил выход Чечни из состава России, нарушив третью Конституцию, – расстрельная статья. Ему предъявят обвинения в геноциде, который он организовал экономическими методами с помощью Гайдаров, Чубайсов и Черномырдиных, запустив невидимую для глаз гильотину, сократившую население России на восемь миллионов жизней, – расстрельная статья.

В свое оправдание он сможет произнести лишь знакомое нечленораздельное: «Шта-а-а!» И суровые исполнители, с железистыми от тюремных засовов лицами, в кирзовых сапогах, поведут его по каменным коридорам в тупик, выложенный кирпичом, снимая на ходу карабины.

Но иной суд, ужасней земного, ожидает его перед Престолом Небесным, куда грозный ангел с лицом юноши, убитого у Дома Советов, доставит душу грешника. Грозный Судия, Чей лик извергает молнии, предъявит ему страшные обвинения.

Пошто погубил, раскромсал на ломти, четвертовал и ослепил любимую Родину, давшую ему жизнь, вскормившую молоком матери, научившую читать и писать, хранящую в себе могилы предков, – пошто совершил святотатство, равного которому нет? Пошто пустил под нож святыни и за-

поведи, которым прежде служил, требовал от других сохранения этих святынь, возрос и возвысился на этих святынях, отодвинув с пути других, а потом вероломно предал своих соратников, изменил единоверцам, словно сбросил носимую долгие годы личину, обнаружил иудин лик? Пошто своих кровников, русских людей, наивный, трудолюбивый, верящий и многострадальный народ разделил и ослабил: одних отдал в полон мстительным и бездарным ханам, чванливым и глумливым баронам, жестоким и изуверским беям, выбросив за пределы России, других внутри несчастной, обстриженной и обломанной по границам страны отдал под ярмо алчному племени банкиров, для которых ненавистно само слово «русский», кто выталкивает русских из власти, из промышленности, из культуры, из самой жизни, превратив Россию в огромный колумбарий? Пошто расплодил сатанистов, изуверов, мытарей, душегубов, запечатав в человеке его стремление к Красоте и Вере, его богоподобие, распечатав в нем все самое низкое, утробное, делающее его подобным сатане, приготавливая в России пришествие князя тьмы? Пошто, из каких побуждений, за какую плату, за какой чудовищный посул передал свою душу в косматые когтистые лапы Зверя, принял его обличье, когтит и разрывает Россию, издавая истошные рыки и хрипы?

Все эти грозные вопрошания прозвучат над безгласной душой вселенского грешника. Ангел с копьем схватит его в железные огненные объятия. Пронесет над безвестной могилой изнасилованной бандитами девочки, над фундаментом взорванного дома Ипатьевых и кинет в самую сердцевину ада, где его подхватит косматое чудище, сунет в пасть, как морковку, и станет грызть, хрипеть и выплевывать, исполняя казнь, коей несть конца.

Так пророчествует о Ельцине старец в одном из русских монастырей.

А пока, уважаемые депутаты, приступайте к запуску конституционной процедуры импичмента.

Июнь 1998 г.

Финансисты с большой дороги

Ельцин едва ли не по-сталински начинает речь с трагических «Братья и сестры», просит Думу утвердить судьбоносные для страны законы, но тут же грубо, как самодур-помещик, оскорбляет депутатов, видя в них холопов, которых поведут на конюшню и всыпят плетей. Борис Федоров, «главный наложник страны», валяет ваньку – в ковбойке ходит по рынкам и автозаправкам, трясет перед телекамерой квиточками: вот, дескать, где скрываются бюджетные деньги! Да не там, а в алмазах, которые своровали у страны, и в деле об «алмазном воровстве» есть бумага с подписью Федорова, дающая ход воровству. Кириенко, кивая головенкой, убеждает народ, что во имя Родины нужно еще раз раскошелиться, взять на себя «налоговое бремя». Будто не знает, что в каждой губернии действуют полсотни криминальных вооруженных группировок, контролирующих все производство, торговлю и потребление, и в этих криминальных, вскормленных самой властью группировках – весь теневой, не обкладываемый налогами капитал. Взять этот капитал власть не может, ибо не пойдет на разгром группировок, срослась с ними, не имеет для этого дееспособных силовиков, независимых судей и прокуроров.

Все та же мерзкая, циничная группа, столкнувшая Россию в катастрофу, превратившая ее в мировое позорище и пошмище, спасает теперь – не Россию, которая им ненавистна, – а себя, страхась народной революции и возмездия. Если фарс «антикризисной программы» правительства удастся и МВФ раскошелится своими миллиардами, то эти миллиарды пойдут не на поддержание промышленности, которая напрочь убита Гайдаром, не на сохранение русской армии, которая состоит из личной охраны Сергеева, не на зарплату шахтерам, которых знать не хочет Немцов, не ученым, учителям и врачам, которые живут за счет морковки на огородах. Эти миллиарды пойдут на дворцы банкирам, на изумруды их же-

нам, на внука Ельцина, получающего воспитание в Англии, на вставные зубы Пугачевой, на премию Тэфи для Масюк – на поддержание гнусного прогнившего строя, превратившего в рабов великий народ, вскормившего на его страданиях Чубайса, Уринсона и Лившица.

Дума, униженная, в кровоподтеках, со следами наручников, не утверждай воровских законов! Импичмент, который ты затеваешь, исключает сотрудничество с Ельциным! В этих законах, как кощеева смерть, заключена судьба Ельцина! Отвергая законы, отключая власть от финансового пойла, ты, Дума, конституционным путем, без пролития крови, свергнешь ненавистный режим! Мужества тебе, воли и стоицизма!

Зюганов, так держать!

Июль 1998 г.

«Число зверя» над Барвихой

Опять в Москве запахло паленой человечинной и гарью танковых двигателей. Опять в Белом доме, в кабинете премьера проступило пятно крови, засветились в стене осколки и пули. По монастырям и храмам плачут иконы. На паперти нищенки шепчутся, что Ельцина подменили – настоящий умер и лежит в подвале на льду, а у нового на лбу из морщин сложилось «число зверя». Буря пронеслась над Москвой, повалила сто тысяч деревьев, и старцы говорят – «на гробы». В Кремле в бурю видели женщину до небес с четырьмя грудями, и каждую сосет волчонок.

Казна пуста, и последнюю коробку вынесли двое в масках, уехали на «мерседесах» в Останкино. На юге и на Средней Волге сгорели хлеба, и женщины с серпами режут впрок лебеду. Вслед за шахтерами народ потянулся на рельсы – вдоль Транссибирской от Находки и до Москвы ставят шалаши и палатки.

Террориста Хаттаба видели в Вологде, а Радуева – на концерте Аллы Пугачевой, с пулеметными лентами и с охраной из

МВД России. Укрывшего алмазы Козленка под честное слово прокуратуры назначают заместителем Бориса Федорова, а налоговая служба для пополнения бюджета обложила каждую колокольню, с удара колокола – по сто тысяч.

Газпром перед тем, как его расчленят, срочно закачивает газ в подземные хранилища под дачей Черномырдина, а искусанный ненормальным мальчиком Рэм Вяхирев делает прививки от чумки.

Генерала Рохлина убили так же, как убили в 93-м трех оптинских монахов, и расследование ведут те же следователи, которые на солнце не отбрасывают тени. Шахрай убежал из Кремля – так комар, не находя себе пищи, слетает со лба покойника. Лебедь, повторяя подвиг Чкалова, летит через Северный полюс в Америку, и на новый маршрут, страшась революции, записываются банкиры с двойным гражданством. В ресторане для вегетарианцев подают салат из капусты под названием «Импичмент». В космическую программу, изучающую размножение бактерий в космосе, включен Батулин.

Россия снова, в который уж раз, одевает своих стариков и младенцев в белые рубахи, выстраивает их у глубокого рва, как на фреске в Покровском соборе. Наступит «тьма египетская» и наклонит дубы к земле. Снова, как в 91-м и 93-м, повьезут нетопыри и драконы, прольют русскую кровь. Но в ней испекутся. Барвиху, подобно Чернобылю, замуруют в бетон, поставят счетчики и семьдесят лет будут выдерживать, пока не распадется, как ядовитый нуклид, последняя молекула змея. А уж потом, в третьем тысячелетии, станут пускать людей. Разобьют парк, напустят озеро, сделают танцплощадку. И там, как на месте разрушенной Бастилии, станет народ танцевать.

Июль 1998 г.

Ельцину снится Ипатьевский дом

Итак, «Монархический проект», рожденный в угрюмых извилинах Сатаровых и Киселевых, потерпел крах. Он за-

мышлялся как царское погребение и одновременно венчание на царство. Ельцин, благославляемый Патриархом, членами Дома Романовых, при скоплении мировых лидеров, среди восторженных рукоплесканий благодарного русского народа становится мистическим правопреемником династии. Получает право на бессрочное правление. Объединяет вокруг себя растерзанное нестроением российское общество, и над царской могилой, под колокольный звон, кончается наконец вековая гражданская распря – Россия снова едина, не поделена на «красных» и «белых». Ельцин, объединитель, восходит на кремлевское крыльцо, поддерживая горностаевую мантию, и канониры в петровских мундирах палят из орудий в честь нового государя.

Ну пусть не царь, а регент при молодом Георгии, уже научившемся к тому времени выговаривать несколько русских слов. Все готово – и бесчисленные золотые орлы, и роскошные палаты, и церемониал, и криминалисты всех стран, попробовавшие на зубок каждую екатеринбургскую косточку, и Радзинский, весь намазанный медом, от губок до хвостика.

И вдруг – крах. Все рассыпается, как ком пыли, без всяких внешних усилий, одним только Промыслом. Церковь отворачивается от затеи. Потомки брезгливо пожимают плечами. Ельцин, будто проглотил топор, уклоняется от торжества. Надругаясь над прахом людским, на великое посрамление и глумление, несчастные кости возят взад-вперед от Урала до Пиренеев, и мир в ужасе от этой «московской забавы», которой тешатся Немцов и примкнувший к нему Аксюциц.

Что случилось? Что расстроило умопомрачительный замысел? Такое ощущение, что сама жизнь, ее потаенный мистический смысл. Заключение в самой жизни сокровенная правда, которую невозможно объехать на катафалке НТВ, залить патокой царевубийственной лжи, обмануть безбожным лукавцам.

Не может сегодня Россия брататься, пусть даже над могилой августейших мучеников, когда в эту могилу горсть

земли кидает рука, обагренная русской кровью. Не станет брататься с Березовским шахтерская жена, собирающая на помойках очистки. Не станет брататься с Масюк солдат чеченской войны, чье знамя осквернили предатели. Не станут брататься баррикадники Дома Советов с Евневичем, стрелявшим из танков. Не станет брататься ученый на пепелище русской науки с бандитом воровской группировки. Не может быть Ельцин, взорвавший Ипатьевский дом, разрушивший империю русских, отдавший треть соотечественников в рабство к баронам и ханам, посадивший в Кремле агентов враждебных держав, – не может быть символом объединенной России.

Не ему, исполненному подземных разрушительных сил, объединять «красных» и «белых». Они объединились на баррикадах Дома Советов, где рядом, простреленные и обугленные, колыхались имперский и красный флаги. Атеист, пытаемый ельцинистом, молился перед смертью православной молитвой. Казак-монархист, умирая, заслонял Макашова. Русские объединились, покаяться, освятили свое восстановленное единство кровью, пролитой за Отечество.

Бесы, умные, жестокие, двуличные, пытаются нас рассечь. Натравливают друг на друга. Присваивают себе то монаршью порфиру, то буденовку, то петровский кивер. Хотели зазвать нас в Петропавловский храм, чтобы мы, одураченные, признали их власть над собой, поклялись над святыми останками в своей преданности, раболепствии, отказались навек от борьбы.

Не случилось. Пронесшийся над Петербургом буран наклонил до земли деревья, расколыхал кресты и шпили, сорвал с беса золоченую маску, и народ увидел страшную, в кровавой пене, личину.

Говорят, ночами, в тусклом свете луны, является над Барвихой видение – парит в небесах Ипатьевский дом. И тогда по окрестным лесам, пугая охрану, раздается нечеловеческий вой, словно кто-то мучится страшной мукой, предчувствуя ад.

Июль 1998 г.

Ельцину на крючок попался ваххабит

«Государственники» в Кремле, которые только и шастают, как погорельцы, по миру в поисках денег, да вечно хоронят чьи-нибудь останки, могут себя наконец поздравить: Чечня отделена от России. На ее территории не действует ни один федеральный закон и орган власти. Туда не сунется ни один федеральный судья, прокурор или сборщик налогов. Чеченская армия и спецназ готовятся к походу на Дагестан, открыто угрожая России агрессией. Чеченский МИД устанавливает дипотношения с другими странами. Спецслужбы Турции, Пакистана, Аравии свили в Чечне диверсионное и разведывательное гнездо. Чеченские «ловцы человек» создали в Чечне зоопарк, где держат в клетках ворованных русских, показывают туристам клетку с Власовым, незадачливым представителем Ельцина. Экономика Чечни, как набрякший клещ, впилась в Россию, пьет русские деньги, нефть, кровь, и среди развалин чеченских городов и селений растут дворцы имамов и падишахов.

Становлению антирусского чеченского государства содействовали: Лебедь, отнявший победу у русской армии, погнавший ее вон из Чечни; Рыбкин, велеречиво красноречивый, не позволявший говорить открыто об отделении Чечни, давший Масхадову время для формирования сепаратистских структур; Березовский, «насадивший» Чечню на нефтяную трубу и сделавший Россию заложницей чеченского «маршрута»; Черномырдин, пресекавший любые успехи русских военных, дважды останавливавший продвижение войск в горные районы, запретивший спецназу уничтожить террористов в Буденновске, что развязало безнаказанный чеченский террор по всей территории России.

Два года под носом у Кремля крепла и вооружалась Чечня, открыто угрожая кавказской войной. Два года открыто разоружалась Россия, палец о палец не ударив для создания кавказской группировки, ориентированной на победу в Чечне. Сергеев стал маршалом на костях уничтожаемой русской армии.

Степашин уводит из Дагестана последние федеральные силы. А смоляная борода Хаттаба все чаще появляется под Махачкалой, и ваххабитов скоро увидят в мечетях Москвы.

Рохлина убили накануне его заявления в Думе – о крупномасштабных хищениях сибирской нефти, которая превращалась в «живые деньги», и на эти деньги азербайджанские и грузинские структуры закупали русское оружие, переправляли его в Чечню, готовя арсенал для новой войны на Кавказе. Такие махинации с нефтью и оружием невозможны без участия самого Кремля. В заявлении Рохлина содержался список московских персон, что, по-видимому, и послужило причиной его смерти.

Кавказский взрыв неизбежен. Снова пойдут в Махачкалу безымянные танкисты, подготовленные друзьями Савостьянова, и их сожгут из гранатометов на улицах. Снова двинут из российской глубинки неподготовленный, необстрелянный контингент, и его положат костями, а потом авиация сотрет с лица земли непокорный город. Снова в штабы «отважных боевиков» ползет героиня Масюк, и мы услышим благородные речи «воинов Аллаха», и увидим пленных русских солдатиков и морги, набитые трупами, и солдатские матери на деньги московских пацифистов пойдут бродить по дагестанским селениям, отыскивая обгорелые тела сыновей. А потом генерал Лебедь обязательно остановит войну, а миротворствующий Рыбкин станет говорить о неопределенном статусе Дагестана, а прорусского руководителя республики отправят послом куда-нибудь на Берег слоновой кости. И русские кости убелят ущелья и долины Кавказа, а царские кости все будут исследовать на подлинность, а мерзавцы и предатели Родины будут греть свои кости в московских саунах, подсчитывая барыши от очередной кавказской войны. Но России к тому времени уже может не быть, а останется бессмысленная груда земель, управляемых скудоумными правителями, на горе великому народу.

Депутаты, объявляя импичмент Ельцину, внесите в него пункт о нарушении ныне действующей Конституции. Ельцин

развязал крупномасштабную войну против части Российской Федерации – Чечни, а потом вывел ее из состава России, нарушив территориальную целостность страны, подготовив тем самым отделение Кавказа.

В Чечне – предвоенная мобилизация резервистов. Суд в Ставрополе испугался судить двух террористок-чеченок. Шамиль Басаев – генералиссимус Ичкерии. Во время рыбалки на Шуйской Чупе Ельцину на крючок попался ваххабит.

Июль 1998 г.

Назовут ли Кириенко «кровавым»?

Кириенко, которому так и хочется сказать «Перестань кивать головой!», впервые начал грозить шахтерам, поселившись на железнодорожных путях. Грозит «навести порядок». Требуя от голодных мужиков соблюдать закон. Дает понять, что терпению властей конец и скоро ОМОН с дубинами пойдет впереди тепловозов лупить работяг, давить их щитами, связками тащить в изолятор, где ими займется Скуратов. «Они, шахтеры, остановили Россию!»

Россию остановил Ельцин, снял с нее все движки и колеса, поставил на деревянные горбыли, и страна напоминает автомобиль, который «разули» ворюги. Закон, причем основной – Конституцию, – нарушает режим, не выдавая народу зарплату, обрекая его на голодную смерть. Народ понуждают не только перекрыть Транссиб, но и вывести из гарнизонов все танки, бронемашины и установки залпового огня и с их помощью добыть детишкам хлебушек.

Угрозы Кириенко можно было бы воспринять как минутное раздражение мальчика, у которого не выходит задача. Если бы за ним не стоял Ельцин, который уже не раз с 92-го года выпускал ОМОН, превращая страну в травматологический пункт, а потом стрелял по избитым из пулеметов и пушек. В угрозе интеллигентного Кириенко присутствуют интонации других интеллигентов начала века, рубивших го-

ловы пленным белым офицерам, подавлявшим Кронштадтский мятеж и Антоновское восстание. Наденьте мысленно на Кириенко кожаную комиссарскую куртку, галифе и маузер, попросите его не бриться дня два, и вы получите Свердлова.

Привести в исполнение угрозу Кириенке мешает страх, что за одного избитого ОМОНОм шахтера вступится вся страна – от Сахалина до Смоленской атомной. И придется с кличкой «кровавый» убегать куда-нибудь в Мексику, в дом-музей Троцкого. Говорят, Масхадов на недавней встрече «без пистолетов и галстуков» посоветовал ему не связываться с голодным народом, «а то могут взорвать».

И вот, попрдержав до времени костоломов, он спустил с поводка Бориса Федорова, который принялся доставать налоги, как японцы достают печень из еще живого врага. Процентные прибавки к существующим налогообложениям, установленные указами Ельцина, должны привести Россию к стабилизации, которая уже достигнута на Ваганьковском кладбище.

Нет чтобы арестовать миллиардные состояния Березовского, Черномырдина и Вяхирева и вернуть их шахтерам! Нет чтобы заставить Федорова «добыть обратно» алмазы, которые не без федоровского участия увел Козленок! Это возвращенное в казну, розданное шахтерам добро избавило бы нас от займов валютного фонда и от Лившица. Тогда бы сразу по всем дорогам пошли поезда, и к одному из них Жириновский прицепил бы свой «последний вагон на Север».

Но этому не бывать. Миллиардеры, захватившие Родину, превратили ее в морг и держат маленького Кириенко в качестве большой дубинки, от которой не спасут пластмассовые каски и которая выбьет из народа последние иллюзии относительно того, что такое демократия – с животом Черномырдина, штиблетами Чубайса, усами Киселева, париком Кобзона и медленной, как застывающий бетон, речью Ельцина.

Когда тот говорит, то делает между слов долгие паузы, во время которых умирают сотни голодных русских людей.

Август 1998 г.

Чернобыль на Украине, Черномырдин в России

Ты кто, Черномырдин?

Советский воротила, покрытый ровным жирком успеха, с упитанным утробным хохотком, пугливый и беспощадный, верноподданный и тайно тщеславный. Когда говорит, то, кажется, во рту его дерутся насмерть две лягушки, а в голове два полушария пытаются поменяться местами. Всем, что достиг этот оренбургский мужичок, он обязан компартии, советской власти, СССР. Не они, так бы и оставался деревенским шорником или скорняком. При них же стал технократом, директором, работником ЦК, министром. И вот теперь, вынесенный на горбах советских землепроходцев, бурильщиков, строителей дорог и мостов, неутомимых геологов и газовиков, создававших в тундрах Сибири невиданную индустрию нефти и газа, гигантскую копилку энергии, с помощью которой Советский Союз был готов рвануться вперед, в XXI век, – теперь Черномырдин бессовестно поносит советский строй, советское прошлое, страшась, что, не дай Бог, вернется оно, так ему придется расстаться со своими миллиардами, питающими сегодня род Черномырдиных, а прежде питавших русский народ. Возмечтав, бедняга, стать президентом, «единым кандидатом демократических сил», желая угодить «демократам», мажет грязью великое советское прошлое, которое приватизировано в пользу горстки аморальных хапуг. «Газпром» Черномырдина построен на костях русской цивилизации XXI века, которой не дали осуществиться, заколов в Беловежье ее богатырский эмбрион. Премьер Черномырдин – это расстрел Дома Советов, за который ему воздастся. Это начало безумной чеченской войны и безумные остановки побеждающей русской армии, которые не простит ему ни один офицер. Это попустительство террористу Басаеву, превратившее Чечню в рынок русских рабов, разбросавшее метастазы сепаратизма по всей России. Премьер Черномырдин – это крах экономи-

ки, необратимая смерть индустрии, мор населения, непрерывный стон по всем городам и весям, убитые медвежата и дистрофичные дети, смерть русского Космоса и малахитовый камин в его кабинете. Это гайдары и федоровы, уринсоны и шохины, завернутые в «оренбургский пуховый платок» Людмила Зыкиной, построившей «Газпром русской песни».

Советский Союз был погублен хищной урчащей стаей номенклатурных животных, сожравших несметные богатства Родины, не сумевших переварить их в своих вспученных желудках, источающих сегодня болезненное зловоние. По этому зловонию вы узнаете их, выступающих с думской трибуны, восседающих в губернаторских креслах, засевающих в банках, поносящих великое прошлое, его вождей и героев.

Народ, страшно обманутый, весь век на Магнитке, под Курской дугой, на Байконуре и целине строивший коммунизм, в итоге получил Черномырдина. Остатки советского поколения, умирая, из последних сил, со смертных одров, из могил тянут руки к избирательным урнам, отдавая голоса за тех, кто не предаст, как Черномырдин.

Август 1998 г.

Ельцин обрыдл

Не клевало. На крючке сидела пойманная с вечера уклейка, а вокруг из озера выпрыгивали судаки, оглядывали его хохочущими глазами, и их рыбы морды странно превращались в лица Полторанина, Бурбулиса и Шахрая, старых товарищей, которых к нему давно не допускал Ястржембский. Вертолет охраны кружил высоко над озером, и он видел, как утомленные долгим полетом снайперы облегчались тонкими солнечными струйками.

Его подняли под руки и куда-то повели, на ходу стягивая теплые валенки и надевая неудобные узкие башмаки, подаренные два года назад канцлером Кодем. В воздухе ему стало плохо, но маска с веселящим газом и тихая музыка Шнитке верну-

ли бодрость и чувство реальности. Он снова почувствовал себя любимцем народа и одним из восьми самых могущественных правителей мира, которые могут умертвить человечество.

Город, куда его привезли был ему неизвестен, но губернатор носил имя, которым в России называют больших черных тараканов. «Кукарача!» – улыбнулся услужливый переводчик, угадав его мысли. Подвезли клетку с журналистами, и они сквозь решетку протягивали к нему микрофоны, и все как один спрашивали, когда он вернется в Москву. Это его огорчило. Ему не хотелось туда, где нет рыбалки, и он ответил, что никогда не вернется.

Ему захотелось сладкого киселя, но киселя не дали, а повезли на бойню, обрядили в белый балахон и стали показывать страшные туши, куски мяса и кости. Ему подумалось, что это проделки Уринсона, и он накричал на него. Но это был не Уринсон, а свежая тушка барана, посаженная на крючок.

Желая исправить дурное впечатление, он решил показаться милостивым и продлил Думе отпуск до 2000 года. Но увидел каменное лицо пресс-секретаря и, боясь, что его накажут, тут же прижал листок к удобной спине губернатора и подписал приказ: свезти депутатов всех в одно место, и немедленно.

Ему показали странный памятник, изображавший множество людей в кольчугах, рясах, камзолах, окружавших огромное яблоко. Ловкий до ассоциаций, он подумал о Явлинском, но не подал виду, а только почувствовал мучительную изжогу. Сказал, что хорошо бы построить еще точно такой же памятник, но без людей и без яблока, а в виде Петра. Такой, какой он видел в Москве, только повыше.

Кругом вдруг оказалось много восторженных горожан, которых почему-то называли «посадскими». Пресс-секретарь вложил ему в руки пергамент, где на старославянском, с большой красной буквицей в виде Гайдара был написан указ о переименовании этого городка в «Господин Великий Нижний». Больше он не мог читать от волнения и попросил доставить его в Москву, где живет много соотечественников и похоронен великий Шнитке.

Ночью под капельницей он просыпался и видел над собой ласковое, как у Арины Родионовны, лицо Ястржембского. Ему было хорошо и спокойно. Он перестал думать о себе в третьем лице, вспомнил свое имя. В знак особого доверия и чтобы за добрить, поведал пресс-секретарю семейную тайну. О том, что его партбилет лежит в целлофановом пакетике, в кипарисовом ларце, рядом с бриллиантовым колье Наины Иосифовны.

А в России тем временем снова случился обвал.

Август 1998 г.

От Черномырдина страну воротит

Ужас пришел в русские семьи, ужас с лицом Черномырдина. Заглядывает в черные окна нетопленых домов. Склоняется к колыбелям некормленных детей. Нависает, как бред, над больничными койками ветеранов. Смотрит глазами тухлой камбалы с пустых магазинных прилавков. Высовывает из банкоматов распухший лиловый язык. Все считают копейки, в наволочки засыпают крупу, достают из-под половиц дедовский золотник, штопают шерстяные подштанники – готовятся к блокадной зиме, к мерзлым саночкам на булыжной мостовой, к наледям у колонок с водой, к нужникам на морозных дворах. Идет зима с залысынами Черномырдина. Среди ржавых мостов и заводов, на пепелищах музеев и храмов веселая костлявая девка, с голым черепом, в красной помаде, трется берцовой костью о тучное бедро Черномырдина.

Вот они все сидят на насесте, как куры с обмороженными гребешками: Александр Яковлев, чьи перья в чем-то белом и гадком, Бурбулис, чей клюв в красной сукровице, Гайдар, Борис Федоров, красной масти Чубайс, с очками-бутылками Шохин, – прижались друг к другу монетаристскими боками. А рядом Уринсон, Лившиц, Ясин вцепились в жердочку источенными когтями. Творцы «экономического чуда», «несушки российских реформ», лгавшие нам: «Россия будет великой!» – в то время, как выкачивались из России ее кровь и мозги, ее зо-

лото и алмазы, ее нефть и иконы, как ей подрубили поджилки, всаживали иглы с наркотиками, насильовали в подворотнях, бросали на чеченские гранатометы, окунали головой в унитаз НТВ. И вот она. Родина-мать, без меча, без автомата, лежит, накрытая рубищем, как расстрелянная немцами партизанка, и кто-то ночью, похожий на Сороса, железными клещами выламывает у нее золотую коронку.

Они разорили дотла богатейший советский уклад, создали из отпущенных на свободу уголовников новый класс, слепили из помета банкиров, перевели за границу несметные, созданные Сталиным богатства, соорудили из соломин и палочек новое общество, похожее на эстраду, где день и ночь, неутомимые в пошлости, поют Киркоров с Газмановым. И теперь, когда на эту эстраду залезло слишком много упырей, педерастов, лауреатов премии Тэфи, юмористов, депутатов от НДР, когда на эту перегруженную эстраду села маленькая легкая муха по прозвищу Кириенко, опоры не выдержали. Общество рухнуло, и народ, обобранный до нитки, остался в метельном поле, без огней, без дорог. Всеми обманутыми миллионами, как слепец, ходит с вытянутыми руками, повторяя «Где же ты, Минин!.. Где ты, Пожарский!..» А самолеты уносят в Израиль последние семейки буржуев.

«Экономическая диктатура», о которой утробно крикнул Черномырдин, есть следующий, после гарвардского, латиноамериканский вариант уничтожения остатков русского населения. Когда еще недавно на вооружении Черномырдина находилась модель МВФ, Россия ежегодно теряла полтора миллиона своего народа. Теперь эта цифра будет удвоена. То, что уготовил стране «друг немцев» Черномырдин, является «зачисткой территории», воплощением мечты Розенберга – Россия без русских.

Схема проста и прозрачна, как слеза Наины Иосифовны. Укутанный в шерстяную шаль, в теплых носках, Ельцин переводится в дом престарелых, где-нибудь в Альпах. Черномырдин садится в Кремль на трон, выточенный Березовским из белых детских костей. Лебедь с латиноамериканской ухмылкой,

то и дело кокетничая с Сорокиной в передаче «Геморрой дня», борется с робкими выступлениями шахтеров, посылая вдоль Транссибирки вертолеты «Черная акула», отрывая по одной голове в день у лидеров «системной оппозиции». Выпускаются карточки на хлеб и на мыло зеленого цвета, с маленьким портретиком Джорджа Вашингтона. Вместо митрополита Кирилла с проповедями выступают Задорнов и Жванецкий, обращаясь друг к другу «владыка». У полевой кухни, выкатываемой на Арбат в дни священного праздника Пурим, копошатся обросшие шерстью, жадно жующие существа, в которых наметанный взгляд повара в омоновском шлеме узнает бывших русских академиков, писателей и врачей.

Дума, и в третий раз не утверждай Черномырдина! Не стань соучастницей преступления, имя которому геноцид!

Сентябрь 1998 г.

В Ельцине гарпун, но он жив

Кремлевская гильотина нежно чмокнула – и, пятась каракатицей, исчез Черномырдин, плеснув напоследок в лицо народа черную струю. Кириенко скрылся в Австралии, от которой недалеко до пингвинов, – встанет в вереницу черно-белых смешных коротышек, ни один прокурор не отыщет. Высохли, как лужицы слякоти, Немцов и Чубайс, Уринсон и Лившиц. Резиновый чехольчик, похожий на Гайдара, что-то жалобно чмокнул и испустил воздух. И в изношенную, идущую враздрай государственную машину, превращенную Ельциным в каталку для паралитиков, вставили запчасть – Примакова. Эта запчасть, похожая на круглый шарнир, обточенный всеми разведками мира, пригодилась в момент, когда несостыкованные Центр и провинции, партии и движения, власть и народ со страшным скрежетом стали ломать друг друга, гнуть валы, дробить шестеренки. Бедные танкисты-кантемировцы, набив желудки картошкой, плеснув в баки последний литр горючки, стали смотреть по карте, как лов-

чее из Нарофоминска доехать до Охотного ряда. Тут и пришел Примаков, которого, как Рюрика, позвали на княжение неразумные думцы: «Приди, дескать, Максимыч, и володей нами». Он поупирался, но пришел, деловитый и мешковатый друг Олбрайт и Хуссейна, Горбачева и Ельцина, коммунистов и «Яблока», Пиросмани и Шагала, шашлыка и дибазола. Эта сдержанная дружелюбность, свойственная многим членам «Римского клуба», устроила русское общество, которое семь лет поили мухоморами и поганками «либеральных реформ». Слабительное с болеутоляющим – такой медицинский аналог следует дать Примакову. И добавить: «Перед употреблением взбалтывать».

Бред прекратился, но болезнь не исчезла, микробы на месте. Эпидемия сожрала все силы больного, все его кровяные тельца. Сжирать больше нечего, тело почти бездыханно. Но где-то рядом, за портьерой, притаились Березовский с Гусинским, Смоленский с Ходорковским. Ткут полотно для савана две неутомимые ткачихи Таня и Наина Иосифовна. Ельцин, как кит, под которым высохло море, лежит на отмели, гарпун в загривке, лоб разбит о скалу, ходят по спине морские голодные птицы, готовые выклевать глаз. Кит сипло дышит, вылезает с посланиями к народу, ждет, когда вернется море, чтобы ударить хвостом. Прилипали Кокошин и Ястржембский отлучены от кита, забились в комочки тины.

Оказывается, Примаков – это премьер согласия.

Или соития? Согласия разоренных крестьянских хозяйств, не способных уберечь Россию от голода, – с «крестьянином» Черниченко? Замерзающих без огня и солярки озверелых северян Магадана – с аппетитным, как чебурек, Ремом Вяхиревым? Ободранных, словно из окружения, офицеров Российской армии – с сутенерами, за ночь проигрывающими в казино месячный заработок мотострелковой дивизии? «Антифашистов» Савостьянова и Прошечкина – с русскими писателями и художниками, чье творчество именуется «красно-коричневым»? Кстати, господин Примаков повстречался с редакторами ведущих газет и просил о под-

держке. Он не пригласил на встречу ни одного из оппозиционных редакторов, видимо, не нуждаясь в поддержке оппозиционных газет. Быть может, он и правильно сделал. Когда господин Примаков станет навязывать Думе ратификацию «СНВ-2», он сможет прочесть в оппозиционных газетах, как он выглядит в глазах патриотов.

Народ держали на дыбе, пытали паяльной лампой семь долгих лет. И теперь, когда воры перегнали за границу последние хлебное зерно и золотую пылинку, когда Борис Федоров, по словам Козленка, причастный к «перекачке русских алмазов в Калифорнию», хлопчет о финансах России, теперь народу, чьи ребра переломаны железными клещами, предлагают объединиться вокруг Примакова, восстанавливать Родину, пахать на коровах и есть лебеду. Но так не бывает ни у русских, ни у армян, ни у евреев... Возмездие, очищение, беспощадная жгущая правда – вот что способно оживить снятый с дыбы народ. Насильники детей, расстрельщики женщин, казнокрады и святотатцы должны предстать перед Судом Народа. Здесь мало одного Собчака. Вся команда «молодых реформаторов» должна быть выловлена в Америке и Израиле и доставлена «по этапу» в Москву. И только потом, шатаясь, люди пойдут запускать ржавые станки, впрягутся в борону, станут красить суриком окисленное днище подлодки.

Работайте, господин Примаков. Мы вам не станем мешать. Будем помогать, если ваш труд пойдет народу на пользу. Но процедуру импичмента Ельцину мы продолжим, о чем неброско заметил Зюганов. И руку, протянутую нам для примирения и согласия, тщательно рассмотрим, прежде чем позвать, – не рука ли это Бориса Абрамовича?

Сентябрь 1998 г.

Дохлая кошка Бориса Ельцина

Семь лет мы слышим непрерывный астматический хрип: «Россия будет великой!», «Начинаем возрождение Рос-

сии!», «С курса реформ не свернем!» Под эти сильные клики больного, необразованного, глубоко ущербного человека разрушали государство Петра и Сталина, раздавали убудкам в тюбетейках и папах русских территории, убивали науку Менделеева и Келдыша, гноили урожаи Докучаева, пилили ракеты Королева, губили производство Стаханова, учили скотоложству в передаче «Я сама» – и все под двуглавым орлом, под трехцветным флагом, под звездой Давида, под вой русских баб, хоронивших кормильцев. Ельцин не построил ни одного завода, ни одного космодрома, ни одного музея и университета. Но своевал две мерзкие войны – одну в центре Москвы, другую в Грозном. Наплодил банков-упырей, создал новый класс – горстку миллиардеров-извращенцев, прорву обалделых челноков, молодых лотошников и офисных девочек. А также проституток и «быков», умеющих пытаться током. Все это называлось «новым укладом», должно было сделать «Россию великой», а когда рухнуло по «закону Мавроди», оставив после себя миллиардера Березовского и несколько использованных прокладок с крылышками, Россия стала похожа на разоренный муравейник, куда наступила страшная когтистая лапа. Живем без еды и без топлива, с полоумным басурманом в Кремле.

Чтобы этот мерзкий строй воров и легковерных придурков не утвердился, чтоб сохранилась страна, мы вышли на баррикады в 93-м. Сидели при свечах, отламывали от асфальта куски. Нас крошили у «Останкино» пулеметы Ерина. Сжигали в Доме Советов танки Грачева. Пытал на стадионе генерал Романов. Нас сожгли в крематориях, посадили в тюрьму, надели на голову целлофановый мешок Конституции. Уклад-победитель волосатым павианом прошел по стране. Целовался с Ростроповичем, награждал кубком Тэфи, братался с Хасимото. И вдруг сдох в одночасье, будто обожрался отравленной солониной. Тот камень, который пульнул мальчишка в борт транспортера перед тем, как его застрелили, – этот камень попал в проклятый уклад. Ушиб

его в темя. Тот еще двигался целых пять лет, ломал и казнил, а потом завалился, как кабан, получивший пулю.

Народ отторг этот мерзкий уклад, как отторгают горящий, попавший на тело напалм, вместе с жареной кожей, сгоревшей плотью, кровавой коростой. Невидимая миру революция русских, неслышное человечеству народное восстание в России одолели оккупационный строй, отторгли его. Не с помощью автомата. Не силой динамита. Не взрывом гранаты, брошенной в особняк банкира. А усилием отдельной души, подвигом сознания, напряжением совести русского крестьянина, интеллигента, рабочего. В этом исторический подвиг русских – неслышно умирая, уходя с земли, народ уносил под землю и этот ненавистный ельцинский строй. Так в 41-м обвязывался гранатами герой Дубосекова, ложился под танк, утаскивал с собой в могилу экипаж фашистов.

И что же теперь, когда спустили воду в пруду, и на липком дне – только мятые банки от пива, мокрый башмак Собчака, драный лиф Новодворской? Туда, на это липкое дно, осторожно, с одышкой, спустился близорукий Примаков и лазает там в мокрой тине. Что-то передает Маслюкову, о чем-то просит Геращенко. И они втроем, как Дуремары, таскают гнилой мешок, в котором – мокрые гайки, гнутые велосипедные колеса и рыжий, из конского волоса, парик Чубайса. Ничего не найдут, кроме дохлой кошки, – тотемного зверя президента.

Не станем мешать Примакову, у нас свои дела. Сначала остатки Ельцина уберем из Кремля. Потом изберем в президенты русского патриота, не связанного с Хасавюртом и ямайко-немецким округом. Потом национализируем банки, нефтепромыслы и телевизионные компании. Потом скажем народу, что он, сокрушив ненавистный уклад, совершил исторический подвиг, победил сильнейшего в мире врага, сильнее, чем Гитлер и Муссолини. Потом прокурор, сменивший грассирующего сатрапа, даст ход всем уголовным делам по делу уничтожения Родины. А уж потом, как это повелось на Руси, мы станем трудиться на благо любимой Отчизны.

А Ельцину последний совет. Пусть уйдет в монастырь, наденет клобук. Русский, человек не станет вытаскивать инока из постели, заряжать им Царь-пушку, выстреливать в сторону государства Израиль.

Сентябрь 1998 г.

Это сладкое слово — восстание!

Какой прок в том, что пять лет назад народ пролил свою кровь на баррикадах Дома Советов – стаскивал к Горбатову мостику арматуру и доски, отламывал от асфальта куски, принимал из рук Макашова короткоствольные автоматы, сидел при свечах в обледенелых кабинетах и залах, молился Богу и пел революционные песни, слушал похабщину «желтого Геббельса», прорывал кордоны солдат, штурмовал ненавистные мэрию и «Останкино», падал под пулеметами «витязей» и «афганцев», выходил с бутылкой бензина на бэтээры Куликова, кричал проклятия стреляющим танкам Грачева, умирал под пытками генерала-«миротворца» Романова, шел в «Матросскую тишину» и «Лефортово», скрывался в подполье во время комендантского часа, выпускал за Уралом газету «Завтра» и вез ее в Москву, скрываясь от сыщиков ФСБ, – какие итоги восстания?

Русский народ своей праведной кровью, смертями и жертвами в этот страшный период оккупации подтвердил свое величие, праведность, внес драгоценный вклад в копилку русской святости. Сочетался с несметным хором героев и праведников, чьи деяния и подвиги сберегают Россию. Икона Русской Истории, к которой припадают устами русские люди во дни торжеств и несчастий, сохраняются ее благодатью, – эта золотая Икона обрела в себе лики героев 93-го года.

Пожарище Дома Советов, подожженного танками, где сгорали дети и женщины, высветило Абсолютное Зло, которое до этого рядилось в личины Добра. Пряталось под фрак Растроповича, пело голосом Окуджавы, умничало в кабинете

Гайдара, обличало в трудах Волкогонова. Это Зло, его страшная кровавая харя, его мохнатые липкие лапы видны по сей день, как бы ни извивался Явлинский, ни похохатывал Черномырдин. Зло засвидетельствовано, на виду, и его ожидает возмездие. Под светом прожекторов, как ослепшая летучая мышь, корчится Ельцин. Весь мир с отвращением и ужасом указывает на нетопыря.

Народ унес с баррикад свои раны, свои окровавленные знамена и песни и продолжил восстание. Без пушек и штурмов Зимнего, отложив автомат и взрывчатку, молчаливо и истово отвергая мучителей. Теряя по миллиону в год своих стариков и детей, ломал ненавистный строй, губил преступный уклад. Отверг Березовского, отвернулся от Кириенко, не внял Сванидзе и Киселеву, не искусился на Киркорова и Газманова. Крестьянин в поле среди лебеды, рабочий в цеху среди заржавелых станков, офицер в гарнизоне среди самосторелов, голодный писатель над углым листком бумаги – всем миром, всем народом не принял мерзкий уклад. Он испарился, как наваждение, оставив смрад газетных статей в «Известиях», зловонье репортажей в «Итогах».

Но Победа еще далеко. Хрипит в Барвихе Ельцин, управляет «силовиками», нацеливает их на народ. Лысоватый чернявый Бирон, вхожий в опочивальню к царевне, крутит «семьей», как рулеткой, пугает судьбой Чаушеску. Держит на цепи в сибирском углу овчарку, прикормленную на человечине, вот-вот ее спустит. Еврейский фашизм страшит мир «русским фашизмом», готовит отряды «Бейтар».

Еще много русских людей, стариков и младенцев умрут от тоски, зачахнут у пустых материнских сосцов, найдут смерть в катастрофах. Но мы сдерем, сцарапаем, соскоблим с себя мерзкую, впившуюся в нас сороконожку. Омоемся чистой ключевой водой. Оботремся белым рушником. И прежде чем взяться за плуг, сесть за штурвал, положить первый камень в фундамент, мы придем на поминальное место, где пять лет назад на баррикадах сражались наши товарищи. Помолимся об убиенных. Выпьем, не чокаясь, чарку. Поклонимся в ноги вдо-

вам и сиротам. Обнимемся с генералом Макашовым. И пойдем в наш Русский Путь, крестный, сияющий.

Сентябрь 1998 г.

Венчание Ельцина в имперской канцелярии

Россия закипает, как котел бронепоезда, стоящего на запасном пути. Сперва котел чуть теплый, манометр на нуле, в водомерном стекле дохлая муха. Потом все теплей, с легким бульканьем, с дрожанием циферблата. Горячей, накаленной с каждой лопатой угля, с каждым проклятием чумазого кочегара. И вот загудел, зачавкал, ударил в стальные стенки тяжелыми пузырями, напряг заклепки и скрепы, рванул пышным паром. Еще лопату, еще. Огонь – красный, кочегар – черный, белки – навывкат. Из тупика, по старым шпалам, ломая шлагбаум, выкатила на пути ребристая зеленая громада с бортовыми орудиями, с башенными пулеметами, с красной звездой на лбу паровоза. Понеслась по стальной колее от Владивостока до Смоленска, расстреливая из всех калибров либеральную сволочь, превращая в пожар банки-паразиты, сметая телепрограммы-убийцы, дырявя навывлет штаб-квартиры предателей. Русь, куда ты несешься? Нет ответа. И только улепетывают чубайсы, уринсоны и лившицы, и у Старовойтовой на лбу вырастает огромный крученый рог с надписью по-французски « Собчак».

Есть подвал в одном из удаленных уголков России, в местечке Барвиха. Глубокий бункер, лифт две недели спускается. Сидит в этом бункере безумный старик, дни и ночи думает о том, как ему обустроить Россию. В бункер ему приносят доклады, что Россия цветет, урожай небывалый, по производству стали на первом месте в мире, в армии за последний год ни один из офицеров не застрелился, курс доллара один к четырем, среднего класса все больше, Гельмут Коль избран канцлером, Моника Левински – девственница, а Отто Ладис приглашен в Голливуд сниматься в фантастическом фильме про жуков.

В бункер сверху, с поверхности земли, доносятся громы и гулы. Падает то нижняя челюсть Бориса Федорова, усыпанная бриллиантами, то старая кожа Аллы Пугачевой, которая купила себе новую, неизношенную. Старик не может понять, что там наверху происходит. Начинает тревожиться, плакать. Ему мерещатся то кровавый мальчик, убитый у Дома Советов, то мэр Москвы, переехавший на жительство в Кремль, то Чаушеску встает в изголовье и куда-то нежно зовет. Несчастный старик спрашивает у Березовского: «Скажи мне, Абрамыч, любимец богов, что станется в жизни со мною? И не пора ли мне ехать в Альпы, где куплен для меня особняк?» Березовский улыбается, как Джоконда, гладит печального старца по головке, поправляет ему слюнявчик, вынимает изо рта изглоданную берцовую кость. И говорит: «Будет тебе сейчас, старче, радость!» И ведет к нему в бункер академика Лихачева, который тихо, нараспев рассказывает старцу о проблемах культуры. Тот надевает Лихачеву на палец обручальное кольцо, они, повенчанные, ходят вокруг свечи под музыку бессмертного Шнитке, и Березовский держит над их головами две хрустальные капельницы.

А наверху гулы сильнее, громы раскатистей. Леса золотые. Знамена красные. Толпы несметные, черные. Через эти леса, через крыши домов и заводов, через Храм Христа Спасителя и Останкинскую телебашню перешагивает огромный, до неба, мужик в сапогах, в кожанке, в теплом шарфе. Держит в кулаках огромное, величиной с Россию, Красное знамя. Называется «Большевик» работы художника Кустодиева.

Люди добрые, выйдем на улицы в дни всенародного протеста! Гаркнем в сто пятьдесят миллионов глоток: «Ельцин, пошел вон!» Споем народную песню про бронепоезд!

Октябрь 1998 г.

Ельцина арестуют, как Пиночета

О чем мечтала когда-то эта дурная обкомовская голова? В славе мира, среди восторженных народов, под икона-

ми старинного письма, в белокаменных московских соборах, при скоплении мировых властелинов, окруженный светилами наук и искусств, на золоченом престоле древних царей, под тяжелым алмазным венцом, запахнув полы горностаевой мантии, поддерживая на длани усыпанную камнями державу, являться пред соплеменниками, ловя на их лицах обожание и благодарность, внимая колоколам и залпам салютов. Об этом мечтал он в бане, когда Коржаков, отодрав его венником, наливал стакан до краев.

Что он такое ныне, жалкий и страшный, разбитый неизлечимой болезнью, оставленный друзьями, обманутый советниками, презираемый миром среди разгромленной почернелой страны, населенной ненавидящим вымирающим народом, где каждый норовит плюнуть в сторону его обители, кинуть камень вослед его черному, напоминающему катафалк лимузину? Две хлопотливые боящиеся женщины, не дающие ему умереть. Пара лукавых хитроумных придворных, страшящихся гнева народного, не дающие ему уйти с миром. Кошмарные ночи, когда капельница над ним, как мерцающее ночное светило. Бреды: то пылающий над рекою парламент, и мальчик, пробитый по его приказу пулеметом, кладет ему на глаза кровавый бинт. То Грозный, напоминающий скелет дохлого кита, и обгорелые танкисты тянут к нему свои костяные огарки. То придворный звездочет в халдейском колпаке, с лицом утонувшего в Енисее ватиканского нунция Костикова, разворачивает пергаментный свиток и читает в нем жуткие письмена и цифры. Каждый год его правления Россия лишается полутора миллионов подданных. Каждый день, покуда он сидит на престоле, болеет гриппом, падает на приемах, ставит свои неразборчивые загогулины на салфетках вместо указов, ежедневно испаряются бесследно четыре тысячи граждан. И все эти миллионы и тысячи требуют ему суда и страшной казни.

На суд его привезут в огромной колбе, сквозь которую прогоняются пузыри воздуха, и врач Миронов большой серебряной ложкой станет помешивать раствор, в котором тот будет плавать, как в бульоне.

Судить его будут не одного, а совместно с теми, кто обольстил его, опоил сладкими отравками и привел к власти, попутно пиная связанную истерзанную страну, то выкалывая ей глаз, то ломая ребро.

Принесут на суд в сетке, как петухов на рынок, членов Межрегиональной группы, где – нахохленный Глеб Якунин, распушившаяся Старовойтова, общипанный Мурашов и зобатый, надменный, в засохшем помете Собчак, доставленный по накладной Интерпола.

Отдельно, в удобной клетке, в хороших костюмах, один из них в скафандре космонавта, появятся интеллектуалы, кто облек в блестящую философию либерализма всю мерзость расстрела парламента, Конституцию микроцефала, господство «богоизбранного обетованного меньшинства над рыхлым бессмысленным большинством». Там увидят Шахрая, Сатарова, небезызвестного Паина и покорителя звезд Батурина. Много других, говорящих по телефонам сотовой связи, у которых, впрочем, давно уже сели батарейки.

В переносном хрустальном контейнере, напоминающем террариум, доставят тех, кто в 96-м повторно затолкал во власть калеку с гнойным сердцем, сберегая свои бриллианты, дворцы с золотыми крышами, гаремы с красивыми славянками, банки с отобранными у вдов рублями, и превратил страну в огромный, между трех океанов, объедок. В этом террариуме, скользя по стеклу перепончатыми лапками, будут подпрыгивать тринадцать банкиров, среди которых самым бойким окажется Березовский, потому что адвокат рассказал ему притчу про лягушку, попавшую в кувшин с молоком. Сросшиеся языками Киселев, Сванидзе, Доренко все будут пытаться лизнуть сквозь стекло грубую руку надсмотрщика. А Чубайс и Немцов, двое молодых реформаторов, залезшие оба в одну женскую ночную рубашку, станут показывать друг другу бойкие фиги.

И отдельно, малой группой, погоня хвостинкой, как гусей, приведут нынешних садистов из администрации президента и близкой родни, кто мучает старика, поддерживая

в нем с помощью заморских пилюль безумную жизнь, выводит, как Вия, на показ журналистам.

Суд будет долгий и строгий. В качестве доказательств будет рассмотрен каждый украденный русский бриллиантик, каждая слезинка ребенка. Всю осужденную свору увезут подальше, чем арестованного Пиночета. И тогда мы выйдем в предзимнее русское поле, сумеречное, с первой поземкой, с кривыми столбами без проводов, с обгорелыми печными трубами на месте деревень и поселков. В синих ночных небесах над людьми, воздевшими ввысь выплаканые, ожидающие чуда глаза, возникнет, станет туманно разгораться, дивно воссияет Звезда Сталина.

Октябрь 1998 г.

НТВ — «электронная Хазария»

НТВ — окраина Тель-Авива, выстроенная в центре Москвы. Это не телепрограмма, не электронные СМИ, не «четвертая власть», в добавление к трем выморочным, вороватым, шунтированным. Это — сама Власть. Господство, осуществляемое в России с помощью электроники, галлюциногенных технологий и черной магии. Колдовства на змеином яде, древних халдейских таинств, моления Золотому Тельцу, расчленения и сожжения плоти, перевернутого распятия, опрокинутого в жабью кровь. Эта религия — одна из древнейших, месопотамских, оснащенная современными колумбийскими методиками, доставляемая с помощью электронного сигнала в каждый русский дом. Приводящая к выкидышам, самоубийствам, остановке сердца или рабскому послушанию, когда народ-мерин, прошедший кастрацию НТВ, впрягается в непосильную колымагу, величиной с континент, и тупо везет, роняя кровавую слюну, погоняемый тонким прутиком Татьяны Митковой.

Религия НТВ вскормлена «ритуальной жертвой» 93-го года. На лицах ведущих, в разноцветных заставках, в свето-

музыке ее представлений витает едва заметная муть того рокового пожара. Сыплется пепел сгоревших мучеников. Мелькают пулеметные вспышки.

То, что неточно называют «либеральной агрессией», «курсом реформ», «демократией» или «новым укладом», – все, что ударило в нас, как страшный, прилетевший из космоса метеор, уничтожило Родину, содрало одежду и кожу, выжгло глаза, затмило ум, унесло из жизни 8 миллионов русских, – все это умещается в НТВ, в перламутровую слизь ее заставок, занесенную в Россию из других измерений.

Не однажды тайный магистр в ритуальном подземном склепе, где хранится заветный череп с негасимым глазом змеи, награждал отличившихся рыцарей за подвиги НТВ. За страшный урон, нанесенный России.

Повторное внедрение во власть распавшегося, склеенного из пластмассовых запчастей президента, парализовавшее страну на четыре года, продлившее господство отравителей, упырей, казнокрадов. Разгром русских бригад на полях чеченской войны, которых с тыла истребляли электронные снайперы НТВ, а в грудь расстреливали гранатометы Басаева, воспетого в репортажах Масюк. Операция «Лебедь», когда руками генерала-честолюбца в Хасавюрте была вырвана победа у армии, срезан в окружении Ельцина последний слой государственников, и Россия под пятой Немцова–Чубайса, под вороньим крылом Черномырдина, посаженная на чеченский нож, стала рынком рабов и рабынь, а генерал, как глиняный идол, поставлен в центре Сибири. Осквернение Лукашенко, «операция Ступников», вбившая клин в отношения Беларуси с Россией, – этот «рыцарь» в награду за содеянное получил «обетованную землю», и теперь произносит имя своей фирмы ритуальных услуг так, словно в его сосущих губах – разбухшая теплая морковка. Поношение православной веры показом пакостных фильмов, осквернение России рекламой журнала «Итоги» с содомитским снимком коровы. Операция «Русский фашизм», имеющая целью подавить самосознание русских, каждого патриота обречь на судьбу Осташвили,

перессорить на все века русский и еврейский народы и пополнить за счет сбежавших из России евреев армию Израиля, убивающую палестинцев.

Все это – НТВ.

Напавший на Россию враг перемолол ее танковые армады, потопил флоты, отнял территории, уничтожил промышленность, унес из жизни множество отважных людей и был остановлен. Рухнул в одночасье уклад, насаждаемый НТВ. Померкли и исчезли кумиры, царившие на покоренных просторах. «Либералы», как нетопыри, отлетели. Так в 41-м было остановлено под Москвой нашествие, замерзло горючее в баках, наполнились ужасом сердца Нибелунгов. Русский народ бесчисленными безмянными жертвами превозмог нечистую силу.

Сегодня Россия, как витязь посреди Куликова поля, – окровавленный, в изрубленном доспехе, без шлема, с торчащими в спине и груди стрелами. Шатается, опирается на сломанный меч. И снова на него направлена электронная глазница НТВ. Дуют из черепа синие сатанинские лучи. Киселев в колпаке звездочета мешает в реторте отвар на волосах ведьмы. Мучает русалочьим смешком Сорокина. Готовят второй хазарский поход на Русь аналитики Радзиховский и Бунин. Снарядили Явлинского, заложив ему вместо сердца «пламенный мотор демократии». Изготовили Лебеда, налив ему в кулаки и лобные пазухи тонну свинца. Бессменный Бобков, утомленная гарпия КГБ, сидит на ветке засохшей смоковницы. Уже отпраздновали на Камергерском ночной бал с сивухой, сладкими поганками и Хазановым. Готовь гробы, Русь!

Не пройдет, вороги! Как Матросов лег на амбразуру фашистского дота, как спасатели заслонили собой реактор Чернобыля, так и мы закроем грудью радиоактивную пасть НТВ. Завязнут в наших костях и сердцах ядовитые летящие в Россию снаряды. Слабеющей рукой, с последним вздохом выдернем штекер, отключим НТВ от Останкинской башни. И наши дети и внуки, наши женихи и невесты будут жить в цветущей стране.

Ноябрь 1998 г.

Нас с Макашовым — 130 миллионов

Из магических кувшинов с письменами халдейских жрецов под звуки подземной флейты вылезли Киселев, Сванидзе и Доренко. Положив себе на головы трупики летучих мышей, объявили «священную войну» КП РФ, оппозиции и народу России, который сдирает с себя ядовитую паутину «реформ».

Из нарядных склепов, где еще истлевают венки, сплетенные из разноцветных червей, показались на свет Гайдар, Чубайс и честный, как игровой автомат, Альфред Кох. Орудяя синими, распухшими после смерти языками, стали изрыгать хулу на Россию, на патриотов, на утомленное русское воинство, которые сбросили их в преисподнюю.

Эта страшная конвульсия ненависти, напоминающая содрогание переполненного человечинной желудка, знаменует второй этап битвы, которую мы начинаем на полях священной Отчизны, где «смертию храбрых» за годы «кромешных реформ» пало восемь миллионов русских. Демоны, отступив на два шага во тьму, снова готовят атаку. Посадили на безголовую лошадь Явлинского, вручили ему зазубренную, с запекшейся кровью косу, подвесили к поясу скальп убитого Пуго, замазали на лице голубоватые трупные пятна и пустили вперед.

Первым почувствовал страшную угрозу сатанинской атаки русский отважный бедняк Иван Орлов. Как Гастелло, снарядив свой старенький советский «москвич» зарядом бензина и бомб, осенив себя крестным знаменем, он ринулся на скопище духов, незримо охранявших захваченную святыню России. Взорвал среди бесов свой утомленный бомбардировщик. Господь выхватил его из пламени взрыва, сохранил ему жизнь, явив чудо. Быть может, Православная Церковь когда-нибудь причислит его к лику святых, как причисляла мучеников, сразившихся за Христа с сатаной.

Не время успокаиваться и распускать полки по домам. Все полки остаются в поле, все раненые воеводы сидят на ко-

нях. Глядят из-под железных перчаток вдаль, где на острие Останкинской башни клубятся вражды духи.

В скорые дни мы должны ожидать большую мерзость, осуществляемую большими мерзавцами. Уже объявились поэтессы-прелюбодейницы, памятные нам по расстрельной ночи октября 93-го года. Уже приподняли и привезли в Москву сочинскую мумию, и только опытный глаз смог разглядеть на экранах домкраты. То там, то сям замелькали волосатые «эээнгэшные» ушки Бориса Абрамовича, столь умело описанного Гоголем в рассказе «Ночь перед Рождеством». Чубайс, Кириенко, Немцов, которых выкинули в форточку, лезут в дверь. Скоро быть большой гадости и осквернению святынь. Быть взрывам памятников, сожжению синагог и бессвязному лепету прокурора Скуратова.

Патриотические политики и газетчики, депутаты, священники и офицеры поруганной русской армии, директора остановленных заводов, шахтеры закрытых шахт и учителя нетопленых школ, крестьяне невспаханных нив и ученые загубленных научных центров! Мы все должны осознать, что три телевизионные станции – ОРТ, НТВ, ВГТРК – являются сегодня главными врагами России. Горстка беспощадных миллиардеров, обобравших до нитки Россию, захватила эфир страны и ведет истребление нации. Ссорит народы, врет, готовит голодуху, гражданскую бойню. Необходимо все ресурсы борьбы кинуть на подавление этих опорных пунктов, расстреливающих беззащитных людей за обеденными столами и в домашних постелях. Правительство, в чей висок направлен кольт телевидения, должно разоружить телегангстеров, а для этого заставить НТВ платить за сигнал по коммерческой, а не по льготной цене. Дума должна издать закон о контроле над стратегической информацией, по которому насильников телевидения станут судить, как Чикатило. Патриотические партии, размахивающие знаменами и кафедрально выступающие в защиту России, должны сосредоточиться на пикетах и шествиях к телевизионной башне, как это делает «Гринпис», борясь с источниками радиоактивного заражения. Русский зритель, чье

нравственное чувство оскорбляется ежедневно телевизионными распутниками, пусть направляет в прокуратуру иски по образцу, который опубликуют патриотические газеты. Лидеры-патриоты пусть сделают борьбу с «телевизионным врагом народа» сердцевиной своей политической практики. И мы одолеем этого «электронного Кальтенбруннера».

Они нам – войну, а мы им – парад 45-го года. Они нам – «русский фашизм», а мы им – флаг над Рейхстагом. Они нам – Коха, а мы им – вакцину от туберкулеза. Они нам – клевет, хрип, капельки мертвого гноя. А мы, помолившись, окропим себя священной росой утреннего клеверного поля, направим коней на восход, среди цветов и душистых трав, и на прапоре переднего всадника золотым по алому начертано «Слава России!»

Ноябрь 1998 г.

Генерал Макашов и политическая падаль

Убили Рохлина, метят в Макашова.

На минувшей неделе русский народ в который раз испытал «удар ненависти». Все электронные пушки Гусинского. Все «независимые газеты» Березовского Радиостанция «Лихо Москвы». Туалетный листок «МК». Прикормленные на человечине Доренко, Киселев и Сванидзе. Кучер, который на деле оказался подневольной клячей, битой кнутом. Вся воющая, лающая, чирикающая толпа долгоносиков, ушанов и чешуйчатокрылых. Сонмы членистоногих и кишечнополостных. Все трупоеды и черви. Иными словами, вся «свободная пресса», купленная, перекупленная, перезаложная, обменная по курсу «один доллар – сто предательств», – вся эта босхианская нечисть кинулась на русского генерала. Пачкала его влет, выклевывала глаза, марала мундир и награды, заливала экран зловонными чернилами ненависти. Слово власть в стране захватила огромная каракатица, выдавливала из себя черную жижу.

Выкатили посередь Москвы огромную желтую звезду. Поставили рядом посла Израиля. Подводили каждого под при- сягу, проверяя на верность Владыке. Думских депутатов, ново- испеченных министров, полуголодных писателей, спившихся актеров, разорившихся бизнесменов, растерянных батюшек, бестолковых губернаторов. Всех заставляли целовать желтый кончик звезды, кидать камнем в «красного генерала».

Не получилась затея. Удалась в 91-м – опрокинула ГКЧП. Удалась в 93-м – натравила танки на русский парламент. Уда- лась в 96-м – затащила в Кремль полутруп. Провалилась сегод- ня. Не страшно. Не драконы НТВ, а лобковые вши. Не ведьмы демократии, а беременная Новодворская. Не маги и кудесники, а покрашенный хной Александр Яковлев и комичный Березов- ский, создающий «партию социализма».

Генерал выстоял. К нему через горы и реки тянутся с рукопожатиями миллионы людей. Каждый выход на экра- ны Сванидзе выстраивает и равняет еще одну колонну пат- риотов России.

Политическая падаль, в которую превратились «моло- дые и старые реформаторы», все жулики и шарлатаны, воры и демократы, все кохи, спиры и хеты, еще недавно огромные и раздутые, как жабы, важные и надменные, как рекламные аэростаты, сегодня сдулись, валяются комочками липкой резины. Поднятый ими мусорный ветер не сорвал гене- ральскую фуражку, а лишь слегка приподнял подол депута- ту Мизулиной.

Когда Доренко, бледный, как начинающий убийца, по- казал портреты Зюганова и Макашова, превратив их метода- ми колдовского телевидения в мертвые черепа, он тем самым приговорил их к ритуальному убийству, возвестив об этом стране. Скуратов не арестует его. Крашенинников не при- шлет повестку в суд. Все они из одной логи, из одной горстки пепла. Но их магический удар, их колдовское острие, коим дырявят лица патриотических лидеров, обезврежены. По всем православным церквам молятся за Макашова. Русские женщины перед киотами просят Богородицу заступиться за

Зюганова. И этой встречной молитвой, контрударом светоносных молний сломлено отравленное острие. Холодеет, как лягушка, испуганное сердце Доренко. Его посинелые губы трясутся, словно ему приснился Лаврентий Берия.

Русско-еврейский диалог необходим, неотложен. Пусть пройдет он под эгидой Святейшего. Пусть ведут его патриоты России – евреи и русские, которые не позволят ввергнуть ослабленную, оскорбленную «реформаторами» Родину в последнюю кровавую бойню. Граница между людьми не проходит по линии «русский и еврей», «чуваши и татарин». А по линии «вор и обобранный», «лжец и оболганный», «предатель и сын Отечества».

Закопаем политическую падаль. Расчистим место для строительства Русского Дома.

Ноябрь 1998 г.

Почему у Сванидзе губки свастикой?

Три недели кряду телевизор напоминал раскаленную печь, из которой вырывалось синее ядовитое пламя. Выжигало глаза, обугливало губы, а потом опять скрывалось в недрах экрана. Будто сернистое топливо остужали лоханью воды. Телеведущие походили на доведенных до бешенства драконов, которых тем не менее не спускали с поводка, как это было в 91-м, когда сатанинские вихри развеяли в прах могущество армии, партии, КГБ, или в 93-м, когда ужаленный телевидением народ остекленело смотрел, как танки гвоздят по парламенту, а палачи в белых шлемах убивают русских людей. На этот раз две телевизионных истерики – по поводу генерала Макашова и по поводу убийства Старовойтовой, – накладываясь одна на другую, были неполны. В них был сбой. В Доренко наблюдалась странная недокормленность падалью. В мохнатом брюшке Сванидзе, казалось, еще не созрел шестиногий зародыш ненависти, и с ним случился неподвиженный выкидыш. Киселев, обычно педантичный и

точный, как провизор, развешивающий пайки стрихнина, то и дело просыпал на пол свою телевизионную наркоту и тут же сам ее слизывал.

Опытный аналитик, научившийся замерять температуру телевизионных истерик и по ней определять приближение очередного переворота, безошибочно скажет: в эти недели в стране начинался очередной конституционный переворот, который не был реализован и захлебнулся уже после того, как был запущен. «Источники», оповещающие патриотическую оппозицию о содержании сейфов администрации президента, о тайных сходках в районе Успенского шоссе, о состоянии умов наиболее одиозных олигархов, свидетельствуют: план переворота наличествовал. Указы, оформлявшие переворот, были заготовлены. Авторучка, наполненная августейшими чернилами, на лимузине с охраной была доставлена в ЦКБ. Трехпалая рука, привыкшая играть на деревянных ложках, тянулась к авторучке.

Был заготовлен указ о разгоне КП РФ как национал-социалистической партии – Березовский первый огласил это требование. Журнал «Итоги» уже печатал на обложке портрет Зюганова с усами Гитлера, Гайдар называл коммунистов не иначе как «наци».

Был заготовлен указ о роспуске «антисемитской» Думы, отказавшейся уготовить одному из своих депутатов участь Осташвили, задушенного «антифашистами» в тюремном нужнике. Дума объявлялась центром мракобесия, где созрел и осуществился «красно-коричневый» реванш.

Был заготовлен указ о смене правительства, где на ключевых постах оказались «враги реформ», «красно-коричневые» вице-премьеры. Изнывающий в непечатых трудах кабинет Примакова, расхлебывающий деяния «молодых реформаторов», спасающий Россию от демократического голода и мороза, монтировался на газету «Завтра», что само по себе достаточно, чтобы без суда расстрелять все правительство разом.

Убийство Старовойтовой должно было обнаружить террористические «Красные бригады» в компартии и в Думе,

а фоторобот – походить на Макашова, Баркашова, Илюхина и Кондратенко вместе взятых, что повлекло бы за собой введение чрезвычайного положения с запретом патриотических газет и организаций, как это было уже при свете пылающего Дома Советов. Указ о ЧП был составлен в лучших традициях.

Под вопли о правовом беспределе, о криминализации общества должны были сместить миролюбивого Степашина, сменив на агрессивного Рушайло, который так часто и ловко посещал с Березовским Чечню, что стал любимцем всех олигархов. Готовилась отставка Скуратова, вплотную подобравшегося к махинациям банкиров.

В открывшийся вакуум, в условиях ЧП, при поддержке Олбрайт, должны были въехать в правительство все те же Чубайс, Гайдар, Кириенко, узнаваемые по черепам на рукаве. И, конечно же, Немцов, с идеей посадить правительство на «запорожцы». И конечно же, златоуст Черномырдин с чучелом медвежонка в руках. И сибирский губернатор, в окружении роты десантников, должен был сесть в Совет безопасности. А бородатые отряды Басаева, сдружившиеся с олигархами, с сибирскими губернаторами и с высшими чинами МВД, заселили бы «Рэдиссон-Славянскую», переименовав ее в «Уринсон-Чеченскую».

Над Россией вставала кровавая заря второго этапа «реформ», когда люди должны были бы поедать друг друга, а на посольских приемах жены олигархов обмахивались бы веерами из тисненой человеческой кожи.

Переворот был сорван. Ибо Ельцин, в перерыве между инсультами, понял: состряпанный переворотчиками режим сможет удержаться в Москве не больше трех дней. Будет сметен Лужковым, Кондратенко, губернаторами «красного пояса», народно-патриотическим альянсом. После непродолжительных боев в Москве наступит великая «чистка», в которой до белых костей отмоют всех олигархов и всех «молодых реформаторов». Сванидзе, хорошо выбритый, вкусно пахнущий, напоминающий прокладку с крылышками, станет радостно рекламировать газету «Завтра» под звуки полюбившейся ему

песни «Артиллеристы, Сталин дал приказ!». А в особняке «ЛогоВАЗа» откроют приют для сирот, чьи родители скончались от голода в «ледниковый период демократии».

На этой неделе демократы убрали телепередачи о «русских антисемитах», ибо на фоне их истерики и благодаря ей Кубань выбрала в краевую Думу патриотов, а батька Кондратенко стал национальным героем России.

Декабрь 1998 г.

Еврейский погром в Грановитой палате

То, что сделал Ельцин со своей администрацией, напоминает еврейский погром. Переподчинив ЦКБ всех силовиков, он оставил в своем аппарате только тещу Сысуева, которая почему-то решила поддержать «правый центр». Сам же этот «центр» напоминает узников, приговоренных к разным срокам селезневской каторги за совершение особо тяжких государственных преступлений. Савостьянов, зажаривший в Грозном сотню русских танкистов, все еще требует правовой оценки Великой Октябрьской социалистической революции, хотя его выкинули, как мертвую мышку. Березовский, дрожащий, словно козлий хвостик, то ли хочет кого-то убить, то ли сам предполагает быть убитым, но все больше походит на жертву холокоста, которой еще при жизни поставили соловецкий камень. Лаптев, надетый на хромую ногу Александра Яковлева, донашивается вконец и уже не скрывает грязной увечной стопы прародителя реформ, после которых Россия напоминает лунный пейзаж.

Именно в один из таких лунных кратеров, образовавшихся на месте цветущего города, или завода-гиганта, или колхоза-миллионера, привезут на лафете мумию президента и его любимых забальзамированных кошек, коней и свиней из «Демвыбора». Завалят мусором «реформ», возведут курган «демократии», на вершине которого будет одиноко петь свои песни протеста покинувший Думу невъездной Кобзон.

Правительство Примакова–Маслюкова напоминает спасателей, извлекающих из-под обломков упавшего самолета обгорелые трупы, конечности, детские куклы и сумочки. Их работа при свете дымных ночных прожекторов ужасна и непосильна. Мы, жители окрестных уцелевших поселков, будем им помогать, перенося в носилках останки наших любимых и близких. В «черном ящике», когда его вскроют, стремясь обнаружить причину крушения, – вместо записей найдут смеющуюся голову Горбачева с лиловым плевком на лбу.

Что же делать нам, пущенным под откос реформаторами?

Во-первых, спасти как можно больше покалеченных, обмороженных, обгорелых, помогая бригаде МЧС, из Дома правительства. Во-вторых, не пускать на место происшествия Киселева, Доренко, Сванидзе, которые нет-нет, да и подставят ногу спасателям, глядя, как выкатываются из носилок оторванная рука или раздавленный череп. В-третьих, разумно и спокойно, как после атомной бомбардировки, готовиться принять страну из рук утомленного, потрудившегося Примакова, воздавая ему должное, но никак не обрекая на неподъемное для него президентство.

Еще не просматривается среди посыпанных пеплом политиков яростный Герой, который бы, подобно Петру или Сталину, открыленный божественной волей, поднял на святое общерусское дело народ. Показал ему цель. Нашел для него единственно верное, неизрасходованное русское слово. Повел через кладбища и руины на огромную стройплощадку, где на стапелях, отекая огненной сваркой, заложен новый невиданный Корабль России. Еще нет чертежей Корабля. Еще не виден Конструктор. Но он среди нас.

Построимся и пойдем навстречу ему несколькими строевыми колоннами. Пусть в первой краснознаменной колонне КП РФ шагает Зюганов, окруженный соратниками, среди которых узрим Селезнева, Горячеву, многих умеренных и достойных политиков, мастеров компромисса, сохранивших «красную партию» среди ядовитых паров ельцинизма.

Пусть в другой колонне – аграриев – шагают Харитонов, Лапшин, крестьянские вожди измученных земледельцев, запряженные в плуги и бороны, добывающие хлебушек для оголодавшей страны.

Пусть в третьей колонне идут Кондратенко, бесстрашный и яростный «батька». Генерал Макашов, услышанный всей страной. Отважный прокурор Илюхин, друг и наследник Рохлина. Залогом их победы будет слово «русский», и их обнимет Россия.

В четвертой колонне пойдет Лужков, окруженный Церетели и Ресиным, Михалковым и Филиппом Киркоровым, умный строитель автострад, синагог и церквей, враг Чубайса, товарищ Гусинского, снявший Дзержинского в 91-м, возвращающий его на место в 98-м. Исполать тебе, Юрий Михайлович.

Пятой колонной, как водится, пойдет Явлинский – своей извечной пятой колонной, пробирающейся под светом луны. Вглядитесь в его измазанное яблочным джемом лицо. Оно с каждым днем все больше походит на посмертную маску либерализма.

Ельцин – великий «цэкабэшник».

Ночью, когда трещат на Руси морозы, и в домах вырубают свет, и трубы лопаются ото льда, и матери кутают застывших детей в половики, занавески, – прислушайтесь! Слышите странный вой? Кто это стонет за окнами? Может быть, ветер в оборванных проводах ЛЭП-500? Нет, это голос Наины Иосифовны, оплакивающей свой несбывшийся рай.

Декабрь 1998 г.

Солженицын дал пощечину Ельцину

Конституция, которой размахивал Ельцин, забрызгана кровью патриотов, расстрелянных на баррикадах 93-го года. Посыпана пеплом сожженного парламента. Наполнена стонами пытаемых мучеников. Хрустом костей, перебитых омов-

цами. Она склеена лживой слюной либералов, ненавидящих государство и Родину. Пропитана ядовитой спермой «отцов-демократов», от которых рождаются уроды и извращенцы. Она – багровая, парная, хлюпающая, как печень, выдранная у живой жертвы. Ее пять лет расклеивают костяными носами воры и проходимцы, засевающие в кремлевских палатах.

Она гарантирует безопасность беловежских мясников, разрубивших Великую Россию, когда 30 миллионов русских в намордниках и цепях проданы на невольничьих рынках СНГ, молча чахнут под гнетом баронов и ханов.

Она гарантирует «русский холокост», когда устроенный Ельциным мор уносит каждый год полтора миллиона граждан, а один день, проведенный «гарантом» в ЦКБ, стоит России четырех тысяч жизней ее сыновей.

Она гарантирует гестаповское подавление вымирающих русских, когда любое слово или деяние протеста истолковывается как «русский фашизм», и надсмотрщики НТВ шестиугольными глазами высматривают в каждом экстремиста и подпольщика.

Она гарантирует дремучий феодализм в стране, победившей Гитлера и летавшей в космос, когда «семейка», состоящая из трех человек, окруженная зятьями, свояками, приживалками, карлами, шутами, скоморохами, стряпчими, держателями псарен, носителями ночных горшков, хранителями клизм и капельниц, владеет великой державой, объявляет войны, отстегивает в подарок соседям заповедные территории, и над родиной Толстого, Вернадского, Жукова сияет золоченый пуп Березовского.

Она гарантирует лютое, небывалое в мире воровство, в сравнении с которым ограбление Гитлером и вывоз «янтарной комнаты» смехотворны. Ибо за пять лет своровали не просто коробку с долларами, не просто алмазы, а всю Россию с нефтью, золотом, молодыми девами, заводами, черноземом, самой возможностью дышать и действовать. Народ, еще недавно имевший первоклассную индустрию, передовую науку,

океанский флот, театры, мыслителей, хлеб в закромах, тепло в домах, лекарства в аптеках, учебники в школах, – народ, голый и босый, загнанный в «газовую камеру реформ», умирает под хохот грабителей, которые безнаказанно объединяются в «правый центр», мерзко хихикают в жилетку А. Яковлева.

Она гарантирует пулю киллера, «малину» от Владивостока до Пскова, бесчисленные бандгруппировки, пьющие за здоровье МВД и прокурора Скуратова, сделавшие «Мурку» гимном ельциновской России, которую, если хорошо попросить, споет невыездной Иосиф Кобзон, друг Отарика, враг думских антисемитов.

Она гарантирует деревянную секиру ракетчикам, пластмассовый кивер «спецназу», петровский ботик океанскому флоту, маршала Сергеева несуществующей армии, надзор Пентагона над русским Генштабом, цэрэушников в Серове, мозаиков в Совбезе, артиллерийский лафет, на котором повезут верховного, ногами вперед, в его последний путь по России мимо печных обгорелых труб и неухоженных могил. И тысячи погорельцев и беженцев, уступая дорогу лафету, станут смотреть, как везут огромную мумию, накрытую трехцветным флагом, с заплеванной Конституцией на груди.

Эту «Конституцию смерти», напоминающую устав концентрационного лагеря, отвергает убиваемый и пытаемый народ. Ее летел взорвать на своем «москвиче» русский витязь Иван Орлов. На нее сипло крикнул отважный генерал Макашов. Третьего дня Солженицын не принял от тещи Сысуева наградной брелок президента. И сохранил свое место в русской истории. Но всякий, кто берет из оскверненных и кровавых рук даяние, будь то орден или звание, или стипендия, или рюмка водки, всякий, кто, подобно Лихачеву, посыпанному демократической перхотью, целует без усталости эту страшную, убившую Родину длань, – тот обречен в аду целовать другую шерстяную когтистую лапу, выгрызть у нее из-под ногтей запекшуюся русскую кровь.

Декабрь 1998 г.

Бандиты-сионисты разбомбят Москву

Глава вашингтонской преступной группировки Клинтон, извращенец, усиливающий свои половые инстинкты видом растерзанных иракских детей, похотливый неумный самец, превративший Белый дом в место совокуплений, где на глазах изумленного белодомовского кота под фикусом Овального зала раздеваются одна за другой секретарши, сионист, в чьих желтых зрачках не гаснут шестиконечные звездочки, в дни религиозной Хануки ритуально казнил Ирак. Геноцид иракского народа осуществлялся с помощью «томагавков», которые взрывали мечети, отсекая народ об Бога; музеи, отсекая народ от исторической памяти; больницы и госпитали, обрекая народ на эпидемии и болезни; порты, отрывая народ от цивилизованного мира; нефтеперегонные заводы, погружая народ в эпоху глиняных клинописных табличек; телевизионные станции, запечатавая народу кричащий от боли рот. Страшен лик сионизма, в крови и сперме, измазанный нефтью и золотом, сжирающий народы и царства, с кручеными витыми рогами «числом девять», на каждом из которых висит пронзенный младенец.

Так же как сегодня Ирак, расстреливался сионистами в 93-м году Дом Советов, жестоко и методично, отключенный от света, воды, отсеченный от источников информации, взятый в фокус ассистентами палачей «Си-эн-эн», под музыку Ростроповича, под гитару Окуджавы, под чмоканье Гайдара, постанывание Явлинского, повизгивание Немцова. Белый дворец в центре Москвы, обмотанный красным бинтом, облитый горящим варом, был казнен в назидание русским, которых сводят с земли со скоростью два миллиона в год. Русский народ, лишенный заступников, без патриаршей защиты, выброшенный из библиотек и театров, посаженный на голодную корку, беззвучно крича, уходя в небеса туманом, как тающий мартовский снег, услышал хриплый клик Макашова. Стоном, слезьми, худющими руками из сиротских приютов, ночлежек, из могил потянулся к своему генералу. И снова

сионисты, борцы с «экстремизмом» и «русским фашизмом», шевели мокрыми от вкусного жира и подлых слов губами, грозят Макашову тюрьмой, запретом компартии, разгоном Думы. Требуют ратификации СНВ-2, чтобы распилить на сувениры голливудским актрисам русские тяжелые ракеты и направить в Кремль несколько «умных» крылатых снарядов с головкой Клинтона, с хвостиком Березовского.

А что же «мудрец» Примаков, которого пустили во власть, чтобы он спас народ от мора, устроенного сионистскими «чикагскими мальчиками», обожающими Россию любовью Коха? Он принялся восстанавливать воровские банки, чтобы те еще раз подло обокрали страну. Все встраивается в мировой порядок, посылающий бомбардировщики на Багдад. Позволяет сионистским либеральным СМИ гадить на голову своему партнеру Маслюкову, который до самых коммунистических костей изглодан Сванидзе. Он лукаво обвел вокруг пальца гуттаперчевых патриотов, которые готовы были утверждать «голодный и холодный бюджет» в обмен на чистку антинациональных телеканалов, а теперь утверждают его «даром», по своей целлулоидной наивности.

А что же «державник» Лужков, взявший в свою команду надкусанных Ельциным Кокошина и Ястржембского, после чего качнулся из «левого центра» в «правый тупик»? Стал защищать Лисовского с его картонной долларовой коробкой, которую ненавидит весь русский народ. Стал нападать на ФСБ – совсем как Борис Абрамович. Запретил съезд патриотического РНЕ и поставил напротив Пушкина безобразный, сваренный из труб еврейский девятисвечник.

Из двух «Отечеств», зарегистрированных сегодня в России, русские, несомненно, выберут тот, что в Краснодаре, у «бабки» Кондратенко. И если Макашов и Илюхин договорятся с Зюгановым и войдут, как стальной сердечник, в мягкие оболочки НПСР, то этот патриотический снаряд пробьет бетонную корку, под которой замуравывают русский народ, и XXI век опять станет русским веком.

Декабрь 1998 г.

Ельцину на нос повесят сосульку

Дедушка Мороз, похожий на Льва Толстого, во всем домашнем: в валенках, катанных из шерстки Немцова, в стареньких калошах от Лившица, в ношеном тулупе из шкуры НДР, в ушанке на вате, оставшейся от Кириенко, подпоясанный фирменным гнилым кушачком МВФ, в заячьих рукавичках, шитых из Юмашева, – дедушка Ельцин вытряхивает из дырявой котомки бублик, похожий на спасательный круг с надписью 1999, и мы разглядываем этот гостинец, стараясь понять, что в нем съедобно, а что является дыркой, которой окормляют Россию.

Хороший был минувший год, ей-Богу. Превратились в чучела и стоят рядом «молодые реформаторы», и на нос Чубайса утомленный Примаков вешает трость, а из Коха, набитого трухой и соломой, выползает таракан. Банкиры, в переводе на иврит – олигархи, выглядят как подсудимые, и в сейфах разорившихся банков мыши изъедают долговые расписки. Явлинский, пожелавший въехать в Петербург на белом коне, въехал верхом на свинье, и теперь ему больше с нее не слезть, вот такой получился кентавр. Лебедь в Красноярске выглядит как ископаемый мамонт в вечной мерзлоте, но его все равно когда-нибудь выкопают. Березовский, взятый в кольцо ФСБ, надеется ускользнуть в женском чепце Татьяны Дьяченко, но будет опознан при попытке переплыть Мертвое море. Лисовский на допросах в налоговой полиции цветом лица напоминает картонный ящик с ворованными долларами, и его вот-вот потрясут ногами вверх. Куда-то подевались Рю и Коль, вот-вот выкинут мартовского кота Билла, и пациенту ЦКБ не с кем будет беседовать, кроме Якушкина, которого тот путает с Костиковым. Патриоты выиграли вчистую в Волгограде и на Кубани, и в новом обличье возникли Кондратенко, Макашов, Илюхин, вокруг которых собираются не только сталинцы, казачье войско и оскорбленная армия, но и разоренные лавочники и челноки, возненавидевшие люто

сионистский капитал олигархов, а также приходские священники. Патриоты выстраиваются в три маршевых колонны – коммунисты, аграрии и макашовцы, и трусливо-лживое НТВ сравнивает их с колоннами Муссолини, взявшими Рим. Впрочем, Москва и есть Третий Рим.

Но нет, минувший год был ужасным. Опять нас стало на полтора миллиона меньше, канувших в ненасытной пасти ельцинизма. Снова, в который раз, сионистские олигархи содрали шкуру с народа. Пухнут по всей Руси ребятишки от голода, примерзают к железным кроватям старики, молодые учительницы идут на панель, вешаются в петле новобранцы, и все больше бриллиантов на жирных пальцах миллиардеров с демократическими носами. Березовский с Гусинским, «изобретатели русского фашизма», страшат запретом компартии, роспуском Думы, выпускают на экраны то свинью в русском генеральском мундире, то козла в униформе русской налоговой полиции, и от их передач и слов исходит тошнотворный запах еврейских погромов, хлюпает пролитая на улицах русская и еврейская кровь. Примаков вяло правит разгромленной страной по рецептам Америки. Покорно ждет отлучения, когда Ельцина привезут из больницы, и тот справа налево подпишет указ об отставке. Кавказ дымит – это горит на Масхадове папаха, о которую Басаев погасил сигарету. Сыплются ракеты на Багдад, а русское оружие, остановленное Козыревым и Кокошиным, гниет, недостроенное, на стапелях. Лужков как политический самоубийца взял в советники Ястржембского, которого даже Ельцин прогнал и от вида которого осыпается позолота с Храма Христа Спасителя. Дума, словно ею руководит Степан Бандера, ратифицировала антирусский «Договор о дружбе Украины с Россией». Замучен до смерти в тюрьме русский герой Иван Орлов, возмечтавший взрывом отогнать от Спасских ворот кольчатого змея, спасти Русь-царевну, и смерть его так похожа на гибель Осташвили, задущенного сионистами.

Уроки года, которые повторим про себя, прежде чем хлопнем новогоднюю чарку. Не выдавать врагам своих героев,

ложиться за них костями. Не ссориться друг с другом, не возводить напраслины, прощать обиды. Не поддаваться червяку уныния, а бороться терпеливо, упорно, умно. Любить народ. Любить Россию, и коли понадобится – умереть за нее.

С Новым годом, люди русские!

Декабрь 1998 г.

1999 – русский год

Мы живем среди русской беды, русской неодолимости, русской мистики. Наполеон навел на Москву стоязкое полчище, поселился в Грановитой палате, и сумрачные лики русских святых поведали ему такое, от чего он в ужасе укатил в тарантасе, побросав в сугробы штандарты великой армии. Гитлер привел армаду под Волоколамск, в обозе привез гранит для победного памятника в центре Москвы, и хрупкие цепочки русских ополченцев, противотанковый окоп панфиловцев, негасимое оконце в сталинском ночном кабинете – погнали немцев вспять, до Бранденбургских ворот, и Гитлер выпил мышьяк. Поверженный после 91-го года народ, потеряв государство, лишенный армии, оторгнутый от культуры, без всяких средств существования, отданный во власть жестоким русофобам, за семь лет небывалого ига, теряя ежедневно четыре тысячи своих сыновей, сжег, превратил в труху богомерзкий уклад, обескровил оккупационные банки, лишил разума Ельцина, пустил по миру стяжателей, набивших несправедные кошельки отобранными у вдов медяками.

Соппротивление русского народа, священная война, которую мы ведем с захватчиками, лишь отчасти связаны с политикой, Думой, баррикадами Дома Советов, забастовками и протестными акциями. Эта война, состоящая из бесчисленных сражений духа, совести, личных усилий, невидимых миру нравственных подвигов, превращает каждый дом, каж-

дую русскую душу в неприступную крепость, в которой человек бьется насмерть, а умирая, уносит с собой на тот свет олигарха или телевизионного монстра.

Невидимые лучи, словно слетающие с ангельского копья, несутся над Россией, испепеляют врага. Где недавние наглые властелины Гайдар, Чубайс, Кириенко, неутомимые в обманах и угрозах Немцов и Лившиц, многоречивые Уринсон и Кох? Они обратились в комочки тусклой паутины.

Упал, как ресторанное чучело медведя, косноязычник Черномырдин, и из него полезли клочья пеньки и ваты, а движение НДР с востроносеньким, умно грассирующим Шохиным разлезлось, как гнилое одеяло.

Лебедь с тех пор, как его перевезли в Красноярск, в результате усушки и утруски сжался до размеров слабого соперника алюминиевых королей, зря всю свою карьеру он предавал и обманывал – не будет ему памятника ни в Тирасполе, ни в Хасавюрте.

Лужков построил на Тверском бульваре ледяной сказочный город, где из прозрачных хрусталей были возведены дивной красоты мечети и синагоги как архитектурный образ «Отечества», но вдруг потеплело, синагоги растаяли, на плитах сквера остались мокрые скользкие леденцы, и сделали это не баркашовцы, а теплый ветерок с Валдая, где бабка Марья затопила баньку.

Березовский, со своим запретом Компартии, все больше напоминает муху, залетевшую в банку. Гусинский, со своим «русским фашизмом» и агентурой «Натив», страшно опоздал с пропагандой, которая только злит и делает антисемитом весь русский народ. «Борьба с экстремизмом», которую разворачивает из ЦКБ президент, закончилась тем, что прокуратура закрыла макашовское дело. А убийство Старовойтовой, которое должно было привести в Петербурге к победе Явлинского, обернулось для него смешным и глупым провалом, отчего, похоже, тот спятил, не выходит из дома, сидит на койке, накрывшись с головой одеялом.

Только патриоты сохранили свой строй, своих лидеров, свою волю к борьбе. Мы движемся к нашей Победе тремя фронтами.

«Первый фронт» – КП РФ с Зюгановым. «Левая идея», справедливость, интернационализм, возрождение Великой Державы СССР, союз с мировыми левыми силами.

«Второй фронт» – аграрии, просвещенные патриоты, русские гуманисты. Почва, семья, культура, национальные ценности, религиозное познание.

«Третий фронт» – русский прорыв с Макашовым, Илюхиным, Клыковым, в который вольются Глазьев и кубанский «Батяка» Кондратенко. «Русский вопрос», «Русский фактор», «Русская идея». Национально-освободительная борьба, где есть огромная страдающая страна, оккупированная мерзавцами, и любимый, взывающий к отмщению народ, который двинулся в освободительный священный поход.

В добавление к этим трем фронтам разворачивается «Белорусский фронт» с Лукашенко, любимцем России.

И что со всем этим поделают Киселевы, Сванидзе и испекшийся на сковородке Доренко? Бордюжа не сдюжит. Теща Сысуева валерьянки напьется. На носу Шендеровича выскочит прыщ.

Помните эту грозную песню, похожую на дрожание земли?

«От края и до края, от моря и до моря берет винтовку народ трудовой, народ боевой. Готовый на муки, готовый на подвиг, готовый на смертный бой!...»

Запевай, генерал Макашов! С Новым Годом, фронтовики!

Январь 1999 г.

Ельцин, не кидайся из окна

Призрак бродит по Барвихе, призрак экстремизма. То по кровле обветшалой вдруг соломой зашуршит, то, как путник запоздалый, к ним в окошко постучит. И кого же президент выпускает против этого чудища? Одинокого и трагического

Бордюжу. После кадровой бойни, учиненной Ельциным, сравнимой только с избиением бизонов в Америке, на кадровом поле осталось множество рассыпанных скелетов: затылочная кость Бурбулиса, гнилое ребро Гайдара, копчик Кириенко, пожелтый таз Черномырдина, клык Ястржембского, большая берцовая Сатарова. Среди всего этого палеонтологического мусора расхаживает Бордюжа и в Год Пушкина горестно вопрошает: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?» Хотя сам, хитрюга, знает – кто.

Так кто же это у нас в экстремистах? Может быть, толстенький чмокающий монетарист, шоковый терапевт, стибривший, как наперсточник, народные сбережения? Или гриб-красноголовик, утащивший из-под носа народа заводы, магазины, рудники, отдавший нажитое потом и кровью горстке банкиров? Или газовик-медвежатник, повысивший цены на почти бесплатные советские газ, нефть, электричество, заморозивший цветущую промышленность и сельское хозяйство страны? Или свирепый дуболом, разбивший Конституцию, как ночной горшок, а потом покрошивший тысячу русских людей в центре Москвы из пулеметов и танков? Или он же, с бодуна надевший шиворот-навыворот фельдмаршальский мундир и разбомбивший без объявления войны русский город Грозный вместе с жителями, собаками и нерожденными младенцами? Или маленький, головастенький, как сперматозоид, премьерчик-на-час с милой рожицей, утащивший деньжата многострадальных «челноков» и лавочников? Или теневой казначей «августейшей семьи», требующий запретить компартию, после чего тридцать миллионов людей будут готовы взять вилы и гаечные ключи и идти громить его лабазы и логовазы? Или глава, а может быть, хвост Еврейского конгресса, садистски, несмотря на патриаршую просьбу, запускающий срамной, антиправославный фильм, после которого верующие плачут горячими слезами?

Да нет же, в экстремистах у нас ходят те русские, которые, обнаружив, что народ истребляется со скоростью четырех тысяч в день и полутора миллионов в год, что демо-

кратами, сионистами и ельцинистами проводится страшная, пострашнее гитлеровской, зачистка русских территорий и передача их «золотому интернациональному миллиарду», – эти русские вступают в смертельную схватку с палачами, спасая своих помирающих стариков и детей, краснотелые могилки и сельские храмы, – оказывается, они у нас экстремисты, на них науськивают смиренного Бордюжу.

Патриот, если ты поверил хоть одному слову Сванидзе, хоть одной интриге Киселева, испугался хоть одной угрозы Березовского – ты уже мертв, и в доме твоём разбойник, и в храме твоём конюшня, и дочерей твоих везут на невольничий рынок. Наш патриотический экстремизм в том, чтобы не оказывать никакой поддержки режиму, не вступать в союз с дьяволом, не принимать из беспалых рук отцеубийцы награды и почести, не склонить выю перед кремлевским Хамом и энгэвэшным Симом. Но страстным огненным отвержением, предельной борьбой и жертвенностью, взаимовыручкой и взаимоспасением, когда нет баркашовца и коммуниста, анпиловца и макашовца, а есть единый неделимый русский народ, ведущий небывалую в истории мира сечу, ценою лучших своих сынов оттесняющий с земли исчадие ада.

У режима осталась только кучка обслуживающих эстрадных артистов и жалких, трясущих животами одесских юмористов, которых возят в вельможном кортеже сразу же за реанимационной машиной, как перевозной бордель.

Русский экстремизм есть экстремизм Пересвета, Ивана Сусанина, Александра Матросова, экстремизм Гагарина и баррикадника Дома Советов, экстремизм Макашова и губернатора Кондратенко. Это экстремизм газеты «Завтра».

Январь 1999 г.

Лужков бьет лежащего Ельцина

Больно и страшно за наш военнопленный народ. Еще недавно могучий, с авианосцами, университетами,

колхозами-гигантами, с лучшими в мире кинофильмами и боевыми самолетами, разведчиками и турбостроителями, стоящий на страже шестой части мира, имевший друзей и союзников на всех континентах, – сегодня босой, в исподней одежде, как сорок тысяч мучеников, поставлен у рва, отрытого от Смоленска до Владивостока. Жестокие полицаи расхаживают перед строем. Нет-нет, да и выстрелят в лоб академику в кальсонах, учительнице в ночной рубаше, насадят на штык ребенка, и народ молчит, каждый в одиночку ждет своей смерти.

Казалось, сгинула команда мучителей – Гайдаров, Чубайсов, Черномырдиных. Унесла все, до последней отобранной копейки, до золотой коронки из мертвого рта, до медного колечка с синюшной руки. Пришел добрый, похожий на незлобивого пингвина Примаков. Но ничего не изменилось у рва. Все так же ожидает мученической смерти босоногий народ. Все так же спасенные Примаковым банки гонят на Запад русские деньги. Любая капля нефти или золотая песчинка тут же отбирается и уходит в Америку. Вослед смотрят голодные глаза, тянутся скрюченные руки. Мордастые надсмотрщики только похохатывают, расхаживая перед босоногим строем.

Лежит в ЦКБ Ельцин, как издыхающий на отмели кит. Опутан водорослями проводов, весь в водянистых медузах капельниц, в ракушках зажимов и датчиков. Удары его сердца, как музыкальная заставка, транслируются НТВ. Уже поступили заказы от кожевенных предприятий на изготовление кошельков и дамских сумочек из его китовой кожи, гребешков и зубочисток из его китового уса. Уже разгуливают по его хладеющим бокам хищные птицы-шендеровичи, целят кривыми клювами в остекленелые глаза. На монетном дворе по эскизам Церетели отливают два огромных медных пятака с двуглавым орлом и горящим Домом Советов.

Падалью пахнет в Москве, и на этот сладковатый трупный запах истлевающей власти выходят из тьмы гиены. Кружат, осторожно приближаются к остывающей туше.

Лужков, вдохновенный певец кольцевой дороги и канализации, строитель магазинов для миллиардеров и комфортабельных женских тюрем, безупречный хозяйственник, покрасивший московские помойки в красивые цвета, чтобы расплодившимся бомжам было приятнее рыться в мусорных баках, вдруг заметил, что Ельцин болен. Что покойнику не всегда сподручно управлять государством. Что, пожалуй, остывшему телу приличней было бы обдумать свое положение и, глядишь, добровольно, с того света, подать в отставку.

Знать, и впрямь скоро Якушкин станет вдовой декабриста, если Лужков, главный ельцинист страны, подстеливший Москву, как красный ковер, под нетрезвую поступь Ельцина, тащил его, изрытого инсультами и циррозами, во власть. Кричал, как хоккеист на матче: «Ельцин, победа!» Обклеил Москву плакатами, где стоит в обнимку с Ельциным: один длинный, как аршин землемера, другой короткий, как метр с кепкой.

Неужели разутый, приговоренный к расстрелу народ сменит чудо на юдо, диво на псиво, стукача на палача, хера на мэра? Поживем – увидим.

А пока смиренный Бордюжа отдал приказ околоточным арестовывать тиражи газеты «Завтра». По-прежнему лютует на телевидении «еврейский фашист». Шахтеры Румынии, не дойдя до Бухареста, свернули на Горбатый мост. Лебедь по-блатному делает «козу» Красноярску. Сидит в каталажке Козленок, и никто не спросит его, какая кремлевская тварь отдала приказ переправить алмазы в Америку. Похотливый белодомовский кобелек бомбит Ирак и снаряжает самолеты на Сербию. Холуи из российского МИДа встречают на ступенях уродливую заокеанскую жабу, целуют шины ее автомобиля. Новый русский мученик, обвесив себя взрывчаткой, ложится под несуществующий танк. И блуждает по лицам уходящих в небытие православных блаженная, как цианистый калий, улыбка мэра Черепкова.

Что ж, выдержим и эту пытку. Христос терпел и нам велел. Помните, как у Гоголя в «Тарасе Бульбе»: «Батько Кондратенко! Где ты? Слышишь ли ты все это? – Слышу! – разда-

лось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул».

Январь 1999 г.

Гусинский качает помпу антисемитизма

Красавцы-баркашовцы прошли по хрустящему русскому снежку, по своей Москве, вызывая симпатию граждан. И все ведьмы НТВ сели верхом на метлы, все нетопыри сорвались с телевизионных насестов, и вот уже Бордюжа проводит совещание по «экстремизму».

Недавно израильская спецслужба «Натив» вбросила в Россию сто миллионов долларов на «борьбу с антисемитизмом», которого нет. Эта ядовитая золотая вода мгновенно пропитала СМИ, обожающие Еврейский конгресс, подконтрольную юриспруденцию в ермолках, шестиугольные политические организации, из-под власовского флага которых высовывается знакомая до отвращения харя, некоторых странных мэров, помешанных на президентстве, и все это вместе взятое дало немедленные тлетворные всходы.

Русские служаки из ФСБ не обнаружили в макашовских «жидах» ничего такого, что отличало бы Макашова от Достоевского, и наивно закрыли дело. Однако московские прокуроры-«жидоведы» возобновили дело, и теперь гонимый Макашов стал любимцем России, а «лингвисты на договоре» рекомендуют запретить хождение слов «ожидание», «жито», «жидкий», «воробы», «Жванецкий», «Хазанов».

Со всех экранов запугивают евреев русским национализмом. Травмированный с детства Сванидзе приводит в свою передачу израильского министра Шарона. Тот, сидя в центре Москвы, хвастает, что он – гордый еврейский националист, и Сванидзе глядит на него с обожанием, словно это не человек, а рыба-фиш.

Косматый, похожий на Олоферна ведущий «Времечка» допрашивает прокурора Скуратова, как военнопленного, все

по тому же «жидотрепещущему» вопросу, и интеллигентный Скуратов терпит это вопиющее хамство, готовый расплакаться от унижения.

Задача унижить русских выполняется планомерно всеми: от мерзкой старухи Олбрайт, после отъезда которой духовенство заново освящало московские дома и храмы, до Киселева, который, как пресс-секретарь Пентагона, грозил России валютной блокадой, если она не перестанет помогать Ираку, Ирану и Сербии.

И все это дрянное и грязное дело должно окончательно перепугать робких евреев, разумеется, не тех, кто правит сегодня Россией, а тех легковерных, трудолюбивых, кто лечит зубы, торгует в аптеках, играет на скрипках, корпит в лабораториях, чтобы они побыстрее сложили пожитки – не путать со словом «жид» – и укатили в Израиль строить великое сионистское государство, в правительстве которого нет ни одного араба и русского и которое, истребляя семитов-палестинцев, является самым кровавым в мире Антисемитом.

«Демократы», люто ненавидя советский строй и советскую идеологию, фундаментальной частью которых был интернационализм, разрушили СССР, качая помпу национализма: эстонского, грузинского, еврейского. Не отдавали себе отчета в том, что, разламывая интернациональный купол, они дают выход и русскому национализму. Теперь же, когда благодаря их усилиям установлены свирепые этнократии в Прибалтике, Средней Азии и на Кавказе, когда российские евреи среди океана русской беды создают свои особые школы, элитные общины, культурные центры и телеканалы, когда Израиль открыто высасывает из России самые дееспособные еврейские силы, Лужков собирается сделать бранным словосочетание «русский национализм», запрещает РНЕ, хочет предстать носителем нового интернационала. С этим эклектизмом и идеологическим волюнтаризмом он неизбежно проигрывает на выборах. Движение Лужкова–Кобзона никогда не станет выразителем общерусской мечты. Только она, Русская идея, трактующая русскость как всемирную пушкинскую от-

крытость всем народам и языкам, способна стать идеологией многонационального русского государства. Для постижения этой идеологии мало любить канализацию и носить кепку.

Нас опять затягивают в мерзкую примитивную свару, чтобы в ней укрылись главные виновники национальной катастрофы, среди которых евреи Березовский и Собчак ничем не лучше «русаков» Ельцина и Черномырдина. Все они в лакированных штиблетах идут по хрустящим костям, и каждого из них ожидает – опять прошу не искать антисемитский корень «жид» – неминуемая кара, каких бы гарантий для «цэ-кабэшника» ни добивался хитроумный Примаков.

Предвыборная кампания, которая уже началась, не сломает ногу о подставленную Гусинским оглоблю. Перешагнет – и тремя патриотическими колоннами, посмеиваясь над развешенными дощечками с надписями «экстремизм», «антисемитизм», «русский фашизм», придет на Охотный ряд, в Думу. Мы, «охотнорядцы», радеем о Государстве Российском, в котором каждый народ и язык найдут свое суверенное место, никто не будет подавлен, кроме воров, убийц, отравителей колодцев и агентов влияния, стремящихся превратить гигантскую евразийскую державу между трех океанов в колонию микроскопического месопотамского кантона, напичканного переселенцами, чей мессианский идиотизм делает их врагами всего рода людского.

Февраль 1999 г.

Дыхание президента рождает эпидемии

Государство, в центре которого он лежит в своем малахитовом саркофаге, с золотыми вензелями, под двуглавым штандартом, исполнено мучительными заболеваниями, что не отмечены в атласах эпидемий. Грипп, который, как ветер, летит над страной, выкашивая миллионы, – это последствие кремлевской встречи Бордюжи, когда забыли прикрыть крышку саркофага, и оттуда вырвался сквознячок больного

дыхания. Самолеты, пролетающие в радиусе тысячи километров от священной гробницы, теряют управление, у них отключаются двигатели, и они рушатся на землю. Катастрофы и аварии в шахтах, где от удушья гибнут шахтерские смены, случаются от того, что тлетворные газы из августейшей могилы проникают в забои и производят взрывы. Без видимых причин от ядовитого огня возгораются здания, и никому невдомек, что в Самаре вспыхивает аэрозоль высочайшей слюны, когда происходят скандалы в Барвихе и прослушиваются фонограммы переговоров Березовского и Дьяченко. Три девочки выбросились из окна, медики и юристы ищут причины поступка, и никто не спросит, почему из океана выбрасываются на берег киты. Потому что больна Вселенная. Потому что где-то взорвалась и погибла звезда. Потому что в украшенной самоцветами кремлевской могиле лежит истукан, от его присутствия распадаются молекулы мироздания. И чуткие дети понимают, что невозможно жить в этом мире, где гибель проникает в воду, в воздух, в музыку, втекает в каждый дом по каналу НТВ.

Все, что происходит в политике, смотрится как вялое движение пятнистых тритонов в мутном аквариуме. «Борьба с экстремизмом», которую затеял Лужков, напуская прокуроров на «Русское национальное единство», смехотворно-отвратительна на фоне воинствующей террористической Чечни, которую «гарант» сначала разбомбил и озлобил, а теперь позволяет ей подрывную активность, оставляющую от России груды пепла. Степашин гневно и почти натурально трясет щеками, воюя с эфемерным русским фашизмом, не объясняя при этом, какие действия убиваемого миллионами народа, теряющего своих детей, своих офицеров, свои города и селения, – какие действия истребляемой сознательно нации он счел бы конституционными и «ненацистскими». Может быть, письма в ЦК?

Козленок и Бычков – два жертвенных копытных, которых заколют на алтаре, усыпанном ворованными алмазами. И на эту жертвенную казнь светлыми младенческими глазами

станут взирать Гайдар, Черномырдин и Борис Федоров – ум, честь и совесть эпохи «дикого капитализма». Ручкой делит со своей обманутой женой подмосковную дачу стоимостью в миллион долларов, которая строилась тогда, когда нищие патриоты собирали рубли на поддержку «лефортовского мученика», проча его в лидеры героической оппозиции. Разводит ручками Аганбегян, единомышленник Примакова. Улыбается помолодевший от власти Примаков, единомышленник Горбачева. Активизировался, как заводной целлулоидный щелкунчик, Горбачев, единомышленник гетмана Мазепы, который, как гласит молва, умер страшной смертью предателя. Его загрызли вши, которых он не мог соскрести со своего шелудивого тела. Сдирал их ногтями, а они вылезали кишасцей массой из его рта, ноздрей и ушей.

Вчитайтесь внимательно в огненные рекламы «Кока-Коль», «Самсунга», «Макдональдса» – и вы увидите в морозных ночных небесах парящую надпись: «А в наши дни и воздух пахнет смертью. Открыть окно, что вены растворить...»

Русский человек, ты ведешь невиданную в истории человечества борьбу с кромешным, напавшим на Родину злом. Пусть в этой борьбе в минуты отчаяния явятся тебе Пушкин, храм Покрова-на-Нерли, огромная синева Байкала. Пусть прозвучит в твоём сердце стих: «Румяной зарею покрылся восток», и воля твоя не поколеблется в час святого сражения.

Февраль 1999 г.

Лужкову, как и Алле Гербер, не быть президентом

Лужков с барабанным треском провалился в Совете Федерации. Не потому, что защищал права русских в Крыму, боролся за русский Севастополь и Черноморский флот, а потому, что защищал себя, ловко подхваченную, предвыборную «русскую идею», свою властолюбивую мечту вырваться за

пределы кольцевой автодороги на простор «всяя Руси». Губернаторы, отвергая московского мэра, отвергали лукавую, вероломную и развратную столицу, которая вкушает на серебре и злате посреди голодной страны, днем гремит в колокола, а ночью изнемогает в разврате, лицемерно спасает русских в Крыму и угнетает «Русское национальное единство» у себя дома, грозит латвийским фашистам за избиение русских ветеранов и ломает кости патриотическим фронтовикам, когда те, надев колодки, опираясь на костыли, выходят на улицы в день военного праздника.

Кончилась великая мистификация Человека в Кепке, неутомимого хозяйственного муравья, братолюбивого россиянина, наследника Византии и Петровской империи. Ослепшие от золотых куполов храма Христа Спасителя, опьяненные светомузыкой московских гуляний люди вдруг прозрели и увидели ельциниста, друга того, кто установил страшный режим, уничтожил живые силы России, продлевал и продлевает народные беды.

Где был Лужков, когда Ельцин, его патрон и благодетель, разрушал великий Советский Союз? Почему Лужков, рыдая на камнях Севастополя, не рыдает обо всей отторгнутой от России Украине с ее заводами, черноземом, портами, коридорами в Европу, с ее исторической русско-украинской неразрывностью? Почему не плюнет в глаза разрушителю? Почему ни слова о Казахстане с его ураном, целинным хлебом, металлургией, ядерным полигоном и Байконуром, созданными русским человеком, исконным хозяином южных степей и рек? Почему Лужков, кунак Назарбаева, ни разу не заикнулся об этом? Где его гневные филиппики против националистов Каримова и Ниязова? Где славословия русским войскам Скобелева, пронесшего боевой штандарт России по раскаленному Устюрту и взявшего с боем Бухару? Бессмысленно бороться за отдельный пролив и корабль, умалчивая о геополитической катастрофе Империи. Лицемерно ставить на узенькой речке в маленькой шлюпке бронзового Петра, отчеканенного московским грузином, в момент, когда антирус-

ская Грузия Шеварднадзе наводнена турецкой агентурой, а «военная реформа» Ельцина потопила весь флот России.

Мы в 93-м выступали за русский Крым и Приднестровье, за поруганный Советский Союз, за оскверняемую Православную Церковь, против грабительской приватизации Чубайса и шизоидного экономизма Гайдара. Где была тогда кепка Лужкова? Кто посылал железный ОМОН под музыку Ростроповича забивать насмерть толпы москвичей? Кто отключил воду и тепло от обреченного Дома Советов, похожего на русского партизана, брошенного в ледяной бункер гестапо?

Мы в 96-м сражались против инфарктного, инсультного, циррозного президента, стремясь не продлить его роковое правление, уносящее в год полтора миллиона русского населения. Кто там, маленький, крепенький, как кастет, стоял на плакатах рядом с деревянным истуканом, проталкивая его «на второй срок»?

Друзья Лужкова – это закоренелые ельцинисты, окружавшие президента в моменты его самых страшных деяний. Это алчная стая артистов, похожая на ненасытных неопрятных голубей. Это эстрадные бисексуальные певцы, готовые за доллар отпеть при жизни хоть мать родную. Это ядовитые, хлюпающие трупным ядом пересмешники. Это нарцисс Ястржембский, отраженный в зеркалах всех дворцовых приемных. Это Кобзон, чей неутомимый баритон не желает слушать Америка, у которой был свой сладкозвучный Фрэнк Синатра, преуспевающий наркоделец. Это генерал Громов, оставивший в афганском плену две сотни русских мучеников, призывающий ныне поддерживать режим талибов, превративших Афганистан в огромный наркокартель.

Лужкову после его «борьбы с экстремизмом» и «русским национализмом» не бывать президентом. Ему, как и Вию, не перешагнуть магический круг Московской кольцевой автодороги. Кепку, которая, словно остров Лапуту, накрыла столицу, не удастся расшить до размеров «всей Руси», чтобы солнышко вставало у козырька, защищающего нос Лужкова,

а садилось у складчатого затылка, за которым постоянно наблюдают загадочные глазки недремлющего корейца.

Февраль 1999 г.

Виктор Илюхин — безупречный лидер

Дорогой Виктор Иванович, свои 50 лет Ты встречаешь в великом напряжении сил, в ратном строю, под прицелом смертоносного, направленного на Родину оружия, отбивая жестокого врага от родных порогов, от русских святынь. И некогда Тебе в этой сече передохнуть, оглянуться на свои деяния, понять, что значишь Ты для нас, Твоих друзей и сподвижников, для миллионов простых людей России, на которых свалилась небывалая беда, ужасное иго. Ибо Ты и в день своего праздника – на посту, начеку, ведешь бой.

Твой первый подвиг не сотрется из памяти, когда среди рабского смирения, глупости, повального предательства, в подлые дни горбачевщины Ты, известный прокурор, генерал, обласканный властью, кинул в лицо этой власти, в бегающие блудливые глаза Горбачева страшное обвинение в иудинном предательстве, пророчествовал ему суд и возмездие. Ты был отлучен, изгнан из властных палат и сразу стал любимцем страны. Русское сопротивление, которое по каплям, сливаясь в ручейки и реки, превратилось в океан народного гнева, началось с твоего одинокого ослепительного поступка. И это, поверь, воздастся Тебе любовью Родины.

Ты работаешь в Думе на таком посту, с которого Тебе открывается весь ужас сотворенного с Родиной, все страшные козни, которые вершатся с нашим народом, с его душой, здоровьем, богатством, армией и культурой. От этих знаний можно сойти с ума, ослепнуть от слез, почернеть от смертельного, сжигающего душу огня. Ты выдержишь эти крошечные знания, обращаешь их в борьбу, в отпор. Твои думские выступления беспощаднее любых прокурорских обвинений, и по ним на Суде Народов мы станем судить губителей нашей

Родины. За любое бесстрашное выступление Ты можешь получить пулю врагов. Ты окружен их ненавистью, интригами и наветами. Но Тебя окружает неодолимый для супостата круг молящихся, стена товарищества, оплот народной любви.

Твой друг и соратник генерал Рохлин пал, и Твои руки оказались ближе всего к древку военного знамени, которое он поднял. Ты повел за собой не покорившееся врагам воинство. Движение, которое Ты возглавляешь, превратилось в стройную грозную колонну. Вместе с другими патриотическими движениями разворачивается в широкий фронт, коим мы одолеем врага. Твое слово о геноциде, который развязали против русских банкиры-ельцинисты, Твое грозное слово «импичмент», от которого режим превращается в сплошную язву, скликает народ, влечет его к Тебе, ставит под Твой стяг все новых и новых ратников.

Твой верный друг генерал Макашов, отважный кубанский «батько» Кондратенко и Ты – вы первые, одолев заклятье, назвали прилюдно имя страшного врага России – «сионизм». Узнанный, названный враг обрушил на вас ядовитый, истребляющий огонь своей ненависти. Вы совершили богатырский подвиг, стоите в изрубленных раскаленных доспехах на виду всего света, крушите с плеча огнедышащие головы Змея.

Редко мы, дорогой Виктор Иванович, говорим друг другу добрые слова. Не в правилах у нас при жизни нарекать человека героем. Только страна, любимая наша Россия наречет и напишет золотом на мраморе Георгиевского зала. Но она, окровавленная, изнемогающая, ведет смертный бой, и не время раздавать награды, даже не время ставить кресты.

И все же отвлекись на секунду от сечи, не выпуская меча. Посмотри, сколько прекрасных лиц глядят на Тебя с надеждой, и верой. Как тянут к Тебе свои длани фронтовик Второй мировой и воин чеченской войны. Как любитесь Тобой бородастый казак. Как идут чокаться с Тобой инженеры, писатели, землепашцы. Как осеняет Тебя крестом сельский батюшка.

Будь здоров, Виктор Иванович, рассчитывай на нас, своих друзей, в час битвы и непосильного труда. Но и в час ве-

селья и светлой Победы, кои не за горами. Полсотни, и еще полсотни, а там уж посмотрим.

С днем рождения!

Февраль 1999 г.

Исход Березовского или изгнание беса

Вы видели изгнание беса, когда накрытая золотой эпитрахилью молодая женщина стенает, бьется, исходит звериным рыком, желтой пеной, извивается от нестерпимых мук, пока не изойдет из нее нечистый – прынет молниеносно косматое, окровавленное чудище, проламывая стены храма, в серном зловонье и дыме, и исцеленная, почти бездыханная, лежит на церковном полу, священник осеняет ее золотым крестом?

Так колотило Россию все эти дни, когда мерзавцы оповестили по СМИ, что Ельцин готовит «срез» Примакова, возвращение в политику ненавистных Чубайса, Гайдара, Бориса Федорова, от единого вида которых у животных случаются выкидыши. Их возвращение означало роспуск Думы, запрет компартии, разгон патриотов, встречный удар обезумевшего, оскорбленного народа, кровавую бойню по городам и поселкам, проклятия и уход окраин от прокаженной Москвы, и окончательный, на радость врагам, распад многострадальной России. Этого не случилось благодаря молниеносному ответу патриотических сил, молитвам старцев и угрюмому молчанию силовых структур. Из чрева, через гортань, в пене и синих огоньках преисподней, был исторгнут Березовский, весь липкий, в пленке, с ужасными чертами, с Третьяковым, вцепившимся в его мокрый безволосый хвост.

Изгнание Березовского есть мистический, религиозный акт. Еще одно свидетельство титанических усилий страны, в чье нутро вселился и размножился страшный клубок червей, распространился во всем ее некогда могучем и прекрасном теле, выпил живые соки, отравил ядами, наполнил нестерпи-

мой болью. Березовский извергнут, но черви остались. Откладывают торопливо яйца, вылупляются хищные прожорливые личинки, набиваются в легкие, печень, мозг.

Политическая группировка израильских и американских агентов, выведенная в бактериологических лабораториях ЦРУ, бесконечно меняет обличья, взращивает из себя то бурбулисов, то уринсонов. Впивается в русское тело клешнями то немцовых, то кириенок. Ненавидит Россию ненавистью то кохов, то шендеровичей. За девять лет набрала у Запада займов и тут же украла их, закупив для себя целые побережья Испании, Франции и Арабских Эмиратов. Отобрала у русского мужика последний кусок хлеба и последний танк. Заколотила гвоздь в гроб русской культуры и станцевала на нем «семь сорок». Сделала Россию, как во времена торговли неграми, беззащитной рабыней Америки. Умертвила восемь миллионов русских. Играет концерты и оперы среди пылающей Самары. И теперь, когда ее слегка оттеснили, эта камарилья устами говорливого, как сверчок, Явлинского, чье синюшное от ненависти лицо запомнилось в кровавые ночи 93-го года, обвиняет Маслюкова в коррупции. Ее чубайсохвостые и кириенкоголовые представители угрожают МВФ не давать кредит России, чтобы русский мор унес весной половину новорожденных. На страну, которая была им Родиной, натравливают все мерзости мира, желая России мучительной смерти.

Россия должна принять рвотное, по рецепту доктора Макашова, чтобы ее вывернуло наизнанку, и она выхаркала этот ком извивающихся червей. Тут же на него насыпят гору негашеной извести, обнесут колючей проволокой и сто лет не будут пускать людей, пока снова мало-помалу не вырастет на этом месте лист-подорожник и трава-сурепка.

Мы, патриоты России, должны немедленно огласить наш «большой проект» опоры на собственные силы, без американского золота и израильского интеллекта. Этот мобилизационный проект развития, обеспечивающий существование всей нации в целом, вне сословий, вероисповеданий, идеоло-

гий и партий, потребует патриотического порыва невиданной силы, всколыхнет дремлющие силы народа. И вновь на русском небе засверкает ослепительная, чудотворная Звезда России, и ее божественный луч проникнет в каждый русский чертог, в каждую исцеленную русскую душу.

Март 1999 г.

Граница НАТО проходит через НТВ

В цивилизации люди общаются через информационное поле – друг с другом, с властью, с культурой, с историческим прошлым. Информация – воздух цивилизации, которым дышат, в котором летают, сквозь который смотрят. Если кто-то захватил информационное поле, как, скажем, НТВ, он захватил воздух. Может его перекрыть – и тогда все живущее в нем задыхается, чахнет, как русская культура, о которой годами не слышно на телевидении, и тогда любимым русским поэтом становится не Есенин, а Бродский. Можно в воздух добавлять «веселящий газ», идиотические игры «Угадай мелодию», «Поле чудес» – и вы, опухнув от голода, забыв похоронить умершую мать, ржете с утра до вечера над скабрзностями Жванецкого. Можно подпустить жирную струю сероводорода, чернуху, где люди то и дело взрывают друг друга, четвертуют, поедают своих детей, где нет места доброму поступку и слову, – и тогда вся русская жизнь предстает сплошным адом, и вам хочется уехать в Америку. Можно впрыснуть нервно-паралитический газ, истребляющий политического лидера или партию, – и тогда вы видите, как месяцами травят Маслюкова, требуют запретить компартию, и один Явлинский, он же Жириновский, с пенкой у рта шлифует экран языком. А можно, как это делает программа «Про это» с ведущей-негритянкой, вбросить в информационный воздух ампулу с газом «циклон», которым немцы удушали евреев, – и тогда ваши дети смотрят про половые извращения, дипломированные профессора учат их правильно мастурбировать.

Группа телевизионных наймитов, засевших на всех четырех программах, собирается вместе и договаривается кого-нибудь убить сообщца. На жертву направляют четыре электронных ствола, стреляют залпом, и от жертвы остаются одни разрозненные молекулы. И это называют священной «свободой слова». За эту свободу в вымирающей стране платят двадцать тысяч долларов в месяц, награждают эмблемой Тэфи, похожей на личинку гадюки, а ведущая передачи «Геморрой дня» нетерпеливо играет ножками с очередным посетителем. Эта управляемая банкирами «свобода слова» натравила танки на окровавленный парламент, выбрала на второй президентский срок неизлечимого калеку, а сейчас готовит срез правительства, диктатуру бриллиантовых воров и чмокающих людоедов. Депутаты, требующие контроль над телевидением, хотят отнять воздух у захватчиков и передать его обратно людям. Вам страшен Сванидзе? Вы кричите: «Мама»? Не бойтесь. Отнимите у него телевидение в Год Пушкина, и он будет не опаснее Черномора, у которого побрили бороду.

В то время когда Ельцин, Скуратов, Бордюжа, а также кремлевский хозяйственник Бородин с конституционным судьей Баглаем сбежали от трудностей жизни в ЦКБ – «целкабеженцы», страной в их отсутствие правит НТВ. Не надо горевать по поводу вступления в НАТО Польши и Чехии – Горбачев для этого сделал все. Не удивимся вступлению в НАТО Украины – здесь на славу поработал Ельцин. Но изумимся до оторопи тому, как Киселев, подобно генералу НАТО, попирает в центре Москвы национальные интересы России. Словно кадровый натовец, выступает против союза сербов и русских. Будто цэрэушник, тонко одобряет бомбардировки Ирака. Подобно лютному врагу подталкивает МВФ не давать Примакову кредиты без выполнения последним политических условий.

Блок НАТО вместе с Киселевым пришел в русский дом. Теперь на каждой русской печке сидит американский морской пехотинец.

Гражданин России, русский и татарин, еврей и калмык, если тебе дорога дружба народов, если ты не хочешь распада

Родины, если тебе невыносимы интервью Масюк с Басаевым и Радуевым, если тебе отвратительны голливудские фильмы, где сотнями убивают российских солдат, если ты не хочешь видеть Березовского президентом России, если ты добр, трудолюбив, склонен к познанию и творчеству, – добивайся контроля над телевидением со стороны общества! Иначе ты превратишься в дохлого, посыпанного дустом жука!

Март 1999 г.

Вий пришел за душой Ельцина

Маразмом веет из Кремля. Будто там лежит и тухнет мертвая рыба. Лицо Сысуева, когда он приходит от Ельцина, похоже на пролежень. Продолжается кадровая политика под кодовым названием «Взашей!». Смиренного Бордюжу отправили в колумбарий, заменив на какого-то Галошина. Совет безопасности напоминает «бистро», куда забегают, чтобы скорее удрать. Взрываются на Кавказе вокзалы и рынки, горят ярким пламенем русские города. На экранах телевидения копошатся слизистые разноцветные черви. Швыдкой за показ порноленты требует себе «Оскара». С каждым терактом Степашин все матерееет, и в его заявлениях звучат сталинские железные нотки. Жириновский похож на самосожженца – так горит изношенный, кинутый на свалку носок. Лужков все ближе, все отважней приближается к мертвой рыбе – вот-вот клюнет в глаз. И только Киселев, светский, набриолиненный, с легкими полипами в носу, ждет, когда Югославию посыплют бомбами и у Явлинского пройдет тик на почве недостижимого президентства.

Отдадим должное мужеству прокурора Скуратова. Мерзкая пленка, орудие политического убийства, не сокрушила его, и он с ножом в спине продолжает доискиваться, куда ушли уворованные миллиарды и какая в этом доля и роль березовских, чубайсов, немцовых. Женевская дама-прокурор, спешащая в Москву с информацией о швейцар-

ских счетах, расскажет, чего стоили вымирающему народу ремонт президентского кабинета, золото и малахит, омытые русскими слезами и кровью.

Отдадим должное мужеству Совета Федерации, взявшего сторону Скуратова против Ельцина. Губернаторы впервые действовали как коллективный властный ум России, видящий в кремлевском пациенте источник государственной катастрофы. Только Лебедь, унылый пасынок Березовского, поддержал августейшего борца за нравственность, видимо, забыв, кто помочился прилюдно на шасси американского самолета, кто вдребеззину пьяный упал с моста, кто в алкогольном угаре повелел кинуть в реку несчастного Костикова.

Отдадим должное Думе, которая, безоружная, беззащитная, наполненная провокаторами и предателями, выдержала страшный удар пропаганды и сдала Макашова, провела подготовку к импичменту, сохранила правительство, является голосом истребляемого народа.

Поклонимся народу, светлomu, добромu, великомu и непобедимомu, который без оружия в руках, без хлеба на столе, без копейки в кармане ведет небывалую страшную битву, теряя в год полтора миллиона ратников. Выдавливает со своей священной земли страшные полчища, чья природа связана с преисподней, о чем свидетельствует образ Сванидзе.

Кто шантажировал Скуратова? Конечно, Швидкой. А еще? Конечно, те люди, что показывали пленку Строеву и сенаторам. А кто за ними стоит? Быть может, Бордюжа. А за ним? Уж не сам ли Ельцин со своей Танюшкой-квакушкой? Если так, то это прямо препятствие правосудию, за что следует немедленный импичмент и скамья подсудимых. Скамью уж делают патриотически настроенные плотники с Вологодского деревообрабатывающего комбината.

Власть в России находится в руках санитара ЦКБ. Ее геральдика – не Двуглавый Орел, не Держава и Скипетр, а фарфоровая больничная утка и капельница. Власть – как яичко, забытое на столе. Мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось.

Ночью, под гуманной луной, подмосковные жители видят огромного, на талых снегах, Ангела с золотым копьем. Стоит босыми ногами на сверкающем насте, нацелил острие из неба в Кремлевский Дворец, готовит удар. А сзади, в черном лесу, путаясь в ветках, как огромная мохнатая обезьяна, ждет Вельзевул – схватит душу несчастного грешника, равного которому не видала земля, и утащит в ад, обгладывая на ходу длинными, как кривые сабли, зубами.

В московском храме Никола в Пыжах, что у Третьяковки, заплакала вдруг икона, отекая прозрачными благовонными каплями. Кто истолкует знамение? К радости или к скорбям? Скорбей нам не занимать, а Радость и Пасха впереди неизбежны.

Март 1999 г.

Ельцин, зачем разбомбил Белград?

Югославию бомбят, как Дом Советов в Москве. Играющий бедрами Ксавьер Солана будет висеть в петле, как Кейтель. Старуха Олбрайт красит губы кровью сербских младенцев. Кофейного цвета Анан – ручная обезьяна в нью-йоркском цирке. Клинтон сделал с Ельциным то, что Ельцин сделал с шасси самолета. Сербь сбили штурмовик-невидимку, и Новодворская облачилась в траур. Гейдар Алиев из торговцев лужниковского рынка формирует азербайджанский батальон на Балканах. Якушкин похож на стабилизатор американской ракеты. Три гомика из гей-клуба «Бравое тело» выехали к Папе Римскому. Студенты бросают яйца в американское посольство, и к вечеру Явлинский весь в тухлом желтке. Жириновский – полковник с «белым билетом». НТВ представляет интересы НАТО в России. Четвертый раздел Польши неизбежен. Московская «братва» отстрелялась по американскому гербу. Чубайс похож на сгоревший флаг США.

Америка мерзопакостна. Из нее, как из прорванной канализационной трубы, в мир хлещет мерзость.

Сбросила бомбу на Хиросиму, заразила человечество СПИДом, расплодила на земле педерастов. Она ненавидит православных славян, вслед за сербами готова бомбить белорусов и русских. Антихрист снял люкс на Манхеттене с видом на горящий Белград.

Ельцин отвратительней Клинтона. Головки американских крылатых ракет, падающих на сербов, имеют портретное сходство с Ельциным, когда тот надевает очки. Никто из кремлевских карликов не пал на колени, не разодрал на груди рубаху, не крикнул: «Люди добрые, мы виноваты! Это мы разрушили Советский Союз и Варшавский пакт! Мы разорили русскую армию и русскую оборону! Мы подвели дивизии НАТО к Смоленску и Пскову! Мы насадили повсюду, от Генерального штаба до ОРТ, агентов ЦРУ и МОССАДа! Зарядите нас, окаянных, в Царь-пушку, пальните нами в сторону Пентагона, откуда мы вышли!»

Не дождемся. Министр Иванов – тот же Козырев, только с выпавшими волосами. Маршал Сергеев весь в курином пуху реформ. В реорганизованном ведомстве Путина не ходят лифты. И только Лившиц знает ответы на все вопросы. Спросите Лившица, какое подлетное время «першингов» до Ивана Великого.

17 августа прошлого года, во время дефолта, рухнула необратимо внутренняя политика Ельцина, осуществляемая «гарвардскими воришками», которые погрузили Россию в немощь и нищету. 23 марта этого года, под вой белградских сирен, необратимо рухнула внешняя политика Ельцина, которая лишила страну безопасности, отдала ее под власть чикагских бандюг. Сегодня, в час смертельной опасности, нельзя консолидироваться вокруг Ельцина, как нельзя во время эпидемии консолидироваться вокруг чумного барака. Ельцинизм должен быть отвергнут, и вместо него на горящих головешках страны мы станем возводить патриотическую русскую власть, осуществлять «Большой проект» патриотов. Когда в Москве был сожжен деревянный Кремль, народ возвел каменный. Первое и единственное, что

мы должны совершить для укрепления обороны страны, для создания новейших типов оружия, для вдохновения наших солдат и офицеров, для возвращения в наш стан стратегических союзников, для объединения с Белоруссией, для возрождения плодородия полей, для увеличения рождаемости, для улучшения здоровья, для роста полевых цветов и пения лесных птиц, – мы должны устранить из политики Ельцина. Импичмент – русский вклад в победу сербов.

Сербь, братки ненаглядные, мочите их, педерастов-невидимок, из всех систем ПВО!

Март 1999 г.

Пятая колонна НАТО в России

В центре сытой, обожравшейся, безбожной Европы казнят Белград, и отупевший «золотой миллиард» смотрит по CNN, как ракеты взрывают мосты, поджигают кварталы, лопаются над головами грудных детей. Смотрит Папа Римский, по крови славянин, по духу христопродавец. Смотрит Сорбонна, забыв навсегда о Барбюсе и Сартре. Смотрит лупоглазая, опившаяся пива немчура, забыв о покаянии за кровь Второй мировой. Смотрит тошнотворная, как заворот кишок, Америка, будто в ней никогда не было Хемингуэя и Сэлинджера, а всегда в Белом доме жили скотоложец с красным носом и уродливая старая жаба, чьи губы в липкой крови младенцев. Где среди гуманитарной европейской культуры, замешанной на пацифизме, евангельской проповеди и страхе перед «холокостом», завелась и выросла эта мерзость с сутенерской внешностью Ксавьера Соланы, с дегенеративной убежденностью генерала Кларка? Когда голливудские вручения «Оскар», просмотры коллекций Версаче, кругосветные путешествия миллионов на воздушных шарах превратились в кровавое зарево горящей Сербии, при свете которого весь буржуазный, разбухший мир выглядит как клубок скользких слепых червей, поедающих человечество? После этого кому будет жалко

созерцать руины Парижа с оплавленной Эйфелевой башней? В ком вызовет сожаление сгоревший дотла Вашингтон с проломленным куполом Капитолия?

Какой урок преподали сербы, сбивающие «Торнадо» и «Харрикейны»? Иран, если не хочешь, чтобы Клинтон бомбил Тегеран, строй ракеты с ядерными боеголовками! Сирия, если не желаешь, чтобы в Латакии высадилась морская пехота НАТО, покупай обогащенный уран, рассчитывай баллистические траектории над Средиземным морем! Курд, перестань обливать себя бензином на площадях европейских столиц, накинь на плечи «ядерный ранец»!

С Россией понятнее. После расстрела Дома Советов уродом из партноменклатуры, после казней русских людей на баррикадах и стадионах мы осознали, что гайдары и чубайсы, черномырдины и немцовы защищают несметные богатства, вырванные ими из рук колхозников и рабочих, профессоров и военных, отданные в жирные, усыпанные алмазами руки банкиров. Страх расстаться с награбленным, ужас перед возмездием, кошмарное видение клетки и скамьи подсудимых руководили палачами 93-го года, расстрелявшими прямой наводкой парламент. Сегодня зеркально воспроизводится недавнее прошлое. Прокурорские расследования, как невидимые ручейки, проточили все запреты и вплотную приблизились к президентской «семье». Взят в кольцо прокурорами «домашний банкир» Березовский. Обыскивают «Аэрофлот» – вотчину вельможного зятя Окулова. Добрались до малахита и мрамора рабочих кабинетов и ватерклозетов Кремля. Газеты в открытую публикуют заморские счета президента, перечисляют «татьянины виллы» в Австрийских Альпах и на Лазурном берегу. И вот тебе – снимают Скуратова за недостойное поведение. И кто? Тот, кто известен в мире дебошами и непробудным пьянством. Кто перед американскими леди помочился на колесо самолета. Кто опозорился в Германии бражной «Калинкой-малинкой». Кто колотил деревянными ложками по лысой голове Акаева. Кто кинул Костикова в Енисей, а сам до этого рухнул с моста в Москву-реку. Заметим,

что отстранение Скуратова приветствуют политики, возглавляющие воровские «дома» и «либерально-демократические притоны», – гнилой оплот ельцинизма.

Три бессовестных «натовца» совершили вояж к Папе Римскому и были изгнаны из Белграда с позором. Газовик-затейник, пристреливший медвежат, возмущается набором русских добровольцев в Сербию. НТВ – десант НАТО в информационном пространстве России – распространяет пленки-фальшивки, оправдывающие бомбардировки, упрекает проснувшийся русский флот в экологических преступлениях. Всех их коснулся кровавый помазок 93-го года. Все они готовят русским новую кровавую баню. Вы слышали про таинственный взрыв бомбы у ФСБ? Потом рванет у МВД, у Минобороны, «силовики» с легким сердцем введут давно обещанное ЧП, и ворованные миллиарды останутся на иностранных счетах.

«Невидимки» в белградском небе. «Невидимки» в русском Кремле. Они будут сбиты, и на их корявых обломках станцуют славянские дети.

Апрель 1999 г.

Ельцина нельзя предавать земле

Восемь лет назад, когда ломали хребет СССР, Ельцин, как Чингисхан, был неограниченным владыкой страны с раболепствующим парламентом, ополоумевшей армией, спятившей от поклонения интеллигенцией, с одуревшим, объевшимся мухоморами народом. Старушки, которых он завтра уморит голодом, целовали ему руку, как патриарху. Молоденькие учительницы, которых он завтра пошлет на панель, кидали в воздух чепчики. Строители лучших в мире космических кораблей, которых он завтра сделает челноками, носили значки с его ликом. И только малая горстка русских писателей, затворившись в своем особняке, ожидая побоища под гитары и песни, проклинала его, пророчила Родине неисчислимы страдания и беды.

С тех пор сгорел от танковых ударов парламент. Истреблен российский город Грозный. Половина России превратилась в Луну. Женщины перестали рожать. В каждой подворотне лежит труп. Черномырдин на народной беде разъелся, как гренландский кит. Ельцин, изуродованный снедающей его болезнью и ненавистью, сидит в Кремле, как Наполеон, а вокруг бушует русский пожар, головешки и паленые вороны влетают в опочивальню Наины Иосифовны.

Мы опять накануне беспощадной схватки, в которой народ сталкивается со своим губителем. Выстроены войска, поставлены засады, приготовлены телеги для покойников, расселись по соседним лесам голодные, чающие добычи вороны.

У народа сегодня – Дума, НПСР, Зюганов, Илюхин, Бабурин, половина губернаторов и губернских законодателей. С народом генпрокурор, ненавидящие кремлевского предателя генералы, духовенство, которое служит Христу, а не антихристу, вся земская, обездоленная интеллигенция, казачество Кубани и Дона, разорившиеся челноки и лавочники, фермеры и торговцы. С народом правительство Примакова, который, подобно Кутузову, лечит свою подагру, прислонившись спиной к русской печке.

У Ельцина сегодня – Березовский и Смоленский, бандгруппировки, поделившие Россию на бесчисленные воровские «малины», Жванецкий, НТВ, Еврейский конгресс, теща Сысуева, НАТО, Жириновский, ЦРУ и МОССАД, мягкий, как бархотка, Степашин, неискренний, как утиный манок, Путин, а также сатана, сексуальные меньшинства и выведенный в лаборатории США получеловек-полукрыса.

Лужков держит кепку по ветру, мечется между Ельциным и народом, сажает деревья вокруг синагог – может, иудино дерево?

Две рати выстроили боевые порядки, вот-вот сойдутся. Чему быть? Кто уцелеет в побоище? Чью голову пронесет на пике ярый хазарин? По какому распадку, каким овражком просочится в тыл неприятеля отважный казачий пластун?

Опять из парламента веет гарью, и молчаливые прапорщики выметают сор из приготовленных в «Лефортово» камер.

Не отчаемся. Соберемся с волей и духом. В сорок первом году, когда Гитлер стоял под Истрой, подвозил гранит для памятника фашизму в Москве, великий Вернадский писал: «Фашизм не пройдет. Ноосфера победит. Победа будет за нами».

Повторим его слова. Мир так устроен – так текут русские реки, так сверкает на русском небе Большая Медведица, так звонко звучит ямб Пушкина, так точно сконструирован автомат Калашникова, такой синий цвет на рублевской «Троице», столько орденов на мундире Жукова, такая вкусная ягода малина, такая любовь и ненависть в русском сердце, что ельцинизм не пройдет. Ноосфера победит. Победа будет за нами.

Апрель 1999 г.

Бросим к Мавзолею штандарты НАТО!

Как ватага откормленных безнаказанных хулиганов забивает насмерть одинокого прохожего, так страны НАТО забивают Сербию. У сербов больше нет самолетов – все летчики погибли в неравных воздушных боях. На исходе бензин – по капле сливают из уцелевших хранилищ в бачки «бэтээров» и танков. Рухнули в Дунай и Саву мосты с заслонявшими их стариками и девушками. Садисты в стратосферных скафандрах бомбят поезда, больницы с красными крестами, православные монастыри.

Сербы, когда вашу Родину спустят с дыбы и вы похороните своих милых и близких, прежде чем строить мосты в Нови Саде и родильные дома в Приштине, пошлите юношу, потерявшего невесту во время ночных бомбардировок Белграда, и пусть он вспорет десантным ножом морщинистое брюхо Олбрайт, разобьет о камни череп Соланы. Этот мститель станет сербским святым.

Русские люди испытывают небывалый позор. От жалости к сербам бабы режут в деревнях. Военные в гарнизонах глушат от тоски водку, поглядывая на свои зачехленные перехватчики и бесхозные «С-300». Власть, пронатовская до мозга

костей, фальшиво имитирует солидарность, бранит самолеты агрессоров, а сама тихонько, сквозь усы Киселева, хихикает, глядя на пожары Белграда. Черномырдин, чьи подштанники сшиты из звездно-полосатого флага, носит свои неодоухотворенные тонны над Европой. После каждой его поездки интенсивность бомбардировок растет, и сербы называют его не иначе, как «Бомбино».

В России нет институтов власти. Есть Березовский, друг «семьи», казначей и «талант» Дьяченко, которого в прокуратуре кто-то хотел арестовать, на что банкир ответил молниеносным возвращением в Москву, разносом перед телекамерами Примакова, визитом к разбитому радикулитом премьеру, отставкой страдальца Густова. Что может быть унижительней зрелища опозоренного Примакова, перебросившего через ограду дома правительства низколобую голову своего соратника? Что заставило «мудреца» из внешней разведки и МИДа аплодировать назначению Степашина, чье лицо от гордости напоминало розовый бумажный цветок на могиле убитого чеченцами милиционера? Конечно, после этого популярность Примакова круто полезет в гору. Любовь к нему оппозиции достигнет шекспировских размеров. И нам останется ждать, когда на стальных отточенных пиках чугунной решетки, возведенной еще Черномырдиным вокруг расстрелянного Дворца, – когда на этих ритуальных кольях появятся всклокоченные головы Кулика и Маслюкова.

Власть в России напоминает дырявый кусок старого сыра, изъеденный червями и крысами. Из Кремля и дома правительства пахнет рокфором. Люди, слушающие Сванидзе, затыкают нос. И гремят по Москве таинственные взрывы, все больше у дверей ФСБ или у синагог, или, что не одно и то же, подле офисов Кобзона. И у Путина, вскормленного от сосцов Собчака, после каждого взрыва все прибывает полномочий.

«Так громче, музыка, играй Победу!» Не отчаиваясь, вспомним золотые от орденов мундиры героев Берлина. Вспомним тяжелый подбородок Жукова, орлиный взгляд Рокоссовского, алмазную Звезду Сталина. Есть среди нас

Варенников. Народ, породивший таких героев, породит им подобных. Анекдот с Примаковым, Лужковым, Аяцковым длится минуту, а родная история – тысячи лет.

Получил письмо от русского добровольца, что из Сербии ходил в Македонию и там подорвал «Апач», тот самый, которого недосчитались агрессоры. Пишет, что лучше всего стрелять ему в брюхо, под пупок, где кончается броня и есть доступ к бензобаку. К горящему вертолету лучше не подходить, потому что взорвется боекомплект. Погода, говорит, здесь хорошая, кормят нормально. Интересуется, кто такой «Скиф» из «Отряда владыки Иоанна». Поздравляет с Победой. Зовет к себе.

Май 1999 г.

Ельцин — бомба, которая всегда с тобой

Страна с ужасом, поперхнувшись, наблюдала встречу, посвященную второму тысячелетию Христианства, когда посреди клобуков, военных мундиров и статских сюртуков явилось вдруг злобное, с искаженной личиной большое существо. Раздувая от беспричинного гнева щеки, выворачивая жутко губы, выпучивая набухшие яростью слезящиеся глаза, что-то невнятно прорычало про Степашина, которого в канун третьего тысячелетия не так посадили. Эти свирепые, бессмысленные слова на фоне обомлевших представителей светской и духовной власти России произвели страшное впечатление. Будто из ледников, отряхивая лед и песок с гнилой шерсти, встал первобытный мамонт, не добитый каменным топором неандертальца, и пошел мстить человечеству за свои доисторические страдания. Дремучая, геологическая, разрушительная сила веет от этой больной, с помутненным сознанием личности, явившейся в русскую историю из темных пограничных времен, когда природа в муках рождала в себе человеческий разум, тлеющий в узком лбу примата, среди воплей и клекота динозавров и саблезубых тигров. Он – огром-

ная стенобитная машина, тупая чугунная баба, действующая в наши дни среди русских руин. Верный заветам Троцкого, он уничтожил Ипатьевский дом. Верный заветам Гитлера, уничтожил Советскую страну. Подобно Пиночету, разгромил из танков Дом Советов. Подобно Пол Поту, испепелил Грозный. Его лик виден на фоне пылающего Белграда, среди пожаров и катастроф, террористических взрывов и изуродованных трупов, разбегающихся регионов и ворующих олигархов, окаменевшей промышленности и нерожающих женщин. Чемоданчик с ядерной кнопкой, прикованный к изуродованной руке, – это и есть Апокалипсис, о котором на Патмосе пророчествовал Иоанн Богослов. Мы должны испытывать, глядя на него, не только позор от того, что страной Сергия Радонежского, Пушкина, Петра I, Георгия Жукова руководит неуправляемый и мстительный пациент. Не только политическое беспокойство по поводу того, что этот инвалид I-й группы завтра отправит в отставку уважаемого народом Примакова и посадит на его место легковесного, как целлулоид, Степашина. Нас должна ужасать мистическая неизбежность исходящего от него последнего зла, которое, как огромный кипящий котел, опрокинется на Россию.

Мир един, бесконечен, пронизан Божественной волей, которая проявляется в отдельной смертной душе как голос совести, а в человечестве как поиск справедливости и всеобщего блага. Баланс добра и зла в мире восстанавливается, как бы его ни пытались нарушить Олбрайт и Солана. Пронесшийся над Оклахомой тайфун, разгромивший штат так, словно его бомбардировала авиация НАТО, уже получил у американских синоптиков название «Милошевич». Второй тайфун, сделавший с родным городом Альберта Гора то, что тот сотворил с родным городом югославского президента, получил название «Младич». Поступила информация, что в районе Бермуд зарождается третий тайфун – «Караджич», движущийся в направлении Белого дома.

Следующим посольством, в которое, после китайского, вонзятся американские ракеты, будет русское. Хорошо бы

там в это время находился Черномырдин. Возможно, это исправит его пустопорожнее косноязычие.

Мы приветствуем югославские власти, изгнавшие из своих пределов представителя враждебной сербам и русским телепрограммы НТВ, ведущей жестокую информационную войну в интересах НАТО. Если есть у славян такие лидеры, как Лукашенко и Милошевич, вышвыривающие из своих домов безнравственных нечистоплотных вонючек, значит, мы не сломлены. 9 мая сотысячная демонстрация москвичей прогнала натовского энтэвэшника Лобкова, который лез в народ со своими проплаченными мерзостями.

На штыки Степашина, на телекамеры Киселева, на ракеты Клинтона станет опираться Ельцин, замышляющий госпереворот. Встретим его во всеоружии.

Май 1999 г.

Красную площадь не тронь — обожжешься!

Кровопийцы, разрушители городов, убийцы детей объявили героя славян Милошевича военным преступником. Выдали ордер на его арест. И теперь наземная операция НАТО в Косово будет объясняться необходимостью ареста Милошевича. В 93-м году ельцинисты объявили фашистами защитников Дома Советов – рабочих, советских офицеров, депутатов, беженцев. Расстреляли из танков парламент. Одних уничтожили, других заточили в тюрьму. Завтра объявят военным преступником Лукашенко, и дивизии НАТО из Польши и Чехии пойдут на Минск, а Черномырдин станет болтаться по Минскому шоссе, косноязычно толкуя о мире, создавая гуманитарное прикрытие бомбардировкам Беларуси. В 91-м году, в пору совокупления Козырева с Америкой, самолеты НАТО уже летали над Россией, фотографируя аэродромы, мосты, центры политического и военного управления. Если президентом России станет Зюганов, станем ждать, когда Чечня обратится в НАТО за помощью. И тогда

Солана раскроет секретную «русскую папку», назовет генералу Кларку цели для ударов. Василий Блаженный. Большой театр. Завод имени Хруничева. Памятник Пушкину. Больница имени Склифосовского. Университет имени Ломоносова. Детский сад на Пречистенке. Пантеон в Кремлевской стене, который будет уничтожен по заявкам Немцова, Гайдара и некоторых церковных иерархов.

В мире, в мягком гнездышке западной цивилизации, куда отложили свои яички либеральные демократии Америки и Европы, вывелся огромный огнедышащий дракон. Сожрал своих родителей, плюнул огненной ядовитой слюной в Сербию, помочился серной кислотой на Кофи Анана. Яростно забил хвостом, сгоняя в стойло обомлевшее человечество.

Этому явлению пока нет названия. Политики называют его новым мировым порядком. Моралисты – технотронным фашизмом. Богословы – антихристом. Глубинные, таившиеся в недрах западного мира зародыши выросли, оснащенные сверхсовременными военными технологиями, информационным оружием, методами рефлексивного управления, искусством магии и экстрасенсорных воздействий. Выявились сегодня как жуткая образина НАТО, вонзившая титановые когти в планету.

Вызов, брошенный человечеству, мог бы принять Советский Союз, обладавший мощью, мировоззрением, асимметричным по отношению к НАТО развитием. Но СССР был уничтожен Горбачевым и Ельциным, политическими террористами, взорвавшими изнутри «красную цивилизацию».

На стремительное развитие НАТО, в недрах которого совершаются ежедневно тысячи научных открытий, строятся самолеты и лодки, пускаются реакторы и космические корабли, опробуются новые типы энергии, захватываются дно океана и дальний Космос, – на эту стремительную лавинообразную экспансию Россия отвечает назначением Степашина, который берется за проведение кинофестиваля, а также – съездом либеральных олигофренов и новой капельницей в ЦКБ, использующей давление рыбьего пузыря.

Только та партия, которая заложит в своих структурах модель будущей антинатовской цивилизации, найдет в себе силы для создания интеллектуальных, осмысливающих реальность групп, займется, пускай пока еще в лабораторных условиях, конструированием «Русского будущего», только та партия достойна власти. Не потеряет ее через пять минут после победы на выборах. Направит эту власть на спасение и процветание Родины. Такую партию нарекут именем Пушкина, русского Бога.

Говорят, Жириновский, узнав о своем поражении в Белгороде, хотел утопиться в большом мраморном резервуаре, стоящем в центре его партийного зала. И только подоспевший Митрофанов, как всегда вовремя, успел опустошить сливной бачок.

Июнь 1999 г.

Ермак Тимофеевич и Борис Абрамович

Все чувствуют тоску и немощь, даже самые молодые и здоровые. Все поражены невидимой болезнью. Чахнут румяные неунывающие предприниматели. Чахнут вечно веселые эстрадные певцы и модные киноактеры. Чахнут политические партии и государственные институты. Чахнут военные в гарнизонах и космонавты на орбитальных станциях. Вянут на глазах блистательные репутации и карьеры. Умирают, не успев родиться, поэмы и оперы. Сохнут в полях растения. Шелушится позолота храмов.

Все соки земные, все плодоносящие силы иссушаются незримым суховеем – города стоят блеклые, солнце светит тусклое, глаза у людей пустые и мертвенные.

Змей поселился в Кремле. Который год сосет из Родины соки. Который раз сжирает очередную, отданную ему на растерзание невесту. И все нет сияющего грозного всадника в золотом доспехе, что вонзил бы в Змея копьё, освободил пленный народ, разбудил околдованный злыми чарами город.

Виданное ли в истории человечества дело, когда огромная страна, воздвигнутая между трех океанов князьями Олегом и Владимиром, царями Иваном Грозным и Петром Первым, красными вождями Владимиром Лениным и Иосифом Сталиным, держава, отбившая нападение страшных врагов подвигами ратоборцев Александра Невского и Дмитрия Донского, блистательных Суворова и Кутузова, несравненного в своей победоносности Жукова, родина мистических откровений о красоте, добре и вселенской правде, явленных устами Сергия Радонежского и Серафима Саровского, русского провозвестника Пушкина, русских пророков Толстого и Достоевского, чтобы страна, одухотворившая своим красным дыханием весь XX век, совершившая дерзновенную попытку построения «рая земного», – вдруг оказалась собственностью никчемных, безнравственных, пронырливых людишек, сбитых в тесную горстку, именуемую «семьей», и ей принадлежат русская нефть, русское оружие, русские железные дороги и электростанции, русская политика, русское будущее, которое они выстраивают в интересах своего прожорливого клана.

Если клану понадобится продать острова Японии – продаст, и народ промолчит? Если клану понадобится расстрелять из пушек Думу – расстреляет, и народ промолчит? Если клану понадобится пустить в Москву группировку НАТО – пустит, и народ промолчит? Промолчит, если станут волочить по улицам Москвы прах Ленина за «мерседесом» Немцова? Или положат в могилу Неизвестного солдата кости эсэсовца?

Этот отвратительный рецидив феодализма в начале третьего тысячелетия поддерживается колоссальными денежными суммами, на которые «семья» нанимает дивизии внутренних войск, охраняющих августейший сундук, набитый русскими алмазами и золотом. Этот уродливый полупервобытный строй питают информационные отравы, которые ежесекундно вливают в одурманенное сознание народа телевизионные колдуны и ведуньи. Этот смердящий уклад освещается купленными за золото художниками и певцами, льстивыми царедворцами и циничными трубадурами, окру-

жающими Змея своими мундирами, фраками, церковными ризами. Этот убивающий Россию уклад сохраняется благодаря хирургам, что умело разрезают единый народ на бесконечное множество движений и партий, идеологий и верований, и страна, как тухлое мясо червями, кишит вождями и идеологами, пророками и витиями, над которыми, пригубив мармеладку и выпив шампанское, хохочет Борис Березовский.

Россию спасет не террорист-одиночка, не отдельный, самый популярный политик, не думские выборы и строительство партий, а союз всех сил страны против впившейся в нее «семьи». Согласие еще недавно непримиримых врагов, успевших за эти годы вдоволь наоскорблять друг друга. Пакт, соединяющий оставшиеся, не омертвевшие, не изглоданные Змеем живые начала народа.

Кто Ты, наделенный прозрением и мудростью, людским доверием и бескорыстной волей, готовый возвестить этот спасительный насущный Союз?

Ельцинизм должен быть преодолен, как преодолевается укус кобры, – не примочкой и заговором, а каленым железом.

Июнь 1999 г.

Кремль, не предавай десантников в Косово!

Семьдесят тысяч натовских псов-рыцарей, закованных в броню, с корсетом Олбрайт на флагштоке, разбомбив каждый второй дом в Косово, мерно и тупо, как ледник, двинулись в Югославию, готовясь сожрать ломоть Сербии. И вдруг батальон русских десантников, лихих молодцов, влетел на скоростях в Приштину, зарыл в капониры по периметру аэродрома свои «бэтээры», – и железную ноздрю НАТО, обнюхивающую беззащитный край, защекотали вороненые стволы русских пулеметов.

Что тут началось! Билл по башке себя бил. Строб залез в гроб. Солана стал как салака. Блеер заблеял. Непальцы засуну-

ли пальцы. Албанцы перестали улыбаться. Немцы заговорили про Освенцим. А один француз съел бубновый туз.

Особенно было жаль Миткову. С трагическим лицом Саломеи, так и не дождавшейся головы Иоанна Крестителя, она, печальная весталка НТВ, рыдающим голосом два дня вопрошала, кто отдал приказ. Гайдар не отдавал. Немцов не отдавал. Новодворская не отдавала. Радзиховский не отдавал. Только Починок, разглядывая в зеркале свой генеральский мундир, лампасы внутрь штанов, загадочно улыбался.

Выходило так, что благородную организацию НАТО, воспитанную на традициях святого Франциска, Вильяма Шекспира и Гете, этих набожных генералов, чьими принципами являются «Не убий!», «Не солги!», «Не согреши!» – провели на мякине белобрысые вэдэвэшники из Рязани, которые никогда не читали Фукуяму с его пророческим «Концом истории». Вот они, русские необразованность и вероломство!

На самом деле облапошенными оказались не только НАТО, но и Черномырдин, миллиардер и миротворец в одном стакане, но и министр Иванов, столь сладострастно целовавший Олбрайт, что мамы стали отгонять от телевизоров несовершеннолетних детишек.

Целый месяц эти два господина источали миротворческую патоку, а натовцы взрывали детские дома и больницы, посыпали Белград касетными бомбами, вымарывали с карты Европы Югославию, а из списков народов – сербов. Сербы взывали к России: «Дайте, братушки, зенитно-ракетные комплексы!.. Пришлите в Адриатику эскадру!.. Умоляем, снарядов и топлива!..» А вместо этого им посылали птицеязычного Черномырдина и взволнованного, как лепесток цветка, Иванова. И горели по всей Сербии пожары, и русские плакали от позора и бессилия.

Миссия Черномырдина, блокируя патриотические настроения в России, увенчалась торжеством концепции НАТО. Косово оккупируется войсками-убийцами, русский контингент становится придатком НАТО, Милошевича ждет клетка.

Этой мерзости, осуществляемой пронатовской компрадорской группировкой в России, воспротивились русские генералы. Впервые с 91-го года попранная и оскорбленная армия, лишенная голоса, деморализованная «чеченским синдромом», некормленная, вооруженная старьем, – впервые армия открыто заговорила о национальных интересах страны. Мужественные генералы, совершив нравственный и воинский подвиг, отказались поддерживать предательский «план Черномырдина».

Генштаб выработал дерзкую схему молниеносного броска из Боснии, через Югославию, в Косово десантников, ограничивающих произвол НАТО, спасающих Югославию от разгрома. Эта схема была предложена Ельцину. Тот неожиданно ее утвердил.

Он утвердил ее, потому что в войне с Лужковым ему нужен хоть один патриотический козырь. Потому что следует задобрить Думу, которой навязывают «эмвээфовские», читай «натовские», законы о бензоколонках. Потому что Ельцин хочет окончательно сгнобить Черномырдина, выставляя его официантом, обслуживающим Гора, Солану и Кларка.

Сегодня все это так. Но завтра Абрамович шепнет словечко в розовое ушко Татьяны Дьяченко, а та поскоблит затылок дремлющему в гамаке папаше. И появится указ, отзывающий русский десант из Косово, и Черномырдин получит «Нобелевскую премию мира имени Риббентропа».

В древности 300 спартанцев удерживали тысячное войско персов. Сегодня 300 русских десантников удерживают армаду НАТО.

Июнь 1999 г.

Молимся за русский «бэтээр»

На Балканах подходит к концу одна из самых таинственных и отвратительных войн, где жестокость и безнака-

занность, манипуляция могучими народами и стравливание великих религий, сверхсовременная техника и вечное, как мир, предательство превратили цветущую Сербию в месиво кровавых костей, взорванных металлических конструкций, в «черную дыру» разочарований и тоски. Над всем возвысилась в сатанинском великолепии «Вавилонская башня» НАТО. Из легированных сплавов, электронных систем слежения, сверхточных ракет, космических группировок, подводных океанских флотилий эта башня на каждом из своих витков в строгой иерархии разместила народы, парламенты, политических лидеров, кумиров искусства и церковных владык. На одном из предпоследних витков расселись улыбающиеся лидеры «золотого миллиарда». У подножия копошатся сонмища погранных, обращенных в рабов народов, питающих ненасытную башню своей плотью и кровью. На ее вершине, на алмазном престоле, готов угнездиться Оболститель мира сего, подняв в небеса витые золоченые рога, в зареве которых виден каждый «В-52», каждая складка на шее Олбрайт, каждая капелька слизи на лице Черномырдина.

Несколько стратегических целей достигла Америка с помощью этой войны.

Оттесненная, почти выдвленная из Европы за время правления Коля, она вернулась с идеологией коллективной победы над сербами, включив в эту победу православную Грецию, мусульманскую Турцию, беременную новым планом «Барбаросса» Германию. Испуганная конкурирующим возвышением евро, растущей экономической мощью объединенной Европы, она подорвала эту мощь, взвалив на «Европу-победительницу» сначала войну, а потом восстановление разрушенной Югославии. Не умея после распада Варшавского Договора объяснить народам смысл и назначение НАТО, она показала пример победоносного глобального действия, вовлекла в это действие восточноевропейских пигмеев — Польшу, Болгарию, Чехию. Как жалкие воробьи в зловонном гнезде орла, они чувствуют себя в безопасности, поступив в

услужение к НАТО. Она показала России, что значит «движение НАТО на Восток» – блокада воздушных коридоров в Европу, закрытие Средиземного моря, полнейшее пренебрежение российскими интересами, смутно и импульсивно блуждающими в угарном мозгу кремлевского пациента. Она показала, как с помощью российской «пятой колонны» – агентуры НАТО на НТВ и в МИДе, в администрации президента и в либеральной культуре – можно морочить русских, заговаривая их баснями министра Иванова под грохот взрывааемых белградских больниц и школ.

Она, Америка, показала нам, русским патриотам, что внешний враг, НАТО, тождествен внутреннему – ельцинизму. Спасибо ей за это. Она, Америка, показала, что ее ненавидят русский пролетарий и русский бандит, русский профессор и русский пацан, кидающий в посольство тухлое яйцо. Спасибо ей за это. Она, Америка, показала миру, что является злом для всего человечества, и нет другого выхода у людей, нежели строить напротив чудовищной натовской «Башни Татлина» свою собственную – «Башню Антиамериканизма». Спасибо за это Америке.

Русское сопротивление, вовлеченное сегодня в ажиотаж предвыборной кампании, не выпускает из виду этой новой грозной реальности. Смехотворны заявления Тулеева о «здравом смысле», которые есть не более чем симптомы пластичного соглашательства с Ельциным. Смехотворна думская борьба вокруг бензоколонок и позументов Починка, ибо деньги, которые необходимы армии, науке, медицине и культуре, постоянно изымаются из национального богатства абрамовичами, лежат на дне их кубышек. Только национализация вернет России флот, Космос, здоровье детей и место под солнцем.

Русский «бэтээр», несущийся в Косово, не подчинен ни Кларку, ни Сергееву. Он подчинен грядущей России, которая, страхнув ельцинизм, обретет блеск империи времен Петра, Екатерины, Иосифа Сталина.

Июнь 1999 г.

Ельцина похоронят в лунном кратере

Президентский лайнер «Россия» – летающий госпиталь с искусственным сердцем, синтетическим мозгом, пластмасовой почкой, стеклянной печенью. Направляясь на встречу «восьмерки», пациент лежит в салоне, под колпаком, перевитый проводами, среди мигающих экранов и лампочек. Снимаемые поминутно анализы мочи передаются через спутник Акчурина и Дебейки.

Он сходит по трапу, вцепившись в руку жены, опасливо переставляя ходульные ноги, боясь, что его бросят, и он опять упадет на ковровую дорожку под ноги почетного караула. И куда подевался декабрист Якушкин, и где бумажка с крупными буквами, на которой написано название страны и имя ее президента?

Внезапный прилив энергии, властного гнева и нетерпения – подействовали наконец стимуляторы. Ударом в грудь отталкивает начальника личной охраны, сходит с дорожки в сторону. Все пугаются: не увидел ли он знакомое шасси самолета, не желает ли по привычке пометить его струей. Но нет, он идет к журналистам. «Четвертая власть» – его любимцы. Они разнесут по свету его добродушную грубоватую шутку, его сенсационное заявление об уничтожении русских ракет или о рязанских десантниках, идущих в Мадрид, или об очередном преемнике, или об отставке кабинета Степашина. Журналисты суют ему в нос, как медведю в клетке, гуттаперчевые набалдашники, косматые банники, целлулоидные кубики микрофонов. Жуют резинку, хлопают перед его носом клейкие пузыри. Охрана с трудом прогоняет журналистов, показывает им из-под полы пистолеты.

В машине ему становится плохо. Не видят глаза, гудит голова, он глотает таблетку, просит телохранителя, называя его по старинке Коржаковым, снять с него ботинки. Босой прибывает в резиденцию. Принимает швейцара за президента страны, хлопает его по плечу, обнимает. Намекает, что при

известных обстоятельствах может отдать ему Курилы. Дарит икону. Справляется о здоровье красавицы-жены.

На первой встрече «восьмерки», которая проходит без галстуков, не желает сидеть на месте. Ходит по столам, всех называет по имени: кого Билл, кого Жак. Шредера называет Гельмутом. Блейера называет Маргарет. Японца называет Хоккайдо. Итальянца в шутку называет Муссолини. Весел, дружелюбен, среди своих, глава могучей державы. Как Сталин, может привести свои дивизии в Кельн. Как Хрущев, может наступать по столу башмаком. В шутку, конечно, над преодоленным имперским прошлым.

Обед, чудесное время. Конец изнурительным переговорным речам, нашептыванию референтов.

«Пьем за здоровье Билла!.. Только до дна, до дна!.. До дна, тебе говорю, не то силой волю!.. Знашь, как у нас на Урале!..»

После обеда становится тошно. Быстрая, в десять рук, промывка желудка. Немного рвотного. Массаж предстательной железы. Логопед возвращает речь. Окулист возвращает зрение. Психиатр двумя легкими ударами мокрого полотенца добивается полной вменяемости.

Шагает бодро, пританцовывая, как ухарь-купец, как косарь в заливных лугах. Напеваает «Калинку-малинку». Загадочно ухмыляется, отыскивая и не находя лысину Аскара Акаева, куда так звонко и ловко можно вогнать перебор деревянных ложек. Или Костикова, которого – бросить в Рейн, и вся «восьмерка» хохочет, кидает ему в реку устриц, омаров, и Костиков плывет по-собачьи, благодарно съедает дары.

В самолете, по дороге домой, у него отнимаются ноги, язык с трудом выталкивает неразборчивый звук: «Утя!». Наина Иосифовна догадывается, что президент зовет Путина. Их соединяют через спутник, и президент узнает у председателя Совбеза точное время.

Под крылом огромного крылатого госпиталя – Россия, угрюмая, ненавидящая. Затягивает самолет своей гравитацией, неотвратимая, как Страшный Суд.

«Анафема!» – раздается из русских церквей. «Анафема!» – вторят русские леса и болота. «Анафема!» – летит из каждого русского города, из каждого дома, из каждой семьи. И нету сил помолиться, и не у кого просить прощения, и кто-то чернорожий, хохочущий, с серебряными витыми рогами, с алмазной шестиконечной звездой, склонился к его неудобному, застланному клеенками ложу.

Июль 1999 г.

Яйцо Ельцина работы Фаберже

Ельцин подарил свой штандарт в музей «Эрмитаж», а ночные тапки – в музей Вооруженных сил. Локон Наины Иосифовны красуется в музее Пушкина рядом с локоном Натали. Пуговка от лифчика Татьяны Дьяченко находится в частной коллекции. Скелет президента, без права продажи на аукционах, завещан в Зоологический музей. «Семья» собирается в эмиграцию и хочет оставить по себе добрую память.

Она оставляет наследника, не называя его имени, заставляя гадать россиян, к какому феодалу они перейдут, когда самолет «Россия» улетит в баварские Альпы, и Ельцины-Дьяченки поселятся в старинном замке Гармиш, излюбленном месте Гитлера.

Среди наследников называют Черномырдина. Он посадил страну в долговую яму, побрызгал русской кровью набережную перед Домом Советов, спас террориста Басаева, оставил русские войска в Чечне, после чего бородачи Хаттаба взрывают небоскребы в Москве и торгуют русским живым товаром. Он же – «спецпредставитель президента России по предательству Югославии», заставил капитулировать Милошевича и обрек косовских сербов на истребление.

Еще называют Степашина. Легкий, как целлулоид, перепрыгивающий из катастрофы в катастрофу, улыбчивый конферансье, чьих шуток с нетерпением ждет русский зри-

тель, уставший от Жванецкого и Задорнова. Он проиграл все спецоперации в Чечне, когда руководил ФСБ, не раскрыл ни одного ужаснувшего страну преступления, когда был главным милиционером страны. Как пластмассовый шарик, танцует на струях фонтана, подбрасываемый вверх то Чубайсом, то Березовским. Если к осени он затеет войну на Кавказе, запретит компартию, вынесет Ленина из Мавзолея, в нем угадают наследника, и Зыкина, как голубка, перепорхнет с плеча Черномырдина на плечико Степашина, пометит его своей преданностью и любовью.

Не следует забывать о Лужкове. Талантливый хозяйственник, он воздвиг златоглавый Храм, переносит, как в сказке, мосты, запустил кольцевую дорогу, обложил оброком каждый сантиметр асфальта, запретил РНЕ, дал приют Ястржембскому, чуть покусан Кириенко. Умница, футболист, знаток ремесел и блюд, зимний ныряльщик, строитель синагог, превратил Москву в великолепный сверкающий Град, похожий на ослепительную хрустальную люстру, освещающую путь всей России. Вот только десять процентов московских проституток заражены СПИДом, одаряют «демократическим вирусом» приезжающую поглазеть провинцию. Здесь, в Москве Лужкова, начинается апокалиптическая эпидемия, карающая город миллиардеров и содомитов.

Ельцин уйдет, и его погребут на обратной стороне Луны. Наина с Татьяной скроются среди позолоченной лепнины европейских старинных замков. А «наследники Ельцина» – россели, аяцковы и титовы – кинутся на измученную, с подрезанными поджилками страну и станут выламывать из нее кто берцовую кость, кто окровавленный плачущий глаз.

Патриоты, не млейте на своих огородах. Не спасайтесь от жары в ленивых прудах. Началась предвыборная беспощадная схватка. Проиграем – и останемся чернью, над которой будут хохотать прибалтийские карлики, вооруженные «М-16», болгарские турки, забывшие Скобелева, не дающие коридора русским десантникам. Названия русских деревень станут писать на иврите. Оставшиеся шестьдесят миллио-

нов русских пошлют в школы официантов, массажистов и девушек по вызову.

Патриоты, не верьте Невзорову, за ним стоит Березовский. Верьте НПСР и Макашову, – за ними стоит сражающаяся, одна против всего сатанинского мира, Россия!

Июль 1999 г.

Иосиф Сталин несет ледоруб

О чем были последние кровавые мысли Андрея Первозванного, прибитого гвоздями к кресту? Тараса Бульбы – на дыбе, в гудящем огне? Боярыни Морозовой – в цепях, на вонючей овчине? Сусанина – в глухомани, среди польских сабель? Генерала Карбышева, леденеющего в солнечной глыбе? Генерала Макашова – в разбитом танками Доме? О чем сегодня мысли русского патриота, изведенного борьбой, неудачами, посреди изнывающей Родины?

Не счастье врагов. Пугают тюрьмой, погромом, взрывами, пожаром Москвы. То моргающей репой возникнет голова Крашенинникова. То черным стручком нависнет министр Рушайло. Мечется над Россией трехпалая клешня, сжимает лом. Победоносно вернулся Чубайс, как медная сковорода, на которой шипит, поджаривается чей-то синий вырванный глаз. Злой сорокой трещит Березовский, скачет по кремлевской стене, колотит клювом красный гранит Мавзолея. Дни и ночи вылизывает страну ядовитый язык НТВ. В каждом доме – капелька разноцветного яда, от которого мутнеют мозги, западает сердце, лопаются сосуды в глазах. Русская баба, насмотревшись Миткову, начинает выть, как волчица. Русский мужик, послушав Киселева, выливает в родной колодец солярку, кидает горящую ветошь.

Лидеры, вожди, обожаемые народом кумиры – кто исчез, как дым от сигаретной затяжки, приткнулся в какой-нибудь банк или фирму. Кто перепрыгнул через баррикаду и теперь пирует с врагом. Кто спятил, сошел с ума, возомнил себя Па-

пой Римским. Где ты, блистательный Невзоров, заступник сирых и босых, певец ГКЧП и Победы? Почему ты носишь сюртук Березовского, ешь с его золотой тарелки?

Витийствуют лжепророки. Солженицын с каиновым шрамом на лбу все обустроивает Россию, все поправляет на ней погребальный венок. Михалков в острых штиблетах, закиданный тухлыми яйцами, все золотит купола, пускает фейерверки, развешивает портреты царей.

И куда ни глянь, везде ликуют враги. Там изгоняют из Косово последнего серба. Там готовят к затоплению станцию «Мир». Там Назарбаев, ненавистник России, закрывает космодром Байконур. Латвийские карлики запретили русский язык. Бородатый Хаттаб, напротив, выучил русский и грозит подорвать Барвиху. Эстонский ээсовец похоронен под звуки гимна. Губернатор Прусак, постельничий Ельцина, призывает отменить Конституцию. Абрамович под Мюнхеном строит для Дьячки дворца. Град размером с кулак падает на Москву. Саранча из диких пустынь, услышав о создании «Правого дела», летит в Россию помочь Кириенко. Торфяники не вынесли иссушающих речей Черномырдина, загорелись. И везде, куда ни глянь, к каждому человеку, к каждому доброму делу присосался упырь. Сосет, наливаясь клюквенным соком. Румяный волдырик, веселый, насмешливый. Не путать с премьером Степашиным.

Что делать русскому человеку, глядя на сонмы врагов, слушая их победные клики, видя, как ночью в форточку просовывается нос Жириновского?

Вспомнить, что муки твои – ничто перед муками Родины. Вспомнить, что Родина требует верности до последнего вздоха. Стряхнуть наваждение и увидеть рядом миллионы патриотов России. Сквозь все дымы узреть немеркнущее Русское Солнце. Сквозь все ночные туманы восхититься негаснущими Русскими Звездами. Прийти в собор и увидеть «Спаса Златые Власа». Прийти на митинг и услышать генерала Варенникова.

В Россию из Германии приехал Александр Зиновьев. Фронтвик и философ, дважды за жизнь, тогда и теперь, он вы-

рвался из немецкого котла. Приехал, чтобы сражаться с режимом. Если Зиновьев с нами, а Костиков с ними, кто победит?

Валаамскому монаху на острове среди бела дня явился Иосиф Сталин. Держал в руках ледоруб. Ничего не сказал и ушел по водам.

Июль 1999 г.

От Черномырдина исходит угроза холокоста

Прилюдная борьба олигархов и телевизионных магнатов напоминает драку двух жуликов, не поделивших краденое, и тут же, на улице, на глазах обворованной публики, избивающих друг друга. Жестоко, насмерть, до кровавых соплей, до выбитых зубов на асфальте. Во время драки из них выпадают краденые кошельки, снятые часы и браслеты. И люди, узнавая свои исчезнувшие было вещички, только ахают, охлопывают вспоротые, опустошенные карманы.

Во время драки, сквозь визг и мат, безобразники выкрикивают имена главных паханов. Народ, оглуленный выборами, передачей «Я сама», похожим на зайца Макаревичем, который уж год без устали строгающим на экране морковку, – народ вдруг убеждается, что «малина» сидит в Кремле, в Белом доме, в мэрии, в Газпроме. Уворовывают разом половину бюджета, треть добытой нефти, четверть газа и золота. Не гнушаются вырвать пустышку у голодного ребенка из дома подкидышей.

Благонамеренный, читающий наизусть Шукшина Степашин просит олигархов помириться. Раздраженный Волошин, которого обвиняют в соитии с «золотым тельцом», – а это уже почти скотоложство, – грозит уголовным преследованием. И только Черномырдин, чьи слова, как правило, на сутки опережают его мысль, раздраженно заметил, что, дескать, два еврея дерутся, а вся Россия должна смотреть.

Какие страшные последствия вызвали слова простодушного Виктора Степановича!

Физиономисты из Еврейского конгресса отметили гестаповское, ээсовское выражение его лица. Другие, сняв рисунок его лобных морщин и складок, обнаружили свастику. Третьи объявили НДР, возглавляемую Черномырдиным, антисемитской организацией и потребовали ее запрета. Четвертые обратились к президенту с призывом разогнать Думу, где свила себе гнездо фашиствующая партия. Знатоки холокоста отметили связь Газпрома с газовыми камерами Освенцима. Стали ждать еврейских погромов, осквернения еврейских кладбищ, поджогов синагог. Посол Израиля нанес визит премьеру и потребовал объяснений. Статистика зафиксировала массовый отток евреев из России. Иосиф Кобзон перестал раскланиваться с соратницей Черномырдина Людмилой Зыкиной, а на концерте, где отмечался вековой юбилей певицы, фашиствующие молодчики приветствовали юбиляршу истошным криком «Зыкхайль», выбрасывали вперед руку с кусочками оренбургского пухового платка. Известный политолог левых взглядов, чьи симпатии простираются от ГКЧП до братьев Черных, заявил, что страна сделала еще один шаг в направлении «русского фашизма», и путем сложных астрологических выкладок установил тайные связи Черномырдина с газетой «Завтра».

Как на все это должен реагировать русский народ? Бежать в Белый дом, поддерживать неутомимого в обещаниях Степашина, борца с национализмом и фашизмом? Или бежать в «Наш дом – Россия», поддерживать Черномырдина, который после сказанного дал обещание еврейским друзьям ампутировать свой язык?

Народ скажет по-шекспировски просто: «Чума на оба ваши дома, а мы пойдем к другому! На выборах в Госдуму проголосуем за народно-патриотические силы России!»

Июль 1999 г.

За русский народ! За родину! «За победу!»

Они срослись желудками, пищеводами и предстательными железами – драконы Гусинского и Березовского. Но

жалят друг друга ядовитыми языками, обдают один другого зловонным сернистым дымом, ранят отточенными, как сабли, клыками. Дракон Березовского винит НТВ в том, что оно сожрало государственные миллиарды, имеет даровой, за счет государства, сигнал, но при этом хамски изгоняет из администрации Ельцина чахлого, в рыжей плесени Волошина. Дракон Гусинского хрипит о том, как разворовывают подконтрольный Березовскому «Аэрофлот», какая часть бюджета пошла на отделку малахитового кабинета Ельцина, как правят страной придворные ветеринары, вычерпывая серебряными ложечками остатки жидкого мозга из разъятого черепа кремлевского пациента.

Каждая передача НТВ и ОРТ – новый том уголовного дела. Но нет в стране прокуратуры, нет прокурора. Бушует океан беззакония, над которым летает безгласная белокрылая Чайка.

А что премьер Степашин, чей рейтинг достиг популярности куплетиста Жванецкого, генерал-брандмейстер, что обожает ваххабитов, провалил чеченскую войну, операцию в Первомайске, обещал через день освободить похищенного Шпигуна, превентивно бомбить базы Хаттаба, обещал покончить с русским национализмом, коммунизмом, с бензиновым кризисом? Он в упоении. Шутит направо и налево. Читает стихи, арабски. Обнимается с Шираком и Клинтонном. Бранит Милошевича.

Пунцовый от удовольствия, чувствуя себя комильфо в собрании матерых американских бизнесменов, миллиардеров Западного побережья, так расчувствовался, что послал им обеими руками воздушный поцелуй и воскликнул, как сантиментальная голливудская актриса: «Я вас всех очень люблю!», чем вызвал радостный гогот мужиков, не замеченных в гомосексуальных пристрастиях. Степашин все больше похож на малиновый праздничный шарик, который вот-вот ответится и улетит в никуда.

«Отечество» Лужкова братается со «Всея Россией» Шаймиева. Так братаются крабы, подсовывая друг под друга разноцветные клешни. Ну что ж, в ходе предвыборной кам-

пани Лужкова самое время будет поговорить о расстреле Дома Советов в 93-м, об избиении ветеранов на московских улицах в 92-м, о московской строительной мафии, о преступных группировках, поделивших между собою столицу. Ну и, конечно же, о пластмассовых крышках для унитаза, сделанных по рисункам Церетели.

Все это творится под взрывы петард вокруг синагог. «Мойша, сынок, вытри, пожалуйста, пыль на старых рукописях рабе Шнеерсона!.. Нет, немного выше!.. Нет, чуть левее!.. Ты ничего не видишь?.. Посмотри внимательно, ты ведь хороший мальчик!.. А теперь быстрее вынеси этот пакетик на улицу и передай Соломону!..» Вы знаете, как взрывают храмы? Так, как это делают албанцы в Косово с православными церквями – до фундамента, в мелкую крошку. Вы знаете, как совершают теракт, когда хотят истребить? Так, как уничтожили недавно нефтяного барона в Питере, – гранатометом, вдребезги, в кровавую кашу! Бархатные взрывы у московских синагог лишь увеличивают очереди эмигрантов у ворот посольства Израиля да вызывают тихие улыбки на устах агентов «Натив».

Создается патриотический предвыборный блок «За Победу». Скачет по русским просторам ослепительный Всадник. Держит на весу сверкающее копьё. Солнце блестит на доспехе. У кремлевских врат – связанная царевна. Драконы жалят девичью грудь. Летит Победоносец, целит копьё в ядовитый драконий язык. Содрогаются преисподняя. Падают к Мавзолею штандарты. Варенников несет штурмовое берлинское знамя. Из неба – указующий перст. Вечная икона России.

Август 1999 г.

Хаттаб – агрессор, Ельцин – предатель

Благополучный обыватель, любитель ток-шоу, лопух, пацифист, интеллектуальная база режима, увидев на экране гробы и похороны русских военных, изумится: «Откуда война в Дагестане? Там ведь Расул Гамзатов, такие хорошие

люди!» Для этих домашних животных, вечно голосующих своим козлиным сердцем, ответим: бойню в Дагестан перенесла из Чечни московская власть, помешав в свое время русским войскам добить бородачей Басаева и Хаттаба, уничтожить ядовитое гнездовье, способствуя созданию на Кавказе хищного антирусского государства, впившегося, как клещ, в связанную, обессиленную Россию. За новую кавказскую войну во всей ее полноте ответственны: Черномырдин, позволивший Басаеву уйти безнаказанно из Буденновска. Лебедь, предавший в Хасавюрте Россию, спасший от разгрома армию Масхадова. Рыбкин, лицемерно закрывавший глаза на статус Чечни, давший разбойникам в Грозном стратегическую передышку. Березовский, придумавший «нефтяной мир» с Чечней, парализовавший политику России на Кавказе. Банкиры, в чьих банках крутятся несметные чеченские деньги, залог благополучия олигархов. Московская власть, сросшаяся с чеченскими группировками, скупившими в Москве гостиницы, казино и торговые центры.

Как при дворе Николая II существовала «немецкая партия», передававшая военные секреты кайзеру, мешавшая наступлению русских войск, устранявшая из армии и правительства патриотов, так и теперь в Кремле существует мощная «чеченская партия», передающая разведанные Басаеву, направляющая с русских оружейных заводов оружие в ряды воюющих боевиков, торгующая русской нефтью в интересах вооруженных агрессоров.

События в Дагестане станут развиваться по испытанной подлой схеме. Российская группировка героическими усилиями, с земли и с воздуха, разгромит вторгшихся в Дагестан ваххабитов. Хаттаб, воспользовавшись предательством в штабах, прорвется в глубь России и захватит роддом или атомную станцию. Миротворец Черномырдин по телефону обратится к иорданцу: «Товарищ Хаттаб, отпустите заложников, и мы договоримся о мире». Русские войска отступят, а женщина-репортер с НТВ, вся в черном, будет надрывно показывать разрушенные русской авиацией села, детские трупы, брать интервью

у мужественных, утомленных в боях ваххабитов. Матерей из Сибири и Вологды пошлют на фронты Дагестана, покажут им морги, безглавые трупы, и они начнут выцарапывать глаза командирам. Никто в Москве, включая унылого Строева, не введет в районе боев чрезвычайное положение, и армия, без юридического статуса, под градом пацифистских СМИ, превратится в разложившуюся толпу. Мусульманские лидеры из политического медресе «Вся Россия» станут говорить о геноциде мусульман на Кавказе, а представитель Америки Рубин заявит об этнических чистках и гуманитарной катастрофе. НАТО пошлет на Кавказ «невидимки», а пронатовские фракции в Думе, ссылаясь на валютные займы, позволят миротворцам из Берлина и Лондона разместиться в Махачкале.

И в громадной, оскверненной «демократами» России не найдется государственного мужа, способного в интересах Родины провести элементарные, обеспечивающие целостность государства действия. Интернировать в русских губерниях и столицах нелояльных чеченцев, в чьих офисах, банках и казино скрываются ядерные террористы. Запретить появление на фронтах тележурналистов НТВ и ОРТ, установить жесткий информационный порядок. Ввести в районе схваток чрезвычайное положение, развязав войскам руки. Обратиться к народу за поддержкой, выражая братские чувства всем народам Кавказа, Восславить сражающуюся армию, несущую потери милицию, доблестную разведку.

И тогда от ваххабитов, которых так любит Степашин, от чеченских бандитов, закадычных друзей олигархов и московских правителей, останутся косматые вонючие шапки, чуть-чуть подрыванные русскими снайперами.

Август 1999 г.

Ельцин — вор, Дьяченко — воровка?

Что может примирить с жизнью изнасилованную, оскверненную женщину, над которой надругался похотливый на-

сильник? Только прилюдный расстрел насильника. Что может примирить с жизнью вдов, сирот, погорельцев, чьи дома сожжены, святыни разрушены, мужья и отцы убиты, чья Родина разорена и попрана вероломным кровавым извергом? Только прилюдное, под гром барабанов, повешение изверга, как это было с Риббентропом и Кейтелем.

Русский народ, чья религия, национальная этика, жертвенный стоицизм основаны на божественной справедливости, которая положена в основу земной и небесной жизни, управляет Вселенной, деяниями царей и святых, лежит в основе поверий и сказок, в характере народных героев, – русский народ требует Возмездия за страшное злодеяние, совершенное Ельциным. Этому злодеянию нет равных в истории царств. Вскормленный на народных хлебах, допущенный народом к управлению государством, получивший от наивного верящего народа ключи от власти, Ельцин этими ключами запер народ в гнилой темнице, передал их лютым врагам России. Восемь лет они убивают страну, кромсают ее топором, выгребают из ее закромов и ризниц хлеб и золото, гадят в алтарях, вытирают ноги о хоругви и стяги. А из ямы несется слезный вой пленного, миллионами вымирающего народа. Нерон и Гитлер – меньшие злодеи, но их настигло возмездие. Узурпатор Ро Дэ У и филиппинский вор Маркос – меньшие грешники, но их настигло возмездие. За гибель Советского Союза, за разрушение России, за предательство, перед которым Мазепа и Власов – агнцы, Ельцина постигнет Возмездие, исправляющее уродливый вывих русской истории, связанный с ельцинизмом.

Витающая в воздухе идея Возмездия станет одной из главных тем начинающейся предвыборной битвы. Если движения и партии являются народными, русскими, готовыми или погибнуть за свой народ, или поднять его на великое победное Возрождение, то эти партии в основу предвыборных обращений к народу должны поставить идею глубинной русской справедливости, а значит, воздаяния за кровавые злодеяния ельцинизма. Партии Возрождения одновременно

есть партии Возмездия. Те союзы и блоки, на чьих белоснежных манжетах и шелковых галстуках, нарядных чалмах и кожаных кепках не высохла народная кровь, – те уклоняются от идеи Возмездия.

Рахимов из «Всей России» дал понять Ельцину, что обеспечит ему полную неприкосновенность. Примаков, из которого Киселев тщетно старается сделать Кутузова, многократно и жалко уверял, что он проельцинской ориентации. Лужков, собравший в «Отечество» самых постылых народу ельцинистов, весь липкий от медоточивых похвал президенту, от лстивого еля, коим поливал гниущее кремлевское тулово, – Лужков едва ли потребует Возмездия за преступление 93-го года, тогда он был вместе с Ельциным. Черномырдин, раздувшийся от несметных богатств, ответственный за русскую экономическую катастрофу, за разорение заводов, за кровь Дома Советов, за проигрыш в Чечне, за долговую яму, куда запихнули Россию, – он сам подпадает под идею Возмездия. Как, впрочем, и Явлинский, ставший вдруг патриотом, распрямивший каждый курчавый волосок на своей умной головке, – не он ли вместе с Гайдаром и Немцовым требовал подавления защитников Дома Советов? Не станем поминать Жириновского, напоминающего набалдашник больничной клюшки, на которую опирается Ельцин.

Номенклатурная саранча, заседавшая при Горбачеве в обкомах и министерствах, при Ельцине сожрала Советский Союз, захватила в собственность народные газопроводы и аэродромы, дворцы и больницы, запихала себе в карманы народное добро, купила виллы в Ницце и в Австрийских Альпах, обзавелась счетами в швейцарских банках, и теперь, видя, что кит ельцинизма сдох и смердит на весь мир, эта лукавая нежить торопливо перебегает в новый период истории. Желает оставить за собой награбленное и дальше пировать, воровать, теперь уже не под звуки «Семь-сорок», а под русскую балалайку и сиропные песни Зыкиной. Посмотришь на эти объединительные съезды – что ни личина, то русская смерть и беда.

Господин Говорухин, вы пришли бороться с криминальной революцией рука об руку с Лужковым? Пришли в его общество, чтобы поклониться памяти расстрелянных в 93-м году? Битых насмерть ОМОНОм, окруженных спиралью Бруно, питанных на стадионе, сожженных в ночных крематориях? Теперь вы и Лысюк, заваливший Останкино трупами, – в одной компании. Господин Говорухин, на ваш белый воротничок упала малая красная капелька, осела крохотная пылинка пепла.

Россия с избитыми в кровь ногами, в разодранном плаще, посыпанная прахом, справедливая и бессмертная, подымает к небу гневную длань. Требует святого Возмездия.

Сентябрь 1999 г.

Батарея!.. По врагам России!.. Огонь!..

Армия, родная, краснознаменная, ордена Суворова первой Степени, Берлинская, Манчжурская, Дагестанская, мочи их, сук бородатых! За изнасилованных русских женщин! За казненных и замученных в рабских подвалах! За расстрелянных русских батюшек! За Женю Родионова, которому отрезали голову! За русских танкистов, сожженных в Грозном! За мальчиков, охмуренных наркотиками! За девочек, проданных в Турцию! За дома в Печатниках и на Каширке! Мочи их, бородатых, в Новоласком районе и в Хасавюрте, и в Буйнакске! Достань их в Ведено и в Бамуте! Генералы, жалеите «сынков»! Воюйте не числом, а уменьем! Сперва штурмовики, на средних высотах, по дотам и бетонным укрытиям! Потом вертолеты, «нурсами» и ракетами – по скоплениям! Танки прямой наводкой – по пещерам и норам! «Ураганами» – по окопам, по подземным штабам! «Гиацинты» – по перевалам, по путям отхода, по складам оружия! Потом спецназ, малыми группами, под прикрытием «бээмпэ»! По снайперам – «самоходками»! Работать «шмелями» и «мухами»! Работать подствольниками! Мотострелки, берегитесь «растяжек»! Не суйтесь в

дома: сперва две гранаты – в окошко и в дверь, – потом перебежками, с кувырком, по-афгански! Ополченцы, аккуратней с оружием! Без «броника» не ходить! На брустверах зря не толпиться! Дырку в башке жене не покажешь! «Проческу» вести грамотно – Ахмет идет, Махмуд прикрывает! В «зеленку» по одному не соваться, ваххабиты в плен не берут!

Мужики, не остервенитесь! Не всякий чеченец – враг, не всякий Степашин – друг! Лежачих не бить! Пленных не стрелять! Убитых врагов закапывать на глубину полметра ниже уровня моря!

Батарея!.. Цель «301»!.. Осколочными!.. Беглый!.. Огонь!..

Как страстно каждое русское сердце желает войскам победы. Как верит в доблесть и талант генералов Трошева и Шаманова. Как надеется на стратегическую прозорливость Квашнина. Как восхищается отвагой липецкого ОМОНа. Молится за экипажи «сушек» и вертолетов. За десантников и морских пехотинцев. России нужна эта победа, чтобы люди наконец взглянули друг другу в глаза. Чтобы женщины рожали и хлеб колосился. Чтобы мерзавцы, вгоняющие кол в русскую могилу, ужаснулись от того, что кол превратился в гранатомет и шарханул им в лоб.

Армия, ты выстилаешь своей кровью склоны горы Чабан. Ты салютуешь над могилами своих летчиков и пехотинцев. Ты втыкаешь простреленные штурмовые знамена на взорванных дотах Новолакскса. Следи, чтобы у тебя не украли победу, как это было в Чечне. Чтобы Черномырдин за спиной атакующей «Альфы» не позвонил иорданцу, не сказал: «Товарищ Хаттаб!» Чтобы Березовский своим блеющим голосом не заступился за друга Масхадова. Чтобы Лебедь вновь не уселся с Басаевым за партию шахмат, не повторил хасавюртовское предательство. Чтобы Рыбкин, пустой и звонкий, как сухая тыква, не настаивал на неопределенности статуса Чечни. Чтобы правозащитник Ковалев не мелькал в стане чеченских полевых командиров. Чтобы Масюк не брала интервью у сидящих на коврах террористов. Чтобы Явлинский на заседании Думы не вылезал с пацифистской речью. Чтобы рыжеватый

худосочный Волошин, немощный, как прелая ботва, не использовал дагестанскую войну для введения чрезвычайного положения, для отмены выборов, для сохранения награбленного добра в руках воров-олигархов. Армия, если увидишь кого-нибудь из них на позициях, дай под зад, чтобы летели, не касаясь земли, и вслед им – холостыми, с трассерами!

За оскорбленную Россию!.. За взорванные дома!.. За переломанные кости!.. За слезы наших матерей!.. За Красную площадь!.. Батарея!.. Осколочно-фугасными!.. Залпом!.. Огонь!..

Сентябрь 1999 г.

Ельцин и Дьяченко эмигрируют в Баварию

Маленький Шахрай с беспокойными глазками и отточенными резцами изгрыз страну, проточив в ней множество дырок от Беловежья до Чечни. И теперь юркнул в норку, отведенную ему Лужковым. В памяти изнасилованного народа он останется как создатель ельцинской Конституции, которую ввели сразу после пожара Дома Советов, когда Ельцин пострелял из пулеметов и танков полторы тысячи русских людей. Эта липкая от крови Конституция напоминает мешок из дерюги, куда, словно картошку, ссыпали целый народ и завязали сверху веревкой. На этом мешке, придавив его задом, уселся Ельцин, возведя над собой с помощью Бородина и Столповских золоченые кремлевские палаты. Если народ в мешке начинает шевелиться, его дубасят сквозь дерюгу палками ОМОНа, хлещут бичами НТВ и ОРТ.

По этой Конституции, закупорившей все формы народного проявления, все общественные права, кроме права на вымирание, – в России последних лет осуществлялись вселенское воровство, чеченская и дагестанская войны, разгром прокуратуры, развал федерации, чехарда бездарных премьеров, черномырдинское предательство сербов, омерзительный театр одного свирепого и необразованного самодура, превратившего власть в непрерывное постыдное хамство.

В итоге оппозиционной Ельцину стала вся страна. Национальная энергия превратилась в энергию ненависти. Тратится не на развитие, не на строительство мостов и университетов, изобретение машин и лекарств, а на борьбу с Кремлем. Эффективная борьба в рамках дефективной конституции невозможна. Это порождает предельный нигилизм, ядовитый анархизм, взрывы в торговых центрах, пьянство в деревнях, наркоманию в дискотеках, политическую мастурбацию в движениях и партиях.

Сегодня в России ненавидит солдат и священник, рабочий и академик, писатель и лавочник. Вороны, летающие над Барвихой, глядящие, как Наина Иосифовна подстригает цветочную клумбу, тоже ненавидят.

Эта ненависть, кипящая в котле, опоясанном обручами внутренних войск и милицейских подразделений, с Рушайло, тревожно глядящим на стрелки манометров, скоро разнесет оболочку. Вырвется на площади городов под хохот мертвого Чаушеску. Эта ненависть начнет искать того, кто был ее причиной. Угодливые поводыри, еще недавно охранявшие и обслуживающие повелителя, услужливо покажут толпе «неведомые дорожки» со следами «невиданных зверей», именуемых «семьей». Покажут и все «избушки на курьих ножках», включая Горки-9 и пансионат «Русь». И тогда учебники русской истории могут пополниться эпизодом, повторяющим отстранение от власти Григория Отрепьева, Петра III, Павла I и Николая II. Много кровавых телец враз увидят солнце.

Семья трепещет. Большой барометр с черной стрелкой, дрожащей у красной отметины, висит в кабинете Волошина. Семья собирается в дорогу, готовится в эмиграцию. И скоро изумленные постовые на Успенском шоссе увидят длинный обоз. Сначала поедет карета, запряженная четверкой лошадей, снятых с Триумфальной арки. В окошке кареты – легко узнаваемое, словно лунный кратер, лицо Гаранта. Рядом – плачущая Наина, машущая кружевным платочком сиротливым деткам, прибежавшим ее провожать. Дальше потянутся подводы с кулями, самоварами, церковными подсвечниками, зеркалами.

На кулях будут сидеть две дочки, то и дело пересчитывающие добро, бранящиеся, не сумевшие поделить золоченый унитаз работы Фаберже. За последней подводой с сеном будут семенить печально блеющие ослики, козлики и унылые пони, и никто не узнает в них Абрамовича, Березовского и Юмашева. Обоз направится в Альпы, в Гармиш, где уже куплен старинный замок. Выезд, быть может, состоится в сентябре, девятнадцатого. Примаков обеспечит беспрепятственное пересечение границы. На тайных проводах будет присутствовать Лужков, приняв заржавелый ключ от России.

Товарищи пограничники, не пропускайте обоз. Товарищ Скуратов, проверьте, не значатся ли упомянутые эмигранты в списках Карлы дель Понте. Не являются ли 15 миллиардов, перекачанных через «Банк оф Нью-Йорк», пособием по безработице для бывшего президента. Товарищи таможенники, убедитесь, что три задержанных вами тетки не везут в желудках экспонаты Алмазного фонда, а козлики и ослики не похищены из национального зоопарка «Лефортово».

Сентябрь 1999 г.

Ельцин — в Барвихе, Басаев — в Кремле

Под грохот террористических взрывов, среди кровопролития дагестанской войны пропагандисты Кремля призывают народ консолидироваться вокруг власти. Такое возможно лишь в случае, если власть консолидируется вокруг идеи национальной безопасности Родины, ставя эту идею выше интересов «семьи», кредитных карточек, переводов в «Банк оф Нью-Йорк». Нельзя консолидироваться вокруг «черной дыры», в которой исчезают все живые силы России, — ее деньги, ресурсы, государственная воля, самосознание, честь. Нельзя консолидироваться вокруг предателей, с кремлевского крыльца вскормивших кровавого зверя терроризма.

Сегодня, в предвыборные недели и месяцы, народ пристально вглядывается в лица политиков, размышляя над тем,

кому вручить управление страной, у которой южные границы обуглены войной, города взрываются диверсантами, а кладбища не вмещают убитых и взорванных.

Лидер НДР Черномырдин был тем премьером, кто помешал спецслужбам в Буденновске уничтожить террориста Басаева. На глазах у изумленной России вступил с ним в переговоры, позволил безнаказанно уйти в Чечню. Черномырдин был тем политиком, кто несколько раз, по необъяснимым причинам, останавливал наступления русской армии на последний оплот сепаратистов, спасая их от разгрома, за что и снискал стойкую неприязнь в войсках. Можно ли вокруг такого сплотиться?

Движение «Яблоко», представленное Явлинским, Лукиным и Степашиным, олицетворено теми, кого в террористической Чечне могут считать друзьями. Ведь это Явлинский неистовым думским пацифизмом, осуждая действия сражающейся армии, мешал достижению победы. Ведь это Лукин был одним из участников предательского Хасавюртовского сговора. Ведь это Степашин, в бытность главой ФСБ, бездарно, едва ли не умышленно, провалил операцию по смещению Дудаева, направив под чеченские гранатометы русских танкистов-наемников. Уже теперь, будучи премьером, разглагольствуя о «генеральской чести», он отпустил на свободу одного из кровавых террористов, задержанных органами правопорядка в Москве. Так кто он такой, «друг ваххабитов» Степашин? Можно ли голосовать за «Яблоко», изъеденное липким червяком предательства?

«Отечество – Вся Россия», возглавляемое Лужковым, Шаймиевым, Аушевым, – что сделали они для безопасности Родины? Лужков, пугавший Москву «русским экстремизмом» мнимых фашистов, проглядел у себя под носом террористический экстремизм чеченцев. Шаймиев, под чьей юрисдикцией процветают «террористические медресе», в разгар дагестанского кровопролития запретил «татарским подданным» идти в Российскую армию, что в глазах россиян выглядит как предательство страны в момент наивысшей опасности. Аушев, с чьей территории в 94-м году впервые была обстреляна федеральная

армия, выдвигавшаяся к границам Чечни, пролившая в Ингушетии свою первую кровь, – это в его республике расцвели оффшорные зоны, в которых, как в кровавом котле, варились чеченские криминальные деньги, питали дудаевскую армию, множили русские трупы. Сегодня, стоило наконец российской авиации нанести удары по террористическим гнездам, именно Аушев возопил о жертвах среди мирного населения, парализуя действия федеральных военных.

И наконец «иудина троица» – Лебедь, Березовский и Рыбкин, отложившие в Совете безопасности змеиные яйца предательства, сделавшие орган, отвечающий за безопасность страны, главным источником национальной беды. Из Совета безопасности Лебедь ездил заключать мерзкое Хасавюртовское соглашение. Из Совета безопасности Рыбкин провозгласил свой троцкистский тезис «ни войны, ни мира», откладывая обсуждение «чеченского статуса». Из Совета безопасности Березовский носился в Чечню, мороча голову России «своим чеченским нефтяным проектом», что давало бандитам стратегическую передышку, и они формировали армию, отряды диверсантов, жадно глотая ломти федерального бюджета.

Мы, народно-патриотические силы России, объединенные в блок «За Победу», поддерживаем действия доблестной Российской армии, гордимся подвигом Липецкого ОМОНа, отважными авиаторами, храбрецами ВДВ. Мы приветствуем самоорганизацию народа, создающего свои комитеты и охранные дружины, спасающие свои дома и подъезды, своих стариков и детей. Мы обращаемся к людям: зорче всматривайтесь в лица политиков, предлагающих себя в лидеры общества. Не обнаружат ли их патриотические маски сходства с фотороботами? Не пропитаны ли их кепки, тубетейки и генеральские кокарды гексогеном и сахаром? Прежде чем консолидироваться вокруг власти, из нее нужно вырвать криминальную чеченскую грибницу, заложенную в министерства, в банки, в политические партии.

В России идет война. Люди, будьте бдительны.

Сентябрь 1999 г.

«За Победу!»

Брат! Ты видишь свою любимую Родину раздавленной и оскорбленной. Своих детей – большими и беспризорными. Своих стариков – с невысыхающими следами горя. Твои заводы остановлены. Твои шахты взорваны. Твоя армия без оружия. Вор в чиновном кресле обирает тебя до нитки. Бандит представляет к твоему виску пистолет. Миллионер захватил твой хлеб, твои деньги, твое место под солнцем. Бесится с жиру, меняет иномарки, усыпает бриллиантами своих жен и собак, в то время как ты ищешь корку хлеба для своего нетопленного дома, не знаешь, на что купить лекарство больной матери.

Американец правит Россией. Высасывает русскую нефть, русские таланты, русскую кровь.

Что делать, брат? С каким сердцем пойдешь на выборы? Неужели отдашь свой голос Лужкову, лучшему другу Ельцина? Или поддержишь Явлинского, друга НАТО? Или тебе нравится Черномырдин, задавивший Югославию, поставивший на колени русскую армию в Чечне?

Послушай, что говорим тебе мы, патриоты России, объединенные лозунгом «За Победу!».

Мы укротим безграничную, бесконтрольную власть президента, виновника всех наших бед. Поставим власть самодура, диктатора, душевнобольного, если он вдруг прокрадется в Кремль, под жесткий контроль народа. Под твой контроль, брат!

Мы заставим государство заботиться о своем гражданине. У тебя будут зарплата и пенсия. Твой дом будет обогрет и освещен. Твои дети будут с учебниками, а твои старики – с бесплатной поликлиникой и больницей. Тебя защитит милиция. Ты снова обретешь веру в сильное и справедливое государство. В твое государство, брат!

Мы разгромим мафию. Ты снова увидишь плоды своего труда. Вовремя получишь зарплату, купишь на нее в магазине не заморское, а свое, российское, масло, хлеб, мясо. Твой личный достаток станет достатком страны. Твоей страны, брат!

Мы возродим деревню, разграбленную «реформаторами». Крестьянин снова сядет за комбайн и трактор, залетит в бак дешевое топливо, соберет урожай, способный накормить народ. Мы запретим распродажу крестьянских земель иностранным богачам и местным «помещикам». Сбережем священное достояние России – землю. Твою землю, брат!

Мы снова сделаем труд главной ценностью жизни. Талантливый рабочий и академик, художник и управленец не станут искать на чужбине применения своим дарованиям. Их труд на благо Отечества будет оплачен не просто деньгами, а любовью и благодарностью соотечественников. Твоей благодарностью, брат!

Мы заставим прикусить язык всех клеветников, оплевывающих нашу историю, наши святыни, наши религиозные и национальные чувства. Никто из наших граждан больше не испытает боли, видя, как телевизионные наймиты чернят Российскую армию, оскорбляют русский народ, сеют рознь среди многоязыкой России, где каждый народ свят, каждое верование взывает к общей Правде. Твоей Правде, брат!

Мы сохраним территориальное единство России, которую сепаратисты толкают в пучину распада. Российский Центр должен быть силен и справедлив. Регионы должны быть богаты и самостоятельны. Россия должна быть едина и неделима. Твоя Россия, брат!

Мы заставим заплатить полной мерой всех обидчиков простого народа. Всех, кто воровал, стрелял из танков по парламенту и его защитникам, развязывал войны, сокрушал Советский Союз. Мы доведем до суда все громкие дела по расхищению русских алмазов и золота, перекачке миллиардов за рубеж. Каждый незаконный счет в швейцарском банке будет обнародован, а краденые миллионы вернутся в Россию тем, кто добывал их честным трудом. Твоим трудом, брат!

Мы положим предел геноциду, остановим жуткий мор, когда ежегодно Россия теряет миллион своего населения, становится безлюдной страной. Российская семья станет многодетной. Жена, дочь, мать снова станут символами Родины.

Детское лицо, здоровое, доверчивое, счастливое, снова встретит тебя на пороге дома. Твоего дома, брат!

Мы восстановим единство земель и народов, не забывших свою великую Родину – Советский Союз. Восстановим без крови и танков, через волю суверенных народов, вкусивших весь ужас распада. Союз России, Беларуси и Украины – предмет наших неусыпных забот. На страже нашего покоя и благоденствия, наших очагов и порогов будет стоять могучая Армия, наследница Славной Победы. Твоей Победы, брат!

Прочти эти простые, обращенные к твоему сердцу слова. Перескажи их жене и соседу. Подумай хорошенько, прежде чем опустить избирательный бюллетень в урну. Заталкивая в ящик этот тонкий листок бумаги, ты либо способствуешь поражению Родины – либо помогаешь ей, как в священном 45-м году, одержать Победу.

«За Победу!»

Октябрь 1999 г.

БЕСЕДЫ С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ ДЕЯТЕЛЯМИ

Партия выстоит?

*(Об этом — в беседе члена политбюро
ЦК КПСС, Первого секретаря
Московского горкома партии Юрия
Прокофьева и главного редактора газеты
«День» Александра Проханова)*

Александр ПРОХАНОВ: Вы, Юрий Анатольевич, как мне кажется, занимаете особое место в партии, играете особую роль. Я помню, как еще недавно партийные ортодоксы смотрели на Вас настороженно, а партийные модернисты — с надеждой. Ждали — Прокофьев расколел партию, «уведет» московскую организацию, создаст какую-то свою, особую платформу. Иные говорили: из этой платформы начнут плодиться либеральные, социал-демократические, еврокоммунистические мини-партии, что приведет к исчезновению, диссоциации компартии традиционной. Но эти иллюзии не оправдались, Московская организация существует как часть единой партии.

Юрий ПРОКОФЬЕВ: По всему видно, впереди у нас еще будут критические моменты. Партию еще ждут испытания. Профессиональным ее политикам не раз придется оказываться перед выбором на крутых, роковых поворотах современной

истории. Здесь уж либо им помогут опыт предшественников, собственный здравый смысл, интуиция, если хотите, либо будущее будет потеряно в обозримой исторической перспективе.

Перво-наперво надо понять, что партия – это не инструмент, не средство в руках сильного политика или вождя (кстати, позволю себе заметить, в этом смысле себя, свою роль в партии оцениваю куда более скромно, чем Вы). Не партия для лидера, а он для нее – вот, мне кажется, нормальная формула политической жизни, которая способна раскрыть самобытность идеологии, психологии, судьбы, наконец, нашей партии.

Одна из причин так «затянувшегося» периода преобразований КПСС из государственно-административного организма в подлинно политическую организацию, думаю, как раз в том, что чрезмерно силен в ней еще синдром партии, обслуживающей своего лидера. Эта ее функция формировалась на протяжении десятилетий, и велика, к сожалению, сила инерции.

А. П.: Вы употребили слово «драматично». В чем, по вашему, сегодняшняя драма партии? Все слои общества, весь социум переживает драму, но самая драматическая судьба – у компартии. Как Вы ее понимаете?

Ю. П.: Прежде всего эта драма нравственно-психологическая. Происходит бурный процесс переоценки ценностей. По существу, идет борьба двух тенденций развития – социалистической и капиталистической. Сторонники первой – прежде всего это мы, коммунисты, – находятся, сказал бы, под гипнотическим влиянием представлений о неоспоримости сделанного выбора в пользу социализма, по-прежнему считают компартию авангардом общества, создателем уникального государства и строя. Мы уверовали, что эти представления победили в целом в обществе, в реальной жизни борьба идеологий, позиций не проявилась. Многие и сейчас не допускают даже мысли, что это может быть подвергнуто сомнению. А между тем на политическую авансцену все активнее выходят силы, заявляющие о себе как о противниках нашей государственности. Они занимают не последнее, а порой и ведущее место в законодательных структурах различного уров-

ня. Посмотрите, к примеру, на нынешний Моссовет, на целый ряд наших московских районных Советов.

Комфортные условия однопартийности, монополии КПСС в политической жизни страны – что мы считали свидетельством ее силы – на деле ослабили партию, отучили бороться за свои идеалы. Посмотрите, каким сильным оказался шок от проявившегося вдруг нашего доморощенного антикоммунизма! Нам бы надо не пасовать перед напором оппонентов, кстати сказать, нередко лишенных элементарных представлений о порядочности, а активно противостоять им.

А. П.: Но есть и драма структуры в целом, драма мощной централистской структуры, одной из трех, на которых держалось государство, вся народная жизнь. Теперь эту структуру «отключили» от власти, выдрали, как балку, из всего государственного строения, и стены зашатались, кровля поехала, все здание стало рушиться. Ведь он, наш государственный дом, покоился на трех опорах: партия, армия, госсектор экономики. И вот возникла концепция, по которой все три структуры надлежало разрушить. И дом упал. За пределами партии начинают раздаваться голоса, будто бы партия совершила историческое предательство. Сначала аккумулировала в себе всю реальную энергетику нации, монополизировала мысль, власть, политическое действие, а потом в одночасье устранилась.

Ю. П.: Драма, если пользоваться Вашими образами, нередко приобретает и такой поворот. Партия в течение десятилетий стала не только разветвленной управленческой системой в государстве, но и образовалась как структура с высокой внутренней дисциплиной, строившейся на жестких принципах централизма. Команды сверху проходили вниз, и начиналась работа по их выполнению. С одной стороны, партия была послушным инструментом в руках ставшего во главе нее лидера, а с другой – в ней отсутствовали творчество масс. Она как бы была парализована собственной же дисциплинированностью.

Неудивительно поэтому, почему партийные комитеты, как Вы говорите, «устранились», получив установку на это.

Именно поэтому, думаю, среди простых коммунистов сначала возникли, а теперь усиливаются критичные взгляды и оценки партийного руководства. В самом деле, разве они не так же, как все советские люди, понимают необходимость, неизбежность серьезных реформ?! Без этого не могло быть дальнейшего развития. Из центристского государства, выполнившего свою историческую организационную роль, мы должны были начать строить гражданское общество. Этого нельзя было сделать, не раскрепостив общественную энергию, не приведя ее в движение. Сегодня глупо отрицать, что именно партия – пусть в лице ее руководства, не поддержанного всеми коммунистами, – пошла все же на глубокие трансформации общественного устройства, проявив при этом, прямо скажем, определенное политическое мужество: история не знает другого такого примера, когда бы та или иная правящая партия добровольно шла на сдачу своих властных государственных полномочий. КПСС это сделала, сделала в интересах страны и ее народов, понимая, как опасно дальнейшее пребывание в застое. Видимо, нужно время, чтобы по достоинству оценить этот шаг, но уже сегодня ясно, что другой, кроме КПСС, силы в обществе, которая обладала бы таким политическим и интеллектуальным потенциалом, необходимым для реформ, у нас не было.

А. П.: Политологическая схема сегодняшнего процесса указывает на то, что главная задача реформаторов, лидеров реформы и ее главного лидера состоит в том, чтобы закупорить, тромбировать, держать в неподвижности три главные централистские структуры – армию, партию, экономическую власть, не дать им вмешаться в политику реформ, удержать их в стороне от главных событий, ибо их энергия, их внутреннее давление стремится прорваться сквозь тромб, вмешаться в политику, взять реванш, не допустить трансформаций, спасти себя и традиционный тип общества, в недрах которого они создавались и властвовали. Если бы одна из структур, скажем, партия, была бы раскупорена, из нее бы вырвалась энергия протеста, отчаяния, политического реванша (а такая

энергия есть, она витает на партсобраниях, областных конференциях, на слетах ветеранов), то эта энергия мгновенно слилась бы с подобными ей в других двух структурах. Они тоже оказались бы раскупоренными, и возникла бы совершенно новая политическая ситуация в стране.

Ю. П.: Вижу в Ваших рассуждениях немало резоннов. Партия действительно сегодня чуть ли не единственная помеха на пути преобразований, но преобразований прокапиталистического толка. Обычно вторую часть подобных заявлений опускают, прочно наклеивая на компартию ярлык «тормоза перестройки». Но есть реформы – и реформы. Мы против того, чтобы были преданы забвению те, пусть и небольшие, но все же социальные завоевания, которых мы достигли: доступное образование, здравоохранение, работа, достаточно сносный прожиточный минимум и многое другое. Конечно, качество жизни нужно было поднимать, это бесспорно. Но для всего общества, а не для отдельных наших граждан за счет трудящихся.

Партия сегодня, знаете ли, – это уже качественно иная политическая организация. За последние годы в ней многое изменилось. И если выходы вовне ей и пытаются «перекрыть», о чем говорили Вы, то внутри самой КПСС идет очень активный процесс восстановления нормального обращения в ее кровеносной системе. Проявляются разные течения, разные взгляды. Есть прямой протест, есть колебания, есть непонимание. Но главное-то – в большинстве своем коммунисты проявляют сознательный выбор реформ.

А. П.: Последний пленум, на мой взгляд, усугубил внутривнутрипартийную драму. Коллективная воля партии не была реализована. Партийной элите удалось удержать в реторте взрывную энергию, скопившуюся в недрах партии. Я знаю, что после пленума усилился отток из партии рядовых коммунистов. Возможно дробление ее на множество новых платформ, фракций, направлений. «Коммунисты за демократию», «Коммунисты-ленинцы», «Коммунисты-сталинцы» – это только начало. Многие полагают, что пленум, не добившись смены партийного руководства, был роковым для КПСС.

Ю. П.: Я иного мнения. Руководство партии ведь не привезено в страну «из-за бугра», оно выбиралось демократическим путем на съезде, получило доверие партийных организаций страны. И оно пользуется именно этим мандатом доверия, хотя на пленуме ЦК действительно была высказана очень серьезная критика, прежде всего в адрес Генерального секретаря. Достаточно остро, как Вы знаете, выступил и я, передав настроения членов городского комитета партии. Не буду пересказывать, о чем шла речь на пленуме, важно, что нельзя не учитывать нарастающий разрыв между действиями руководства партии и их восприятием коммунистами.

Что же касается внутренних процессов в партии, то они, по-моему, имеют как объективные источники, диктуемые жизнью, так и искусственно привносимые. Время мы переживаем не из легких. Если «мелкокняжеские» тенденции в партии, ее дробление на фракции и платформы не сможем преодолеть, то рано или поздно встанет вопрос о существовании партии как таковой. Поэтому я был и остаюсь сторонником объединения коммунистов вокруг коммунистической идеи, а не их разобщения на основе приверженности к тактике тех или иных коммунистических доктринеров. Нельзя упорствовать на правильности только одной позиции в политике, знаем, что это может завести в тупик. Надо уметь видеть разумное, приемлемое начало во взглядах других, даже своих оппонентов. Догматизм, зашоренность опасны как в консервативной, так и в демократической одежке.

А. П.: Не является ли абсурдом, политической фантаσμαгорией тот факт, что партия, когда-то истребившая своих врагов, уничтожившая другие партии, уничтожившая четыре сословия – дворянство, купечество, духовенство, крестьянство, – эта партия сама создает новые, враждебные ей партии, враждебные ей сословия? Она создает себе лютых врагов. Плодит своих убийц.

Ю. П.: Видимо, Александр Андреевич, есть и такое восприятие происходящего. Но, согласитесь, КПСС все же не принимает участия в создании новых, тем более оппозиционных

ей партий. Утверждать это – значит обвинять компартию едва ли не в провокационных действиях. Новые партии и движения формируются все же самостоятельно.

Видите ли, я думаю, одно из главных достижений перестройки – это вовсе не гласность, о чем мы много говорим. К основному ее итогу за эти годы отнес бы все же постижение обществом истины, что монополизм как в экономике, так и в политике чрезвычайно опасен, ведет к болотному застою. Мы и сами убедились, что такая атмосфера не для прогресса. Другое дело – не допускать перерастания плюрализма как в политике, так и в экономике в гражданское противостояние. Тут нужны четкие границы, и общество не может их переступить. Крепкое государство – вот что должно защищать демократию.

А. П.: Другими словами, централистская воля, централистский подход, централистская практика уничтожили в свое время оппозиционные партии и сословия, и централизм же в кратчайший срок снова воссоздает их из небытия. Так, за первые четыре года новой политики благодаря финансовым манипуляциям, законотворчеству, реформам цен была создана советская буржуазия, наделенная богатством, финансовой и политической властью, и есть серьезные опасения, что этот молодой, созданный из ребра компартии класс будет ее могильщиком.

Ю. П.: Нам только казалось, что эти партии, идеологии, сословия сметены революционными бурями. Они не исчезли, они просто уменьшились, иногда до времени затаились. Изменилась политическая ситуация – они пошли в рост. Правда и то, что виды и формы современной оппозиции, все основные ее лидеры вышли из партии коммунистов.

Но ведь и это – последствия политического монополизма одной партии. Сама система, порожденная руководством партии (об этом приходится только сожалеть), оборачивается ее же бедой. Мы годами собирали под крышей единственной партии людей, обусловив членством в ней и продвижение по службе, и творческое признание, скажем, ученого или артиста, да мало

ли что еще. Стоит ли удивляться, что партия оказалась так заросена далекими от коммунистических идеалов людьми?!

Особо это расцвело в последние примерно двадцать – двадцать пять лет. Двойная мораль стала нормой жизни. В обществе вырабатывалось мировоззрение, покоившееся на общечеловеческих принципах справедливости, равенства, люди воспитывались на почитании этих принципов, а в жизни они грубо попирались. В том числе и в партии оказалось немало таких, кто использовал ее для личных целей. Требовалось очищение, и оно стало одной из целей перестройки.

А. П.: В ходе реформ, мы это понимаем, были допущены ошибки, трагические. Не думаю, что в стратегическом центре партии, когда замышлялась реформа, желали дезорганизации СССР, снижения его мировой роли, крушения экономики, гражданской войны на окраинах, безвластия, обнищания народа, потери идеалов, угрюмого сползания в катастрофу. Не желали, уверен.

Ю. П.: Вы безусловно правы. Когда партия начинала перестройку, то, видимо, расчет был сделан на привычное «все-народное одобрение и поддержку ее курса». Возможно, шесть лет назад это представлялось тогдашнему политическому руководству страны в форме некой очередной кампании, которую нетрудно будет провести. Не утверждаю это, но вижу, как много не было учтено в свое время и какими тяжелыми последствиями это обернулось.

Один из явных просчетов – не было вовремя понято, что демократизация общественной жизни неизбежно должна была высвободить подспудно копившуюся энергию антисоциалистических сил. Противостоять их разрушительной волне партия оказалась просто не в состоянии. В перестройке для них неожиданно открылся свой шанс реализовать попытку изменить существующий у нас политический строй. Надо сказать, за дело сторонники капитализма принялись рьяно, разрушить им удалось немало. Приходится только сожалеть, что у тех, кто все же трезво оценивает нашу советскую историю, кому ошибки, перегибы и прочее негативное в практике строительства со-

циализма не застит все же глаза и на позитивный потенциал общества, и на несомненные достижения прошедшего периода, не проявились вовремя политическая активность и энергия, адекватные прыти своих оппонентов. Еще раз подчеркну: уж очень мы уверовали, что наш образ жизни вошел в плоть и кровь людей, что устоям общества ничто и никто не угрожает.

Было бы ханжеством отрицать эти просчеты и провалы. Хаос, развал в экономике, конфликты – это то, что выгодно и активно поддерживается политическими противниками КПСС. На этом фоне легче убеждать людей, что хуже социализма ничего не может быть.

Альтернатива же предлагается одна – капитализация государства. И здесь посулов не жалеют. Современное поколение, выросшее все же при нашей системе, реального капитализма не знает, яркими упаковочно-телевизионными картинками его обмануть легко. Пока это оно очнется от грез о капиталистическом рае, времени хватит растащить, приватизировать то, что создавалось коллективным трудом, набить карманы. Пока это люди разберутся, что к чему, уже будут созданы новые классы и слои общества, которые начнут диктовать свою волю, эксплуатировать большинство населения.

А. П.: Какие же коррекции? Как вводить поправки? Через парламент? Через некомпетентность новой администрации? Через компромисс политических сил? Или через реставрацию центристской модели? Как действовать в условиях возможной катастрофы?

Ю. П.: Примитивный откат назад невозможен. Китайский вариант реформ кажется сегодня привлекательным, вполне приемлемым для нас. Постепенность политических реформ, но форсированность – экономических. Централизм сдает свои позиции лишь по мере усиления альтернативных форм.

Сейчас происходит небывалая подвижка политических пластов в нашем обществе. Когда нечто подобное наблюдается в природе земной коры, недалеко и до таких катаклизмов, как землетрясения. Не хотел бы быть Кассандрой, но не предчувствовать этого в нашей ситуации просто нельзя. В зависимости

от ее развития должна меняться, конечно, и политика партии, она должна быть адекватной времени.

А. П.: Однако темпы разрушения и истребления партии кажутся слишком высокими. Сильнейшая коммунистическая партия Восточной Европы – СЕПГ – рассыпалась в два месяца. Испепелились в одночасье партии Польши, Венгрии. Вас не может не тревожить подобная перспектива.

Ю. П.: КПСС отличается от этих партий своей историей, своей созвучностью с народным идеалом, глубиной, на которую она проникла во все сферы народной жизни. В нынешних условиях эти слова, возможно, звучат излишне высоко, но тем не менее это так. Потери, понесенные партией, велики, но не катастрофичны. У нас в стране компартия имеет будущее. Думаю, она будет существовать наряду с социал-демократической партией и с партией, которая будет выражать интересы новой буржуазии. Это будут три основные политические партии, выражающие интересы главных слоев. Хотя сейчас формируется и ряд других, более мелких партий, в том числе фашистского, монархистского и бог знает какого еще толка.

А. П.: Я никогда не был членом партии, я закоренелый беспартийный, но много уважаемых мною людей, многие мои добрые друзья и товарищи – коммунисты. И мне, признаться, больно видеть беззащитность партии, невозможность ее оборонить, дать грамотный интеллектуальный и политический ответ оппонентам. Ведь кампания по истреблению партии имеет свой алгоритм, смену доктрины и приемов. Вначале, к примеру, партия отождествлялась со сталинизмом, и Сталин превращен в исчадие ада. Под этим соусом срезали один слой. Затем партия была обвинена в коррупции, в разложении, то есть во внутреннем перерождении. И ее клеймили и уничтожали за это. Затем партию обвиняли в том, что она противится перестройке, она консервативна и враждебна обновлению. И этим уничтожали партию. Теперь винят партию за то, что она втянула страну в перестройку, повинна в хаосе и страданиях. И это новая доктрина по разрушению КПСС. Противник умен, гибок, хорошо организован, его эмиссары в новых структурах, в самой партии,

за пределами страны. А у КПСС нет своего сильного интеллектуального центра, своих сильных теоретиков. И это трагедия.

Ю. П.: Вы очень точно ухватили и картинку нашей сегодняшней жизни, и логику действия оппонентов коммунистической партии.

Вы посмотрите, например, что делается сегодня в Москве. Такого запустения она еще не знавала! Некомпетентность, небрежение городскими проблемами нынешних «отцов города» делают свое. Но какую изворотливость при этом они демонстрируют? Коммунисты в городском парламенте не располагают сегодня большинством голосов, с партийными комитетами районов и города развернута буквально война, а грехи за все про все продолжают списывать на коммунистов, благо это еще проходит, воспринимается людьми.

Бесспорно, если бы в «критике» КПСС не было бы и толики справедливого слова, дискредитировать ее не удалось бы. Но время изменило не только общество. Меняются и партия, люди в ее рядах. Происходит не только демократизация, но и интеллектуализация партии. Это так. Появляются в ней и новые теоретики, и создаются научно-политические центры, к партии притягиваются-таки умные, смотрящие в будущее, но и видящие то, что происходит сегодня, люди. Угрюмый ее авторитет бывалых времен сменяется новым отношением к ней, в том числе и среди интеллигенции.

Знаю это по собственному опыту, по своему достаточно частому общению с деятелями искусства, культуры. Они, отшатнувшись было от партии, возглавив многие процессы в оппозиции, сегодня разочаровались в «новациях», переосмысливают свою роль, вновь приближаются к КПСС. Хотя, конечно, и среди антикоммунистов в среде интеллигенции есть неподвижные ортодоксы, успевшие уже замшеть, такие, как, скажем, Юрий Нагибин, который призвал выращивать коноплю, вить из нее веревки, чтобы вешать коммунистов. Не правда ли, от этого веет особой изысканностью интеллектуального ума?

А. П.: Юрий Нагибин, как мне кажется, состоит в обществе охраны животных. Он спасает бездомных собак и кошек.

Ю. П.: Думаю, не стоит его упрекать в непоследовательности чувственных проявлений к живой природе. Он не одинок, такие парадоксы случались в прошлом и с другими. Да и не они, к счастью, определяют в конечном счете судьбу страны, людей. Все будет расставлено на свои места по справедливости. Я не политический циник, но и не скептик. Знаю, что в будущем у компартии есть перспектива, хотя понимаю, что на нынешнее поколение коммунистов выпало нелегкое время. Я ведь тоже из этого поколения и, если бы не верил в то, что думаю, не стал бы работать в нынешней своей должности. Тогда это было бы обманом и себя, и людей. А этого я в политике не приемлю.

Июнь 1991 г.

Шеф разведки в гостях у «Дня»

(Беседуют начальник Первого главного управления КГБ СССР Леонид Владимирович Шебаршин и главный редактор газеты «День» Александр Проханов)

Александр ПРОХАНОВ: Леонид Владимирович, не хочу и не могу вторгаться в тайны Вашей профессии. Хочу лишь обсудить с Вами мировоззренческие проблемы, которые, как полагаю, у людей Вашего склада и Вашей ориентации имеют особые оттенки. Мы живем, и это стало трюизмом, в дни катастрофы. Рушатся государство, общество, социум. Удары крушения отзываются в каждом сознании, в каждой душе. Как они отзываются в Вашей? Как чувствует себя работник госбезопасности в дни, когда над государством нависла величайшая опасность?

Леонид ШЕБАРШИН: Мы находимся в кризисе, который охватил все конструкции, все слои, все компоненты общества. Невозможно реформировать малый фрагмент, не занимаясь соседним, всей системой. Мне кажется, что слово «катастрофа» пока стоило бы употреблять в его не расхожем, а менее известном значении. В античной трагедии так назы-

вался момент разрешения напряженной борьбы. Это вершина действия, но не конец его.

Кризис начался не сегодня. Припоминаю, что еще в 1983 году Академия наук подготовила доклад, из которого следовало, что мы стремительно скользим вниз. (Этот секретный доклад быстро оказался за границей.) Кстати, остро симптомы неблагополучия чувствовал Андропов. У него была возможность, в силу его положения в партии и в КГБ, многое наблюдать, познавать и обдумывать. Думается, у него были идеология и стратегия реформ. Вы помните его публикацию к юбилею Маркса? Это было мировоззрение реформы. Трагично, что Андропов ушел слишком рано.

А. П.: Существует мнение, что идея реформы, штаб реформы складывались в системе КГБ и разведки. Приход «комитетчика» № 1 Андропова на вершину государственной и партийной власти был триумфом КГБ. С опозданием в несколько лет Буш в своем лице воспроизвел американский вариант этого триумфа. «Разведки через своих лидеров правят миром», – перефразировал бы известную фразу. Но вот Андропов... Есть какая-то двойственность в его репутации. С одной стороны, он реформатор, с другой – почти диссидент. Он, как полагают, вывел в большую политику нынешних «перестройщиков», с чьим именем связывают катастрофу, Шеварднадзе, шеф грузинского МВД, – его человек. Яковлев, канадский посол, участник идеологических и пропагандистских кампаний против Дубчека, – его человек. Выдвижение Горбачева – его дело, его протекция. Он готовил новый слой лидеров, которые сегодня запутались в реформах. Андропов – двойственная фигура. У Вас есть, конечно, свое отношение к нему?

Л. Ш.: Не имею представления о том, кто и кого вводил в большую политику. Честно говоря, не интересовался такими вещами и никогда не был вхож в «высшие сферы». Я был оперативным работником, участвовал в операциях своего масштаба и уровня. Несколько раз меня принимал Юрий Владимирович. Он производил впечатление – ум, аналитичность, деликатность, доброжелательность. Это был крупный человек с политической

волей и прагматическим взглядом на вещи. Он начинал с реального, пусть малого улучшения, был чужд романтизма и прожектерства. Благодаря простому укреплению дисциплины производительность труда поднялась на десять процентов. Могу предположить, что стратегия реформ, их темп, их конечный результат у Андропова могли быть и иными, нежели теперь.

А. П.: Мне повезло в жизни. Волею обстоятельств я оказался на всех локальных войнах, которые вело человечество за последние двадцать лет. Я знаю, что такое «горячая точка». Знаю Афганистан, Никарагуа, Кампучию и Эфиопию, Анголу и Мозамбик. Мне удалось побывать в долине Бекаа и пустыне Калахари. Кроме того, я наблюдал создание нескольких грозных ракетных и космических систем, ходил на лодках в Тирренское море, летал на бомбовозах через полюс. Я видел, чувствовал кожей, как складывается уникальная ситуация в мире – паритет. Как в мучительной гонке ненависти, страха и оружейных программ возникает равновесие сил, равновесие мира, закладывается сложный глобально-социальный двигатель, контролирующий мегамашину соперничества. Я пробовал в моих статьях и романах описать этот двигатель, «сформулировать паритет». Его составной частью, как мне кажется, является добровольное согласие на контроль противника, доверие к нему, приглашение на тайные полигоны и в закрытые лаборатории экспертов и разведчиков. Это я называю конвергенцией генеральных штабов и разведок, выработкой совместных согласованных решений. Казалось, зарождается глобальный интеллектуальный центр, регулирующий поведение армий, социальных систем, государств. Это было уникальное, небывалое достижение в недрах паритета, из которого мы могли бы выйти совсем в другой мир, в другую историческую реальность. Но, увы, не вышли. Паритет был сломлен в одностороннем порядке. Мы развалились. Так все-таки было взаимодействие разведок, в недрах которого таился новый мировой порядок, новое развитие истории, не такое, как ныне?

Л. Ш.: В Вашей оценке проглядывает не столько прозаик, сколько поэт эпического склада.

Есть, разумеется, область борьбы с терроризмом, контрабандой, международной организованной преступностью, где мы взаимодействуем с иностранными спецслужбами, но не здесь определяются судьбы мира. Взаимодействия разведок в широком смысле, тем более такого, которое могло бы влиять на новое развитие истории, не было. Боюсь, что оно невозможно в принципе. Разведка – не творец политики, а всего лишь ее инструмент. Суть же политики любого суверенного государства заключается в отстаивании своих национальных интересов на международной арене, влиянии на ситуацию в мире таким образом, чтобы она благоприятствовала решению государством своих внутренних проблем. Речь может идти о балансе, конфликте, частичном совпадении интересов и целей различных государств, но в исключительно редких случаях – об их тождественности.

Задача заключается в том, чтобы своевременно выявлять угрозы нашим национальным интересам, упреждать попытки партнеров решать свои проблемы в ущерб нашей стране. Такие попытки были, есть и будут, и было бы наивным морализировать по этому поводу. Пожалуй, этим очерчиваются пределы, в которых каждая разведка обязана действовать самостоятельно.

Общечеловеческие ценности не могут быть ориентиром для разведок. Десять заповедей Христа никогда не ложились в основу практической политики. Как личность, я могу следовать этим заповедям, но как разведчик, руководствуюсь не заповедями, не грезами об общечеловеческом благе, а интересами своей Родины, защищаю и оставляю их. Не может разведчик увлекаться и глобальными видениями – он должен делать конкретные дела.

А. П.: Все-таки почему мы односторонне «вывалились» из паритета? Не использовали шанс для развертывания иной истории, иного состояния мира? Что нас развалило? Чья злая воля? Противник или наша собственная бездарность?

Л. Ш.: Кризис наш и проблемы наши. Мы «вывалились из паритета», пользуясь Вашим выражением, в результате того, что система исчерпала себя, стала препятствием на

пути развития общества. Думаю, что свою роль в ускорении ее кончины сыграли и не экономические, интеллектуальные, социальные издержки, которые были связаны с поддержанием паритета в военной области.

Далек от того, чтобы видеть в стремлении к паритету чей-то просчет. Оно было обусловлено всем многовековым ходом нашей истории, включая и последние десятилетия. Стержнем существования Российского государства на протяжении веков была борьба за собственную безопасность, за свое национальное бытие и бытие каждого его гражданина. Ему приходилось отражать шведские нашествия с севера, польские – с запада, татарские и турецкие – с востока и юга. Русскому народу довелось воевать с Наполеоном и нанести ему поражение у Бородино и Березины, а не у Парижа. Фашистские полчища потерпели первые неудачи под Москвой, а не под Берлином. Россия создавалась нуждами обороны, заставлявшими ее выдвигать на новые рубежи свои заставы и крепости, тратить на оборону свои ресурсы.

В мире были империи, грабящие, разбогатевшие на колониальном грабеже, построившие свой прогресс на нищете обранных ими народов. По прихоти Петра, в угоду нравам той эпохи Россия стала именоваться империей. Но странной была эта империя, где развитие, укрепление окраин шли за счет сердцевины России. Не колониальный грабеж, не имперская алчность, не стремление к мировому господству или мировой революции, а исторически обусловленное, ставшее частью души российского жителя стремление обезопасить себя от чужезмцев лежало в основе политики нашего государства. И психология осажденной крепости, над которой измываются некоторые публицисты, была естественным продуктом нашей истории.

Русские государственные люди во все времена чувствовали губительное бремя оборонных издержек. Отчаянным воплем, что у государства нет средств на содержание войска, необходимого для защиты от страшных врагов, пишет С. М. Соловьев, заканчивалось царствование Иоанна IV, и тем же воплем начиналось новое. Не случайно, что идея сокраще-

ния вооружений на многосторонней основе была выдвинута именно Россией еще в конце прошлого века. Настойчивые усилия в этом направлении Советского правительства, начатые в 1922 году, не были пропагандистской уловкой. Военное бремя давило страну во все времена. Система последних десятилетий оказалась не в состоянии его нести, происходило истощение народных сил. Мир стремительно уходил вперед, и, если бы мы не очнулись от зачарованного сна, все, включая и паритет, пошло бы прахом.

А. П.: Может быть, Вам покажутся навязчивыми и странными мои вопросы. Быть может, они свидетельствуют о мифологическом способе мышления нашей гуманитарной малоинформированной среды. Но есть взгляд на перестройку как на спланированную, многослойную акцию извне, направленную на сокрушение СССР, выведение его из истории. Есть понятие «организационное оружие». Это система экономического, идеологического, психологического, быть может, даже парапсихологического воздействия одного социума на другой, одной, более высокоразвитой системы на другую; управления одного государства другим в интересах последнего. Полагаю, что нынешняя катастрофа есть следствие удара, нанесенного этим организационным оружием по нашим структурам, формам сознания, целым общественным слоям и отдельно взятым лидерам. Этот удар продолжительностью в несколько лет разрушил страну, загнал ее в тупик, ориентировал на ложные цели, поверг в долговременный хаос. Что Вы на это скажете? «Оргоружие» – это миф или реальность?

Л. Ш.: Заманчиво видеть во всем руку врага, упростить представление о ситуации и искать простые решения.

Реформы были продиктованы интересами нашего выживания. Воздействие извне было и продолжается, но корни всего происходящего – в нашей истории, в нашей действительности, в нас самих.

Мы пытаемся многое заимствовать за рубежом, многое нам навязывают, особенно в духовной сфере. Россия не раз импортировала чужеземные идеологические ценности. Тысячу

лет назад от Византии приняла Русь христианство. Были периоды очарования всем французским и всем немецким. И не в России появился марксизм. Способность заимствовать чужое, использовать его себе во благо – это, на мой взгляд, признак жизнеспособности нации, условие ее развития. Наша беда, пожалуй, в том, что мы абсолютизируем чужой опыт, отвлекаемся от условий и исторического пути, на котором он нарабатывался, ждем немедленного результата и очень огорчаемся, когда заморское растение по нашему суровому климату чахнет или приносит горькие плоды.

Нет сомнений, однако, что перенос импортных ценностей в наше общественное сознание является лишь отчасти стихийным, естественным процессом. В нем есть организованное начало.

А. П.: Значит, действительно были силы за пределами СССР, были люди в самом СССР, которые осуществили сейчас этот насильственный перенос? Значит, есть все-таки «оргурожие»?

Л. Ш.: На мой взгляд, Ваше настойчивое стремление ввести в оборот термин «оргурожие» вольно или невольно направлено на то, чтобы упростить картину и, следовательно, исказить ее.

Любое государство является объектом непрерывных воздействий извне по множеству направлений. Это совершенно естественно, и в принципе ничего зловещего здесь нет. Но у России особая судьба – она оказалась в позиции оппонента всего западного мира, современной западной цивилизации. Внешние воздействия в этих условиях приобрели направленный характер тогда, когда бушевала «холодная» война. По планам ЦРУ велись тайные операции против СССР, по своим программам работали пропагандистские организации. Страны Запада координировали свои политические, пропагандистские, разведывательные действия. Цель была одна – ослабить Советский Союз, превратить его как минимум в удобного, податливого партнера. Непрерывное воздействие на уязвимые точки не могло не дать результата.

Но не стоит забывать, что наша действительность делала общество весьма податливым к восприятию зарубежного воздействия. Существовало как бы два мира. Один – официально-пропагандистский, где все шло в строгом соответствии с

доктриной и, например, Москва становилась образцовым социалистическим городом. Другой – мир реальностей, мир дефицита. Не может человек не искать правды. Не найдя ее на родной земле, он вольно и невольно начинает с завистью поглаживать на чужие примеры, сомневаться в мудрости и честности своих вождей, в разумности отечественных порядков.

А. П.: В каких же направлениях развивалось и развивается воздействие на страну, сталкивающее нас на обочину? Я не верю в гармонию мира. Картина сегодняшнего мира – это иерархия сильных и слабых. Сильные увеличивают свой отрыв от слабых, держат их на удалении, управляют ими, отнимают у них ресурсы, интеллект, самостоятельную историю, а если те не согласны, то бомбят их. Мир, в котором нам предстоит развиваться, есть мучительный противоречивый мир, чьи противоречия и конфликты тщательно скрываются от общества. Создается иллюзия, за которую мы расплачиваемся самым дорогим – свободой и суверенностью. Как воздействует на нас наш соперник?

Л. Ш.: До гармонии в мире еще далековато хотя бы потому, что мир не ограничивается двумя-тремя десятками государств, интенсивно ищущих взаимопонимания. Его противоречия и конфликты можно скрыть лишь от тех, кто сознательно не хочет их видеть.

Думаю, что самое тяжелое воздействие на страну оказало наше участие в гонке вооружений. Мы были втянуты в нее. Гитлеровское вторжение подтвердило реальность исторических опасений, показало шаткость расчетов на политические маневры в вооруженном мире. С чем же мы столкнулись сразу после войны? С объявлением «холодной» войны и началом лихорадочной подготовки к новому раунду войны настоящей. Не мы начали эту подготовку. Не Советский Союз создал и испытал на людях первую атомную бомбу. Нашу страну окружили плотным кольцом военных баз, флотов, военных блоков. Шла реальная смертельно опасная подготовка к уничтожению нашей страны. Можно ли было реагировать на это лишь призывами к сокращению вооружений, упованиями на общечеловеческие ценности, на движение сторонников мира?

Страна была вынуждена отвечать на угрозу единственно возможным способом – готовиться к ее отражению.

Эскалация военных приготовлений наносит ущерб экономике любой страны, не исключая и США. Для нас же она становилась разорительной, и Запад это быстро понял. Была сформулирована стратегия конкуренций, рассчитанная на то, чтобы втягивать советскую сторону в расходы на малоэффективных направлениях, изматывать нашу неуклюжую экономическую систему.

Второе направление воздействия – пропаганда, психологический компонент «холодной» войны. Десятки лет круглосуточно на всех основных языках Советского Союза десятки радиостанций наносили и наносят удары по нашим уязвимым местам, которых, к сожалению, у нас немало. Нынешней вспышкой межнациональной розни, например, мы во многом обязаны «Радио Свобода» и стоящему за ними Центральному разведывательному управлению США.

Что мы противопоставляли пропагандистскому напору, в котором сливаются огромный опыт рекламы, западной социальной и психологической науки, интеллект политиков, экономистов, публицистов, культура тонкой обработки умов? Суконную, неумелую, казенную политучебу? Западная пропаганда выиграла потому, что на нее не жалели ни интеллекта, ни денег. Наша же система исчерпывала возможности и основания для самозащиты, а следовательно, и для защиты государства.

Третье направление – экономическое. Нас отсекали от мирового научно-технического прогресса, сознательно обрекая СССР на разорительную автаркию в тех областях, где западный мир совместными усилиями двигался вперед. Делалось все, чтобы законсервировать нашу страну в качестве энергетически сырьевого придатка Запада, потребителя устаревших технологий, экологически вредных производств. Не удивительно, что мы отстали от Запада. Удивительно то, что в самых невыгодных условиях, которые не выдержала бы никакая другая держава мира, отечественные ученые, конструкторы

торы, инженеры, организаторы производства могли создать и поддерживать научно-промышленный потенциал страны.

И самое действенное, самое коварное направление воздействия – это создание лобби: прослойки людей, рассматривающих интересы своей страны с позиций другого государства, другой культуры. Я не имею в виду только тех, кого на профессиональном языке и мы, и американцы называем «агентами влияния», хотя именно с их помощью плетется осязаемая сеть лоббизма. «Агент влияния» – эта категория столь же стара, как сама политика. Талейран, например, получал вознаграждение от Александра I и имел псевдоним Анна Ивановна.

Сейчас практикуются выплаты высоких гонораров за не очень примечательные книги, оплата за лекции и публичные выступления, бесплатные поездки за рубеж и т.п. Такие люди появляются и исчезают, но лобби создаются медленно, от поколения к поколению, «наматываются», как дамбы. Можно припомнить роль прогерманского лобби при дворе последнего царя, когда Россия воевала с Германией, – шпионаж, предательство, политическое давление. У практичных людей – американцев – законом установлено, что американский гражданин может представлять интересы иностранного государства, зарегистрировавшись в этом качестве. Главная же преграда на пути безудержного лоббизма помимо закона – патриотическое общественное мнение. Нет страшнее обвинения для политического деятеля, чем то, что в чем-то он поставил интересы чужой страны выше интересов собственного народа. Здесь ни честная ошибка, ни давление обстоятельств не будут восприняты как оправдание даже при полном бескорыстии провинившегося. К сожалению, у нас грани допустимого оказались размытыми, нашему большому обществу грозит опасность впасть в идеологическую, культурную, экономическую зависимость от иностранцев.

А. П.: Ну что ж, Леонид Владимирович, сначала Вы сказали, что отрицаете наличие организационного оружия, а потом произнесли все это. Теперь позвольте задать вопрос, что называется, «в лоб». Рушится государство, то самое, для сохра-

нения которого был создан Ваш Комитет. Что делает Комитет для спасения государства?

Л. Ш.: Иными словами, куда смотрит КГБ? КГБ смотрит туда, куда ему предписывают Конституция и недавно принятый Закон об органах государственной безопасности в СССР, выполняет свои обязанности на основе Закона и в рамках Закона.

Не могу не отметить Вашего стремления не только заглянуть мне в душу, но и выставить ее на публичное обозрение. Профессиональная сущность бунтует против этого, и тем не менее откроюсь. Я ощущаю нашу ситуацию как глубоко трагичную. В мирное время и нашем государстве идет война, гибнут под пулями и от взрывов наши мирные сограждане, сотни тысяч беженцев ищут пристанища и на находят его. В мирное время страна переходит на карточную систему, оставшуюся с военных лет в памяти (как верилось, что она будет существовать только в воспоминаниях!). В духовной жизни в человеческих отношениях хозяином становится рубль, хозяином рубля – доллар, мораль рынка – общечеловеческой ценностью, покаяние – индульгенцией на новые грехи.

Нужно ли продолжать этот печальный перечень? В очередной раз утешаться мыслью о временности переживаемых трудностей, о светлом будущем, которое ожидает нас за очередным историческим углом? Или надеяться на какую-то волшебную силу, которая единым махом разрешит все противоречия?

Вера во всемогущество Комитета, в то, что сложные проблемы нашего общества и государства могут быть решены энергичным вмешательством специальной службы, уходит своими истоками, на мой взгляд, в туманную область мифотворчества. Страна может быть выведена из кризиса только усилиями всех патриотических, подлинно демократических сил, только на путях коренного обновления общественных отношений, только при наличии твердой воли к сохранению независимого, единого государства, великого не своими размерами, а творческим духом его граждан, наукой, промышленностью, человеческой справедливостью. Упованием на то, что это неизбежно произойдет, работой во имя этого мы и живем.

А. П.: А как Вы стали разведчиком? Как люди становятся разведчиками?

Л. Ш.: Случайно становятся. Я – москвич, жил в Марьиной Роще...

А. П.: Да мы с Вами были соседи! Я жил на Тихвинской улице. В Марьином мосторге мне мама покупала игрушки.

Л. Ш.: Значит, могли встречаться, даже драться в детстве могли.

А. П.: Помню Марьину Рощу тех лет. Деревянные двухэтажные дома, подворотни, гармошки, авоськи в форточках. И во всех окнах одинаковые оранжевые матерчатые абажуры.

Л. Ш.: Вот в таком доме я и жил. Поступил в Институт востоковедения, затем был переведен в МГИМО. Поработал в гражданском учреждении, познакомился с сотрудниками Комитета. Они мне очень понравились, и я без раздумий принял предложение сменить место работы и стать оперуполномоченным ПГУ в звании младшего лейтенанта. Вот и вся история.

А. П.: Я много путешествовал, теперь меньше, конечно. Под старость, видимо, совсем перестану. И буду вспоминать о своих путешествиях. Знаю, что буду вспоминать. Как пахнет воздух Африки, влажный, горячий, с едкой пылью цветов, с запахом тления. Или как летели зеленые огромные бабочки над побережьем океана, а сандинисты у береговых орудий, ожидавшие десант американской морской пехоты, хотели схватить пролетающую бабочку. Буду вспоминать жидкую, как шоколад, Лимпопо или латунно-желтый Меконг. Буду вспоминать великие сибирские реки, впадающие в ледовитые моря, или волжские города, прекраснее которых нет на земле. А что будете вспоминать Вы? Что вспоминает под старость разведчик?

Л. Ш.: Ответ даст не очень отдаленное будущее. Надеюсь, что время не будет ко мне слишком жестоким и оставит в памяти ощущение окрыленности от удачно сделанного дела – такое бывало. А колющие воспоминания о промахах, собственной глупости (такое тоже бывало) смягчатся или совсем покинут меня. Если почитать мемуарную литературу, то так оно, видимо, со всеми и бывает.

А. П.: Что ж, Леонид Владимирович, расстанемся на этом. Каждый по-своему станет служить государству.

Август 1991 г.

Вице-премьер Хижа в гостях у «Дня»

*(Беседа заместителя Председателя
Совета министров РФ Георгия Хижи
с Александром Прохановым)*

Александр ПРОХАНОВ: Как Вы, руководитель отечественного ВПК, оцениваете результаты «ярмарки современного оружия», недавно состоявшейся в Абу-Даби?

Георгий ХИЖА: Без сомнения, как успешные. Мы впервые представили там самые современные образцы нашей боевой техники. Весь мир убедился, что по многим видам вооружений наша страна по-прежнему на голову опережает остальных. Танки («Т-80М»), например, по своим боевым и техническим данным сегодня не имеют аналогов на планете. Другой пример. Мы предлагали устроить сравнительные испытания американских «пэтриотов» и наших «трехсоток». Американцы отказались...

А. П.: Однако на фоне ощутимой сдачи советских позиций на мировом рынке оружия за последние несколько лет существенного прорыва в Абу-Даби, судя по всему, не произошло. Во всяком случае, разговоры о контратаках на 11 миллиардов долларов так и остались разговорами

Г. Х.: Во-первых, нельзя забывать, что именно на мировом рынке оружия сегодня самая жесткая конкуренция. Зная наш технический и технологический потенциал, никто из конкурентов не желает потесниться. Очень часто это не совсем даже честная конкуренция. Любая сделка с нашим оружием подчас связана с самыми настоящими провокациями. Нам всячески и целенаправленно мешают, и прежде всего американцы. И это понятно. Экспорт высокотехнологического вооружения – это не только прямые экономические интересы, но еще и политика, внешне-

политическая стратегия. Поставки сложных видов оружия – это средство приобретения новых долгосрочных партнеров на международной арене, это реализация глубинных государственных интересов, это реальное расширение сферы внешнеполитического влияния. Поэтому понятно, что в отношении перспективных рынков сбыта российского оружия наши конкуренты применяют всякие дозволенные и недозволенные средства.

Во-вторых, хотя больших контрактов и не было заключено непосредственно в Абу-Даби, тем не менее считаю итоги этой «ярмарки» результативными. Мы начали целую серию перспективных крупномасштабных переговоров с самыми различными партнерами о продаже российского оружия. Надо быть реалистами: серьезные соглашения на этом рынке не заключаются через неделю или месяц. В ходе этих достаточно скрупулезных и длительных переговоров рассматриваются самые разные факторы, в том числе, например, и прогнозные оценки уровня политического риска в том или ином регионе.

А. П.: В недрах нашего военно-промышленного комплекса в течение всего 1992 года происходили, по сути, весьма драматические изменения. В чем их внутренняя динамика, внутренняя драма, с Вашей точки зрения?

Г. Х.: В определенной степени это похоже даже на трагедию. В прошлом году государственный заказ нашей оборонке составил только одну треть от объема 1991 года. Практически произошел самый настоящий обвал. Я хочу напомнить, что в рамках наиболее оптимальных конверсионных моделей сокращение военного производства составляет обычно 4–5 процентов, в нашем же случае – 67 процентов!

В чем здесь стратегическая проблема, с моей точки зрения? Конверсия, безусловно, безальтернативна. И не только из-за необходимости сокращения военных расходов и связанных с ним излишних материальных и энергетических затрат. Конверсия для нашей страны – императив экономического роста. Кроме того, в результате эффективной конверсии высокотехнологическое ядро отечественного ВПК способно стимулировать техническое развитие всей нашей экономики.

Но мы в любом случае должны оставаться жесткими реалистами и прагматиками. Нельзя закрывать глаза на то, что мы живем во все более неустойчивом геополитическом и геостратегическом мире, где уровень политической неопределенности постоянно возрастает. И необходимо тщательно и скрупулезно, при помощи самых разных рефлексивных моделей учитывать возможность появления новых, неожиданных угроз для нашей безопасности через пять, десять, пятнадцать лет. А ведь высокоинтеллектуальные военные технологии еще и специфическим образом весьма капризны. Какая-то некорректность, неточность в выбранном курсе конверсии могут привести к таким нежелательным последствиям в технологических структурах, что их воссоздание, в случае необходимости, станет просто невозможным.

А. П.: А как сегодня на реализуемую конверсионную программу реагируют непосредственно заводы – производители «оборонки»?

Г. Х.: Ситуация достаточно сложная и неоднозначная. «Оборонка», стиснув зубы в условиях продолжающегося экономического кризиса, перестраивается. И я, откровенно говоря, преклоняюсь перед нашими коллективами, их руководителями. Ведь в ВПК сейчас самая низкая заработная плата в промышленности. Уборщицы в коммерческих банках получают порой больше, чем опытейшие, квалифицированные специалисты в отрасли. Тем не менее основной кадровый потенциал сохранен. Постепенно, но конверсионные программы реализуются. Постоянно расширяются и номенклатура, и объем производимой гражданской продукции.

Но надо быть до конца откровенным: общий технологический уровень в отечественном ВПК постепенно снижается. Уходят высококвалифицированные работники. Под угрозой уникальный производственный и управленческий опыт. Таковы жесткие экономические реалии: сегодня, на фоне стремительного роста цен, военное производство становится порой просто невыгодным для предприятий «оборонки». Цены, по которым Министерство обороны РФ покупает нашу продукцию, сегодня очень низки.

А. П.: Я помню, в свое время Белоусов заявлял, что конверсия завалит внутренний рынок стиральными машинами, холодильниками, магнитофонами, другим ширпотребом. Вы говорите, что конверсионные программы реализуются. Но я бы не сказал, что наши магазины переполнены вашей гражданской продукцией...

Г. Х.: Полная реализация конверсионных программ, которые были запланированы и сейчас внедряются, – 2–3 года. Так что все в свое время. Хотя уже сегодня есть целый ряд предприятий в нашей отрасли, где доля гражданской продукции доминирует...

А. П.: А если попробовать сформулировать вопрос с другой стороны? Некоторые, назовем так, политики считают, что в нынешних международных условиях, когда соперничество между США и СССР закончилось в пользу первых, когда меняются вообще стратегические координаты, когда становятся возможными некие новые типы внешнеполитических конфронтаций, обвал ВПК в 1992 году, может быть, и не трагедия. В принципе, такая «шоковая терапия» позволит, как считают эти идеологи, оборонному комплексу быстрее приспособиться к динамичной рыночной и внешнеполитической среде.

Г. Х.: Технологические тренды, как известно, имеют свою собственную внутреннюю специфику, свою внутреннюю логику... И здесь шоковые методы, особенно в контексте общего спада инвестиционной активности в нашей экономике, могут привести в долгосрочной перспективе (в рамках технологического производственного цикла) к невосполнимым потерям. Сокращение военных заказов в лучшем случае должно было быть на 20 процентов в прошлом году. А 67-процентное сокращение – это весьма уникальный и необычный «эксперимент».

А. П.: Вы, Георгий Степанович, наиболее часто встречаетесь, имеете постоянный деловой контакт с директорами «оборонки». Как меняется их статус, их внутреннее самоощущение? Ведь еще недавно эти руководители представляли собой элиту советской экономики. А как обстоят дела с этой социальной группой сегодня?

Г. Х.: Конечно, драматические изменения коснулись и их. Как и многие другие, эта социальная группа сталкивается с ростом внутренней психологической напряженности, усилением внутриличностных противоречий. С одной стороны, они понимают необходимость сдвигов, необходимость большей индивидуальной экономической динамики, ощущают эффект рыночных механизмов, с другой – у большинства директоров «оборонки» по-прежнему болит душа за свое основное дело, которому отданы были многие годы. И это не просто слова: когда ты реально, каждодневно ответствен за безопасность своей страны, неминуемо возникает своего рода особая профессиональная черта в характере личности – здоровый, холодный, трезвый консерватизм. Именно в рамках парадигмы интересов безопасности понятие «патриотизм» воспринимается руководителями предприятий нашего ВПК не просто как идеологическое клише, а как глубинная личностная ценность. Поэтому, когда я говорю, что необходимо всячески поддерживать производство самых современных видов вооружений, это не только моя личная точка зрения.

Но ведь в контексте нынешних экономических реалий никто из директоров-прагматиков особенно не рвется выпускать военную продукцию. Опять повторюсь: самая низкая зарплата сегодня в «оборонке», а социальное давление снизу директора предприятий ВПК ощущают, может быть, сильнее других. И все это реальные противоречия.

А. П.: В последнее время часто говорят об особой роли «директорского корпуса», говорят о его специфических интересах, о его лобби в Верховном Совете и т.д. Что Вы думаете на этот счет?

Г. Х.: «Директорский корпус» как некая единая социальная группа – это сегодня миф. В условиях резкого ограничения материальных и энергетических ресурсов, обострения экономической ситуации, продолжающегося спада производства частные интересы отдельных предприятий начинают все больше доминировать. Все борются за выживание, сохранение

именно своих коллективов. И если это удастся, то во многом потому, что руководители более жестко, более прагматично формулируют конкретные интересы своих предприятий и более жестко их реализуют.

А. П.: Значит, политика для них как бы остается на втором плане?

Г. Х.: Видите ли, ведь и раньше директора ощущали себя прежде всего хозяйственниками, а потом политиками. А нынешняя ситуация еще больше усиливает эту особенность.

А. П.: Я долго раздумывал, почему даже в условиях надвигающегося кризиса так и не дались попытки создания промпартии. Этого не смог сделать Тизяков, это, судя по всему, не удастся Вольскому и Владиславлеву...

Г. Х.: Статусно директор ощущает себя прежде всего хозяйственником. Более того, после 1988 года практически все руководители заводов и комбинатов стали постепенно вовлекаться в коммерческую деятельность, создавать и интегрироваться в коммерческие структуры. Директорская социальная группа, освободившись от жесткой опеки министерств, получив самостоятельность в принятии решений, расширила поле своего влияния в социально-экономической сфере.

А. П.: Из Ваших слов я делаю вывод, может, и резкий, что даже у руководителей военно-промышленного комплекса, несмотря на генетические особенности формирования их социальной психологии, постепенно все же происходит процесс размывания государственных инстинктов.

Г. Х.: И даже с учетом всей сложности и противоречивости нынешних процессов я все же поостерегся бы делать такой вывод. Процессы, о которых говорил, развиваются постепенно. Между прочим, коммерциализации в ВПК именно наши директора сопротивлялись достаточно долго.

А. П.: После целого ряда моих долгих и откровенных разговоров со многими предпринимателями, зачастую оперирующими миллионами и миллиардами, я пришел к выводу, что частный бизнес настроен все же более патриотично, чем руководители госпредприятий.

Г. Х.: И это в общем-то понятно. Люди, о которых Вы говорите, сталкиваются уже сегодня с реальными угрозами своим экономическим интересам в борьбе с иностранными конкурентами. И, естественно, они более заинтересованы в государственной поддержке, чем многие директора-монополисты.

А. П.: Вы «пришли во власть» в тот период, когда в правительстве доминировали теоретики макроэкономической стабилизации, когда прожектерское мышление господствовало над прагматическими подходами. А сегодня как в правительстве соотносятся эти две тенденции, назовем их условно: макроэкономическая и прагматическая?

Г. Х.: В идеале, конечно, желательно, чтобы эти два подхода дополняли друг друга. Но в условиях нынешних кризисных процессов добиться этого порой бывает весьма сложно. Сама ситуация заставляет выделять особые приоритеты, где особо необходим системный подход. Сегодня это недопущение гиперинфляционного всплеска, а следовательно – проведение жесткой финансовой политики.

А. П.: Но я в данном случае ощущаю явное противоречие: с одной стороны, жесткая финансовая стабилизация (я оставляю пока в стороне возможные социальные последствия этой политики) требует усиления государственных механизмов регулирования макроэкономических процессов, а с другой – в реальной практике мы наблюдаем постоянное уменьшение государственного вмешательства, повышения уровня неуправляемости в экономике и т.д.

Г. Х.: Есть два варианта ответа на эту проблему. Краткий: мы отказались от старых методов государственного (административного) регулирования, а новые процедуры экономического, рефлексивного воздействия на ход экономических процессов со стороны государства либо пока не используются, либо используются, но не очень эффективно.

Более пространный ответ. Ключевая проблема сегодня не в том, проводить реформы или не проводить. Наиболее актуален вопрос о том, какие интеллектуальные системы в ближайшее время мы выберем для развития реформ.

Первый вариант: мы и далее целенаправленно и сознательно будем продвигаться ко все большему ограничению государственного влияния на экономические процессы, способствуя тем самым свободной игре экономических субъектов, в результате которой будут созданы новое экономическое пространство и действующая рыночная инфраструктура. В этом случае выживут те экономические единицы, которые окажутся наиболее эффективными с точки зрения экономических – и только экономических – критериев. В рамках данного подхода стимулируется дальнейший спад производства, поскольку только после достижения самого дна кризиса и может начаться экономическое возрождение на новой основе.

А. П.: Возможно, прожекты «команды Гайдара» кому-то могут казаться красивыми и грациозными макроэкономическими версиями, но для меня более важно политически то, что эти схемы прямо увеличивают смертность детей.

Г. Х.: Но я хотел бы продолжить. Второй вариант: стратегия реформирования экономики сверху, то есть с учетом а) реальных нынешних экономических условий, б) социальных и политических трендов, в) рефлексивных сценариев будущего той среды (внутриполитической и внешнеполитической), в которой и будет происходить процесс реформирования. В данном случае роль государства как главного субъекта и стимулятора процесса реорганизации экономики остается главенствующей, но не в виде старой административной структуры, а в виде системы новых методов и процедур регулирования экономических процессов. В рамках данного варианта ключевая задача – остановить спад производства. Почему? Не только потому, что продолжающийся спад может привести к неконтролируемому росту социальной и политической напряженности, но и потому, что в результате экономического «упрощения» мы можем потерять свой накопленный десятилетиями потенциал технологического развития (кадры, инфраструктура, опыт), и в этом случае страна окажется не готовой к тем или иным новым вызовам в будущем.

А. П.: Вы знаете, Георгий Степанович, меня очень часто удивляет то, что нынешняя власть словно бы даже не инте-

ресуется идеологической ситуацией в обществе, установками людей по отношению вообще к процессу реформирования. Ведь не секрет, что резко усиливается социальная тенденция, вообще отвергающая необходимость реформирования, и в частности экономики. Растет ностальгия по прошлому.

Г. Х.: Это факт, что реальная идеология реформ только формируется. А без нее долгосрочные и устойчивые изменения невозможны. Люди устают, когда их кормят обещаниями «светлого будущего» в любом обличье. Сегодня разговоры по поводу тайного «будущего» вызывают только идиосинкразию.

А. П.: Фактом остается то, что абсолютное большинство населения сегодня перманентно нищает. Отсюда – тотальное отрицание политической линии нынешнего режима. Грядет очередной съезд народных депутатов. И вполне вероятно, что, отражая растущее недовольство общества, этот съезд может смести все и вся. Это мое ощущение. А Ваша точка зрения?

Г. Х.: Я не думаю, что VIII съезд, если он будет проведен, примет какие-либо катастрофические решения. В принципе в декабре, на предыдущем съезде, была возможность создания широкой центристской социально-политической коалиции. Почему это не произошло – не знаю. Но Вы правы в одном: реальная демократия не может допустить постоянного снижения жизненного уровня общества.

А. П.: Я благодарю Вас за ответы.

Март 1993 г.

«Мы – народ Победы!»

*(Беседа руководителя аналитической
группы Верховного Совета России
В. Ачалова с Александром Прохановым)*

Офицер. Депутат. Парламентарий

Александр ПРОХАНОВ: Современное патриотическое движение начиналось чуть больше двух лет назад с неболь-

шой горстки интеллигентов, в основном писателей, гумани- тариев. Отбросив навязываемые тогда шаблоны восприятия, поняв истинное трагическое содержание так называемой «перестройки», поняв также антинародную сущность и тех, кто готовил себя на место Горбачева, мы обратились к единственному, по нашему мнению, реальному пути выхода из духовного, политического и экономического кризиса – к патриотическо-государственной идее.

Последовавшие затем августовские события лишь укрепили нас в этой уверенности. За эти годы из группки интеллектуалов патриотическое движение переросло в движение широких масс народа, стало идеологией оппозиции. В него входят все новые слои общества, яркие личности, лидеры.

Владислав Алексеевич, нам известны Ваша судьба, Ваша миссия и роль в армии, известна Ваша позиция в дни августовских событий, а также гонения на Вас, травля, вынужденный отход от боевой работы. Потом Вы как бы ушли в тень. О Вас не говорили, Вас замалчивали, о Вас не вспоминали. И вдруг буквально несколько месяцев назад Вы экспонировались как новая политическая фигура. Вас выдвинуло Всеармейское офицерское собрание на должность министра обороны России. Вы проявились как яркий парламентарий, политик. Итак, сегодня Вы вновь на политическом ристалище. Нам понятна и близка Ваша позиция. И, пользуясь возможностью, нам хотелось бы услышать Ваше мнение по ряду ключевых вопросов сегодняшнего дня.

Владислав АЧАЛОВ: Я все же начну с моего отношения к газете «День». Не секрет, что я редко даю интервью и встречаюсь с журналистами. Горький опыт общения с многими представителями «демпрессы» приучил меня к тому, что истина для некоторых не главное: главное – «социальный заказ», погоня за сенсацией, зачастую высосанной из пальца. Перед августом 1991 года и тем более после я слишком хорошо это познал на самом себе. Травля, допросы, юродствование газетчиков и телевизионщиков... Иной раз в этой вакханалии мне казалось, что все кончено, все потеряно. И только

поддержка простых людей, моих избирателей-туляков помогала справиться, выстоять.

Я даю интервью газете «День», поскольку люблю и глубоко уважаю эту газету. За ее честность, бескомпромиссность, преданность патриотической и государственной идее.

Почему я вернулся в политику? Наверное, я никогда из нее и не уходил. Пожалуй, одно время мне казалось, что можно сосредоточиться на внутрипарламентской работе, законотворчестве. Да и по характеру я больше «пахарь», чем «трибун». Но события последних месяцев изменили во мне это мнение. Началось все с офицерского собрания, проведенного по инициативе Союза офицеров. Я вопреки слухам и сплетням газет был гостем этого собрания, пришел на него по поручению Председателя Верховного Совета, чтобы оценить и доложить депутатам, что же оно собой представляет.

И как бы Грачев теперь ни пытался дискредитировать его, это было действительно Всеармейское офицерское собрание, а не «совещание пенсионеров», как презрительно о нем отозвалась одна из «демгазет». Были там и пенсионеры, конечно, но как гости. Основной же костяк составляли строевые офицеры: лейтенанты, капитаны, майоры, подполковники, приехавшие в Москву невзирая на все запреты, грачевские угрозы выгнать, оставить без пенсии.

В динамиках небольшого зала звучал голос сегодняшней армии – униженной, разграбленной, преданной, распроданной, но не сломленной, армии государства, а не отряда контрактных наемников, какой ее сейчас пытаются сделать. И мне стало стыдно, что я, боевой генерал, – просто гость среди этих офицеров: командиров батальонов, эскадрилий, кораблей, тех, кому действительно дорога честь офицерского мундира, кто интересы Родины ставит превыше личных. И тогда я сказал, что генерал-полковник Ачалов – с этими людьми, в их рядах!

Генерал для переворотов!

А. П.: Владислав Алексеевич, Вы долгое время занимали должность командующего воздушно-десантными войсками.

Известно даже, что Вас за глаза нарекли «генералом для переворотов». Именно при Вас произошли события в Баку, Тбилиси, Вильнюсе, Москве. Что же происходило в те месяцы, как Вы оценивали обстановку в стране и вверенных Вам войсках?

В. А.: Говоря коротко, шла агония великого государства. Преданное своими политиками, царедворцами, оно медленно дрейфовало курсом на катастрофу. Армия была последним сохранившимся инструментом, способным хоть как-то затормозить этот дрейф. И потому армию не щадили...

Судите сами, за годы правления Горбачева ни ему лично, ни кому-либо из его «команды» не удалось политическими методами погасить ни один конфликт в стране. Они только множились. Запылали Карабах, Фергана, Баку, Тбилиси...

Более того, указания на применение силы всегда исходили от него лично. Я сам тому свидетель, когда приказ перебросить войска в Тбилиси и очистить площадь от демонстрантов Горбачев передал мне устно через Язова. Но хитрость этого царедворца в том, что он отдавал их устно и потом апеллировал к порядочности людей, убеждая «прикрыть генсека», оградить его имя...

Кто же прекращал эти кровавые бои? Кто вставал между озлобившимися людьми? Да наш советский солдат, которого потом же за это обливали по уши телевизионной и газетной грязью.

Понимали ли мы это? Да, понимали. И потому исполняли свой долг. Утверждаю, что именно тогда в армии произошло расслоение офицерского корпуса на истинно государственных офицеров и приспособленцев. Первые руководствовались честью, порядочностью. Выполняли приказы, понимая, что судить их дано не мальчикам из «Взгляда» и коротичам, а истории. Они разблокировали дороги Карабаха, отлавливали боевиков, останавливали бесчинствующие толпы в Фергане и Тбилиси. И все это – за мизерную зарплату, под улюлюканье газет и «новых политиков» типа того же Евтушенко или Шеварднадзе.

Другие «офицеры» в это время предпочитали отсиживаться по НИИ и по преподавательским в академиях, строчили ста-

тейки без подписей в «Огоньки» и «Московские комсомольцы» и как черт от ладана бежали от командировок в «горячие точки». Увы, иные из них теперь «на коне» в сегодняшней армии.

Я, как и многие мои боевые товарищи, выполнял приказы политического руководства страны и старался делать это честно, разумно, с наименьшими затратами и потерями. События, последовавшие после августа, дают мне право считать, что мы с этими задачами справлялись куда лучше нынешнего руководства. Мы ценили жизни наших солдат и офицеров...

«Генерал для переворотов»? Я часто спрашивал себя: может быть, действительно ты делал грязное дело, играл в чужие игры, был душителем свободы? Наверное, это было бы так, если бы там, где стояли мои солдаты, сегодня была тишь, гладь, а нас вспоминали бы проклятьями.

Все наоборот. Везде, откуда ушел наш советский солдат, идет война. Фергана, Грузия, Карабах, Осетия, Таджикистан. Теперь счет убитых идет на десятки тысяч. И все вспоминают советского солдата как защитника и спасителя...

Я был и остаюсь генералом для ликвидации антигосударственных, антинародных переворотов.

Господа офицеры...

А. П.: Что же представляет собой сегодняшняя армия? Что движет сегодня офицером, генералом, солдатом? Кто они, эти люди, ради чего они служат, о чем думают?

В. А.: Разговор о сегодняшнем дне для армии очень непрост. Начнем хотя бы с того, что мы не можем говорить сегодня о существовании российской армии как таковой. Наши шевроны «Россия» на новую форму «а-ля США» еще не есть создание армии. Это понимает любой серьезный политик. И все бодрые доклады Грачева есть не что иное, как попытка ввести в заблуждение общественное мнение.

Современная армия – это самый сложный комплекс не только глобальных военно-технических систем, но и социально-психологических установок, идеологий, традиций прошлого и четкого планирования, конструирования будущего. Краеу-

гольный камень всего – военная доктрина государства. Без нас невозможна никакая работа по созданию вооруженных сил.

Именно военная доктрина определяет приоритеты в развитии вооруженных сил, из нее вытекают соответствующие программы обучения, оснащения, разработок новых видов оружия, сроки принятия их на вооружение.

Как же мы можем говорить о создании российской армии, если у России сегодня нет никакой военной доктрины? О какой армии говорит Грачев, если у России нет сегодня даже четких государственных границ, не определены ни вероятные противники, ни даже союзники, нет программы развития, перевооружения и подготовки вооруженных сил?

Мы можем констатировать практически полный демонтаж некогда единых систем ПВО, ПРО, связи и дальнего радиолокационного обнаружения.

Один пример. Современные мобилизационные планы ОВС СНГ – детище авиатора от политики Шапошникова – предусматривают в случае вооруженного конфликта разворачивание фронтов: двух – Украиной, одного – Белоруссией, одного – Россией и трех резервных – ею же. Но сегодня та же Украина готова развернуть эти фронты разве что против самой России...

И подобные планы всерьез рассматриваются сегодня Российским генштабом, на основе их отдаются директивы войскам.

А. П.: А есть ли у Вас проработки основных положений военной доктрины? А то оппозицию часто обвиняют в отсутствии конструктивных идей...

В. А.: Такие тщательные проработки, с участием самого широкого слоя военных и гражданских интеллектуалов, у нас ведутся. Из чего мы исходим? Исходная точка – тщательно выверенная системная концепция национальных и государственных интересов, определяющая базовые ценности и долгосрочные цели нашего общества и государства. И у нас есть сегодня такое системное представление о базовых интересах, на котором основан наш вариант доктрины национальной безопасности. В этой доктрине определены актуальные и потенциальные стратегические угрозы нашей безопасности

и зафиксированы основные стратегические взаимосвязи между векторами социально-экономического и политического развития и национальной безопасностью.

Военная доктрина является одним из ключевых составных элементов системы национальной безопасности, учитывающей также чисто военные и военно-технические аспекты обеспечения безопасности.

Мы прорабатываем сегодня несколько вариантов военной доктрины, исходя из комплекса глобальных и региональных тенденций развития, которые не зависят от нас. Мы исходим из того, что вариативный подход к формированию военной доктрины в полной мере отражает возрастающую глобальную и региональную неопределенность.

А. П.: А что Вы можете сказать по поводу сегодняшних настроений в армии?

В. А.: Грачев не зря распустил окружные и всеармейские офицерские собрания. Дело в том, что голос офицерского корпуса слишком однозначно показывал, кто есть кто в современной России. Вспомним хотя бы, как бегал из президиума в отставку вечно улыбающийся Шапошников.

Армию пытаются прикормить, заставить молчать. Но ведь и лейтенанту понятно: если в войсках нет новой техники, замены вышедшей из строя, запчастей, боеприпасов, нет даже просто солдат – это уже не армия.

За державу обидно!

А. П.: Владислав Алексеевич, может, это трудности переходного периода, военного строительства, реформ? Может быть, офицеры, читающие эти строки, считают, что идет реорганизация, создание действительно российской армии?

В. А.: Я был бы рад увидеть хоть надежду на улучшение положения армии в сегодняшней деятельности руководства Вооруженных сил России. Увы, все указывает на совсем иной исход. Когда-то в Германии я командовал знаменитой армией Василия Ивановича Чуйкова. Кстати, против нас всего в 120 километрах был развернут американский армейский кор-

пус, которым командовал Колин Пауэлл. Этот корпус и сегодня одно из самых боеспособных соединений армии США, а вот те весты, которые доходят до меня из наших частей, удручают. Полки и дивизии разваливаются, деморализуются. Офицеры, понимая, что в бывшем Союзе их ничто не ждет, кроме пустырей и заросших полигонов, торгуют техникой, вооружением, охвачены просто лихорадкой по дойчмарке...

В еще худшем состоянии части, выводимые из Прибалтики и Закавказья. Цвет нашей армии – воздушно-десантные войска – на глазах теряют боеспособность. В критическом состоянии Псковская и Гянджинская дивизии. Прославленная Белградская дивизия разорвана между Украиной, Белоруссией и Россией. Нет жилья, учебно-материальной базы, нет даже призывников. Некомплект солдат достигает иногда 50 процентов.

Мы постепенно становимся мировыми задворками. Я хорошо помню, как к нам относились американцы, немцы, англичане, когда Союз был мощным, динамичным государством. И я вижу, как к нам относятся теперь: в лучшем случае как к банановой республике.

Можно ли назвать национальным МИД, который за два года лишил Россию всех союзников, миллиардов долларов прибыли от внешней торговли с ними, рынков сбыта в обмен на обещание (в который раз!) помощи Запада, причем в долг?

Верховный Совет занял сейчас жесткую позицию по отношению к развязыванию войны на Балканах, обязав наших представителей в ООН голосовать против вооруженных акций на территории бывшей Югославии. И что же, нас обвиняют чуть ли не в покрытии «сербских агрессоров», хотя сама ООН подтвердила равную ответственность всех участников конфликта.

Дело в том, что США сейчас пытаются утвердиться уже в роли европейского жандарма и им нужно «добро» на войну против Сербии. И козыревский МИД, судя по всему, взял на себя неблагоприятную роль толкача американской политики, хотя в интересах России не допускать еще одной войны на европейском континенте.

Что выиграет Россия, если станет сателлитом США? Надо ли нам быть изрубленным «щитом» США и Европы от цивилизаций Востока и Азии, если Россия веками была «мостом» между этими мирами, если российская цивилизация создала уникальную политическую и духовную культуру именно евразийства?!

Россия встает с колен

А. П.: И все-таки сегодня ситуация меняется. Великий наш народ сбрасывает оцепенение. Все новые массы, партии, движения заявляют о своей оппозиции нынешнему режиму. 1 и 9 Мая явились вехами, точками отсчета нового времени России. Как Вы оцениваете события этих дней в Москве?

В. А.: По-моему, сейчас в сознании людей активно формируется новая идеология – идеология государственности. Людям надоело чувствовать себя никем и ничем, они устали от одиночества и хотят чувствовать себя нацией, народом, достойным своей истории, своих побед.

Чего добились московские власти, спровоцировав столкновение в Москве? На мой взгляд, ничего, кроме собственной самоизоляции. Лужков хотел продемонстрировать «в свете решений референдума», кто в Москве хозяин. Что ж, он продемонстрировал свое бессилие. Пролитая кровь, смерть молодого омовца, ранения, пожары. Все это потрясло людей. И потому 9 Мая люди в едином порыве вышли на улицу. Они вышли на свой главный всенародный праздник – День Победы. И это был День Победы, день единения всех, кому дорога наша история, дорога Родина.

Я находился среди этих людей и счастлив, что был одним из них.

Скажу честно: наш политический Олимп и многие в военном руководстве и впрямь далеки от народа. И только эти годы открыли лично для меня наших людей, нашу Россию. Поначалу было мучительно тяжело и страшно «идти в народ». Ездить по губернским городам, встречаться с людьми. Поймут ли, поверят ли? Но постепенно пришла уверенность: у нас за-

мечательный народ! Умный, добрый, честный, трудолюбивый. Я черпал душевные силы среди рабочих города Ефремова, среди простых крестьян-туляков, когда от меня отвернулись те, кто раньше назывался другом, но, следуя конъюнктуре, перешел на службу к разрушителям нашего государства.

Теперь, когда мне трудно, когда тяжело, я иду к людям.

А. П.: И все-таки, Владислав Алексеевич, пути судьбы неисповедимы. Если вдруг Вы вновь вернетесь к службе, станете военным руководителем, с чего надо начинать возрождение нашей армии?

В. А.: Наверное, прежде всего с совета с нашим народом. Надо в конце концов сказать ему правду об истинном положении страны, о ее друзьях и недругах, ее границах. И только когда россияне поймут, что армия России необходима, что она – часть России, ее прошлого и будущего, мы будем строить новую армию.

Выработаем военную доктрину России, а дальше начнем многолетний и многотрудный процесс военного строительства. Без революций и «великих переломов». И она возродится вместе с нашим Отечеством!

Май 1993 г.

**«У патриотической России —
патриотическая армия»**

*(Беседа генерал-полковника В. Ачалова
с Александром Прохановым)*

Александр ПРОХАНОВ: Владислав Алексеевич, на прошлом Всеармейском офицерском собрании Вы были выдвинуты офицерами России претендентом на пост министра обороны как человек, отвечающий идеалам патриотического офицерства. Я и буду говорить с Вами как с будущим министром обороны. Хочу услышать из Ваших уст, как Вы оцениваете военно-политическую ситуацию в России. От нынеш-

него министра Грачева народ не услышал ни одной искренней фразы, ни одного прогноза, ни одного аналитического обобщения. А ведь в России большая беда, и она носит ярко выраженный военный характер.

Владислав АЧАЛОВ: В России идет война. Я имею в виду не нынешнюю искусственно созданную Российскую Федерацию, а территорию Великой России, которая складывалась тысячелетиями, освоена усилиями русских, населена множеством братских народов, имя которой – Советский Союз. На территории нашей Родины идет война.

Самые опасные очаги и векторы конфликтов: Армения и Азербайджан, где в результате войны сметены геополитические заслоны в направлении Турции и Ирана и становится возможным турецкое доминирование на Кавказе с последующей экспансией на север, вдоль Волги.

Таджикистан, где российские войска ведут прямые боевые действия, прикрывая южный фланг России от экспансии «фундаменталистов» и где потери русских войск уже исчисляются сотнями убитых. Затем грузино-абхазский конфликт, разрушающий на столетие вперед экономический и духовный потенциал Грузии, уничтожающий хрупкую приморскую инфраструктуру Абхазии, сужающий до минимума выход России к Черному морю, создающий опасный прецедент присутствия здесь «миротворческих» войск ООН, как первый, давно прогнозируемый опыт прямой иностранной оккупации. Осетино-ингушский конфликт, связанный со взрывоопасной зоной Чечни, где вот-вот сработает взрыватель, детонирующий по всему периметру Северного Кавказа.

В этот северокавказский взрыв окажутся вовлеченными обширные территории Ставрополя и Кубани, и его взрывная волна прокатится по всей Средней России. Далее – Крым, где очевиден конфликт Украины с Россией: самый опасный, чреватый ядерной конфронтацией. Борьба за Севастополь полностью парализовала флот, которому грозит разделение, а значит и уничтожение. Он больше не является прикрытием южных морских рубежей России, где полностью господству-

ют военно-морские силы НАТО, курсирующие в непосредственной близости от русских берегов.

Приднестровье – зона военного и политического противодействия, в фазе тлеющего конфликта. Шарнир, вокруг которого вращаются интересы Украины, России, Молдавии, Румынии. Направление традиционной румынской экспансии к Черноморскому побережью, вплоть до Крыма. В ближней Европе не утихает балканская война, где происходит подавление сербов, стратегических союзников России, начинается новое выдвижение объединенной Германии в Центральную и Южную Европу, к Адриатике, к рубежам Украины.

И наконец Прибалтика, где угнетается русское население, выводятся остатки российского воинского контингента и на их место спешно готовится контингент НАТО. Аэродромы, порты, шоссейные дороги, созданные трудами русских, становятся инфраструктурой войск НАТО, нависающих над русским Северо-Западом. Таким образом, военно-политическая ситуация в России связана с прямыми военными действиями на ее территории, с разрастанием очагов напряженности, с вытеснением России из сфер ее жизненных интересов, с крайним ослаблением сопротивляемости России внешнему давлению.

А. П.: В этой связи мы не можем не коснуться одной вопиющей темы. После искусственного разрушения СССР стремительно развалилась и Советская Армия. Политика Ельцина, направляемая Козыревым, осуществляемая Шапошниковым и Грачевым, состояла в том, чтобы вооружить вновь созданные квазигосударства, передать им все базирующиеся на их территориях группировки Советской Армии, сделать их суверенитет военно гарантированным и тем самым пресечь всякую возможность воссоздания нашего великого государства. Именно эти розданные Ельциным танки и самолеты участвуют сегодня в кровавых конфликтах, делая их по интенсивности сравнимыми с операциями Второй мировой войны.

В. А.: Совершено величайшее преступление. В зоны, где межнациональные противоречия, связанные с расчленением СССР, накалялись, достигали непримиримого уровня, Ель-

цин бросил колоссальные массы вооружения. Азербайджано-армянский конфликт питают потенциалы двух прекрасно оснащенных советских армий – 7-й гвардейской в Армении и 4-й в Азербайджане. Вся боевая техника, склады боеприпасов были переданы Шапошниковым и Грачевым воюющим сторонам, и именно поэтому стираются с лица земли города и села, наносятся бомбо-штурмовые удары, предпринимаются танковые атаки, действует крупнокалиберная артиллерия, включая установки залпового огня. При этом, заметьте, Козырев лицемерно призывает карать за применение авиации и артиллерии в локальных конфликтах.

Или, скажем, грузино-абхазская война! Весь Закавказский военный округ, руководимый Патрикеевым, перешел в собственность Шеварднадзе, и этот «миротворец», «певец нового мышления» и «общечеловеческих ценностей», двинул страшный разрушительный потенциал на Абхазию, превратил в пепел Сухум и Гагру, уничтожил абхазскую цивилизацию.

Или Приднестровье! Какими силами были уничтожены Бендеры? Чьи танки и самолеты Снегур посылал на мирные города? Да все те же, советские, принадлежавшие злополучной 14-й армии, которая в случае Третьей мировой войны должна была действовать на южном фланге европейского театра военных действий. Вся ее мощь разрядилась в трагические недели приднестровской войны.

Советский Союз держал свою армию на границах, где были созданы мощнейшие группировки. После распада СССР эти группировки преступными действиями президента были отторгнуты от России, кинуты в очаги национальных конфликтов, обращены против России. Россия не просто была разоружена своим верховным главнокомандующим, но были вооружены ее недруги, и число жертв в этой колоссальной бойне достигло 150 тысяч убитыми, 500 тысяч ранеными, миллиона беженцев. Это преступление века! Преступление против всех народов Советского Союза. И за это преступление преступники ответят!

А. П.: На фоне резко ослабленной, почти несуществующей российской армии неудержимо разрастаются так назы-

ваемые «неформальные военизированные формирования», не подчиненные ни Минобороны, ни МБ, ни МВД. Численность и арсенал этих формирований до конца неизвестны. Известно лишь, что они находятся на содержании коммерческих структур, а попросту мафий, подпитываются неограниченными финансами, приобретается незаконными путями вооружение. Их цель – осуществлять силовыми методами политику крупного криминального капитала. Мы, деятели оппозиции, остро чувствуем присутствие в политике этих криминальных армий, особенно в лужковской Москве.

В. А.: Это явление распада государственности, когда власть не может обеспечить безопасность коммерсанту, заводу, отдельному гражданину. И брошенные на произвол судьбы, они обзаводятся собственными защитными структурами, которые, по логике экономической конкуренции и борьбы, перерастают в агрессивные бандформирования, уничтожающие экономических и политических соперников. Их действия жестоки, аморальны, непредсказуемы. Эти бандформирования, контролируемые крупными банками и коммерческими структурами, стали средством психологического террора по отношению к политической оппозиции, желающей восстановления сильной государственности.

Нам известны численность этих формирований в Москве, места их дислокации, расположение складов вооружений, имена главарей и планы использования этих подразделений в ситуации политического кризиса. Нам известны также усилия по координации этих группировок с личной охраной президента, его охранным кремлевским полком.

Однако должен сказать, что силами этих группировок можно осуществить одноразовую террористическую акцию в масштабе Москвы, подавить на время лидеров оппозиции и даже, быть может, заблокировать действие парламента, но удержать контроль над всей территорией России, которая воспримет этот московский теракт с отвращением, – удержать военный и политический контроль за Россией невозможно. Это будет короткая, кровавая, омерзительная вспышка, после которой режим рухнет и последует расплата.

В формированиях, о которых мы говорим, нашли себе место много сильных, дееспособных офицеров, имеющих боевой опыт, которых выбросила на улицу чухлая грачевская армия. И они, отличные профессионалы, знающие боевую работу, вынужденно пошли в услужение к толстосумам. Когда в России установится патриотическая власть, мы усилим государство, станем воссоздавать великую русскую армию, и все талантливые и честные военнослужащие, приотившиеся сегодня в этих военизированных охранных структурах, вернуться в ряды Вооруженных сил Отечества, станут служить народу.

А. П.: Весь последний год, последние недели и месяцы страна живет в атмосфере страха. Президент все время угрожает разогнать Советы. Радикалы из окружения Ельцина грозят оппозиции насилием. Отдельные витии требуют для патриотов тюрьмы и «стадионов». В прессе муссируются слухи о перевороте, об интернировании оппозиции, о подмосковных пансионатах, где будут содержаться арестованные. Психология страха стала сегодня нормой. И гражданин не знает, у кого искать защиты. Вы верите в возможность переворота?

В. А.: Государственные перевороты в нестабильных районах мира – явление довольно распространенное. А Россию нельзя сегодня причислить к стабильным районам. Однако, как показывает практика, переворот и последующее за ним террористическое удержание власти возможны лишь при соблюдении по крайней мере трех условий. Узурпатор должен иметь разветвленный, преданный ему репрессивный аппарат. У него под рукой должна быть мощная армия. И ему, хотя бы на малый срок, должно поверить большинство населения. В России этих условий нет.

Госбезопасность, многократно разгромленная после августа 1991 года, не верит власти, не будет заниматься политическим сыском и репрессиями, не станет выполнять приказ человека, разрушившего государство. Российская армия, мы уже говорили, находится в жалком положении. Она не станет поддерживать режим чрезвычайного положения на территории униженной и обессиленной России, куда эту армию с позо-

ром, без всяких социальных гарантий изгоняют из Германии, Польши, Прибалтики.

Общественное мнение России также не на стороне узурпатора. Начинается осенняя волна недовольства, забастовки, охватывающие огромные слои населения. Требования бастующих уже не экономические, а политические: долой антинародный, антирусский режим! В этих условиях, я полагаю, власть не пойдет на переворот, она бессильна его предпринять. Если же возобладает безумие и попытка переворота будет предпринята, мы обратимся к армии и к органам безопасности: встать на защиту Конституции, и, уверен, будем услышаны.

А. П.: Владислав Алексеевич, если судьба распорядится так, что Вам придется возглавить российское оборонное ведомство, какая политика в области обороны, вооружений, военного строительства будет Вами проводиться?

В. А.: Первое, что необходимо, – это сформулировать проблему безопасности. Мы ее отчасти коснулись в начале беседы. Россия – это огромная территория с колоссальными ресурсами. На эти ресурсы открыто зарятся многие в современном мире. Почти все соседи России имеют к ней территориальные претензии. Нам нужна могучая армия, чтобы защищать территорию и ресурсы на всех направлениях. Сегодня 35 миллионов русских оказались за пределами оскопленной российской территории. С ними обращаются как с рабами, их жизни и достоинству грозит опасность. И вся мощь русской армии должна быть поставлена на защиту соотечественников, которые по вине разрушителей государства были отданы во власть угнетателей.

К числу первостепенных государственных ценностей относится Конституция государства, в которой, в частности, закреплены институты власти, принцип целостности и неделимости Родины. Эти принципы, если на них посягнет внешний или внутренний враг, армия должна защищать. И наконец, в условиях разрухи и распада, в атмосфере деградации всей нашей технической цивилизации резко увеличилась опасность технологических катастроф, ликвидация которых посильна только армии.

Интересы такой огромной сухопутно-океанской державы, как Россия, связаны со всей глобальной ситуацией. Поэтому, как и прежде, основой российской военной стратегии должны быть ракетно-ядерная триада, мобильные спецподразделения быстрого реагирования и сверхточное оружие поля боя. Для этого патриотическое правительство займется восстановлением разрушенных оборонных концепций, изыщет средства для усиления научно-исследовательских разработок, чтобы сократить разрыв, отбросивший российскую военную мысль от американской на несколько лет назад.

А. П.: Какова, по-вашему, идеология будущей российской армии?

В. А.: У патриотической России – патриотическая армия. Патриотическая идеология великого народа, сложившего за тысячелетия великое государство, исповедующее принципы братолюбия, национального бытия, преданности своей истории и вере. Александр Невский и Дмитрий Донской, Суворов и Кутузов, Скобелев и Жуков – военные герои России в прошлом, настоящем и будущем.

Сентябрь 1993 г.

Армия и народ: после крови

(«Круглый стол» с генералами Российской армии проводит главный редактор газеты «Завтра» Александр Проханов)

Александр ПРОХАНОВ: После кровавого вклада армии в разгром парламента, когда полторы тысячи мирных людей были убиты из пулеметов и танковых пушек, когда армия, гарант Конституции, поддержала контрконституционный поворот, когда политический нейтралитет армии, провозглашенный ее министром, был вероломно нарушен и силой армии был уничтожен огромный фланг современной российской политики, – после всего этого общественная атмосфера вокруг армии

и в ней самой становится самой актуальной и драматической. Отвращение к армии у широких масс населения нарастает. Моральная смута в офицерском корпусе налицо. И в этих условиях есть искушение аккумулировать народное презрение, усилить в армии разрушительный комплекс неполноценности, чтобы возмездием за содеянное было историческое возмездие генералам и офицерам, не сумевшим защитить великий Советский Союз, не ставшим препятствием на пути разрушения общенациональных боевых группировок и поясов стратегической обороны, отдавшим свои контингенты в услужение сепаратистским режимам, в конце концов устроившим кровавую баню.

Однако стоит ли нам, государственным, патриотам, поддаваться на это искушение? Не мы ли все эти годы защищали армию от беспощадных «демократических» средств массовой информации? Не мы ли, патриотические писатели и политики, в своих малочисленных изданиях делали ту военно-патриотическую работу, от которой уклонялись трусливые генералы ГлавПУРа? Не мы ли, прошедшие с армией Афганистан, Карабах, Тбилиси и Вильнюс, заслоняли беззащитных и немых, троекратно преданных офицеров, принимая на себя удар ненависти «демократов»? И неужели сегодня, когда после кровавого октября «демократы» усиливают критику армии, окончательно ссорят ее с народом, добывая в офицерах последнюю надежду на нравственное воскрешение Вооруженных сил России, и нам, государственным, следовать за «Демроссией»?

В редакции «Завтра» возникла идея провести «круглый стол» с генералами русской армии, оценивающими ситуацию в войсках после танковых ударов по парламенту. Учитывая повышенную бдительность «особистов», невозможность без риска для карьеры и репутации генералов пригласить их всех вместе открыто принять участие в «круглом столе», я провел с ними беседы отдельно.

Генерал-майор ГРУ – условно Петров. Генерал-лейтенант из управления Генерального штаба – условно Гончаров. Генерал-майор, близкий к управлению кадров, – условно Феофанов. Таковы участники «круглого стола», чье мнение я свел воедино.

Первым, с кем я встречался, был разведчик генерал Петров. Я спросил его, помнит ли он наш телефонный разговор 2 октября, где утверждал, что армия останется в казармах, если не возникнет «третья сила», которая втолкнет армию в политику. Помнит ли наш краткий, полуконспиративный разговор 8 октября, когда он подтвердил – «третья сила» была? Теперь я был готов выслушать его подробный рассказ о событиях, о той «третьей силе», которую он зафиксировал в дни государственного переворота.

ПЕТРОВ: После эйфории по поводу единства президента и армии «демгазеты» вдруг обрушились на армию с безжалостной критикой – за «вялость», «уклонение» и даже «предательство» интересов президента.

Все это продолжается и по сей день, поэтому нелишне было еще раз напомнить: кто штурмовал Верховный Совет, кто отдавал приказы, кто сидел в танках на Краснопресненском мосту?

Для действий в Москве со стороны Министерства обороны должны были быть выделены следующие части: 218-й батальон спецназа ВДВ без разведывательно-диверсионной роты, 119-й парашютно-десантный полк (около 600 человек), 27-я мотострелковая бригада, один батальон (около 300 человек), 2-я мотострелковая дивизия в составе усиленного полка (до 1400 человек) и 4-я танковая дивизия в составе танкового и мотострелкового батальона. Кроме этого, другие подразделения 2-й и 4-й дивизии находились в районах сосредоточения в непосредственной близости от Москвы.

В общей сложности 3–4 октября было задействовано до 9 тысяч военнослужащих. В позицию боеготовности были приведены части ВДВ в прилегающих к Москве регионах (Тула, Псков, Рязань, Кострома).

Кантемировская и Таманская дивизии на 3 октября имели некомплект до 40 процентов личного состава срочной службы – были небоеспособны.

Практически с момента принятия решения на ввод войск, а это произошло в 18 часов 2 октября, когда Грачев отдал

первые указания о подготовке к входу частей в столицу, встал вопрос о лояльности войск. Ведь в случае любой ошибки стволы солдат вполне могут развернуться против Ельцина. В этой обстановке Грачев еще раз провел консультации с руководящим составом МО (в ночь со 2 на 3 октября), и практически все присутствующие подтвердили эту озабоченность. Тогда и было принято коллективное решение – до последней возможности уклоняться от участия армии в штурме Верховного Совета, поддерживать нейтралитет.

3 октября, после деблокады Белого дома и полной деморализации еринских сил, власть в столице как таковая отсутствовала. Разрозненные группы дивизии Дзержинского беспорядочно отходили из района Белого дома, шел массовый переход на его сторону сотрудников милиции райотделов. Полной неожиданностью для Ерина был отказ Софринской бригады выполнять его приказ на открытие огня по митингующим. Вообще возникла ситуация безвластия. Пролилась и первая кровь. Удирающий ОМОН у гостиницы «Мир» открыл огонь по митингующим. Появились раненые и убитые. Как я понимаю, этой стрельбой и было спровоцировано взятие мэрии и гостиницы «Мир».

Вот здесь, прошу заметить, на сцене впервые появляется некая «третья сила». При взятии мэрии на одном из этажей вспыхнула перестрелка между милицией, прибывшей от здания Верховного Совета, и некоей группой, засевшей там. В ходе ее были убиты сотрудник милиции и трое боевиков. Наша агентура, побывавшая на месте боя через несколько минут, принесла очень интересный документ, обнаруженный у убитого боевика, – удостоверение сотрудника некоего охранного агентства. Мы заложили эти данные в наш информационный банк, и тут же имя убитого боевика всплыло в одном из списков «Бейтера» – сионистской боевой организации.

Боевики были вооружены автоматами «АКС-74», но, как ни странно, без номеров.

Удивляет количество оружия, обнаруженного в мэрии. Один из операторов предоставил нам пленку, снятую сразу по-

сле взятия, где сотрудниками милиции «разгружаются» сейфы, забитые пистолетами Макарова. Свалено в кучу несколько десятков автоматов, найденных в одном из кабинетов. Чье это было оружие? Кто должен был из него стрелять?

Практически одновременно с этими событиями к нам стала поступать информация о появлении в городе в районах, прилегающих к Белому дому, вооруженных групп в составе трех-четырёх человек, штатские. Они прибывали на легковых автомобилях и исчезали в домах. У них было замечено снайперское оружие. Зная, что в арсенале Белого дома не были ни одной снайперской винтовки, мы связались с МБ и нашей агентурой внутри Белого дома. Человек, близкий к Баранникову, подтвердил отсутствие какой-либо информации об этих людях. Ничего о них не знал и Бовт – начальник Департамента охраны здания Верховного Совета. Ничего об этих людях не знало и МБ... Наконец одну из групп, выехавшую с Калининского проспекта в сторону «Останкино», нам удалось взять под наблюдение.

Группа, за которой мы наблюдали, заехала во двор одного из зданий по улице Королева. Из «Жигулей» вышло четверо молодых людей. Трое зашли в подъезд, а один скорым шагом направился к телецентру. Он достал коротковолновую радиостанцию и провел сеанс связи, судя по всему, с группой, зашедшей в дом. Стрельба у «Останкино» началась, когда объект только подходил к толпе. Для нас поначалу было непонятно, что собираются предпринять «боевики». Ведь из здания, где они сидели, вести прицельный огонь по людям у телецентра было неудобно. Но все стало ясно, когда «бэтээры», проезжавшие по улице Королева, попали под обстрел снайперов. После этого «бэтээры» тут же открыли огонь... по толпе у телецентра.

В ходе перестрелки у «Останкино» «корректировщик» получил тяжелое ранение, и нам в руки попали еще более интересные документы. Но самое интересное другое: он проходил свидетелем по нашумевшему вооруженному инциденту в августовских событиях 1991 года. Это и была «третья сила», которая активно вмешалась в происходящее и спровоцировала эскалацию кровопролития...

Что же в это время делали Вооруженные силы? К сожалению, оставленные без какой-либо информации части, продвигавшиеся к Москве, были полностью дезориентированы в обстановке. Рождались самые нелепые слухи. Но общий настрой был – «не вмешиваться, избегать кровопролития». Такие инструкции получили десантники и мотострелки. Наконец части вышли к Кольцевой дороге и остановились, ожидая дальнейших указаний. Мы уже имели информацию, что в Кремле напуганы «бездействием» Министерства обороны, что циркулируют слухи об измене Грачева и Генштаба, а потому создана своя особая оперативная группа. В этой группе, кроме уже известных Кобца, Волкогонова, Лужкова, вдруг возник и небезызвестный Боксер – один из руководителей организации «Август-91».

На совещании у Черномырдина вечером 3 октября было принято решение в обход Министерства обороны убыть к войскам и попытаться взять их под свой контроль. Это было возложено на Волкогонова и Кобца.

При встречах с командирами частей оба они апеллировали к «гуманности» армии, ее спасительной роли. Описывались «злодеяния» коммуно-фашистов. Сотни убитых «Витязем» у «Останкино» выдавались за жертвы террористов и защитников Белого дома. В ход шла откровенная ложь о расстрелах и бесчинствах в Москве. К сожалению, при полной дезинформированности армейцев эта агитация, вкупе с обещаниями благ и льгот, возымела свое действие.

Заминка вышла с десантниками. Спецназовцы, находившиеся в здании Генштаба, просто отказались от контакта с кем-либо, кроме непосредственного командования.

И здесь вновь возникает «третья сила». 119-й полк, прибывший в район метро «Баррикадная», вдруг оказался под обстрелом снайперов и потерял первых убитых. Ни ОМОН, ни части спецназа, стоявшие здесь же, под обстрел почему-то не попали, а под огнем оказались лишь десантники, заявившие о своем подчинении непосредственному начальству. Снайперов, как всегда, не нашли...

Но отчетливее всего «третья сила» проявила себя при штурме здания Верховного Совета. По приказу Панкратова «добровольцам», поддерживающим президента, было передано несколько БТРов из дивизии Дзержинского. Официально они передавались некоему Котеневу – председателю одного из ветеранских афганских объединений. Но, кроме нескольких его соратников, в группу вошла сотня боевиков из отрядов «Август-91». Кроме этого, часть своего личного состава выделила охранная фирма «Алекс»...

Именно этот отряд расстрелял баррикады у стадиона и на Каменном мосту. Под их прикрытием выдвинулись мотострелковый батальон Таманской дивизии и батальон десантников, но под встречным огнем они залегли и периодически участвовали в перестрелке из прилегающих переулков.

Почти три часа положение не менялось. И тогда было принято решение выдвинуть танки. В распоряжении штурмующих находилось шесть экипажей танков из Кантемировской дивизии. Набраны они были Кобцом из добровольцев-офицеров. Им были обещаны квартиры в Москве, 3 тысячи долларов США и должности не ниже заместителей командира полка. Готовность открыть огонь подтвердили 4 экипажа. Это 8 офицеров и 4 прапорщика. Ими было выполнено 64 выстрела. Часть боеприпасов была объемного взрыва, что вызвало огромные разрушения и жертвы среди защитников Белого дома.

Общее состояние участвующих в штурме войск можно охарактеризовать к 17 часам как подавленное. Десантники, заняв два пустых этажа, остановились и прекратили продвижение. Таманцы засели в переулках и укрылись за броней, практически прекратив огонь. Прицельно били только танки. Батальон спецназа в бой вообще не был введен.

К 5 утра 5 октября было принято решение об отводе войск из района Белого дома, так как постоянно поступали сигналы о поголовном запое среди офицеров и солдат и возникновении перестрелок и драк между армейцами и МВД...

Александр ПРОХАНОВ: Моим вторым собеседником был генерал-лейтенант Гончаров из управления Генерального штаба, курирующий проблемы стратегии, определяющие концепцию военного строительства и военной политики. Мои вопросы сводились к следующему.

Советская армия, даже в периоды своей высшей мощи и влияния, никогда не требовала для себя самостоятельной политической роли. Попытки предвоенных генералов во главе с Тухачевским действовать самостоятельно кончились репрессиями и истреблением. Жуков однажды, уничтожая Берию, на несколько часов оказался хозяином Москвы и страны, но убоился роли политического руководителя нации, передав эту роль Хрущеву. При Брежневе армия была любимым детищем государства и партии, военно-промышленное и военное лобби в высшем руководстве страны были самыми влиятельными, но и тогда армия была лишь послушным инструментом в руках политиков.

При Горбачеве, когда в одностороннем разоружении армию убивали, и это понимал генералитет, понимали стратеги, никто из них не осмелился сказать «нет!» политическому руководству, обрекая себя и вверенное дело на уничтожение. Окончательно политического самосознания армия была лишена на закате советской эры, в вялом бессмысленном «путче».

Какова же теперь политическая ориентация армии?

ГОНЧАРОВ: К началу октября у армии теоретически было несколько вариантов возможных действий. Под «армией» я имею в виду высший офицерский и генеральский корпус Вооруженных сил Российской Федерации. Она и дальше могла оставаться нейтральной, под лозунгом «Армия – вне политики». Она могла выступить на стороне Верховного Совета и Ружцкого. Армия имела возможность заставить обе ветви власти принять так называемый «нулевой вариант». Армия могла прямо прийти к власти, разогнав и «партию Ельцина», и «партию Хасбулатова–Ружцкого». Наконец, армия могла поддержать Ельцина.

Чтобы понять, почему был избран именно последний вариант, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Во-первых, необходимо ясно отдавать себе отчет, что армия, за небольшим исключением, не питает никаких симпатий ни к прежнему, горбачевскому, режиму, ни к режиму Ельцина. Почему – объяснять не надо. Отсюда и вполне почетный девиз, сформулированный два года назад: «Армия – вне политики».

Армия могла выбрать третий или четвертый вариант, если бы она, как, например, турецкая армия в 1980 году, уже имела четкое представление о собственных долгосрочных политических интересах и одновременно представляла собой слаженный механизм, способный решить любую поставленную задачу. Но ни политических доктрин, ни уверенности в том, что армия едина, не было. Да, армия могла выступить самостоятельно – для прихода к власти. Но удержать ее без опоры на определенные социальные и политические силы она бы сегодня не смогла.

Вместе с тем политический кризис последних месяцев, особенно после 21 сентября, усилил поиски собственных политических интересов. К началу октября армия твердо знала: она должна сохранить свое внутреннее единство, не допустить раскола. Должна не допустить трагического синдрома августа 1991 года. И, наконец, помешать развязыванию гражданской войны.

Возможность «политической подставки» в октябрьском кризисе достаточно серьезно рассматривалась в руководстве Министерства обороны. Сентябрьские решения Верховного Совета – назначение министром обороны Ачалова – фактически провоцировали раскол армии. Кроме того, учитывалось, что в случае победы Руцкого–Хасбулатова неминуемо началась бы чистка среди российского генералитета.

Таким образом, вплоть до самого начала, 4 октября армия придерживалась первого сценария – невмешательства. В соответствии с законами «О чрезвычайном положении» и «Об обороне» привлечение вооруженных сил допускается внутри стра-

ны лишь для ликвидации последствий стихийных бедствий, аварий и т.п. Ельцин своим указом № 1575 еще с 16.00 3 октября освободил армию от ответственных за вынужденное нарушение законов, взяв эту ответственность на себя. Однако руководству Министерства обороны этого было недостаточно.

Безуспешными оказались устные обращения Ельцина и Черномырдина к Грачеву вечером 3 октября, тщетным был приезд ночью премьера в здание Министерства обороны. Через 13 часов после издания указа № 1575 Ельцин вынужден был в 5.00 утра 4 октября подписать еще один указ – № 1578, предписывающий МО «выделить необходимые силы и средства для обеспечения режима ЧП».

В конце концов армия выбрала окончательный вариант, в максимальной степени соответствовавший ее интересам, то есть фактически выступила не в защиту Ельцина, а во имя своих корпоративных интересов, причем в условиях, когда оказалось, что режим полностью зависит от Министерства обороны.

Итак, впервые после 1953 года, когда был нейтрализован Берия, армия, выступая как самостоятельная политическая сила, использовала прямое вооруженное давление. Армия преодолела синдром августа 1991 года. Лозунг «Армия – вне политики» окончательно отброшен. На повестке дня уже другой девиз – «Армия едина», то есть армия начинает осознавать себя особой корпорацией, преследующей свои особые политические интересы. Но как это будет происходить дальше, в условиях продолжающегося кризиса, трудно сказать.

После октябрьских событий армия стала законным средством политической борьбы. Это зафиксировано и в военной доктрине Российской Федерации, принятой 2 ноября Советом безопасности. В доктрине заявлено, что «для предупреждения и пресечения внутренних конфликтов, угроз территориальной целостности РФ, интересов общества и граждан» будут использоваться силы МВД РФ. В то же время высшим силовым арбитром становится армия, поскольку от нее, ее оценок зависит то, что «отдельные формирования Вооруженных сил могут привлекаться для содействия органам внутренних дел

и внутренним войскам МВД для локализации и блокирования районов конфликтов, пресечения вооруженных столкновений, разделения сторон и защиты стратегически важных объектов». Таким образом, в военной доктрине недвусмысленно подчеркивается, что именно армия становится основным гарантом недопущения гражданской войны.

Официальное одобрение такого рода военно-политической доктрины означает, помимо прочего, в нынешней ситуации и то, что различного рода сложные, неоднозначные общенациональные проблемы, связанные с формулированием национальных интересов, определением целей в приграничных конфликтах и т.д., будут рассматриваться так или иначе сквозь призму положений этой доктрины. А это означает, что армия может на этой основе приступить к выработке своей собственной политической идеологии.

Безусловно, сегодня армия – основная опора Ельцина. И без фактора армии невозможно прогнозировать дальнейшую трансформацию ельцинского режима. Более того, именно армия заинтересована в сохранении как можно дольше слабого, зависимого от нее Ельцина.

Конечно, нельзя утверждать, что основные внутренние проблемы армии преодолены. Сохраняются политические противоречия между противниками ельцинского режима в армии и теми группами, которые считают, что из «президента можно еще многое выжать». «Афганский клан» в руководстве министерства обороны по-прежнему у многих вызывает раздражение.

Основным политическим оппонентом армии на политической авансцене сегодня выступают две силы: блок радикальных демократов «Выбор России» и в меньшей степени группа Черномырдина. Для радикалов процесс усиления политической роли министерства обороны не только неприемлем, но и просто опасен. И речь идет не только о соперничестве по поводу влияния на Ельцина.

Вероятно, потому сразу же после декабрьских выборов будет предпринята попытка вновь загнать армию в казармы тем

же лозунгом «Армия – вне политики». Во всяком случае, пока не произойдет чистки в нынешнем руководстве МО, демократические реформаторы не могут чувствовать себя полностью в политической безопасности.

При всем при том и по сей день сохраняется весьма существенное политико-психологическое преимущество на стороне армии. Ведь после 21 сентября 1993 года ни один государственный орган в стране, ни одна государственная структура не могут считаться вполне законными. Кроме армии.

Александр ПРОХАНОВ: Мой третий собеседник – генерал-майор Феофанов, куратор кадровой политики в армии, знаток тайных пружин, перемещающих офицеров по службе, обрывающих или ускоряющих карьеры генералов и маршалов.

После событий 4 октября, когда у Ельцина появились серьезные поводы усомниться в лояльности армии, когда большинство командующих округами косвенно выразили свою антипатию президенту, когда Грачев медлил с использованием армии для подавления народного восстания – после всего этого армию, вероятно, ожидает чистка. Советскую армию чистили в 1937–1939 годах, когда стал просматриваться среди высшего состава антисталинский заговор. Чистили армию при Хрущеве, когда среди 1200 тысяч были уволены целые пласты офицеров с боевым опытом Отечественной войны, сторонники маршала Жукова. Армию чистили после августа 1991 года, когда из нее пытались убрать типы офицера и генерала, хоть чем-нибудь напоминавшие генерала Варенникова.

ФЕОФАНОВ: Кто хоть немного следит за ситуацией в армии, наверняка помнит ее двусмысленность после августа 1991 года. Вспомним министра обороны Грачева, когда тот сделал своими замами практически одних «афганцев». «Генералы, жаждущие реванша за поражение к афганской кампании» – так высказывалась тогда встревоженная «демократическая» элита.

В самом деле, казалось, в Министерстве обороны сформировался коллектив единомышленников, спаянный боевым

прошлым. Однако вскоре Козырев успокоился: приглашенные в команду Грачева целиком за ним не пошли. Именно поэтому повсеместно мы видим одного Грачева, слышим только его заявления или оправдания, касающиеся неуклюжих действий его верховного главнокомандующего Ельцина. Заместители – начальник Генерального штаба, главкомы, словно воды в рот набрали.

Эти последние события вновь подтвердили: генералитет, коллегия Министерства обороны в большинстве своем категорически против слепого повиновения авантюрным политикам. Единственное, что удерживает их от более резких движений – то, что в затылок Грачеву дышит связист Кобец, деятельность которого в министерстве вообще оценивается очень низко. Зная характер президента, нет сомнения в том, что, если только Грачева выдают с поста министра сами военные, они тут же получают Кобца.

Кадровая ситуация в МО сегодня крайне сложна. Чего стоит, например, только одно управление «по заходу и восходу солнца» во главе с генералом Ивановым, созданное для проведения в Вооруженных силах военной реформы, которой еще нет и которую, судя по результатам призыва, и проводить-то не с кем. Огромнейший штат генералов и полковников, ни за что не отвечая, пинает воздух ногами и истинно следит, как восходит и заходит солнце.

То же можно сказать и об управлении информации. Таким штатам, как в нем, могут позавидовать генералы и офицеры даже оперативного управления. А все ведь ради каких-то конкретных людей, которым надо давать генералов, – того же Косарева, в свое время вращавшегося в окружении злейшего врага Ельцина М. С. Горбачева, – и таким несть числа.

Недовольство нынешней кадровой политикой министра быстро разрастается среди высшего генералитета. Чувствуя это, «наблюдатели за солнцем» делают усиленные попытки перетасовать их колоду. Наверное, скоро мы станем свидетелями рассмотрения на коллегии МО вопроса о реформировании Главного управления по работе с личным составом.

Однако загвоздка в другом – его до последнего времени курировал заместитель министра генерал-полковник Миронов. Курировал он также военно-учебные заведения, а главное – кадры. Отсюда любое назначение, необходимое для министра и его окружения, невольно шло через Миронова. Авторитет его в войсках весьма велик. Так что мы не удивились, узнав, что из-под контроля Миронова убрали все эти структуры, тем самым ослабив его влияние.

Событиями октября армия придавлена. Расстрел белым днем прямой наводкой в центре Москвы собственного парламента – несмываемое пятно для некогда народной, непобедимой и легендарной. Армия сопротивлялась, не хотела идти. Обманом затащили ее в Москву, не так-то просто оказалось из целого танкового полка отыскать четырех офицеров, согласившихся стрелять, – но ведь все-таки они нашлись и стреляли! И сами не застрелились после этого! На плитах около стен Белого дома написано: «Офицеры – предатели народа», «Армия – кровавая сука, посмотри на дело рук своих». Стыдно и страшно.

Усиленная охрана военных городков доблестных Кантемировской и Таманской дивизий, получивших презрительное наименование «Московских имени Юровского». Прячущиеся от сослуживцев «герои» снайперской стрельбы. Особисты вынюхивают, кто и зачем интересуется награжденными.

Но не все офицеры продались за 250 тысяч рублей, выданных каждому участнику «похода на Москву». Среди защитников Конституции было немало офицеров. Они своей кровью, самопожертвованием, отставками и невыполнением преступных распоряжений правительства не дали окончательно втоптать армию в грязь.

А вообще в армии сейчас скверно. Генералы, получившие лампасы после августа-91, пригнулись, затаились в предчувствии сокращения с одной надеждой – авось пронесет, чур не меня! Офицеры в войсках, переодетые в мышиную пентагоновскую форму, месяцами не получают зарплаты, не видят просвета и примера среди старших командиров, вместо солдат идут в наряды на кухню. Эти офицеры на все махнули

рукой, и ждать от них доблести и чести наивно. Бедная некогда великая армия...

А. ПРОХАНОВ: Три точки зрения, три генеральских высказывания на нынешнюю ситуацию «Армия и общество» приходят к парадоксальному выводу. После жестоких событий у Дома Советов, где армия участвовала в пролитии крови, втянутая во внутренний гражданский конфликт, морально она оказалась в проигрыше, комплекс неполноценности резко усилился, ее позиции в общественном сознании резко упали.

Но политически армия выиграла. Усилилось влияние министра обороны Грачева, зависимость от него лично и от армии в целом всей группировки Ельцина. В благодарность за армейскую поддержку и под скрытым давлением генералитета была немедленно, на следующий же день после погрома в Доме Советов, принята военная доктрина, остановлена конверсия в базовых областях, началось интенсивное военное строительство.

Приближение экономической катастрофы, в неизбежности которой не сомневается никто, и связанные с нею крупные аварии, социальные волнения, голод, энергетический хаос вынуждают власти обратиться к армии как к последнему средству регулирования. И армия это понимает и чувствует.

Патриоты, государственники поставлены в сложное положение людей, потерявших 4 октября под танковыми пушками своих друзей и соратников и с удивлением, когда был потушен пожар, обнаружившими, что их идеология, их политические ценности – все это, пусть в обрезанном, уродливом виде, стало входить в правящее сознание.

И этот парадокс, эта трагическая неизбежность, не в первый раз сопутствующая в русской истории разрушительным либеральным реформам, должна ориентировать патриотическое сознание на осторожный, вдумчивый анализ сегодняшних общественных противоречий, удержать от скороспелых выводов, защитить Вооруженные силы России от агрессивных, пусть во многом справедливых, нападок.

Ноябрь 1993 г.

«Я не хотел говорить о Горбачеве»

(Диалог Александр Проханова
и Николая Рыжкова)

Александр ПРОХАНОВ: Николай Иванович, в последнее время я все чаще размышляю о парадоксе сегодняшней политики и жизни и ответа пока не могу найти. Посмотрите: в сентябре–октябре Ельцин и его режим разгромили оппозицию самым жестоким и кровавым способом. Казалось бы, вся оппозиционная философия потерпела сокрушительное поражение. Курс на смягчение реформ был расстрелян из танков. Кумиры радикальной реформистской политики торжествовали.

Я никогда не забуду ночь после расстрела. Какая была радость, какое празднество в их стане! И когда в их руках оказалась вся политическая власть, когда в страну пришла абсолютно тотальная диктатура, с помощью которой они могли строить здание любой политической архитектуры, вдруг как бы дух какой-то пролетел над ними. Они стали умирать, их здание – рассыпаться.

Первое, что сделал сразу после разгрома Ельцин, – принял военную доктрину, несшую в себе компоненты нашей государственной идеологии. Потом выборы, на которые он так торопил страну, вывели на поверхность совершенно новые слои оппозиционных политиков. Потом ушли Гайдар и Федоров – с позором, Черномырдин, по существу, объявил о новом курсе. В последнее время рассыпался почти весь их западный фланг. Белоруссия выходит из-под контроля... Что все это такое? Оппозиция разгромлена, а оппозиционный курс начинает торжествовать?

Николай РЫЖКОВ: Думаю, что оппозиция была разгромлена лишь условно. Они надеялись, что устранили носителей оппозиции – Хасбулатова, Руцкого и других. Но с их стороны это был просчет. Это все-таки айсберг. Возможно, было и намерение запугать всех – теми же танками, чтобы головы никто не поднял.

Если немного вернуться по времени, их явно убаюкали итоги апрельского референдума. Тогда на население было произведено массивное давление, даже в формулировках вопросов, методически неправильных. Все было сделано, чтобы люди сказали «да». Видно, тогда, после референдума, они действительно уверовали, что их «всенародно» поддерживают или, по крайней мере, большинство одобряет этот экономический курс.

Я сам был поражен итогами голосования. Думал так: ну могли поддержать самого Ельцина, ладно. Знаете, есть чувство самосохранения у народа: вдруг начнутся какие-нибудь распри, гражданская война – пусть остается все как есть, не будем трогать. Но поддержать экономический курс! Это был для меня просто удар, уж этого я не ожидал. Тем не менее произошло то, что произошло...

И вот после этого, думаю, у Ельцина и его команды была просто эйфория: видите, нас действительно поддерживают. Давайте быстро дальше двигаться! Никаких корректировок. И пошло наступление на оппозицию... Результат вам известен.

Совершенно очевидно, что у них не было ни серьезных расчетов, ни проработок. А после расстрела вообще решили, что недовольные сломлены, зажаты. Конечно, все это отразилось на обществе, что там говорить. Была общая подавленность. Все сразу прижали уши. Те, кто часто выступал, были у всех на слуху, вдруг исчезли. Я всегда считал: самое страшное для страны, если наступит всеобщий страх. И вот они хотели именно на этой волне быстро проскочить к выборам 12 декабря и вновь получить поддержку...

На мой взгляд, поражение Ельцина 12 декабря было просто колоссальным. И конечно, после подобного любой руководитель будет думать о том, как уцелеть. К тому же хоть что-то сделать, чтобы не рассыпалось государство. Знаете, это как в самолете во время испытаний, когда вдруг начинается страшная вибрация – флаттер. Одно крыло отваливается, потом другое, потом хвост – и все, самолета нет, он рассыпался. Так и здесь. Думаю, просто пошла реакция на это поражение: тоже начали рассыпаться крылья, хвост...

Не обратить внимание на то, что произошло 12 декабря, могли только весьма недалководидные политики. Вообще говоря, Гайдару нужно было уходить не сейчас и не с хлопаньем дверью, как он это пытался сделать, а сразу, уже 13 декабря. Если бы это были порядочные люди... Да и извиниться перед народом за содеянное надо было бы. Вы посчитайте, ведь они около 15 процентов получили. Разделите пополам (будем считать, что половина людей голосовала), и вы получите всего 7 процентов поддержки!

Причины происшедшего? Во-первых, после апреля люди все-таки серьезно задумались над тем, что они наделали. Во-вторых, к расстрелу народ не может быть равнодушным. Это им казалось, что все легко пройдет и быстро забудется. Я лично считаю, что пройдут века и века – эта кровь никогда не смывается с тех, кто ее пролил. Никогда! Как сказал патриарх – это несмываемое каиново пятно.

Вы знаете, очень серьезные изменения произошли и на местах. Я вчера вернулся из Белгорода со свежими впечатлениями. Три дня там был. Там у меня есть дело благотворительное: строительство храма на Прохоровском поле – месте крупнейшего танкового сражения прошлой войны.

Много директоров знакомых есть. Кстати, целый день провел на «Энергомаше». Это крупнейший завод, огромные цеха, современные станки, – делает оборудование для тепловых и атомных электростанций. Работают 15 тысяч человек. Я очень хорошо знаю и люблю этот завод. И вот там были встречи, совершенно стихийные. Просто люди узнавали в лицо, подходили.

Пока идем по цеху, глядишь, уже человек 20–30 рабочих вокруг нас. И, естественно, начинался разговор. Групп пять я таких прошел. И разговор получился долгий и очень жесткий. Я тоже не стеснялся, кстати сказать. Вопросы, конечно, одни и те же: почему и что делать? Что касается почему, я им четко говорил: виноваты вы, поэтому меня не спрашивайте «почему». Я вас должен спросить.

Почему, когда я предлагал цену на хлеб увеличить на 30 копеек, подняли крик по всей стране? Почему, когда я пред-

лагал умеренный переход к рынку, без потрясений, подняли крик на митингах, проклинали все и вся? Почему дали истоптать всю нашу историю?

Мне директор говорит: знаете, среди них, даже пальцем показал, крикуны были страшные. Теперь они совсем по-другому обо всем думают...

А что теперь нам делать? Я говорю: вы тогда были активны, кричали, требовали, так и сейчас не сидите сложа руки. Вот вас выгоняют с работы, у вас безработица, вот вы работаете только 3 дня в неделю. Так не молчите, защищайте свои права, у вас на заводе даже нет профсоюза.

Одним словом, то, что я видел два года назад, когда ездил по заводам, выступал, и то, что вижу сегодня, – это небо и земля. Народ прозрел. Прозрел через трудности и потрясения, через страдания. В конце концов приходит понимание, кто есть кто и что есть что. Думаю, так и были расставлены акценты 12 декабря.

А. П.: Смотрите, ушли Гайдар и Федоров. Притих Чубайс. Шохин вообще почти стал государственным. Еще петушится Козырев. Черномырдин имитирует государственника, присвоил себе и манеры, и лексику традиционного советского руководителя. Пришел Абалкин, человек, который ассоциируется с вами, работавший с вами. Что же это за коррекция курса, о которой все говорят? Попытка вернуть страну к тем первоначальным, как бы корректным и мягким формам реформ, о которых вы говорили, – 30 копеек хлеб, мягкие, бархатные трансформации экономики? Или это что-то другое? И, возвращаясь к Вашему примеру флаттера, когда аппарат, машина во время вибрации разваливается уже до болтов, до заклепок, можно ли проводить реформирование вот на этом оползне, на разрушенной и сползающей в прах и хаос экономике? Как Вы вообще оцениваете эту смену курса?

Н. Р.: Я не очень понимаю Черномырдина, хотя знаю его прекрасно. Я считал, что, когда он стал премьером, тем более что его избрал съезд, то есть ему оказано огромное доверие, у него были большие возможности. Конечно, там были игры – во время избрания, но это другой вопрос.

Я считал, что он использует эту поддержку съезда. Сделает, во-первых, перестановку кадров, во-вторых, коррекцию курса реформ. Он потерял год... По-видимому, не хотел обострять отношений с руководством, с Ельциным.

Так что у нас было в прошлом году не одно правительство, а три или четыре, не знаю как сейчас. Почему он так себя повел? Можно только догадываться. Но Черномырдин потерял год, и этот год принес огромный ущерб.

Вся мировая скорбь по поводу ухода Федорова и Гайдара, воительницы с привилегиями и «защитницы малоимущих» Памфиловой, что, мол, реформы теперь заглохнут, – это, конечно, полная чепуха. Они обязаны были уйти. Не потому, что они мне не нравятся как личности, а потому, что довели до такого состояния страну. Мы и так на дне уже сидим. А если ничего не делать – тогда мы уже пластом, наверное, будем лежать.

Дело не только в звоночке, который прозвенел 12 декабря. В верхних эшелонах власти многие начинают понимать: довели страну до ручки. Открыто об этом не говорят, можно только догадаться по некоторым признакам. Ельцин стал говорить, что социальный крен надо сделать, за ним стал это повторять Черномырдин... Страна на грани, за которой она будет окончательно обречена на длительную, а может быть и вечную отсталость.

Недавно я попросил товарищей, соратников бывших, дать мне некоторые цифры. Действительно, что-то страшное творится! И задача сегодня не в том, чтобы продолжать реформы, хотя, конечно, срочные корректировки их просто обязательны. Нам нужен план ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА. Как после войны. Если в войну (я могу немного ошибиться) за четыре года производство у нас упало на 24 процента, когда мы потеряли почти всю европейскую часть страны, то за последние 2,5 года – на 40 процентов!

Как расценивать возвращение Абалкина? Думаю, он сейчас набирает людей, которые могут наметить какой-то реалистический выход из положения. Я его хорошо знаю: работал у меня заместителем, поддерживаю с ним тесную связь.

Год назад я спрашивал: «Леонид Иванович, почему Вы молчите, Вы, ведущий экономист страны?» Он мне ответил: «Я пытался, предлагал услуги. Но я никому там не нужен. Никого из них наше мнение не интересует. Они все сами знают». Я говорю: «Но вы же видите, что делается!» Он: «Прекрасно вижу, но что я могу сделать с ними?»

И вот потеряли год. Теперь говорят вновь Абалкин, Петраков... В общем, я положительно это оцениваю – приход этих людей. Если еще привлекут к работе побольше производственников, они смогут выработать нормальную коррекцию. Среди здравомыслящих людей сегодня нет противников реформ. Все за них. Но как их проводить – вот в чем вопрос! Об этом и Хасбулатов все время говорил: мы тоже за реформы, только давайте подумаем, как это лучше сделать.

Какие могут быть коррекции? Думаю, во-первых, эти люди должны найти рычаги, чтобы остановить падение производства. Во-вторых, начать хоть какой-нибудь подъем. Вернемся ли к старому? Конечно, нет. Сегодня вернуться к той практике, которая существовала до 1989 года – жесткая плановая система, снова предусматривать все и вся, – уже нереально. Да и не нужно!

В 1990 году я подвергся шквалу обвинений за предложение постепенного перехода к регулируемому рынку. Я тогда говорил, что для этого потребуется 6–8 лет.

Я хорошо понимал, что речь шла о смене всей системы. Вся структура государства, те же министерства, Госплан, Госнаб – все было сделано под эту систему. А надо было переходить на другие рельсы. Значит, предстояло создать новую экономическую инфраструктуру. Она появилась за последние годы. С огромными трудностями, но появилась.

Думаю: сочетание рынка, планового хозяйства и государственного регулирования – это главные элементы, если, конечно, найти оптимальные пропорции, которые могут изменить ситуацию. И делать все это надо немедленно – страна погибает.

Приведу только один пример по энергетике. Он тоже навеян поездкой в Белгород, посещением «Энергомаша». Вот

смотрите: мы в стране за год вводили мощностей электростанций объемом до 11–12 миллионов киловатт. Считали, что этого даже мало. Правда, расчет был такой, чтобы страна развивалась. На каждый процент роста валового дохода необходим определенный объем дополнительной электроэнергии. Кроме того, надо было село электрифицировать, выпускать больше телевизоров, электроприборов – все это и многое другое требовало дополнительной электроэнергии. Мы считали, что вообще-то нужен был прирост в 14 миллионов киловатт в год. Ругались, требовали, говорили, что 11 миллионов – мало. Мы выводили устаревшие мощности, ставшие нерентабельными. Таковы были реалии.

В прошлом году в России введено новых энергетических мощностей 700 тысяч киловатт, то есть раз в 15 меньше, чем было раньше. В то же время было выведено, списано мощностей объемом 500 тысяч. Получается, в целом по стране еле-еле компенсировали то, что списали. И никакого воспроизводства нет.

На «Энергомаше» я спрашивал руководителей: «Вот вы говорите, что заказов нет. А какие энергоблоки вообще сегодня строятся – тепловые, атомные? Хотя что-то делается по стране?» Ни одного нет! Цикл строительства станции – 7 лет. К примеру, если будет принято решение сегодня, то только через 7 лет вы получите электростанцию. Представляете, какой здесь заложен провал?

Но разве где-нибудь электростанции строят частники? Всегда государство этим занималось. Франция после войны выкупила у частных все электростанции. Выкупила также железные дороги, шахты.

Одним словом, если сейчас не будут приняты решения, чтобы хоть как-то раскрутить экономику страны, мы окажемся в тяжелейшем положении.

А. П.: Николай Иванович, вот мы все загипнотизированы этим словом «рынок». Говорят: не может быть возврата к прежнему. Это тоже некий вид гипноза. Если мы скажем, что хотим вернуться к прежнему, то мы ретрограды, реакционеры,

консерваторы. Но вот возьмем современное капиталистическое общество. Начинается война, и мгновенно мобилизуется вся экономика, с рыночного ритма переводится на централистский – госкапитализм. Все ресурсы сразу мобилизованы, вводится, по существу, прифронтная дисциплина, целые слои общества как бы становятся под ружье. Там нет проблемы отказа от рынка в период мобилизации. Когда кончается опасность, вожжи снова отпускаются и распускается рыночный цветок. Так было в США во время войны, не говоря уже о Германии. Так везде было и будет.

А сейчас у нас, как Вы сказали, по сути речь идет о мобилизационном плане, восстановлении народного хозяйства после войны. Для нас ведь война идет. Это ведь стихийное бедствие – нынешние реформы.

Поскольку для меня не существует никаких табу, я не вижу ничего ужасного в разом, пусть временном, но возврате к жесточайшему нормированию. Это с одной стороны. С другой – я недавно общался со Скоковым, который вернулся с красноярского совещания ассоциации товаропроизводителей. В беседе с ним я очень остро понял, что, поскольку за эти годы разрушена государственность как таковая, все государственные структуры, все формы и методы государственного воздействия на экономику, возврат к централизму невозможен не потому, что невозможен сам по себе, а потому, что исчезли необходимые для этого инструменты. Ведь даже психология государственного подчинения, иерархии разрушена. У этой несчастной, рассеченной на тысячи кусков экономики даже нет возможности собрать все воедино!

Но и это еще не все. Возможно, достижение единства, воссоединение этих кусков требует уже не только экономического проекта, а проекта системного, мировоззренческого и даже религиозного характера? Как быть?

Н. Р.: Действительно, в самые тяжелые времена во всем мире экономика сразу переходила на новые рельсы. Все страны, участвовавшие в войне, начиная с 1939, 1940 годов вводили жесткое плановое распределение, а с 1945 по 1948 год выхо-

дили из этого состояния. В свое время я говорил депутатам: не будьте наивными людьми. Эрхард сумел быстро перевести Германию на рыночные отношения потому, что в этой стране перерыв в практике таких отношений был всего 5–7 лет. У них был опыт, соответствующая инфраструктура.

У нас этого ничего нет. 70 лет действовала совершенно другая система – плановая. Нам не возвращаться к старой системе надо, а создавать новую. Мы говорили о трех этапах постепенного перехода к рынку, рассчитанных на 6–8 лет. За такой срок можно было все это спокойно создать, а не падать вот так вниз головой, как сейчас. Можно было создать систему, которая включала бы и рыночные отношения, и государственное регулирование, и социальную защиту населения. Уже в то время я был за разные формы собственности, в том числе и на государственную собственность. Мы считали, что около 40 процентов собственности надо было оставлять государству.

Но в то время все горели нетерпением и попросту одурачены были. Вот Рыжков 6 лет предлагает, а Ельцин – 500 дней! Охотно поверили Ельцину. И что же произошло? Эти радикальные силы ведь все разрушили, не создав почти ничего нового. Разрушение шло быстрее, чем созидание.

Если бы вместо министерств, Госплана появились новые эффективные органы управления, я бы это только приветствовал. Но в действительности на ходу, спонтанно лепились какие-то структуры, без проработки и четкого разграничения обязанностей. Они порой попросту противоречили друг другу. И в результате, повторяю, вред, нанесенный за последние два года стране, равен тому, что мы получили за всю Великую Отечественную войну.

Но когда я говорю, что нужен план восстановления народного хозяйства, я вовсе не имею в виду некий возврат к способам, существовавшим до 1990 года. Мое мнение: нужно очень жесткое государственное регулирование в виде определенного планирования. Но я бы ни в коем случае не губил то положительное, что происходит в рыночной экономике. Все это надо обязательно оставлять. Однако следует четко определиться: вот

это – рыночные отношения, это – государственное регулирование. И если такой план восстановления будет принят, конечно, должны быть созданы и соответствующие органы госуправления, чтобы не просто были какие-то благие пожелания.

Прежде всего надо определиться, что мы хотим сделать. И когда ученые вместе с производственниками, правительством нам скажут – вот программа действий, которую мы выработали, тогда можно и решать, какие структуры надо оставлять, какие создавать. И они будут работать, к примеру, пять лет. Поверьте моему опыту, вылезать из этой ямы мы будем долго.

Ведь посмотрите: если до осени предприятия страдали недогрузкой – падение же на 40 процентов! – кто больше, кто меньше, было как бы общее недомогание, то теперь у нас заводы как покойники валяются. Это разные вещи. Одно дело – все больны, но на ногах, ходим, другое – производство просто обваливается, наступает смерть...

Я сегодня разговаривал с «Уралмашем». Нужно было поговорить с директором по одному вопросу. Директор приболел, разговаривал с помощником. Говорю: скажите хоть коротко, какие дела на моем родном заводе? Он говорит: «Плохо: загрузка маленькая, делать почти нечего, консервируем цеха». Говорю: подождите, как это консервируем цеха? «Ну а Вы их помните?» Говорю: «Ну как же не помнить, каждый станок помню!» «Ну вот, – говорит, – корпус такой-то помните?» А там два цеха – один механический и самый крупный на заводе сборочный пролет, высочайший пролет, мы специально такой делали, чтобы, например, шагающие экскаваторы или огромные прессы собирать. «Вот мы, – говорит, – его и законсервировали». Как? «А закрыли, несколько станков сняли с фундаментов, в другие цеха перетасили, остальные законсервировали». Я говорю: «Не может быть!» «Да нет, полностью корпус закрыли. Ни один человек там не работает, только смотрят, чтобы не сгорело что ненароком».

Получается, идет консервация крупнейших производств с уникальным оборудованием. А ряд заводов умирает со-

всем... Так вот, выходить из этой ямы без государственного регулирования невозможно. Монетарная политика Федорова и Гайдара, согласно которой рынок сам себя уравнивает и все наладит, провалилась. И они это сами поняли. Теперь надо начинать почти с нуля...

А. П.: Николай Иванович, это проекты по спасению не одного завода, не одной отрасли и даже экономики, а всей нации, по существу – одной шестой части всего мира. Они не являются чисто экономическими и чисто политическими. Они включают в себя мобилизацию огромных национальных, духовных, психологических, философских ресурсов. И в эти минуты нация должна быть консолидирована.

Как отстаивали Ленинград в блокаде? Люди умирали, отдавая все фронту. Как восстанавливали города после войны? Единым общим порывом. Нация была консолидирована. Сегодня же она расколота. Оппозиция этому правительству, этим персоналиям колоссальная. И они, эти люди, тот же Ельцин, который ответственен за развал страны, меняют курс. Начинают спасать страну от той беды, в которую ее и затолкали!

Думаю, нация вокруг этих «спасателей» не сможет консолидироваться, ибо людям придется жертвовать остатком своего достояния, своей энергией, временем жизни. Рынок, который нам предстоит, он ведь не будет сам собой происходить. Будет наш традиционный русский порыв.

Да, были примеры, даже в нашей истории, когда один и тот же режим в пределах своей эволюции менялся почти на противоположный. Сталин начинал как верный ленинец, материалист, приверженец идеи мировой революции, а потом произошла трансформация курса. Сталин стал, если говорить современным языком, как бы национал-империалистом. Он перевел вектор своего курса на интересы России, Советского Союза. Вокруг Сталина в конце концов, особенно во время войны, консолидировалось все общество. Хотя еще совсем недавно страна была истерзанной, крестьянство кровоточило, духовенство было выбито, народ в большой степени не принимал новый режим...

А как этим людям быть? Те, кто расстрелял Дом Советов, развалил Советский Союз, – как они могут консолидировать вокруг себя нацию? Что для этого нужно сделать?

Н. Р.: Прежде чем отвечу на Ваш вопрос, еще раз вернусь к цифрам. Вот мы все время думаем, что происходило в эти последние два года. Почему сегодня люди голосуют совсем иначе, чем два года назад? Смотрите: основная масса населения по текущему потреблению – продуктам питания и товарам народного потребления – оказалась отброшенной на 20 лет назад, в то же время выделилась некоторая часть семей, около 10 процентов, чьи доходы существенно выросли. У 3–4 процентов населения они продолжают стремительно увеличиваться.

Вдумайтесь в эти цифры, и вы поймете, кто голосовал за Гайдара. Думаю, эти 10 процентов – все пришли голосовать в отличие от людей, многие из которых после октябрьских событий просто проигнорировали выборы.

Существует принятая во всем мире методология определения социального расслоения общества по соотношению среднего дохода. Берется 10 процентов самых богатых и 10 процентов самых бедных. Соотношение между ними у нас менялось следующим образом: 1991 год – в 5,4 раза; 1992-й – 7,2; сентябрь 1992 года – 8,2; июнь 1993 года – 9; сентябрь 1993 года – 10,2; декабрь 1993 года – в 10,4 раза.

Смотрите, как стремительно идет расслоение общества! По оценкам Института социально-экономических проблем Российской академии наук, доля бедных с доходом ниже прожиточного минимума составляет сейчас 35 процентов. Доля населения с доходом ниже половины прожиточного минимума – 7–10 процентов. Это уже нищие.

Просто поразительно, как же наше общество с 1989 года дурачили! Ведь для того, чтобы уничтожить партию, придумали лозунг деидеологизации. Ни одна страна в мире не живет без идеологии. Только деградирующие общества, когда главное – выпить, поесть, развлечься, могут обходиться без идей.

И я вот все время думаю: какая идея актуальна сегодня? Социализм истоптали. Капитализм попробовали и, похоже,

готовы сказать – нет, так не пойдет. Мобилизация общества происходила тогда, когда стране и людям было очень трудно. И объединительные лозунги всегда находились. Сталин выиграл войну на патриотизме. Думаю, у него другого выхода просто не было. Родина должна была занять место идеологии. Лозунг «Отечество в опасности» остается актуальным и сейчас. Отечество надо защитить и возродить.

Убежден, что Ельцин и его окружение, не знаю в силу чего, допустили просчет, когда все время искали врага. Кто только это не был: и партократы, и госаппаратчики, и национал-патриоты, красно-коричневые, фашисты... Но как же можно руководителям страны считать, что патриот – это нечто ругательное, фашист? Я люблю свою Родину, я патриот, живу в своей стране и никогда ее не предаю, никуда не уеду. А мне говорят, что я такой и сякой. Слово «патриот» стало нарицательным!

Все время шла работа на раскол. Сначала это было не очень заметно, но потом ущемленная национальная гордость стала проявляться все сильнее. Люди сказали: хватит издеваться над нами! Всю жизнь они честно строили социализм – развитой или недоразвитый, не в этом дело, а им говорят: зачем вы это делали? Солдаты погибали в войну. Теперь в их сторону плюют и говорят: зачем вы воевали, лучше бы сдались немцам. Я не понимаю, кто это все придумывал. Такое впечатление, будто какой-то недоброжелатель все думал за нас, чтобы расколоть общество.

Часто мне журналисты задают вопрос: похоже, у Вас в последнее время были плохие отношения с Горбачевым, почему Вы не обратились к народу? Я говорю: много раз думал об этом. Но я не хотел сделать того, что произошло у нас в октябре. Считаю, что лучше наверху драться, хоть горло перегрызать друг другу, но не опускаться вниз вот это: ты за Горбачева или за Рыжкова? Сегодня спор на трибуну выйдет, а завтра люди с дубинками друг на друга пойдут. Я ответственный человек и понимаю, что не могу раскалывать общество, не имею права.

А. П.: Да, раскалывать или объединять общество – это деятельность совершенно полярная и духовно, и нравственно. Но вот когда Сталин консолидировал общество, опасность исходила извне. Это был Гитлер. Народ объединился вокруг партии, чтобы отвести эту страшную беду, простив вождю все издержки и прегрешения.

Теперь же этот новый режим как будто тоже обращается к нации. Ельцин кланяется могилам, Ельцин и Черномырдин говорят о великой России, патриотизме. Но ведь народ понимает, что источник беды для всей партии – это они. Это они разрушили Советский Союз, по существу были тем оккупационным режимом, который довел нас до ручки.

Трансформация их курса практически невозможна, потому что, повторяю, в сознании людей они – источник страдания: они проливали кровь, от них исходит идея антирусской оккупации, они принесли нам американские стандарты. Это из-за них остановлены заводы, от них нищие и проститутки. Все равно проблема смены этих персонажей вместе со сменой курса неизбежна. Поэтому консолидация нации сможет произойти только вокруг других лиц.

В последнее время я общаюсь со многими людьми, встречаюсь с политиками разных направлений. Вижу, как выстраивается какая-то новая общенациональная политическая архитектура. И в это здание этой новой архитектуры входят вчерашние противники, вчерашние равнодушные люди. Вижу, как все даже мало-мальски заметные политики входят в какой-то сложный, интересный ансамбль. Для меня это тоже признак отрадный. На уровне Думы возникает очень интересное согласие. И за ее пределами.

Я был у Скокова, у Зорькина, был у Жириновского, общался с коммунистами, монархистами. Сейчас судьба меня к вам привела. Верю, что складывается очень интересный круг людей и политиков, какой-то общенациональный политический клуб. Вы не ощущаете такого движения?

Н. Р.: Да, сегодня внешней опасности нет. Хотя это мы у себя создали такую обстановку, что врага у нас как будто не

существует. Еще Бисмарк сказал, что друзей в большой политике нет, есть национальные интересы. Это надо всегда помнить, сколько бы мы ни гладили друг друга по голове. Надо всегда помнить о национальных интересах.

Сегодня есть только внутренний фактор. Конечно, так объединяться труднее. Появление же новых людей, политиков – это нормальная реакция на то, что у нас произошло. Тем, кто вел страну в последние два года, в чем бы они сегодня ни клялись, как бы ни меняли курс, доверия все равно не будет. Слишком далеко они зашли в оскорблении народа – шаг за шагом, на всех уровнях.

Вот Вы упомянули Зорькина. Я семь часов стоял перед ним, когда защищал партию во время суда как свидетель. Стоял под градом вопросов людей, бывших коммунистов, клевавших нас, – тот же Макаров, Котенков и др. Сейчас я имею очень тесные контакты с Зорькиным, мы обмениваемся мнениями. И я вижу, как много этот очень порядочный человек пережил, перестрадал. И он мне честно сказал: я не тот, кем был три года назад.

Сейчас таких, как Зорькин, очень много, и перед лицом опасности в стране они объединяются. Это очень положительный признак. Пусть объединяются монархисты, социалисты, коммунисты, аграрии... Выход только в этом – объединение нормальных здоровых сил. Убежден, что сегодня ни одна партия не способна в одиночку повести страну...

А. П.: А кто? Это очень важный вопрос. По-видимому, повести может как бы группа авторитетов – группа людей незапятнанных, морально чистых перед обществом, за каждым из которых есть свой шлейф влияния. Это, конечно, и видный коммунист, и видный патриот, и технократ, и законник, и церковник – по существу, вот такая группа безупречных национальных лидеров, сложивших свои потенциалы, выступающих коллективным субъектом власти. Так или нет?

Н. Р.: Уверен, что у здоровой части существующих партий, движений есть очень много общего. Они могут и должны выработать идеологическую платформу, вокруг которой все соберется.

Недостаток какой? Все вожди. Если из-за этого не сумеют объединиться, будет катастрофа.

И надо обязательно работать с теми, кто вчера был на той стороне, а теперь стал другим. Если он сегодня на правильных принципах, надо забыть о том, что он кричал три года назад на митингах. Таких же много. Если мы будем эту вину помнить, широкого объединения не получится. У любого из нас найдутся пятна. Что же касается новых людей в политике, то им надо помогать. Чтобы человека вывести на орбиту, надо очень серьезно работать. Он может быть гений, а его никто сегодня не знает.

А. П.: Наша газета «День», хотя ее и пытались все время демонизировать, представляя сначала газетой милитаристов, потом путчистов, потом фашистов, всегда ставила перед собой цель аккумуляции сил, объединения. И нам в тот жестокий период разгрома компартии, когда руками «белых» хотели уничтожить «красных», то есть инспирировать как бы «белый» реванш, удалось соединить «белую» фракцию с «красной», создать объединенную оппозицию. По существу, ФНС в нашей газете строился.

И сейчас у нас по-прежнему такая задача: соединять, казалось бы, несоединимое. Думаю, наша с Вами беседа откроет новый цикл, условно называемый «Клуб лидеров». Задача высвечивания самых разных патриотов, готовых внести в это общее дело свою лепту, становится задачей и нашей газеты, и всей патриотической мысли. Думаю, что будет преодолено и упомянутое Вами стремление доминировать во что бы то ни стало. Беда уже даже не на пороге – и люди поступят своим.

Мы все находимся под впечатлением событий в Белоруссии. Они тоже ложатся в канву некоего загадочного распада противника. Похоже, у них ломается какой-то становой хребет. По сути, Вы были последним премьером Советского Союза, и представляю, как трагически переживали распад державы, появление на горизонте Шушкевича, Кравчука, Ельцина. И вот теперь Белоруссия этот топор, вонзенный ей в спину, выдавливает из себя так страшно и героически. Прокомментируйте это.

Н. Р.: Я действительно был последним в ряду Председателей Совета министров СССР. Павлов стал уже председателем Кабинета министров при президенте. Это совсем другая структура. Я видел, что идет разрушение страны. Первый реальный сигнал – решение Съезда народных депутатов России о верховенстве законов, начавшаяся борьба финансов, банков. Тогда для меня стало совершенно ясно, что это все, катастрофа. Я бился как мог, до последнего. Все говорил: очнитесь, очнитесь! 25 декабря 1990 года я работал последний день, ночью меня отвезли в больницу...

Считал и считаю, что разрушение страны – трагедия, антиисторический акт. Этого нельзя было допускать. Тысячу лет наши предки собирали страну, и в один момент она была разорвана на 15 кусков! Тогда говорили, что так надо, это диалектика. А когда дело дошло до России, говорят: а вот ее нельзя разрушать. А какая разница? Как же было можно разрушить Советский Союз, не думая, что рано или поздно это придет и в саму Россию? Но настолько власть нужна была людям, что они пожертвовали всей страной.

И вот сегодня начинается расплата. Шушкевич расплачивается первым. Они ведь не понимали, что творили. Белоруссия после войны была процветающей республикой. Как она поднялась! Какие взяла темпа развития! Я всегда приводил в пример Белоруссию. Если темпы развития в стране были 3 процента в год, в Грузии – почти ноль, она никогда не сводила концы с концами, то в Белоруссии – 5–6 процентов. Посмотрите, как развивалось сельское хозяйство! А сегодня это нищая республика.

Думаю, Шушкевичу так и говорят: ты это сделал, ты инициатор, вот посмотри, что мы имеем теперь, и... уходи! Считаю, что это логическое завершение. Думаю, следующим будет Кравчук. То, что сложилось сейчас на Украине, просто недопустимо. Украина по размерам равна Франции, отличные климатические условия, черноземы. Прекрасная промышленность, металлургия. Все Бог дал, и все создали. А сегодня республика и в экономическом, и в политическом отношении просто в плачевном состоянии...

Я не верю словам тех, кто сегодня подводит базу под развал Советского Союза: мол, это было неизбежно. Страну можно было удержать. Надо было ее реформировать, но найти приемлемое соотношение интересов центра и республик.

Февраль 1994 г.

«Я въеду в Кремль»

*(Диалог Александр Проханова
и Владимира Жириновского)*

Александр Проханов: Владимир Вольфович, Вы очень экстравагантный политический деятель. Ваш старт, случившийся несколько лет назад, был замечен и серьезно осмысливался патриотическими кругами. Одни Вам симпатизировали, другие призывали к осторожности по отношению к Вам. После победы партии на декабрьских выборах Вы стали политической звездой, и поэтому проблема «Жириновский в патриотическом движении» стала очень актуальной, проблемой № 1. И мне бы очень хотелось понять ряд Ваших высказываний, постулатов, выслушивать Вас не как пропагандиста, формулирующего политическую космогонию, а как опытного технолога, потому что та политическая роль, которую Вы себе выбрали, – первого человека в стране, президента, требует знания технологии. И задача, которую я себе поставил, – выслушать Жириновского прежде всего как политического технолога.

Вы оперируете, как и я, как и мои друзья, такой категорией, как русская идея. Если говорить сжато, русская идея в современной интерпретации сводится примерно к четырем или пяти позициям. Первая: Россия должна быть огромной – имеется в виду пространственный фактор. Вторая: Россия – это полиэтническая империя, и русские как доминирующий народ тем не менее открыты другим этносам, то есть это не моноэтническое какое-нибудь, фашистское государство. Третья: Россия при любом строе должна быть страной спра-

ведливости, она заложена в русской идее. И четвертая: Россия – страна религиозная, страна мистического поиска, космического мировосприятия.

Вот по этим направлениям я и хотел бы с Вами поговорить. Поэтому мой первый вопрос такой. Вы согласитесь, что эта выморочная, рассеченная, уменьшенная, ублюдочная так называемая Российская Федерация вовсе не является Россией как таковой. Россия – это империя от Владивостока и, Вы говорите, даже до Белграда. Как Вы полагаете, вот эта ослабленная, эта оскопленная Россия опять соберет свои территории? Какие политические технологии Вы видите для воссоздания этих суперпространств?

Владимир ЖИРИНОВСКИЙ: Когда распался СССР, мне было очень горестно. Я думал, это трагедия. Теперь считаю, что такова была объективная реальность. Это нужно было. Для того чтобы действительно победила русская идея, нам необходимо было крушение искусственного государства СССР, где русские были поглощены общей массой, как в музыкальном коллективе, где русская скрипка уже была не слышна; много других инструментов, и скрипку можно вообще не заметить. Мы должны были распасться, чтобы оторвать от исконной России то чуждое, что пыталось сделать ее недоминирующей. Например, возвышаются Прибалтика, Украина, Кавказ, Средняя Азия – на них вдруг все обращают внимание, а Россия, ее интересы как бы забываются.

Нам нужен был этот взрыв, взрыв без войны, чтобы появился скелет русского государства. Скелет этот связан с историческими границами – все знают, где проходили границы Российской империи с живущими русскими людьми. Скажем, Приднестровье – там часть скелета и там русские люди. Есть Эстония, есть Казахстан или Кушка, Ашхабад. В аппарате нашей партии есть несколько парней из Ашхабада, русских. Мать вышла замуж за другого, отец уехал на Украину с другой – и русский парень оказался бомжом. Мать в Ашхабаде – за рубежом, отец на Украине – за рубежом. Вот вам новые семьи. Они же есть везде, русские люди. Они нам

и показывают скелет будущего русского государства, то есть это границы как минимум СССР. Как минимум!

Теперь о технологии. Я об этом говорил уже давно. Это можно проверить, «Московская правда», где-то август 88-го, статья против Новодворской и меня. Мол, такие, как Новодворская и Жириновский, известные своими антисоциалистическими взглядами, и т.д. Жириновский договорился до чего? Россию надо разбудить кровью!.. Я это сказал на армейском митинге около армянского кладбища на Ваганькове. Я сказал, что вы, армяне, сейчас жертвы Сумгаита, вы оказались жертвами, чтобы начались правильные процессы в Закавказье. Если бы не случилось Сумгаита, так все и продолжало бы тлеть. Продолжалось бы угнетение армян в Нагорном Карабахе, поглощение его Азербайджаном, как они поглотили Нахичевань: там было сто процентов армян, сейчас их там пять процентов. Нагорный Карабах – то же самое.

К сожалению, и в России, чтобы разбудить русскую нацию, ее можно разбудить кровью. Я сказал это тогда, когда еще и близко не было октября 93-го. Не потому, что я кровожадный. Просто настолько ослабло нарицательное сознание и понимание России и Руси, что слова «Святая Русь» воспринимаются как сказка – была когда-то Святая Русь, какие-то русские богатыри, какая-то русская церковь...

Мы же то, что делает западноевропейский мир сегодня, сделали в 21-м, – СССР: содружество стран, народов, один язык, одни деньги, оставаясь в принципе разными народами, без границ. Сейчас они это тоже делают, но немного по-другому. Они ведь никак не могут довести все это до конца. Они боятся обезличивания, боятся, что в содружестве окажутся «европейцами», но не будут, к примеру, немцами. Будут уже не марки, а экю. Язык будет полуанглийским, полунемецким, полуфранцузским. Они боятся раствориться, потеряться, боятся, что приток турок, арабов, цыган, румын и прочих может привести к деградации, исчезновению некоторых европейских наций.

Нам в этом смысле повезло. Вот этот компонент России – огромное пространство – позволяет сегодня нам снова стать

великим государством. И мне сербы подсказали: мы хотим быть с русскими, и тогда возникнет новое славянское православно-славное государство, новое восточноевропейское сообщество от Владивостока до Книна – это самый южный сербский город на Адриатическом побережье.

Вот мы. Нас 300–500 миллионов на этом пространстве, и мы там всегда жили. Мы никогда не приходили как агрессоры, как варвары, не уничтожали культур – мы их поднимали. Казахи жили в юртах, семья жила тем, что пасла 20 овец, обеспечивала себя всем – едой, одеждой из шерсти. Жила без света, без книг, без алфавита, без туалета – без всего. На кошме спали, кошмой накрывались. Это была овца, человек-овца. Все производство было сосредоточено в этом, ни науки, ни культуры, ничего. Мы этот народ подняли до космических высот! А русских, наоборот, опускаем вниз...

А. П.: И как вы будете встраивать опять в Россию эти отставшие окраины – через экономику, через их комплекс неполноценности, их разорение, через их внутренние конфликты и распри, через русский арбитраж, через русскую технологию, через русских заложников, которые там живут огромными колониями?.. Как?

В. Ж.: Вы сами, Александр Андреевич, на этот вопрос ответили, сами все сказали. Вот так партии складываются. Мы с Вами не были вместе, в одной партии, но мы мыслим одинаково. Именно через экономику и пространство и русских, проживающих за пределами нынешней РФ. Ведь сегодня, когда русские уезжают из Ашхабада, перестает работать «Скорая помощь», потому что врачи были русские. Уезжают русские из Таджикистана – перестают летать самолеты, потому что пилотами были русские. Когда русские совсем уедут, там все рухнет, к сожалению.

Инженеры, экономисты, технологи, врачи, архитекторы, учителя – все были русские специалисты, а большевики их искусственно делали заместителями. Главой был местный, а зам – русский и все делал. Главный же только пил чай: туркмен, таджик, узбек, казах. Русский зам уехал, и сегодня все

разваливается... Когда мы прекратим дотации и продажу по низким ценам, их экономика рухнет моментально. Она уже рушится. Уже Таджикистан просится обратно, и Грузия, и Армения, и Азербайджан. Даже в эту, слабую Россию! А если мы поднимаем ее за несколько лет – 2–4 года, они побегут к нам!

Но при этом обязателен военный фактор, потому что они столкнутся друг с другом. В Средней Азии столкнутся два мира: фарсиязычный, Афганистан, с тюркоязычным, Узбекистан, Туркменистан. Мусульмане – это два направления: сунниты и шииты – столкнутся. В Закавказье уже столкнулись христиане-армяне и мусульмане-азербайджанцы, в Грузии столкнулись христиане-грузины и абхазы-полухристиане-полумусульмане. Они уже все столкнулись, все в крови.

Если мы прекратим поставки и вообще торговлю с ними – конец. Нет этих государств! Можно быть спокойными: через два-три года они будут просить русских вернуться. И они войдут обратно на условиях территорий, губерний, областей.

Год назад вернулась одна русская семья из Тбилиси. Они рассказали, что появились лозунги на стенах домов «Русские, не уезжайте, кто же будет хоронить грузин!» Вот это и есть квинтэссенция. Когда грузины поняли, что да, можно плевать русскому в лицо, можно изнасиловать русскую женщину, можно выгнать русскую семью, можно нападать на русских солдат, но единственный итог всего этого: кто же будет хоронить грузин?

А. П.: Значит, реинтеграция произойдет через трагедию этих людей?

В. Ж.: Через гибель! Гибель миллионов таджиков, грузин, узбеков.

А. П.: Возможно, это та неизбежная цена, которую придется платить этим народам за то, чтобы их опять взяли в лоно империи?

В. Ж.: Да, именно так.

А. П.: Хорошо, теперь второй вопрос. Мы говорили, что Россия, русская империя – страна, открытая всем этносам. Русская государственность никогда не была этнической. Мы

строили империю таким образом, что русский фактор соседствовал с татарским, православный – с мусульманским. Эта империя, как бы раскатывающийся ковер, захватывала в себя множество вер, народов, не подавляя их. И теперь, как я понимаю по Вашим высказываниям, книгам, та государственность, которую мы начнем строить, будет нести в себе традиционные черты – от Киевского, Московского государств, от царства, империи, то есть образований, открытых для других этносов.

По существу, русская доминанта предполагает равенство всех этносов перед законом, перед властителем, перед территорией, перед историей. Но есть такой парадокс. Вот это страшное разорение, постигшее нас, и беды, которые грядут, – еще впереди, быть может, самые страшные. Они потребуют для возрождения нашей родины максимальных усилий, по существу, колоссальных жертв. И эти усилия, жертвы может принести все тот же русский народ.

Поэтому, говоря про равенство этносов перед историей, мы прекрасно понимаем, что на русских опять ложится грандиозная задача по созданию этой новой государственности. Причем это не маниакальность какая-то, а историческая необходимость, целесообразность. Нам не жить без выхода в Тихий океан, нам не жить без геополитических проходов через Джунгарские ворота, нам не жить без выходов в Балтику и Гольфстрим.

Осознаете ли вы, что, постоянно повторяя «русские превыше всего», «русские в центре политики», «русское государство для русских», мы тем самым говорим: русские, готовьтесь к жертвам, русские, готовьтесь к великому строительству, русские, готовьтесь к произнесению еще одного великого русского слова?

XX век был, по существу, русским веком – русские в Африке, русские в Латинской Америке, русские на полюсах, в космосе, на дне океанов... И XXI век тоже будет русским веком?

В. Ж.: Вот здесь и появляется новый фактор, не использованный коммунистами на последнем этапе, когда было уже ясно, что коммунистического мира не будет. И демократы его

тоже не использовали. Нужно сделать так, чтобы нам, русским, заплатили за то, что мир спасен нами от всеобщей катастрофы – возможной Третьей мировой войны, и экологической тоже. Мы должны именно показать миру, что не будем опять просто так жертвовать русским народом. Мы должны заставить их сначала заплатить нам за понесенные жертвы, за то, что они способствовали разрушению Русского государства. Только на этом мы выйдем вперед.

И для этого мы должны использовать остатки Российской империи и коммунистического СССР – мощную военную промышленность, мощное оружие, героический дух русского народа, но не подставляя лбы русских парней под пули и не укладывая наших дочерей в постели всех борделей Европы. Именно через мощный фактор возрождения русской военной промышленности, когда мир должен находиться в таком состоянии постоянной возможности страшной войны. Мы ее не начнем, но Запад должен понять: чтобы этого не случилось, надо заплатить сегодня, вернуть долги русским.

Я немцам сказал: почему вы платите евреям, их погибло 6 миллионов? Вы выплачиваете Израилю огромные деньги ежегодно. Они говорят: Израиль – это сионизм в масштабе мира, мол, нам надо это делать, потому что мы боимся дальнейшей сионизации Германии, а русские – они нам не угрожают...

Это ошибка была – вывод нашей армии из Германии. Полумиллионная русская армия стояла бы там и сегодня, не выведи ее Горбачев и Шеварднадзе, положившие в карманы огромные деньги – за вывод армии нашей и начало развала Восточной Европы, развала СССР. Мы бы сегодня сказали немцам: заплатите сначала нам за 26 миллионов погибших, тогда, возможно, в начале века, к 2010 году вы воссоединитесь с Восточной Германией. А мы все отдали – и за копейки. Коль предлагал Горбачеву в десять раз больше заплатить, сам предлагал. Горбачев сказал: не надо. Это что, не предательство?

Поэтому, пока у нас есть еще возможности, а они есть, надо начинать действовать. И я абсолютно не верю, что Россия может погибнуть, что мы не оправимся. Мы выйдем, мы уже

выходим из положения. Ведь по духовности православный мир выше всех сегодня. Запад разложился окончательно. Ничего не осталось, кроме макдональдсов, порнографии, этого жесткого рационализма: купи-продай, сколько стоит, есть деньги – ты человек, нет денег – ты никто.

Восток имеет свою специфику. Он от нас далеко. Мы не можем быть буддистами. Синтоизм, кришнаизм, индуизм – все это далеко от нас, другая цивилизация. Мусульманство нам не подходит тоже, потому что мы для них неверные. Для них подвиг – убить нас, неверных, или заставить силой стать мусульманами. Поэтому единственный духовный мир остается у нас, православных, славян.

И мы живем компактно. Если бы мы жили в Австралии, Южной Африке, Латинской Америке – мы все погибли бы, русских не было бы. Но, славяне и православные, мы живем действительно одной территорией.

И сегодня поляки, зная, что я готов пойти с немцами на возврат Пруссии, идут на переговоры: они понимают, что часть Польши потеряют, что лучше переметнуться к русским и сохранить Гданьск – а не Данциг, сохранить Щецин, а не Штеттин, Вроцлав, а не Бреслау. Вот это мы должны заставить их делать. И я заставил! Заставил сделать сегодня, не будучи еще никем – до выборов 12 декабря. Они уже боялись...

Уже финская армия вооружается два года, потому что там сказали: если Жириновский придет к власти, возможно возвращение Финляндии в состав империи. Я этого не хочу, но они боятся. Сегодня они, финны, уже живут беднее нас. Когда я был там в 90-м, у них было 50 тысяч безработных, сегодня – 350 тысяч. И финская армия потребляет в несколько раз больше. Мы их одной теорией – не практикой, а только теорией, другой концепцией внешней политики заставили измениться, сделали беднее и слабее!

Турецкая армия сегодня прекратила демобилизацию. Еще я не командую армией, еще не президент, но, только прочитав мою книгу, они задержали мобилизацию одного миллиона турок – самая сильная армия на этом фланге НАТО,

подготовленная для броска на Кавказ и Среднюю Азию. Еще я никто, но этим духом, этой новой идеологией мы заставили соседние страны уже переменить свою политику – и внешнюю, и внутреннюю.

Вся Сербия стояла с плакатами, я вынужден это говорить, и они подтвердят: «К нам приехал Петр Великий Второй!» Они, сербы, сравнивают меня с Петром Первым. Конечно, я себя с ним не сравниваю никогда, я не фанатик, и нет у меня таких планов, что я вождь, что я великий деятель. Но они, сербы, говорят: «Владимир, стань вождем славянских народов!» Они дали мне документ, свидетельствующий о создании культурно-политического центра славянских государств, и они меня просят стать его президентом.

Вот на этом мы уже сегодня выигрываем. Но если завтра я буду в Кремле, я Вас уверяю, три месяца – и рухнут все независимые государства. Потому что Кравчук, например, говорит: сегодня давайте, пока Ельцин в Москве, завтра будет Жириновский – конец, не будет суверенной Украины. Татары в Казани говорят то же. Они даже сам факт моего прихода к власти поймут так: все закончилось, есть только Российское государство.

Назарбаев отключил телевидение, когда я выступал во время выборов. 15 миллионов жителей Казахстана лишились возможности видеть телевидение «Останкино», потому что я только говорю! Я еще только кандидат в депутаты Государственной Думы, а они уже боятся, у них мандраж, они уже собирают чемоданы!

Это фактор психологический. Они знают, что была великая Россия, Российская империя, и появилась партия, которая прямо говорит: «Мы восстановим границы Российского государства, но мирным путем». Слыша новый, жесткий русский язык, с другой лексикой, они уже боятся.

Несколько человек в Туркмении, фанатики, приговорили уже меня к смертной казни. Мулла в Уфе собирал деньги, чтобы нанять убийцу и убить меня. Поступила также информация из сионистских кругов в Европе. Они встретились и сказали:

мол, точно просчитали – будущим президентом в России будет Жириновский. Никто не победит больше, никто. Осталось одно – его физически убрать. Только это...

Другие пытаются подкупить. Предлагают 100 миллионов долларов, чтобы я ушел из политики. Вот фактор! Я еще никто, я лидер фракции, которая имеет всего 64 депутата из 450, даже половины депутатов нет моих, даже трети нет, а они уже боятся так, что готовы убить или откупиться.

Но забывают, что убить – это вызвать страшную волну антисемитизма по всей Европе. Евреев будут уничтожать полностью, выжигать их везде – и в Германии, и в Сербии, и в России... Купить меня невозможно – не продаюсь. Опять – величие русского духа. Если бы я был лютеранин, был бы, допустим, протестант, католик – они бы меня купили. 100 миллионов – это можно жить всю жизнь на проценты, всей семьей, на лучших курортах Европы. Я же не продамся, даже если предложат весь бюджет всех сионистов. Мне их деньги не нужны.

Мне нужна Родина, мое Отечество. Я буду стоять в рваном пиджаке, стоять на русской земле, чтобы русский флаг развивался, и это была бы наша страна! Вот это то, чего они не могут понять, то, что у них не может получиться...

А. П.: Действительно, видимо, закупорен гигантский потенциал в народе. Ему не дают проявиться, его все время бьют, вбивают в пыль, в землю. Так что если этот потенциал раскрыть, возникнет абсолютно новая ситуация, глобальная, и возникнет тот ресурс, с помощью которого можно выстроить опять империю и бросить средства на прорыв в технотронную эру, в новую цивилизацию.

И, насколько я понимаю, этот вот потенциал, будучи реализован, действительно заставит мир оплатить долги и за Вторую мировую войну, и за этот огромный кордон, который мы поставили по Уралу, и за ту, по существу, мистическую энергию, которую Россия все время репродуцирует в мир. Так я Вас понял?

В. Ж.: Так. Именно для этого великого прорыва и создан потенциал великой нации, которая тысячу лет непрерывно

боролась. Мы прорвемся еще и потому, что триста лет стояли здесь монголы, потому что был Карл XII, был Наполеон, немецкие фашисты и 30 войн с Турцией. Вот это заложено в крови каждого славянского, русского мальчика, воспитанного на этой истории. Все это и даст взрыв.

Когда я был в Сербии, видел боевиков Партии сербского единства – этих православных мальчиков в черной форме. Вот она, новая православная армия! Это смертники, они все сметут на своем пути. И это сербы, маленький народ маленькой страны! А если так встанут русские парни, с нашей великой наукой, с нашим огромным военным потенциалом, с нашими ракетами, с нашим «Бураном», с нашими танками, самолетами вертикального взлета, с нашим новым оружием! Весь мир содрогнется.

Ведь я один сколько шума наделал, посмотрите на прессу декабря 93-го – они все сошли с ума! Я только собрал 13 процентов в Думе, и весь мир уже сходит с ума! Все они уже испугались. Они остановились, потому что увидели новую Россию. Пусть не в моем лице это было бы. Но они почувствовали, что начинается крушение – и социалистической России, и псевдодемократической, и появляется новое Российское государство. Это приводит их в страшный трепет, ибо ломает все их планы.

А. П.: Все, что Вы говорите, импонирует и русскому империалисту, и русскому националисту, и русскому патриоту. Это, наверное, правильно. Теперь скажите о третьем постулате русской идеи. Это тезис о справедливости. Действительно, «не в силе Бог, а в правде», не в самолете вертикального взлета Бог, а в каких-то отношениях первого и второго пилотов, наверное, или моряка, который отправляет эту машину в воздух и принимает ее, израненную, на палубу авианосца.

Как Вы думаете, по какому пути пойдет строительство русской государственности? Что это будет – царство, монархия, диктатура, страна президентства, страна вождя, парламентская республика, собор, вече? Ведь у России есть огромный опыт государственного строительства, множество вариантов. Один

рушится, другой выбрасывается на поверхность. И во всем заложена идея братства, идея взаимопомощи – последнюю кроху милому отдай, рубашку с тела последнюю отдай.

Как Вы думаете, принцип справедливости будет заложен в институты государственной власти?

В. Ж.: Вот здесь я сторонник современной формы правления. Я не монархист. Понимаю, что монархия и православие были основой Российской империи. Но все-таки считаю, что назвать главой государства русского царя, именно в полиэтническом государстве, сегодня будет нам немного тормозом.

Если было бы чисто русское государство, там были бы вече, царь – все русское. Но, учитывая полиэтничный состав населения, лучше взять международную форму в виде президентской республики. Можно назвать по-русски – председатель республики, как и у китайцев. Это миру легче, слово «империя» пугает. Это хорошее слово, оно нужно для России, но пугает часть населения, как и идея коммунизма – тоже сама по себе неплохая, но по методам ее претворения в жизнь напугавшая людей.

Надо оставить слово «республика», надо оставить форму президентской республики, когда полномочий больше у главы государства, ибо парламент у нас волей-неволей становится полиэтническим, и волей-неволей мы должны решать там вопросы территорий. Возникает национальный вопрос. А нам временно нужна сильная исполнительная власть, чтобы не рассуждали – исполняли, и быстро, в рамках закона, потому что некоторые вопросы в рамках парламента вообще нельзя поднять.

Например, договор с Грузией сегодня. Нам он не нужен. Президент не прав, он совершает ошибку, заключая договор с Грузией. Но я о другом. Если этот вопрос обсуждать в парламенте, это вызовет, например, у Грузии много причин не одобрять его.

Посмотрим на это событие с другой стороны. Представим, что президентом был бы другой, был бы я. Вот Шеварднадзе Ельцину звонит: давайте заключим договор, посмотрим, что делается, помогите мне, спаси, мы же с тобой были в

одном Политбюро. Мне он так не скажет, потому что я с ним не был в одном Политбюро. Вот в чем заключается идея нового президента! Чтобы Шеварднадзе, Алиев, Каримов, Назарбаев не вспоминали: мол, мы товарищи по партии, мы в одном ЦК сидели, помоги мне, как товарищ по партии. Кончилось «товарищ по партии»!

Со мной было бы одно: мы – Российское государство. Пожалуйста, мы вас принимаем – в качестве Тифлисской губернии. Пожалуйста, мы можем временно согласиться, что вы губернатор этой губернии, Вы, Эдуард Амвросиевич. А еще лучше, если там будет русский... А так, как сегодня это происходит – попытка воссоздать аморфное СНГ в виде прежней модели СССР, – это нам не нужно.

Поэтому государство должно быть только русским, только республикой. Упаси Бог иметь какие-то автономии, республики внутри России. Только губернии – 40 крупных губерний. Сегодня нас 160 миллионов – по 4 миллиона в каждой. Если мы вернем прежние территории, нас будет 300 миллионов, то есть это будет уже около 80 губерний с чисто административным делением.

Забыть национальные государственные образования внутри нашего государства! Тогда это будет современная республика с сильным президентским режимом, сильным парламентом и сильным правительством. И еще другая судебная система – надо вернуться к суду присяжных, когда лучшие люди города – человек 20 – решали, а юрист высокой квалификации оформлял это решение.

Нужна именно российская государственность, и в ней-то и заключена эта самая наша доброта, наше отношение к народам, которых мы не уничтожали. Мы где-то совершили ошибку. Нельзя было уничтожать, но и нельзя было возвышать их искусственно, при этом принижая русских. Надо было отдавать только лишнее! Но ни в коем случае – последнее. Вот эта доброта наша оказалась чрезмерной.

И вот в этом – минус монгольского нашествия. Когда русский в одной рубахе уже был, шел с копьем на завоева-

теля, действительно, он мог поделиться последним куском. Но семь столетий уже прошло. Мы – другие. Сегодня мы не можем проводить приватизацию лесов для якутов, чтобы у них были охотничьи угодья в частной собственности. Три якута будут иметь 10 тысяч квадратных километров лесов, а девятимиллионный Краснодарский край, где живут русские, ничего не будет иметь. По национальному признаку приватизация тоже не пойдет. Мы, Россия, – одно государство.

А. П.: Вы упомянули, что Россия, славянский мир обладают загадочной неисчерпаемой духовной энергией. Как будто эта энергия черпается нами из своих долин, пространств, рек, из истории, из космоса, и это, по-видимому, такой же гигантский ресурс, такое же богатство, а может, даже большее, чем уран, чем само производство, чем железо, сталь, профессиональные навыки нации. Очень часто спрашивают, какой строй для России вы видите в дальнейшем: коммунистический, буржуазный, смешанный, первобытно-общинный...

На самом деле будущее, скорее всего, за абсолютно новой цивилизацией, которая не поддается таким вот классическим описаниям. И этот потенциал духовности – богопознания, сенсорности, оперирования колоссальными стихиями истории и этноса – становится, по существу, движущим фактором общества, социума. Новая этика, новое экологическое сознание. Когда ощущение жизни травы, камня или реки, как жизнь семьи твоей...

Так вот, если говорить об этой компоненте религиозного, мистического и научного познания, которая становится для будущего государства главным ресурсом и которым Россия обладает как никакая другая нация, – как вы будете пользоваться этим ресурсом в построении будущего социума? Прежде всего, конечно, экономика, заводы, организация заводов – и как это будет? Будет править страной олигархия или же уравнительный признак?.. Как эта новая цивилизация осмысливается вами в вашей программе будущей реставрации?

В. Ж.: Уравнительный принцип где-то справедлив. Вот родился человек и хочет иметь хорошую одежду, хороший

дом, хорошее питание. Но экономика требует, чтобы талантливые люди все-таки получали больше. Не потому, что ему вообще нужно икры черной, а просто он должен видеть такую оценку своего труда, чтобы трудиться больше, сделать больше другим. Оплата не по партийному признаку, не коммунист получает больше, не мафиози, не партократ, а талантливый человек, в любой сфере: и талантливый таксист, и талантливый дворник, и талантливый менеджер, и талантливый ученый. В любой сфере мы должны таланту платить. Это должно быть мериллом оценки труда...

Вот я бываю за рубежом. Все нас знают и говорят: Достоевский, Пушкин, Чайковский. Во всем мире, везде знают имена великих русских. Ленина тоже все знают. Сталина – пусть там кровь, насилие – знают, потом космос – Гагарин... Россия повлияла на мировое сознание так, что в любой стране вам кого-то русского назовут.

Про поляков – ничего подобного. К примеру, я знаю полонез Огинского, мне он нравится, остальные не знают. Или Болгария – некоторые вообще не знают, что существует такая страна.

Мы уже на весь мир давим психологически, ибо мы чем-то врезались в сознание всего человечества. Но для этого нового российского государства мы должны иметь дополнительный источник финансирования, чтобы быстрее поднять науку, наше образование. Надо убрать все интернациональные вузы. Никакого Университета дружбы народов – Русский национальный университет! И надо учить наших детей – русских, славян.

Зачем мы учим племена, которые возвращаются в Африку и уничтожают друг друга? Они же людоеды еще, а мы их учим! Если бы мы весь потенциал, который коммунисты бросили фактически бесплатно на помощь всему миру – Кубе, Никарагуа, Лаосу, Вьетнаму, Африке, – освоили сами, мы были бы богатейшим государством. Нам надо прекратить помогать другим. Нам надо временно прекратить быть добрыми.

Давайте быть добрыми к себе, немножко о себе подумаем. Станем добрее между собой – мы же славяне, русские, православные. Давайте будем обходиться без того, чтобы по-

могать тем, кто живет лучше нас. Если мы прекратим кормить людей, которые сегодня к нам враждебно настроены, мы выиграем автоматически!

Национализм сегодня навязан искусственно. Если мы остановим поставки русского леса в Среднюю Азию, все стройки у них встанут. Они останутся под небом, без домов. Они должны знать: мы без узбекского хлопка не пропадем, египетский лучше по качеству, египтяне нам должны до сих пор за Асуанскую плотину. Мы получим хлопок из Ирака, Ирак нам тоже должен. А вот узбекам без русского леса – все, конец. Конец всей Средней Азии – и Казахстану, и Киргизии, и Таджикистану. Тем более Закавказью – они все были на дотации.

В течение ближайших 10 лет новое русское государство станет светочем. К нам будут проситься – в очереди стоять в Кремль, к другому президенту, – делегации измученных, обескровленных длительной войной, эпидемиями, бандитскими налетами гибнущих наций. Они будут умолять президента России включить себя в состав России в качестве территориальной единицы.

Все это мы можем сделать только благодаря имеющимся уже русской промышленности, науке, культуре. Нам только нужна другая форма управления. Освободиться от остатков коммунистического прошлого, всей этой ложной демократии и вернуться к тому лучшему, что было накоплено в Российской империи, к чему-то положительному в коммунистическом СССР, к каким-то положительным наработкам сейчас. Все-таки у нас есть какой-то плюрализм.

Несмотря на все эти кровавые события, Россия все-таки вне гражданской войны. Она идет немножко на Северном Кавказе и в Закавказье, но на территории России она не идет. Мы сумели обойти этот острый угол.

Уже сегодня практически более половины российского парламента – это новая Россия, патриотическая. Уже в правительстве из восьми предателей-министров пять ушли, остались только трое. Я прямо называю их имена: Козырев, Чубайс, Шохин. Всего трое из 23! Еще там 56 комитетов, то есть из почти

80 членов правительства всего три министра-предателя. Это же мизер! А самая отвратительная депутатская фракция – это 76 человек. Из 450! Объединятся – их будет 150, но не больше. А 300 – это уже другие депутаты. Мы уже победили!

И Российская армия уже свое могущество восстанавливает, наши новые «МИГи» – самые скоростные истребители, наш «Буран» никем не превзойден. За полчаса он переносит груз в 60 тонн в любую точку планеты. У американцев такого нет. Уже сегодня мы имеем нужную мощь. Нам нужна только окончательная смена политического руководства.

Мы восстановим то, что у нас было, и будем развиваться дальше. Наши ученые вернутся, наши девочки вернутся, наши парни вернутся из всех «горячих точек», семьи будут восстановлены, и наш экономический потенциал заработает.

Сербы говорят: мы вас оденем и накормим, дайте нам ваше сырье. У нас стоят химические заводы, вы нам поставляли фосфаты, дайте нам их сегодня. Индия говорит: дайте нам сто подводных лодок, и мы вас оденем и накормим. Садам Хусейн говорил мне: я вас не понимаю, я вам должен 10 миллиардов долларов – берите. Почему вы не берете?

Если мы изменим чуть-чуть нашу внешнюю и внутреннюю политику и возьмем то, что нам дают, просят, чтобы мы взяли, уже это даст огромный эффект. Но надо выйти из блокады Ирака, из блокады Югославии, восстановить нормальные связи с Индией, Китаем, Японией. И мы решим все наши проблемы! Два-три года – и Россия станет неузнаваемой. Но для этого нужен один последний шаг – еще одни выборы в русский парламент, еще одни выборы президента России. Все!

А. П.: Я очень благодарен Вам за беседу. Умышленно не комментировал Вас, только задавал вопросы. А Вы открыто, абсолютно откровенно декларировали свои представления. Думаю, читателям моей газеты и вообще патриотическим интеллектуалам, которые вокруг газеты сконцентрированы, будут интересны Ваши высказывания. Повторяю: никаким образом не хочу их комментировать, причисывать. Вот таков Жириновский в экспромте, вот в этой беседе...

Но вот последний вопрос, очень короткий. Когда Вы планируете прорыв в Кремль? Какие сложности на этом пути Вы ожидаете и когда собираетесь сконцентрировать всю свою волю, весь свой партийный аппарат и потенциал для этого рывка? Уже бросок не на юг, а к Успенскому собору...

В. Ж.: Мы официально начинаем нашу кампанию 2 апреля – это 5-й съезд партии. Начинаем бешеную избирательную кампанию по выборам и в новый парламент, и президента России. Думаю, что вполне возможен некий вариант осени 94-го...

А. П.: Как экспромт политический, Ваша интуиция Вам это говорит?

– Да, да, это возможно. Осень снова может принести сюрпризы. Когда у нас будет еще один рывок и Кремль окончательно будет очищен от антирусских сил.

Февраль 1994 г.

«Есть бойцы, но нет еще армии...»

*(Диалог Александра Проханова
и Александра Невзорова)*

Александр ПРОХАНОВ: В последнее время ты, Глебыч, совсем исчез с экрана. Это заметили все. Причем исчез настолько, что возникает ощущение какой-то «черной дыры». Она постепенно начинает зарастать паутиной, начинает рубцеваться. Но все-таки дыра, как бы от пулевого проникающего ранения, существует в эфире. Публике очень важно знать, что с «Секундами», с тобой. Расскажи обо всех этих детективах, что происходит сейчас с твоей программой, ибо вокруг этого версии, слухи...

Одним словом, публика потеряла тебя с того самого дня когда ты, прорывающийся к Дому Советов, был взят здесь, в Москве, где-то на Садовом кольце, а потом отпущен властями. Потом ты еще раз мелькнул на экране во время своей пред-

выборной борьбы и наконец, возник в странной, загадочной, какой-то мистической роли думского человека.

А что с программой? Расскажи...

Александр НЕВЗОРОВ: Рассказываю. Мы были закрыты официально, неофициально и вообще по-всякому на следующий же день после расстрела Белого дома. Там слилось все: и Шумейкины указы, и какой-то маразм уже наших, местных руководителей. И как бы на этом наша эфирная жизнь должна была прекратиться насовсем. Мне долго морочили голову, предлагая организовать какую-то авторскую программу. Программу, которая как бы не будет касаться политики или будет делать вид, что ее не касается. Велели переименовать. Октябрь был месяцем похорон: похорон надежд, похорон друзей – вообще месяц отчаяния. И не то чтобы я на это пошел. Такова была ситуация.

В общем, я предложил «нейтральное» название для новой редакции: «Группа “Север”». Они-то не знали, что так назывался блок из нескольких подразделений защищавших Белый дом. Но по серости своей они согласились. Теперь я как бы фактически считаюсь начальником творческого объединения «Север», но это примерно как у Проханова газета «Завтра» вместо нормальной «День». И понятно, что это вынужденный псевдоним, что он со временем исчезнет.

Что самое поразительное: у меня уцелела редакция. Она не была разгромлена, она не развалилась. Из нее не ушел, не исчез ни один человек, за исключением, пожалуй, Сергея Гуляева.

Проблемы с Сергеем есть, но они давно уже не самые волнующие. Он несколько раз очень некрасиво себя повел, причем в ситуации предельно сложной. И поскольку у нас в редакции суд чести и суд, скажем так, мой – а это почти одно и то же, по крайней мере в рамках моей редакции – определяю все, мы решили, что Сергею в ней делать больше нечего. Причем мы – это в данном случае не только я. Никогда не буду этого грязного белья выносить на публику, перетряхивать, но могу сказать, что у меня были серьезные основания. Повторяю, в тяжелую минуту и в тяжелой ситуации

человек повел себя плохо. Это самое мягкое слово, которое могу подобрать.

У меня уцелел и весь комсостав редакции, и, самое удивительное, все мальчишки – операторы, осветители, администраторы, водители – ни один человек не ушел. Они прекрасно понимают, что это очень временное положение.

Что касается Курковой. Я не знаю, будет ли к выходу газеты актуален разговор на эту тему, потому что как глава Санкт-Петербургского телевидения она должна пасть, причем в самое ближайшее время. Дело в том, что у нее такой нормальный, по идее ельцинский, фанатизм, но фанатизм образца августа 91-го. Такой уже не носят. Поэтому, когда Куркова появляется на балах в рюшечках этого августовского фанатизма, она, конечно, выглядит смешно и отвратительно даже для тех, кто ее на этот бал приглашает. Думаю, Белла Алексеевна – уже не вопрос, по крайней мере надеюсь. Знаю: в правительстве тоже с этим согласны. Она уже их дискредитирует. Когда вопрос с ней будет решен, механически решится вопрос и с моим эфиром. Она была мощной плотиной, не пускавшей передачу. Все, что произошло, – на ее совести, и только на ее. И наше пятимесячное отсутствие, наш простой – тоже.

Я, конечно, хочу восстанавливать «Секунды» и только ради этого пошел в Думу. Вряд ли уже буду в них комментатором. Но не потому, что это, мол, не «царское дело». Начал я свою думскую деятельность с нескрываемым отвращением. Сейчас во мне это отвращение еще более усугубилось, но тем не менее мне здесь надо быть. Какие-то детонационные в ней моменты зависят, наверное, от 3–4 человек. Поэтому бросить сейчас ее – такое же предательство, как бросить «Секунды». Буду это совмещать. Эфир мы восстановим, и все, что сделали за это время – а это почти четыре фильма, – в эфир не выйдет.

А. П.: Для меня «Секунды» и «День» – это...

А. Н.: ...Абсолютно братья-близнецы...

А. П.: Не только. Это эмблема трехлетнего периода, прошедшего от беды августовской 91-го до октябрьской 93-го. И вот эта программа и газета, как два дротика или гарпуна,

летели сквозь время со свистом, иногда пересекаясь, но всегда в одну сторону. Их рождение, их взлет и свистящий полет, их сожжение и исчезновение в октябре знаменовали собой завершение всего этого периода.

Оглядываясь, вижу, что это был удивительный, уникальный, очень важный период, в котором, как ты помнишь, чего только не было! И ужас, тоска от крушения СССР, и абсолютное одиночество, ощущение, что в этой рытвинке остались два-три полуоглушенных пехотинца, стрелявших из мосинской винтовки по целой армаде танков. И потом это воскрешение... Сначала медленное, потом грандиозное – с шествиями по Москве, с огромным вече, над которым ты витал со своей камерой в этих сумерках, скользких, мартовских... Там были поездки в Югославию, Карабах, Приднестровье. Победа Приднестровья – там же! Там было столько отчаянного и восхитительного одновременно! И конечно, это была история общественного самопознания.

Сгорели наши с тобой две редакции, сгорели и погибли наши с тобой товарищи, были погребения, но началась новая эпоха. Какие у тебя от нее ощущения? Какие звериные ощущения от эпохи, в которой ты сам вертелся как зверь, как волчище?

А. Н.: Это все равно как спросить об ощущении от всей прожитой жизни, потому что для меня основное время жизни как раз приходится на эти три года. И все, что было до этого, – только подготовка к ним. Честно скажу: первый настоящий поступок в своей жизни я совершил в январе 91-го. И многие согласятся с этим, потому что трудно даже представить себе, чтобы человек мог бросить на растерзание демсволочи, бросить под ноги неизвестно кому такую журналистскую славу, какой не было вообще ни у одного человека в этой стране... Я имею в виду репортаж из Вильнюса, сделанный мной совершенно сознательно.

Все остальное было для меня уже только продолжением Вильнюса. Там мне стало все в жизни окончательно понятным, и для меня эта новая, потрясающе прекрасная эпоха началась с той осады в школе милиции, где я был вместе с

вильнюсским ОМОНОм, чуть позже продолжилась штурмом МВД и осадой рижского ОМОНа.

И вот это ощущение осады – главное, его можно было бы распространить на все три года. По сути дела, моя редакция жила в состоянии войны и каждый раз на волоске от смерти, от тюрьмы.

Это только сейчас становится понятным, что мы вытворяли и какими мы были безумно дерзкими! Причем, думаю, именно этой дерзостью мы обезоруживали врага, только дерзостью и ничем другим. Им в голову не могло прийти, что за нами никого и ничего нет: ни партийного золота, ни анпиловских толп.

Ведь когда мы начинали, ни за «Секундами», ни за «Днем» не было ничего. Только безграничная храбрость, только дерзость – и эти, на Старой площади и в Кремле, садились и начинали себе до крови драть в затылке: что это такое на самом деле? Какие это организации действуют в России? Какая же сила держит на своем хребте эти «Секунды», этот чертов «День» и вообще всех этих, если они осмеливаются говорить с нами так?

И этой дерзостью была порождена настоящая русская оппозиция, этой дерзостью по сути дела воскрешен дух, что был до 91-го. Этой дерзостью были воодушевлены десятки, сотни, а потом тысячи людей, вышедших на площади. Мы имитировали наличие силы в России, наличие светлой, государственной, всепобеждающей силы, которая может даже из своего полузасыпанного окопа диктовать условия, из своего полуразрушенного окопа с текущей из ушей кровью, как любит образно выражаться мой друг Проханов, требовать от бросившихся на нее в атаку десятков батальонов выстроиться для расстрела и выкопать себе ямы. Вот этим мы занимались. И это действовало!

Сейчас они, возможно, разгадали этот обман, но уже поздно, потому что – может, это мое заблуждение, но я-то считаю, что это так, – оппозицию в России породили и давали ей каждую минуту жизни именно мы.

А. П.: Давай посмотрим, что же в конце концов произошло. Часть наших друзей опять сидит в тюрьме, другая – по-

гребена или бесследно исчезла в крематории, развеяна в пепел. Однако все политические силы, все тенденции, все те тысячи и миллионы, которых ты своими «Секундами» растревожил, пробудил и поднял, есть. И в сегодняшнем русском политическом контексте все мы присутствуем, но в какой-то новой, до сих пор еще загадочной комбинации...

После танкового расстрела произошла смена периодов, как будто танк снес, расщепил верстовой столб, и все двинулось, устремилось с дороги в какую-то пыльную, снежную, дымную загадочную русскую степь. Причем вовсе не потому, что уничтожили парламент, построили эту Думу, не потому, что поставили Шумейко, и он в кровавых ризах сидит там в Федеральном собрании, в Совете Федерации. Повторяю: просто возникла какая-то загадочная перемена в общественном сознании, заставившая все силы, как наши, так и силы наших противников, свиться в некий фантазмагорический, мучительный, босхиански уродливый клубок.

Вот та поляризация, та очевидная, прямо-таки кристаллическая поляризация: мы и они, «наши» и не наши, что так великолепно было тобой придумано... – все это смешалось, все срослось с какими-то жировиками, пуповинами, буграми, клыками в странный ансамбль. Например, что может быть фантастичнее, чудовищнее объявленной уже мэром Лужковым своей предвыборной кампании? Лужков становится президентом России!.. Стремление к нему вчерашних центристов типа Владиславлева... И этот огромный, «накопленный» Лужковым мешок с деньгами, который будет брошен на президентскую кампанию! Будут брошены купленные «Мостом» и Гусинским телеканалы и газеты. Что может быть чудовищнее и страшнее после, казалось бы, чудовищно страшного Ельцина – если не приход к власти Лужкова?

Но все это уже началось, машина уже крутится, под все это уже есть политическая стратегия, есть огромные ресурсы. Может, действительно мы через полгода или год проснемся в России Лужкова?

Вторая фантазмагорическая тема, которая была бы просто смешной, если бы уже не вышла из политических салонов, не стала разгуливать по кулуарам Москвы. Президент Ельцин, оказывается, намерен стать регентом, возвести на престол наследника, которого перед нами в течение этих двух лет водили, – этого милого, очаровательного, смешного толстячка, на наших глазах учившегося креститься перед православными иконами...

И вот, оказывается, еще немного – и Россия опять станет долгожданной монархией с регентом Ельциным, секретарем обкома, и с молодым упитанным монархом на троне. Повторяю: это могло бы быть предметом курьезов, шуток, если бы уже не стало политической практикой. Есть проект, есть деньги, есть высшее одобрение...

Или, например, русский проект Черномырдина. Квази-русский проект, когда он, изгнав из своего окружения чикагских толстячков, вдруг обнаружил всю национальную природность, уральскую такую коренную русскость, прагматизм, связь с индустриальным строительством СССР, с прежними элитами. И вот мы имеем русский кабинет, и под него будет провозглашен русский курс. И русские писатели придут к Черномырдину и создадут новый план восстановления разрушенного демократами народного хозяйства. И мы клеиваемся опять в этот черномырдинский русский план...

Брошены какие-то фантомы политического сознания, абсолютно ломающие привычный мировоззренческий контекст. Вот как ты это наступившее новое время чувствуешь? Что оно для тебя? Как ты сам в него клеиваешься?

А. Н.: Я в него клеиваюсь одиноко. Хотя не исключаю, что мне придется сотрудничать и как-то взаимодействовать даже с теми людьми, которые, проснувшись, выяснили, что у них выросло что-то русское. Такое ведь тоже бывает... И черт его знает, все равно по-прежнему одиноко...

Вообще у нас теперь с тобой дурацкая роль-то, Андреич. Роль пенить гребень очень высокой волны, которую мы с то-

бой подняли. Можно пенить до бесконечности, выше уже эта волна не станет. Теперь она нарастает за счет Луны, за счет мощи Океана, а не за счет нашего трепыхания в ней ручками.

То, что никогда не будет по-нашему, в этом я не сомневаюсь. Но вариант с Лужковым не пройдет. С ним нельзя, потому что на нем кровь и грязь. Это как в голливудских фильмах ужасов, когда масса какой-то муры, из которой вдруг кроваво-грязные чудовища восстают. Это исключено.

Что же касается чернявенького, сильно грассирующего, сильно картавого, сильно не такого, как надо, абсолютно смертельно чужого, как вшитый, не знаю, кусок синтетики в ситцевую ткань, – этого так называемого наследничка, не имеющего ни капли крови Романовых и происходящего от незаконного и мало имеющего к Романовым отношений дяденьки, – это настолько бредово, что даже у нас не сбудется.

Черномырдин – это реальность, и, по моей информации, большая и глубокая. Но все их карты спутает и расшвыряет Владимир Вольфович. Дело в том, что в России никогда по разумности к власти не приходят. В России приходят к власти либо по игре случая, а сейчас случай исключен, поскольку слишком место доходное, либо по причине фатальности фигуры...

Мы сейчас имеем только две абсолютно фатальные фигуры, причем этот фатализм легко определяется, и в чем отношении недействителен никакой компромат. Неважно какой: фотографии с голыми девками или с мальчиками в бане – все что угодно, даже фотография со съедением детей за завтраком – ничто не подействует. Как он не действовал в отношении Ельцина, ведь масса уязвимых мест была у него как политика, а весь компромат работал на него. То же самое происходит сегодня в отношении Жириновского.

И вообще будущий президент определяется по количеству всей этой шушеры, этой грязной орды вокруг него. Я имею в виду журналистов, потому что нет омерзительнее людей и нет омерзительнее профессии. Я благодарен Думе, позволившей мне в совершенно ином качестве взглянуть на людей моей

профессии. Любая проститутка по сравнению с ними – белый лебедь, само совершенство и достоинство.

Вся эта мерзость под названием «пресса», когда уже появился Черномырдин, опрокидывая вешалки, от него лавиной безошибочно кинулась к Жириновскому. Эти твари запах будущей власти чувствуют сильнее, чем все аналитические структуры контрразведки и Кремля. Это их профессия. Это стервятники, потому что от власти всегда отдает гнильцой.

И конечно, такого президента, как Владимир Вольфович, пожелать России было бы великим кощунством. Но вне зависимости от того, будем мы его желать или нет, он, кажется, будет. У нас с ним дружеские отношения, сложные, но дружеские. Если он придет к власти – это не значит, что это по-моему. Это опять не по-моему! Но мы уже подняли волну, мы израсходовали, кажется, то, для чего были на свет рождены.

Как это ни странно, я себя чувствую самолетом с полными баками. И с грустью смотрю на Гайдара: по нему видно, что он такой уже издающий неприятный, воющий звук самолет, садящийся с неработающими двигателями. У них-то действительно горючки нет, им лететь не на чем.

Думаю, что я себя как одиноко мыслил, так и буду. Моя редакция – основное мое отечество, потому что трудно ощущать все, что происходит вокруг, отечеством.

А. П.: В своих «Секундах» ты создавал могучие, непрерывно действующие поля, работая на огромных площадях. И на них вспыхивали то театр военных действий, то наши московские непрерывные восстания, то этот последний грозный гобелен осажденного Дома Советов. Помимо этих масированных ударов ты стрелял и по мишеням, очень тонко, точно. У тебя была лаборатория, создающая образы, репутации, или разрушающая. Ты формировал социальные маски или же их сдирал – в этом тоже была определенная технология твоих передач.

Во многом тебе, именно тебе положительной репутацией в патриотической среде были обязаны такие люди, как генерал Макашов, – помню твои сюжеты с ним, когда он шел к

выборам, генерал Лебедь – помню, как ты примчался к нему в трагические для Приднестровья дни, беседовал с ним, и тот сказал крепкие, военные, мощные слова. Своей репутацией в патриотическом движении он обязан тебе, никому другому...

Жириновский, которого ты упомянул только что. Ведь вся патриотическая пресса относилась к нему крайне настроенно, и он, по существу, был как бы фигурой умолчания. Даже «День» только однажды или два раза дал небольшие интервью с ним и как бы избегал упоминания его имени в патриотическом контексте. Хотя я никогда Жириновского особенно и не бранил. Ты обращался к нему в самые мучительные для него периоды, ты его сделал вот таким, как бы патриотом...

Генерал Стерлигов – это был твой любимец, ты его непрерывно шлифовал, ты ему ставил голос, походку, репутацию, лицо. И многие другие...

Теперь, после того как сгорел Дом Советов, как закончился этот период, эти портреты, эти репутации продолжают существовать и жить. Мне бы хотелось от тебя услышать, как теперь ты относишься к эмблемам, символам, созданным тобой. Например, генерал Макашов...

А. Н.: Что касается генерала Макашова – я землю поцелую, по которой он ходит. И из всей этой компании, пожалуй, за исключением великой политической реальности под названием Жириновский, это единственно абсолютно достойный человек. Он был полностью последователен, не занимался интеллигентщиной, рассуждениями, понимал, что перед ним его поле чести, как прекрасно выразился другой замечательный и восхищающий меня русский патриот – Александр Петрович Баркашов. И он на это поле чести вступил без колебаний – знал, что жизнь его и судьба будут играть по законам этого поля чести, что пенять на кого-то, если арестуют или убьют, смешно. Он воин, и воинский долг выполнил перед Россией на тысячу процентов.

Жириновский? О нем я уже сказал. Я к нему испытываю слабость вполне понятного свойства – очень уважаю храбрых людей. Он действительно храбрый человек, потому что ни тебе,

Александр Андреич, ни мне никогда бы и в голову не пришло явиться на тусовку демократов, на самую злобную тусовку, где они собирались источать слюну в тесной компании, и там устраивать скандалы. Для этого храбрость нужна!

Что касается большой моей ошибки под названием Стерлигов, к сожалению, я сейчас не могу о нем что-либо сказать. Ничего, кроме чисто внешнего факта предательства, мы пока не имеем. И предъявить ему русское патриотическое движение тоже не может ничего, кроме того, что называется по-русски «здристнул» – в октябре 93-го. И то потому, что он был основным пропагандистом идеи, что «все хорошо – от Перми до Тавриды... от пламенной Колхиды, стальной щетиною сверкая, встают какие-то полки». Стальных полков мы не увидели. Все обещания Стерлигова оказались либо легкомысленными заявлениями, либо ложью.

Но я этой вины с себя, кстати, не снимаю. Да, так мне тогда казалось: идея побеждающей, диктующей оппозиции, не боящейся никого, – это то, что было надо. И, как ни странно, возможно, я прав. По большому счету не раскаиваюсь, потому что все равно он был пугалом! И замечательно, что мы его поставили на своем огороде! Ну пугало, ну упало... А тот же самый огород, на котором оно стояло? Его тоже отволокло в ту же канаву порывом страшного ветра. В ту же канаву падали и перепуганные им вороны – от разрыва сердца...

Стерлигов был в его экранном, мифологическом воплощении тем, кто нам нужен был на тот день. А стало на одного предателя больше или меньше, это в октябре особой роли уже не играло. Мы все равно вышли бы на это поле чести, вне зависимости от того, обещал нам Стерлигов полки или нет. Поэтому нужно просто, как говорится в замечательной оптимистической трагедии, наплевать и забыть. Пугало поработало, пугало грохнулось. Вечная память пугалу!..

Лебедь?.. Не изменил я о нем своего мнения. Что хотите со мной делайте, пытайте меня огнем – непонятный он для меня человек. Но то, что он воин, великий воин, солдат этой страны – безусловно.

К сожалению, он властолюбив. Вероятно, больше, чем Ельцин, больше, чем Жириновский, чем все, кого мы знаем. Но это властолюбие заперто в бутылку с завинчивающейся пробкой, поэтому периодически все это вырывается. Он просто сметает преграды на пути своего властолюбия. Для него нет моего друга Вадика Шевцова, нет моего друга президента Приднестровья Смирнова, для него на моего друга Гончаренко – для него есть объекты, стоящие, как ему кажется, у него на пути. Вопрос: на каком пути?..

Лебедь – это великая русская стихия. С точки зрения художника-исследователя – а мы обязаны оставаться еще и такими, помимо поднимателей политической волны, – это, конечно, одна из самых богатых фигур...

Макашов, так сказать, менее рельефен: там не так глубоко залегают тени и нет таких крупных каверн времени, нет кракелюров. А Лебедь – это же сплошные каверны и кракелюры, это глубоченная, мощнейшая фигура, но выглядящая сегодня в Приднестровье так же дико, как рояль в холодильнике...

А. П.: Просто столкнулись как бы две наши креатуры. Мы «создавали» Приднестровье как государство, это любимое наше детище. И одновременно создавали на его фоне Лебедя. Лебедь важен ведь не тем, что он так «блестяще» себя повел у Белого дома в 1991 году, встав рядом с Грачевым на защиту этого прелестного здания...

А. Н.: Он делает вид, что никуда не вставал. Он же хитрый, разный с собеседником, несмотря на такую солдафонскую внешность. Он смертельно хитрый, может, умнее и хитрее даже Бурбулиса...

А. П.: ...И Лебедь вовсе нам как бы не важен, не дорог и тем, что в разговорах с Руцким здесь, в октябре 93-го, послал всех защитников Белого дома в этот костер и сказал: мол, сами заварили, сами и расхлебывайте, пропадите вы все пропадом... А он нам важен и дорог тем, что в трагический для Приднестровья час...

А. Н.: ...оказался тем, кем надо...

А. П.: ...Сменил этого мерзавца Неткачева, возглавил 14-ю армию. Они проделали там несколько прекрасных операций, отбили румын со всех плацдармов, и по существу Лебедь спас Приднестровье. Для нас драма – в столкновении одного любимого детища с другим: Приднестровья в целом с Лебедем...

А. Н.: Да, так, согласен...

А. П.: Теперь следующий вопрос. Вот ты оказался в Думе. В общем-то, это нелепо для тебя, абсолютно нелепо...

А. Н.: Вот именно... Сижу в кабинете, в Москве, в мэрии, мать твою, которую наши брали, штурмовали...

А. П.: ...Они посадили эту Думу сюда как бы в наказание, понимаешь? В этом есть еще и какая-то пытка. В роскошный Белый дом вселить этого Черномырдина, который только что его сжег... Это какая-то страшная ритуалистика. А сюда, в этот отвратительный стакан, в эту пепсикольную бутылку, загнать крамольную, потенциальную Думу...

А. Н.: Чем это она крамольная? Да никакая она не крамольная...

А. П.: ...Приходят сюда депутаты, я тебя вижу среди них, рассаживаются аккуратно. Все это напоминает какую-то огромную баню или терму. Вы сидите даже не в пиджаках, а в каких-то покрывалах, туниках, простынях. Потееете, смотрите друг на друга. Почему-то зрелище какое-то нелепое, если не говорить – чудовищное. Расскажи, как ты крутишься во всем этом? Что для тебя Дума? Что чувствуешь ты в этом новом для себя качестве?

А. Н.: Я бы не сказал, что это напоминает мне баню, потому что в бане никогда такого количества грязи я не видел. Баня – это все-таки помещение с предусмотренными стоками, куда стекает грязь. Здесь их нет. Никуда она не стекает, просто нормально копится...

Дума робкая, Дума застенчивая, Дума – красна девица, Дума – какая-то, как это ни странно, политическая девственница, что в ней, наверное, самое непонятное. Несмотря на вроде бы такое количество бойцов, такое количество «пробитых»

людей, прокомпостированных и теми, и другими компостерами – и нашими, и не нашими...

В том, что она до сих пор ничего не приняла, ничего удивительного нет, потому что демократические силы в ней велики – не надо их преуменьшать. Наши силы столь же велики. И по индивидуальным поединкам, скажем так, мы всегда выходим победителями. Бойцы-то у нас какие золотые! Говорухин чего стоит! Власов чего стоит! Зюганов чего стоит, я чего стою, Севастьянов чего стоит – орлы на орле!

У них – такое усредненное болотце гайдаровского уровня. Сам Гайдар оказался никаким оратором, в нем отсутствует какой бы то ни было магнетизм, даже элементарное человеческое обаяние. Просто какой-то карлик. Карлик из сказки, знающий какое-то заклинание. И те, перед кем он произносит это тайное заклинание, вдруг видят в нем нечто сиятельное, принцевское. Наверное, перед тем как войти в кабинет Ельцина, он куда-нибудь, под полу пиджака или под воротник, быстро нашептывал это заклинание, и бедному нашему Борису Николаевичу представлялся гениальным экономистом. На самом деле, по-моему, у него просто познания в экономике не глубже моих, а у меня их практически нет.

У них бойцов нет. К тому же в основном они «опущенные», я имею в виду их временное ощущение. Это страшнее, чем быть «опущенным» в зоне. И они так и сидят, как эти «опущенные».

И тем не менее Дума ничего долгожданного не творит, не производит. Потому что она – девственница. Она не умеет вести никаких политических баталий. Это не согласованная армия, антипрезидентская, ведущая законодательные бои. Повторяю: там есть несколько сорвиголов, несколько отчаянных рубак-бойцов, увешанных орденами и медалями, но только знающих, как драться персонально, и совершенно не знающих, как надо загибать фланги или как надо выкатывать куда-нибудь артиллерию. Единственные, кто владеет тактикой, по большому счету, – это Исаков и, наверное, Зюганов.

Про Думу сейчас говорить очень сложно. Что в ней действительно происходит, так это медленное угасание оппо-

зиции, размывание границ между оппозицией и правительством. У всех появляются какие-то интересы, интересики, включая вашего покорного слугу. Интересы и интересики, что побуждают подавать руку людям, которым мы в октябре не то что руки, а даже приклада автомата, если бы они тонули, не протянули бы. Я тут как-то даже вхожу в состав комитета по безопасности и курирую контрразведку и внешнюю разведку, как бы даже что-то делаю.

Хотя в основном я занят диким количеством закулисных интриг, на всех уровнях. И мне это нравится, потому что это абсолютно новое для меня качество. Опять-таки с одной целью – полностью восстановить жизнедеятельность редакции и «Секунд». Другой задачи у меня нет. Для себя лично я ничего не ишу, и в общем-то мне ничего и не надо.

А. П.: Последнее. Грядущее смутно, контуры его абсолютно размыты. И мне мое сердце, а также рассудок подсказывают, что главная катастрофа еще впереди. Главная русская катастрофа, связанная как бы с исключением из жизни огромных пространств, регионов, с остановкой великолепных заводов, распадом властей, со смутой, – впереди. Сегодняшнее – это лишь преамбула. Все, что мы называли «кризис в разгаре», «на грани катастрофы», «перед бездной», – это все так и есть.

Но грядущее сулит России, возможно, еще большее количество бед, причем огромных, апокалиптических. И мною движет не понимание будущего, не знание о будущем, а два стойких чувства. С одной стороны, любовь – любовь к Родине, земле: это любовь к пространствам, рекам, эху, запахам, природе и ко всему тому, что наполняет меня как человека, рожденного и обреченного умереть здесь, такая мучительная и сладостная, почти религиозная любовь. А с другой, такая же мистическая ненависть – бесконечная, беспощадная, слепая, неосознанная, делающая меня бесстрашным в любой безнадежной схватке и даже в застенке.

Ты человек мистический. Помню нашу первую встречу, когда я приехал к тебе в Питер, был у тебя в редакции, – вы собирались куда-то на свои утренние охоты, с камерами. Там

была какая-то буза, ходили люди в галифе, грохотали солдаты, не знаю, по-моему, маркитантки какие-то на барабанах сидели, пьяниц только не было...

А. Н.: Не было. Пьяниц у меня не могло быть.

А. П.: ...И тогда ты сказал мне несколько удивительных слов о чудодейственном слове, о ключике золотом, о некоей таинственной, не знаю, музыкальной фразе, которая должна разбудить весь огромный русский оркестр...

Что тебе твое мистическое чувство подсказывает сегодня? Как ты глядишь в грядущее Родины, через головы, конечно, думских своих партнеров и через всю такую понятную сиюминутную политическую интригу?

А. Н.: Я смотрю с интересом и совершенно спокойно. С интересом смотрю на всю эту мерзость, персонифицированную для меня Гайдаром, чубайсами и другими. Потому что они, в общем-то, на протяжении этих лет создавали тот перекрестный огонь, в котором я калился и воспитался в бойца так, что мне теперь никакой бой не страшен. И это, наверное, чувство хорошего солдата – не думать о боях впереди. Пусть думают новобранцы. Пусть думает о том, что ждет Россию, новобранец, я к любой драке готов. И поэтому, так сказать, нормальный, «длинный ус кусая...» Как там?

А. П.: «...Кусая длинный ус... Кто кивер чистил весь избитый...»

А. Н.: Да, «кивер весь избитый...». Совершенно точно. Вот такое у меня состояние.

Февраль 1994 г.

«Быть русским — это дар»

*(Диалог Александра Проханова
и Владимира Исакова)*

Александр ПРОХАНОВ: Владимир Борисович, я Вас впервые видел так, глаза в глаза, два года назад, 22 июня,

когда мы собирались в Останкино. Помню, вход на ВДНХ, толпа, кто-то лезет на фонарь, над нами плещется черно-бело-золотой имперский флаг. Толпа теснится, и Вы со мной плечом к плечу. Уже от ВДНХ движется первая волна омоновцев: щиты, каски. Какое-то напряжение и колебание: что делать? Стоять? Уходить? Я запомнил выражение Вашего лица, Ваших глаз. Это первое такое знакомство, плотно психологическое...

В тот же день нас лупили дубинками на площади у Рижского вокзала. А спустя два года, в октябре, Вас опять били, Вы опять прошли сквозь шпидрутены, видели пытки, видели, как избивают ваших политических друзей. Вы сами приняли эту муку, эту драму.

И вот волей обстоятельств Вы оказались в Думе рядом с теми, кто требовал Вашей головы, Вашей смерти, требовал: «Распни, распни его!» Вы вынуждены взаимодействовать с такими людьми, как Гайдар, Явлинский, с другими Вашими абсолютными политическими противниками, даже ненавистниками.

Я хочу Вас спросить: вот это Ваше психологическое состояние, какое оно? Вы человек сдержанный, взвешенный, как бы даже закрытый, и я вижу, что и на этот раз Вы демонстрируете высокую этику профессионального политика. Но что там, под этой оболочкой, у Вас?

Владимир ИСАКОВ: Ну, во-первых, мне не хотелось, чтобы даже в этом первом представлении читателям газеты Вы меня как-то героизировали, создавали ложный образ, который не соответствует действительности.

Вообще-то я человек очень мирный, даже несколько бюрократического склада, как, наверное, и подобает быть человеку моей специальности, моей профессии, то есть юристу. Я вовсе не намерен лезть на баррикады, не люблю никаких драк. Считаю, что при добром желании любые проблемы можно решить мирным путем. Но именно в силу вышеназванных причин в некоторых вопросах я стою очень жестко. В вопросах для меня принципиальных.

И один из них – уважение к законам, уважение к Конституции. С этим лозунгом я шел на свои первые выборы – народных депутатов СССР, на которых не прошел. С этим лозунгом я шел на вторые выборы – уже депутатов РСФСР, где избиратели отдали большинство голосов мне. Именно по этой причине из сторонника Ельцина я превратился в его противника и стал одним из лидеров оппозиции режиму. Именно поэтому я, человек очень мирный, оказался тогда рядом с Вами и возглавил колонну, которую стали лупить омоновцы.

Хотя те, кто меня знает давно, могут отметить такую мою черту характера: я не упрямец какой-то, которого ничем не прошибешь. Слушаю, воспринимаю другие точки зрения. Но абсолютно бесполезно добиваться от меня чего бы то ни было насилем...

А. П.: И все же сегодня во взаимодействии с Явлинским или Гайдаром ничего, кроме конституционных параграфов, у Вас в душе не возникает? Я, например не могу спокойно смотреть на человека, требующего головы моих друзей, повинного в истреблении полутора тысяч моих товарищей...

В. И.: Мне Ваши чувства понятны. Встречаясь с теми, кто прямо призывал к расстрелу и уничтожению, я испытываю то же самое. Но спрашивается: что же делать? Что мне – где-нибудь найти карабин, смазать его и решать проблемы таким же путем? Сегодня в расколотом, ожесточенном обществе существуют люди противоположных взглядов, несовместимых ценностей, не понимающие друг друга интеллектуально. Что в этой ситуации делать? Либо попытаться возобладать друг над другом, либо, опираясь на последние остатки закона и порядка в нашей стране, все-таки уйти от конфронтации, попытаться найти выход в очень узком, но еще существующем сегодня коридоре мирного решения этих проблем. Я пытаюсь это делать как могу. Именно поэтому, хотя мне и очень тяжело было, хотя мне на каждой встрече задавали в той или иной форме этот самый вопрос: «Как вы с ними будете и сможете ли вы с ними работать?» – я все-таки дал согласие участвовать в выборах как по округу, так и по списку. По списку и прошел...

А. П.: Наряду с высшей целесообразностью, которой оперирует большой политик, существует еще другая позиция – этическая...

В. И.: Вот тут я хочу сразу Вас прервать: дело не в целесообразности. Это слово не совсем точно определяет мою позицию и как человека, и как депутата. Я считаю, что, если люди мне доверили, проголосовали за меня, они как бы предполагали, что я не окажусь кисейной барышней, пускающей сопли и слезы и бегущей при первом же выстреле. Они надеялись, полагаю, что я буду заниматься защитой их интересов в любой обстановке, что они могут на меня положиться.

А. П.: Может, Вы считаете вообще неправомерными рассуждения и переживания такого характера, какие я Вам сейчас предложил? Они, может, не проявляются открыто в стенах Думы, но присутствуют в политических кулуарах, в общественном сознании, в моей редакции. Эти вопросы ставятся. Вот подписан акт об амнистии, провозглашен вердикт о примирении, о высшем компромиссе.

И, казалось бы, прекрасно: наши товарищи, друзья, братья, сидевшие в казематах, выходят на свободу. Кончатся их мука, оторванность от наших дел, мы приобретаем опять соратников и партнеров. Что может быть выше этого? Но за это, конечно же, нам приходится платить. Компромисс есть компромисс.

Дума за это заплатила очень высокую цену. По существу, она прекратила расследование событий и сказала тем, кто стрелял по Белому дому из танков: «Черт с вами! Продолжайте жить, мы не станем ворошить это жуткое кровавое белье, потому что нам дороже всего идея компромисса и свобода наших товарищей». Логика понятна.

Но, установив такой компромисс, войдя в такое согласие, учитывались ли, говоря старомодным языком, души тех, кто витает над нами, горе родственников, от чьего имени говорила Дума? Они простили расстрельников и губителей? Вот такой этический момент. Думаете, он стоит того, чтобы о нем говорили, или его нужно отодвинуть куда-то вдаль?

В. И.: Вы тяжелую и страшную кучу ворошите, Александр Андреевич. И не хотелось, вообще-то говоря, обсуждать это. Но коль уж вопрос поставлен, на него надо отвечать. Проблемы, конечно, здесь есть. Но для того чтобы понять, скажем, весь напряг, в котором оказалась Дума, и все сомнения, все проблемы, которые она так или иначе взвешивала, надо еще кое-что добавить. Вопрос такой: между чем и чем выбирала Дума? Уверен, что мыслей и чувств к тем, кто пострадал, она не отбросила, она обратилась мыслью к тем, кто может в самое ближайшее время погибнуть в новом гражданском конфликте. Вот о чем шла речь.

Мы интуитивно чувствуем, что противоречия, которыми живет, болеет общество, не разрешены. Мы вновь сползаем к той точке, где стороны будут мериться силами. В нашей стране без драки, к сожалению, никогда к миру не приходили. И решение Думы – это слабая попытка прийти к миру без драки, когда обе стороны не готовы к примирению, когда еще теплы тела расстрелянных, когда еще кровь дымится, когда все нервы наружу и сам шаг примирения психологически дается очень трудно.

Я заметил: по вопросу о прощении членов ГКЧП фактически не было возражений, а там тоже три человека погибли, и по майским событиям никто не спорил, хотя тоже человек погиб, зато по сентябрьской-октябрьской трагедии и был самый главный спор – слишком свежа кровь.

И сомнения, которыми вы поделились, были и у меня, и у многих других, особенно видя, что те, кто стрелял по Белому дому, не успокоились. Совсем недавно на дипломатическом приеме мне в спину крикнули: «Как, тебя еще не повесили?» Причем интеллигентный человек, отдохавший в компании друзей, бросил такую фразу...

И тем не менее я считаю, что этот шаг к миру правильный. Дума не имела морального права не использовать такой шанс. Хотя не знаю, существует ли он.

Ведь когда одна из сторон хочет драки, примирение невозможно. Драка все равно состоится. Поэтому я голосовал за амнистию, за то, чтобы этот шанс был использован. В истори-

ческой перспективе все эти вопросы еще будут обсуждаться многократно, и истину установят. Все палачи будут названы поименно, и все жертвы – тоже. Но не сейчас, не сегодня, когда от этого во многом зависит – будет новая схватка или нет. Думаю, что здесь мы поступили как мудрый глава семьи, который во имя сегодняшнего мира как бы сознательно отодвинул трудный и необходимый разговор на будущее.

А. П.: Скажем так, у нации, как и у семьи, у человека есть три такие компонента, как воля, разум и совесть. Есть разум, здравый смысл. Будем полагать, что Дума, приняв такое решение, продемонстрировала мудрость. Вопрос в совести. Как бы нам не разорить гнездовье, в котором она копится, эту область непрерывного человеческого страдания. Поэтому я и начал наш разговор с этого.

Но я нахожусь под впечатлением недавней речи президента перед Федеральным собранием. Мы видим поразительное превращение, претворение одного Ельцина в другого, по крайней мере на словах. Лексика, мысли, которыми он наполнил свое выступление, были прежде знакомы по нашим публикациям в наших газетах. Это отчасти и наши представления, наши идеалы, тенденции, за которые нас хлестали бичами, были по ребрам омовцы. У простого человека, который устал от конфронтации, устал от ненависти, устал вообще, возникает надежда, что это действительно трансформация. Трансформация психологии, трансформация политики. Возможно, этот феномен, чудо, когда Савл превратился в Павла, или как в конце 30-х годов у нас эволюционировал политический режим, скажем, от Сталина-интернационалиста к Сталину-националисту, государственнику...

По существу, в ельцинской речи прозвучала идея национального примирения, национального компромисса.

Я хотел бы услышать Вашу реакцию на эту речь как политика с очень тонким слухом. Я иногда нахожусь в состоянии агрессии, неприязни, и моя агрессивность мешает мне уловить тонкие политические гармоника. Что Вы услышали в этом выступлении Ельцина?

В. И.: Скажу, во-первых, что никакого нового Ельцина не увидел. Это был прежний Ельцин: усталый, раздраженный, судя по всему, очень нездоровый. На трибуне я видел человека, откровенно повторявшего чужие слова. В один момент даже показалось, что он читает иностранный текст: слова знает, а смысла не чувствует, настолько вяло он произносил их.

Что-то подобное, очевидно, почувствовал зал, слушавший Ельцина минут пятнадцать с напряженным вниманием, а затем зашумевший, начавший разговоры.

Я не услышал в его речи и призыва к миру, хотя слова о мире были. Но для меня призывы к миру и согласию – это не слова, а позиция лидера. А вот ее-то и не было. Там был набор хитрых фраз, ширмочек, которыми прикрывалась прежняя политика, а точнее – отсутствие какой бы то ни было политики, отсутствие какого-то курса.

Я наблюдаю Ельцина довольно давно. Одно время работал вместе с ним как председатель палаты. И теперь я еще раз увидел, что Ельцин – человек одной идеи и одной цели. Эта цель – личная власть. Больше его ничего не волнует. Ради этого он в свое время перекрасился. Думаю, он может перекраситься еще раз, если это понадобится для сохранения власти, в патриота, националиста – в кого угодно. Не отказываясь от слова «реформы», он выпотрошит эти реформы и наполнит их каким-то другим содержанием, потому что в принципе он этого содержания не видит.

В ведении главы государства есть 5–6 ключевых вопросов, самые важные вопросы государства, за которые он отвечает. Я уже в первый год его президентства с ужасом убедился, что он эти вопросы не держит, по сути ни одного важнейшего вопроса государства не ведет. Более того, он допускает, что они растаскиваются в разные стороны разными людьми.

Один из этих вопросов – государственная национальная политика, единство страны. Смотрите, какие дикие шарахания: сначала отдал суверенитеты, потом отобрал, сейчас дает снова. В речи же – снова призывы к единству. По важнейшему вопросу, за который головой отвечает лидер государства,

у него нет ни позиции, ни курса. Он допускает, что мы идем в тупик, уже собственно зашли, вместе с ним зашли. То же можно сказать и по вопросу обороны.

Да какой вопрос ни возьми! Он сдает их в значительно худшем состоянии, чем принял, за исключением одного: вопроса личной власти. Мне кажется, что он закончит свои дни абсолютным диктатором на обломках страны, которую возглавляет. И он уже это чувствует. Именно потому в его выступлении была какая-то затравленность, он вынужден был озвучивать чужие слова, не понимая их значения, но его буквально заставили их говорить, потому что так надо.

А сейчас, проглядывая письменный текст, вижу там очень тревожные мотивы, не прозвучавшие в его речи. Например, что критерий законности – принцип демократии. Вот это место: «Борьба интересов характерна для любого свободного общества, но она плодотворна, пока ведется в системе демократических ценностей. Это необходимое ограничение, и оно должно стать критерием правовой оценки любого политика, политической организации и любого государственного института».

Критерий оценки – не соответствие закону, а соответствие неким «демократическим ценностям», ценностям, которые ставятся выше права. Это опять, только в новом варианте, идея «революционная законность – высшая целесообразность». Вот она, эта идея, – залог будущих репрессий, в которые страна будет погружена, если нынешние политики останутся у власти. Идеологическую базу под репрессии они подводят уже сегодня.

А. П.: Все время витает в воздухе идея о гражданском согласии, гражданском примирении, гражданском мире как единственной альтернативы гражданской войне, хаосу. Конечно, это чрезвычайно важная идея, может быть, важнее ее ничего нет для человечества в целом и для России в частности. Я все время сам ищу как бы пути для установления хотя бы правил вражды. Вражда и соперничество тоже ведь должны протекать по каким-то правилам, каким-то нормам, с какими-то ограничениями, чтобы не принимать тотального, всеразрушающего характера.

Давайте разберемся, когда становится возможным гражданский мир в обществе, пережившем гражданский раскол, гражданскую трагедию. Например, послевоенная Испания. Я был в Испании в последние месяцы царствования Франко. После своего ухода он действительно оставил страну в состоянии гражданского мира, согласия, когда в эту огромную могилу ссыпал и кости своих фалангистов, и кости красных революционеров, водрузил эту стеллу примирения. Испанцы протянули друг другу руки – я видел это. Нет, братания не было, но были встречи ветеранов той гражданской войны, когда они сидели и пили вместе одно и то же красное вино.

По-видимому, гражданский мир возможен после того, как кризис и беда пройдут определенные стадии, достигнут высшей своей точки, как бы зачехнут, израсходуются. Период благоденствия наступает тогда, когда победители перестают волноваться за свой статус, а побежденные забывают раны и оскорбления. Они протягивают друг другу руки, и возникает идея братства.

Или же второй вариант гражданского мира. Это пример нашей страны, когда в 1941–1942 годах общество было страшно расколото и растерзано, народ не принимал большевистскую власть, изнасиловавшую страну в 30-е годы, истребившую его элиту, коллективизировавшую деревню. Но при внешней угрозе нация забыла внутренние обиды и консолидировалась вокруг власти, вокруг вождя.

Наше современное общество – это форма этих двух казусов, этих двух примеров? Закончился ли кризис сам по себе? Возможно ли гражданское примирение во время сечи? Является ли внешний противник консолидирующим началом? Или эта внешняя сила, внешний враг перенесен в центр нашей страны и сам по себе уже деструктивная сила? Можно ли консолидироваться вокруг силы, постоянно раскалывающей общество? Возможны ли вообще гражданский мир и гражданское согласие в сегодняшний кризисный час?

В. И.: Думаю, согласие возможно, но причина, побуждающая к нему, не вне, а внутри нас. Внутри каждого человека,

внутри каждого общества в целом находятся незримые весы, на одной чаше которых – голый эгоизм, а на другой – стремление к согласию. Так вот наше общество оказалось в какой-то мере, к удивлению, значительно более эгоистическим в достижении своих целей, чем многие другие общества и цивилизации, если хотите, более грубым, более прямолинейным, более допускающим страдания человека, ограбление человека, унижение, насилие, смерть. Вот эти весы пока еще не пришли даже в равновесие.

К этому надо добавить политическую детренированность социального организма, долгое время существовавшего со смазанными, зажатыми противоречиями, в результате чего люди не научились, не умеют законными методами отстаивать свои интересы. Многие сегодня готовы бороться, но не умеют, не знают как. Нет привычки к цивилизованным коллективным формам защиты интересов.

Слова о коллективизме нашего общества оказались мифом, мы скорее общинники, чем коллективисты. Плюс к этому какая-то азиатская невосприимчивость к страданиям другого человека. Это нежелание на них смотреть и воспринимать как свои. Ну расстреляли – и ладно, меня как-нибудь обойдет эта чаша. Вот эта позиция довлеет. К сожалению, у нас люди начинают действовать не тогда, когда надо, а когда уже нельзя не действовать.

Я не верю в скорое достижение гражданского мира. Но шаг к миру, сделанный Думой, считаю необходимым. Политику согласия нельзя ни в коем случае бросить, ее надо формировать, наращивать, предлагать какие-то новые инструменты общения, новые способы снятия противоречий. И вижу, насколько это мало зависит от слабого и неавторитетного пока еще парламента, как мало он может сделать, насколько сильны противодействующие ему силы и насколько велико еще желание достичь своих целей насилием. К этому, мне кажется, сегодня готовятся многие.

А. П.: А как насчет этой сентиментальности некоторых наших общих друзей, в основном гуманитариев, из самых луч-

ших христианских убеждений призывающих к гражданскому миру и согласию, верящих в возможность его на сегодняшней стадии кризисов? Очень часто повторяется тезис как той, так и другой стороной, что лимит для революции в России исчерпан, что нельзя допустить новых революций.

На наших глазах происходят по крайней мере четыре страшные революции, запущенные демократами. Причем они не завершены, они в разгаре.

Первая – геополитическая революция или геополитическая катастрофа, разметавшая наш континент, наш материк – Советский Союз. Эта революция территорий, пространств, дробящихся на фрагменты и осколки, не завершена. Все это движется в глубь России, в глубь Сибири, Поволжья.

Вторая – социальная, когда в кратчайшие исторические сроки усилиями конструктивистов создается новый класс там, где его раньше не было, причем создается он на фоне разрушения всей социальной среды, за счет этой среды. Специально в эту среду запущен фантом катастрофы: раздробить, сломать и на ее осколках создать новую классовую структуру.

Третья революция – это создание нового типа экономики. Для того чтобы запустить эту так называемую рыночную экономику, рыночную инфраструктуру, превращается в ничто огромный экономический массив. Социальная и экономическая машина, бывшая, по-видимому, по величине второй в мире, охватывавшая в своей деятельности колоссальные ресурсы, колоссальный интеллектуальный потенциал, превращается в ничто, дробится, и на ее осколках создаются жалкие примитивные эскизы, тени могучих, переживающих взлет экономик Запада.

Четвертая революция – культурная, когда все национальные стереотипы, установки, архетипы, ценности, психологические мотивации подвергнуты страшной атаке, и на их месте строится совершенно другая психология, другая иерархия ценностей.

Мы имеем дело с колоссальным не эволюционным, а именно революционным процессом. Демократы хотят дове-

сти его до конца, и на этом фоне раздаются такие сентиментальные голоса: «Нет – революции, нет – гражданской войне, гражданское согласие и мир!» Это ли не лицемерие? Может, недомыслие как со стороны наших товарищей, так и тех, кто прикрывает свои революционные намерения вот этой лексикой? Может, нам надо быть реалистами и готовиться к действиям в условиях этих четырех страшных, запущенных противниками революций?

В. И.: Думаю, надо реализовать две стратегии. В-первых, Вы правы: необходимо противостоять действиям по разрушению самих основ материальной и духовной жизни общества. Но я спросил бы Вас: если нашлись один или несколько человек, которые смогли так гениально задействовать потенциал разрушения, что копился в обществе, почему не может найтись группа людей, которая так же гениально задействует волю людей к созиданию? Почему исключен такой путь? Почему это не может произойти?

В данном случае я не разделяю эти слюнтяйские щепетанья о том, что все хорошо, что ничего не произойдет. В какой-то мере это часть идеологического прикрытия нынешней наглой политики, политики как бы свершившихся фактов. Сначала: «У нас не может быть революций», а через некоторое время: «Да, совершилось, надо принимать ее как факт». Или: «Мы – за социальное партнерство», а через некоторое время: «Извините, у нас расслоение произошло, давайте принимать это как свершившийся факт». Есть такая политика, и есть идеологи, обеспечивающие такую политику. Я отлично вижу всю меру их цинизма и демагогии. Но я убежден, что в обществе существует и громадный потенциал созидания, здравого смысла. Пока еще нет людей, нет структур, нет какого-то центра, чтобы притянуть к себе этот потенциал созидания. Если все это случится, может быть реализована очень мощная, очень эффективная программа созидания. И она позволит обществу сделать шаг вперед, и не ценой громадных издержек, которыми идут нынешние реформаторы.

А. П.: Существуют достаточно апокалипсические представления о том, что бывшее советское общество должно разрушиться до основания, до нуля, – таков, мол, итог демократического правления России. Можно пытаться уменьшить скорость этого падения, перехватить руль безумного пилота, когда самолет уже вошел в штопор, можно пристегнуть ремни, чтобы при ударе меньше людей разбилось. Но ведь контрпроекта, связанного с осуществлением новой цивилизации, у нас еще нет. Есть какие-то микросхемы. Поэтому многие считают, что нам предстоит впереди новые катастрофы.

В. И.: Вот с этим я не соглашусь. Да, наше общество во многом исковеркано, изуродовано неумелыми, идеологизированными социальными проектерами. Но мне кажется, чтобы возродиться, вовсе не надо разваливаться до конца, точнее – я убежден, что это не так. Встречаясь с людьми, особенно во время последней избирательной кампании, я увидел в них огромный потенциал здравого смысла. Ведь как бы ни издевались над этим, мы – одно из самых образованных обществ сегодня, живущее несоразмерно своим интеллектуальным и духовным потенциалам. Я также совершенно не верю, что с полного разрушения можно начать что-то действительно стоящее. Наоборот, чем дальше продвигается разрушение, тем слабее силы, которые смогут создать что-то новое в обществе.

На прошедших выборах в моем округе за меня проголосовали 15 процентов избирателей. Мой конкурент, который был избран, набрал 17 процентов. И когда я слышу упреки, что меня поддерживают так мало людей, отвечаю: мне больше не надо. Я счастлив тем, что 15 процентов людей меня понимают и разделяют мою позицию. Я не ожидал, что их так много.

Думаю, если есть хотя бы какой-то минимум людей, обладающих здравым смыслом, не разменявших совесть, не желающих строить свое благополучие на несчастье другого, это общество не обречено, в нем есть потенциал для возрождения, и рано или поздно он будет задействован.

А. П.: В наших оппозиционных кругах мы, по существу, знаем всех людей персонально, их сильные, слабые сторо-

ны, знаем, какие у нас коалиции, как они складывались, как распадались.

Мне хотелось бы узнать Ваше мнение о том, что сегодня представляет собой оппозиционное движение, этот бульон, очень осложнившийся после октября, когда от ельцинского режима отслоились некоторые силы, появились новые фракции, новые лидеры. Кто-то, по-видимому, ушел и от нас. Ваши ощущения от оппозиционного процесса?

В. И.: У меня ощущение, что работает как бы сепараторная машина, проверяющая каждого лидера: его величину, его способность возглавить людей и повести за собой. Одно время казалось, что таким лидером может быть Ельцин. Его действительно подняли на самую большую высоту.

А сегодня уже у многих глаза открылись на сей счет. Даже те, кто идет за Ельциным, думаю, уже иллюзий никаких не питают. Просто это их как бы прагматическая позиция.

Кто будет национальным лидером? Сегодня наиболее яркая личность – Жириновский, как это ни странно и как бы ни хотелось, быть может, некоторым, чтобы эта фамилия называлась.

Ведь лидер – это сочетание очень многих факторов. Прежде всего это огромный внутренний потенциал лидерства – то, что у Жириновского безусловно есть. Но вот, с моей точки зрения, у него все-таки нет социальной программы. Это человек, идущий к власти, пожалуй, еще более откровенно и грубо, чем это делал в свое время Ельцин. Думаю, время такого лидера уже прошло, сегодня страна уже переросла этого лидера, она его уже не примет или примет в состоянии крайней разрухи и истощения, когда просто согласится: ну пусть еще один изнасилует, уже все равно.

У меня были, честно говоря, надежды, что прошедшие выборы дадут какую-то новую поросль политиков, появятся новые лица, интересные фигуры, люди с какими-то программами. Как бы новая политическая ярмарка откроется. Будет что сравнивать, выбирать. Но этой ярмарке страна наконец присмотрит себе нового лидера, за которым мы все пойдем.

К сожалению, этого не произошло, и, более того, я не вижу среди нынешних политиков – и в оппозиции, и на противоположной стороне – фигур, на это претендующих.

Безусловно, потенциал национального лидерства есть у Сергея Бабурина, как бы его ни поливали грязью, но он, пожалуй, еще слишком молод для такой тяжелой роли. Через несколько лет он, очевидно, выйдет на тот уровень, когда всерьез сможет претендовать на эту роль. А вот среди политиков среднего и старшего поколения я таких людей не вижу.

Не знаю, какой еще тур сепарации потребуется, чтобы такой человек появился, но убежден, что, пока этого не произойдет, нового шага вперед тоже не будет. Мы так и будем топтаться на месте, перебирая одну и ту же колоду политиков, проклиная их за неумелость, безголовность, менять одних депутатов на других, одних премьеров на других и не делать шага вперед.

А. П.: А Вы не допускаете, что после указа об амнистии вышедшие на свободу люди из «Лефортово» будут в другом качестве? Некоторые из них выйдут очень усталыми и, по видимому, уйдут из политики на какое-то время, другие вырвутся опаленными и расстрелом Белого дома, и тюрьмой, выйдут с харизмой политической. Возникнет новый оппозиционный центр – не только вокруг Жириновского, но вокруг еще кого-то. Вы не допускаете этой мысли?

В. И.: Не только не допускаю, но думаю, что так не случится. Я не питаю иллюзий в отношении людей, оказавшихся в «Лефортово». Если бы они были действительно политиками и национальными лидерами, они оказались бы не там, а в Кремле. Они этой возможности не использовали, не смогли ее использовать. И большей цены им история уже не даст.

А. П.: Сегодня я был шокирован известием, поступившим из достаточно компетентных кругов, что приказ о введении чрезвычайного положения уже готов, отшлифован и уже пошли шифровки по гарнизонам, что он может быть введен в любое время. Его не назовут указом о чрезвычайном или военном положении, он будет иметь какую-то другую

аббревиатуру. В результате этого указа под видом борьбы с организованной преступностью и экономическим хаосом опять предпримут мощнейший прессинг на не уничтоженную оппозицию. Вы что-нибудь знаете об этом указе? Поставлю вопрос несколько иначе, корректнее. Вы допускаете, что после октября прошлого года в конституционный процесс, которому Вы привержены, может ворваться некая секира? Готовы ли Вы к этому?

В. И.: Действительно, я предпочел бы обсуждать этот вопрос в терминах вероятности, потому что как юрист я не люблю относиться к предположениям как к свершившимся фактам и заниматься догадками. Думаю, нынешний режим, раз он уже встал на путь насилия, пойдет по этому пути и дальше. Я предсказывал это, еще когда Ельцин издал указ о запрещении Фронта национального спасения, признанный неконституционным. Именно тогда Ельцин заявил, что больше в Конституционный суд не обратится – типичная позиция барина, которому не услужили, как он ожидал.

Я тогда писал, что мы стали на дорогу репрессий. Если незаконные репрессии начались в отношении организации, не будет никаких пределов и ограничений. Через полгода это свершилось. Удар был уже обрушен и на людей, и на конституционную власть, и на органы конституционной власти на местах.

Сегодня у нас фактически полудиктатура, от полной ее отделяет только одно – отсутствие антиконституционных репрессий в отношении конкретных людей из оппозиции, журналистов. Но рано или поздно либо режим перейдет к этим репрессиям, либо его повалят – одно из двух. Поэтому сама логика государственного переворота ведет Ельцина и его сторонников по пути репрессий. В какой форме это будет, каким образом все это будет прикрываться – уже дело десятое.

Думаю, в ситуации, в какой сегодня оказалась страна, вообще не обойтись без тоталитарного режима. Мы, к сожалению, достигли такой фазы разрушения, что нормальные, конституционные формы руководства уже неадекватны, они с ситуацией не справятся. Вопрос только в том, кто будет

стоять во главе режима и в каких формах он будет осуществляться. Либо все-таки на основе пусть временного, но закона, ограничивающего этот режим, либо на основе ничем не ограниченной тоталитарной власти, которая сама определяет врагов, меру наказания и сама же ее осуществляет.

Речь идет не о продолжении реформ, как говорит президент. То, что реформы зашли в тупик, думаю, для 50 процентов населения очевидно. Речь о том, в какой форме «выходить» из этих реформ: в форме грубого, открытого, наглого тоталитаризма либо все-таки несколько помазанного конституционными формами.

Повторюсь: если бы у людей был выбор. Допустим, цивилизованный лидер и поддерживающая его партия с конструктивной программой и лидер, прогоревший по всем статьям, – это одна ситуация. И другая – когда у нас ничего подобного нет. Вот эта безысходность может привести к тому, что просто вновь включится машина политической сепарации, но в какой-то очень грубой форме. Может, вообще будет открытый бунт, с кровью. Не дай, конечно, Бог. Мы подходим к тому моменту, когда этот нарыв будет лопаться. И что итогом будет жесткое управление страной – это очевидно. Только вопрос, чьими руками: руками этой скомпрометировавшей себя банды или какими-то другими, более чистыми руками.

А. П.: Логика нашей с Вами беседы печальна. Ведь мы пришли к выводу, что единственная форма гражданского мира в России – диктатура...

В. И.: Понимаете, иногда мы оперируем готовыми понятиями, не делая поправку на особенности России. Говорим «диктатура», и вот уже и фашистская, и сталинская, и ограничения демократии в период военного положения – все это попадает под это понятие.

Между тем то, что в России было жесткое руководство, – совершенно очевидно, потому что наши попытки попробовать на себе западные формы демократии ни к чему, кроме разрухи, не привели. И ни к чему другому привести не могут. Я бы не назвал диктатурой ту форму самоуправ-

ления, которая в нашей стране установится, хотя она будет более жесткой, чем принято по западным меркам. Точно так же, как, скажем, нельзя считать диктатурой режим Брежнев-ва. Это была скорее какая-то переходная форма, если вообще можно говорить о такой форме.

Мы должны найти какую-то собственную, российскую модель управления, где существовали бы до определенных размеров развитые формы и народного представительства, и свободы слова, и других демократических институтов. Но существовали бы и совершенно отчетливые ограничения, не позволяющие обществу пойти вразнос, как это произошло сегодня. Думаю, к такому варианту мы придем. И вопрос не в том, диктатура это или нет, а в том, какую цену мы заплатим, пока нащупаем свою собственную неповторимую форму, не скопированную с Запада и в то же время не воспроизводящую махровые формы тоталитаризма, пройденные нами.

А. П.: В России была такая традиционная форма. Она называлась монархией. Она не была западного образца. Это как бы царство, помазание, с ограничением этой монархии через божественный авторитет, через христианскую мораль. Сейчас возникает такой экзотический проект возвращения в Россию монархии. И разные фрагменты общества по-разному этот проект обсуждают.

Знаю, что демократы, скажем, не прочь установить регентство Ельцина и пригласить на русский престол уже известного нам мальчика, которого время от времени к нам возят, и он так мило стоит перед русскими святыми иконами. Это один вариант монархии, и тогда этому человеку делегируется как бы право централизма, право диктатуры. Но русские, исходя из своей православной монархической традиции, приняли бы этот диктат. Другие рассматривают возвращение монархии в Россию через созыв некоего всероссийского великого собора, избрания новой династии.

Как Вы относитесь к этому монархическому проекту?

В. И.: Вы коснулись, быть может, самой интимной сферы воссоздания в стране легитимной власти, лучше даже ска-

зять – порождения или возрождения ее. Но обратили ли Вы внимание на такую колоритную деталь? Буквально на днях был опубликован указ о президентском штандарте. Многие отнеслись к этому иронически. Газеты откликнулись заголовками «Ну наконец-то!». Один депутат в кулуарах назвал Ельцина штандартенфюрером. А между тем эта деталь свидетельствует, что внутренняя эволюция режима идет куда-то в эту сторону – формирования монархического режима со всей сопутствующей атрибутикой.

На мой взгляд, приглашение зарубежного монарха, особенно того, которого мы видели, уж больно нелепо. Он явно не потянет на наши российские дела, которые даже не очень понимает. Быть русским – это дар. С моей точки зрения, водораздел между республикой и монархией проходит вовсе не по этой внешней атрибутике. Взвешивая сегодня различные формы власти, я прихожу к выводу, что для России оптимальным является не «всенародно избранный», а избранный собором, как бы представительным органом руководителей страны, в достаточной степени защищенным от произвола, поднятым высоко над депутатским морем.

Для России всенародные выборы – это гарантия неустойчивости, того, что на престоле великой державы окажется очередной Гришка Отрепьев. Я питаю надежду, что мы придем к какой-то схеме, когда руководитель страны будет избираться или парламентом, или надпарламентской формой, объединяющей центральную власть и парламенты регионов. И эта идея, кстати говоря, очень активно обсуждалась и готовилась нами в последние месяцы существования Верховного Совета. Думаю, это очень напугало Ельцина. Он почувствовал, что она имеет серьезные шансы быть реализованной.

Считаю, что в таком варианте вполне могут быть задействованы и многие другие традиционные, внутренне присущие России институты государственности. Называть их монархическими или не называть – дело вкуса. Можно называть главу государства президентом, можно – царем, импе-

ратором. Название – это такой момент, по которому можно договориться. Важно сформировать ту коллегия, тот собор, который сможет избрать главу государства.

Март 1994 г.

**«Русский инженер, я вынужден
стать политиком...»**

*(Диалог Александра Проханова
и Петра Романова*

Александр ПРОХАНОВ: По определению одного из моих политических друзей Вы, Петр Васильевич, – бурно восходящая политическая звезда. Я слышал о Вас давно, а познакомились мы лишь этой зимой, горькой и грозной, когда я приехал в Сибирь, в Ваш родной Красноярск. Центр сибирской индустрии умирал, как кит, выброшенный на сушу. И только Ваш завод – а его трудно назвать заводом, это маленькая цивилизация, город в городе – продолжал жить, бороться, дышал, сражался. Тогда мы впервые обменялись нашими ценностями, нашей идеологией.

Вы – технократ. Для патриотического движения это редкость, находка. Оппозиционеры – как правило, гуманистари, филологи, правоведы, историки. Вы же – носитель огромных технологических знаний, организационного опыта. Вы связаны с современностью, с индустрией, с идеей технотронного развития. Ваша деятельность в Русском национальном соборе, близость к крупнейшим оппозиционным лидерам создали Вам прочную репутацию государственника и русского патриота.

Вы сделали политиком. Вы вошли в этот поспешно созданный институт власти – Совет Федерации. По существу, выиграли сражение с Шумейко, ведь ему, чтобы опередить Вас, пришлось аккумулировать все влияние стоящих за его спиной президента и премьер-министра.

Что чувствуете Вы, сибиряк, заводчик, промышленник, попав в этот котел новой московской политики? Ваши ощущения от взаимодействия с этой средой?

Петр РОМАНОВ: Я никогда прежде не чувствовал себя политиком. Сейчас самый опасный период моей жизни. Военные летчики говаривают: «Смотри, чтобы на взлете не подстрелили». Не подстрелили. Фигурально выражаясь, я пока набираю в воздухе крейсерскую скорость. Затем уже придет очередь планов, с которыми я ехал сюда и которые хотел бы воплотить через Совет Федерации. Туда избраны достойные люди. Я вношу в их мироощущение дух военно-промышленного комплекса.

Когда перед голосованием по кандидатурам на пост председателя Совета Федерации меня спрашивали, есть ли у меня опыт парламентской работы, я отвечал честно, что нет. Сейчас такой опыт у меня уже подкопился. Он негативен: те политические силы, с которыми я соприкоснулся, те институты, в которые я вошел, не слишком склонны работать на общенациональное объединение. Под этим я подразумеваю взаимопонимание и взаимодействие всех, кто хочет выжить в России и сделать ее великой. Политические персоны и связанные с ними конфликты в конце концов преходящи. Сколько их было... А если страна стоит, не рассыпалась – значит, государственные инстинкты еще живы. Они просто никак не могут стать политикой и идеологией.

Объединение проходит пока лишь внутри институций и партий, групп политиков. Патриоты еще недавно резко критиковали Госдуму за аморфность и соглашательство. Однако Дума, даже если не затрагивать тему амнистии, доказала, что самые различные политики склонны на стратегических направлениях действовать сообща. Если бы это объединение вышло за рамки партий и институтов, я чувствовал бы себя лучше в московской политике.

Что касается моего, как Вы выразились, технократического опыта, в Красноярске я встречался со многими трудовыми коллективами и везде слышал оно: «Мы должны рабо-

тать». Заводы загибаются от неплатежей, зарплату не выдают месяцами – а люди работают, хотят работать. Этого не скажешь о московских политиках.

Русский инженер, я вынужден стать политиком.

А. П.: Вы говорите об объединении, сложении усилий партий, сложении тенденций политиков, у каждого из которых свой вектор, свой политический темп, свой опыт катастрофы или победы. Меня, да и не только меня, мучает один вопрос. В течение трех или четырех лет мы, патриоты, пытаемся сложить партию национальных интересов, патриотическую партию, основанную на национальной идее.

Нельзя сказать, чтобы эти попытки выглядели абсолютно бесплодными. Создавались небольшие политические образования: Русская партия возрождения, Русская партия Михаила Корчагина. Создан Славянский собор. Из наиболее динамичных – Русское национальное единство. Была попытка создать Русский национальный собор, в котором Вы так активно участвовали. Фронт национального спасения раздавлен. Все прочие попытки кончаются ничем. Все ограничивается съездом, конгрессом, где произносятся декларации, затем наступает организационная апатия, остановка всех движений...

Почему нам это не удается? Не потому ли, что в основу их, этих партий, их идеологии кладутся слишком размытые, слишком архаичные политические формулы, такие как «Православие – Самодержавие – Народность» или «русская солидарность»? Сегодняшняя Россия – это многомерная пульсирующая структура, где в каждом регионе свой вариант русской идеи.

Кроме того, нынешняя Россия не выглядит традиционной. Она устремлена в будущее. Быть может, все эти партии не обладают образом будущего, их ценности слишком связаны с прошлым и они не умеют приспособить традицию к истории и актуальной политике?

П. Р.: Однако точно так же не удастся создать и «президентскую» партию. Раздробленность – черта российской политики. Коммунисты раздроблены, как и демократы. Что до

всех этих московских партий простому человеку? Поезжайте на периферию, как говорят в Москве, зайдите в цех, в коровник, спросите хотя бы: «Что такое Конституционный суд, кто в нем работает?» Факт, что не знают. А уж тем более ничего не знают о патриотических политиках.

Выходом для патриотов мне видится создание надпартийного блока на базе центристских партий с незначительным креном влево, но ни в коем случае не вправо. Руководители партий и движений должны переступить через партийные амбиции, сесть за стол и договориться. Этот надпартийный блок политиков должен выйти к народу с внятной программой национального спасения. Не думаю, что успех ее будет зависеть от того, насколько устаревшими идеологиями она оперирует и как модернизирует принцип «православие – самодержавие – народность». Он будет зависеть от того, кого станут убеждать: московскую «массовку» или тех, кто нажимает на рычаги экономики и власти.

Такая программа – подспудная потребность и оппозиции, и власти. Я слушал и читал речь президента в Федеральном собрании. Даже он, став, согласно новой Конституции, главой государства, теперь произносит слова, немыслимые в его устах три или четыре месяца назад. Он волей-неволей вынужден оценивать ситуацию в стране и строить свою – пусть ущербную, лицемерную – программу сообразно ей.

Президент достаточно подробно сказал, что нужно сделать. Но это, думается, и так все знают. Если оппозиционный надпартийный блок объяснит, как надо сделать, он имеет шансы победить.

Политики, вошедшие в блок, должны обязательно обозначить этапы, расставить вехи на пути к цели – вехи-обещания. Ведь хрущевское «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» не было случайным. Оно доказывало, что эта власть понимала важность обладания, пользуясь Вашим, Александр Андреевич, определением, образом будущего, пусть и «неправильным». Они, политики, не должны бояться брать на себя – в меру своего влияния – и

экономические задачи. Ставить их, скажем, на полгода вперед, обеспечив ресурсами...

А. П.: Я слушал речь президента с двойственным чувством, улавливая в его лексике все те слова, идеи, которые мы, патриоты, в течение трех лет формулировали и предлагали обществу, за что получили звание «консерваторов», «красно-коричневых». Он отчетливо, по-партийному, по-обкомовски очертил контуры поразившей Россию катастрофы. Не сказал лишь одного: кто же сотворил катастрофу? Или это «красно-коричневые» привели страну к распаду, остановке заводов, к сверхценам?

Каждый день езжу на работу мимо Фрунзенской набережной, каждый день вижу огромный «Буран» – русский космический корабль, напоминающий некогда прекрасное, а ныне мертвое существо. Я присутствовал на Байконуре, когда «Буран», совершив непилотируемый космический виток, сел на раскаленную площадку. Помню ликующее лицо Олега Бакланова, помню собственное ликование: моя держава господствует в околоземном пространстве...

А ныне «Буран» выставлен посмертно на посмешище. Что сделают из него: бордель, ресторан, общественную уборную? Он как трофей, взятый на поле боя у побежденного СССР.

Так пусть нам объяснят, кто автор этой катастрофы. Пусть скажут, что ее сотворили Гайдар и Ельцин, Федоров и Шумейко.

В последнее время умы будоражат две симптоматичные проговорки. Накануне визита Клинтона в американской прессе появилась и была транслирована «Си-эн-эн» в Россию такая политическая формула: «Америке предстоит выбирать между шоковой терапией Гайдара, которая, конечно, ослабляет Россию к выгоде США, и новым, более умеренным курсом, который сохранит отчасти русский потенциал, но уберезет Россию от социального взрыва, способного смести сторонников реформ».

И недавно Гавриил Попов, супердемократ, опубликовал программу, воспринимаемую как попытку выбраться из-под

обломков нынешнего политического периода. В этой программе он признает, что шоковая терапия Гайдара была задумана американцами для разрушения русского ВПК.

Это сказано, когда наши подводные лодки намертво стоят у пирсов, когда остановлены ракетные и танковые заводы, когда умирают полигоны, распадаются военные сверхтехнологии, а молодые интеллектуалы идут в торговлю и сутенерство. Это сказано Поповым, чей вклад в развал огромен.

Так почему же Вы, парламентарии, не назовете гласно виновников катастрофы, прежде чем приступить к восстановлению России?

П. Р.: Почему мы не произносим гневных филиппик в адрес «режима»? Да ведь и мы сами, директорский корпус, виноваты в происшедшем. И вот теперь мы стоим перед перспективой остановки производства – не выборочной, не частичной, а тотальной. Это будет означать крах экономики и государственности, национальную катастрофу.

Да, Гайдар и Федоров ушли. Если уж кричать им вслед проклятия, то уж надо бы подкрепить их и действием. Остановить заводы? Затянуть директорскую забастовку? Какой прок...

А вот настоящая наша вина в том, что мы сегодня, сейчас не говорим, не решаемся сказать Черномырдину, Сосковцу и Геращенко: «Стойте. Давайте разберемся. Признаем, что рыночную экономику в силу ряда русских географических и геополитических обстоятельств даже теоретически можно создать лишь в Европейской России да вдоль Транссибирской магистрали. Признаем, что нам нужен переходный период, что из нынешней ямы нам не выползти без чрезвычайных экономических мер. А потому нынешний безвольный инфляционный дрейф, когда только ленивый не вышибает из кабинета деньги, нетерпим. Нужна реальная программа спасения и реконструкции околевающей экономики».

А. П.: Я знаю, что Вы, Петр Васильевич, работаете над множеством программных документов. Не могли бы Вы кратко изложить суть этого переходного периода, этих чрезвычайных мер, методологию, с помощью которой можно

остановить катастрофу и заняться пластической трансформацией нашей измученной экономики в новое качество, связанное с развитием?

П. Р.: У России, на мой взгляд, есть два пути.

Первый – «окуклиться», уйти в изоляцию, решать все проблемы, в том числе технологической и структурной модернизации, за счет только своих внутренних ресурсов, превращаясь в сильное национальное государство. Россия должна вобрать в себя, фигурально выражаясь, торчащие из ее тела пуповины умершей империи, коммуникации и инфраструктуры, связывавшие ее еще недавно с бывшими советскими республиками. Но на это уйдет, учитывая масштабы нынешнего развала, лет 60–70.

Второй – принять навязываемую «мировым сообществом» роль «сырьевого» государства, пойдя в этом смысле на временную уступку. Россия станет вывозить сырье и ввозить технологии и однажды опять-таки превратится в сильное, но не изоляционистское, национальное государство, медленно вновь собирающее империю.

Если не произойдет благого политического чуда, реальное развитие России выберет свой путь между этими двумя не слишком оптимистическими вариантами.

Какие возможны в этих контурах чрезвычайные меры? Независимо от форм собственности следует ввести совместное с территориями централизованное управление всеми добывающими отраслями, энергетикой, транспортом, внешнеэкономической деятельностью.

Необходимо ввести жесткое ценовое регулирование экономики через снижение издержек в производственных отраслях и дифференцированные налоговые ставки на посреднические, торговые, финансовые, банковские услуги. Одновременно нужен консолидированный по отраслям госзаказ. Таким образом, мы сразу отдаем приоритет российскому производителю. Он отныне будет четко знать, какую прибыль получит на производстве, какую в торговле и сколько потеряет на налогах.

Все инвестиционные фонды, банки и другие аналогичные финансовые учреждения следует искусственно ориентировать на инвестирование эффективных производств с обязательной государственной гарантией на случай недостижения предполагаемой эффективности.

Излишне говорить, что на период чрезвычайных мер деятельность Госкомимущества и Антимонопольного комитета РФ приостанавливается.

Необходимо резко ограничить, «сжать» импорт товаров народного потребления, в первую очередь длительного пользования, если, разумеется, эти запреты не повлекут за собой угрозу голода. Каждая бутылка итальянской минеральной воды на красноярских прилавках – это доллар США, не инвестированный в российскую экономику. А инвестиции и так снизились в России с 1991 года в 6–7 раз. Это, кстати, особая проблема, едва ли разрешимая в рамках только чрезвычайных мер.

Нужно также установить отраслевую дифференциацию заработной платы, выход за рамки которой должен влечь за собой суровые санкции.

Наконец, для русских, прибывающих к нам из ближнего зарубежья, надо создавать рабочие места в перспективных с точки зрения рыночной экономики агропромышленных зонах. Переселение должно, разумеется, вестись планово, с одновременным закрытием неперспективных производств.

А. П.: Это сродни плану восстановления народного хозяйства после войны. Он создает идеологическое поле, к которому народ предрасположен. Народ должен понять, что его разбомбили. И что восстанавливать разгромленные города, заводы, коммуникации, а также человеческие отношения нам придется путем впрыскивания в восстановление избытка собственных калорий.

П. Р.: Да, опять, в который раз, подтягивать пояса... Недавно в одном из комитетов верхней палаты парламента обсуждались аграрные проблемы. Я сказал, что никакие правительственные финансовые инъекции само по себе дела не спасут. Надо иметь программу спасения агрокомплекса –

предельно конкретную, на год, на полтора-два. И ради нее, этой программы, затянем пояс. И народ поймет, если хоть что-то за два года изменится к лучшему.

А. П.: Вы говорили о создании общенационального политического альянса, конгресса политиков, очертили его границы, в которых сгустился огромный политический потенциал. Вероятно, это не только политики, их партии, их сторонники, но и обширные социальные группы, сословия, рабочий класс, крестьянство, техническая и гуманитарная интеллигенция, отчасти даже новая буржуазия. На какой базе Вы мыслите создание этого альянса? На основе Госдумы или в обличье новой политической суперорганизации?

П. Р.: Раньше надо задуматься об идеологии, чем об организации, найти понятные, пластичные лозунги, объясняющие действительность и очерчивающие – я опять-таки воспользуюсь Вашим, Александр Андреевич, выражением – образ будущего, образ близкого будущего.

Ведь как ни относиться к большевикам, а надо признать, что идеологически они в 1917 году действовали весьма ловко. Они не говорили, что Россия назначена ими «запалить пожар мировой революции». Они говорили: «Мир – народам, землю – крестьянам, заводы и фабрики – рабочим!»

Нас должны понять все: от национально ориентированных «буржуев» до собирающихся пенсионеров. «Буржуям» надо сказать, что, если они станут строить национальную промышленность, их освободят от налогов. А что это такое, им объяснять не надо. Если же они станут просто «деньги крутить» – с ними фининспектор будет ходить в обнимку. И только так, а не наоборот. Пенсионерам мы предложим селективные социальные программы. И так далее.

Вот если востребуется такая программа, я готов под свою ответственность сформулировать и провести в жизнь то, что необходимо моему городу и моей отрасли. Не дебатировать, повторю, надо, что делать, а знать, как делать.

А. П.: Вы – генеральный директор. За Вами в этот политический блок должен потянуться технократический шлейф.

За Вами авторитет человека, тонкие внутренние законы и тенденции директорского корпуса. Я, признаться, давно перестал понимать, что в нем творится...

П. Р.: Да то же, что и в стране.

А. П.: В добрые старые времена я знал директоров, саму эту прослойку. Видел их драму, разгром директорского корпуса во времена Горбачева. Сначала их, директоров, начали избирать, отдали на растерзание толпе...

П. Р.: Помните, как Горбачев много раз произносил с трибун: давайте, мол, навалимся на бюрократию вместе, мы – сверху, вы, народ, – снизу?

А. П.: Да, это был первый удар по базовому слою Советского государства. Затем директоров стали травить, объявили «главными консерваторами», носителями «коммунистического заговора». Ославили чуть ли не «второй после КГБ структурой, мешающей перестройке». Понесся тяжелый урон, эти два удара директорский корпус все же выдержал.

Потом директора против своей воли однажды проснулись чуть ли не мультимиллионерами. Облкомимущества назначили им сверхвысокие оклады, им было позволено через легкодоступные лицензии заниматься коммерческим вывозом продукции за рубеж.

П. Р.: Но, несмотря на это, директора сохранили рабочие коллективы, удержали их от распада. Да и не у всех такие уж сверхвысокие оклады – по крайней мере в моем окружении.

А. П.: Однако в последнее время многих моих знакомых директоров не покидает ощущение, что этот «малый социальный мир» на предприятиях находится на грани распада. Директора ежатся под угрюмыми взглядами рабочих...

П. Р.: Возможно, в этом ощущении они правы. Ведь последние 8 лет власть все делала, чтобы директор не лез в политику, чтобы не ощущал свою ответственность за предприятие в масштабе объединения, главка, отрасли, экономики в целом, чтобы привык чувствовать, что он «сам по себе».

Помню кремлевские совещания у Горбачева, у Силаева. И тогда мы, директора, говорили во весь голос о кризисе, о

том, как из него выйти. Много было разговоров, но ничего не предпринималось. Позже директоров множество раз и разные силы пытались поставить под самые разные политические знамена. В конце концов они махнули рукой и сосредоточились на проблемах собственных предприятий. И вот в этот-то момент они перестали быть для рабочих представителями государства на своем предприятии, а превратиться в объемных капиталистических хозяев еще не успели.

И тем не менее Вы правы: директорский корпус – до сих пор реальная сила, включающая и организационную структуру, обладание ключами к технологии, социальную инфраструктуру. И потому борьба за него будет продолжаться.

А. П.: Наиболее известна попытка Вольского захватить симпатии директорского корпуса, аккумулировать его в Промпартию, создать из директоров политический таран. На фоне сорванной попытки Тизякова она некоторое время выглядела успешной. Тизяков был выбит из политики после августа 1991 года. Вольский испарился в октябре 1993 года.

Совсем недавно Скоков у вас в Красноярске проводил съезд Федерации товаропроизводителей России. Я виделся с ним после этого. Он сильный политик, знаток директорского корпуса, но он отнюдь не уверен в успехе своей задачи – общенациональной консолидации технократов.

Можно ли, на Ваш взгляд, консолидировать директоров политически, научить отстаивать политические интересы их корпорации, а не только экономических лобби? И кто бы мог это сделать? Директора отвергают одного лидера за другим...

П. Р.: Позволю с Вами не согласиться: в первую очередь дело тут не в лидерах, а в идеологии. Только идеология двигает армию, только благодаря ей тянутся коммуникации, только она консолидирует сословия. Однако директора не могут обладать своей собственной, «директорской» идеологией. Но государственной идеологии формально тоже нет. Сама государственность то ли есть, то ли нет, непонятно.

Мне кажется, нужно лишь произнести слово, главное слово. Поставить те проблемы, на решении которых могут

консолидироваться директорский корпус, здравомыслящие чиновники, управляющие территориями и боящиеся социального взрыва, национальные предприниматели...

Для спасения России нужен мобилизационный план. И в нем, в этом плане, как раз и должны проявиться «неформальная» государственная идеология, государственный инстинкт. И боюсь, что, если в ближайшие недели то, что я пытался сформулировать, не будет произнесено публично, эта инициатива окажется перехваченной.

Март 1994 г.

«Россия — подножие Престола Господня»

*(главный редактор газеты «Завтра»
Александр Проханов беседует с владыкой
Иоанном, митрополитом Санкт-
Петербуржским и Ладужским)*

Александр ПРОХАНОВ: Владыко, у меня, как у всякого человека, остро переживающего злодеяние октября прошлого года, постоянно меняется отношение к случившемуся. Я был связан с этим непосредственно, пострадали мои друзья. Сердце изначально чувствовало беду, трагедию. И в первые дни после огня, танковой стрельбы, погребения жертв я испытывал ужас, человеческий ужас. А потом этот ужас сменился печалью, апатией, унынием. Казалось, что проиграно большое дело, что это кровопролитие не пройдет бесследно для всей нашей многострадальной истории. Но по мере того, как проходило время и я все больше и больше узнавал о содеянном, уныние стало сменяться странным ощущением света. Появилась надежда, что эти жертвы, эти смерти не были просто кровавой нелепостью. В этом есть провиденциальный, русский православный смысл.

Мученики, выступавшие кто за веру, кто за Отечество, кто за народ, погибли не зря. Их смерть искупает окру-

жающую нас мерзость, грязь, свинство, воровство, распад. Октябрьские события стали светоносным взрывом... Например, мой товарищ Станислав Терехов, схваченный первым, был страшно избит и брошен в каземат. Он сказал, что собирался там креститься. А ведь это представитель красной военной организации «Союз офицеров». Более того, он хотел там, в тюрьме, обвенчаться с женой.

Мне кажется, это связано с духовным преображением, и я желал бы услышать Ваше мнение: прав ли я? Как нужно ко всему этому относиться? Каков духовный смысл недавних событий?

Митрополит ИОАНН: Пример с Тереховым, думаю, очень показателен. «Союз офицеров», насколько я знаю, сотрудничал с целым рядом православных братств в Москве и Петербурге. И креститься Терехову предлагали давно, так как он всегда относился к Православию с большим почтением. Но, видимо, что-то его не пускало, что-то мешало. И будучи человеком честным, он, наверное, не желал делать шаги на потребу публике. Необходим был какой-то внутренний сдвиг. Слава Богу, если он произошел после событий «черного октября».

Еще древние греки ввели в философию понятие «катарсис» – очищение через трагедию. И вероучение Православной Церкви говорит, что любое нравственное совершенствование возможно только через скорбь. Человек оплачивает свое духовное возрастание тяготами, встречающимися на его пути, терпением, умением пережить боль, свойственными лишь опытному и мудрым. Беда лишает человека ощущения внешнего благополучия и заставляет пересматривать свое духовное состояние. И первый шаг на пути христианского совершенствования – это признание своего неблагополучия. Шок, духовная встряска.

Когда такое происходит, человек начинает чувствовать, что в жизни его что-то неверно, чего-то не хватает. И если он, не боясь, будет при этом задавать самому себе неприятные, «проклятые» вопросы – неизбежно придет в Церковь, придет

к религиозному мироощущению, к пониманию того, что без Бога невозможно полноценное существование. «Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю», – говорит Господь. Главное, чтобы вслед за духовным прозрением последовало раскаяние в грехах и перемена жизни.

Теперь о происшедшем в октябре. Во-первых, ничего сверхъестественного и неожиданного не случилось. Русская история вся катастрофична. Катаклизм на катаклизме, катастрофа на катастрофе. Русский народ, неся через века православную идею воплощения истин веры, идеалов праведности и милосердия в окружающую жизнь, бесконечно «продирается» сквозь те обстоятельства, которые ему в этом препятствуют. В несовершенном земном мире зло очень активно борется с добром. И когда те или иные божественные принципы реализуются в жизни, они неизбежно встречают упорнейшее сопротивление.

С этой точки зрения ничего удивительного в октябрьских событиях нет. Это всего лишь очередное препятствие на пути русского возрождения. Но в то же время это чрезвычайно серьезное предупреждение. Если мы не сделаем необходимых выводов, не сумеем переломить отрицательные тенденции в жизни российского общества, если не сумеем заставить себя вернуться на исторический путь развития и соединить прерванную после революции 1917 года связь времен, тогда пролитая в октябре кровь окажется напрасной.

Исход тех событий мне представляется не поражением народа, а своего рода победой, ибо было очень сложно предположить, что после невероятных испытаний, которые претерпел русский народ за это столетие, после глумления последних восьми лет «перестройки» найдется столько людей в Москве, которые придут к Белому дому. Ведь их было очень много.

И это несмотря на то, что на противоположной стороне – сила и власть, многовековая традиция послушания, которая столь свойственна русскому человеку. Несмотря на то, что противоположная сторона располагала средствами массовой информации, а лидеры оппозиции не были столь привле-

кательны для массового сознания. Народ шел «за идею». Это, кстати, ускользает от многих аналитиков...

На противоположной стороне все ясно. Туда шли за блага, «за власть». Там все психологически комфортно. Здесь же – сплошной дискомфорт. Даже общего лидера, даже единого знамени не было. А люди шли. Значит, заряд духовной энергии в обществе на деле значительно выше, чем нам кажется.

А. П.: После этой беды, когда кризис в России стал еще глубже, страшнее, когда общество еще больше разделено, власть имущие задумали ряд проектов с тем, чтобы закрепить достигнутый уровень победы и затормозить сползание в окончательный хаос, гражданскую смуту, неповиновение и общерусскую катастрофу. Среди всех этих политических и культурно-идеологических проектов меня занимает один, о котором пока еще открыто не говорят, но начинают шептаться в кулуарах, в политических клубах. Начинают поговаривать о реставрации монархии. Монархический проект рассматривается под разными углами, всплывают его различные контуры. Например, один предполагает превращение нынешнего президента в патрона, в регента молодого цесаревича, который будет венчан на царство и станет государем российским. Другой проект предполагает прямое избрание царя, связанное с созывом собора – общерусского, всесословного... И это удивительно!

Когда я был молодым человеком, мне казалось невозможным даже подумать о возрождении Православия. А мой друг, впоследствии рукоположенный в священнический сан, уже тогда говорил: «Все в руках Божиих. Возможно чудо. На тех руинах, на которых мы с тобой стоим (а мы стояли на руинах Новоиерусалимского монастыря), поверь, при нашей жизни будет восстановлена обитель. И, может быть, мы станем братьями в этой обители...»

Я ему не верил, иронизировал. Но действительно – чудеса совершились! И не только в церковной жизни. Восстановление монархии в России еще двадцать лет назад не обсуждалось вообще. Это была греза, мечта крохотной группы

экстравагантных монархистов, которых можно было сыскать в отдельных православных кругах. В светской среде их не было вообще. А теперь греза стала почти реальным политическим замыслом, который может осуществиться даже нынешним летом.

И вот что мне хотелось бы услышать от Вас. Я понимаю, что ортодоксальное православное создание мыслит русские государственные институты в традиционной для России монархической форме: православная монархия. Не усеченная, конституционная, а самодержавная, связанная с мистикой помазания на царство, освященная Церковью, Христом. Но не может ли случиться так, что сегодняшние проектировщики заложат в монархию по существу атеистический контекст? Тем более что сословий, которые в свое время вырабатывали, вынашивали, обеспечивали осуществление монархии, уже нет. Нет аристократии, с которой монархия выходила в свет, питалась ее соками, затем дворянства, которым она поддерживалась через воинские институты.

Каким же образом можно возродить монархию в нашем постиндустриальном обществе? Не превратится ли это великое дело в профанацию, в бутафорию, в дискредитацию самой идеи? Не является ли это механическим, преждевременным действием, не заложено ли в этот проект лукавство? Не привезут ли нам в табакерке какого-нибудь заморского царя? Я убежден, что Церковь далеко не безразлична к этим вопросам...

Митрополит ИОАНН: Во-первых, надо сказать, что на протяжении долгих столетий основные жизнедеятельные начала русской жизни определялись знаменитым лозунгом «Православие – самодержавие – народность». Формально он был предложен графом Уваровым в начале XIX века, но реально определял всю русскую жизнь с эпохи царствования Ивана III, с того момента, как оформилось централизованное Русское православное государство.

Нужно иметь в виду, что этот лозунг не плод какого-то произвольного человеческого измышления, а констатация объективного факта – того, что гармонично устроенное об-

щество должно содержать в своей основе три важнейших элемента: духовный, государственный, национальный. Элемент духовный – святое Православие. Элемент государственно-организующий – самодержавность, причем самодержавие можно рассматривать на трех различных уровнях, и все три будут вполне справедливы.

Первый. Можно рассматривать его как определенный политический механизм, при котором верховная власть в государстве, ничем не ограниченная, принадлежит монарху. Это механическое рассмотрение, но правильное.

Второй. Можно рассматривать самодержавие как государственное устройство, при котором вся полнота власти, определяющей положение дел в стране, принадлежит ее внутренним государственным институтам.

С этой точки зрения сегодня Россия не самодержавная страна, потому что она наполовину управляется из-за рубежа. Россия также не была самодержавной страной, когда находилась под властью татаро-монгол, поскольку ханские баскаки поставлялись в Сарае и ярлык на княжение русский князь получал там же, у великого хана. Сегодня вполне можно провести некую аналогию между двумя этими эпохами.

И есть третий уровень понимания самодержавия. Он в первую очередь свойствен русской душе, и это уровень церковный, духовный. Самодержавие в этом случае рассматривается как нравственно-религиозное состояние общества, соборной народной души. Когда народ признает, что он желает жить не под властью Ивана, Петра, Сидора, не под властью каких бы то ни было «правовых» систем, созданных слабым и растленным человеческим разумением, но стремится устроить свою земную жизнь в соответствии с законом Божиим, с тем высшим законом праведности, любви и милосердия, который дан человеку в Откровении.

И тогда народ, добровольно подклоняя выю свою «под иго и бремя» Христовых евангельских заповедей, всю государственную структуру страны венчает фигурой помазанника Божия – русского православного царя. Все эти три уровня по-

нимания законны и допустимы. Но нас, конечно, должен привлекать прежде всего духовно-мистический уровень.

Последний элемент уваровской триады – народность. Он предполагает наличие конкретного соборного носителя религиозно-нравственных идеалов. Итак, православный духовный фундамент, державная государственная форма и народ как соборный носитель нравственного идеала – такова универсальная формула гармоничного общественного устройства. И мы никуда от нее не уйдем. Можно пытаться ее оболгать, оскопить, наклеить на нее «черносотенный» ярлык или объявить устаревшей, несвоевременной и неосуществимой – но тщетно. Любое общество, начиная с Древнего Египта с фараонами во главе и кончая современной космополитической Америкой с ее «этническим котлом», живет по этим трем основным законам.

Весь вопрос в том, конечно, какие духовные и религиозные начала положены в их основание. Сегодня на Западе это, к сожалению, откровенно богоборческие, христоненавистнические начала. Что касается современной России, то в первую очередь надо сказать, что монархию нельзя установить сверху, как нельзя приказать человеку «быть верующим». До этого состояния народ должен дорасти. И есть ряд признаков, по которым можно судить, что процессы такого духовного роста идут. Ведь то, что мы сейчас наблюдаем на Руси, есть чудо.

По всем человеческим меркам, по всем рациональным расчетам здесь давно должна быть духовная пустыня, все должно быть выжжено и уничтожено. Нас душили, травили, умерщвляли почти целое столетие! Думаю, закулисные архитекторы, планировавшие для России эти страшные сценарии, считали, что восстановить жизнеспособность русского народа не удастся уже никогда, во всяком случае в течение достаточно долгого времени, которого им хватит, чтобы запустить здесь новые механизмы уничтожения, которые будут на новом уровне пережигать, перемалывать возрождающиеся духовные энергии русского народа.

Но «человек предполагает, а Бог располагает». С 1985 года прошло-то всего ничего – восемь лет, а с момента

первого шока (августа 91-го) – три года. Но изменения идут стремительно, особенно, конечно, в мироощущении тех элитарных групп населения, в значительной мере определяющих состояние общества. И эта скорость делает возможным существование проектов, о которых Вы говорите.

Мне уже приходилось слышать о них с разных сторон. На сегодняшний день не представляется реальной возможность восстановления в рамках существующей политической структуры тех духовных идеалов, которые позволили бы придать российской государственности монархические формы. Нельзя напялить на собаку фрак и выдать ее за джентльмена. А косметические, поверхностные изменения в этой ситуации ничего не решат.

Если же изменения будут более глубокими, они задействуют в народной душе механизмы, пробудят энергии, влиять на которые уже не сможет никто. Идеи православной государственности настолько глубоки, настолько погружены в мистическую сущность народной стихии, что если кто-либо действительно решит поиграть с этими вопросами, больше чем уверен, результат для него будет совершенно непредсказуем.

Что касается конкретных вопросов, связанных с теми или иными именами, нужно отдавать себе ясный отчет в том, что дом Романовых на сегодняшний день чрезвычайно разобщен. И, скажем, отношение к наиболее известным в России представителям этого дома – Марии Владимировне, Леониде Георгиевне и «наследнику» Георгию в среде самих Романовых чрезвычайно неоднозначное. Объединение дома Романовых, например, прямо отказывается признавать их великокняжеское достоинство. Так что любые попытки сегодня каким-то волевым усилием решить эту задачу обречены на провал. Нужно быть предельно наивным человеком, чтобы не понять, какие цели преследуют ныне пропагандисты такой мнимой «реставрации».

Если же говорить о соборе, дело здесь в том, что настоящий собор должен соответствовать церковным канонам и русским национальным традициям. А если мы рассмотрим с

Вами историю русских соборов, обнаружим, что они обладают целым рядом черт, резко затрудняющих всякие политические манипуляции с ними. Люди, пытающиеся сегодня использовать соборную идею для своих целей, вынуждены или выдавать за собор какие-то самочинные сборища, или столкнуться с непреодолимыми сложностями.

Я считаю, что сейчас в России надо пока задействовать различные «предсоборные» механизмы. Мы всеми путями должны способствовать созданию тех или иных общественных форм самоорганизации, которые могли бы затем стать опорами при подготовке земского собора. И тогда этот процесс рано или поздно придет к своему логическому завершению. Настоящий же собор будет тогда, когда он на деле объединит русский народ, когда результатом его станет всенациональное, общенародное сплочение вокруг единого высокого идеала, позволяющего Руси подняться в полный рост, а народу – вспомнить свои древние исторические корни, осознать свое высочайшее религиозно-нравственное призвание.

И когда народ свободно, осознав это, скажет: «Ей, Господи, мы признаем заповеди Твои своими законами, своими обязанностями, своим служением и долгом и будем в соответствии с ними действовать, строить жизнь личную и государственную», – тогда это будет собор, и он сможет избрать монарха.

А. П.: Не обязательно Романова?

Митрополит ИОАНН: Конечно. Дело в том, что «правовая юрисдикция» собора не ограничена, ибо он выражает мнение всей земли Русской, соответствующее нравственным и религиозным нормам, опирающимся на неколебимое основание всеблагого и всесовершенного закона Божия.

А. П.: У современных политологов есть термин «социальная психология». И в аналитических центрах и группах есть социальные психологи, исследующие общественный психологический фон, в котором следует осуществлять те или иные мероприятия. Конечно, это тонкая, рафинированная специальность, обладающая изысканной методологией.

Профессионалам удается понять состояние умов по горизонтальным и вертикальным срезам на всем пространстве России. Но для того чтобы понять духовное состояние народа, у современного общества очень мало инструментов.

Полагалось, что в атеистическом обществе таким «чувствилицем» должна быть культура. Художник, писатель «выполнял обязанность» духовидца. И он как мог пытался справиться с этой ролью, отчасти заменяя священника – человека, как бы профессионально понимающего саму проблему души. Иначе как же можно узнавать духовное состояние человека или общества, отрицая наличие души как таковой, не понимая тех процессов, той синусоиды, по которой движется душа от рождения, от восхитительного вхождения в жизнь через грехопадения, через попытки избегнуть или искупить грех, через подвиг духовный...

И вот сегодня, когда Церковь, которой тоже, конечно, очень трудно, тем не менее увеличивает свое влияние, свою силу, свою светоносность, Вы воспринимаетесь многими людьми – и православными, и неправославными – как духовный лидер, как человек, исполненный светоносных знаний, как духовидец, у которого есть промыслительный взгляд на сегодняшнюю Россию. Недаром к вам тянутся люди. Мне хочется спросить именно у Вас: есть ли ныне слово, формула, идея, которые могли бы помочь русским соединиться, сочетаться, преодолеть раскол, нарастающую вражду, предотвратить катастрофический взрыв? И если монархическая идея еще не созрела, на какой основе можно сейчас объединить нацию?

Митрополит ИОАНН: Мне, во-первых, не кажется, что мы стоим на пороге катастрофического взрыва. Один из важнейших результатов октябрьских событий – обоснованный вывод, что гражданская война в России сегодня почти невозможна. Запалить ее будет очень сложно. Вот Вы говорили о социальных психологах. Но в России все многократно опробованные, просчитанные, основанные на гигантском многовековом опыте социальные технологии, запущенные в целях ее разрушения, провалились. Ни одна из них не дала ожидае-

мого результата. Они реализовывались почти полностью – на 80, на 90 процентов. Но вот это «почти» всегда перечеркивало конечный результат.

Академик Шафаревич отметил как-то, что понятие «русофобия» справедливо в обоих своих значениях. Есть и ненависть к русским, и страх перед ними. Откуда же этот страх берется? Дело в том, что здесь, на Руси, не работают те ма-сонские механизмы, которые во всем остальном мире сраба-тывают прекрасно. Они ведь опробованы мировой закулисой неоднократно! Все вроде рассчитали, а в России – не рабо-тает. И происходит это потому, что социальная психология, да и вообще рационалистическая наука не способны на Руси решить те задачи, которые перед ней ставят разрушители.

У любой науки есть своя область применения. Для того, чтобы понять Россию, чтобы в ней осмысленно действовать, необходимо понимание законов духовного характера, полное и ясное знание о которых хранит лишь Православная Церковь. На протяжении двух тысячелетий она хранит не только откро-венные свыше истины о Боге, но и о человеке, о гармоничном общественном устройстве нашего земного бытия.

Что касается объединения народа, то мне кажется, что оно в значительной мере уже произошло. Сам факт Вашего вопроса является свидетельством этого. Сегодня все ищут, что может нас объединить. И этот поиск уже сам по себе представляет то мощное объединительное начало, которое со временем всех нас, весь русский народ, сплотит вокруг извеч-ных духовных идеалов Святой Руси.

За последние годы произошло очень значительное собы-тие в жизни России. Произошло осознание того, что мы живем неправильно, что для исправления – чтобы мы стали жить в соответствии со своим промыслительным призванием – надо совершить определенный прорыв. И то, что этот вопрос теперь в полный рост стоит в русском национальном сознании, явля-ется очень мощным объединительным фактором.

Только не надо торопить события. Вот, например, власть в государстве. За последний год ее лозунги сменились ради-

кальным образом. На наших глазах происходит эволюция режима в сторону национальных интересов, в направлении поиска самобытной формы государственности. Это не случайность. Сейчас многие говорят, что «наверху» просто боятся потерять власть, оттого и подстраиваются под патриотические лозунги. Допустим, так.

Но дело не в этом. Сама жизнь заставляет власть двигаться в нужном направлении. И этого боятся все враги России. Они знают: если ей дать возможность хотя бы десять лет мирно развиваться – многовековая, гигантская инерция народной соборности и державной государственности в тех или иных формах обязательно выведет Россию на преемственный путь возрождения Святой Руси. После всех исторических катастроф Россия всегда возрождалась в новом качестве, еще более могучей и славной.

А. П.: Мне, человеку не вполне церковному, светскому, светскому, которому доводится общаться с людьми Церкви, известно суждение, что жизнь Церкви есть, по существу, духовная метафора жизни Иисуса Христа во всех ее проявлениях: от рождения, от бегства в Египет, от поста, от входа Господня в Иерусалим, от проповеди до Гефсиманской чаши, до предания в руки губителей, до крестных мук и смерти на Голгофе, до положения во гроб – и Воскресения.

Поскольку русский народ – носитель христианской идеи, и судьба его в течение истории тоже в какой-то степени метафора жизни Христа. А коли так, то различные периоды русской жизни – как бы иконы в иконостасе жития Иисуса. Совершенно очевидно, что страшное избиение, гонения на Церковь после революции 1917 года были ее крестными муками. Та тишина церковная, немота, воцарившаяся после этого на нашей земле, напоминают о смерти Спасителя, о Его трехдневном уходе из мира.

А потом началось что-то новое – как бы пробуждение. Не знаю, восстал ли в этом смысле Христос, отвалил ли ангел гробовую плиту, но ясно, что новый период настал. Вот какая сейчас, по-вашему, житийная икона Христова, какой

этап Его жизни переживает русское общество, русский народ и русский дух?

Митрополит ИОАНН: Тут нужно иметь в виду, что подобные аналогии следует проводить с чрезвычайной осторожностью и благоговением, потому что, к сожалению, даже благонамеренная часть общества, бросившись к своим церковным корням и не имея достаточного церковного опыта, иногда заходит слишком далеко в стремлении проникнуть в духовные тайны Православия. Необходимы постепенность, трепетность, благоговение перед святыней и ясное осознание того, что, в конце концов, в основании бытия лежит тайна Божия, непознаваемая и рационально невыразимая.

«Тайна сия велика есть» – учит Священное Писание. Она может быть ощутима в рамках глубоко интимного личного религиозного опыта, когда сердце человеческое встречает Бога, и это личное Сретение дает человеку некоторое понятие о том, что «ухо не слыша, око не виде и на сердце не взыдоша» в обычной мирской жизни.

История русского народа и те параллели, которые Вы проводили с евангельскими событиями, конечно, правомерны с учетом всех условностей, о которых я сказал. Крещение Руси в этом сопоставлении «накладывается» на крещение Христа и последующий выход Спасителя на общественное служение. Тяготы, переживаемые Русью за всю ее бурную историю, вызывают явные ассоциации со скорбями, притеснениями и гонениями, которые Спаситель испытал во время Своей земной жизни. Напрашивается и сравнение голгофских страданий с тем, что пришлось пережить нашему народу, нашей стране в XX веке. И вполне возможно, что ныне мы стоим на пороге Воскресения.

Но для того чтобы свершилось чудо, нужна сила веры. Если мы сможем в себе эту силу сохранить и приумножить, тогда сбудутся и многочисленные пророчества о воскресении Святой Руси... Скажу о конкретных условиях возрождения: пока не произойдет воцерковления общества, русского воскресения в полноте своей не случится. Пока интеллиген-

ция не преодолеет родовую болезнь – интеллектуальную гордыню, пока не признает главенствующего, спасительного значения строгих церковных форм духовной жизни, возрождения не произойдет.

Модернизм и либерализм губительны в области религиозного мировоззрения. Божественная истина не требует «обновлений» и дополнений. От человека она требует только усилий для ее познания, для соединения с нею. Пока этого не будет, Святую Русь мы не возродим. Но сегодня мы еще слишком сильно заряжены гордыней и своеволием, кстати, и приведшими Россию к революции 80 лет назад. И ведь до сих пор считаем: сами оступились, сами – без помощи Бога – и исправим. Нет, не исправим! И пока мы этого не осознаем – отеческий жезл скорбей, посланных Господом, будет преследовать нас, будучи орудием Всеблагого Промысла, заботящегося о нашем духовном прозрении.

А. П.: По христианскому вероучению грядет конец истории, Страшный суд, прекращение этой эры, исполненной грехов. Но до тех пор пока Страшный суд не состоялся, человечество, как и прежде, заботит судьба своей Родины, состояние ресурсов, институтов, воинства, школ, дорог, состояние умов. Люди думают о геополитике и о взаимоотношениях с соседями, и все наши чаяния замыкаются на благом устройстве своей Отчизны. Многие понимают сегодня, что стиль и характер жизни, связанные с современной земной цивилизацией, исчерпали себя. Эта цивилизация подходит к своему концу – где-то плавно, где-то жутко, катастрофично.

И грядет новая ситуация на земле, новый образ жизни, который пытаются предугадать, просчитать, а кое-кто даже и начать строить. Одни говорят о некоей экологической цивилизации, где всякая тварь, всякое растение будут жить в гармонии; другие рассуждают о сенсорной цивилизации, где отойдут на задний план стремления к материальному достатку и вступит в действие механизм познания религиозного, философского, рационального. Третьи имеют в виду новую суперинтегрированную землю с рациональным использованием остатков зем-

ных богатств, такой неосоциализм, такую фалангу всеземную, которая позволит сохранить всеобщий порядок.

Какой образ для России истинный? Может быть, образ XVII века, когда она была готова превратиться в единый монастырь, или Россия рубежа XIX–XX веков, когда наше царство начинало обретать черты земного, материального благополучия?

Какой бы Вам хотелось видеть Родину?

Митрополит ИОАНН: Для ответа на этот вопрос надо сначала разрешить известное человеческое недоумение: в чем смысл жизни? Любой идеал общественного устройства, любая форма гармонического сожительства людей на Земле возможна только тогда, когда люди живут осмысленно, понимая цель своего существования, и в соответствии с этим устроят свое бытие.

Церковь дает на это совершенно ясный и прямой ответ. Он, конечно же, не имеет ничего общего ни с какой «сенсорной цивилизацией». Он прост, но очень труден для восприятия современного человечества, безмерно осуетившегося и погрязшего в страстях тщеславия и гордыни. Смысл и цель человеческой жизни заключается в том, чтобы вернуть себе первозданное райское состояние чистоты и святости, когда сердце человека было недоступно злу и греху, состояние, в котором пребывали Адам и Ева после сотворения, в Эдеме. Главное – вернуть себе бесценное сокровище утерянного богообщения. Один из величайших православных святых – блаженный Августин сказал когда-то: «Для Себя создал нас Господь, и не успокоится сердце человеческое, доколе не обретет Его».

Взгляните: человечество постоянно мечется: воюет и пересматривает границы, разрушает и вновь созидает, стремится, само не зная куда. Эта неумная жажда лихорадочной деятельности, жажда новшеств проистекает оттого, что опустела святыня сердца. Душа человека создана как драгоценный сосуд для принятия даров Святого Духа. После грехопадения она их лишилась и теперь смертельно больна.

Так вот, Церковь – больница для души. И общество будет устроено здраво тогда, когда оно сделает все возможное, чтобы больница эта могла с наибольшей эффективностью, спокойно и мирно врачевать человеческие души.

Русская история знает, как для этого должна быть устроена государственная, общественная и хозяйственная жизнь страны и народа. Так, например, в России невозможно построение здоровой экономики на мировоззренческом основании «общества потребления». Это бессмысленно. Священное Писание учит: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и все остальное приложится вам» (Мф. 7, 33).

Нельзя строить хозяйственную жизнь России исходя из капиталистического принципа неограниченного воспроизводства товаров и услуг. Это абсурд. Господь сказал: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мф. 8, 36). Иная, чем сейчас, должна быть мировоззренческая основа у нашей жизни.

Все внешние блага в этом мире, данные человеку Богом, освящены и доступны к употреблению, в них нет ничего предосудительного, незаконного. Но мы должны ими пользоваться не для того, чтобы растлевать себя и окружающих, а для того чтобы, опираясь на благодатные свойства этого мира, которые Господь щедро в нем разлил, помочь своей душе восстановить себя в первоначальном состоянии божественной чистоты.

Когда говорят, что консерватизм Церкви может отбросить общество на 200–300 лет назад, – это глупость. На десять лет нельзя вернуться, не то что на триста. А вот восстановить в обществе ту древнюю духовную традицию, которой тысячу лет жила Россия, обязательно нужно. Религия предполагает связь человека с Богом. И так же как имеет свой долг перед Богом отдельная человеческая личность, так имеет свой определенный долг перед Ним и соборная личность русского народа.

Богу в неисповедимой премудрости Его было угодно верить истины веры для хранения и сбережения различным народам. Сперва они были вверены народу израильскому, но

он не удержал этих истин, оказался не соответствующим своему высокому призванию и после страшного преступления Богоубийства был отвержен, отстранен от святого служения.

Затем это служение перешло к другому народу, «народу Божию», – христианам, первоначально сосредоточенным в державном государственном теле Римской империи.

Но когда в XII веке Рим ввел недопустимые догматические новшества и отпал от вселенской полноты Православия, служение сие у него было также отнято и передано Византии (второму Риму). Она несла его на протяжении нескольких столетий, но в XV веке в результате мощнейшего военно-политического давления оказалась неспособной удержать должную чистоту и пошла на унию с католиками, то есть допустила искажение Божественного вероучения.

Тогда преемство хранителя Истины перешло к русскому православному государству, к русскому народу-богоносцу, понимаемому как соборная духовная общность. Мы должны постоянно сознавать всю ответственность нашего служения и, следуя ему во всем, построить жизнь в соответствии со своими религиозным долгом. Только тогда мы сумеем воссоздать Россию, нужную Богу, которая станет неким драгоценным ковчегом, хранящим в неприкосновенности и чистоте идеалы милосердия и любви, праведности и верности, щедрости и безгневия.

А. П.: Помню, в молодости я был пленен образом патриарха Никона, а в наших кружках были «старообрядцы», чьим кумиром был протопоп Аввакум. Я был ортодоксом, государственнымником, никонианином, часто бывал в Новом Иерусалиме, и вдруг меня осенило: Никон ждал второго пришествия Христова, он хотел превратить Россию в место, куда бы опустился Новый Иерусалим. Он полагал, что Второе пришествие просияет в России. Видно, большинство русских людей верили и ждали, что Христос придет на Русь, что будет именно русское Второе пришествие. И для того чтобы пригласить Христа на это место, был создан Новый Иерусалим, где на подмосковной топографии, среди подмосковных рощ,

реки Истры была воссоздана топонимика святых мест. Там были Иордан, Вифлеем, Голгофа, Фавор...

Меня поразила грандиозность этого замысла. По существу, Никон как бы изменил координаты Земли, пытаясь этим изменить космические координаты, перенеся смысл и центр истории в Москву.

Если я верно понял Вас, идеал будущей России должен сводиться к тому, чтобы уготовить через Россию место приходу Божью, сделать ее угодной Христу и в этом смысле каким-то образом приблизить образ Родины к Новому Иерусалиму, насколько это возможно в земной ипостаси...

Митрополит ИОАНН: Да нет, у Никона такой гордыни не было. Постройка Нового Иерусалима – это просто «материальное» закрепление того духовного факта, что Россия сознает и принимает свое богоносное служение. А о Втором пришествии излишне упрощенно рассуждать ни в коем случае нельзя. События этого должно ожидать с благоговейным страхом и душевным трепетом.

Если в первый раз Спаситель пришел «во зраке рабьем», чтобы послужить людям, то Второе пришествие Его будет «в силе и славе», чтобы судить нас по делам нашим. И никому не надо будет спрашивать: «Где Христос?» Он будет явлен всем, «яко молния, блеснувшая от Востока и до Запада».

Когда православных подвижников вопрошали, как узнать антихриста, они зачастую отвечали так: «Сыне, если ты услышишь, что куда-либо пришел Христос, то знай, что это – антихрист», потому что когда Господь действительно придет, это мгновенно поймут все, ибо сие будет пришествие царя и владыки Вселенной, Творца всего сущего, бесконечного в совершенствах Своих и премудрости Своей.

Что касается образов духовных, тут все тоже достаточно ясно и просто: Россия как вселенская хранительница и защитница Святого Православия есть «подножие Престола Господня». Это понимание зрело в русском религиозном самосознании на протяжении многих веков, а наиболее четко его сформулировал перед самой революцией наш великий

святой – всероссийский праведник и молитвенник отец Иоанн Кронштадтский. «Родиться русским, – говорил он, – есть дар определенного служения. Ведь в Церкви нет национальностей, “несть эллин и иудей”»; она различает людей только по служениям. Есть служение царское, есть патриаршее, есть монашеское, есть служение мирян».

Так вот, русское служение, одновременно жертвенное и героическое, высокое и скорбное, общечеловеческое и вселенское, в том, чтобы до конца времен стоять преградой на пути зла, рвущегося к всемирной власти, стоять насмерть, защищая собой Божественные истины и спасительные святыни веры.

Доколе мы помним об этом, жива Святая Русь, неодолима и страшна врагам нашим и Божиим! А за верность долгу и понесенные труды воздаст Господь воинам Своим воздаянием великим и вечным, всех благ которого не может вместить ныне жалкое человеческое воображение.

Март 1994 г.

«Слава России!»

*(Диалог Александра Проханова
и Александра Баркашова)*

Александр ПРОХАНОВ: Два истекших года представляются мне как бы целостным, законченным периодом: политическим, духовным, может быть, даже духовно-религиозным. Особенно четко видно, когда это время оборвалось: там, на набережной Москвы-реки, этим пожаром, этой бойней...

И я, как писатель, как романист, ощущал, что сама русская история пишет какой-то роман. Через мою редакцию проходили удивительные люди, развивались их характеры, внутренние отношения. Эти отношения превращались в дружбу, конфликты, вражду, потом опять люди сходились. Через наш патриотический мир или собор проходили военные, священники, политики, художники, писатели. И вся череда событий

свивалась в какой-то жгут, в какую-то фабулу, в какой-то увлекательно-страшный, мистический роман, который должен был иметь свой фокус и свою развязку. И я ожидал ее, повторяю, не как политик, а как интуитивист. Я ожидал, что этот роман должен был закончиться трагически: кровью, бедой, стоицизмом, каким-то взрывом светоносной энергии.

И в сентябрьско-октябрьские дни, когда я был закручен в газетный процесс и в политику, во встречи и интриги, в борьбу, мне не удавалось до конца схватить, понять эти события в Доме Советов. И наша там встреча, мимолетная, как в тумане, когда я вошел в комнату и Вы сидели, усталый, после бессонной ночи, и мимолетные встречи с Ачаловым, с Руцким, с нашими друзьями-политиками, со Стерлиговым, со шпионами, с диверсантами – все это до сих пор для меня какой-то неразгаданный, неразпутанный ком.

И мне очень важно узнать от Вас, как действовали, как жили, как ощущали себя в этих лабиринтах Белого дома и ваше движение, и Вы лично. Что Вы оттуда вынесли, как Вы понимали этот процесс?

Александр БАРКАШОВ: События, которые у нас происходят, безусловно носят метафизический характер. Стараться примериться к ним, оценить с точки зрения политической выгоды почти бессмысленно. Многие, к сожалению, до сих пор этого не поняли и пытаются делать политические расчеты, прогнозы – все для того, чтобы вовремя занять ту или иную сторону и не прогадать. И вот уже время показало, что те, кто руководствовался этим политическим расчетом, по большому счету проиграли. А те, кто руководствовался именно интуитивным чувством, как мне кажется, политически выиграли, хотя, быть может, к этому и не стремились. И тот жгут, о котором Вы сказали, сплетался не из политического расчета. Я тогда тоже со многими общался. Со Стерлиговым достаточно близко работал и с другими...

И вот поиски политических альянсов приносили удовлетворение. Было внутреннее чувство, не только у меня, но и у моих соратников, что некая историческая мистерия

происходит в России и нужно искать друзей, стратегических союзников именно в том мистическом духе, которым пронизывалось это событие.

В Белый дом мы пришли, конечно, не из политического расчета. Просто были конкретные люди, с которыми у нас сложились дружеские отношения, которые приблизительно так же принимали эту ситуацию и пытались в ней участвовать, чтобы дать свое направление развитию событий. Помню Ваши слова, Вы тогда сказали за столом, когда сидели у Ачалова: «Это еще не наш праздник, не наш бой». Да, это был еще не наш бой, нам бы он, скажем, окончательной политической победы не принес. Но мы должны были попытаться повлиять на события так, чтобы рано или поздно пришел наш черед, наш час, наше время. У нас был свой взгляд, свои намерения, которые, может быть, отличались от намерений других. Но мы не могли не участвовать, именно поэтому и пришли в Белый дом. В принципе мы могли уйти, поступить как-то по-другому даже в последний момент, но, понимая, что происходит мистическое событие, остались там до конца. Если же говорить о политической подоплеке, мы тоже предчувствовали развязку. Но ведь она, с одной стороны, развязка предыдущего этапа, а с другой – завязка этапа нового. Так ведь?

Еще в марте, когда у меня брали интервью всякие московские мозгомольцы: «А как вы относитесь?..», «На чьей стороне вы будете?», мы тогда уже сказали, что будем на стороне тех, кто поднимает вопрос о целостности государства, отстаивании национальных интересов, вопросы русского народа. Поскольку это сделал Верховный Совет, конкретно Хасбулатов, который открыто заявил о проблемах русского народа, тот же Руцкой, мы, конечно, встали на их сторону. Мы сказали, что наша поддержка будет любой: от моральной до физической. Ну а потом лично я очень уважаю генерала Ачалова, у нас достаточно тесные дружеские отношения, уважаю его как русского человека, как генерала, как человека принципиального.

А. П.: Какое у Вас самое сильное душевное переживание во время всех этих событий?

А. Б.: Знаете, их было два.

Первое – 3 октября, когда люди прорвались к Белому дому. Ведь во время всего этого противостояния с 21 сентября, когда парламент объявил себя защитником интересов народа, государственности, противником тех, кто его разваливает, он, естественно, хотел привлечь на свою сторону большие массы людей. Психология масс уже в принципе воспринимала идею государственности, национальных интересов. И вот 3 октября эти люди пришли. Я оценил их количество в 100 тысяч. Потом, разговаривая с иностранными журналистами, у которых глаз больше наметан, узнал, что пришли 500 тысяч человек. Вы видели сами: это были не люмпены, как нам внушали, а цвет Москвы, в основном молодежь от 17 до 25 и зрелые мужчины от 35 лет и старше. Светлые, чистые лица, искаженные, конечно, немного эмоциями и азартом борьбы, но, повторяю, это был цвет Москвы. Рабочие, офицеры – все те, кто составляют основу государства.

Вот они пришли, эти полмиллиона, а парламент, ждавший их, и лидеры этого противостояния не сумели организовать действия пришедших к ним на помощь. С одной стороны, они этого хотели, а с другой – оказались не готовы. 3 октября, когда все это произошло столь неорганизованно и сумбурно, было видно, что у кого-то много личных амбиций, каких-то своих расчетов, в то же время люди, пришедшие на выручку, были соединены общим чувством поддержки. И вот эта, скажем, неидентичность тех, кто призвал, и тех, кто пришел, особенно бросалась в глаза. В принципе ситуацию можно было контролировать и многое повернуть по-другому. Тогда вот и пришло даже не разочарование, а переживание очень сильное, что так получилось.

А второе – 4 октября, когда часов в 12 дня мы поняли, что нам живыми оттуда не выйти. И я очень волновался за своих людей. Они были так же обречены, как и все, кто был в Верховном Совете, но их привел именно я, поэтому на мне

лежала ответственность за них. За семью, конечно, тоже переживал. Но потом как-то подумалось, что война есть война, без потерь не бывает.

Эти были два самых сильных переживания в тот период.

А. П.: После этого физического поражения, потому что, я полагаю, духовно, нравственно мы не проиграли, а выиграли, оказались сильнее, выше, благороднее, и подвижники были среди нас, а не среди «витязей», омовцев и бейтаровцев... – после этого наступила страшная десятидневка. У меня было ощущение, что Москва какая-то черная, липкая, ее отдали на изнасилование. И это было сделано по самым жестоким законам застенка. Насиловали нацию, насиловали народ на весь следующий период, то есть вытаскивали самое жуткое, что есть в человеке, – страх, животный страх, социальный страх.

Помню, как ужасно было узнавать, что Анпилов взят, не сумел спрятаться, несмотря на то что представлял одну из самых конспирированных организаций. Значит, нет этой конспирации, нет организации, а есть беззащитность, беспомощность...

Взяли Константинова, несмотря на то, что, казалось бы, Сам Бог велел ему сидеть в надежном доме, не выходить никуда. Но какая-то сила – либо инфантильность, либо безумие, либо тревога и беспомощность – вытолкнули его на улицу, и он был тут же взят.

И я помню, как все спрашивали: «А Баркашов? А Баркашов?» Нет, Баркашов не взят, Баркашов сидит в лесах, Баркашов уцелел. То, что Баркашов оставался на свободе все эти дни, внушало радость, надежду, что все-таки он пройдет сквозь этот период гонений, останется у руля своего движения. Потом эта жуткая весть о том, что на Вас совершено покушение, что Вас обстреляли, ранили и Вы оказались в руках насильников. Ведь что может быть ужаснее, когда раненый, беспомощный человек оказывается среди палачей, среди врагов? Кровью сердце обливалось.

Расскажите обо всем этом казусе, вокруг которого ходит столько легенд, версий всевозможных. Прежде всего, как это произошло?

А. Б.: Все было близко к тому, как это рассказано в газетах. Я по своим делам шел ночью: бывают такие дела, когда нужно идти одному, и из проходящего автомобиля в меня выстрелили. Сколько раз – не могу сказать: три, два, один раз... Выстрелов не слышал. Просто почувствовал тупой удар по ноге и через несколько секунд понял, что ранен. А машина, не сбавляя скорости, скрылась. Это случилось вблизи Красногорского военного госпиталя, и попутная машина доставила меня туда. Поскольку состояние было тяжелое, меня тут же приняли. Там я оказался в окружении честных людей, добросовестно сделавших свое дело.

В круг же своих противников я попал через десять дней, когда информация как-то просочилась. Они меня уже искали. Видимо, приблизительно знали, где искать, потому что иначе не объяснишь – я был достаточно законспирирован в этом госпитале: под чужой фамилией, с чужими документами...

Период, когда я лежал в госпитале, был тяжелым только физически, потому что ко мне там относились очень хорошо. А когда я попал в Министерство внутренних дел, затем в «Матросскую тишину», было уже тяжело и морально, но я пришел к выводу, что везде есть люди, разделяющие наши взгляды, и что нормальных, хороших людей гораздо больше, чем плохих, везде, даже там.

А. П.: А как Вы сами объясняете выстрел, что это могло быть? Охота «Бейгара», МВД? Случай, казус?

А. Б.: Трудно сказать. Обычно армии, захватившей чужой город, давали на его разграбление три дня, а здесь – трижды три, поскольку Москву отдали на десять дней. Тогда по нашим каналам мы получили информацию из МВД, что существует негласная директива относительно ряда лиц, находившихся в розыске, при аресте не брать живыми: имитировать сопротивление при задержании или попытку к бег-

ству. Поэтому мы очень осторожно себя вели в этот период, потом стали поактивнее, может, где-то и расслабились, лично я расслабился.

Считаю, что сам дал повод: долго дома не был, думал – поеду. Здесь они меня и зацепили: стояло наружное наблюдение. А кто стоял: МВД, милиция, «Бейтар» – на машинах не написано. До этого я был вне контроля. А почему они именно так поступили, не знаю. Почему не арестовали, а выстрелили? Может, хотели убить, а может, сначала ранить, потом с меньшими проблемами взять – я не могу судить. Кто это был – тоже не знаю. Но у меня сложилось впечатление, что это все-таки спецподразделение МВД.

А. П.: На протяжении трех последних лет после 1991 года меня не покидает ощущение того, что помимо борьбы идей, интриг, политических потенциалов идет борьба двух каких-то начал. И может, мы назвали «газетой духовной оппозиции» не столько потому, что у нас нет танковых армий и воздушных подразделений, нет своего спецназа, сколько потому, что мы отчетливо понимали, что победа, если мы ее достигнем, должна совершиться в области духа, как бы на небесах. А небеса бывают и в душе, и в сердце – повсюду. И какой дух окажется сильнее: дух тьмы, дух преисподней, дух вселенского лукавства или дух стоицизма, дух света, дух извечных благодных фаворских целей и состояний...

И мы помним, как в те страшные дни уныния, тьмы, сопротивления, когда, казалось, даже негнибаемые люди струсили, прошедшие войны, Афганистан, вдруг исчезли, другие превратились в робких красных девиц, когда случились истерики, прозвучало Ваше слово, Ваше вот это выражение «поле чести» – послание, которое Вы направили в публику.

Когда я его прочитал, пережил много высоких и светлых минут. Об этом же мне говорил мой друг Невзоров. Александр Глебович тоже был восхищен Вашим посланием. Оно прозвучало как бы с дыбы, с креста, с операционного стола, из застенка, в минуты, когда человек должен молчать, должен стонать, должен стенать. Это было проявление духовное, это был удар

света сквозь стену «Матросской тишины», и многие восприняли его именно как свидетельство духовной победы.

Думаю, там, в тюрьме, Вы не просто физически страдали, не только печалились о доме и своих товарищах, но у Вас наверняка были какие-то мистические состояния. Повторяю: сквозь эти краткие слова Вашего послания на меня брызнула мистическая светлая энергия. Были эти состояния или, может, я ошибаюсь?

А. Б.: Не ошибаетесь. Как раз в «Матросской тишине» возникла убежденность в том, что та самая духовная победа на небесах, о которой Вы говорите, уже одержана. Этому способствовали, быть может, мой психологический настрой и то, что была определенная аскеза, очищение духа и тела, поскольку я почти ничего не ел, был истощен. А в таком состоянии дух возобладает над плотью, открываются какие-то мистические горизонты. Я тогда много молился – очень усердно, от души, и вот возникло состояние убежденности, что мы победили. Особенно оно укрепилось в середине февраля, что в духе мы уже выиграли, осталось только все реализовать в физическом плане. Это, как мне кажется, будет тяжело, но не настолько, как было раньше.

И вот то, что сегодня происходит в стане наших врагов, можно, конечно, анализировать и преподносить так и этак. На самом же деле они тоже интуитивно, по-животному чувствуют, что проиграли духовную битву. Вот они и заматались, как крысы.

Совершенно с Вами согласен: борьба добра со злом происходит всегда, но в 1991–1993 годах она выплеснулась на политическом уровне. Только так можно расценивать ситуацию. А раз так, мы стоим за добро, а не за зло, добро в абсолютном проявлении. Время срывает маски, и что бы наши противники ни говорили, какими бы ценностями ни прикрывались, по ним видно – бесы. И мы должны их победить. Политическим, любым другим способом, но должны.

А. П.: В конечном счете все, что нами движет, – это забота о состоянии собственной души, искупление какого-то

греха, может быть, первородного, может, греха несправедно прожитой жизни, и в то же время – тревога и радование о народе. Причем помышление о народе, частью которого каждый из нас себя чувствует, и помышление о своей сущности, духовной природе сливаются, часто бывают нераздельны. Сегодня о народе одни говорят: «Спит», другие: «Спивается», третьи: «Изменил своей миссии, превратился в народстязатель, народ-ростовщик». На самом деле он по своему внутреннему существу – по своей тайне, по своей нежности, наивности, по своей целомудренности напоминает спящего витязя, который накрылся плащаницей, накрылся плащом. Этот покров может казаться страшным, отвратительным рубищем или сшитым из чужеземных тканей на чужеземный манер, но под ним дышит все та же вечная, загадочная, родная и милая грудь спящего огромного существа – нашего народа. И ему снится сейчас какой-то сон. Причем это и мой сон, мне этот сон тоже снится.

А. Б.: Он всем снится.

А. П.: Да, всем. Этот сон о каком-то великом воспоминании, где много прекрасных таинственных состояний, идущих от чистых рек, от волхвов, бредущих по этим рекам, от первых дивных православных храмов, белоснежно стоящих на зеленых горах, от каких-то удивительно мудрых и добрых старцев, наполовину, может быть, колдунов, а наполовину первохристиан. Это одна часть сна, связанная с прошлым, мистическим и загадочным, о котором даже в сказках не прочитаешь.

Другая часть сна связана с грядущим. Снится такое же ослепительное, светоносное, прекрасное будущее. Причем оно уже оформлено не в архаике, а в символах какого-то огромного дома, собора, храма, земли, покрытой цветущими городами, дорогами, где живут любимые тобою люди, невесты, дети, родные, праведники. Страна наша превращена в какой-то удивительный чертог, ухоженный нашими трудами. Такое ощущение грядущей нашей правды и нашего воплощения, может быть, очень личное и субъективное.

Не бывает ли у Вас подобных ощущений? Что Вы, если Вы меня понимаете, чувствуете?

А. Б.: Я Вас прекрасно понимаю. Обращение к прошлому присуще сегодня многим русским людям. Это память души, пробуждение архетипа, которое происходит у народа на каком-то этапе, в нужный момент. И с ним же связан сон о будущем, потому что ему предстоит сделать прорыв в будущее через все то, что его окружает. Причем это прозрение происходит тогда, когда, кажется, уже некуда идти, все связано какими-то надуманными правилами, отмечено обстоятельствами. И именно в этот момент возникает видение прошлого и будущего. Подобное переживают сегодня многие.

Наш народ находится на каком-то рубеже, когда ему предстоит сделать прорыв, отбросив все обстоятельства, все навязанные ему условности. И с этим предстоящим великим делом связано то, что до сих пор наш народ молчал. Ведь, казалось бы, даже демократические политики удивляются: «Сколько же русское быдло можно не кормить, не поить и унижать! Ведь где-нибудь в Сальвадоре давно бы уже восстали, и не один раз, а русский терпит?» А все потому, что не социальный фактор будет главным в этом свершении. Он, может быть, только подтолкнет, даст начало движению, но прорыв будет именно в мистической, духовной сфере.

Наш народ – необыкновенный. Ему предстоит великое будущее, такое же, как его великое прошлое. И поэтому на определенном рубеже политики уже не смогут влиять на общий курс, как бы они ни захотели, не смогут спекулировать на конъюнктуре, направлять движение – от них ничего не будет зависеть. Это будет взрыв народного мистицизма, который даст энергию для строительства государства. И будет прорыв в будущее.

То, что уже у многих это ощущение есть, прекрасно. Значит, мы находимся на этом рубеже, мы уже близки к нему. Кстати, если говорить о мистике, в этом году православная Пасха совпадает с Вальпургиевой ночью, когда совершаются все самые сильные оккультные магические операции. Это тоже

говорит о том, что год особенно мистичен в смысле противоборства добра и зла и будет решающим...

А. П.: И тем не менее мы с Вами не только православные мистики, не только схимники или подвижники, мы политики и знаем, что такое политическая организация, озабочены проблемой создания мощных патриотических движений. Я вспоминаю осаду Дома писателей в 1991 году. И Вы там были... С тех пор были предприняты довольно энергичные попытки создать крупную патриотическую националистическую партию, правую партию, партию белой идеи. И эти усилия по сей день ничем не увенчались. Есть множество небольших, очень привлекательных по своему составу и по идеологии движений, инициатив, групп, не только московских, но и провинциальных, была попытка объединения всех этих сил сначала в «Память», затем в Славянский собор, затем в Русский национальный собор, во Фронт национального спасения, конгресс... И мы все еще не сложились в правую здоровую консервативную партию, охватывающую нацию.

В чем, по-вашему, помехи на пути создания такой партии? Следствие социального фактора, когда очень трудно на распадающемся социуме строить стойкий политический организм, или это результат какого-то психического смятения нации в целом? А может, наш народ просто не предрасположен к тому, чтобы сложиться в партию традиционного типа? У народа другие формы коллективного самоуправления?

А. Б.: Прежде всего я бы отметил, что такая партия должна иметь мощную базу в наиболее социально организованных группах общества. Это не должен быть круг, скажем, интеллигентов и «политиков», собравшихся и решивших, что нужно делать, проголосовавших, выбравших руководство – и на этом все кончилось. Ведь главный фактор реализации идеи, декларируемой Конгрессом патриотических сил, Русским собором или ФНС, – русские люди, которые находятся в разных социальных группах и имеют разные условия существования.

Чтобы партия стала массовой, популярной, дееспособной, нужно прежде всего создать идеологию, затем пер-

вичную организационную структуру, при помощи которой внедрить эту идеологию, наконец нарастить организацию в политически перспективных социальных группах. На данном этапе это, конечно, многочисленные группы, малообеспеченные, подверженные трудностям в связи с происходящим процессом и спаянные по социальному признаку. Считаю, что это прежде всего военные, рабочие и молодежь. Нужно искать поддержку там.

Неудача, постигшая все попытки объединиться в единую партию, возможно, объясняется тем, что объективно эти социальные группы еще не были предрасположены воспринять предложенные идеи. Симпатизируя им, они не были доведены до такого состояния, чтобы по-настоящему принять их, усвоить и затем закрепить в виде создания организаций. Сейчас, как мне кажется, они для этого созрели.

Я участвовал во многих съездах, знаю этот шаблонный путь: собрать, продекларировать. И личные амбиции: кто будет сидеть в президиуме, кто будет заниматься этим, кто тем, – все распределили, и уже через две недели работа затихает. Почему-то всегда путается первостепенное с второстепенным. Первостепенное – нужно подготовить почву, внедрить программу, идеологию, создать социальную базу, а потом уже как завершающий этап, как итог достигнутого – съезд.

А у нас шло от обратного: сначала съезд – вот мы провозгласим, заявим, сделаем рекламу, о нас все узнают и к нам побегут – и сразу будет организация. Я всегда пытался объяснить, что съезд, конференция – это завершающий этап работы. Но было наоборот.

Многие, принимавшие участие в съездах, не совсем искренне верили руководству. Отсюда все эти конфликты и амбиции. Ведь затевать серьезное дело с людьми, у которых не та мотивация, которые, скажем, лукавят, не имеет смысла – это заранее обрекает всех на поражение.

Сейчас, быть может, пришло время национального движения. Мы уже друг друга увидели, тех, кто действительно искренен, дееспособен, резонирует с нами душой... Тогда

этого еще не было. Тогда мы не могли во всем разобраться без проб и ошибок...

А. П.: Я, как и Вы, ношу на себе ярлык фашиста. И мои друзья, моя газета – мы как бы демонизированы этим термином. Сам по себе он ни хорош и ни плох. Я по существу до сих пор даже не знаю, что такое фашизм. Есть несколько разновидностей политических режимов, политических тенденций, которые относят к этому типу. Одни из них так и остались теоретическими, как, скажем, харбинский вариант русского фашизма, другие, например итальянский вариант, остались в тени более могучего европейского национал-социалистического движения, с которым ассоциируются все негативные аспекты фашизма. Скажем, латиноамериканские варианты, тоже называемые фашизмом, вообще экзотические и абсолютно не годятся для русской почвы...

А. Б.: Если разобраться, выпячиваются моменты, носящие негативную окраску, а про позитивный фашизм, про Аргентину например, все молчат...

А. П.: Про Аргентину молчат, про Бразилию – тоже. Про американский послевоенный период, обеспечивший стабильность, черты которого были очень близки к фашистским компонентам, молчат...

После событий сентября–октября Ельцин установил, казалось бы, «новый русский порядок». Ему кажется, что он его установил и теперь хозяин последующего периода русской истории. На самом деле Ельцин принадлежит постсоветскому периоду и уже кончился, даже если и будет царствовать еще два или три года. Ельцин как политическая фигура завершен, он как бы протух, его нет, и на поверхность выдвигаются те, кто хочет взять после него власть.

Для меня такая мрачная фигура, олицетворяющая очень угрюмые, жесткие стороны нашей истории, – Лужков с его московской группировкой, с его банками, в которых сконцентрировано 70 процентов всех капиталов России, контролируемых им через коммерческие и экономические структуры. «Мост» –

главный из них. Мост куда – в преисподнюю или на Манхеттен? Все, что связано с «Мостом», покрыто загадочностью и, казалось бы, криминальной тайной.

Лужков – это бандформирования, прекрасно экипированные: многие из них стреляли в нас 3 и 4 октября, беспощадные и жестокие, прекрасно устроенные, расквартированные в Москве. Лужков – это мгновенно создаваемая партия, партия «большинства», обеспечивающая себе политическую инфраструктуру. Лужков – это влияние на высшие эшелоны армии, во многом коррумпированные и разложившиеся и тоже являющие собой полумафиозные организмы, слившиеся с подобными гражданскими структурами. Лужков, что самое опасное, – это господин, предстоящий перед образами со свечой в руке. Лужков – это господин, жертвующий миллиарды на русское земское движение, поддерживающий и спасающий нищих писателей и художников провинции...

Для меня эти группировки, жаждущие стать господствующими в России, – синоним всего самого негативного, жестокого, беспощадного, окрашенного, как ни странно, этнической национальной идеей. Вот где фашизм, вот где реальные зло и беда...

Ваше же движение наряду с другими небольшими националистическими хорошо организованными структурами представляется мне скорее орденом каким-то, может быть, полувоенным-полумонашеским, орденом света православного, и в ваших действиях, поступках политического ровно столько, сколько религиозного и духовного. Как бы Вы сами охарактеризовали свое движение и ту фазу, которую оно сейчас проходит?

А. Б.: Если говорить о лужковских криминальных формированиях, определенную опасность они представляют. Но сам Лужков, относящийся, как и Ельцин, к постсоветскому, горбачевскому периоду, – фигура тоже протухшая. Другое дело, что они могут выдвинуть кого-нибудь менее замазанного, потому как будут подстраиваться под перспективные с

точки зрения настроения масс тенденции. Они это делают нарочито, без того внутреннего состояния, что у масс, и последние их не воспримут. Если же они попытаются подключиться к мощным коллективным энергиям – просто сгорят. Это то же самое, что воткнуть телефон в розетку, где 220 вольт. Хорошее техническое оснащение дает им пока тактический перевес. Но когда произойдет созревание этих энергий, они, мне кажется, будут бессильны.

Можно еще раз одурачить уже одураченный народ, дать ему очередные обещания. Но когда в народе просыпается тот самый архетип, о котором мы говорили, когда народ себя осознает, когда возникает общность индивидуальных энергий, превращающихся в коллективную, они уже не смогут ни обмануть, ни победить, ни управлять. Они будут обречены, как бы ни пытались цепляться за власть. Да, обидно расставаться с наворованными миллиардами, «мерседесами», дачами. Обидно садиться на скамью подсудимых. И страшно. Но это неизбежно. Просматривая события через мистическую призму, мы их не боимся, хотя политически и технически нам еще придется с ними жестко бороться.

Сейчас, если говорить о нынешнем состоянии нашей организации, мы переживаем период, когда ее твердое ядро превращается в широкое политическое движение. Мы почувствовали готовность социальных групп к принятию нашей идеологии. Мы уже имеем организаторские навыки, имеем нужное количество организаторов, чтобы быстро превратиться в массовое движение. Но мы хотим, чтобы это движение не было простой декорацией разового использования, чтобы оно было политически подвижным, достаточно организованным, с достаточно высокой дисциплиной...

А. П.: И в заключение – о Вашем здоровье. Как нога? Я смотрю, как не свойственно Вам держать эти костыли. Когда физически Вы восстановитесь?

А. Б.: Александр Андреевич, Вашими молитвами... И нашими тоже. В общем, все нормально.

* * *

24 марта с.г. состоялась встреча председателя Совета РНЕ А. Баркашова с председателем КСПР А. Алексеевым, где обсуждалась перспектива формирования национально-социального движения, ставящего своей целью внесение русской национальной идеи в рабочее движение России, их слияние. Результатом встречи стала декларация-соглашение, которая в сокращенном виде приводится ниже.

Русское национальное единство (РНЕ) и Конфедерация свободных профсоюзов России (КСПР) считают, что в настоящее время в России в результате антигосударственной, антинародной, антинациональной политики правящего режима создалась критическая ситуация: разрушение России вот-вот достигнет черты, за которой потенциал нашей экономики окажется ниже уровня, необходимого даже для начала индустриализации.

Модель реформ, предложенных и внедренных МВФ, явилась главным фактором дезорганизации российской экономики, роста политической, национальной, социальной и конфессиональной напряженности...

В условиях ослабления федеральной власти, разрыва экономического пространства и государственной системы управления антинациональными силами поставлены под контроль целые регионы, в первую очередь богатые нефтью, газом, драгоценными металлами, углем и другим стратегическим товаром, дающим сверхприбыли.

Русские рабочие являются самой многочисленной социальной группой России; на их труде основывается благосостояние всей нации в государстве. Рабочие – самая сплоченная, организованная и активная часть народов России. В настоящее время только они, взяв в свои руки организацию и защиту производства, могут приостановить экономический хаос, царящий в нашей стране.

Остановить экономическую диверсию против России можно, лишь осознав себя единой нацией, понимая, что непримиримая классовая борьба работодателей и людей наемного труда есть изуверская марксистско-сионистская выдумка.

Интересы работодателей и рабочих не должны сталкиваться в такой борьбе. Напротив, они должны способствовать развитию производства на основе общенациональных интересов.

Социальное движение – это живое братство людей, и поэтому оно становится основой и духовной жизни, установленной Господом. Социальность есть состояние духа.

Режим страха, коррупции, подкупа и насилия никогда не будет социальным.

Социальность есть цель и задача государственного строя и завещана нам Евангелием как любовь к ближнему, основанная на любви к Богу.

На основании всего вышеказанного РНЕ и КСПР заявляют о формировании национально-социального движения, ставящего своей целью внесение русской национальной идеи в рабочее движение России.

СЛАВА РОССИИ!

Март 1994 г.

«Не покоримся!»

*(Диалог Александра Проханова
и Виктора Анпилова)*

Александр ПРОХАНОВ: Один из наших товарищей-литераторов, оценивая сегодняшних реальных оппозиционеров, политиков, вождей, назвал Вас русским Че Геварой. Скорей всего потому, что Ваше политическое поведение, Ваш революционный романтизм, Ваша жертвенность, пристрастие к митингам, шествиям, обращенность к стихии человеческих масс делают Вас близким по психологии, по практике, может,

даже по судьбе к революционерам 60-х годов, которых воспевали Маркузе, Сартр, говоря о внутреннем, экзистенциальном состоянии души народа, кидающем его против системы, ломающем самые жестокие преграды этой системы.

Я отчасти соглашаюсь с такой оценкой Вашей личности. Пожалуй, никто из сегодняшних лидеров так не выстрадал право заниматься политикой, как Вы. Ваши идеи, Ваша популярность, Ваши мегафонные призывы и речи на митингах оплачены побоями, сопряжены с насилием, страшным риском, которым Вы подвергаетесь всегда. Вас несколько раз избивали после демонстраций, в трагические первомайские дни прошлого года Вас захватили и пытали в темнице, а 6 октября Вы попали уже в лапы охраны, Вас посадили в тюрьму... То есть все, что Вы проповедуете, – это не просто идеология, не просто крик души, это мученическая, может быть, судьба.

Я хотел бы сначала попросить Вас рассказать несколько подробнее о первомайских событиях – как это все было, что Вы пережили, что там чувствовали, а потом о Ваших муках тюремных в «Лефортово». Читатели мало знают о подробностях. Они видят лицо, слышат заявления, а детали, живые подробности происходящего часто ускользают от них.

Виктор АНПИЛОВ: Любые обобщения всегда немного страдают поверхностностью. Да, есть мегафоны, стихия, митинги, но, на мой взгляд, это только часть правды, как и то, что я действительно уважаю Эрнесто Че Гевару. Не потому, что я был в Латинской Америке или, скажем, увлекался дневником Че Гевары, написанным в Боливии, а просто это был замечательный, честнейший человек.

Однажды в Гаване я посетил фабрику по производству сажи. На ее территории в силу технологического процесса каждый сразу превращался из белого человека в черного, потому что везде была сажа. Че Гевары не было в живых уже 15 лет, а рабочие этой фабрики все еще помнили, что, учитывая важность этого небольшого предприятия для производства шин, раз в квартал он обязательно приезжал к ним

на субботник. Вместе со всеми работал, разгружал эту сажу. Че Гевара работал и в трюмах кораблей, и в других местах. Будучи министром промышленности Кубы, а также президентом национального банка, он все равно находил время работать плечом к плечу с простыми людьми, встречаться с ними. Есть в этом что-то святое для меня: он не отрывался от народа, он был частью его.

Поэтому, когда меня сравнивают с Че Геварой или с какими-то другими фигурами, позволю себе заметить, что я прежде всего часть народа, я песчинка его. И я не могу не выражать те чаяния, которые сейчас возникают в самой гуще моего народа. Это так, потому что я родился в обычной крестьянской семье, это было, если хотите, самое сокровенное, самое чистое в моей жизни. Меня воспитывали не только мама и отец, который вернулся с войны без руки, инвалидом, и которому, как только стал на ноги, мы все помогали. Он обжигал керамику – горшки, как мы говорим. Воспитание было и другое. Я помню многих наших соседей, помню Марию Степановну, старушку, которая говорила: «Не рви зеленые груши – когда поспеют, я тебе сама дам». И она приносила их, спелые и вкусные...

Не хочу сказать, что меня воспитал народ. Но я всегда ощущал себя частью его и впитывал лучшее, что есть в человечестве. Это и Че Гевара, и Коперник, если хотите, и Гарсия Маркес, и все огромное достояние из вселенского опыта, что накопил наш народ. Все это никогда не может олицетворяться какой-нибудь одной, даже выдающейся личностью, народ всегда более значим.

На каких-то этапах истории народ как бы выталкивает из себя людей, выражающих его чаяния, и я счастлив, что такое, возможно, случилось со мной. Но повторяю: без того вселенского понятия добра, которое аккумулирует наш народ, Виктор Анпилов невозможен, прошу это учесть. Сам я вовсе не стихия, нет, это глубинная вещь, и за каждым митингом стоит организация, тяжелая кропотливейшая работа. Но я – часть народной стихии, и отсюда во многом ненависть

ко мне. Потому что если бы можно было, скажем, народ купить, они купили бы и Анпилова. Если бы можно было его запугать – запугали бы и Анпилова...

С тем насилием, о котором Вы говорите, мы познакомились еще в декабре 1991 года, когда собрались у Спасской башни, требуя освобождения Парфенова. На глазах у людей по приказу Довжука меня схватило отделение ОМОНа. Я впервые тогда понял, что меняется строй, меняется все привычное, советское. Меня бросили на пол автобуса, сверху взгромодились здоровенные детины и прыгали, уминали. Вот когда мою грудную клетку раздавливал полицейский зад, у меня и возникло сравнение, что это и есть общество, как они говорят, с «общечеловеческими ценностями», куда меня тащат Горбачев, Ельцин, Маргарет Тэтчер, Рейган и Коль – нет им числа. Это ИХ общество, а я такого общества не хочу!

Все доказывает, что власти Москвы, и не только, 1 Мая нарушили ряд законов и Конституцию, прежде всего свободу уличных шествий и манифестаций. Кроме того, действия властей с самого начала носили провокационный характер.

Лужков задержал ответ на наше уведомление об уличном шествии. Ответ нам положено было дать за 5 дней, может, даже и не отказ, а предложение нам другого маршрута... Но он ведь дал его только 29 апреля во второй половине дня, когда до 1 Мая оставался один день. Мы сразу же обратились в Верховный Совет, назвав это провокацией. Она была рассчитана на то, чтобы после якобы «победоносного» для Ельцина референдума в апреле уничтожить оппозицию.

Вся моя линия поведения строилась с учетом этой опасности. Когда я сказал: «Уходим от центра!», мне многие кричали: «Анпилов – провокатор, не уходим, идемте к центру!» Надо было убедить людей, надо было отдать им сердце, чтобы они ушли. Мы уходили, а нас догнали, потому что им нужна была кровь. Они жаждали этой крови!..

И после 1 Мая пришло 9 Мая, и народ после таких событий объективно должен был выйти на улицы. И в этот момент, чтобы спровоцировать беспорядки, понадобилось вы-

красть Анпилова. В «Лефортово» я много думал о том случае, и, конечно, там было страшнее, потому что каждую минуту вы ждете смерти. У вас завязаны глаза, вы беспомощны, у вас руки за спиной в наручниках. Нет ничего хуже для человека, чем ощущение своей ничтожности, беспомощности. Вы не можете сопротивляться, бесполезно что-то кричать – у вас кляп во рту. Да и что кричать? Особенно резануло по сердцу, может быть, последнее – запахи леса, моего русского леса, когда меня вытащили из «рафика». Вдруг поразила мысль, что я в последний раз дышу этим воздухом.

К счастью, те, кто организовал мое похищение и зверское обращение со мной, были трусами, и когда демонстрация 9 Мая состоялась, когда вышли сотни тысяч людей и все прошло без единого эксцесса – потому что никто не преграждал людям путь, уже в 3 часа дня меня «перевели» с пола на койку – там матрас был. Я мог только ощущать это, так как все время был с завязанными глазами...

К сожалению, общество наше движется именно к таким методам. И это еще раз подтверждается тем, что случилось 3 октября... Меня арестовали 7 октября. Я предполагал пробраться к одному из центров «Трудовой России» в глубине страны, где оно действовало наиболее сильно. Но для этого надо было хоть немного изменить внешность. Думал, вот отрастет чуть бородка, может быть, и паспорт мне удастся как-то выправить с тем, чтобы перебазироваться в район Ростова-на-Дону, Шахт. Меня приглашали шахтеры уже давно. Но я не успел...

Я был в Туле недавно, уже после освобождения. Встречали великолепно. Меня никто не предал из наших, ни один человек. Тут всякие слухи ходили... Ни хозяйева дачи – простые русские люди, ни другие в поселке не сказали ничего.

Я действительно прятался на даче. Прилег отдохнуть на втором этаже, и вдруг шум мощного двигателя. Я выглянул в окно, рядом уже стоял бронетранспортер, из него выскакивали солдаты. У меня оружия нет. Бежать, что ли? Ну убьют при попытке к бегству – и все. Я поднялся на чердак

и там спрятался. Они очень долго не могли меня найти, пока подполковник внутренних войск не догадался, не знаю его фамилии. Я долго никому не говорил, что он меня ударил один раз, когда я был уже в наручниках. Но в Туле мне сказали, что он сам хвастался этим: «Я Анпилову вмазал!» Ну, Господь ему судья. Я не говорил об этом, не хотел позорить человека тем, что он ударил меня.

Они искали часа два. Окружили весь поселок, всюду расставили автоматчиков. Это были действия карателей, так, наверное, партизан ловили. Они говорили: любая подозрительная машина – открывайте огонь. Что значит подозрительная? Там мог оказаться человек, который никакого отношения не имеет ни к красным, ни к белым, ни к Ельцину, ни к Сталину. Однако таким был приказ – я это отчетливо слышал. Они же установили радиостанцию на этой самой даче, на втором этаже, а я с чердака все слышал.

Ну а потом подполковник, он был высокий, здоровый, стукнул кулаком по потолку, и там задрезжала посуда пустая – банки, ну как обычно на даче, и он понял, что выше есть какое-то пространство. Начали искать. Хочу сказать, что был человек один, который участвовал в этом обыске. Мы с ним встретились глазами. Он ничего не сказал. Трудно это передать: во рту все сухо, организм напряжен, потому что я прекрасно понимал, что мог быть дан приказ на уничтожение. Это был очень удобный случай убить «при попытке к бегству», но этот человек ничего не сказал, потом вообще ничего не говорил в течение всего этого процесса. Я понял, что даже в их рядах есть еще честные люди.

Подполковник, к сожалению, нашел вход, и там был выключатель. Когда включили свет, я сказал: «Я здесь, оружия нет». Кричат: «Выходи!» Обрадовались, что нашли меня. Вот когда надели наручники, он меня ударил. Может, чтобы снять какую-то вину с сердца, может, чувствовал себя дискомфортно и, чтобы подавить в себе эту совесть, вынужден был ударить.

Дальше – телекамера, я уже знаю, как они, эти мерзавцы, пытаются работать. Они же сразу объектив направили на

мои ботинки рабочие, с дачи, некрасивые, грубые – рабочие ботинки хозяина. Хозяин, как оказалось, надел мои хорошие ботинки и говорит: «Анпилов сейчас вот вышел. Я вам покажу куда». Он хотел их отвести от дачи и в моих ботинках ушел. Я долго не мог понять, где мои ботинки, пришлось надеть те. Камера сразу сконцентрировала внимание на этих ботинках, мол, вот вам Анпилов – бомж, а не человек.

Отконвоировали меня в Тулу, потом в Москву. Привезли в МВД. Вышел первый заместитель Ерина, посмотрел: «А, Анпилов! Пусть живет пока». Я понял, что дядя не шутит. «Пока» – это большой срок: хоть час, а буду полезен народу. Я с ним в полемику не вступал: я в наручниках, а он – на свободе.

Доставили в «Лефортово», причем меня сопровождали человек 20 снайперов в масках. Может, это они на устрашение работали, но мне тогда было даже смешно, комедия какая-то.

Первый день в тюрьме психологически был очень тяжелым, каждый звук, каждый шорох приводил нервы в иступленное состояние. Но через три дня меня уже перевели в камеру с другим человеком. Понятно, я должен был проявлять осторожность, тем не менее общий язык мы нашли. Это был офицер КГБ, он обвинялся в разглашении государственной тайны и все время говорил о самоубийстве.

Я не считал своим долгом его разубеждать, внушать, что жить стоит, но, возможно, мне удалось как-то повлиять на него своим поведением. Я каждый день делал зарядку, ходил на прогулку, учил наизусть стихи Лорки, Марти, некоторые страницы из «Зова предков» Джека Лондона. Это мой старый прием, чтобы голова с нагрузкой работала. А потом привык, начал писать, и, по-моему, уже надзиратели с удовольствием давали мне бумагу.

Есть свои мелочи в тюрьме, только там вы можете их почувствовать. Если кто просит: «Дайте бумагу», они обязаны дать, но сразу спрашивают: «Сколько листов? Три, четыре, пять?» Не больше. Когда же я обращался, мне давали 15, 20 листов – это роскошь.

В тюрьме отношение ко мне было корректным, хотя режим изоляции жесткий. Но в то же время считаю, что Солженицын и многие другие злобно клеветали на систему лагерей, тюрем, которая существовала в СССР. Там работают профессионалы. Они выполняют свой долг, свою должностную инструкцию. Но я ни разу не почувствовал, что меня хотят унижить. Более того, когда у надзирателей что-то не получалось, например, в душе то шел кипяток, то только холодная вода, они переживали, старались как можно быстрее все исправить. Потом, есть маленькие человеческие радости, и они старались, чтобы заключенные их тоже имели. В целом это были, конечно, тюремщики. Тем не менее еще раз подчеркиваю: я согласен на такое обращение в том смысле, что закон есть закон, и мне не надо большего, дайте мне жить, существовать в тех рамках, которые закреплены в законе, чтобы ни вы его не нарушали, ни я.

А. П.: После тех событий – горьких, кровавых, страшных – я много размышлял. Меня, слава Богу, Ваша доля не постигла, хотя тоже первые три дня пришлось скрываться: я с моими друзьями по газете вынужден был уехать из Москвы. Мы жили в лесах, это тоже был такой побег в осенние леса от этих страшных погромов, от крови, облав... Я по телевизору в крестьянской избе видел, как Вас взяли.

И вот о чем я тогда с горечью думал: Вы – политик, Вы – лидер партии, движения народного, не только московского, но и российского. Самое главное в движении – организация, но ни у Вас, ни у нас не оказалось подпольной структуры, не было резервов на ситуацию катастрофы. Не было явок, не было режима перехода на подполье, несмотря на то что Ваша партия в своей практике, в идеологии, в типе лидеров – самая радикальная, она себя обрекает на контрудары, на гонения, на террор со стороны этой беспощадной власти. И думал я об этом без всякого упрека к Вам, потому что коммунистов, которых Вы представляете, действительно вышвырнули в этот посткоммунистический, либеральный, капиталистический период сами недавние их товарищи по партии, партсволочи,

как Вы порой говорите. Не только коммунистов вышвырнули они, а всю нацию, весь народ.

Я продолжаю спрашивать себя в разговорах с гекачепистами, с членами последнего советского правительства, с представителями бывшей советской элиты: как сверхдержава, как величайшая коммунистическая империя, как вторая, а может быть, и первая экономика мира как весь этот великий организационный проект так легко и бездарно рассыпался? Почему у этой величайшей в мире организации, у Советского Союза, не было иммунных систем? Почему у партии не было партийной политической разведки?

Сталин еще в предвоенный период закладывал подполье на территориях, которые могли быть оккупированы врагом, думал о том, что в случае фашистского удара придется перебазировать экономику за Урал, в Сибирь. В последние десятилетия по существу страна жила в предощущении Третьей мировой войны: готовились системы оружия, разрабатывались проекты наступления на европейском театре военных действий, была борьба разведок, создана гражданская оборона... Почему партия не предусмотрела форм перехода на подпольное существование? Об этом можно было думать в период Горбачева, когда стало видно, что партию убивают, убивают государство.

Почему же Вы, два года занимаясь созданием движения, не сумели заложить в него закрытые подпольные структуры? Чем Вы объясните это?

В. А.: Во-первых, замечу, что мы не политические мазохисты. Мы не хотим, чтобы власть все время нас преследовала. Да, действительно, Российская коммунистическая рабочая партия, которую я представляю, движение «Трудовая Россия» находятся под каждодневными яростными ударами. И не только режима, иногда и попутчики не дают нам возможности развернуться во всю мощь. Нас все время пытаются унижить, сделать каким-то незначительным, я бы сказал, преходящим явлением русской действительности.

Да, мы понимали, что надо готовиться к подпольной работе всерьез. Но навыки не приходят без опыта, без горького

опыта, когда, например, ваша собственная жизнь висит на волоске. Причем главное-то здесь – чужие жизни не подставлять, а свою – это второстепенное.

Моей главной ошибкой, когда я приехал на дачу под Тулой, было то, что я считал эту землю своей. Светило солнце, была прекрасная осень, которой восторгался Лев Толстой в тех местах. Я гулял, пилил дрова... В том-то и вся дьявольщина, что когда враг приходил открыто к нам, мы сразу это понимали, а в этот раз мы пожинаем плоды такой тихой подспудной работы глобальных сил, не только российских.

После горбачевского апрельского пленума 1987 года прошло, считайте, 7 лет, однако можем ли мы сказать, что борьбы нет? Наоборот, поднимается уже интеллигенция. Я вот письма получаю: «Виктор Иванович, могу все – редактировать, печатать, могу говорить с людьми, готов стоять у проходных заводов». О, значит, созрел. Значит, сама жизнь и наша борьба подтолкнули.

Наша задача, скорее – сверхзадача, и моя личная: не дать погибнуть вот этому духу непокоренности. Не дать погибнуть надежде, когда все, казалось, кончено, когда телевидение, радио – антинародные, когда США поддерживают режим, Германия, Япония... Тэтчер радовалась: исполнилось то, о чем они мечтали...

Мы выполнили свою функцию уже в том, что не дали погибнуть свободолюбию народа, русского народа как стержня государства Советский Союз, и не дали умереть надежде миллионов людей. Я сейчас был в Новосибирске, в Туле, в Новосибирске – переполненный зал, яблоку негде упасть, люди приветствуют стоя. Почему не показывают это по телевидению? Просто боятся, что эту радость увидят миллионы, ждущие этого: ведь многие еще живут как в потемках.

А. П.: Газета «День», а ныне «Завтра», которую друзья и противники обвиняют в некоей эклектичности, всегда ставила своей задачей объединение патриотов, при этом понимая, что при разбросе идеологий, политических формул и широком спектре лидеров мы обрекаем себя на эклектичность и

некий сумбур. Хотя сама по себе идея соединения рассыпанного национального поля, рассеченного идеологического тела настолько грандиозна и важна, что можно пренебречь всеми огрехами, связанными с этой задачей.

И нам часто удавалось сделать практически небывалое в дооктябрьский период. Нам с оговорками удалось создать формулу соединения левых и правых патриотов, красных и белых государственников, на время уговорить их прекратить разрушительную для оппозиции полемику, выработать правила коллективной игры, наложить табу на осквернение святынь. Таким образом сложилось некое поле сопротивления, которое так интенсивно проявилось в сентябре–октябре, когда на одной стороне баррикад были анархисты и коммунисты, атеисты и клерикалы, радикальные националисты и интернационалисты... Беда и любовь соединяли нас всех тогда в Белом доме.

Объясните мне, почему при соединении красного и белого материала тем не менее не удается соединить в себе сам красный материал? Почему я, не будучи коммунистом, трагически воспринимаю вот такие мутации в коммунистической среде?

В. А.: Давайте говорить начистоту. Мы могли бы продвигаться в сплочении оппозиции, когда хотя бы честность была для нас непреложным принципом. Но что такое честность? Каждый трактует ее по-своему. Хотя мы точно знаем, когда мы нечестно себя ведем.

Когда говорим, что среди красных нет единства, я вспоминаю первую манифестацию под руководством «Трудовой России» и Российской коммунистической рабочей партии в Москве. Она состоялась 7 ноября 1991 года, когда многие находились буквально в шоке от августа. Никто не верил в бывших лидеров, а о некоторых тогда говорили: «Вот общенациональный лидер». Я хватал его за рукав в этом длинном переходе от проспекта Маркса до Красной площади: «Подойдите к людям, нам так нужен лидер, подойдите к тем старикам, которые стоят вокруг Музея Ленина, скажите, что вы

здесь, что вы, черт возьми, живы!» «Нет, мое время не пришло, – говорили мне. – Я потом». А нужно было сразу. Я не претендовал на роль вождя, но если уж вас сам народ выталанчивает, нельзя же его предавать, в том числе отречься от тех принципов, благодаря которым народ в вас поверил.

Мы вывели сразу не меньше 150 тысяч человек 7 ноября. Помните ту слякоть – нас заставил идти по этим мерзким лужам мэр, Попов еще был. Ни одного эксцесса не было. Мы прошли, негодуя в сердце, почему нам не дают простора, в то время как демократам отдали Лубянку, проспект Маркса, хотя их было всего ничего.

Но последовало затем 1 Мая, и все увидели, что, оказывается, народ может встать с колен сам и выдвигать своих собственных лидеров. Может обойтись без вождей, которые были признаны, в которых рычаги власти. И здесь начинается смертельная борьба за массы. Начинают их рвать, под разными предложениями раскалывать, пускать слухи: такой-растакой.

Я Вам сокровеннейшую мысль скажу: из-за боязни потерять, казалось бы, большой отряд сторонников, я, Анпилов, не имея опыта, допустил, что массу, которую мы сразу же повели после августа 1991 года, разорвали под разные флаги и повели в разных направлениях. И чем больше мы кричали о единстве, тем малолюдней становились наши митинги. Настала пора, когда я сказал: идейная всеядность ничего не даст, лучше четче определить свои принципы, и тогда будет легче идти на союз с кем угодно.

Чего же мы хотим? Здесь я подхожу к ключевой проблеме. Я считаю красными тех, кто выступает за кардинальное решение двух вопросов. Первое – власть трудящихся. Формула народовластия – это обман. Власть же трудящихся – жесткая формула. Если расшифровать ее – надо добиться такого положения, чтобы труженик, от инженера до токаря, был заинтересован в результатах своего труда, чтобы не становился на колени ни перед секретарем парткома, ни перед директором завода, ни перед профбоссом для получения квартиры, места в детском саду или путевки в санаторий. Это он дол-

жен сам все распределять, через свои выборные органы, в том числе нанимать администрацию, устанавливать ей заработок, – вот что такое власть трудящихся.

Это самая суть интересов нашего народа. Он ведь и Ельцина поддержал из-за того, что жаждал справедливости, ему надоело терпеть двойной стандарт. Кричат о социалистической морали, а сами купаются в роскоши с этими подпольными банкетными, девочками... Это была коррумпированная партия, и терпеть ее – самому становиться предателем. А если уж мы хотим красных, значит, извините меня, с диктатуры трудового человека, будьте любезны, не сходите. Вопрос власти – кардинальный.

Следующий – собственность. Вот при Сталине было найдено прекрасное сочетание индивидуального с общественным. Были кустари, артели, платили налоги. Господи, да каждому русскому человеку, который может что-то сделать, ради Бога, обеспечу эти условия.

Двойная же форма, многоукладная, как они говорят, собственность – это тоже обмен. Нет между ними сосуществования. Частная хищно поглощает общенародную. Опять убеждают народ: ничего, это нормально. Нет, это обман, не хочу! И все видят эти совершенно хищнические устремления, которые поддерживаются из-за рубежа. Они ведь заинтересованы, чтобы хищник себя чувствовал царьком, будь то в Бурятии, в Коми или где угодно. Они такого царька купят, главное – деньги-то у них.

Закон о частной собственности, реформы... Что это такое? Геннадий Андреевич Зюганов говорит: «Я тоже за реформы». А я – категорически против! Какие реформы? Я за то, чтобы человеку было лучше. Но они спрятались за слово «реформы», Горбачев и Ельцин, и проводили смену общественно-политического строя! Извините меня, они действовали против Конституции. Какие же здесь «реформы»? И какие же они «реформаторы»? По-моему, для такой деятельности подходит совсем другое слово, оно в Уголовном кодексе закреплено.

Дайте мне возможность открыто сказать, кто я такой. В этом сегодня трагедия и моя, и красного движения. Нас отсекали от людей те, в чьих руках и телевидение, и большая пресса, и, к сожалению, те немногие информационные крохи, которые остаются вроде бы по другую сторону. Поэтому газета «День» – «Завтра» правильную позицию заняла. Пусть будет эклектика, я согласен...

А искусственное единство затрещит по швам при первом соприкосновении с действительностью. Так получилось, скажем, в дни сентября–октября. Народ пришел, но ведь сильного политического руководства, сильной идеи не было. Там, в Доме Советов, развевался трехцветный ельцинский флаг. И сколько мы ни просили сменить его на красный, не сменили. И в кабинете исполняющего обязанности президента Руцкого тоже был трехцветный флаг. Он говорил, что не надо раздражать демократов, поддерживающих законность. Но ведь надо было понимать и то, что люди погибнут под этим флагом. Разве не чудовищное оскорбление тех, кто погиб, защищая закон, этот флаг? И бронетранспортеры, и танки шли тоже с трехцветным флагом на борту... Надо к чему-то одному прижиматься.

А. П.: Вы знаете, что я апологет Советского Союза, советской сверхдержавы, апологет советской военной мощи, нашей супериндустрии, огромных организационных проектов, которые были возможны только при социалистическом ведении хозяйства. Только социализм мог освоить Северный морской путь, создать индустриальный центр в Сибири, космическую оборону. Но я знаю, что, несмотря на колоссальное организационное строительство 30-х годов, на послевоенный бум, когда мы победили сильнее и злейшего врага всего человечества, мы проиграли битву за мир, за социалистический идеал.

Слушая Вас, что красные – это диктатура труженика, хочу спросить: вот вы приходите к власти – я хочу, чтобы вы пришли к власти, – и какой революционный проект вы осуществляете в этом расколоте, разбитом, изнуренном

обществе, прошедшем через все фазы социалистического строительства?

В. А.: Мир мы не проиграли. Борьба за мировое господство была, есть и будет. Вопрос в том, кто будет управлять человечеством, этой планетой: кучка негодяев, какая-то страна, избранный народ, неадекватный понятию «человечество», или же планета Земля будет жить по законам вселенского разума и одновременно в интересах человека-труженика, который пашет или изобретает. Вот в чем весь проклятый вопрос.

Я, естественно, за второй вариант. Считаю, что эти две тенденции и обуславливают современное развитие. И Вы никуда от этого не уйдете. Но сказать, что идея справедливого общества, общества, если хотите, действительно, гуманного, потерпела поражение, было бы неправильно.

Борьба идет, и все знают, за что они борются. Есть братство людей, и есть корысть, стремление эксплуатировать других и самому лопатиться от жира. Других идей в мире нет. Поэтому мы не проиграли. Я вовсе не считаю, что меня поставили на колени, я буду бороться.

Вы спрашиваете, что бы мы сделали, если бы пришли к власти. Мы еще не пришли к ней, но я уже сегодня пытаюсь связаться с Юрием Максимовичем Слободкиным и выйти, может быть, с коротким, но понятным законопроектом, намечающим ясные, конкретные пути, как обеспечить самоуправление трудового коллектива, будь то научный институт, детский сад, завод или цех. Мне звонили из Твери, там по результатам выборов 51 процент точно наши – красные. Значит, давайте предложим основу, объединяющую в какой-то степени и законодателей Думы, и представительную власть областей, городов, районов.

Если бы я лично пришел к власти, скажем, как президент, упразднил бы сам пост президента, вообще президентство в России. Оно мешает нам, оно нам чуждо. И этот же декрет должен расчистить поле для возрождения власти трудящихся.

Для того, чтобы подобное совершилось, необходимо широчайшее движение масс. Поэтому я считаю главнейшей зада-

чей поднять народ, трудящихся на борьбу за свои жизненные права. Но и от борьбы в верхах я не отказываюсь. Поле борьбы огромно, на каждом участке его можно бороться. И на каждом участке можно и нужно заключать союзы. Но давайте заключать их открыто и честно, то есть люди должны знать, чем я поступился, и что мы получим в ответ.

Скажем, мы начинаем кого-то поддерживать – снимаем свою кандидатуру, защищаем Вашу. Но в таком случае что мы будем иметь? Нельзя же все время бегать в хвосте и просить милостыню у победителя. Я помню возгласы силовых министров в Доме Советов: «Где люди Анпилова?» «Где же он со своими людьми?» Я не считал всех людей там своими, нет, там были люди разные. Но это «А где же он?» висело. Но раз «Где люди?», позвольте мне тоже иметь достоинство, потому что иначе я не стою доверия тех людей, которые за мной идут.

Мы дошли до такого состояния красного движения, когда я не имею морального права, скажем, вступить в союз Ципко. Каждый волен выбрать себе класс и цель, защищать этот класс и добиваться этой цели. Я не слышал от Ципко никаких заявлений, противоречащих той системе взглядов, которую он защищал, протаскивая реформы Горбачева, унижая мой народ, плюя ему в лицо. Я христианин по происхождению и готов прощать. Но позвольте, а у вас есть готовность к тому, чтобы покаяться? Вы нас все время звали каяться, вы говорили все время, что храм не там, идите в другую сторону. Все время кричали: «Кайтесь!» Абуладзе кричал: «Кайтесь!» Вплоть до того, что стал вынимать из могилы своего отца и бросать его на свалку. Вот что нам навязывали. Я не хочу выкапывать своего отца. Более того, я за эту могилу готов драться, пусть даже меня убьют, растерзают. Есть священные вещи, перешагнуть через них – выше моих сил. Лучше уйти из политики.

А. П.: Нашу газету, как Вы знаете, незаконно и отвратительно закрыл Ельцин, закрыл Лужков, потому что «День» разгромила банда Лужкова – 30 автоматчиков ворвались в нашу редакцию в камуфляже, грабили, жгли и оскверняли наше по-

мещение, рылись в моих бумагах, притащили телевизионную камеру и сняли наш мир, наш иконостас, наши эмблемы, наши растоптанные флаги. Вся эта банда пришла с бумагой за подписью Лужкова. Мэр учинил погром газете.

И вот мы снова втягиваемся в распрю. Опять мэр хочет нас уничтожить. Лужков послал в суд иск на газету «Завтра». Мы в одной из своих статей сказали, что он, Лужков, ответствен за кровавые события 1 Мая и 23 февраля. Он прицепился в этой фразе, назвал ее оскорбительной, хотя мы-то с Вами знаем, что мэр ответствен и за всю бойню, учиненную нам 3–4 октября. Теперь нам предстоит суд.

Лужков сейчас – одна из самых угрюмых, самых для меня опасных и отвратительных фигур, которые возникли на этом пепелище, именуемом Родиной. Он идет к власти жестокой, беспощадной, кровавой, и тягаться с ним чрезвычайно рискованно. Я не исключаю, что по окнам моей редакции могут отстреляться из гранатомета, что наших сотрудников и корреспондентов могут похитить, как Вас в свое время похитили в мае, я не исключаю, что на нас навалится вся мощь купленной лужковской юриспруденции, что наша небольшая редакция будет бороться против его миллиардов. Но мы приняли бой, мы даем этот бой Лужкову во имя народа и бросаем ему в лицо обвинение, что он не только ответствен за кровавые события в мае и феврале, он ответствен за трагедию Москвы, за трагедию России...

В. А.: Я пользуюсь случаем заявить, что буду призывать своих сторонников участвовать в открытом суде. Я надеюсь, что смогу выступить на Вашей стороне как свидетель.

В свое время в Вашей газете был опубликован прекрасный материал – допрос Панкратова следователем Чуглазовым. Его ведь стоит только прочитать – и все ясно. Он там говорит: мол, где Анпилов ни появится, там беспорядки. Вранье все это. Какие бы нам ни чинили препятствия, с нормальным милиционером мы всегда находили общий язык, не только с рядовым, сержантом, но и с офицерами – майором, подполковником, полковником. Это я могу подтвердить тоже.

Однако Панкратов признался, и на это нужно обратить внимание на суде, что они ЗАРАНЕЕ начали отрабатывать операции по выводу на улицы Москвы огромных масс вооруженных людей. С какой стати? И по какому праву? Кто давал им это право? Вас сразу втягивают в провокацию. Мы никому еще не угрожаем, а вы – с собаками, конные, вооруженные, расставлены эти монстры – машины с бетонными плитами. Нам заранее угрожают силой. Это уже нарушение прав человека. Международные конвенции, ратифицированные при Ельцине, гласят, что администрация обязана принять все меры, чтобы не допустить насилия. А они как раз наоборот – принимают все меры, чтобы насилие произошло. В этом их главная вина. Это было преднамеренное применение насилия к мирной манифестации.

Процесс над газетой «День» имеет огромное значение и потому, что назревает очередная провокация. Они опять нагнетают напряженность в обществе. Какое-то движение войск у Павелецкого вокзала... Все это делается для того, чтобы 1 Мая в очередной раз устроить кровавую бойню. Они этого хотят. Народ наш ведь выйдет на улицы все равно.

Лужков заявил недавно, что он закупил водометы за границей, химические вещества для бесконтактного разгона демонстраций. Опять то же самое! Или мы уже что-то сделали, или Анпилов заявил, что пойдет к дому Лужкова или к его даче, чтобы выволочь за косы его молодую жену? Нет, это глупости. Я не фашист, если мы пойдем на эту дачу, то только в рамках закона.

Но ведь это государственный праздник! Вы же не отменили этот праздник, праздник трудящихся! Я знаю, что греческие профсоюзы уже направили нашему правительству требование разрешить нам свободно пройти по улицам Москвы. Мы ничего больше не хотим. Мы хотим пройти с демонстрацией, хотим построить сцену, чтобы спеть свои песни, те песни, которые мы любим. Почему вы должны чинить препятствия?

Я всегда говорил и скажу Лужкову на суде, что, если в этот день праздника трудящихся улиц Москвы уберут всю милицию, –

это будет самый спокойный день в жизни москвичей. Пусть милиция ловит воров, преступников, квартиры пусть охраняет.

А. П.: Скажите мне, Виктор Иванович, может, в тюрьме, когда была эта невольная тишина и почти полное одиночество, или ночами в снах, или в другие минуты наступает мгновение тишины, когда ваша одинокая, смертная, по существу, беззащитная душа, которую Вы назвали песчинкой в начале беседы, тянется к Богу, тянется к чуду, к тайне, к загадке? Были в Вашей жизни состояния, когда сквозь все эти баррикады, мегафоны, тюрьмы, избиения открывалась какая-то другая, хрустальная конструкция мира?

В. А.: Она открывается ежечасно. Только, может, я смотрю на эти вещи не столь романтично, как Вы, может, не даю им таких названий, какие Вы даете. Вот вчера вместе с итальянской профсоюзной делегацией под морозящим дождем – погода будто плакала – мы посетили места, где пали наши товарищи. Мы рассказали им, как убивали наших братьев на баррикадах вокруг Дома Советов. А потом я их отвез в гостиницу «Украина». Мы все измерзлись и решили выпить кофе. Женщина-буфетчица меня узнала и говорит: «Я вам сейчас самое крепкое, самое лучшее кофе сделаю». А потом вернула мне деньги и еще пирожным угостила. В этот момент я был счастлив.

Назовите это как хотите, назовите общением с Богом, но для меня в тот миг было все – и лес золотой, и ясная поляна... И таких моментов очень много. Это признание людей, и я считаю, что выше этого нет ничего в жизни, если по большому счету...

Апрель 1994 г.

«Безопасность страны – нулевая»

*(Диалог Александра Проханова
и Владимира Крючкова)*

Александр ПРОХАНОВ: Владимир Александрович, Вы в моем представлении один из последних советских государ-

ственников, для которых крушение Советского Союза было личной трагедией. На этапах, непосредственно предшествовавших разрушению державы, Вы начали активно и открыто выступать со своей позицией. В августе 91-го предприняли последнюю отчаянную попытку предотвратить этот распад, попытку неудачную, за что заплатили полутора годами тюрьмы, страданий, унижений, политического остракизма.

Вы не можете не чувствовать существования некоего проекта, связанного с разрушением Советского Союза. В нашей патриотической среде бытуют конспирологические модели, теория заговора. Отчасти она мне импонирует, хотя я прекрасно понимаю, что трудно, скажем, нарисовать чертеж суперзаговора где-то в начале нынешнего века и последовательно, методически осуществлять его. Конечно, была общая тенденция борьбы, направленная на разрушение Союза, и в ней существовало множество доктрин, микропроектов, просто операций противников. Одни из них достигали успеха, другие кончались крахом, разбиваясь о нашу способность обороняться.

Если говорить не языком разведки, политологии, а мифологии: существовал определенный проект разрушения СССР. Он включал в себя такие задачи, как, скажем, вытеснение Советского Союза из глобальных зон конфронтации – Африки, Азии. В нем была целая программа по ослаблению наших геополитических поясов в Центральной и Восточной Европе. Он наверняка включал в себя ослабление нашего военного потенциала, выход из паритетного состояния через одностороннее разоружение, абсолютный военный крах. В нем было заложено и разрушение государственных структур, в частности армии.

Очень мало известно о том, как Советский Союз уходил из Восточной Европы, как рухнули коммунистические, просоветские режимы в Венгрии, Чехословакии, Румынии, как объединилась Германия. Ее объединение сопровождалось пропагандистскими лозунгами, основанными на так называемых «общечеловеческих ценностях». Но именно в вос-

соединении Германии таится колоссальная, на мой взгляд, опасность для Европы XXI века и России в том числе. Принимались ли в расчет Горбачевым, Комитетом госбезопасности возможные последствия этого объединения и как вообще СССР покидал Восточную Европу?

Владимир КРЮЧКОВ: Если рассматривать предложенную Вами конспирологическую модель, то в реальности все обстояло проще и вместе с тем сложнее. Сложнее в том отношении, что мы не сразу разобрались в глубинных внутренних и внешних причинах, приведших нашу страну к трагедии. А проще потому, что действительно были разработаны и осуществлялись планы по разрушению нашего Союза, так как Запад видел для себя опасность в существовании такого могучего государства.

В общем-то, на Западе этих планов и не скрывали. Более того, есть наши отечественные деятели, еще недавно бахвалившиеся тем, что имели к этому отношение, что в произошедшем есть доля и их участия. Правда, под влиянием последних событий в стране они приумолкли, потому что наступает момент ответственности. Думаю, что с этих людей еще спросят.

Вспоминаю свою беседу с бывшим директором ЦРУ Гейтсом, состоявшуюся в Москве в 1990 году. Он тогда сказал: «Господин Крючков, хотите, я предложу Вам один интересный доклад, из которого Вы узнаете, что будет с вашей страной в 2000 году, на рубеже столетий?» Я говорю: «Конечно». Он обещал прислать материалы, а я ему взамен – изложить свое видение проблем мира. Материалы он не прислал, но, как мне стало известно, речь шла о том, что через год-два Советский Союз уже не должен был существовать.

Если руководитель госбезопасности получает из первых рук такую информацию, это говорит о многом. Наши разведчики также сообщали о бытующих на Западе ожиданиях, что в ближайшее время сработает план по развалу Советского государства. Ну и наши аналитические оценки также подводили к печальным выводам. Находясь на посту председателя

КГБ (а до этого – на посту начальника разведки в течение почти пятнадцати лет), я в 89-м, 90-м и 91-м открыто говорил Горбачеву о грозящей опасности.

Беда была в том, что этот человек никогда не говорил правду. Он крутил, вилял, соглашался: «Да-да». Но меры не принимались, и все катилось в пропасть. Более того, его отдельные шаги не укладывались в рамки деятельности государственника, обязанного заботиться об обществе, пытаться предупредить трагедию. Страну постигали одна неудача за другой, они росли словно снежный ком, но вместо того чтобы держать оборону, а при случае идти в наступление, мы отступали и отступали...

То, что произошло в сердце Европы в конце 89-го, – это события, о которых мы еще будем вспоминать. Ведь даже на Западе их восприняли неоднозначно. В декабре 1989 года в ГДР прибыл президент Франции Миттеран с официальным трехдневным визитом. И это в условиях, когда ГДР разваливалась, когда уже группы молодежи, прибывшие из Западной Германии, нападали на здание Министерства госбезопасности, когда в некоторых городах прошли митинги за воссоединение Восточной и Западной Германии.

Конечно, Миттеран был хорошо осведомлен о происходящих событиях, но он хотел продемонстрировать свое доброжелательное отношение к Германской Демократической Республике. Дело в том, что ни Франция, ни Англия вовсе не были готовы к поглощению ГДР Западной Германией. Они думали, что будет нескорый процесс в рамках общего объединения Европы. Так, чтобы это никак не сказалось на ее будущем. Ведь и Франция, и Англия знают, что такое мощная объединенная Германия...

Не скажу, что эти процессы были для нас совершенно неожиданными. Неожиданность была лишь в том, что они прошли стремительно и при безропотном отношении к ним со стороны тогдашнего руководства Советского Союза. Я не хочу сказать, что не имел к этому никакого отношения. Я поднимал эти вопросы. Если покопаться в документах, можно найти

очень тревожные записки КГБ, адресованные Горбачеву, в которых мы предупреждали, что может произойти.

Что касается Горбачева, то в Германии его весьма высоко оценивают, объявили потом «немцем № 1» в Западной Германии. Гельмут Коль, между прочим, сказал тогда примечательные слова: немцы не должны упустить шанс для объединения Германии, а он в том, что во главе Советского Союза стоит Горбачев.

Знаете, это была не просто сдача позиции, а настоящая капитуляция, допустимая при самых серьезных поражениях. Мы убегали не только из ГДР, но и из других стран, даже не заботясь о своих интересах на ближайшее будущее. Мы приветствовали объединение Германии, а фактически поглощение ГДР, не оговорив никаких условий. Мы бросили наше имущество, бросили друзей, с которыми 40 лет были вместе, на кого опирались и кто нам помогал, потому что трудно сказать, кто в последние годы больше давал: мы – ГДР или ГДР – нам.

Потом начались аресты разведчиков, государственных деятелей. Сидит сейчас министр госбезопасности, Герой Советского Союза Эрих Мильке – человек, положивший свою жизнь на алтарь интернационализма, на алтарь советско-германской дружбы. По обвинению в чудовищных преступлениях сидят другие наши друзья из Министерства госбезопасности, вообще многие государственники ГДР сидят за то, что якобы совершили преступные действия против Германии. Да они просто выполняли долг гражданина совершенно самостоятельного государства, каким была Германская Демократическая Республика, признанная в мире, в том числе и ООН... Думаю, что все это еще не закончилось, еще будет иметь продолжение. Потому что однажды Германия уже пересматривала итоги Мировой войны, обошедшиеся только для нас 27 миллионами человеческих жизней...

История с Германской Демократической Республикой – бесславная страница в нашей истории, позорная страница, возможно, с далеко идущими последствиями. Если мы будем и дальше столь неосмотрительны, это может нанести непо-

правимый ущерб нашим жизненным интересам. Вы знаете, как мы лишились польских, чехословацких, венгерских и многих других друзей...

Я вовсе не утверждаю, что Германия однозначно пойдет в роковом для нас направлении. Это зависит от многих факторов. Но если мы и дальше будем находиться в таком состоянии, как сейчас, то хотим мы того или не хотим, а будем подогревать аппетиты других стран. И здесь не стоит ожидать альтруизма.

А. П.: Так случилось, что я прилетел в Германию в день, когда с этого же аэродрома улетел в Советский Союз самолет с больным Хонеккером. Он направлялся лечиться к нам, а на самом деле летел в плен, на позор, унижение, арест, может быть, в душе понимая, что именно это его ожидает. Горбачев обошелся с ним вероломно, как и с другими своими союзниками, — по существу, отдал на растерзание врагам и мучителям.

Но я вот о чем думаю. В 1945 году, когда русская армия оказалась в Берлине и Европа еще дымилась от войны, Сталин вместе с другими лидерами стран-победительниц перекроил Европу, установил границы, совершил смену общественного строя в странах Восточной Европы. Какие крупномасштабные, трагические, может быть, для населения меры были предприняты по всему огромному пространству, от Балтики до Черного моря! Ведь осуществился геополитический проект, который, как говорили, существовал еще до войны в представлении Тарле, читавшего Сталину свои трактаты, свои эссе относительно панславянского союза в Европе к концу XX века...

Речь о том, что после войны был осуществлен суперорганизационный проект, в результате чего и появилась просоветская Европа. И почему так молниеносно сошли на нет все эти колоссальные усилия: военные, экономические, геополитические? Ведь родилось целое поколение чехов, поляков и немцев с ценностями и психологией, которые до сих пор те же западные немцы не могут перемолоть...

Неужели такой крах можно потерпеть только в результате удара, после сокрушительного военного поражения, к примеру, происшедшего с немцами в 1945 году? Ведь мы же

бежали оттуда так, будто по нам стреляли из ядерных пушек, бомбили стратегическими бомбардировщиками! А все, оказалось, произошло после одной-двух поездок Горбачева: одна – в Рейкьявик, другая – на Мальту. Кто-то кому-то сказал несколько слов, кто-то кому-то что-то пообещал, в тишине кабинета кто-то кому-то пожал руку, были даны гарантии, быть может, были заплачены огромные средства, какие-то огромные посулы были сделаны Горбачеву...

Почему одно слово Горбачева вдруг оказалось сильнее всей огромной мегамшины советского присутствия в Европе? Что ему такое шепнули, что пообещали? Вот это для меня, как писателя, загадка и предмет для сюжета. А как Вам кажется?

В. К.: Есть одно обстоятельство, с которого я хотел бы начать ответ. Вы знаете, в 1990–1991 годах у нас изменилась система управления страной, механизм принятия решений. Когда у нас была статья 6 прежней Конституции, закреплявшая руководящую роль партии, важнейшие вопросы, в том числе и внешней политики, решались исключительно в Политбюро ЦК КПСС. Если мы отказались от руководящей роли партии, необходимо было Политбюро заменить другим органом, а не отдавать все на откуп одному лицу – президенту, каким бы гениальным он ни был. А Горбачев таким и не был. Появилась возможность у Горбачева, Шеварднадзе, Яковлева и других лиц принимать решения, не опираясь на правовую норму, коллективную волю.

В конце войны, когда мы были обескровлены, потеряли десятки миллионов людей, Восточная Европа из враждебной к нам превратилась в дружественную. И когда начались процессы образования государств с новым общественно-политическим строем, никто этому не противодействовал. В послевоенные годы мы быстро восстановили разрушенное хозяйство. Это была блестящая победа, может, не меньшая по своему значению, чем победа в Великой Отечественной войне. Ведь в 1948–1949 годах мы уже достигли двойного уровня, а в 1950–1951 годах стали вводить в строй заводы, целые промышленные комплексы, электростанции. Народ

ожил. Мы опять стали державой, с которой мир не мог не считаться. Это говорило о том, что социалистическая система не исчерпала своих возможностей, а только начала к ним подбираться. Мы шли по пути, сулившему мир в Европе, и люди это прекрасно понимали.

Думаю, что всеми этими делами, свершениями мы в то время создали очень серьезные заделы для нашей безопасности на многие десятилетия и этими заделами неплохо пользовались. Наше государство было с огромным запасом прочности. Одного запаса резервного золота в 1953 году у нас было 2500 тонн. Спросите, сколько у нас сейчас золота? Вы получите ответ, который нас просто унижает...

Ответы на глубинные вопросы мы должны искать в двух направлениях. Во-первых, в нашей системе, в нашем управленческом механизме, руководстве страной – то есть в объективных вещах. Во-вторых, надо отдать должное и субъективным факторам. Это касается прежде всего порядка избрания наших президентов, оценки возможности или невозможности нахождения их у власти. Это очень важный вопрос, и многие страны давно застраховали себя от всяких случайностей. А мы, к сожалению, для этих случайностей оставили массу лазеек, и за это еще не раз будем расплачиваться.

А. П.: Я, будучи писателем, свободным художником, по определенной логике был ввергнут в публицистическую баталию, когда началась тотальная кампания против Советской Армии. И меня поразило, как армия, установившая контроль над половиной мира, способная посылать авианосные группировки во все океаны и выводить в космос орбитальные комплексы для глобального контроля, оказалась беззащитной перед теми, кто уничтожал ее на наших глазах! Помню: вдруг возникла теория о том, что Советская армия – источник термоядерной опасности, и все население было в ужасе от возможности начала Третьей мировой, а на военных смотрели как на исчадия ада. Помню, как армию начали называть армией дармоедов, когда все наши экономические неурядицы, отсутствие белкового процента в рационе сва-

ливали на нее: она якобы истощила всю нашу экономику, сожрала весь наш потенциал развития. Армию обвиняли в жестокости, в насаждении беспощадных, антигуманных, почти зверских нравов...

Я включился в эту баталию, пытался объяснить, что армия – это концентрат государственности, гарант мировой стабильности, и если нет мировых войн, то только потому, что сильна Советская армия. Я пытался показать, что советский офицер с его этикой, связанной с жертвенностью, народностью, – эталон общественного служения стране... Тогда мне пришлось выслушать массу оскорблений.

Одной из последних фаз, связанных с крушением Советской армии, были так называемые «подставки». Армию бросали в зоны наших внутренних, межэтнических конфликтов, в частности Баку, Тбилиси, Вильнюс, в то время как проводилась как бы двойная политика.

Одна исходила из центра, в частности от Александра Яковлева, когда всячески поощрялись националистические движения в республиках, создавались народные фронты, с их лидерами тайно встречались наши партийные руководители, их всячески патронировали. Эти народные фронты были силой, стремившейся перехватить власть у республиканских партий, у республиканского руководства, на этой почве возникали тяжелейшие конфликты.

Другая – когда тот же центр посылал в зоны конфликтов войска для подавления этих волнений. Подогревали рану, затем посылали стальной армейский зонд, рану еще больше бередили, возникал национальный взрыв. Ведь употребление силы страшно травмирует население, возмущает его. Вся нация поднималась против центрального армейского руководства. Тогда армию оттуда убирали, и она, оплеванная, наведя перед этим порядок, уходила.

Репутация армии как в республиках, так и в Союзе скатывалась до нуля, возникали комиссии типа собчаковской или в которой был писатель Васильев. Армия была травмирована, ее деморализовывали, а выигрывал регионализм, сепаратизм.

Вы как человек, связанный с разведкой, с безопасностью, могли тогда прочувствовать все эти механизмы? Как Вам виделись все эти конфликты – тбилисский, бакинский, вильнюсский? Кто был «архитектором» этих трагедий?

В. К.: Я хорошо помню Вашу борьбу за нашу армию. И тогда высоко ценил Ваши усилия, и сейчас вспоминаю об этом с чувством благодарности.

В 1990 году академик Арбатов стал утверждать, что наш военный бюджет значительно превышает военный бюджет США. Это была явная ложь. Тогда бюджет США превысил 300 миллиардов долларов, а наш составлял 70 миллиардов рублей, но ведь уже тогда рубль и доллар по весу были несопоставимы. Нападки на армию делались с единственной целью: чтобы выбить одну из важнейших основ государства. Конечно, не все в нашей армии было идеально, недостатков хватало...

Вместе с тем военно-промышленный комплекс уже в 1990 году давал до 100 процентов отдельных видов гражданской продукции, в частности телевизоров, стиральных машин, то есть уже тогда не сидел на шее государства. И еще одно обстоятельство. В 1990 году более трети мировой продажи оружия приходилось на Советский Союз. В настоящее время доля США – 38 процентов, в то время как совсем недавно была всего 18 процентов. Значит, вот кому мы уступили?

Нападки на нашу армию велись по всем направлениям, и, думаю, что те, кто поставил цель ее уничтожить, во многом добились своего. Наши нынешние Вооруженные силы по уровню боеготовности вряд ли в состоянии отразить любую агрессию. И это очень серьезно.

Начал подставлять армию еще Хрущев. Помните события в Новочеркасске? Позднее, когда возникали какие-либо сложные ситуации, на передовые позиции выдвигали армейские подразделения.

В 1988–1989 годах назревали события на Кавказе, и там тоже были задействованы армейские подразделения. Затем последовали Карабах, Литва, Баку и т.д.

В Тбилиси, например, армию ловко подставили в интересах определенных кругов. Были грузинские силы, преследовавшие цель борьбы за власть. Чтобы сделать это не своими руками, они вовлекли в конфликт Вооруженные силы. Я глубоко убежден, что это не обошлось без ведома высшего руководства партии и государства.

В январе 1991 года события в Литве настолько накалились, настолько приняли непредсказуемый характер, что дело дошло до прямых массовых столкновений. Силы, оказавшиеся у власти, выступали против действовавших тогда конституций СССР и самой республики, взяли курс на выход из состава Союза непредусмотренным законом путем. А силы, желавшие воспрепятствовать нарушению конституций, выступавшие за Союз, подверглись прямым гонениям и репрессиям. Они имели моральное право на защиту. И тогда армейские подразделения, находившиеся в Литве, решили обеспечить минимальный порядок, предупредить возможные кровавые последствия. Они выполняли только охранные функции.

Хорошо помню материалы расследования. Из них следовало, что люди были убиты и ранены не военными, а другими лицами, находившимися в толпе, провоцировавшими эти беспорядки, что было использовано реакционными силами в республике как повод начать более активные действия и в итоге добиться своих целей.

Дальнейшее развитие событий в Прибалтике это полностью подтвердило. Думаю, что свою роль сыграли и поездки в то время А. Яковлева в эти республики. Каждый раз за ними следовал взрыв выступлений против центра, против конституционных порядков. Очевидно, что и здесь сказалась его рука.

Я писал как-то в одной из статей о действиях отдельных лиц, которые начали разрушать наше Отечество, и ни от одного своего слова не отказываюсь. Думаю, что по разрушительной силе, по оказанию разлагающего влияния на многие стороны нашей жизни пальма первенства принадлежит А. Яковлеву. Не могу сказать, что двигало им в самом начале:

его сугубо личные качества, тщеславие или еще что-то, но, во всяком случае, многие его действия ни в какой мере не отвечали интересам нашего государства.

А. П.: Думаю, что история распада Советского Союза и нынешняя постсоветская история полны тайн. Вообще история – это иерархия тайн, большинство из которых никогда не всплывает на поверхность. Среди тайн последнего десятилетия отмечают, например, исчезновение так называемого партийного, по существу государственного, золота. Считается, что до сих пор в сейфах, в каких-то тайниках заложены сведения о высших руководителях Советского Союза, говорящие о завербованности их, связях с секретными, закрытыми организациями Запада.

Одна из таких версий, очень нешироко распространенная в интеллектуальных кругах и очень осторожно проговариваемая на семинарах и симпозиумах, – о некоем германском проекте, вынашивавшемся в руководстве Советского Союза, по вбросу больших масс капитала в Западную Германию и сокрытию этих капиталов от общественного внимания. Они якобы были аккумулированы германским бизнесом и контролировались людьми из Советского Союза на случай постсоветской истории, когда их должны вернуть сюда, на наше пространство, и оплодотворить новую власть, новую генерацию государственников на основе русско-германского альянса.

Уже в ту пору якобы совершалась некая конвергенция экономик, будущих финансовых систем, будущей политики. И в сегодняшнем конвульсивном политическом процессе просматриваются тенденции на сближение с Германией. Среди патриотов, например, одна часть настроена антигермански, другая – германофильски. Скажем, Жириновский открыто провозглашает русско-германский альянс. За всеми этими выступлениями – в речах, намеках, недомолвках сквозит формула того раннего советско-германского проекта.

Вы о нем что-нибудь знаете, слышали?

В. К.: Думаю, Ваш вопрос основан в какой-то мере на реальности, но это и плод мифологии. Действиями политиков

США движут одни интересы, наши политики руководствуются другими, если они, конечно, просоветские. У французов есть свои, у китайцев, японцев – свои... Эти интересы вызывают и определенное блокирование сил, и их лоббирование. При Сталине всякое лоббирование исключалось. А где-то в 60-х годах, при Хрущеве, у нас понемногу стала практиковаться довольно широкая система лоббирования.

Пора условно обозначить наши лоббирующие группы, пока даже не касаясь имен. Думаю, что у нас есть прогерманское лобби, проамериканское, прокитайское, прояпонское, есть проевропейское, а затем уже идут ответвления, не играющие большой роли.

А. П.: Только прорусского лобби нет.

В. К.: Если говорить о том, что Вы имеете в виду, мне кажется, что подобное прорусское лобби сегодня возрождается, оно усиливается, расширяется. Верю в то, что в самое ближайшее время оно громко заявит о себе.

Наше лоббирование не действует в таких рамках, как на Западе. Если есть в Америке прояпонское лобби, оно тратит огромные деньги, вкладывает крупные средства в отрасли, интересные и выгодные Японии. Наши лобби действуют задаром. Глубоко уверен, что немцы, американцы и другие вообще не вкладывают в лоббирование миллиарды ради реализации своих идей. Наоборот, они выкачивают деньги из нашей страны. Ведь помощь, идущая России и некоторым странам СНГ, если можно назвать помощью эти крохи, получается за счет воровства, происходящего в нашей державе. Туда утекают десятки миллиардов, а возвращаются в лучшем случае несколько миллионов.

Я слышал об этом советско-германском мифе и уверен, что это все не так. Немцы, конечно, могут потратить какие-то деньги на поддержание немецких общин в нашем государстве, чтобы развить те или иные отрасли в нашей промышленности, могут создать какие-то курсы. Но мощной поддержки нашего прогерманского лобби, вкладывания миллиардов – этого нет и не будет.

Куда исчезли наши запасы и богатства? Здесь простая вещь происходит: на каком-то этапе мы стали проедать самих себя. Мы допустили сокращение промышленного производства, допустили инфляцию. С 90-х годов у нас быстро развивалась коррупция. Раньше была монополия внешней торговли, в нынешних условиях в этом и есть наше спасение. Почему же нашу нефть сегодня продают отдельные частные лица? Разве этим не должно заниматься государство? Идет самое настоящее разбазаривание, самое настоящее воровство...

Насчет партийных денег скажу: если, допустим, у нас была бы массовая кража партийных денег, массовая утечка партийного золота за рубеж, уверяю, КГБ что-нибудь об этом наверняка бы слышал.

А. П.: В своих выступлениях Вы постоянно рассуждаете о проблемах безопасности, формулируете ее концепцию, причем классически, создавая иерархию разных уровней безопасности, включая культурную, интеллектуальную. Но в основе все-таки лежит геополитическая безопасность, баланс мировых сил. Россию нельзя сегодня рассматривать как некий геополитически завершенный субъект – это бессмысленно. Не может сегодняшняя Россия формулировать свою безопасность без того, чтобы не соизмерять, не отождествлять себя с соседней Украиной. Не может формулировать свою безопасность без того, чтобы не ощущать своего присутствия в Казахстане вплоть до китайской границы, без представления о своем историческом и геополитическом единстве с Белоруссией, отодвигающей рубеж обороны России к границе с Польшей.

Ваше мнение о стратегических интересах России?

В. К.: К великому сожалению, у меня сложилось убеждение, что нынешняя Россия, по сути дела, нежизнеспособна как государство. Никогда мы не были в таком тяжелейшем положении в смысле безопасности. Мы сейчас уязвимы буквально со всех сторон.

Возьмите наши границы. Финляндия, Прибалтийские страны, Польша, Венгрия, Румыния, Турция, Иран, Афгани-

стан, Китай, Япония, США... Так случилось, что теперь наши границы стали спорными, по крайней мере такие возгласы раздаются по ту сторону наших границ. До 1985 года никто подобных вопросов не поднимал. Советский Союз был могучей сверхдержавой. А теперь все вдруг разом заговорили о своих претензиях на наши территории, даже Прибалтийские страны подняли вопрос. И дело доходит до открытых провокаций на границах.

Когда был великий Советский Союз, мы одну шестую часть территории мира могли надежно защитить. Впервые, наше население составляло почти 300 миллионов человек, во-вторых, мы имели мощную промышленность и науку. Наши позиции в Восточной Европе, Азии, Африки, в некоторых странах Латинской Америки позволяли нам быть уверенными в своей безопасности. Нас никто не трогал. Думаю, что еще лет пятьдесят мы могли бы заниматься мирным трудом. Нам, в общем-то, ничто и никто не угрожал. Сейчас ситуация изменилась.

Посмотрите на Восток. Япония предъявляет претензии на Малую Курильскую гряду. Это серьезная заявка, причем японцы не отступают. Они не говорят о том, что будут решать этот вопрос силой. Но при известных обстоятельствах ситуация может стать крайне неблагоприятной для нас, и мы будем беспомощны что-либо сделать.

С Китаем у нас сейчас отношения неплохие. Но ведь Китай никогда не заявлял, что у него нет к нам каких-либо территориальных претензий. Более того, не вся граница демаркирована. Поэтому, воздавая должное разумной политике нынешнего китайского руководства, можем ли мы быть уверенными, что такого же курса будет придерживаться следующая его генерация?

Возьмите Запад. Думаю, что немцы все-таки должны извлечь уроки из истории, не должны забыть Бисмарка, понимавшего значение России для Германии, когда ничто не омрачало наших отношений. Но ведь были еще и две мировые войны. История имеет одну особенность – повторяться.

Если определенные силы в Германии вновь вернуться в воинственной политике, удержит ли их кто от опрометчивых шагов? Более того, могут найтись охотники канализировать Германию в определенном направлении. Не могу понять Соединенные Штаты, англичан, которые знают об этой опасности, но пока молчат.

Наш юг тоже очень опасен. У нас были сильные позиции в Афганистане, но положение изменилось. Есть страны, с которыми нам надо во что бы то ни стало дружить. Имею в виду Индию – нашего естественного геополитического союзника, заинтересованного в добрых отношениях с нами. В Азии есть большая группа стран, в отношении которых мы можем смотреть с большим оптимизмом. Это так называемые малые страны, играющие уже серьезную роль, – Южная Корея, Сингапур, Малайзия, Филиппины...

У нас были сильные позиции в Африке, и некоторые говорили: что мы делаем, куда лезем? Но давайте сейчас еще раз задумаемся над этим. Ведь наши расходы там были минимальные, а выгоду определенную мы получали. Кроме того, там шла борьба за политические позиции на наших дальних подступах. А сейчас к нам подобралась – почти к сердцу России...

Неплохо развивались наши отношения и с рядом латиноамериканских стран. Было активное военное сотрудничество с Перу, и только благодаря ему мы получали до одного миллиарда долларов чистой прибыли. И вообще Латинская Америка – континент очень перспективный с точки зрения нашего геополитического положения.

Если в самое ближайшее время у нас не произойдет резкой подвижки в отношениях со странами СНГ, если мы не пойдем по пути тесной интеграции, ситуация станет для всех нас очень сложной. Но я все-таки оптимист и полагаю, что этот процесс начнется и Россия вместе с частями бывшего Советского Союза создаст общество, государственное образование, которое обеспечит нашу общую безопасность.

В мире сейчас наблюдается некий дисбаланс: вырываются на авансцену одни страны, уходят с нее другие, но рано

или поздно все стабилизируется. Мы поступим опрометчиво, если посчитаем, что все это произойдет само собой. Ничего подобного! Без воли человека, без воли руководителей отдельных стран этого не происходит.

А. П.: А такая проблема для России, да и для многих других стран, как еврейская? Ведь еврейский фактор во внешней и внутренней политике в бывшем Советском Союзе и в нынешней России колоссальный. Одно время он уходил внутрь, его зашифровывали, а в какие-то мгновения он выступал вдруг как первоочередной, над ним ломали головы целые политические группировки. Иногда еврейская проблема грозила глобальной катастрофой – так было в период арабо-израильских войн на Ближнем Востоке.

Сегодня еврейская проблема очерчена внутренней драмой, русско-еврейским конфликтом на идеологическом, культурном, этническом уровне, а также драмой русского выбора на Ближнем Востоке. Традиционные группы арабских стран по сей день смотрят на нас как на потенциального союзника, который в роковой момент изменил им. Израиль же – стратегический партнер США, с которым сегодняшняя Россия установила долговременные отношения партнерства. Этот загадочный треугольник, или многоугольник, если хотите, сегодня захватил человеческие страсти, судьбы. И здесь происходит сжигание огромных энергий, абсолютно непродуктивное.

Как Вы смотрите на русско-еврейский вопрос, на российско-израильский политический фактор в контексте истории XX века?

В. К.: Этот вопрос действительно имеет свои особенности. Они объясняются историей еврейского народа, его сложным путем в борьбе за выживание. Ведь в течение не одной тысячи лет евреи были сравнительно небольшим народом в далеко не дружественном окружении. Они не только выжили, но увеличили свою численность и в конце концов добились образования независимого государства. В историческом плане Россия давно стала родиной значительной части евреев. По

переписи 1897 года половина евреев во всем мире проживала в пределах царской России.

За последние пару десятков лет в отношениях Советского Союза и Израиля не все было гладко. Возникли проблемы с выездом евреев из страны, и на этой почве начались споры, противостояния, возникло непонимание. В настоящее же время эта проблема снята. И я не вижу других проблем, которые могли бы в значительной мере как-то испортить российско-израильские отношения.

Вместе с тем думаю, что не может считаться здоровым обществом если в нем возникают, например, антигрузинские, антиукраинские, антибелорусские или антиеврейские настроения. Но этот процесс обоюдоострый.

За последние годы у нас не было каких-то прямых антиеврейских выступлений. Помню, в бытность мою председателем КГБ получал сигналы о возможности каких-то антиеврейских погромов. Мы их проверяли и никогда ничего не находили. Видимо, речь идет не о каких-то антиеврейских проявлениях, а просто о несогласии с теми или иными аспектами политики Израиля в отношении, допустим, арабских стран. Мне думается, она не была оптимальной. В последнее время история показала, что в Израиле есть здоровые силы, есть умные люди, понимающие, что надо выходить на широкий простор развития арабо-израильских отношений. И эта точка зрения стала преобладать.

Не думаю, что евреи в Советском Союзе находятся в положении угнетаемой этнической группы. Ничего подобного. Они занимают приличные посты во всех сферах управления, промышленности, сельского хозяйства, медицины, науки и т.д. Более того, мне кажется, здесь не обходится и без перегибов, но это происходит в силу отдельных особенностей их характера и отчасти из-за покладистости русских.

Мне кажется, что некоторые лица еврейской национальности совершают серьезную ошибку. Они часто злоупотребляют приклеиванием ярлыка антисемита к тем или иным политическим деятелям. Это не всегда так. Допустим, выступать

против отдельных сторон политики Тель-Авива не значит быть антисемитом. Выступить против отдельных действий лиц еврейской национальности у нас тоже не значит быть антисемитом. В таком же духе можно выступить против казахов, украинцев, белорусов, но ведь это не значит, что этот человек — антиказах, антиукраинец, антибелорус.

Думаю, процесс создания лучшей атмосферы для развития отношений между Россией и Израилем должен идти с обеих сторон. У Израиля и России есть серьезные основания говорить о совместимости определенных интересов в геополитическом раскладе мира. И здесь никак нельзя ориентироваться на отдельных лиц еврейской национальности. Я, например, никогда не буду оценивать позицию всех евреев по поступкам и действиям, допустим, Минкина, Плутника и некоторых других.

Эта совместимость, конечно, далеко не полная, хотя пренебрегать ею было бы не в интересах обеих сторон.

А. П.: Предлагаю Вам с высот геополитики спикировать вновь на нашу грешную землю.

С одной стороны, мне кажется, что нынешний режим, пройдя через фазы кризисов, вдруг как бы опомнился и стал предпринимать меры по стабилизации в России. Предпринимаются попытки стабилизировать социально-психологическую атмосферу вот этими хартиями о примирении, путем государственного регулирования экономики. Пытаются стабилизировать положение на границе. Идут разговоры о военном строительстве, увеличении военных заказов. Все это должно нами, людьми оппозиции, оцениваться положительно. Обиженные, оскорбленные, помня все раны и травмы, нанесенные режимом, мы все-таки не можем отвергать с порога все эти действия, направленные на стабилизацию.

С другой стороны, на этом фоне, который во многом пока только декларируется, опять просматриваются шаги на сокрушение остатков российской государственности. Это касается системы безопасности, всего того, что прежде называлось

Министерством безопасности, а сегодня стало Федеральным агентством контрразведки. Ко мне приходят люди из этих ведомств, ушедшие оттуда, уволенные, убежавшие, выкинутые, – они в ужасе от того, что вытворяется с этим последним оплотом безопасности России.

Как Вы оцениваете происходящее с Вашей бывшей вотчиной, с Комитетом госбезопасности, во что превращают этот организм? Что это такое для державы, для страны?

В. К.: Последние шаги Ельцина, направленные на достижение согласия, как-то импульсивно проявлялись и раньше, в виде отдельных оброненных фраз, потому что нельзя же только угрожать, действовать только силовыми методами. Думаю, объясняется это просто: режим оказался в очень тяжелом положении, оно многими расценивается как безвыходное, и поэтому в интересах выживания они и пошли на подобные шаги.

Но, думаю, те, кому предлагается это согласие, поступили бы опрометчиво, если бы не воспользовались этим для облегчения жизни нашего народа. Другое дело – какое это будет предложение. Надо посмотреть.

Для меня ближе проблемы, связанные с безопасностью. Я мог многое предполагать и предполагал, но то, что произошло в нашем Отечестве, превзошло все мои худшие ожидания. В августе 1991 года была первая реорганизация КГБ, в конце 91-го – вторая, потом третья... Я уже сбился со счета. Мы должны организовывать не только надежную безопасность, но и экономичную. Все, что сейчас делается, неэкономично. По численности ведь эти органы не стали меньше, их просто разбросали по разным углам. Проблема безопасности теперь решается бессистемно, а это недопустимо. Средств отпускается вроде немало, учитывая бедственное положение страны, но вся система безопасности – и в этом трагедия – подчиняется интересам не общегосударственным, а определенной личности. Сколько это может продолжаться? Год, два, три... Но потом все равно все рухнет. Разведка вы-

делена, изъяты из общей структуры безопасности контрразведка, связь, охранные подразделения, технические службы, погранвойска, то есть все раздроблено.

До августа 91-го у нас все было в едином механизме, мы были на уровне того, чтобы решать проблемы безопасности, связанные с державой в целом. А сейчас этого нет. Известно, что из органов ушли тысячи квалифицированных людей. Пришли новые, плохо подготовленные, теперь там другой критерий отбора – не профессиональные знания, а, видимо, лояльное отношение к режиму. Раньше у нас было главное – отношение к Родине, это святое понятие. Раньше было отношение к долгу – это тоже святое понятие. Сейчас все сместилось и размылось. Система безопасности – разбитая, расчлененная, обескровленная, лишенная кадров – не в состоянии решать стоящие перед ней задачи. Те, кто получит в наследство этот компонент нашей государственности, а точнее – его кусочки, окажутся в весьма сложном положении.

Как решить проблемы безопасности? А решать их придется быстро, потому что разведоперации против нашей державы продолжаются, наркобизнес растет, организованная международная преступность действует, контрабанда разошлась вовсю, наши секреты уплывают... Отдельные секреты стоят миллиарды долларов, у нас же их берут почти бесплатно. А органы, обескровленные и разрушенные, должны бороться с этим.

А. П.: Страна переживает, как мы говорим, системный кризис. Это кризис социума во всех его проявлениях. Среди направлений, по которым он развивается, есть и властное направление. Мы переживаем кризис власти. В нормальных конституционных обществах он разрешается сменой кабинета, руководства, курса. Проигравшая команда через конституционные формы уступает место другой.

В нашей стране это, по-видимому, исключено. Все кризисы с 1991 года разрешались силовыми методами. Есть ощущение, что этот властный кризис, нарастая, а не снижаясь,

должен породить каскад подобных же властных катастроф. Недаром совсем недавно общество было травмировано версией государственного переворота. Общество не отнеслось к ней как к очередной «утке», потому что идея переворотов висит в воздухе. Мы их ждем и как бы даже накликаем.

Ваш опыт, Ваша интуиция говорят Вам, что эти перевороты становятся нормой нашего смутного времени?

В. К.: Думаю, мы имеем дело с очень тревожным явлением, с которым, может быть, не встречалась ни одна держава. Нашу общественность, наш народ пытаются заставить привыкнуть ко всему тому, что в нормальной жизни необычно, даже противоестественно, недопустимо. Например, смена общественного строя происходит или в результате революции, или с согласия всего народа. У нас сменили или почти завершают смену одного общественно-политического строя другим, никого не спросив. Более того, у нас был референдум 17 марта, у нас был Союз – его взяли и развалили. И тоже никого не спросили. У нас стали применять силу в опасных размерах. Ведь прошлый год войдет в историю октябрьской трагедией, во время которой погибли сотни ни в чем не повинных людей. У нас был один переворот, потом второй, третий... Сейчас говорят о вероятности очередного переворота. Создается впечатление, что есть группа лиц, пытающаяся найти выход из кризиса все тем же силовым способом.

Не думаю, что здесь выступает творцом обязательно Ельцин, есть и другие люди. Они хотят приучить нас к мысли, что удары силовых структур по силам, якобы готовящимся к перевороту, – закономерное явление. Это самый опасный метод в решении возникших у нас проблем. И в то же время призывают к мирному согласию...

Очень хотелось бы, чтобы Россия избавилась от подобных потрясений, искала конструктивный путь выхода из кризисного положения. Но боюсь, что заинтересованные силы могут спровоцировать выступление против тех, кто действительно выступает за порядок.

Апрель 1994 г.

«Я знал, что иду под обстрел»
(Диалог Александра Проханова
и Кирсана Илюмжинова)

Александр ПРОХАНОВ: Кирсан, Вам 32 года, по возрасту Вы годитесь мне в сыновья. Вы абсолютно молодой человек. И все у Вас дышит молодостью, открытостью, неожиданностью. В моем представлении Вы как бы политик-авангардист, потому что не вписываетесь в сложившиеся у нас традиционные политические формы. У Вас иная осанка, иная манера говорить, нет вальяжности, фундаментальности. В Ваших действиях, в Ваших реакциях все время новизна, авантюра, какая-то неожиданность и экстравагантность. Вы пришли в политику, когда состязались на выборах с Очировым, человеком Министерства обороны, прежнего традиционного уклада, и выиграли у него. Победила, по-видимому, тоска народа по абсолютной новизне. Народ устал от тривиального, безнадежно устаревшего.

После того как Вы стали президентом Калмыкии, из Ваших уст последовало много неожиданных заявлений, некоторые из которых шокировали, отчасти и меня. Мы все ждали, какие за этим последуют реальные политические поступки. Одно дело – провозглашать новые формулы политической жизни, а другое – отвечать за них деянием, поступком. И вот этот поступок реального политика не замедлил себя ждать. В трагические дни сентября–октября прошлого года Вы совершенно неожиданно для большинства русских людей совершили поступок гражданина, зрелого государственного мужа и нравственного человека, направленный на предотвращение бойни, связанный с риском для жизни. Тем самым Вы прославили себя во всем патриотическом, связанном с Конституцией и законом движении.

Мне бы хотелось из Ваших уст, хотя мы об этом писали и говорили многократно, еще раз услышать рассказ о том,

как Вы направились к Дому Советов с флагом парламентарера во время осады, стрельбы... Как все это случилось?

Кирсан ИЛЮМЖИНОВ: Сразу после этих событий меня спрашивали: «Ну, Кирсан, ошибочка вышла, наверное, просчитался?» Действительно, вроде бы президент республики, первым в России ликвидировавший у себя Советы, советскую власть, близкий к президенту Российской Федерации, и так неумно, неосторожно поступил. Одни говорили, что пошел за чемоданчиком Руцкого, другие – что молодой решил снова экстравагантно поступить, чтобы о нем заговорили. Но когда возникает вопрос, идти под пули или не идти, тут уж не думаешь об экстравагантности. В октябрьские дни я поступил не как бизнесмен и не как политик, а как нормальный честный гражданин нашей многонациональной России.

Когда чуть больше года назад пошло выдвижение кандидатов в президенты Республики Калмыкия, у меня было очень много дел и в Москве, и за рубежом, и необходимости возвращаться к себе в Калмыкию не было. Но когда ко мне приехали из республики представители разных движений и предложили: «Давай, Кирсан, баллотируйся на пост президента» – я вернулся. А если за что-нибудь берусь, довожу начатое до конца. Я тогда подумал: стоит идти на это или не стоит? Знал, что, если соглашусь идти в президенты Республики Калмыкия, кроме того, что каждый день ушат грязи на меня будут выливать, ничего приятного не получу. Но я сознательно пошел на это, чтобы вывести республику из застоя, экономического и политического тупика.

1993 год в Калмыкии был кризисный, было двоевластие Совета министров и Верховного Совета, сменившееся безвластием, когда межлулусские столкновения, межродовые противоречия достигли апогея. И нужно было там быть, чтобы развести противодействующие силы. И я вернулся в Калмыкию, хотя родственники и друзья были против этого.

В сентябре прошлого года в Москве тоже началось открытое противоборство властей, но в гораздо большем масштабе. Когда я прилетел сюда 25 сентября, уже всю шел расклад:

ты – за или против? Тогда я выступил по телевидению в программе «Утро» и однозначно заявил, что я против антиконституционного Указа № 1400, потому что он неминуемо должен повлечь за собой жертвы. Как политик, президент республики вроде бы я не должен был так поступать. Власть имущие меня просили: «Ты молодой президент, давай выступи по телевидению, дай интервью: мол, мы в глубинке, в Калмыкии, давно поняли, что Советы являются тормозом...»

Меня хотели как таран пустить – давай вперед! Но я знал, что рано или поздно история вынесет свой суд этому указу, этим действиям, и чувствовал дыхание близкого кровавого побоища. Значит, те, кто около президента стоят, отойдут в сторону, их же не видно, они как тени. И когда через год-два история будет выносить свой приговор, когда начнут спрашивать, кто подтолкнул нашего президента принять этот указ, вспомнят: «Ага, еще за полгода до этого был такой Кирсан Илюмжинов, он дурной пример показал президенту России». Ведь в сентябрьские дни в некоторых газетных статьях, интервью проскальзывало, что президент России последовал калмыкскому варианту, что он созрел, слова Илюмжинова дошли до Ельцина...

Я же совсем не это имел в виду. Когда я ликвидировал Советы, приехал в Москву и сказал кремлевским чиновникам, президенту России, что найдутся горячие головы, которые начнут говорить: «Вот Илюмжинов разогнал Советы, давайте тоже их везде разгонять». Но что приемлемо для Калмыкии, не обязательно годится для всей России. Что возможно, скажем, где-то в Нижнем Новгороде, невозможно в Москве. История должна идти своим естественным ходом. Вот у нас условия уже созрели, мы и перешли к новой системе, а в России, может, они созреют через полгода, год. Да, ситуацию нужно готовить, но не так оголтело, как столичные средства массовой информации: всех собак с цепи спустили на депутатов, с ног до головы грязью поливали. Никогда нельзя человека в угол загонять, потому что тогда он звереет.

Я был против этого, и когда все начали говорить: «Кирсан, давай выступай!», – знал, что они в сторону отойдут, а я

останусь. Ладно, если бы мне было лет 70 или 80, но мне же 30 лет, еще жить да жить, и я не хочу, чтобы оставшиеся 30 лет до пенсии меня грязью поливали: он подал дурной пример.

Я им на это говорил: вот когда в апреле–мае я ликвидировал Советы, закрыл КГБ, я не просил вас, не давал понять, что меня нужно поддержать. И ни один из вас – ни министры, ни президент, ни премьер-министр – официально меня не поддержал, даже добрым словом. Ни телеграмму не прислал, не пригласил на беседу...

Конечно, я делал это не ради них, а ради народа. Я знал, что Калмыкии нужно идти таким путем. И тогда они в стороне остались, потому что Хасбулатов и депутаты еще в силе были... Чиновники все время гадали, чья чаша перевесит, и если сейчас официально поддержат Илюмжинова, потом, может, что-то не так будет. Я прекрасно видел в эти сентябрьские-октябрьские дни, как они, постоянно разговаривая со мной, все время колебались: туда или сюда...

И сейчас я им говорю: «Какое у вас моральное право осуждать меня? Я в Калмыкии в открытую сказал, что мне не нравились Советы, Министерство безопасности, приватизация. Я в открытую шел, в открытую заявлял. Где же вы тогда были? А сейчас, когда и сила у вас, и все вы на коне, вы снова вперед толкаете меня. Нет, я буду придерживаться тех позиций, которые все время отстаивал».

Ведь получалось так: ликвидировал я Советы, они аплодировали: «Кирсан – молодец, в нашей команде!» Когда приостановил приватизацию, те же люди звонят: «Кирсан, ты что же – переметнулся к Верховному Совету?» Из Верховного Совета мне тоже звонили: «Вот молодец, Кирсан, ты на нашей стороне...» Я был и в Белом доме, и в Кремле и сказал, что я и не в той, и не в этой команде. Я делал свою политику. Для них это было шараханье: то влево качнулся, то вправо, а для меня это нормальная, честная позиция.

Считаю: на пороге XXI века должна возобладать новая честная политика. Поэтому, когда почувствовал, что нарушаются права человека, что пошел беспредел, когда средства

массовой информации, телевидение передают явную ложь, я решил действовать. Как?

Вы знаете, 27 сентября в Санкт-Петербурге мы провели совещание. Потом 30 сентября здесь, в зале Конституционного суда, собрались руководители регионов, и я тогда сказал, что Россия не ограничивается стенами Белого дома и красного Кремля. Россия – это и Калмыкия, и Волгоград, и Дальний Восток, и Урал... Вот где Россия. Почему, грубо говоря, кремлевские чиновники или чиновники в Белом доме должны определять судьбу России? Они показали свою несостоятельность. Если за два с половиной года не смогли нормально договориться, не смогли пойти на какие-то компромиссы и решить вопрос миром, это же говорит о деградации и той, и другой команды. Если на этом небольшом пятячке в несколько квадратных километров хотят начать свои разборки, а свою неуступчивость раскинуть на десятки миллионов квадратных километров, то должны собраться руководители регионов, создать Совет субъектов Российской Федерации и, не претендуя на власть, вернуться к нулю, к нулевому варианту: Верховный Совет должен разработать два закона – о новых выборах, новом парламенте, президент же должен пойти на досрочные выборы.

Я предлагал, чтобы мы стали стеной, как бы водоразделом между этими двумя командами. Не между двумя личностями, потому что и та, и другая заслуживают своего места в истории Российского государства, а между их окружениями, которых не видно, которые всегда свои дела делают и уходят в сторону. Я и в Калмыкии так говорю: «Страшна не моя диктатура, а диктатура президентского окружения. Оно всегда диктует. Поэтому в эти октябрьские дни я занял позицию честного гражданина, должен был выступить с такой позицией.

А. П.: Кирсан, в те тревожные сентябрьские-октябрьские дни мы все это понимали: было противостояние двух групп в Москве, стягивание войск, а вокруг, в России, медленно-медленно поднимались регионы, складывались в такой политический орнамент. Казалось, что этот орнамент будет

благим, московская ситуация как бы залипнет в огромных массивах, поднимающихся в России. Однако этого не произошло, то есть чуть не произошло. Было видно, что кромки регионов должны были вот-вот сдвинуться к 4–5 октября, и ситуация была бы заблокирована. Но когда все это сломалось через стрельбу, через кровь, через танки, я видел, что люди были в ужасе от этой беды. Даже благородные, мужественные люди убегали прочь от этого кошмара, от этой катастрофы. Ушла от этого Церковь, что меня поразило как православного человека. Казалось бы, Церковь, интенсивно и благотворно включившаяся в этот процесс, должна была идти до конца, до креста, но она ушла и оставила конфликт обнаженным и голым.

Меня поразило, как тогда Вы и Руслан Аушев кинулись в эту агонию, захотели телом закрыть амбразуру, которая разверзлась в центре Москвы. Расскажите, как это было, что Вы переживали тогда, чем руководствовались.

К. И.: С нами тогда тоже священник был, но он куда-то пропал. 4 октября, когда утром шло очередное совещание в зале Конституционного суда, Руцкой дозвонился до Зорькина и сказал, что по Белому дому стреляют в упор. Затем приехали наши товарищи и подтвердили, что здание расстреливают, есть жертвы. Мы стали всем звонить. Я звонил и в приемную Черномырдина, и министру обороны, начальнику Генерального штаба, командующему сухопутными войсками. Кругом – молчание, и стало ясно: если началась стрельба, пошли танки, значит, решили дело довести до конца. Я тогда предложил немедленно что-нибудь предпринять. Мы знали, что в стенах Белого дома, кроме депутатов, были люди, оказавшиеся там случайно.

В Конституционном суде находились человек 20–30 из регионов, председатели Советов, некоторые главы администраций. Я сказал им: давайте поедем и станем между танками и Белым домом. Уже было бесполезно упрашивать одних, умолять других: остановитесь, не стреляйте, нужен был какой-то шаг. В это время был с нами и священник. Я ему

говору: давайте с нами вместе. Тогда я позвонил командующему сухопутными войсками генерал-полковнику Семенову, затем министру обороны. Мы позвонили в приемную Черномырдина и сказали, что группа руководителей регионов Российской Федерации вместе с представителем Патриархии выезжает к Белому дому для того, чтобы провести переговоры, остановить кровопролитие, то есть только доложили. Я сказал, что через 15 минут мы будем у Белого дома.

Начали искать белый флаг. Сорвали занавеску в кабинете Зорькина (кстати, эта занавеска до сих пор у меня), сделали из нее флаг и пошли. Когда выходили, вроде целая толпа была, потом людей стало все меньше и меньше, где-то на уровне раздевалки многие потерялись, священник тоже.

Мы поехали к Белому дому. Зрелище там было ужасное: и стрельба, и пьяные молодчики, кругом ящики с водкой, вином, «Амаретто». Нас остановили и вперед не пропускали. Сначала поговорили с одними военными, потом с другими – все бесполезно. Но в конце концов подошли со стороны мэрии, и нас пропустили. С нами еще Гашев был, его отсекали, и мы с Аушевым вдвоем с белым флагом пошли. Попросили не стрелять, но, когда мы были уже перед самым Белым домом, вновь началась перестрелка. И создалась такая ситуация – ни назад вернуться, ни вперед не пройти. Но раз уж пошли, нужно было продолжать.

А. П.: Что вы там увидели? Ваши переживания?

К. И.: Картина была страшная. Когда мы зашли внутрь, сразу оказались прижатыми к стене. В подъезде № 20, где мы стояли с Русланом Аушевым, снаружи все простреливалось, а между первым и вторым этажами шла стрельба. Десантники нас наверх не пускали, и, пока мы им объясняли, что пришли с белым флагом, Руцкому передали, что мы здесь.

И вот мы отправились перебежками по лестнице, потом по второму этажу, местами приходилось и ползком, потому что все окна простреливались. Много крови было. А в одном месте 30–40 женщин стояли: не могли выйти. Мы попросили офицера вывести этих женщин. Мы дальше наверх пошли.

Знакомый офицер – я за три дня перед этим был в Белом доме и познакомился с ним – сказал мне: «Здесь трупы есть. Хорошо, что вы пришли».

У нас была задача увидеть Руцкого, Хасбулатова. Когда прошли в кабинет Хасбулатова, вернее – пробрались, кругом были осколки стекла, кровь. В кабинете мы не стояли, а сидели на корточках, потом на соседнем этаже снаряд разорвался. Ужасно! Центр Москвы – и среди белы дня пальба, погибают люди! Какой-то театр абсурда! Здесь же на полу Олег Румянцев по спутнику связи с Олегом Лобовым соединился. Я подполз к нему и сказал в трубку: «Олег Иванович, мы, два президента, здесь, прекратите стрелять». Положительного ответа я так и не получил. Потом подошел Руцкой с автоматом: «Кирсан, смотри: автомат в масле, мы не стреляли». Потом Уражцев, Хасбулатов подошли...

А. П.: Сегодня эта беда, эта бойня, это преступление в сентябре–октябре как бы отодвинулись уже в русскую историю – наслоились новые события, пошла, как это всегда бывает, другая жизнь. И в этой другой жизни складываются новые тенденции, новые человеческие отношения, совершаются поступки. И Вы опять поразили наше общественное сознание своими недавними заявлениями в Калмыкии. На фоне разнuzданных суверенитетов, на фоне прогнозов распада, дифференциации России, на фоне разговоров о том, что региональные и республиканские элиты тяготеют к автономии, Вы вдруг выступили опять как бы против этой тенденции, против этой энтропии, грозящей России тепловой смертью.

Вы выступили за отмену самой практики суверенитетов, выступили со своим «Степным уложением», которое, как я понимаю, не закон, а заповедь национальная, аккумулирующая в себе традиции степи, этноса, культурно-религиозной философии калмыков. Расскажите об этом Вашем поступке. Какая здесь кроется тайна, какова Ваша стратегия?

К. И.: Я пошел в президенты, чтобы снять наши межродовые, межнациональные противоречия. Калмыкия – ворота Северного Кавказа: рядом Чечня, Осетия, Ингушетия, Даге-

стан. И все мои действия в большой политике – это звенья одной цепи, суть их – ненасилие, миротворческая идеология. Вы помните, как я пригласил старейшин Ингушетии и Осетии, чтобы бесплатно передать 5 тысяч тонн зерна ингушскому и осетинскому народам поровну: по 2,5 тысячи тонн? Это ни много ни мало на 600 тысяч долларов. Зерно нам тоже очень нужно, но мы со своего стола отдали его осетинам и ингушам, отдали самое дорогое, что у нас есть: пожалуйста, помириться, перестаньте воевать, успокойтесь. И это как холодный душ был для тех и других.

В России сегодня идет опасный дезинтеграционный процесс, и после моего решения многие руководители, лидеры различных националистических движений говорили: «Кирсан, что ты сделал? Ты нас предал». Ведь в средствах массовой информации до и после октябрьских событий меня представляли как одного из региональных лидеров, сторонников сепаратизма. Писали: «Такие лидеры-регионалисты, как Илюмжинов, Шаймиев...» Постоянно эта тема обыгрывалась. Значит, это кому-то было нужно.

Сейчас, я считаю, как и в те октябрьские дни, тоже происходит театр абсурда. Региональные лидеры считают, что центр слабый, управлять не может, кругом преступность, экономика разваливается. Обвиняют центр в неспособности руководить Россией. Каждый старается отсидеться в своей национальной квартире. А те, что сидят в Кремле, в центре, ругают республики, региональных лидеров: они-де разваливают Россию, суверенитеты объявляют. Одним словом, все время друг друга обвиняют.

Но кто-то должен заявить: давайте прекращать театр абсурда, давайте вместе выходить из положения. Наш земляк, ученый и поэт Велимир Хлебников еще в 1918 году писал своей матери: «Берите детей и бегите подальше в пещеру, услышав слово “суверенитет”...» Это в 1918 году!

Калмыкия – первая республика, исключившая из своих прошлых конституций слова «суверенный», «суверенитет». Это было до «Степного уложения». Еще в мае прошлого года

я выступал на конституционном совещании с предложением вычеркнуть слова «право нации на самоопределение». Если мы в России живем, какие могут быть государства, суверенитеты? Что подразумевает слово «суверенитет»? Национально-освободительное движение. Я понимаю, когда какое-то отдельное государство добивается независимости. Но если мы исторически уже связаны, срослись с РФ? На пороге XXI века, когда всем грозит экологическая катастрофа, когда каждая республика наводнена оружием, о каком суверенитете можно говорить? Сейчас, наоборот, мир должен объединиться, чтобы выйти из всех этих проблем.

Да, Советский Союз развалился, но Россия осталась, стержень бывшей страны. Отошли Казахстан, Украина, Белоруссия, но эти республики пока на плаву именно потому, что Россия держится, остается незаблемой. А если Россия начнет раскалываться на Калмыкию, Дагестан, Якутию, Уральскую республику, Дальневосточную, тогда это будет взрыв, всеобщий крах, потому что не будет стержня. Им не может быть московское государство – губерния в районе Садового кольца...

Давайте посмотрим. Можно идти по чеченскому варианту – объявлять независимость, свои паспорта печатать. Потом Лужков будет с наших граждан в Москве валюту брать за проживание в гостинице. Или татарский вариант – подписать двусторонний договор с Россией. Но тогда это конфедерация получится. Почему они так могут, а мы не можем? Как руководитель республики, как человек, которого народ избрал, которому доверил свою судьбу, я должен определиться, все время в подвешенном состоянии находиться невозможно. Полубеременным ходить нельзя.

Вот мы на берегу Каспия находимся, Иран рядом. Давайте играть в суверенитет, в независимость. Я имею свой банк, свою валюту, свою армию, таможенную, пограничников... Пенсию все мои старики получают из Центрального банка РФ. Значит, нужно сделать тоже смелый шаг – открыто заявить населению, что мы обойдемся без этого. Я знал, что тут же под-

нимется волна недовольства, что оппозиция начнет играть на национальных чувствах, и я снова становлюсь под обстрел.

Я все это просчитал, когда 11 марта 1993 года на сессии парламента Республики Калмыкия заявил: первое – нужно отменить конституцию Калмыкии. На территории Калмыкии должна действовать только одна конституция – Российской Федерации. Второе – нужно отменить гражданство Калмыкии. Мы только граждане Российской Федерации. И третье – президент Калмыкии должен подчиняться президенту РФ, то есть включиться в единую властную вертикаль. Ельцин, скажем, должен дать мне грамоту, что я имею право руководить своей республикой. Для России сейчас нужна именно такая жесткая централизованная власть.

Я знал, что сразу попаду под обстрел. Так и случилось. А сейчас я нахожусь под тройным прессом: снизу – политики, играющие на национальном чувстве: «Кирсан – враг народа, предал Калмыкию, продался Москве». Сбоку давят руководители и лидеры националистических движений в республиках: «Что ты делаешь? При помощи суверенитетов можно играть Москвой, добиваться своего». Это значит: не дадите кредита, не дадите ссуд, мы тогда отойдем от государства. Выбиваются деньги в Москве, а потом окружения региональных лидеров делают свои дела. И сверху давление, где-то молчаливое несогласие или препятствия со стороны московских чиновников, тех, что сидят на распределении средств республикам. И каждая республика имеет свое лобби здесь, которое тоже кормится на этом.

Москва вроде бы должна приветствовать Илюмжинова: «Молодец, великая идея, великая Россия...» Но для них, похоже, личные интересы выше российских. И такую большую идею, инициативу они стараются перевести в ничего не значащую. Посмотрите, сейчас на телевидении эту идею затерли. Она будто невыгодна сейчас. И напрашивается вывод: им объединение России не нужно...

А. П.: Калмыки – огромный, великий, уходящий корнями в древность этнос, и для меня калмыцкие степи, Калмы-

кия – метафора великих переселений народов со своей пракультурой, космосом, этнической тайной, которая медленно проявляется в мир, порождая все новые и новые формы сознания и творчества. И калмыки пережили национальную катастрофу: будто огромный метеорит упал в народ, разметал его на части: одна половина была выброшена ударом за пределы Союза, в Китай, другая – перенесла гонения. Калмыки несут в себе, в своем генезисе черты воина, скотовода, монаха, молитвенника. Они первые, как мы знаем, вошли в Париж в 1814 году.

Калмыцкое мирознание требует того, чтобы лидеры постоянно вели с ним диалог, постоянно обращались к пракультуре народа. Я слышал, что у Вас есть очень интересные новации в республике, связанные с возрождением религий. Вы человек, направленный в политику, в конституционное творчество, коммерцию, бизнес, но, по-моему, в Вас есть и вертикальные компоненты: Вы чувствуете мир как тайну, как иррациональное нечто. Как Вы чувствуете эту таинственность мироздания и как она в Вашей культурной и религиозной политике осуществляется?

К. И.: В Калмыкии проживают чуть ли не единственные буддисты на территории России. С 1609 года, когда с Василием Шуйским было подписано соглашение о вхождении в состав Российской империи, калмыки все время охраняли южные границы и участвовали во всех походах русских царей, то есть все время были на острие. И 1917 год, конечно, очень сильно ударил по народу, потому что калмыки – очень набожный народ, буддисты. Это с одной стороны, а с другой – буддистская религия, она очень миротворческая.

У нас на территории Калмыкии было несколько православных церквей и 98 буддистских монастырей. Сейчас нет ни одного, так как во время сталинского правления наши монастыри и библиотеки было сожжены, а в 1943 году калмыков выселили в Сибирь. 13 лет мы находились там, но сохранили частичку культуры, принесенную из Внутренней Монголии, нашу религию, наш традиции. И я в своей поли-

тике, в своей деятельности всегда, даже не обращаясь к Богу, чувствую, что мир един, мир должен жить в гармонии. Никогда нельзя делать зла.

Когда я в бизнесе был, всегда партнерам советовал: не обманывайте никого, не наступайте другим на горло, потому что Бог все видит и все знает. Сегодня вы кого-то обманули, выиграли миллион, а завтра вы потеряете сто миллионов.

В детстве я молился, бабушка и дедушка были набожные люди, буддисты. Так что я по происхождению буддист, но захожу и в православную церковь, и в католический костел, в мусульманскую мечеть. Я чувствую, что Бог един, а Будда, Магомет, Христос – дети одного Бога, несущие Его учение в массы. И когда был в бизнесе, старался никому не причинять зла. Так же и в политике, когда начинаются противоречия – одна фракция, другая, я стараюсь найти компромисс, выйти из положения. Все время стараюсь думать не о том, что я президент и имею те или иные материальные блага, могу повлиять на тот или иной процесс, а в каждом своем действии именно ориентируюсь на Абсолют, назовем так.

Нужно ли это человеку? Вот пример с отменой конституции. Мне, как президенту, разве не выгоднее суверенитет? И что я, идиот, что отказываюсь от своего президентского кресла? Я буду приезжать в Москву, и со мной будут считаться. Вот недавно губернаторы, руководители администраций краев и областей, останавливались здесь, в гостинице «Россия», а 20 президентов республик – в «Президент-отеле». Даже конфликт произошел осенью, когда Ельцина пытали: «Почему, Борис Николаевич, президенты там живут, а мы здесь?» И губернаторов уравнили в правах. Теперь губернаторы тоже живут в «Президент-отеле», то есть престиж соблюден. Я стараюсь в политике нести добро, идти от добра.

Во всех моих действиях – и в республике, и в стране все именно от этого идет. В прошлом году я поднял вопрос: почему Церковь отделена от государства? Все разрушили, уничтожили, и говорили Церкви: мол, давайте сами выкарабкивайтесь. У нас в республике я соединил Церковь с государством, а глав

религиозных конфессий – буддистской, православной, сейчас и мусульманской – возвел в ранг министров. В Доме правительства они имеют свои кабинеты. «Чайку» свою им отдал, в бюджет вносим расходы на восстановление буддистских пагод, православных церквей – мы взяли это на себя.

В эти дни в Калмыкии проходит Неделя Тибета. Я пригласил тибетских монахов, они сейчас выступают в школах, в университете. Я хочу религию не просто соединить с государством, а чтобы это было неформально. Как сейчас: телевизор как ни включишь – там проповедник, а чтобы это вошло в нашу жизнь. Это не значит, что каждый в субботу или воскресенье должен ходить в церковь и молиться.

Вот по телевизору – какой-нибудь руководитель стоит в церкви. Разве это означает, что он с Богом соединился?.. Религия – это же часть нашей культуры. Экономика, религия, музыка, песни – все должно быть в гармонии. Мы построили две православные церкви, буддистские храмы сейчас восстанавливаем, и в этом году я хочу начать строительство монастыря, где будут монахи – буддисты, католики, православные, мусульмане – под одной крышей. Каждый будет молиться своему Богу, а небо одно. Я об этом и с Патриархом говорил, и с Папой римским.

А. П.: Кирсан, сегодня прилагаются усилия к созданию согласия во имя мира, объединения, куда вошел наш политический бомонд, очень известные люди, представители партий, движений и отдельно взятые интеллектуалы. Каждый сам по себе очень ярок, эффектен. Соединение их полгода назад было совершенно невозможно, потому что их разделяли статусы, мировоззрения, политические пристрастия. Сейчас это все соединилось, как в задуманном Вами монастыре под единым небом. Тем не менее внутри этого движения много пестроты, много еще не сложившегося. Люди двигаются друг к другу скорее из соображений политической целесообразности.

Как Ваше ощущение: у этого движения, претендующего на внесение в политику морали, абсолютной законности и общенациональной благой идеи, есть перспективы?

К. И.: Движений всегда много. В прошлом году тоже создавалось не одно такое движение. Можно вспомнить даже их лидеров, которые сейчас на поверхности или в тени. Но мне кажется, что то или иное движение может на что-то претендовать, если способно на какое-то действие.

Вы правильно сказали, что многими двигает политический расчет. Сейчас речь идет о власти. И вот формируются предвыборные блоки, а какими они – мощными или нет – окажутся, покажет время. А то, что люди во имя России объединяются, сейчас любого спроси, каждый скажет, что он за Россию. Спроси Руцкого, Ельцина, Хасбулатова, Филатова – все действуют во имя России. Вот я хожу часто по работе и в Кремль, и в Белый дом, – все тоже действуют во имя России. Взять октябрьские события: тоже никто зла России не желал, но тем не менее простых россиян взяли и постреляли.

Сейчас тоже никто зла России не желает, но когда вступают в дело чисто командные интересы, вот здесь искра будет. Я думаю, что после такой искры, не дай Бог только, чтобы она случилась, движений уже не будет, останутся только те или иные личности.

А вот наглядный пример. В прошлый вторник Калмыкия ликвидировала конституцию, двойное гражданство, ввела «Степное уложение». Кого ни спросишь, все президенты и региональные руководители – во имя России, все за единую и неделимую. Но пусть они то же, что и мы, сделают. Кто за них это сделает? Никто.

А. П.: Вы как буддист, как человек такого восточного мирозерцания не должны ощущать катастрофичность мира. Скорее для европейского сознания мир делится на добро и зло, между ними идет борьба, приближающая конец света, апокалипсис, взрыв. Для человека восточной культуры, в частности для буддиста, нет катастроф, конца света, нет этой мировой драмы. Там все гораздо тоньше, мягче, как бы бесконечнее. Вы как политик чувствуете катастрофичность нашего времени?

К. И.: Нет. Когда в 1990 году, будучи народным депутатом РФ, я был в Соединенных Штатах Америки, на пресс-

конференции один из журналистов задал мне вопрос: «Господин Илюмжинов, Вы вроде богатый человек. Многие предприниматели, заработавшие деньги на Западе, здесь и остаются. Не хотите и Вы в Америке остаться?» Я ответил: «Я знаю, уверен, что наступит день, когда не наши русские девушки будут мечтать выйти замуж за американских бизнесменов, а ваши американские девушки будут мечтать выйти замуж за русских парней».

Многие наши предприниматели, уехавшие за границу, пользуются там авторитетом. Так и в политике. Уверен, что Россия будет сверхдержавой. И когда меня спрашивают: «За чем ты суверенитет отменяешь?», я отвечаю: Калмыкия одна не вытянет. Чтобы заявить о себе, мы должны идти вместе с Российским государством. Я также уверен, что в России скоро заговорят о калмыкском экономическом чуде, то есть реформы, которые мы проводим, скоро дадут знать о себе.

Так же и в России: те преобразования, которые пойдут, заставят мир вздрогнуть. Но это будет лет через 10–15, когда мир заговорит о российском экономическом чуде. То будет не корейское экономическое чудо, не японское, а наше, российское, подобное ракете. Потому что мы имеем огромные ресурсы – всю таблицу Менделеева, потому что каждый пятый ученый в мире – наш, российский ученый. И наши люди, выдержавшие и революцию, и коллективизацию, и Сталина, и перестройку, выдержат и Бог знает что еще. Синтез этих трех качеств и самое главное – человеческий фактор – дадут настоящий взрыв в развитии нашей экономики.

Апрель 1994 г.

«Работа — для России»

*(Диалог Александра Проханова
и Руслана Хасбулатова)*

Александр ПРОХАНОВ: Руслан Имранович, помню, как Вы меня принимали в своей маленькой гостиной с интервьюером

такого изящного салона, с икебаной. По этой гостиной потом били прямой наводкой танки.

Помню и Ваш великолепный кабинет – там витал запах Вашего табака, были разложены разные предметы – книги, заметки, рукописи.

Теперь в этом кабинете сидит Черномырдин, вгнезвился в Ваше кресло, в Ваше пространство, и кто-то мне сказал, что иногда при определенном освещении там на стенах проступают пятна крови...

3 октября ночью мы мельком с Вами встретились. Это было после событий в «Останкино», когда трагедия уже нависла над Домом Советов, и Вы прошли в окружении охраны, военных, улыбались, но лицо Ваше было исполнено тревоги, и мы с Вами не обменялись ничем, кроме краткого рукопожатия. Потом была эта пустая, полная ожидания ночь и ужас наступившего дня: штурм, аресты и тюрьма.

Вы прошли через огромное потрясение. Что для Вас была эта трагедия? Наверняка Вы вышли оттуда другим человеком.

Руслан ХАСБУЛАТОВ: Вы правы, определенная эволюция не могла не произойти с людьми, непосредственными участниками страшных событий, которые почему-то стали называть такими пустыми, малозначащими словами, как «переворот» или «контрпереворот». А это величайшая российская трагедия, развязанная указом № 1400. Другое дело – какие источники, движущие силы стояли за этим указом...

Если говорить о моей эволюции как человека, я бы не сказал, что со мной произошли какие-то внутренние деструктивные изменения. Каким я пошел в тюрьму, таким, собственно, и вышел. Но откровенно признаюсь: до последней минуты не мог и подумать, что найдется хотя бы один человек в России, который пошлет танки, пошлет вооруженных людей с прямым приказом убивать, расстреливать. Я никак не мог предположить, что такие жестокости будут осуществляться против парламентариев. Этого я действительно не мог ни предположить, ни предугадать.

Есть люди, которые говорят, что в этом моя ошибка. Но если это надо было предугадывать, если это норма, значит,

никакого демократического строительства в России нет, а просто идет жесткая борьба за сохранение власти определенной группы лиц. А я все-таки верил и продолжаю верить, что большая группа людей, определяющих у нас политику, в конечном счете стремится к тому, чтобы преобразовать страну на демократических началах.

С октября прошло достаточно времени, чтобы общество осмыслило происшедшее. Посмотрите сами: во всех смертных грехах винули Верховный Совет, съезд народных депутатов, упрекали, что они принимают там мало законов. Ну а сколько законов принято после разгрома? Да и в законах ли только дело?

Вот сегодня еду в машине, диктор по радио говорит: мол, многие исследователи и наблюдатели объясняют разгул преступности тем обстоятельством, что был принят закон об упразднении обязательного образования. Но позвольте, кто же виновен в том, что нет этого обязательного образования? Выходит, что коммунистический режим, при котором не было никаких законов, мог обеспечивать обязательное образование.

Недавно я был в Чечне. Там в горах уже нет школ, все разгромлено. Вспомните наши школьные годы, младшие классы... Как мы относились к второгоднику – он же считался неполноценным человеком, умственно отсталым. А теперь целое поколение вышибается из школы. На что они обрекаются? И кто в этом виноват?

Оказывается, Верховный Совет якобы принял закон, в соответствии с которым не предполагается заботиться об образовании. Да никакого такого закона не было! Просто власти нет, она не работает либо работает на определенную группу людей, не думая об обществе, завтрашнем дне людей, в том числе и о молодежи.

Меня очень тревожит дальнейшее ухудшение экономического положения и в то же время стремление приукрасить просто ужасающую трагедию: имею в виду не только расстрел Белого дома, но и общее положение дел в стране. Практически продолжается ее развал, причем, как мне кажется, в

ускоряющейся динамике. И у меня ощущение вины: что-то мы недоделали, может, не так надо было.

А. П.: Я тоже пытался понять, что же тогда происходило, на что был ваш расчет, чем была политическая архитектура, возводившаяся Верховным Советом на первых порах достаточно умело, тонко и успешно. Насколько я понимаю, был расчет на то, что всероссийская советская система сработает. Поднимались, правда, медленно, наши регионы, наши автономии. Был расчет, по-видимому, у Руцкого на то, что армия, присягнувшая на Конституции, не решится на этот разбой. Думали, что сам президент и его окружение не решатся на эту бойню, кровопийство.

Что же все-таки не удалось, почему общество, которое, казалось бы, Вы должны были знать, которым руководили, которое хотели реформировать, как и в период Горбачева, опять оказалось непознанным? Почему не удалось предпринимаемые усилия?

Р. Х.: Видите ли, на поддержку граждан, органов власти в регионах, Вооруженных сил и я, и большинство съезда, конечно, рассчитывали. Мы исходили как раз из этого. И надо сказать, медленно, но поворот в сторону, занятую съездом, в обществе шел, в какой бы мы ни были изоляции. Эта изоляция, лишение нас всех систем жизнеобеспечения, даже электричества, туалетов, вызывали негодование в обществе и у мировой общественности. Представители Вооруженных сил нас заверяли, что заняли нейтральную позицию, чего не скажешь о подразделениях ОМОН МВД, с самого начала пошедших на использование не просто грубых, а жестоких методов.

Мы действовали строго в рамках закона. Мы законодательная власть и должны были, критикуя другую сторону за нарушение конституционной законности, сами действовать строго в ее рамках. Может быть, исполнительная власть, которую осуществляли Руцкой, министры, должна была использовать какие-то иные методы, опять-таки в рамках той же Конституции. Разумеется, говорю это не ради того, чтобы

как-то возложить на них ответственность, а в плане осмысления, анализа ситуации.

Я участник подавления двух попыток госпереворота: одной удавшейся, другой неудавшейся. Я ведь сравнивал то, что происходило в августе 1991 года, и то, что в сентябре–октябре 1993 года. Такой поддержки Конституции и законности, как в 93-м, в августе 91-го не было. Тогда людей было очень немного. А поддержка нас в сентябре–октябре все время нарастала, люди из других республик приезжали, из глубинки, сел и городов. Это движение ширилось.

И все же еще со 2 октября я почувствовал опасность по тем радиоперехватам, которые успешно осуществлял Руцкой. Он развернул радиостанцию у себя в кабинете. Потом, кстати, ее пришлось перенести в ту самую гостиную, с которой Вы начали воспоминание. Именно там последние два дня располагался Руцкой с радиостанцией. И, конечно, в момент провокации.

Поиск провокации шел на протяжении всех двух недель, но если раньше мы были все-таки в состоянии осуществлять общий контроль, то по мере нарастания поддержки, по мере того как все больше и больше людей вставали в ряды защитников Конституции и все они стремились пробиться к Белому дому, возможность управлять этими людьми у нас сокращалась. На это не хватало ни депутатов, ни парламентских лидеров, ни тем более сил исполнительной власти. Мы не сумели создать вокруг назначенных министров управленческие структуры или штабы даже на эти дни, на период подавления, чтобы они исполняли какие-то команды, руководили людьми, которые все прибывали.

Но, как это ни парадоксально, по мере того как их число росло, все больше расширялась возможность для того, чтобы повести их по какому-то пути типа захвата здания.

Вспомните наши брифинги для журналистов – Вы в большинстве принимали участие. Когда спрашивали: не боитесь ли крови? – я говорил: боюсь, и Кремль сделает все, чтобы спровоцировать, а потом бросить обвинение в наш адрес. Это

я говорил буквально с 21 сентября. В 10 часов утра, после заседания Президиума Верховного Совета, я провел первый брифинг. Потом уже ежедневно выступал и каждый раз говорил: «Уважаемые журналисты, обратите внимание: где-то спроводируют людей, а потом будут обвинять нас».

Но у меня есть и свои вопросы к обществу, общественным деятелям. Вот прошло полгода: что улучшилось? Что показала практика? Работал ли Верховный Совет плохо? Был это парламент или нет? Теперь кого ругать?

И еще хочу спросить: за что теперь критиковать коммунистическую систему? Была коммунистическая диктатура, а ныне – антикоммунистическая. А какая разница простому человеку, если его дверь ломается под ударом сапога, приклада, его швыряют в тюрьму. Какая ему разница, что это за диктатура, если председателя парламента швыряют в тюрьму, нарушают Конституцию, закон, человеческую мораль?

А. П.: Руслан Имранович, Вы в глазах народа являлись носителем сначала как бы профессорской, кафедральной либеральной идеи, а потом волею обстоятельств стали эту идею выражать во властных структурах, в Верховном Совете, на съезде. По существу, Ваша карьера, Ваша политическая судьба – это судьба либеральной идеи в постсоветской, посткоммунистической России. Эта идея пришла в общество, стала развиваться, расширяться, захватывать все новые и новые общественные слои, наконец победила, перемолола жесткие каркасы коммунистического авторитарного строя. Она прошла достаточно яркий, во многом блистательный путь. Но по мере движения порушила, перекорезила много, разрушила Советский Союз, уничтожила социальные и психологические стереотипы. И умерла 4 октября таким жутким и страшным образом, когда танки громили парламент, весь этот либеральный русский период, длившийся от силы три года.

Не размышляли Вы над тем, что это, может быть, вообще какая-то карма русской истории, которая перемальвает в себе либерализм, не пускает его и все смыкается в жесткую, с каждым разом все более угрюмую силу подавления, наси-

лия? Может, общество таково? Может, наши хребты, реки, пространства, долгие зимы, наш тип людей, эта многомерность делают то, что либерализм, который хорош в кантонах Швейцарии, для России оборачивается трагедией? После Александра I был Николай I, после первых государственных дум и либерального Николая II были Троцкий и Ленин. Как Вы, русский либерал, прожили эти два года?

Р. Х.: Не стоит сводить мое мировоззрение, прежде всего политическое, к либеральной идее в ее существующей ныне оболочке, во всяком случае представлять как некое романтическое начало, которое не состоялось, рухнуло под натиском сил реваншизма, неоконсерватизма, даже с элементами фашизма. Окружать парламент колючей проволокой, бросать вооруженных с головы до ног против парламентариев и их защитников, стрелять в женщин, детей – на такое мог пойти только фашистский режим.

Не сказал бы, что речь идет о крушении моего политического мировоззрения. Мы с Вами уже говорили, что я еще с детства, с юношества воспринял несправедливость предыдущих порядков. В то же время нельзя закрывать глаза на то, что те порядки постепенно как раз и либерализовались, еще до горбачевского периода. Уже не было открытых репрессий, развитие Советского Союза все в большей степени подчинилось определенной мировой динамике.

Посмотрите: к началу 80-х годов рухнули диктаторские режимы в Латинской Америке, в арабских странах начались демократические преобразования, многие азиатские страны тоже пошли по демократическому пути. Со второй половины 80-х годов такие преобразования нарастали даже в Китае, во Вьетнаме. Демократизация – это всемирный процесс, по-видимому, глобальное требование общечеловеческой цивилизации.

Другое дело, что некоторые теоретики очень быстро облекают это естественное человеческое развитие в какие-то удобные для них формы. Помню, с удивлением слушал, шагая по камере, разглагольствования одного ученого, который прямо говорил: давайте отбросим все рассуждения и сдела-

ем диктатора царем. Не стоит называть всех людей, желавших процветания своему Отечеству, осуществления тех же рыночных реформ другими методами, но не столь болезненными, не столь жестокими, действительно хотевших демократических преобразований в нашей стране, – либералами, сторонниками либерального режима. Я не стал бы сводить все к упрощенной схеме.

В свое время я пытался основательно разобраться, была ли в России демократия. Была, и не только в Новгородской республике... Что такое демократия на самом деле? Это когда правитель ни в коем случае не может применить грубую физическую силу против своего подданного. Это первое. Второе, когда он относится к народу, к подданному по совести. Вот два важнейших признака, характеризующих основу нормального демократического правления. Если правитель живет со своим народом по совести, он не может его обманывать, не может лгать, терзать, вводить в пучину бед по своей собственной воле.

Верю, что наше общество вполне готово к демократическим преобразованиям. Но сказывается десятилетиями ограниченное чувство свободы. Потом страшные испытания после 1985 года, особенно развал Советского Союза. Они как-то основательно придавили интеллектуальную часть нашего общества. Мне кажется, шок от развала Союза еще окончательно не прошел. К сожалению, страдания, причиненные людям этим развалом, а также неудачными экспериментами под видом экономических реформ, лишили, по-моему, доверия вообще все властные структуры в обществе.

Когда в октябре случилась национальная трагедия, нельзя было винить людей, сказать, что они такие плохие, бесчувственные, ничего не понимающие. Скорее всего, многие рассуждали так: там, наверху, мало кто думает об интересах народа, там идет борьба за власть. Какой лагерь победит, совершенно безразлично, ведь в конечном счете это одни и те же. И те, и другие совершили зло – насилие над Союзом, насилие над российским народом своими экономи-

ческими экспериментами. И те, и другие подчинили страну влиянию иностранного фактора, и не следует ни от тех, ни от других ждать помощи.

Поэтому люди, по сути, не вступились ни за тех, ни за других, хотя, повторяю, шел процесс нарастания поддержки Верховного Совета. А раз так, дело решили специально подготовленные силы, подчинившиеся исполнительной власти и стоявшие на его стороне. Вот здесь, наверное, один из ключевых моментов к разгадке как успеха заговорщиков, так и нанесения тяжелой травмы стране, обществу и самим демократическим преобразованиям.

Дело в том, что дискредитирована не просто либеральная идея, а само понятие свободы человека. Борясь за хлеб насущный, наблюдая ужасные картины развала и насилия, человек стал рассуждать: что это за демократия, если она приносит столько лишений?

Человек, конечно же, должен быть свободен. И что такое демократия? Это же демократия не региона, не республики и даже не государства, это демократия гражданина. Если государство все свои ресурсы, всю свою мощь использует для обеспечения свободы гражданина, значит, в этом государстве есть демократия. И никогда ее не будет там, где все усилия и законы направлены на то, чтобы придавить человека, лишить его инициативы, голоса, не дать поступить по-своему. Это происходит повсеместно после разгрома Верховного Совета...

А. П.: Было время, когда оппозиция, к которой я себя причислял с 1985 года, находилась в оппозиции именно к Вам. Вы олицетворяли власть, режим, норму, которая сложилась, и Вы были объектом интенсивной критики со стороны оппозиционеров. Причем их было тогда еще немного. Но по мере ее разрастания ширились ее фланги, в ней возникали все новые тенденции, и критика по отношению к Вам как бы уменьшилась. С определенного момента, когда сам Верховный Совет постепенно радикализировался, стал противодействовать исполнительной власти, ее варианту реформ, возникла интересная ситуация, когда оппозиция своей гравитацией, своей

волей, своей энергией сопротивления как бы и Вас в себя втянула. И Вы с какого-то момента по существу стали лидером оппозиции, будучи во главе всей законодательной власти, сказавшей безумству исполнительной власти «Нет!». Это был уникальный, до конца еще не понятый процесс слияния как бы элиты властной, парламентской, с народом, с улицей.

К 21 сентября 1993 года получилось так, что Верховный Совет, Вы, Ваше окружение стянулись в узел, в котором была многомерная оппозиция – как московская, так и региональная. Поэтому Ельцин, ударив по этому узлу, по существу ударил не только по Хасбулатову и Верховному Совету, но и по всей российской оппозиции. Ему было очень удобно одним концентрированным ударом уничтожить все ядро оппозиционного процесса современной России, что он и сделал.

Белый дом пришли защищать утонченный, рафинированный либерал Олег Румянцев, после этого так страшно пострадавший, и радикальный русский патриот Баркашов. Там были просвещенный патриот Астафьев, Анпилов со своей яростью Че Гевары...

И теперь, когда удар Ельцина по оппозиции осуществился, когда Вы были вырваны из Дома Советов и помещены в тюрьму, как Вы рассматриваете эту динамику оппозиционного процесса? Как оцениваете сегодняшнюю, уже изменившуюся оппозицию? С кем Вы сейчас морально? Кто Вам больше импонирует?

Р. Х.: Видите ли, я никогда не был лидером оппозиции и не считал себя находящимся в оппозиции. Как лидер парламента, я обязан был защищать всех депутатов, обеспечить им нормальную работу, нормальную жизнь, поскольку они являлись избранниками народа.

Многие до сих пор никак не могут понять, что произошло с Хасбулатовым. Давайте вспомним, с чего начались мои довольно-таки жесткие выступления против правительства. Я пытался проводить линию между президентом и правительством и неоднократно подсказывал, что лучше бы президенту несколько дистанцироваться от правительства, кото-

рое неизбежно должно быть объектом критики парламента, а может быть, и самого президента.

Теперь по поводу реформ. Может, мне было бы легче, если бы я не был профессиональным экономистом и не знал, чего хотят эти люди, какими методами собираются осуществить реформы. Но так как я занимался экономикой и все это неплохо себе представлял, я подверг их критике, и очень жесткой. Она не смыкалась с какими-то идеологическими воззрениями, а исходила от реальностей жизни и интересов людей. Я понимал, что они не выдержат таких шоковых ударов. Знакомый с мировыми экономическими делами, я хорошо знал, что в Польше уже начали отказываться от подобных реформ, моделей, предложенных Бальцеровичем и его предшественниками.

К нам в Верховный Совет шли ученые из Академии наук, из высших учебных заведений, делились своими соображениями, связанными как раз с критикой курса экономических реформ. Но, к сожалению, вместо того чтобы как-то эту проблему обсудить, учесть критику, был взят курс на то, чтобы подавить ее. А мы не имели гражданского права с этим мириться.

Я объяснил Вам динамику своих отношений с исполнительной властью. Я ни в чем не изменился: как человек, как гражданин, как ученый не изменил своим взглядам в этом вопросе. Теперь об оппозиции. Я всегда исходил из того, что в ней находятся не самые глупые люди. Я всегда старался защитить всех депутатов, никогда не делая попыток сколотить свое большинство. Всегда занимал здоровую центристскую позицию и отдавал предпочтение своей роли объединителя.

Но получилось наоборот. Демократы от меня отшатнулись, а доверия у другого крыла я не получил. Но, уверяю Вас, я абсолютно ничего не делал, чтобы сохранить свой пост. Меня этот вопрос вообще не интересовал. Я говорил: выполняя свои обязанности, я исхожу из этого, из этого, из этого. В любой день, когда Вы меня переизберете, я пересяду в кресло депутата и буду ограничиваться тем, что должен выполнять депутат. Приблизительно так обстояло дело с моим

мнимым поворотом то ли влево, то ли вправо. На самом деле никакого поворота не было.

По мере того как обнажались негативные последствия реформ, размежевание в парламенте и обществе стало более зримым, и некоторые увидели возможность стремительно решать свои собственные проблемы за счет других. Особенно разительные перемены происходили в журналистском корпусе. Я давно сотрудничал с журналистами центральных и московских газет, знал, в каком тяжелом положении они порой бывали. Но никогда только из-за личных отношений к какому-то конкретному лицу на всю страну не распространялись ложь, клевета... Было неприятно видеть массовое перерождение людей, призванных говорить правду. Шел активный подкуп журналистов, подкуп средств массовой информации, затем начался подкуп депутатов, потом открылась торговля должностями, вплоть до губернаторских... В политику вторглись лезть, клевета, большие деньги...

Недавно сообщалось, что Клинтону пришлось заплатить налог от прибыли, кажется, за 70-е годы, то есть четвертьвековой давности. Почему западные общества так ревностно следят за своими лидерами? Да потому, чтобы народ знал, что живет в обществе здоровом, честном, нравственном. А когда коррупционеры открыто правят, занимают большие должности и общество прекрасно знает, что они коррупционеры, но в то же время не в состоянии справиться с ними, потому что главное теперь – личная преданность, – это глубоко больное общество, в котором небольшая прослойка людей пытается внушить всем, что они, эти люди, – народные избранники и ведут по единственно правильному курсу, что только они разители народного мнения.

Общество глубоко травмировано, в шоке, но я бы не стал на позиции тех, кто говорит, что нашему обществу совершенно не нужны демократия, свобода, а нужна тирания...

А. П.: Выйдя из «Лефортово», Вы уехали к себе на родину, как бы исчезли, скрылись с глаз. Было только известно, что Вас там прекрасно встретили – как национального героя,

как сына Чечни. Вы погрузились в дом, в быт, вели себя довольно замкнуто. И вот с этого момента Вы как бы пропали из поля зрения. Я общался с Руцким, перезванивался с Макашовым, встречался с Константиновым, со всеми теми, кого судьба таким милостивым образом избавила от тюрьмы после амнистии...

Как Вы нашли республику, ее народ, какие перемены там уловили? Чечня была одной из, если так можно выразиться, фрондирующих республик, выступала с антисоюзным, даже антироссийским пафосом и, по существу, правдой или неправдой добилась статуса абсолютной независимости. Что там сейчас? Вы, как политик, очень чуткий к переменам, что там обнаружили?

В одном из последних номеров нашей газеты опубликованы материалы моего заместителя, побывавшего в Германии, в частности у Авторханова. Мы все были поражены его высказываниями. Он сменил свою грозную антирусскую, антиимперскую интонацию на панегирическую в адрес великой России, которая только одна может быть гарантией процветания и развития наций...

Р. Х.: Встретили меня на родине с большим ликованием, чего я, откровенно говоря, не ожидал. Только приземлился самолет, буквально тысячи людей прорвали все загородки, хлынули к трапу. Когда мы выезжали, сотни машин были и впереди, и сзади, стреляли из автоматов и пулеметов в воздух. После пальбы в Белом доме столкнуться с тем, что опять стреляют – пусть только в воздух, – не доставило мне радости. Ликование же людей было неподдельным. И, конечно, жить замкнуто мне никак не пришлось, потому что с утра до глубокой ночи было непрерывное паломничество в дом моей матери на окраине Грозного. Кто пешком, кто на автобусе, кто на легковой машине – приезжали, приходили люди, только чтобы сказать два слова, некоторые утирали слезы. Я непрерывно благодарил их.

Потом меня всюду приглашали. Я приезжал в село, во многих случаях была импровизированная трибуна – ею слу-

жил кузов грузовой машины, там устанавливали микрофон, меня приветствовали. Я благодарил всех. Должен сказать, что я встретился как минимум с полумиллионом человек. Это больше трети населения республики.

Был в горах, был на равнине, в самом Грозном, был даже в Дагестане, в Хасавюрте – это округ, который пытался выгнать меня в Думу. Они собрали 40 тысяч подписей и зарегистрировали меня кандидатом в соответствии с новой Конституцией. В ней написано, что никакой гражданин не может быть лишен избирательских прав, кроме как по приговору суда. Но под мощным давлением, как мне говорили сами члены избирательной комиссии и местное начальство, им пришлось аннулировать первоначальную регистрацию.

Вот так были нарушены конституционные права 40 тысяч человек, но никто этого не заметил. Никто из тех, кто объявляет себя борцом за права человека – будь то у нас или в других странах. В парламенте тоже никто этого не заметил... Это лишний раз характеризует нынешний режим, который через слово произносит «демократия».

В Хасавюрте шел дождь, но 60 тысяч человек приветствовали меня. У меня было 10 подобных посещений, собиравших от 25 до 60 тысяч человек. Было, конечно, и множество остановок, когда ехал в машине. Везде собирались люди, зная заранее, куда я еду. Я выходил, приветствовал их, благодарил.

Но никаких интервью я не давал. Сказать, что жил в изоляции, нельзя. Вот вам и весь мой отдых: отдыхать в такой обстановке было просто невозможно...

Тяжелое впечатление произвела на меня республика, я там не был с осени 91-го. Кстати, выступая, многие говорили: «Мы в свое время не послушались Хасбулатова – и вот теперь обрели то, что имеем. Мы тут начали за абсолютный суверенитет бороться, а он нас предупреждал, к чему приведет такое развитие событий». Мне было приятно, что люди не забыли того, о чем я говорил в 1991 году.

В горах школы не работают, в низине тоже. Колхозы, совхозы разогнаны. Нефтехимическая промышленность практи-

чески разваливается. Она не может бездействовать: или работает, или очень быстро выходит из строя.

Страшное, плачевное положение. Культура разрушена, высшие учебные заведения не работают. Был единственный научно-исследовательский институт по изучению истории языка и культуры. Он закрылся как раз в период моего пребывания. Практически уже нет нефтяного института, когда-то одного из лучших в Советском Союзе. Ведь в традиционных центрах нефтяной промышленности – Грозненском и Бакинском – были старейшие, лучшие институты такого рода. Это потом началось освоение нефтепромыслов в других местах – в Сибири, Башкирии, Татарии. Известный академик Миллиончиков – выходец из Грозненского института, и многие другие известные ученые – тоже. Это был прекрасный научный центр, я не раз там выступал. Как и в Грозненском университете, меня там активно поддерживали в период избирательной кампании. Кстати, там были в основном прекрасные русские кадры.

Педагогический институт влачит жалкое существование. Грозненский университет тоже... Там, где наука, культура, интеллигенция – везде идут разрушительные процессы, свойственные сейчас России, только в такой гипертрофированной форме.

Конечно, стремление огромного числа людей – 99 процентов населения республики: и самих чеченцев, и русских, и армян, и евреев, живущих там, – наладить нормальные отношения с Россией. Никаких шовинистических настроений там нет. Все говорят: как же можно изолироваться от России? Не потому, что она великая и сильная, а потому, что на протяжении веков жили, работали вместе, дружили, роднились...

А. П.: Хорошо помню, как Вы создавали Межпарламентскую ассамблею, как увлеченно работали на первых ее заседаниях, как бережно обходились с этим детищем. Она, по существу, создана была Вами. Вы уповали на то, что через эти невластные образования можно наметить какие-то шаги по восстановлению нашего супергосударства, евразийского дома взамен разрушенного Советского Союза.

И вот Черномырдин сел в Ваш кабинет в Белом доме – так и Шумейко плюхнулся на председательское кресло этой Межпарламентской ассамблеи. Для меня, да и для многих из нас Шумейко – одна из самых вульгарных, отвратительных политических фигур, повинных и в разгроме нашего парламента, и в провоцировании Ельцина на тоталитарные формы подавления оппозиции. Шумейко – человек во многом свирепый и беспощадный.

У Вас было время в тюрьме и у себя в Грозном подумать о судьбе наших пространств, разделенных и рассеченных. Очевидно ли желание народов опять воссоединиться в братский союз, как бы перепрыгнуть через барьеры, через ножи, поставленные по границам этого эфемерного ублюдочного СНГ? Какие политические технологии можно было бы применить уже теперь, чтобы этот интеграционный процесс усиливался, интенсифицировался?

Р. Х.: Сейчас это сделать сложнее. Осуществленный 21 сентября – 4 октября 1993 года государственный переворот вовсе не способствует тому, чтобы в ближайшее время были созданы политические предпосылки для более тесной интеграции. Если помните, мы эти вопросы так или иначе проговаривали на заседаниях Межпарламентской ассамблеи, а незадолго до переворота я обратился со специальным меморандумом к лидерам парламентов, с некоторыми из них говорил. Мы размышляли, что строим, как будем взаимодействовать. Ответственность эти усилия были приняты неплохо.

Однако нынешний режим вряд ли способен повести дело к объединению, к интеграции. И не только потому, что у них на то не хватает доброй воли, но люди вряд ли доверяют тем, кто совершил такое злодеяние, как побоище 21 сентября – 4 октября. Очень серьезным, разочаровывающим народы фактором было как раз отношение лидеров и парламентариев республик к этим событиям. Кое-где попытались дать им человеческую – не только политическую, но и нравственную – оценку. Парламент Казахстана, насколько я знаю, попытался что-то сделать, но вскоре был распущен. Белорусские парламентарии были

склонны осудить такие репрессивные меры в отношении российского парламента, но все же на четкое, оценочное заключение они тоже не решились. А этого народы не прощают.

Может быть, я излишне часто возвращаюсь к тому, что нами было сделано. Знаю: у меня было много ошибок. Но все же думаю, что пройдет время, и Хасбулатова оценят за то, что у него была четкая гражданская позиция. У меня всегда хватало мужества говорить, что это – ложь, а это – правда. Среди ограниченного круга деятелей сегодня принято не считаться с обманом, цинизмом, провокациями – лишь бы сохранить власть: если я удержался у власти – значит, я великий политик. Да грош цена таким политикам, не умеющим через правду, через свои позиции внушить к себе доверие!

Почему против нас была использована сила? Это и было поражением, между прочим, этого режима. Они не нашли мирных средств, чтобы нормальным путем решить свои противоречия. Почему прибегли к клевете, лжи, танкам и крови? Ведь рано или поздно это кончается плохо для тех, кто подобным образом берется за оружие...

Я был страшно разочарован и в лидерах парламентов – не по их отношению ко мне, а по отношению к российскому парламенту. Конечно, они не могли не думать о своей будущей ответственности, хотя бы моральной, хотя бы перед историей.

Межпарламентская ассамблея действительно была моим детищем. Я уделял ей очень много внимания. В частности, когда я предлагал евразийский союз, одним из положений было осуществление прямых выборов. Есть же европейский опыт! Это же вовсе не означает возврата к Союзу, создания единого государства. Думаю, если бы у нас был наднациональный парламент, избранный на всеобщих выборах, всем содружеством, не случилось бы трагедии 21 сентября – 4 октября 1993 года. Я не случайно предложил этот меморандум, этот механизм как раз в период обострения обстановки, конечно, не предполагая, что начнутся военные действия. Вместе с тем существование вот такого наднационального парламента оздоровило бы политическую обстановку во всех

республиках. Нынешние лидеры не в состоянии понять этого, а если и поймут, то вряд ли пойдут на это. Здесь нужны, по-видимому, другие лидеры.

Что же касается моей нынешней жизни: с 22 апреля я вышел на работу, на заведование кафедрой. Беседуя с ректором профессором Виталием Ивановичем Ведяпиным, я сказал: «Да, я сидел в тюрьме, ну и что?..»

Так он мне сразу предложил занять кафедру. Я спросил: «А не занята?» Он посмотрел и ответил: «А какой ученый мог бы позволить себе претендовать на кафедру, которой ты заведешь?»

А. П.: Это этика, да?

Р. Х.: Да, этика. Это к вопросу о том, что в политике, к сожалению, у нас другие партнеры.

А. П.: Коль скоро Вы приехали в Москву и вернулись к преподавательской деятельности, на свою кафедру, меня все время подмывает задать такой вопрос: как будете включаться в политику и как мыслите свое политическое будущее? Ведь политический опыт, которым Вы обладаете, включая эту трагедию, что прибавляет седины в висках, но и опыта, мудрости, – это драгоценный потенциал политика. На Вас смотрят как на сильного политика, необходимого будущей России.

Но спрощу я Вас вот о чем: там, во всей этой неразберихе, во всей этой беде, когда появлялись и исчезали люди, когда шли тревожные сводки, когда драматизм нарастал, Вы были окружены большим, довольно интересным ансамблем людей. Среди этих личностей были и мои друзья. Мне хотелось бы услышать от Вас о таких людях, как, скажем, Бабурин, который был всегда Вашим оппонентом. Как Вы его тогда чувствовали? Рябов, который был с Вами рядом, эта курочка Ряба, которому на одном из съездов Вы даже позволили произнести манифестальную речь. Починок, например... Многие люди так или иначе связали свою судьбу с Верховным советом, с Вами лично под тем или иным знаком – плюс или минус.

Мне интересно знать, как Вы их оценивали тогда, в те роковые две недели?

Р. Х.: Мне уже не раз задавали вопрос по поводу возвращения в политику, а потом муссировали: Хасбулатов, мол, сказал, что не вернется в политику... Смешно все это. Вот мы сейчас с Вами беседуем: политика это или нет? Занятие должности – политика? Куда-то выйти на манифестацию – политика?

Чем я намерен заниматься? Пока что вернулся в свой институт, думаю, что это надолго, так как мне до пенсии очень далеко, десяток лет еще. Обществу еще послужить надо, вырастить много хорошо знающих экономику, рынок специалистов, ученых, хотя, к сожалению, это очень немодная нынче профессия. Вы знаете, у меня была лучшая кафедра «Международные экономические отношения», преподаватели, знающие иностранные языки, рынок, способные осуществить сравнительный анализ развития двух-трех социальных систем. Теперь почти никого не осталось. Почему? Потому что это первоклассные специалисты, им предложили очень большие оклады на практической работе.

А как же высшее учебное заведение? Мне придется, конечно, привлечь на кафедру талантливых людей, молодежь, может быть, хотя делать это очень трудно. Сегодня заместитель поставил передо мной целый ряд вопросов, и главный: нет половины преподавателей. Так что здесь у меня очень много работы.

Ну а заниматься политикой? Буду писать статьи, выступать, если мне этого очень захочется. Вы знаете, я не митинговый деятель, как-то не привык ходить на митинги, выкрикивать лозунги... Не мой это стиль, хотя, естественно, если происходит, например, расстрел Белого дома, я, даже не будучи председателем, а ученым или заведующим кафедрой, все равно был бы там, среди защитников Конституции.

А другая часть вопроса не менее интересная, но может быть, более сложная. В первую очередь не могу не сказать, конечно, об Александре Владимировиче Руцком. Мне кажется, что это очень сильный политик будущего. Мне приходилось много слышать и читать, что пишут о нем: и летчик, и не имеет фундаментального гуманитарного образования, и

экспансивный, и такой, и сякой, – обычно концентрировали внимание на недостатках, очень мало уделяя внимания его сильным качествам.

Отмечу прежде всего стремительное взросление Руцкого как политика. Он был у меня на виду: председателем комитета, членом Президиума Верховного Совета... Я видел, как он стремительно вырос. Кстати, среди людей, которые пришли в правительство, очень немногих можно было бы поставить вровень с ним. Мало людей, не запятнавших себя поддержкой режима.

С моей точки зрения, ни один политический деятель, тем более претендующий на лидерство, не сможет надеяться на какое-то будущее возвышение, если он занимал позицию поддержки или даже равнодушие к событиям 21 сентября – 4 октября 1993 года. Пусть сегодня, завтра об этом еще не говорят. Пройдет год, два, пройдет 5–10 лет, но ни один человек, занимавший позицию разгрома Верховного Совета, не останется безнаказанным. Я имею в виду не то, чтобы обязательно посадить в «Лефортово», а с точки зрения восприятия такого деятеля народом, обществом, историей. Это люди, совершившие страшное преступление.

В те трагические дни поведение Александра Владимировича было динамичным, смелым. Думаю, что если бы Руцкого с его видением вопросов как исполняющего обязанности президента окружали знающие специалисты, события могли бы пойти по-другому. О мужественном его поведении все знают, в том числе и противники. Но он ведь и аналитик умный. И то, что ему приписывают: мол, чуть ли не возглавил атаку, размахивая автоматом, на мэрию, «Останкино», – неправда. Здесь очень много было факторов, и Вы их частично уловили и вывели на страницах газеты. Ему заранее приписывают какие-то примитивные вещи для того, чтобы дискредитировать.

У Александра Владимировича большое будущее как политика, как человека, которому может поверить российский народ. Это человек, не способный обманывать ни друзей, ни

людей вообще. Это убежденный демократ, никакой не автократ, якобы стремящийся к диктатуре, к власти, а самый настоящий демократ в полном смысле этого слова.

Бабурин вел себя очень умно и мужественно. Действительно, в страшной беде, наверное, и познается, кто есть кто. Владимир Борисович Исаков тоже вел себя очень мужественно, сильно, чего не скажешь о многих председателях комитетов и комиссий – я не хочу называть фамилии. Они вели себя не как политики, а как люди, элементарно испугавшиеся. Эти люди в последние годы уже получили какое-то благополучие, за него-то и испугались. И они быстро покинули наши ряды для того, чтобы занять обещанные им хорошие посты. Но я не думаю, что этим они завоевали какие-то позиции, что станут признанными лидерами.

В газетах пишут, что оппозиция раздувает слухи о чьей-то там болезни. А мне кажется, что они сами эти слухи раздувают и хотят этой болезни, рассчитывая, что скоро сами придут к власти. Но развитие событий пойдет не по этому сценарию. Во всяком случае, ни в одном здоровом обществе нормально не относятся к людям, предающим идеи своих ближайших соратников...

Май 1994 г.

**«Я никогда не ронял чести
русского человека»**

*(Диалог Александра Проханова
и Александра Зиновьева)*

Александр ПРОХАНОВ: Александр Александрович, совсем недавно мы опубликовали Вашу беседу с моим заместителем. Она вызвала грохот, шок среди противников, аплодисменты, восторги среди соратников. Враг нам грозит уголовным преследованием, тюрьмой, закрытием газеты, друзья же и адвокаты собирают деньги для штрафов... Одним

словом, каждая Ваша публикация, особенно эта последняя, – событие, несмотря на то что мир, в который, как Вы говорите, окунулись, – это мир катастрофы, распада, мир врагов. Считаю: одно из малых позитивных, положительных следствий этой страшной катастрофы – то, что люди, в прежние времена друг друга не знавшие или друг другу не доверявшие, относившиеся друг к другу скептически, враждебно, вдруг стали сходиться. Начало складываться какое-то новое интеллектуальное, духовное сообщество.

Это пестрый конгломерат, и каждый день нашего полку все прибывает. Здесь и коммунисты-ортодоксы, которых наша коммунистическая эра последних лет вообще не знала, здесь и коммунисты чуть иные, которые вынырнули из-под горбачевского предательства, осторожные, либерал-коммунисты, здесь и националисты всех мастей – от реликтовых орденских проправославных братств, которых мы тоже не знали, до откровенных монархистов-государственников, готовых посадить на престол монарха.

В этой очень пестрой когорте интеллектуалов, духовидцев, политиков Вы – яркий, оригинальный, по-видимому, одинокий человек. Интересно было бы узнать, как Вы чувствуете себя в этом контексте, как Вы сами себя определяете в этом патриотическом движении сопротивления? Ваше внутреннее духовное самочувствие?

Александр ЗИНОВЬЕВ: Мне трудно определить свое место – думаю, что даже и не сумею этого сделать. Дело в том, что я был одиночкой с самой ранней юности. В 17 лет я был арестован за выступление против Сталина и против колхозной политики. Был доставлен на Лубянку. Если бы наша группа была обнаружена, нас бы, конечно, всех расстреляли. Потом всю дорогу, всю жизнь до этого дня я все время был одиночкой. Не потому, что сторонился людей, – наоборот, я по натуре коллективист.

Я родился в 1922 году и воспитан в советской школе. Думаю, что лучшей школы в истории человечества никогда не было. Я коммунист не в бюрократическом смысле, а в пси-

хологическом. Так я выработал для себя формулу жизни: я есть суверенное государство. Иногда начинаю понимать, почему люди так от меня отталкиваются и почему я оказываюсь в одиночестве. Это, конечно, связано во многом с моими качествами непримиримости ко всякого рода отклонениям от идеалов, взглядами на жизнь, с направленностью моей творческой деятельности.

Возьмем мою научную работу. В логике я разработал свою собственную концепцию, и мои коллеги предали меня анафеме. Во всем мире есть очень много талантливых логиков, но когда их коллега делает что-то из ряда вон выходящее, он оказывается их врагом. Так и в литературе. Я ведь не собирался быть писателем. Меня изолировали в моей научной деятельности, и я написал «Зияющие высоты».

Без ведома диссидентов, без ведома Союза писателей книга моя вышла, и я, как писали в западной печати, «сразу вырвался на вершину мировой литературы». Опять ко мне ледяное отношение. И в понимании коммунизма мне очень трудно найти единомышленников. И другим людям трудно меня сделать своим единомышленником.

Вот так и получилось: я одинокий человек, одинокий по многим параметрам. И потом, я профессионал в понимании исследования общества, советского общества. А научный профессиональный уровень – тут много лет надо работать, учиться, чтобы понимать, почему человек так говорит, почему не соответствует уровню журналиста. А вся наша жизнь, то, что у нас происходит, вся интеллектуальная деятельность опустилась до уровня журналистики.

Когда человек, работающий на уровне науки, говорит что-то, он имеет в виду одно, когда его мысль становится достоянием журналистов, они интерпретируют ее совсем по-другому.

Вы знаете мои высказывания. Я утверждаю, что Россия превращается, и уже почти превратилась, в третьесортную колониальную державу в мировом сообществе. Я в это вкладываю вполне определенный социологический смысл. А на уровне прессы это сразу интерпретируют таким обра-

зом: «А вот видите, за кого он держит нас, русских, мы третьесортные люди»... И т.д. и т.п.

Или, допустим, я как исследователь говорю, что Россия никогда не будет страной западной, как Франция, Англия и прочие. По многим причинам. Среди этих причин, скажем, такая: Запад никогда этого не допустит. Во-первых, просто не пустит – место занято. Зачем им иметь еще одного дополнительного конкурента? Во-вторых, природные, географические условия, исторические традиции и человеческий материал. И мне сразу говорят: «Ну что же, неужели мы все такие дураки?»

Да не в этом дело! Люди различны, народы различны, я не расист. Но это факт! Я уже 20 лет живу в Германии, объездил весь мир. Я прожил в России 56 лет, прежде чем меня выбросили. Народы различны! Мы – ДРУГИЕ. Чтобы держать уровень цивилизации, имеющийся в развитых странах, нужно быть человеком западного типа. Я их называю западоидами – это полуроботы. Еще Герцен писал, что западным людям не нужно правительство, не нужна полиция, они все имеют в себе – это высокий уровень самоорганизации. А мы другие, у нас низкий уровень самоорганизации, нас чуть подраспустили – и мы все кто во что пошел. Мы от природы такие, это не плохо и не хорошо, это исторически сложившаяся натура.

Или, скажем, я считаю русский народ чрезвычайно талантливый. Талант этот не укладывается в потребности той цивилизации, которая стала развиваться. Чтобы держать этот западный уровень, нужно совершать миллиарды всяких операций, тонких расчетов, все должно быть надежно. Это механически-бюрократическая цивилизация.

Наш человеческий материал на это не способен. И вот сразу ко мне идут претензии... Нет, это не второй и не третий сорт, это ДРУГОЙ тип. Человечество повернуло свое развитие так, что наши российские таланты оказались без употребления. Более того, они оказались угрозой.

На Западе больше всего боятся не советских Вооруженных сил, не коммунистических идей, а русскости, то есть

вторжения того, что русские способны в мировую культуру вбросить: гениальных писателей, гениальных художников, гениальных музыкантов, гениальных математиков...

А. П.: На самом деле русскость включает в себя качество человеческого материала, впрыскиваемого через форсунки в культуру и цивилизацию. Русскость связана еще с предложениями, с которыми Россия выходит в мир, с предложениями КОСМОГОНИЧЕСКИМИ. Россия важна не качеством Толстого, Бунина или Вернадского, а качеством этих огромных моделей...

А. З.: Значит, Россия – первая в истории человечества страна, единственная, предложившая свой путь эволюции человечества, а теперь, как мне кажется, ее убили.

А. П.: Позволю себе высказать Вам признание другого одинокого человека, потому что я себя тоже отчасти причисляю к абсолютно одиноким людям, и поделюсь своим состоянием, которое все время просачивается сквозь ужас сегодняшней политической борьбы, агонии, драмы. Этот ужас, тоска связаны с тем, что одна из самых для меня лично тяжелых печалей, жестоких следствий нашей катастрофы – распад, в котором, конечно, распад государства, территории, обнищание нации, деградация духа.

Исчезла великая идеология, великая сверхзадача. Мы сегодня потеряли огромную, завоеванную в тысячелетиях концепцию управления историей. Россия – Советская Россия, была той страной, которая, по-видимому, первой, но не последней, конечно, попыталась взвалить на себя груз управления историческим процессом, временем, пространством, типом общества, типом цивилизации, футурологией. И мы захлебнулись в этом, не справились с этой задачей.

Сегодня, после того как мы захотели родить суперцивилизацию грядущего, мы видим, что из этих родов на Россию вылилась вся гниль, мерзость квазидемократического периода, кишашая червяками, гнилью, трухой. Сейчас в нашем обществе бытует огромное количество микроидеологий: реакционная, потребления, корпоративной этики, омерзитель-

ные формы сатанизма и материализма. Но мы израсходовали весь свой исторический, этнический материал на эту грандиозную, может быть, даже вавилонскую идею управления историей. И как бы ни относились к этой затее мои друзья-единомышленники, православные, люди архаических представлений, революционных пристрастий, я ощущаю потерю вот этой авангардной идеологии развития как величайшую трагедию России.

В чем Вы видите образ будущего нашей России? Ведь оно связано с идеологией. Реставрируем мы эту суперпопытку в себе, на которой по существу подорвались и которая была прекрасна, но неадекватна нашим возможностям, или наш удел – культивировать в себе реакционные, скучные и пошлые идеологии?

А. З.: То, что Вы говорите, чрезвычайно интересно, и я в целом со всем согласен. Вы имеете в виду не марксизм. Марксизм – это для России явление иностранное, без него мы вполне могли обойтись, хотя я неплохо отношусь к нему, не отвергаю его. Он сыграл свою роль и принял участие в этой грандиозной затее, о которой мы здесь говорили.

Действительно, перед нами вдруг волею истории, случайно или нет, это другой вопрос, открылась какая-то грандиозная космическая перспектива: построить что-то такое – это, конечно, явление идеологии, утопии – построить, реализовать какую-то утопию. Это была какая-то уникальная историческая возможность. Как мне кажется, просто волею случая произошел прорыв во всей мировой цивилизации, ориентированной совсем иначе. И вот в результате этого прорыва появилась на свет наша великая держава. Как бы мы ни оценивали советский период, коммунистов и т.д. – это был великий период. Хотя бы отчасти это наша потребность – она формировалась в течение многих столетий. Особенно это ощущение было остро выражено в XIX столетии.

Что произошло сейчас? В чем состоит наша русская трагедия, я бы даже сказал – не просто русская национальная трагедия, а РУССКО-КОСМИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ? Дело в том,

что нас просто разгромили общими усилиями всего мира и, конечно, Запада, которому этот наш прорыв был абсолютно чужд и глубоко враждебен. Я западную цивилизацию, Запад достаточно хорошо изучил: это машинообразная, роботообразная цивилизация, а наша – антироботообразная...

Затем к западным силам присоединились другие, даже Китай... Общими мировыми усилиями нас и раздавили. И внутри страны у нас созревало, прорастало из десятилетия в десятилетие быдло мещанства, захватившее сейчас власть и, по существу, определяющее физиономию общества. И я называю это фактором предательства. Без него нас не разгромили бы. Эти люди открыли ворота крепости.

Советская крепость была неприступна для Запада. Россия могла уцелеть, преодолеть все эти трудности и двигаться дальше. Те коммунистические завоевания – я считаю их огромными – не надо было рассматривать как конечный результат, а только как условия для дальнейшего. А наши внутренние предатели открыли ворота крепости – и все. Россию раздавили.

Может быть, Вы думаете иначе, Вы здесь русскую жизнь лучше меня знаете. Я же наблюдаю ситуацию извне, и в этом тоже есть некоторые преимущества. Вижу, как сложилось мировое общество, как в нем России уже определена роль, – роль третьесортного региона. Я его называю колониальной демократией. Россию превращают в колониальную страну со всеми вытекающими отсюда последствиями: деградация образования, системы ценностей, творческого потенциала, американизация... убийство русской культуры и русского национального духа.

Все время ищу что-то такое, что меня хоть немножко обнадежило бы, чтобы самого себя опровергнуть. И не нахожу никаких аргументов.

А. П.: Да, Россия хотела в XX веке как бы родить русского Христа, а после Горбачева при Ельцине она родила какую-то скользкую черную омерзительную жабу, но тем не менее та пора, о которой Вы говорили с таким энтузиазмом и романтизмом, не прошла бесследно. Мне кажется, после того как нас

разгромили, Россия за XX век нанесла по этому броненосцу западной цивилизации такой страшный удар, запустила такую торпеду, что эта дыра никогда не зарастет.

Сейчас они занимаются латанием этой дыры, обрабатывают ее кромки, а дыра зияет. Все равно концепция будущего пуста, она не заполнена западными философскими моделями и школами, западными приемами. Будущее ставит гигантский вопрос перед человечеством, и он не более чем знак, заполняющий пробитую в России дыру.

Я смотрю на мир несколько иными глазами. Трагическая миссия в России была в том, что она ответила на этот страшный удар торпедой, пробила эту броненосную жуткую оболочку западной концепции мироздания и пока что ушла в никуда. Но дыра остается, и у Запада не хватит сил ее залатать.

У нас доминируют по крайней мере два типа патриотов и футурологов. Один ведет свою родословную как бы от мистического начала русской души: это богопознание, стремление к познанию мировой тайны, ощущение присутствия в мире огромной задачи или огромной загадки, к которой устремляется познание. Это какой-то религиозный, мистический, светоносный, очень русский вариант сознания или духовного внутреннего состояния.

Второй вариант ведет свое начало от наших древних геополитиков, создававших территорию, пространство, манипулируя этим пространством, оборонявших его, создававших царство, технологии политические, наконец, советскую цивилизацию. Они накопили огромный организационный опыт. Думаю, советский период – это кладезь организационных открытий. Это огромный организационный прорыв.

И сегодня остатки этих двух тенденций бытуют в нашей практике, в нашей философии и стремятся сейчас соединиться для выработки интегрального поведенческого модуса. Интереснее всего, что Коммунистическая партия России сама не осознает своей роли и миссии. Партия Зюганова – тот удивительный плацдарм, на который я и мои многие друзья смотрим с мистической надеждой. Это политическая платформа,

пускай униженная, разгромленная, лишенная политической культуры, но, с одной стороны, сохранившая в себе организационный ген, пафос вот этого авангардного конструирования мира, а с другой – будучи очень русской, несущей в себе русское мессианство, даже русский мистицизм. В недрах этой русской компартии складывается некоторая реторта, где возможен интеллектуальный синтез.

Интересно узнать у Вас, человека достаточно противоречивого, потому что все, что Вы сказали, – это как бы целая анфилада противоречий: Вы антисталинист, но обожаете сталинскую школу, Вы антидиктатор, но такое насилие над историей можно сделать только через дыбу – как Вы смотрите на возможность синтеза этих двух начал?

А. З.: Вы воспринимаете все происходящее с точки зрения эмоционально-человеческой. Это совершенно другой подход к происходящему. Я на своем опыте убедился в том, что мой подход иной. Я откликнулся на национальные проблемы как человек, родившийся в 1922 году, когда для нас не было проблемы национальности, когда в стране создавалось человеческое общество, в котором национальность не играла никакой роли.

Когда началась «холодная война», стали искусственно раздувать национальные различия. Этот элемент искусственности я никогда не принимал во внимание. И в рамках социологических войн его нельзя принимать во внимание, его не учтешь никогда. И с тем, о чем Вы говорили, я тоже никогда не считался. Это тоже научно учитываемый элемент. Его можно отнести к мистике истории: Сталин поставил людей в тупик, и когда кажется, что все рассчитали, бах! – в действительности получается вроде все по-другому.

Эти различные тенденции и направления, о которых Вы говорили, – серьезные факторы, и они будут работать, они уже сейчас работают и, может быть, когда-нибудь скажут свое решающее слово. Но есть такая вещь – ФАКТОР ВРЕМЕНИ. Это то, что не принимает во внимание никто. Я об этом говорю, но меня никто не хочет слушать, потому что если принять его во внимание, то надо просто пойти на кладбище и закопаться.

Я бы хотел эту мысль пояснить – не как элемент моей идеологии, а как элемент научной концепции (или на научную концепцию претендующей). Если допустить на минуту, что то, что мы сейчас имеем в мире, сохраняется как угодно долго и Россия имеет возможность эволюционировать столетиями, я бы отказался от того, что говорю. Но дело все в том, что такое обличение не имеет реальных оснований. У нас нет этого времени, у нас реально существует мировое общество. «Холодная война» – это реальность. Это аксиома, основа основ. Нужно понять, что это была война, в которой нас просто разгромили.

Нас разгромили идейно. Тот идейный разброд, который имеет место, был запланирован еще в 40-е годы. Я изучаю все материалы «холодной войны»: это же сотни учреждений и десятки, сотни тысяч людей. На наше разрушение были потрачены триллионы долларов. Педантично велась работа, и я сам стал объектом этой «холодной войны».

Когда я еще студентом был, меня выделили. Почему? Потому что я делал необычные вещи, поэтому меня здесь преследовали, не выпускали... Когда, переехав на Запад, я опомнился, меня сразу лишили всякой поддержки, как потом писали на Западе: «Зиновьев проскочил по ошибке: его приняли за диссидента, а он не был таковым». И все-таки меня использовали: работники ЦРУ показывали мне «Зияющие высоты», подчеркнутые красным, зеленым, синим карандашами. Они вычитали все и сказали: «Вы знаете, нашим учебником по Советскому Союзу был не “Архипелаг ГУЛаг”, а “Зияющие высоты”. Там, хотя и в литературной форме, вся анатомия Советского Союза была сделана».

Нас разгромили и экономически, и политически, и в идейном, и в культурном плане. Вот в чем состоит фактор. Всякие попытки начать сейчас эволюцию вот в этом направлении подавляются и будут подавляться превосходящими сегодня силами противника. Это не значит, что я полностью призываю к капитуляции.

Вспоминаю начало войны, когда мы были окружены. Все сказали: «Да, мы окружены, сопротивление бесполезно,

мы не в состоянии бороться с превосходящими силами противника...» Затем наступает момент решения. Половина из нас сказали: «Спротивление бесполезно, капитулируем» – и пошли к немцам. Немцы перебили их всех. Другие сказали: «Мы обречены и поэтому будем прорываться». Да, какая-то часть прорвалась, хотя большинство было убито, и продолжила эту линию жизни.

Поэтому моя позиция такая: мы раздавлены, надо признать как факт, нечего финтить, нас раздавили превосходящие силы противника и внутренние предатели. И именно потому, что нас разгромили, надо прорываться. Вот это моя позиция. Как прорываться – честно скажу, я не настолько хорошо знаю ситуацию в России с этой точки зрения, чтобы высказывать какие-то соображения. Знаю, что должен делать я как рядовой русский человек, как солдат.

В свое время я говорил: «Если начнется гражданская война, я попрошусь и рядовым солдатом буду, я знаю свое место в этой борьбе». Но дойдет до этого дело или нет – неизвестно. Как рядовой русский человек, я сделаю то, что в моих силах.

Я негодяев называю негодяями, предателей – предателями. Не считаясь ни с чем, пишу мои книги, мои статьи. Меня поливают грязью не только в России, но и во всем мире, мне сейчас заработать на жизнь практически невозможно: там критика Горбачева, Ельцина и всего прочего еще больше запрещена, чем здесь. Здесь еще как-то можно покритиковать, а там это практически невозможно. А эти люди здесь осуществляют диктатуру Запада в отношении России.

А. П.: Вы говорили на протяжении нашей беседы о себе как о социологе, человеке логических представлений, человеке, оперирующем только политологическими, социологическими рядами. Но, глядя на Ваши рисунки, когда Вы их воспроизводили, абсолютно убежден, что Вы мистик, у Вас мистическое ощущение мира. За пределами Ваших моделей существует колоссальный мир интуитивных представлений о мире. Вы мыслите метафорами, а не логическими тезами, антитезами, и поэтому Ваши рисунки – это мир кошмаров.

Он созвучен нашим представлениям о сегодняшней России. И когда мы хотим проиллюстрировать сегодняшнюю ситуацию в России какой-нибудь живописной метафорой, мы берем либо Босха, либо Ваши рисунки.

Нас сбили не зениткой, а новым типом оружия: мы называем его организационное оружие, оргоружие, новая методология. Фактор времени – это, конечно, категория: она связана с тем, что чем быстрее враг нас победит, тем быстрее ему готовится в дальнейшем поражение. Все, что сейчас присутствует в мире, не более чем оккупация. Все, на что тратятся сегодняшние средства и ресурсы западной цивилизации, – это оккупация России. И западный мир не предложил будущему человечеству ничего, кроме оккупационного режима. Значит, мир заканчивает свое развитие на идее мировой жандармерии. И, может быть, русским, которые сегодня так проиграли, надо воспользоваться этой оккупацией? Это удивительный момент, когда надо аккумулироваться в катакомбах, аккумулировать свою энергию, свои представления, своих лидеров...

А. З.: Эта оккупация хуже, чем кровавая. Даже в человеческом материале вследствие этой оккупации потери неизмеримо больше, чем в кровавую войну. И основная установка – низведение русского населения до уровня второстепенного народа – реализуется.

Называя себя социологом, я имею в виду сочинения определенного рода, как, например, книги «Коммунизм как реальность». Когда меня спрашивают: «Кто Вы – писатель, ученый?», я отвечаю: «Никто! Ни то, ни другое, ни третье. Я просто русский человек, волею обстоятельств выброшенный на вершины мировой культуры и каким-то образом это все усвоивший, не думая о том, соответствует это моей натуре или нет. Просто случай». Должен сказать, что в моей жизни ничего не было преднамеренного, я все время был игрушкой каких-то обстоятельств.

Даже мое бегство с Лубянки было случайное. Меня должны были перевезти на квартиру КГБ, чтобы поискать моих сообщников. Вышли мы на улицу из здания на Лубянке – я и мои

конвоиры, два молодых офицера. Их позвали зачем-то. Они говорят: «Подожди, мы сейчас придем». А я ушел...

Я стал логиком. Почему? Когда я поступил на философский факультет, меня вытолкнули. Из социологии – в диамат, из диамата вытолкнули: я был аполитичен.

Литература... Как я стал писателем? Правда, я сделал попытку стать писателем в 1946 году. Кстати, я написал тогда повесть о предательстве, она потом вошла в книгу «Нашей юности полет». Тогда это была большая повесть, я показал ее Симонову и еще одному писателю, не буду его называть. Симонов прочитал и сказал: «Вот что, парень, хочешь сохранить голову – уничтожь это. Ты давал ее кому-нибудь читать?» Я сказал: «Я дал такому-то». «Беги немедленно и забери рукопись». Я побежал к этому старому издателю, рукопись лежала на его столе, он только прочитал страниц пятнадцать. Я схватил рукопись, но он уже успел донести. Когда я зашел домой, меня уже ждали... Как появились мои «Зияющие высоты»? В изоляции делал какие-то заметки, выступал с публичными лекциями...

Вся моя жизнь складывалась помимо моей воли. На Запад я не просился – меня выбросили. В аспирантуру не хотел – мне предложили как фронтовику. Докторскую не хотел защищать, кстати сказать, допустил на защиту человек – он был сталинист, марксист заядлый, но старые коммунисты с уважением относились к способностям. Он сказал: «Вот кто должен быть в нашей Российской академии!»

Действительно, от своей природы никуда не уйти. Но дело вот в чем. Мне уже 72 года, и, как ни крути, на многое рассчитывать не приходится. Я русский человек, деятель русской культуры. Возьмите то, что я сделал, и используйте, чтобы это даром не пропало. Есть точки роста.

Как накапливался Запад? Запад нам кажется грандиозным явлением, но все его богатства накапливались много столетий, они берегли точки роста.

Я с первых шагов своей жизни ощущал это: растоптать, не пустить. Почему? Я – точка роста, я пробиваю асфальт.

Мой пессимизм – социологического интеллектуального порядка. Я как исследователь не вижу добра, я вижу зло. Будь я помоложе, я бы все отодвинул в сторону и пошел бы другим путем. Как я сказал: «Да, мы разгромлены, поэтому будем пробиваться, пробиваться во что бы то ни стало».

В 38-м, 39-м я пошел против течения. Вот сейчас я очень жалею, что мне 72 года. Если бы мне сегодня было 16–17 лет, я бы сказал себе: «Так как наша страна поругана, изнасилована, убита, именно поэтому я один должен сражаться со всем миром».

А. П.: Если бы Вам было сегодня 16 лет, Вы были бы главным редактором газеты «Завтра», потому что пассионарность нашей газеты абсолютно адекватна Вашим представлениям о чести, этике и судьбе. И, конечно же, то, о чем Вы сейчас говорили, и то, что на Вас сегодняшнего, с одной стороны, возведены новые гонения и на тех, кто Вас проповедует, интерпретирует, – секира преследования, эту точку роста хотят вычерпать, высечь, как в былые времена, – все это говорит о том, что русская история продолжается в своих прежних алгоритмах. С другой стороны, то, что есть сегодня целые пласты реальной культуры, публицисты и политики, для которых Вы знамя, эмблема, абсолютно интеллектуальный русский взрыв, – это должно приносить Вам внутреннее удовлетворение.

А. З.: То, что Вы говорите, мне очень приятно. Но опять возвращаюсь к проблеме психологии. Если бы я был 3–4 октября в Белом доме, я бы хотел быть убитым вместе с теми, кто там погиб.

Когда я приехал сюда, очень многие мне говорили: как мог допустить, что ты в одной компании с такими людьми, как Баркашов, Макашов и т.д. Что я мог на это сказать? Я горжусь тем, что мое имя поставили рядом с именем Баркашова. Если бы я в это время находился в Москве и если бы меня пустили туда, несмотря на некоторые расхождения, я был бы с ними, а не с теми, кто стрелял.

Я не баркашовец, я – Зиновьев и пришел бы туда не как человек, принадлежащий к какой-то группе или к какому-то

течению, а лично как я – человек государства, как русский человек, проживший 72 года и никогда не уронивший чести русского человека.

Июнь 1994 г.

«Остаюсь русским офицером»

(Диалог Александра Проханова
и Станислава Терехова)

Александр ПРОХАНОВ: Станислав Николаевич, время стремительно удаляет от нас события октября, делает их как бы уже историей. Конечно, в истории русской трагедии они навсегда зафиксированы, и исследователи этого периода, как дружественные нам, так и враждебные, будут тщательно изучать все совершенные действия. Вы лично и Ваша организация – Союз офицеров – были в самом пекле, в самом центре этих событий. Слава Богу, мы знаем с Вами друг друга очень давно, и я помню наши первые политические контакты, когда была демонстрация на Тверской, когда впервые нас бил ОМОН, перегородив стальными коробами движение ветеранам...

Это было 23 февраля. Помню, как мы вместе с Вами стояли на лесах ремонтируемого дома, и Вы управляли этим клокочущим митингом. Внизу были люди, только что избитые этими мерзавцами. Никогда не забуду удивительное шествие 9 Мая минувшего года: лавина людей вышла на московские улицы, и Вы тоже управляли этим движением. И тот митинг на площади Маяковского с огромным ракетовозом, с которого Вы тоже вели управление толпой, этим многолюдством. Иногда казалось, что все близит нашу политическую солидарность, все открывает возможность для русского ренессанса, для русского возрождения. И вот эта страшная драма, эта кровь, бойня ужасная... По существу, Вы первый, кого постигла лихая доля в те сентябрьские дни, когда ночью Вы исчезли, Вас взяли. Вокруг всего этого роились слухи, подозрительные версии,

всевозможные мифологемы. И все время щемило сердце: что с Вами? Как Вы там в каземате? Вас бьют, пытаются? Мучают? Держитесь ли Вы? Воспользуюсь случаем, чтобы из первых рук, из первых уст, теперь, спустя уже целый исторический период, услышать, что же было тогда, как Вы двигались от стен Дома Советов, что там произошло с Вами?

Станислав ТЕРЕХОВ: Я хотел бы тоже вначале чуть-чуть отступить назад и вспомнить, как мы начинали. Именно то шествие 23 февраля и первое побоище было боевым крещением Союза офицеров и лично мое как руководителя этой общественной организации. Мы выдержали это испытание, а потом уже было все остальное. Вы не сказали о 23 февраля 1993 года, оно прошло мощно, когда ГКЧП освободили, помните? 1 Мая мы тоже были впереди в том пекле. Союз офицеров всегда был впереди не потому, что мы лезли куда-то напролом, а потому, что шли люди, действовали люди, и надо было их организовать в более или менее управляемую массу – с конкретными требованиями, понятными установками и минимальными, как говорится, потерями. Фактически мы это все обеспечивали, и то, что была одна жертва, – это не наша вина.

Теперь перехожу к главным трагическим событиям. Вы прекрасно знаете, что люди проверяются, организации проверяются на самом переломе, не тогда, когда можно поразмыслить, спокойно рассудить и все взвесить, а когда нужно принимать решение мгновенно. В экстремальных ситуациях человек как бы просвечивается, и становится ясно, политический ли он лидер или дутая фигура, трус, не способный ни на что.

И вот с 21 сентября люди стали проверяться. Такое совпадение получилось, что буквально за несколько минут до объявления указа Ельцина я зачитал по «Парламентскому часу» заявление, что мы готовы поддержать Верховный Совет и призываем всех сделать то же самое. Буквально через пятнадцать минут, в 20.00, выступил Ельцин. Тут же, я в это время был в Доме Советов, мы, человек 15–20 из Союза офицеров, были приглашены в кабинет Хасбулатова, там состоялась встреча с Рущким, и мы начали подготовку к обороне Дома Советов.

Такой был подъем, боевой дух: враг первый нарушил закон, Конституцию, мы имеем полное право противодействовать этому всеми законными средствами, в том числе если потребует Верховный Совет и будет соответствующий приказ командиров, взять оружие и защищать Конституцию, высшую законодательную власть с оружием в руках.

Но после этого все пошло не совсем так, как мы думали, ожидая этого часа, готовясь к нему по определенному сценарию, как нам примерно и говорили, в чем наша будет роль. Ведь мы же общественная организация, не имеющая ни средств, ни соответствующих структур для того, чтобы предпринять что-то серьезное, изменить ход истории. Мы должны были выполнить свою главную задачу: показать на собственном примере, как надо действовать другим. Я не хочу критиковать никого, чтобы между нами, не дай Бог, сегодня начались разборки: кто был правее, кто левее, кто сильнее себя вел. Все вели себя мужественно – как люди, как офицеры, начиная с Руцкого и кончая рядовым защитником Верховного Совета. Каждый занимал определенное положение, свою политическую нишу, но даже в ней нужна была воля и способность предвидеть, и, главное, добиваться результата. Уже по тому, с каким трудом нам досталось наше небольшое оружие для защиты, я понял практически все: эта тягомотина будет тянуться до тех пор, пока из армии не сделают то, что сделали они в конце концов. Надо было принимать какое-то решение, чтобы это время как-то продлить, чтобы как-то народ возбудить, чтобы он встал на защиту, хотя бы предприятия, чтобы офицеры задумались. И надо было принимать некоторые решения даже самостоятельно, поскольку определенная парализованность была, были колебания, шок какой-то, страх перед будущим...

Что касается случившегося со мной, я специально об этом подробно сейчас не буду говорить. Дело опять возбуждено, и мне вчера начальник следственного отдела говорил: «Ну я все понимаю и Вас знаю, но Вы мне только одно скажите: почему Вы отказываетесь давать показания?» Я и в тюрьме от-

казался их давать по этим событиям, и сейчас, как только они меня вызвали, в постановлении сразу написал: никаких показаний девать не буду, пока законность не будет восстановлена. Как тогда она была нарушена, так и сейчас она не действует. Поэтому, что бы я сейчас ни говорил, это будет трактоваться против меня. Одно скажу: я никого там не подставил, я шел сам на это дело. И знал: если проиграю, то прежде всего я проиграю, моя семья потеряет, а не кто-то другой. То, что убит милиционер, это чистая случайность и провокация, убийца не найден до сих пор. То, что женщина в окне убита, тоже абсолютно случайный выстрел. Кто его произвел? Мы только тогда в этом разберемся, когда будем иметь все объективные данные у себя, а не когда они только у них и они трактуют их как хотят. Да, все говорило за то, что в принципе он должен был быть захвачен. Но, с другой стороны, штаб-то не был захвачен, и они не могут нам это инкриминировать. И вот меня подставили под обычное уголовное дело: три статьи, было четыре, сейчас одна снята, 79-я, «О массовых беспорядках», а три остались. Получается, что Терехов скромный такой, или, наоборот, экстремист чересчур буйный, который решил проявить свою бестолковость, безграничную бесшабашность, и вот пошел на авантюру, чем помешал многим. Я сейчас не оправдываюсь перед всеми, ни перед вождями нынешними, ни перед руководителями прежними, но скажу одно: если бы тогда я не пошел, то вот эта трагедия произошла бы раньше. О том, что они готовились к штурму, мы знали 26–27 сентября. Я знал об одном из вариантов, рассчитанных на 23–24 числа, когда должен был открыться Съезд...

А. П.: Вот все мы говорим, что надо извлечь из всего этого уроки, нарисовать правильную картину без иллюзий, четко оценить наш потенциал, формы нашей деятельности, признать ошибки, которые были допущены. Все-таки очень трудно всем нам признавать свою несостоятельность, свою неточность, свою некомпетентность, поэтому реальные политические уроки еще не извлечены. Нет анализа, нет выводов, нет глубокой аналитики. Даже мы в своей газете, не имея серьезного анали-

тического материала, часто занимается тем, что как бы создаем свой патриотический миф, эпос, почти фольклорный, что и сделано, что и зафиксировано в национальной памяти.

И все-таки: одним из ключевых моментов, решивших этот конфликт, было поведение армии. Все уповали на то, что армия – оскорбленная сначала Горбачевым, потом Ельциным, коррумпированной верхушкой генералитета, изгнанная из Восточной Европы, из Прибалтики, – армия кипит недовольством. И армия должна была быть на стороне сил, которые восстанавливают государственность, национальную, и в том числе армейскую, справедливость. Ожидали, что армия не выступит на стороне Ельцина, будет нейтральна, а в лучшем случае будет с нами. Вы – военный, полковник, руководитель общественной организации военных. Объясните мне: почему армия не пришла к нам тогда? Более того, почему армия направила свои стволы, калибры против нас, почему изнуренная, ненавидящая в глубине души, как мне кажется, режим армия истребила своих защитников? Разве это не парадокс сегодняшней армии, нашего народа, в частности и Вашей организации, которая преувеличивала свои возможности, свое влияние в армейской среде?

С. Т.: Армия как таковая в том момент уже не представляла собой цельного организма, который мог бы действовать по единому порыву или воле отдельных личностей. Мы убедились также, что деморализация достигла такой степени, что люди не были способны принимать решения, начиная от командующих округами и кончая командирами полков и рот. Следовательно, должен был быть другой фактор, который помог бы им выступить против беззакония, против государственного переворота. Почему этого не получилось? Я со своей колокольни оценивал все это и отдавал себе полный отчет в том, что я лично мог реализовать со своими людьми и что мы должны были делать во взаимодействии с другими.

Так вот, взаимодействие предполагало, что мы на своем уровне возбуждаем общественное мнение, привлекаем к себе офицеров, которые готовы пойти на все, чтобы изменить

политическую ситуацию, политический курс, если такое решение будет объявлено соответствующими руководителями, обладающими высшим влиянием. Были консультации, встречи на всех уровнях, вплоть до самых верхних. Я не имею в виду министра обороны и его заместителей, продажность этой группы исключала контакты. Очень многие в армии знали, что такое Союз офицеров. Я уверен, что большинство ее разделяло нашу позицию психологически, в душе, но это еще не значит, что можно было управлять этим процессом. Для того чтобы управлять, надо было иметь членами своей организации командиров батальонов, полков, дивизий, командующих армий. Этого, естественно, у нас не было. Так вот и получилось, что, когда события подошли к самому пику, нам дали понять: этим делом занимаются, не волнуйтесь, все, что надо, будет сделано.

Это был не заговор, а противодействие заговору. К сожалению, когда все началось, я по первому дню убедился, что действительно идет вариант, на который мы и рассчитывали: пошли звонки из округов, достаточно солидные фигуры, фамилии которых я знал, выражали поддержку. Выражали по телефону: вот мы уже начинаем крутить машины, выражаем протесты и прочее. Оставалось только одно: сделать решительный шаг, который позволил бы этим людям выступить. Вот этот последний шаг как раз и не был сделан. То есть все заверения в лояльности и поддержке сопротивлявшимся в Верховном Совете оказались пустыми телефонными звуками. Но если бы те люди, которые обладали юридической властью, юридической – подчеркиваю, дали бы приказ письменный, не устный, телефонный, или по мегафону там мат-перемат, то совершенно другая была бы картина. Тогда и сейчас могли бы спросить командиров: почему не выполнил приказ? А выполнил приказ другого? Вот этого не произошло. Почему не произошло – это вопрос уже не ко мне. Я для себя на него ответил 23-го числа, когда понял, что если эта ситуация будет продолжаться, то рано или поздно мы проиграем и жертвы будут. Хотелось, чтобы их меньше было...

Второй вопрос – почему армия направила оружие против нас. Да не направила, конечно, армия, она осталась безучастной в худшем случае, а кучка, которая стреляла, – это не показатель. Ни одна часть или дивизия в полном составе не поддержала переворот, полки какие-то фигурировали, и то шли на штурм единицы. Я считаю, что сейчас еще сложнее ситуация, еще хуже в армии. И сейчас она не способна самостоятельно выступить, дай ей команду Грачев, или Ельцин, или кто-то еще.

А. П.: Конечно, это был разгром, это было поражение. Были жертвы, мы потеряли две властные структуры – судебную и законодательную, на которые имели влияние. После этого в оппозиции, естественно, наступили апатия, уныние, разброд, раздражение, дифференциация, перестройка эшелонов, формирование новых группировок. К этому надо относиться нормально: я полагаю, что это естественный процесс, это нормальная социальная химия, в которой заваривается новый раствор, выпадают осадки, строится какой-то новый субстрат.

Действительно, одна часть оппозиции, которая сидела в тюрьмах, застенках, оказалась отстраненной от процедуры выборов в декабре, другая волей-неволей воспользовалась этим и как бы перехватила инициативу, голоса избирателей, смело вошла в Думу, за что ее осуждать сейчас, в общем, не приходится. Это породило некое разделение внутри оппозиции: парламентскую и непарламентскую. Одна более радикальная, другая как бы вступила в некое соглашение, пускай не явное, с властью предрержающим преступником Ельциным.

Вот в контексте этой социальной химии изменился и Союз офицеров. С его помощью, на его базе сложилось ваше новое движение – Державная партия. Мне бы хотелось услышать, что двигало Вами, когда Вы создавали эту структуру, в чем была ее необходимость, чем она отличается по своей идеологии, целям от Русского национального собора, Славянского собора или от того же движения «Держава», которое затевает Руцкой? Не является ли это какой-то политической тавтологией? Не преждевременное ли это создание? Не сле-

довало бы, я фантазирую, прежде чем создавать как бы близкую Вам организацию, поговорить с людьми одинакового с Вами мирознания, чтобы сложить потенциалы? Что такое ваша Державная партия?

С. Т.: Союз офицеров изначально планировался как общественная организация, которая объединит людей по интересам и профессиональным признакам. Мы не претендовали на цели, которые обычно ставит перед собой политическая организация, конкретно – власть. Хотелось бы объединить людей по общей позиции государственников-патриотов. Но прошло время, и мы проанализировали, что уже вместе сделали и в каких условиях. Примерно год назад мы почувствовали, что Союз офицеров выходит за рамки просто общественной организации. Недаром на нас сыпались обвинения, что Союз офицеров – это политическая организация, а не общественная, не какой-то клуб. Это действительный факт. Но по формальным основаниям мы это, конечно, отрицали, чтобы не слишком давили на наших кадровых офицеров, в том числе и на меня. Я до последней минуты был кадровым офицером, в общем, и сейчас им остаюсь – суд еще не закончился. И возникает дилемма: трансформировать Союз офицеров в более конкретную политическую структуру или создавать новую. Но люди в Союз офицеров пришли именно ради целей, которые мы обозначили в начале: хотели объединиться прежде всего по профессиональному признаку, а уж свои партийные билеты выбирать потом, будь то ЛДПР, РКП, Русский собор и т.д. Я понимал также, что многие из тех, кто приходит к нам, имеет установку от своей организации обеспечить в Союзе офицеров политическое влияние и соответственно использовать его там, где ему удобно. Сначала был утвержден принцип: партийная установка руководителя любого масштаба и ранга ни в коем случае не будет приниматься, если Совет и председатель решили иначе. Поэтому наша организация до последнего дня тех событий была единой, у нас не было противоречий. Если они и появлялись, то культурно, вежливо, но подавлялись. Хотя и Нина Андреевна считала, я потом убе-

дился уже после выхода из тюрьмы, и Зюганов, и Стерлигов, и еще кто-то там, что они располагают у нас достаточным влиянием и могут видеть Союз офицеров в каком-то качестве в своих организациях. Ну, на здоровье, как говорится. Если это доставляет им большое удовольствие – считайте так, у меня другое мнение.

Во время событий сентября–октября мы конкретно заявили о своих политических установках, о приверженности определенным целям, задачам и людям, которые готовы вместе с нами их выполнить. Я думал об этом в тюрьме, имел возможность передавать некоторые рекомендации товарищам, в частности предложил создавать политическую структуру, но не вместо Союза офицеров, как сейчас некоторые это трактуют, что я дух и установки Союза офицеров перечеркиваю, создаю что-то новое наряду с ним. Такая структура действительно создается по инициативе некоторой части Союза офицеров, которые ни в какой партии не состоят. Ну, к примеру, коммунистом я себя считаю по установке, по целям коммунистического движения и партии – у нас должно быть общество не индивидуализма, который нам навязали извне, а коллективизма, социальной справедливости. Но ни эти товарищи, ни я сам не являемся членами какой-либо партии, даже коммунистической.

Теперь к нам пошли люди гражданские, которые никогда не были офицерами. Что же, нам их куда-то отправлять? Но они не хотят идти ни в коммунистические партии, ни в Русский собор, а хотят к нам. Как их оставить и Союз офицеров не размыть до непонятного образования? Это послужило еще одним толчком, чтобы партию создавать. Когда я вышел из тюрьмы, она уже в принципе была обозначена. За месяц до этого прошло что-то вроде учредительного съезда – 27 человек приняли участие.

И вот эту, по сути еще не созданную, структуру стали под себя подминать долгановы всякие, бывшая партийно-хозяйственная номенклатура, которая сейчас концернами правит, наваривает миллиарды и хотели бы офицерское дви-

жение себе подчинить. Стерлигов заявил громогласно: вот он имеет Союз офицеров в лице одного из своих руководителей. Я сказал: нет, ребята, закончились ваши игры! Они думали, что я еще буду чухаться, писать мемуары полгода после этого. А я сразу проехал по регионам: юг – Ростов, северо-запад – Ленинград и Поволжье – Нижний Новгород буквально за месяц после выхода из тюрьмы все объехал, дал установки соответствующие, и мы собрали в апреле съезд Союза офицеров, чтобы уточнить свои позиции, и на следующий же день Державной партии, чтобы не дать инициативе уйти с другими. Они не ожидали этого и получили то, что хотели изначально. Поэтому тут же началась мышиная возня. Пошли склоки, интриги, подрывы, расколы, но, к счастью, только в московской части, состоящей всего из нескольких десятков и двух-трех неустойчивых членов Союза. Четверо сразу были исключены, трое – выведены из состава совета, им было сказано: или работайте сообща, или создавайте какие угодно структуры, под любые знамена идите – Бог вам будет судья. Теперь коллектив сплотился из самых надежных и устойчивых. В регионах же все нормально. Я уже двадцать с лишним регионов объехал за последние полтора месяца, везде абсолютно единое понимание.

Партию как структуру я изначально видел добивающейся политической власти. Конкретная и четкая цель: политическая власть. Сегодня целый ряд политиков, считающих себя спасителями России, претендуют на роль ведущих оппозиционных сил, хотя они эту роль осуществляют уже несколько лет и, похоже, не способны ничего делать. Нынешнее затишье я понимаю так: перегруппировка, но перегруппировка должна сопровождаться какими-то действиями, если уж не демонстрациями, то какими-то консультациями, решениями, выработкой позиций. Надо использовать и другие ходы: аналитические, практические, организационные. Этого нет! Почему я постоянно должен идти в фарватере у других сил? Пусть я, как говорится, звезд с неба не хватаю, но определенными способностями оценивать ситуацию все-таки обладаю.

Те люди, которые были со мной вместе, они не проявили того, чего я от них ожидал. Люди по-разному показали себя в критической ситуации.

Что же касается объединительной, государственно-патриотической идеи, мы написали ее на знамени Союза офицеров в декабре 91-го года, когда о «Державе» в оппозиции никто толком не думал. Я не говорю о газетах «День» и «Завтра», «Советская Россия», они писали об этом, я имею в виду политические организации, партии. Вот сейчас мы пытаемся собрать силы, которые разъединены по идеологическим установкам, и коммунистам, которые меня пытаются на каждом углу: «Зачем создал? Зачем раскол ведешь?» – я сказал: «Партия еще не создана, а Вы говорите, что я уже кого-то расколол». Каждого члена Союза, который явился инициатором создания Державной партии в регионе – это для полной картины, – вызывают в местные управления юстиции, проверяют, на самом ли деле он Петров, а не Иванов, берут с него пояснительную записку по поводу собрания этой партии и докладывают в Москву. Вот уже два месяца нас не регистрируют. Официальный срок для регистрации истек. Мы будем подавать в суд: почему нас не регистрируют? Устав есть, есть программа, было собрание. Вот такое влияние со всех сторон...

А. П.: Теперь, в период жаркого лета, некоторой вялости народа, думских каникул, возникает ощущение, что этот великий перерыв, эту общую апатию власть использует для разработки новой, намеченной на осень политической комбинации. Вот симптомы, на мой взгляд: происходит непрерывная, идущая по нарастающей демонизация оппозиционных лидеров и движений самыми грубыми и отвратительными средствами. По-прежнему в силе термины: «красно-коричневые», «фашистская чума», «гитлеристы» и подобные политико-пропагандистские трюки. Выпустили ужасный фильм «Коричневое облако», где политически спрессованные люди самого разного спектра, вплоть до либерального, рифмуются с Гитлером, с крематориями, с СС. То есть опять возникает образ врага, который должен быть ненавидим. И чтобы народ

не пролил ни одной слезинки, если этот враг будет истреблен властью насильственно.

Второй симптом тоже очень интересный. Здесь недавно показали некую фашистскую гитлеровскую организацию «Вервольф», среди ее атрибутики, среди ее свастика, эмблем, которая якобы действует в глухом подполье и готова нанести ряд террористических ударов. При сопоставлении с той демонизацией оппозиции, о которой я говорил, видно, что она принимает конкретный провокационный характер: «Вервольф», террористы, фашистские боевики – вот что ожидает Россию, вот что ожидает народ.

Третий симптом – после амнистии, когда в обществе, казалось, возник некий компромисс, когда наступило затишье, когда некоторые лидеры с нашей стороны этот компромисс приняли, сожалея только, что расследования преступлений переворотов прекратились, – после этого затишья опять возобновлены в прокуратуре дела участников октябрьских событий, в частности по Вашей персоне, некоторым действиям Русского национального единства. По-прежнему в прокуратуру вызывают Макашова, Ачалова, некоторые политики вынуждены скрываться, не появляться дома, потому что за ними постоянно приходят. Возникает ощущение, что готовы пойти на нарушение амнистии, а значит, Конституции. Илющенко готовит снова преследования оппозиции, тюрьму, кандалы и застенки. И наконец, возникает такое ощущение, что указ Ельцина, позволяющий силовикам из МВД чинить произвол по поводу граждан, создает инструментарий для того, чтобы оппозиция была разгромлена, интернирована, а может быть, и уничтожена. По-видимому, осенью, когда закончится затишье, когда народ, как бы одуревший сейчас от жары, столкнется с закрытием предприятий, массовой безработицей, возможно, в некоторых регионах России возникнут локальные очаговые выступления. Я лично не ожидаю всеобщей стачки, не ожидаю массовой революции, в отличие от некоторых моих друзей, питающих иллюзии на этот счет. Но локальные выступления, которые, по-видимому, будут подавляться жестоко, послужат по-

водом для того, чтобы интернировать всю оппозицию. Что они с Вами сейчас стали делать? Во что они превратили амнистию для Вас? Что такое военная прокуратура и те пикеты, которые Союз офицеров выставляет по всей России?

С. Т.: Мы создали, я считаю, достаточно серьезную, мощную аналитическую группу «Система», которая работает над основами идеологии государственного патриотизма. Считаю, что разработаны некоторые важные понятия, в том числе по содержанию того периода, в котором мы живем. Мы сделали попытку подойти к этим вопросам научно, именно с точки зрения идеологического содержания. И это еще один аргумент в пользу создания партии...

С тем, как сейчас Вы разложили по полочкам ситуацию, с перспективой ее развития я полностью согласен. Могу добавить, что, может быть, даже не осенью, а гораздо раньше власти будут способны на какие-то шаги. Они готовят их исподволь: артподготовка, пропагандистская атака, провокации по типу этих «вервольфов», нагнетание напряженности. Но они понимают и знают, что люди серьезные в своей основе ориентированы не на какие-то там штучки «Вервольфа» или деятелей, которые больше орут, чем делают, а на тех, кто их организует, являясь как бы лидерами определенных оппозиционных направлений. А таких не взять просто голыми руками, их надо, опять-таки, задавить психологически, взять в жесткие рамки, чтобы не дергались, и в конечном итоге повести дело так, чтобы изолировать или даже уничтожить.

Уголовное дело, что они против меня возбудили, – это пробный шар. Насколько я знаю, все остальные пока проходят как свидетели, вызывают, может быть, отдельных рядовых членов, но из руководителей организаций, видных политических фигур ни на кого уголовное дело на сегодня не заведено. Пробный шар пущен – как его проглотит оппозиция? Дело возбудили 20 июня, а сообщили мне об этом 4 июля. Две недели они вызывали свидетелей, и один из них мне об этом сказал. Я позвонил в прокуратуру и спросил у следователя, почему дело возбуждено, а я этого не знаю. Вот тогда только я был вызван

первый раз 4-го. И выяснил, что плевать они хотели на все амнистии, на общественное мнение, они намерены выполнить ту задачу, которую им поставили... ну кто там? Филатов, Батурин или еще какой-то деятель через Илюшенко. Первый пробный шар они бросили через военную прокуратуру округа, которая вела дело. Генерал Кислицин взяться за дело отказался, сказав: «Я в черные игры не играю». Мы с ним беседовали дважды, он и дал понять, что рук марать не собирается. Все опять пошло в главную военную прокуратуру.

Следователь пока один, вытащили его из Западной группы войск. Откомандировали буквально перед 20 июня, когда дело поручили ему. Сам он никогда такие дела не вел, жил на Украине, все статьи путает, в Уголовном кодексе даже одна и та же статья «О массовых беспорядках» у нас 79-я, у них 86-я, и т.д. Заместитель главного прокурора назначен на должность недавно. То есть везде идет подставка: а вдруг пройдет. А не пройдет – все спустим на тормозах...

Сегодня в Думе был пикет. Илюхин делал что-то, а остальные лидеры партий, движений реагировать не торопятся, даже вопрос не поставили. А ведь это плевок в первую очередь в адрес Думы. Это как раз то, о чем мы говорили в отношении оппозиции: каждый начинает свои шесты искать, как в курятнике, если какую курицу или петуха и заклюют, я тем временем в другой курятник перелечу. Вот что, к сожалению, происходит сейчас.

Если они почувствуют, что меня можно сожрать со всеми потрохами, то следующими будут те, кто сидел, а потом пойдут уже кто не сидел. Поэтому я не стал ждать, пока там все эту опасность осознают, а дал команду по своим организациям, чтобы начать активное противодействие. Я знал, что на прокуратуру можно воздействовать только тем, что с мест пойдет волна протеста, не говоря уже о политической всеобщей стачке.

Я проехал по регионам и убедился, что такую стачку можно лишь тогда осуществить, когда будет организующий центр, когда она будет объявлена видными лидерами под лю-

быми лозунгами: «Нет диктатуре!», «Нет фашизму!», «Нет очередному перевороту!» или просто: «Нет курсу грабительских реформ!» Люди хотят видеть организующее начало, вот это мы им пока не даем И они всюду задают вопрос: «Кого Вы видите будущим президентом?» Или: «Кого Вы видите организатором будущего сопротивления режиму или выступления в доступной форме?»

Все регионы – наши, только руководства нет – ни сверху, ни снизу.

А.П.: Я все время размышляю, почему могучий Советский Союз, с огромным потенциалом, с великолепной разведкой, армией, по существу с прекрасной когортой управленцев, так легко и страшно рухнул, как трухлявый пенёк. Все больше я прихожу к убеждению, что наши, как казалось, лучшие люди, то есть те, кого называют элитой, которые аккумулировали все интеллектуальные богатства, весь властный потенциал, вели маневры либерального поведения, эта элита оказалась гнилой, тухлой, переродившейся, продажной. Она не сопротивлялась уничтожению страны, одна ее часть была как бы перевербована, стала пятой колонной, способствовала разрушению страны. По существу, их было не так уж много. Другая часть – по регионам, провинциям, университетам, КБ, гарнизонам – она была жирной, внутренне несобранной, без звезды, в небе сияющей...

Советский Союз продала элита, продали лучшие люди. И какую бы Россию ни строили в дальнейшем – будь это монархия, будь это президентская республика, будь это патриотическая диктатура, опять это все будет построено на песке, если страной будут править чиновники, будут править административные структуры, если не будет настоящей элиты. Когда я смотрю на своих товарищей по сопротивлению, на патриотов – «красных» и «белых», – я вижу среди них много прекрасных по человеческим качествам людей. Одни отважные, другие умные и осторожные, одни имеют опыт политического управления, другие – романтики, но всех их объединяет этика недавшего человека, этика, которая заставляет их

сопротивляться даже в безнадежных, казалось бы, ситуациях. Тюрьма – не сдаюсь, баррикада – не сдаюсь, предаю – не сдаюсь. Вот из этой этики несдавшегося, непокоренного человека может вырасти будущая русская элита, те люди, которые готовы жертвовать жизнью ради высшего идеала – и религиозного, и государственного. Мне кажется, что все те, кто после расстрела Белого дома, после этой беды не рассыпался, не стал заниматься бизнесом, не ушел к противнику, а остался верен идеалу, – они и есть национальная элита...

Эта этика несдавшегося человека в огромной мере вписывается и в Вашу позицию, в Ваш менталитет, в Ваше поведение, в Вашу драму офицера. Все эти качества я у Вас вижу и перед ними преклоняюсь. Что для Вас были последние потрясения? Что для Вас была тюрьма? Какие внутренние духовные трансформации Вы претерпели за это время?

С. Т.: То, что Вы назвали этикой непокоренности, исключительно важно. Для себя я это сформулировал несколькими другими словами: воинствующий романтизм. Однако время после сентября – это почти две разные эпохи. Тогда, может быть, был особенно необходим романтический порыв, кому-то надо было идти. Сейчас это тоже важно, но мы уже не имеем права просто жертвовать всем сразу ради сиюминутного шага, пусть даже решающего, зная или учитывая, что нас могут не поддержать, неправильно понять. Вот один из уроков, которые я вынес. Поэтому я стараюсь действовать на грани, но не заходя за нее. Не всегда это получается, потому что все-таки надо торопить события, иногда подталкивать их, ведь время не ждет. Когда сидел, я также вынес мысль о том, что наш опыт, на собственной шкуре проверенный, испытанный и руками, и ногами, психологически и физически исключительно ценен, такого никто не имеет. Не все прошли через это. Кто-то больше, кто-то меньше, но нынешняя элита – лидеры, руководители и общественные деятели, они способны противостоять режиму в дальнейшем еще более жестко, более решительно, более умно. Мы в принципе способны на большие дела, потому что прошли суровую политическую

школу в самых тяжелых условиях. Но этот опыт позволит решить нам все задачи только тогда, когда мы под идеей государственности соберем максимально широкий круг лидеров, дадим поверить людям, что эти руководители способны видеть ситуацию, изменить политический курс.

Только от одного я хочу предостеречь: не надо нам сейчас на одну или две фамилии упор делать. Ельцин выходил из безызначности моментально, Лукашенко тоже вышел моментально. Надо создать такую ситуацию, в которой когорта лидеров способна бороться за власть благодаря своим способностям, возможностям. А кто потом возглавит всех – Иванов или Петров – это уже будет вопрос его личной энергии, характера и способностей.

А. П.: Для Вас Бог в небесах есть?

С. Т.: В небесах – нет, он в душе есть.

А. П.: А Бог за нас или против нас?

С. Т.: Тут однозначный ответ: в тюрьме, во время отсидки, я уже принял решение для себя. С точки зрения религиозности определенный перелом произошел. Быть может, не полностью, не скажу, что я сейчас так уверовал, что в небесах летаю и на землю грешную не спущусь. Но я понимаю, что без стержня нравственно-духовного, религиозного ни человек, ни общество не состоятся. После выхода из тюрьмы поехал в Санкт-Петербург, где я оканчивал училище, там у меня друзья, митрополит, которого я считаю одним из духовных отцов нации, там я крестился и считаю, что сделал верно. Церковь – это один из столпов российской государственности, нашей истории и, уверен, будущего укрепления государственности. Если бы я не сидел, может, я до этого бы не дошел. Но там было столько возможностей все переосмыслить с точки зрения морально-нравственной, религиозной, исторической и еще какой угодно. Я пришел к выводу, что иначе нельзя, от этого мне не уйти, и я ношу крест. Это мой духовный талисман, и, с другой стороны, он меня связывает с тем, с чем раньше я не был связан.

Июль 1994 г.

Разговор с открытым забралом

(Диалог Александра Проханова
и Александра Руцкого)

Александр ПРОХАНОВ: Вот мое ощущение от Вас в контексте сегодняшних политических лидеров, близких мне, наполняющих оппозицию своими голосами, идеями, темпераментами: Вы для меня самый яркий человек по своей судьбе, по своему характеру, по своему темпераменту. У Вас блестящая судьба воина, древнерусского витязя, бесстрашно-го офицера. Вы наполнены потрясающей плазмой, энергией, которая толкает Вас в постоянные конфликты – как личные, так и конфликты страны, государства, империи нашей. И Вы, наполненный этой генетической энергией или энергией Вашего личного темперамента, толкаемый какой-то еще, видимо, простертой над Вами дланью воли, мчитесь, как штурмовик, через жизнь, через политику, оставляя за собой шлейф. В этом шлейфе что-то клубится, сгорает, корчится, создается, строится – историки поймут, что Вы для сегодняшней политической жизни России.

Вы наполнены гигантскими противоречиями, которых Вы не осознаете. Может быть, Вас эти противоречия толкают к гибели. В Вашем баке, в Ваших топливных системах эти противоречия горят, сгорают и двигают Вас в сегодняшнем политическом небе, политическом пространстве.

Мы беседуем накануне годовщины октябрьских событий. Год, как нет Дома Советов, как нет Конституции. Страна живет в условиях государственного переворота. «День» сгорел в этих событиях. И Вы с Вашим темпераментом, личностью, своими противоречиями наложили отпечаток на эти события. Вы, как гербовая печать, проштамповали события 21 сентября – 5 октября. За этот год много было сделано, сказано, оплакано, не было только одного: не было оценки, не было итогов, не было холодной серьезной аналитики как с той, так и с другой стороны.

Я хочу Вас спросить: почему мы не победили? Почему победа, которая, казалось, сама шла к Вам в руки, ради которой мы затевали все это дело, – в какой-то момент, после мгновенной, иллюзорной для многих эйфории трех-четырёх часов дня 3 октября, ускользнула?

Я участвовал в оппозиционном движении по мере того, как оно зарождалось с 1991 года, после катастрофы было голое место, пустырь. И этот пустырь, это пепелище постепенно пополнялось различными людьми, движениями, тенденциями, левыми, правыми, центристами, космистами, фашистами, безумцами и их сподвижниками. К 4 октября в Доме Советов, по существу, вся реальная оппозиция так или иначе присутствовала, она вся собралась. Это было чудо, когда люди несопоставимые – монархисты, мистики, священники и радикалы, анпиловцы под красными знаменами – они все были в этой реторте, в этой каше.

А после 4 октября все стало расходиться, распадаться и уходить как бы в никуда. Был триумф оппозиции, была и трагедия оппозиции: все собрались вместе, все соединились, все проливали там кровь, все были готовы погибнуть, жертвовать собой, а после этого события все стали постепенно уходить друг от друга в совершенно разные стороны. Сейчас оппозиция действительно дефокусирована, она разлетается. И все усилия ее соединить в какой-то центр, в один-единственный клубок не кончаются ничем. Вы тоже участвуете в этой композиции, Вы тоже пытаетесь соединить, консолидировать, собрать это потенциалы. Вы тоже трагически, я чувствую, ощущаете невозможность этого. Оцените ситуацию оппозиции: либо поставить на ней крест как на едином движении, либо есть какие-то рецепты, подходы к этим сложнейшим сегодняшним группировкам в недрах оппозиции?

Александр Руцкой: Александр Андреевич, давайте начнем с того, что Вы мою судьбу несколько преувеличили У меня обычная судьба. Судьба человека.

Судьба благодарной становится тогда, когда человек свято соблюдает принципы чести, достоинства, веры.

Еще мальчишкой, в 16 лет, я пошел работать на завод, работал слесарем-механиком, слесарем-сборщиком. Потом – вечерняя школа, аэроклуб. В 19 лет – призыв в армию, присяга на верность служения Родине. Помню, как я, молодой, остриженный наголо солдат в далеком сибирском гарнизоне Красноярского края, в городе Канске, клялся в верности своему Отечеству. С того времени верой-правдой и служу ему. Куда бы оно меня ни посылало, кем бы я ни был, я всегда честно и добросовестно относился к своим служебным обязанностям, о чем говорят и правительственные награды, и моя армейская карьера. Вместе с тем я не только служил Отечеству, но и жил с мыслью, не покидающей мое сознание: почему мы, русские, имея все: лес, металл, газ, нефть, уголь, золото, алмазы и не имея себе равных по ресурсам, научному, производственному, людскому потенциалу, – почему мы живем так убого, нище, постыдно?

Именно это и привело меня в политику. Мы с Вами уже давно дружим, знаем друг друга почти десять лет. В принципе, на Ваших глазах я рос как офицер, генерал. У меня была блестящая карьера военного. Я получил три высших образования, окончил Академию Генерального штаба с отличием. Герой Советского Союза, заместитель командующего ВВС 40-й армии, начальник центра боевого состава ВВС СССР. Была перспектива расти и дальше. Но я ушел в политику, не думая о том, что у меня будет какая-то политическая карьера. Я шел работать представителем народа, народным депутатом, с огромным желанием и непреодолимой нравственной потребностью заявить несогласие с тем, что происходит, с тем, как живет народ, сделать все возможное, чтобы граждане нашей страны, в том числе и солдат, прапорщик, офицер, жили достойно, чтобы армия была не изгоем общества, а гордостью нации.

Вы помните, с 1985 года, фактически с начала перестройки, началась активная травля армии. «Желтые» средства массовой информации как только не представляли советского генерала, офицера, прапорщика, солдата. В общественное сознание ввинчивали образ идиота Чонкина, «олицетворяю-

щего» армию-победительницу. Мы жили в то время, когда одураченное общество в благодарность за это рукоплескало войновичам. Благодаря таким и такого рода не только писакам, но и руководителям страны мой дед, мой отец, завоевавшие Победу, прошедшие войну от первого до последнего дня, ушли в мир иной оплеванные, почти нищие. И я – такой же генерал, офицер. Что меня ждало после увольнения из Вооруженных сил? Почему я должен был стесняться военной формы, боевых наград, почему я должен терпеть глумление над собой, формой и боевыми орденами?

Я помню, как я призывался в армию и с какой гордостью уходил служить, помню переживания ребят, комиссованных или не попавших в Военно-воздушные силы, как я, воздушными стрелками-радистами. Помню, как учился в училище, как лейтенантом ходил на танцы, как начищал форму, с каким уважением относились люди к человеку в форме, к летчику.

И вот 1988 год; основная масса слушателей академии Генерального штаба вынуждена ходить на занятия в гражданской одежде. Офицеров били, убивали, издевались над ними, плевали в них – таков был итог политики руководства страны по отношению к армии. Именно тогда и созрело во мне решение идти в политику, защищать армию, защищать честь своего деда, отца, в конце концов, свою честь, – честь тех, кто прошел суровые дороги Афганистана, отстаивал национальные интересы нашего государства, оказывая помощь народу дружественной страны в обретении достойной жизни.

Болтуны и демагоги, окрашенные в цвет предательства, теперь заявляют, что это была преступная война. Мы ушли оттуда: посмотрите, что сейчас там происходит. Если бы политики довели начатое дело до конца, при этом не развязав бойню вначале, народ Афганистана жил бы нормальной жизнью. Теперь же народ обрекли на страдание, а тех, кто оказывал интернациональную помощь, – на позор. Спрашивается: за что сложили головы наши парни? С чем я могу согласиться в отношении афганской войны? Так только с тем, что с таким бездарным и безответственным руководством страны, какое

было тогда, а тем более сегодня, нельзя и даже опасно ввязываться в какие-либо действия подобного рода. Свидетельством тому теперь – Таджикистан.

Какова была моя позиция в политической жизни страны, как я отстаивал интересы народа с 1990 года и по сей день, судить не мне. Пусть дадут оценку люди. Могу сказать одно: я боролся и буду бороться за справедливость, счастье, достойную жизнь для русских, чего бы это мне ни стоило.

Но усвоил твердо: без последовательных, продуманных действий мы обречены на поражение.

«Разбитые армии хорошо учатся». Все больше убеждаюсь в том, что по отношению к нам, противникам нынешнего правящего в России режима, этот тысячекратно подтвержденный историческим опытом афоризм явно не действует. Должных выводов из своих ошибок, просчетов, поражений мы не только не сделали, но даже и не пытаемся сделать. Вновь повторяем все то, что обрекло на поражение в октябре 1993 года, опять погружаемся в привычный «самовозвышающий обман», за который опять можно поплатиться ужасной кровавой ценой.

Что было главной причиной поражения защитников Конституции в октябре 1993 года? Оторванность от широких слоев населения, от «молчаливого большинства» россиян. Люди в своей основной массе воспринимали октябрьские события тогда и продолжают воспринимать сейчас как далекую от их жизненных интересов очередную разборку за власть «там, в московских верхах».

И не стоит оболящаться тем, что на защиту Дома Советов встали десятки тысяч граждан России, многие из которых пожертвовали своей жизнью, что все честное, светлое, совестьливое, духовное в России и нынешнем ее ближнем зарубежье помогало парламенту, вступившему в мужественную и неравную борьбу с антинародным режимом. Политически активное меньшинство тогда только приобретает реальную силу, когда пользуется поддержкой или, по крайней мере, очевидным сочувствием большинства. К этому надо приплюсо-

вать известный запас прочности в народном доверии. Без него прикормленные режимом средства массовой информации в решающий момент вновь сумеют сбить людей с толку массивной «промывкой мозгов». Короче, для победы на будущих президентских и парламентских выборах нужна широкая и гарантированная поддержка народа. А ее, повторяю, не было в октябрьские дни 1993 года и, несмотря на явное ослабление нынешних кремлевских властей, нет и сейчас.

Кое-кто из руководителей различных раздробленных оппозиционных партий и движений, правда, надеется, что уже к осени нарастающее движение социального протеста изменит ситуацию, и общество «востребует» к правительственному рулю представителей оппозиционных сил. Блажен, кто верит в это...

Но даже блаженным в политике недопустимо игнорировать очевидные факты. А они ясней говорят о том, что нынешним правителям страны наплевать на мнение разрозненного большинства. Тем более когда непомерно разросшийся штат придворных «аналитических» и «социологических» подхалимов постоянно истолковывает это мнение в удобном «хозяину» духе, не забывая воздействовать и на общественное сознание, доводя его до самоистязания, мазохизма.

И ничего удивительного, если, к примеру, треть голосов всех россиян за Конституцию на прошлогоднем референдуме без тени смущения выдают за «общенациональный мандат доверия» и «убедительное» доказательство «безальтернативности» и «незаменимости» нынешнего российского президента. Картина предельно ясна... Впрочем, главное даже не в этом.

Главное в том, что мы потеряли поражение от розни. Удивляюсь, как вроде бы опытные, неглупые деятели не могут понять, что, действуя разрозненно, при этом не гнушаясь поливать друг друга грязью в стремлении к оппозиционному лидерству, они создают ситуацию, когда общественное мнение, настроенное не столько «за» оппозицию, сколько «против» всех политиков и партий, изменяется в пользу «резервных» ставленников режима, действующих под вывесками либера-

лов и центристов. Пользуясь поддержкой властей и средств массовой информации, не ограниченные в финансовых и материальных средствах, имея дисциплину в своих организациях, они уже нарабатывают себе новый имидж, весьма ловко перехватывая у оппозиции популярные лозунги и программы, тем самым обращая отношение людей к народному движению в презрение к политическому балагану.

А. П.: Надо отдать должное нашим противникам: по части социальной мимикрии они достойны внесения в книгу рекордов Гиннеса. Вчерашние безжалостные разрушители России буквально на глазах превращаются в «сильных» государственников и «крутых» патриотов. Недавние сторонники «дикого рынка» сегодня открыто отмежевываются от него, разглагольствуя о важности «прагматического» государственного регулирования. Будем откровенны: при полной неспособности вывести страну из кризиса все-таки у них сохраняются шансы в очередной раз одурачить народ, опираясь на мощную поддержку правящего режима, мафии и прислуживающих им средств массовой информации.

А. Р.: Но даже если исходить из того, что сбить с толку избирателей не удастся и что оппозиция получит на грядущих выборах долгожданное большинство – есть ли гарантии, что результаты народного волеизъявления не будут фальсифицированы пропрезидентскими исполнительными структурами в центре и на местах, имеющими в руках всю полноту власти и, разумеется, весь избирательный механизм? Мало того, по указу Ельцина создается автоматизированная система голосования (для чего и в какую сторону будет работать автомат выборов, понятно даже ребенку). Ставить так вопрос более чем уместно, учитывая недавние нашумевшие признания самих же президентских аналитиков о явных и замаскированных подтасовках на прошлогодних декабрьских выборах и референдуме по Конституции. А если сфальсифицировать итоги выборов все-таки не удастся, есть ли твердая уверенность, что они будут признаны режимом, что его клеветы в правоохранительных органах и средствах массовой информа-

ции не начнут истеричную кампанию по их аннулированию со ссылками на действительные и мнимые нарушения?

Было бы непростительной наивностью полагать, что правительство, способное без колебаний отдавать варварский указ о расстреле собственного парламента, о массовых избиениях и убийствах незащитных людей, включая женщин и детей, остановится перед такой «мелочью», как избирательный подлог или циничный отказ высших федеральных инстанций легализовать очевидное. И не потому ли президент, попирая свою же Конституцию, законодательство страны, а также элементарные нормы приличия, упрямо пытается сохранить во главе правоохранительной системы, органов государственной безопасности и Министерства обороны полностью дискредитировавших себя, зато лично преданных ему чиновников?

Единственная реальная гарантия недопущения нового вопиющего нарушения Конституции и законности, новых кровавых расправ – массовое общественно-политическое движение, реальная оппозиция, имеющая активную поддержку народа, в первую очередь трудовых коллективов, готовых начать организационные, широкие и подлинно массовые акции протеста вплоть до всеобщей политической забастовки. Именно прочная опора в широких кругах населения позволит оппозиционным силам, пускай даже и малочисленным, но достаточно активным, сплоченным и организованным, не допустить каких-либо репрессивно-карательных действий со стороны властей в отношении себя и поддерживающего большинства. Без такой опоры оппозиция, даже многочисленная, простирающаяся до правительственных сфер, поставленных задач не решит и власти не добьется. Опыт многих стран доказал это неопровержимо, и Россия вряд ли станет здесь исключением.

Но как завоевать массы, чем привлечь их на свою сторону? Ни голыми лозунгами и призывами, ни сплошной чередой учредительных, восстановительных, объединительных и тому подобных съездов, конгрессов, конференций, ассамблей «согласия – во имя...» и т.п. симпатий людей не добьешься.

Втянувшись в привычную и бесконечную суету верхушечных «оргмероприятий», оппозиция могла убедиться в этом на собственном горьком опыте. Хотя, казалось бы, у всех на глазах трагический пример бывшей КПСС – одной из основных причин развала которой как раз и стала раковая опухоль бумажно-заседательской суетни, оторванной от жизненных интересов народа.

Не следует преувеличивать и реального значения «уличных» протестов. Митинги, демонстрации, манифестации на городских улицах и площадях, конечно же, необходимы, поскольку помогают «разбудить» и активизировать массы, настроить их на борьбу. В «стратегическом» противостоянии с режимом это лишь начальный или промежуточный, но, конечно же, далеко не решающий этап. Гарантированная поддержка в ряде крупных промышленных центров России с точки зрения широты и, главное, надежности социальной опоры для оппозиции куда важнее, чем, скажем, пятидесяти-тысячный или даже стотысячный митинг в центре Москвы.

Президентская сторона, кстати, понимает это куда лучше, организовав с подлинно государственным размахом разложение и подкуп трудовых коллективов через некоторых продажных директоров и лидеров профсоюзов. И, в отличие от многих других своих начинаний, явно преуспела в этом. Так, например, за счет накрутки умопомрачительных цен и блокирования таможенными налогами ввоза автомашин иностранного производства средняя зарплата рабочего ВАЗа в г. Тольятти достигла 1,5 миллионов рублей, в то время как средняя по России не превышает 200 тысяч рублей.

Да, политика режима приходит во все более разительное, вопиющее противоречие с интересами большинства. Но в условиях усиливающегося авторитаризма, монопольного господства радикал-демократов в средствах массовой информации, при не исчерпанных еще резервах социального маневрирования у власть имущих сохраняются немалые возможности манипулирования сознанием, а значит, и поведением масс. Пытаться противостоять всему этому бумажно-заседательским

или митинговым подходом – значит заведомо обречь себя на поражение. Спрашивается, собирается ли в конце концов оппозиция, учитывая горькие уроки прошлого, спуститься из президиумов, с ораторских трибун, из тусовок и фуршетов – в массы, в трудовые «низы», начать повседневную, кропотливую, черновую борьбу за умы и сердца рядовых россиян? Осуществляется ли давно назревший поворот в сторону организаторской деятельности, налаживания и поддержания живых повседневных связей и контактов с конкретными коллективами заводов, фабрик, организаций и учреждений? Люди сами никогда не прозреют, если им не раскрыть глаза, они пойдут только за теми, кто сам придет к ним и поведет их за собой.

Увы, если взять оппозицию парламентскую, то она, как и бывший Верховный Совет России в свои первые полтора года, занимается в основном поиском «конструктивного взаимодействия» с правительством и президентом. Иначе говоря, является законодательным камуфляжем того самого курса, который, по ее же признанию, ведет Россию к неминуемой катастрофе.

Правда, в отличие от бывшего парламента, нынешний пока все новых дополнительных, чрезвычайных и иных полномочий высшей исполнительной власти не представляет, но и за этим, судя на настрою руководства Государственной Думы и Совета Федерации, дело не станет. Парламент смолчал же по случаю игнорирования своих полномочий, молчит и по поводу наплевательского отношения к своим решениям со стороны Ельцина, Черномырдина и прочих клеветов, стоящих у власти. И будет молчать. А то, смотришь, лишат главного – кормушки.

Ну а оппозиция внепарламентская? Здесь по-прежнему либо бесконечно говорят, либо точно так же бесконечно заседают, перенося по «красным» датам такие разговоры и заседания на улицы и площади Москвы, Санкт-Петербурга и других крупных городов, заполняя промежутки плетением интриг внутри и без того разрозненных оппозиционных групп с целью дискредитации своих же товарищей по борьбе, рассчитывая таким образом прорваться в лидеры... Как бы не замечая,

что якобы «непримиримая борьба» идет уже в полном отрыве от внешних реалий и все больше превращается в крикливый, внешне эффективный, но вполне безопасный и даже выгодный для правящего режима «оппозиционный шум».

В самом деле, какие выводы для себя сделает из такой «оппозиционной активности» простой человек, рабочий, служащий, ученый, оценивающий политику и политиков, естественно, сквозь призму своих повседневных жизненных интересов? К демонстрантам на улице он, даже сочувствуя их лозунгам и призывам, вряд ли присоединится: людей надо убедить, организовать, заставить поверить, что их выступление что-то реально изменит, а этим, к сожалению, никто не занимается, ведь упор – на «ассамблеи» и «конгрессы», на опостылевшие всем обличения и проклятия с трибун, да «плач Ярославны» на кухнях за рюмкой чая, да плетение интриг в отношениях друг с другом.

«Стратегическое планирование» же лидеров оппозиции в парламенте внушает массам, быстро радикализирующимся в нарастающих кризисных неурядицах, еще меньше симпатий.

Добровольно взваливая на себя значительную часть ответственности за провалы антинародного «реформистского» курса, эти лидеры получают реально взамен не его желанную «корректировку» (на деле президент и его правительство как не считались с депутатами, так и не считаются до сих пор: Б. Ельцин в течение 9 месяцев работы Государственной Думы так в ней ни разу и не появился), а утрату последних остатков народного доверия – единственной реальной силы, на которую парламент мог бы в решающий момент опереться. «Все они там заодно, думают только о себе, а о людях совсем забыли» – такой имидж Государственной Думы неуклонно закрепляют в сознании рядового россиянина. Управляют именно своим «гибким» поведением оппозиционные парламентские «стратеги». Они добились о себе подобного мнения со стороны большинства. Ну а все остальное доделывает науськиваемое на парламент закулисными кукловодами «независимое» телевидение (независимое от закона, правды, норм морали и нравственности).

«Перестроечный» партийно-номенклатурный кретинизм сменился кретинизмом многопартийно-парламентским, благо персональные носители почти одни и те же. Правда, беспринципное соглашательство прикрывается сейчас не подзабытым «консенсусом», а широко рекламируемым «согласием» всех видов и степеней, подстроенных «под себя». Но велика ли разница, если «соглашательство» – одного характера и одной цели: ухватить поддержку одуроченного большинства? И разве такая «гибкая» линия объективно не подталкивает «безальтернативного» и «незаменимого» с его сворой опричников к очередному разгону или роспуску-расстрелу? Когда же депутаты откажутся от иллюзии «конструктивного взаимодействия» с теми, кто развалил страну, экономику и вогнал народ в нищету? Проявят наконец, в пример своим расстрелянным предшественникам, твердость и характер в отстаивании интересов избирателей?

Весь народ, утративший доверие к своим избранникам, опять промолчит, как промолчал в октябре 93-го. И такое молчание, честно говоря, можно будет понять...

Вот пример. На фоне останавливающейся промышленности, разваливающегося сельского хозяйства, деморализации армии, агонизирующих народного образования, здравоохранения, культуры, науки Россию захлестывает нарастающая волна преступности и бандитизма, произвола чиновников. Пикеты протестующих заполнили площади и улицы чуть ли не всех российских городов. А оппозиция, призывавшая к общенародному движению протеста, теперь, когда это движение стало повседневной реальностью, оказалась от него в стороне! В чем же дело? В отсутствии у оппозиции постоянных и прочных связей с трудовыми коллективами, с широкими слоями населения.

А. П.: Прошел год после этой драмы, этого дымного пожара на берегу Москвы-реки. Вы отсидели. Вы прошли второй раз эту страшную тюрягу. Один раз Вы сидели в земляной яме тюрьмы пакистанской разведки. Второй раз Вас протащили через тюрьму, неволю, кандалы – на этот раз через родную, Лефортовскую.

Но за этот год народ так и не понял, что же произошло. Провинция приезжает и спрашивает: «Расскажите, что было». Что же на самом деле было? Где картина? Кто скажет правду? Где анализ происшедшего? Вы сделали работу, я знаю, у Вас лежит готовая книга, в ней Вы рассказываете об этих событиях. Выше этой колокольни, простите, ничего не было, были разные эшелоны, разные этажи, уровни понимания. Вышла «Анафема», которая, я понимаю, Вас не устраивает, потому что это был взгляд человека из одного фрагмента, из одного угла, из одного сектора обороны. У Вас и у Хасбулатова были все концы, вся информация, весь дисплей происходящего.

Ходит масса мифов. Например, миф об оружии. Говорят: «Если бы вскрыли арсеналы Белого дома, где было навалом гранатометов, мы пожгли бы «бэтээры», утром 4-го танки не подошли бы к мосту». Причем враг заявляет, что были огромные арсеналы оружия. А я-то знаю, что там было 50 с гаком автоматов, и не более того. Расскажите этот миф об оружии, об огромном якобы потенциале сопротивления Белого дома, который готов-де был штурмовать Кремль.

Второй миф: о том, что Руцкой якобы был готов кинуться в посольство – это говорят одни. Другие – что Руцкой взывал к иностранным посольствам, чтобы его взяли и спасли. Что он готов был, как Керенский, чуть не в бабьей одежде бежать из осажденного Дома в иностранное посольство, отсиживаться там. По существу, бросается тень на лидера сопротивления.

Другая версия: чуть ли четвертого октября не подогнали надувные лодки по Москве-реке, предлагали Руцкому уйти из Белого дома, сесть на лодку и уплыть, а он остался, не ушел из Белого дома, остался в этой бойне.

Еще один миф: о том, во что превратили Белый дом, когда Вы все ушли, – в крематорий, и там конец 4-го и половину 5-го октября добивали, дожигали наших людей, наших мужиков, а потом втайне на черных баржах их трупы вывозили и уничтожали. И что число убитых, которым оперирует Ельцин, – это блеф; мы-то знаем, что там были другие трупы, другие числа, другие гробы, тайные захоронения. Расскажите об этой мифо-

логии, которая наверняка вокруг Вас крутится, иногда Вас возвеличивая, иногда кидая в Вас грязь.

А. Р.: О событиях сентября–октября я рассказываю подробнейшим образом в двух своих книгах, которые выйдут в ближайшее время: «Крушение Державы» и «Лефортовские протоколы». И те, кто желают знать правду о трагедии, могут приобрести их и прочесть. Совершенно не сомневаюсь – мифы, о которых Вы говорите, рассеются сами собой.

Я постоянно слышу, что политическая оппозиция режиму и усиливающееся движение протеста трудящихся идут параллельными, практически не соприкасающимися друг с другом курсами. А ведь именно их взаимодействие как раз и способно создать ту критическую массу энергии, мощное высвобождение которой выльется во всероссийский гражданский протест и сметет наконец обанкротившийся и продавший национальные интересы страны полицейский антинародный режим.

И тут невольно возникает сомнение: а хотят ли те, кто причисляет себя к оппозиции, действительно победить? Или речь идет лишь о том, чтобы «разбавить» нынешнее правительство своими вице-премьерами и министрами, скорректировав, но сохранив в своей основе гибельный для России курс?

Я постоянно слышу в свой адрес обвинения в игнорировании законных, «парламентских» форм, увлечении «экстремизмом» и «крайностями». Руцкой, мол, призывал к явно авантюрным действиям, вроде штурма московской мэрии и «Останкино», которые лишь обернулись гибелью многих людей и представляли сторонникам авторитаризма долгожданный повод для заранее подготовленных акций.

Когда такого рода обвинения в мой адрес звучат со стороны радикал-демократов, удивляться не приходится: они прямо заинтересованы в том, чтобы навести тень на плетень, скрыть от людей правду о том, что действительно происходило прошлой осенью. Мало того, и портрет кретина-солдафона, мздоимца-коррупционера написали по заказу власть имущей шпаны всякого рода публицисты-дешевки гульбинские, бунни-

чи, и не как-нибудь, а даже книгами, наглейшим образом исказив мою военную и политическую биографию. Подлее и хуже сего, когда такого рода «обличители» появляются из среды оппозиции, подхватывая домыслы «желтой» прессы, целенаправленно вбивая в сознание людей, что Руцкой – это-де не тот человек, за которого себя выдает, и т.д. и т.п.

Отсюда вывод: или купили некоторых господ «салонных» патриотов, или они сами пытаются выпятить себя в качестве «незаменимых» лидеров, приподнять «благоразумие» хваленых «центристов», отсидевшихся в кустах в решающие моменты политической борьбы. Так и хочется сказать этим: «Побойтесь Бога, господа и, к сожалению, некоторые товарищи! Где были вы – заболтавшие все, что только можно было, – 3–4 октября, что делали вы тогда, изображая сегодня себя “специалистами” по обороне, “трезвомыслящими” защитниками народа?» Могу ответить прямо, без демократических церемоний: одни занимались тем же, чем и сегодня, – болтовней, другие попросту сбежали и предприняли все, чтобы народ России не поднялся, третьи, подставив своими провокационными действиями защитников Конституции под расстрел, рванули во власть – в Думу, не дождавшись даже, когда остынет кровь погибших... А что касается отхода от «парламентских» форм, «экстремизма» и «крайностей», оттолкнувших-де от парламента многих колебавшихся, то это аргументация либо кабинетных мудрецов, безнадежно оторванных от жизни, либо... Впрочем, не буду, чтобы не осквернять бумагу, уточнять.

Главной причиной нашего поражения, повторяю, был не «экстремизм», не «крайности», а отсутствие массовой широкой и надежной поддержки народа, усугубленное чистейшей воды предательством как внутри оппозиции, так и за ее пределами. Если нас с Р. Хасбулатовым и надо обвинять, то совсем в другом, в прямо противоположном, а именно в том, что мы над обеспечением такой поддержки практически не работали, доверившись болтунам и демагогам, якобы занимавшимся этим вопросом, «геройству» которых посвящают спецвыпуски газет.

То есть чрезмерно увлеклись «парламентскими» формами, безумным повторением заклинаний типа «наша главная сила в законе», забыв о том, что реальная оппозиция должна в первую очередь опираться на массы и только на них. Именно поэтому мы не сумели в решающий момент обеспечить эффективного сочетания парламентских методов с массовыми выступлениями за стенами Дома Советов не только в Москве, но и по всей России, не смогли направить вырвавшуюся на московские улицы энергию стихийного возмущения людей в регулируемое, тщательно выверенное и наиболее эффективное русло.

Если сегодня в среде оппозиции находятся деятели, которые находят «напрасной» и «бессмысленной» борьбу бывшего Верховного Совета с растоптавшим Конституцию президентом, то пусть это будет на их совести. Я же убежден в справедливости старой истины: «Отказ от борьбы деморализует больше, чем поражение». Уж если на то пошло, нам надо было более решительно, целеустремленно и энергично выступить против авторитарного произвола. Оппозиция, вернее, руководители ее партий, движений, которым была дарована свобода, проявили не избыток, а недостаток твердости, решительности, бескомпромиссности, особенно в первые дни после роспуска-расстрела парламента.

Президентская сторона, образно выражаясь, сразу же пошла напролом, не гнушаясь никакими средствами в своем стремлении расправиться с непокорными депутатами и оппозиционными политическими лидерами. Мы же потратили время и усилия в бесплодных призывах и уговорах, наивно ожидая от своих противников хотя бы мало-мальски элементарного уважения к закону и соблюдения общепринятых в цивилизованных странах политических и нравственных норм.

Разумеется, ход событий постепенно избавил многих из нас от иллюзий, заставил наконец более трезво взглянуть на вещи, но, друзья, уже почти поздно, инициативу перехватили «подсуетившиеся», оседлав идеи, программы тех, кому они принадлежали изначально.

Что же касается, повторяю, «экстремизма» и «крайностей» со стороны защитников Конституции, то разве мы должны были из-за отдельных их проявлений высокомерно отмежевываться от вышедших на улицы людей, плевать в душу тем, кто готов был пожертвовать жизнью в борьбе с антинародным режимом? Непорядочно, просто подло было бы лидерам движения бросать на произвол судьбы поверивших им людей, даже когда их действия не во всем им нравятся, даже когда реальных шансов на победу нет. Впрочем, отдельные факты экстремизма со стороны защитников Конституции, неизбежные в условиях ожесточенного, дошедшего до вооруженного конфликта противостояния, меркнут перед тем кровавым экстремизмом и вавилонской жестокостью, которые были проявлены президентской стороной.

Главное все же было в другом – надо было готовиться к отражению назревавшего государственного переворота, готовиться заранее, готовиться серьезно, за много месяцев. Готовиться политически, экономически, финансово, организационно-технически, но, увы, этого не делалось все по тем же причинам: размежеванность, отсутствие солидарности, мелочная подозрительность и элементарное неуважение друг к другу. Ведь еще тогда, после прошлогоднего мартовского указа президента о введении особого порядка управления страной (ОПУСа), стало ясно, что дело идет к установлению авторитарной диктатуры.

Конкретно надо было:

– установить живые повседневные связи с трудовыми коллективами, учреждениями, институтами, учебными заведениями, причем не только в центре, но и на местах, во всех республиках, областях, регионах;

– выстроить глубоко эшелонированную систему поддержки оппозиции в директорском корпусе, финансовых, предпринимательских кругах;

– наладить и поддерживать, разумеется, с достаточной долей осторожности и осмотрительности, необходимые контакты в государственном аппарате, правоохранительных ор-

ганах, армейских частях (несмотря на драконовские чистки, здесь еще осталось немало честных людей; не все же куплены и разложены режимом);

– найти методы и формы влияния на людей через средства массовой информации, используя, возможно, содействие предпринимательских кругов.

Этот комплекс мер нужно и можно было предпринять, если бы оппозиция была объединенной, если бы она избавилась от кликуш-баламутов, дискредитирующих движение.

Впрочем, все это не поздно и даже крайне необходимо сделать и сейчас.

А. П.: Александр Владимирович, Вы раза четыре употребили слово «предательство». Я думаю, что предательство – один из самых страшных грехов, какие вменены человечеству.

Думаю, Вы не знаете, что такое ревность, слава Богу: я знаю Вашу семью, Ваш уклад. Это тоже, наверное, одна из самых страшных мук, какие даны человеку, – ревность к любимым женщинам. Но предательство друга, товарища, партнера Вы, наверное, извели. Вы прошли, протаранили, пролетели Афганистан, были среди элиты афганских воинов, Вас окружали афганцы. Когда мы с Вами находились в конфронтации после 1991 года, я видел Вас издали в окружении афганских генералов, афганской элиты, я Вас всех даже издали продолжал любить.

И вот Вас предали Ваши товарищи по Афганистану, Вас предал Барынькин, Вас предал Грачев, Вас предал Лебедь. Как Вы переживали трагедию предательства? Черт с ним, что Вас предавали Ваши клерки, черт с ними, что Вас предавали средства массовой информации, которые одно время Вас обожали, возвеличивали, а потом от Вас отвернулись и поливали грязью. Вас предавали люди, с которыми Вы проходили сквозь игольное ушко битвы, войны. Ведь это, может быть, одна из самых страшных драм, которые Вы пережили.

А. П.: Александр Андреевич, Вы правы – это действительно драма. Чудовищная драма, ибо предано самое святое – армейская дружба. Я не знаю примеров, когда бы в гражданской

среде близкие, дружеские отношения были основаны на решимости отдать даже жизнь за друга.

Пройдя путь, большая часть которого проходит в армейской среде, от солдата до генерала, имея устоявшееся понятие о дружбе, о самопожертвовании, трудно иначе воспринимать предательство.

Отсюда и отношение к происшедшему. Списывать предательство на ошибку, недопонимание невозможно, ибо все мы принимали присягу на верность служения Родине, на верность Конституции, на верность служения народу.

Вместе с тем я не осуждаю армию за то, что она не поддержала восставший народ, что ее лучшие генералы предали, потому что не их только в этом вина.

Виноваты все мы в равной степени, ибо армия есть часть народа, который в большинстве своем молча взирал на происходящее. И когда наступил момент, решающий момент, определяющий судьбу Родины, не поддержал тех, кто выступил против антинародного полицейского режима.

Ни один город, ни один поселок России не заявил гражданским протестом свою позицию в отношении происходящего.

Греция, а не Россия от Калининграда до Петропавловска-на-Камчатке вышла на улицы поддерживать Советскую власть.

И все-таки: о каком предательстве армии мы говорим, если президент – глава государства – предал Конституцию, на которой клялся? Если вся страна видит, слышит, знает, что творит на глазах всего мира «всенародный», и покорно молчит. Отсюда и задаешься вопросом: «А стоит ли вообще говорить, осуждать кого-то за предательство, если оно стало нормой жизни общества?»

А. П.: Несмотря на все это, Вы грузитесь на поезда, на самолеты. Выйдя из каземата, Вы чуть-чуть пришли в себя, отдышались дома и двинулись по России, строите свою «Державу», свое движение. Я знаю, что Вас встречают на «ура», Вас слушают, Вам внемлют, Вам аплодируют, в Вас впиваются глазами, а потом приходят к Вам под Ваши знамена. Вы делаете изнурительное, неизбежное политическое национальное дело.

Программ ныне не читают, аргументы все, которые можно было бы произнести, начиная с 1985 года, все произнесены двадцать раз, все перевернуто. Люди смотрят в глаза и пытаются угадать: врут эти глаза или не врут? Когда оратор призывает народ к любви, братству, солидарности, народ смотрит и думает: какой же нам кровью обойдутся эти любовь, братство, солидарность? Поэтому для политического деятеля сегодняшнего дня, может быть, даже не важнее всего программа, аргументы, концепции.

Куда мы денем уголь, куда мы переместим трудовые ресурсы, где мы поставим заставы, сколько у нас будет бомбардировщиков?.. И при этом проскользнет вдруг какая-то интонация, какие-то тончайшие энергии, или, как Невзоров говорил, кто-то найдет, произнесет какое-то словечко с таким выражением, с такой родной и понятной миной на лице, – что народ скажет: «Ну, слава Богу, пришел!» Что Вы говорите людям и что еще намерены сказать им, чтобы люди как бы очнулись, содрали с себя эти жуткие коросты, которые за это время выросли?

А. Р.: Сдаваться я не собираюсь, как и молча взирать на происходящее и плакать, что все погибло, народ более не поднять, не разбудить. Пессимизм не мой удел.

Я верил и верю народу, я верил и верю, что мы будем жить достойно, как это подобает великой нации. Хотя не скрою, что были всплески пессимизма. Но, поездив по стране, я убедился в том, что не все еще потеряно. Что надо работать с народом, необходимы контрдействия обнаглевшему телевидению, вбивающему в сознание людей ложь, безразличие, корысть, алчность, безнравственность.

Сначала поездка к себе на родину, в Курск, затем вместе с Вами в Красноярск, к замечательному человеку, политику-патриоту Петру Васильевичу Романову. Удивление и радость от того, как встречают люди – с неподдельным желанием знать правду и что делать в, казалось бы, безнадежной ситуации. Сомнение в правильности моих действий после тюрьмы «Лефортово» окончательно развеялись после поездок в

Волгоград, Саратов, Самару, Тольятти, Ульяновск, Пензу, Саранск, Липецк, Воронеж.

Когда простым и доступным языком рассказываешь людям правду о пройденном нами пути от начала до конца, когда объясняешь людям, как могли бы мы жить и за счет чего, каким образом можно решить жизненно важные приоритетные задачи, стоящие перед обществом, – люди начинают просыпаться. Начинают понимать, что без реальной оппозиции, без объединения воедино патриотических сил невозможна победа народа. Особое одобрение вызывает программа социал-патриотического движения «Держава», основными принципами которой являются:

- возрождение великодержавной России в границах СССР;
- объединение народов и народностей в единую нацию;
- построение общества реального социализма, демократического общества социальной справедливости.

Отрадно, что на мои встречи приходят не сотни, а тысячи, десятки тысяч людей; отрадно, что на эти встречи идут не только ветераны войны и труда, но и в большинстве своем молодежь.

Впечатляет и результат работы. За 3 месяца в движение «Держава» поступило 584 тысячи заявлений о вступлении в его ряды.

Можно сделать по этим результатам и вывод: реальная оппозиция будет не очередным политическим клубом, а массовым общественно-политическим движением, имеющим поддержку большинства.

А. П.: Я слушаю Вас в течение двух часов, и у меня идет параллельная мысль: все мы – дети катастрофы, все в этой катастрофе кувыркаемся. Нас подорвало, и мы летим. Сами еще не знаем, где приземлимся. И как мы прилетим: без рук, без ног... Не знаю, доживем ли мы до победы, встретимся ли мы с Вами после того, как сметем эту мразь. Я не знаю, куда Вас еще кинет, потому что Вы, как, может быть, никто в этой катастрофе, всегда оказываетесь в той зоне, где больнее всего: Вас сажают в «Лефортово», Вас из танков, Вас обливают помоями, и, по существу, Вы должны бы уже погибнуть. Вас вообще не

должно было быть на земле в это время. А Вы есть, Вы все время подтверждаете это, Вы, как феникс, вылетаете из беды.

И у меня есть ощущение, что Вам предстоит еще много бед всевозможных. И у Вас, наверное, просто есть Ангел-хранитель, который Вас то ли ведет, то ли Вас просто хранит.

Вы говорили, что, когда Вы сидели в «Лефортово», к Вам приходил схимник. Расскажите про этого блаженного. Кто он такой? Напомните, что он Вам сказал, что напроорочил?

А. Р.: Даже будучи коммунистом, я ходил в церковь, нерегулярно, но была возможность – ходил.

Я не знаю, кто как ощущает свое пребывание в церкви, но я ощущаю его как свое бытие. Приходя в храм, я становлюсь другим человеком. Стоишь у «Спаса Нерукотворного» и читаешь, читаешь, читаешь часа два. И уходишь, как бы отвлекаясь от всего – с чувством, что ты совсем в другом мире. В этом состоянии как никогда работает мысль у человека. Пробуждается, может быть, то глубинное, что было в тебе спрятано и не проявляло себя. Стоя в церкви, общаясь с Богом, человек становится открытым к проникновению новой мысли, к скрытым сокровенным энергиям мира.

Я давно понял: если мы не восстановим свой исконно православный образ жизни, мы не выстроим великодержавной России. На чем он будет основан? На нравственности, духовности, объединении людей в приходы, общины... Что такое приход? Все друг друга знают. А раз так, то стесняются что-то плохое сделать. А раз друг друга знаешь, то и сватовство было другое, и браки были покрепче, да и дети были здоровее. Это прекрасно! Прекрасно, когда в обществе с детства прививают уважительное отношение и к другим вероисповеданиям. И немудрено было, что уживались и мечеть мусульманская, и католический костел, и православная церковь. Я твердо знаю, что без Бога, без веры, без нравственности, без духовности, без чувства стыда, без чувства греха мы просто быдло. Ведь человек без верования – это существо с внутриутробным мышлением: набил утробу – и спать. И безразлично ему, что происходит, кто кромсает страну, раздаст земли российские... Раз

нет веры, значит, нет любви к собственной истории, нет любви к собственной культуре, нет любви к собственному народу.

Что же до того, что мне сказал схимник, это моя тайна. Скажу лишь, что он заверил меня: «Александр, все равно правда будет за нами, держись до конца! Такова воля твоего ангела-хранителя – Николая Угодника». И было для меня это душевным облегчением, душевным успокоением, освобождением от грехов, от всей этой тягости.

А. П.: Напоследок Вам скажу: действительно, не дано нам понять, кто мы в этой жизни – грешники или подвижники: скорее всего, грешники, потому что все мы наполнены страданиями, ненавистью, разум наш не просветлен, мы все измучены, истерзаны. Но я думаю, что, может быть, все-таки, когда пролетит вся эта жуть над Россией, вся эта перепончатая, бесноватая, клювастая жуткая нечисть, оставив после себя страшные рубцы, раны, если нам с Вами суждено будет через десять, двадцать лет повидаться и оглянуться на эти дни, мы будем уже утомленные, как бы израсходованные, стреляные патроны. Из них вылетела пуля: попала или промахнулась – это уже воля стрелка, который нами стреляет, стрельца небесного. Мы с Вами встретимся и все-таки скажем, что мы не лукавили, что мы в этой жизни не продавались, что двигало нами только одно – священная любовь. А уж о прошлом нашим потомкам, детям нашим, сыновьям судить, как мы эту любовь воплотили, во что мы ее отлили, и, как говорится, Бог нам судья!

Сентябрь 1994 г.

«Октябрь был моим главным поступком»

*(Диалог Александра Проханова
и Ильи Константинова)*

Александр ПРОХАНОВ: Илья, минул год с той осени 1993 года. Утром 2 октября, сразу после вечерних ельцинских заявлений, я пришел в Дом Советов, в это серое,

мглистое, туманное утро. Первые робкие костры, тлеющие головешки, горстки людей, большей частью пожилых, в отсыревших одеждах или робах – рабочие. Еще не было того сопротивления, не было тех балконов, тех знамен. Вся эта беда, катастрофа вползла с теми туманами в историю, в нашу реальность. Потом был каскад событий – как во сне все вспоминаешь: ослепительные иллюзии сменялись ощущением кошмара неизбежного. Смоленская площадь, Арбат с арматурными подмостками, где грохотали первые выстрелы, были первые избиения. Все, что случилось вечером 3-го – «Останкино», голубые трассы, которые летели из «бэтээров» и скрещивались. Было непонятно, кто кого убивает, кто кого режет. Под этими трассами, как под смертной косой, падали люди, корчились, умирали.

Понимание всего этого отстоялось, отслоилось, оно разложено по своим полкам, по своим отсекам. И было время каждому и всем вместе пережить, понять, оценить жестко, наверняка скептически.

Никогда не забуду: это было в твоем кабинете в Доме Советов, когда ты ко мне подошел и рассказал о замысле Фронта национального спасения, о необходимости его создания. Оппозиция левая, правая, красная, белая, говорил ты, – она созрела для того, чтобы аккумулировать в себе более широкие энергии, не только Москвы, но и провинции, регионов России. Об идеях Фронта я от тебя первого и услышал. Ты был зачинателем этого движения, его лидером все эти месяцы. Памятны робкое зарождение Фронта, два его конгресса, митинги, где он фигурировал как движение. Фронт в конце концов перемолол, как в камнедробилке, и Верховный Совет, и съезд, где Фронт доминировал. Потом он в твоём лице был на этих митингах и в твоём же лице был арестован и брошен в тюрьму «Лефортово».

А после этого угас, исчез – это все судьба Фронта, синусоида. И сегодня Фронта нет.

Я хотел бы от тебя услышать рассказ о Фронте. Как ты теперь оцениваешь это явление, как оно жило, что оно сделало, чего оно не сделало, в чем его патетика?

Илья КОНСТАНТИНОВ.: Начну с того, что Фронт был, может быть, единственной сильной организационной идеей оппозиции. Она снизошла сверху – объединить левую и правую оппозицию, преодолеть внутреннюю конфронтацию, прекратить гражданскую войну, найти в себе новую энергию, новую силу для того, чтобы остановить надвигающуюся катастрофу. Ведь ощущение надвигающейся катастрофы постоянно присутствовало в нас в течение долгого времени. Это ведь не месяц, не два. Мы говорили об угрозе государственного переворота на первом и на втором конгрессе, и понимание того, что команда людей, олицетворением которой является Ельцин, пойдет на все, понимание того, что эти люди готовы на насилие, понимание того, что они обязательно прольют русскую кровь, – присутствовало в наших рядах. И ведь, собственно, задача Фронта, если отбросить идеологию, политическую тактику, сводилась к одному: остановить Ельцина. Собрать все, что есть у нас в оппозиции, привлечь новые силы, соединить Верховный Совет и уличную оппозицию, съезд и всю систему Советов в России, привлечь силы из ближнего зарубежья, то есть «советских», рус...

Прошел год после октябрьских событий. Много было страшного, трагического, мрачного. Фронт потерпел поражение – я абсолютно ответственно ставлю этот диагноз. Именно тогда, в октябре, мы были наголову разбиты. Почему? Этот вопрос мы будем задавать себе еще не один год. Я убежден, что те трагические события – веха, которая изменила судьбу России на многие годы. Надо очень-очень большой путь пройти, чтобы увидеть последствия переворота. Такие страшные события накладывают отпечаток на всю историю страны.

Мы потерпели поражение. Почему? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вернуться назад. Что такое Фронт национального спасения? Это попытка объединения всех здоровых сил, всей оппозиции вокруг системы Советов: Верховный Совет, съезд народных депутатов, областные, краевые, городские, районные, поселковые – целая структура, целая пирамида. Единственная организационная сила, обладавшая

финансами, организационными, техническими возможностями, людским потенциалом. Единственная организационная сила, которую можно было бы противопоставить натиску президентской команды и всей той политико-финансовой пирамиде, уходящей корнями и внутрь страны, и за рубеж, которая задавила Россию. Смысл Фронта был именно в этом: сплотиться вокруг Верховного Совета. Единственно возможный путь в то время и вместе с тем путь, ведущий к поражению. Я в этом убежден.

Потому что съезд, Верховный Совет, Советы всех уровней – именно та сила, которая породила Ельцина.

Вспомним Первый съезд народных депутатов, 1990 год. 1100 депутатов со всей России съезжаются в Москву. Это были не отбросы общества, нет. Директора заводов, председатели колхозов, руководители партийных организаций, председатели местных советов, главы правительств автономных республик, директора крупных издательств, редакторы газет, ученые, писатели, артисты. Я убежден, что сегодня в Думе гораздо больше случайных людей, чем их было на съезде народных депутатов России. Собрались опытные люди, средний возраст – 45 лет. 85 процентов коммунистов, в основном руководители разных уровней, прошедшие большой жизненный путь, имеющие огромный организационный опыт. Это был огромный срез всего нашего общества, и именно он, этот форум, принимает декларацию о государственном суверенитете России. Против проголосовало 4 человека. Затем съезд избирает Ельцина председателем Верховного Совета. Я не снимаю с себя ответственности за то, что это произошло. Я тоже голосовал за декларацию, и я тоже поддержал Ельцина. Не могу себе простить этого до сих пор.

Почему были приняты столь пагубные решения? Случайно это было? Обманули?.. Есть основания думать, что Горбачев и послушный ему ЦК КПСС сделали все возможное для избрания Ельцина, хотя видимая его, Горбачева, позиция была противоположной. На самом деле от Ивана Полозкова добивались, чтобы он снял свою кандидатуру. Кто добивался? Горба-

чев. Было сделано все, чтобы Ельцин стал председателем Верховного Совета. И когда в результате различных комбинаций состоялся 3–4 тур голосования, и Ельцин стал председателем Верховного Совета, как будто плотину прорвало. 80 процентов депутатов стали его преданными сторонниками. Я убежден, что на то были объективные социальные причины. В чем состояла суть программы Ельцина? Он призвал местных республиканских, областных, краевых руководителей всех уровней: «Берите суверенитета столько, сколько сумеете проглотить». Но что это значит на самом деле, если перевести с политического на человеческий язык? Ельцин утвердил простейшую модель поведения власть имущих: «Хапайте сколько сможете, воруйте сколько удастся, берите сколько унесете». Я убежден, что именно поэтому его и поддержали. Горбачев представлял союзную крупную номенклатуру. А Ельцин оказался выразителем притязаний среднего уровня номенклатуры: республиканской, краевой, областной. И он подал знак посвященным: пришел ваш час, вторые становятся первыми, третьи становятся вторыми. Вот и весь секрет.

Дальше был сформирован Верховный Совет, во главе которого стал Ельцин. Полная поддержка председателя. Никакой оппозиции нет. Это потом появилась оппозиционная «шестерка» во главе со Светланой Горячевой, отважные, благородные люди. Но это уже потом, а сначала была полная поддержка. И с самого начала стало понятно, куда поворачивает новое руководство: борьба с союзными органами власти и управления. Во имя чего борьба? Во имя демократии, социального прогресса, экономической реформы? Это все шелуха. На самом деле во имя власти, собственности, денег. Вот в чем корень.

Дополнительные полномочия? Закон о президентстве? Пожалуйста! Выборы президента через три недели после издания закона о выборах? Ради Бога, никаких проблем! И наконец беловежское соглашение – апофеоз, сорвавший все маски. Все стало понятно. Все! Во имя своих корыстных клановых интересов разрушить Союз, разрушить державу, уничтожить Вооруженные силы, обречь на несчастье миллионы семей... И

Верховный Совет без обсуждения, без ознакомления с дополнительными статьями соглашения, после коротких выступлений Хасбулатова и Ельцина ратифицировал беловежское соглашение. Против него – 6 человек. А потом – съезд, который не ставит этот вопрос на обсуждение, занимает стыдливую позицию: мы, мол, ничего не знаем, ничего не видим, посмотрим, чем все это закончится. Непримируемая оппозиция кричит в микрофон, стучит кулаками, говорит о том, что нарушен закон, Конституция, что это преступление, оговор, а в зале тишина, совершенно немые лица.

Потом всплыл Гайдар: программа радикальных экономических реформ или, как в последние годы говорилось, шоковая терапия. Съезд поддержал эту программу. Кто за нее голосовал? Дети малые, школьники? Нет, за нее голосовали руководители крупных предприятий. Оппозиция кричала: нельзя, разрушим все! Разрушим, потому что не может быть в нашей государственной экономике, веками, десятилетиями выстраиваемой по единому плану, единым взмахом дирижерской палочки введен свободный рынок. Все рухнет. Нет кирпичиков, из которых этот рынок строить. Приняли такое решение? Приняли. Почему? Да потому, что одновременно отпускались вожжи, одновременно давалась колоссальная свобода руководителям промышленных предприятий, одновременно снимались ограничения на заработную плату администрации, одновременно давалась возможность на присвоение части валютной выручки. Элита России, хозяйственная, экономическая – была куплена. И она проголосовала «за».

И вот теперь поставим вопрос: почему съезд, Советы всех уровней, которые выпестовали клан, разрушивший страну, государство вдруг повернули против? Почему вдруг они опамятавались и начали борьбу с режимом? Я убежден в том, что и это не случайно. Что здесь не только осознание своей вины перед народом. Хотя это тоже есть: каждый из нас человек, а человек – сложная конструкция, в нем сосуществуют Господь Бог и дьявол. Хозяйственная номенклатура, получившая фактически в свою собственность государственные

предприятия, очень скоро убедилась, что кроме привилегий и дохода существует еще и ответственность. Эти предприятия в значительной своей части неконкурентоспособны. Иностраный капитал хлынул на внутренний рынок, усилилась конкуренция иностранных товаров, а тут еще мафия... К руководителю предприятия приходят гангстеры, приставляют пистолет к виску и говорят: «Плати!» И вот уже пошли заказные убийства, открыт настоящий террор против хозяйственных руководителей. Люди смекнули: так жить нельзя. Они начинают давать задний ход: нужны, мол, государственная поддержка, льготные кредиты, субсидии, защита внутреннего рынка. И первоначально были просто доброжелательные обращения к Ельцину: «Борис Николаевич, ошибочка вышла, надо бы немного скорректировать». Пошли разговоры о корректировке: Вольский, Владиславлев, потом эти разговоры пошли в Верховном Совете. Наконец их выразителем стал Руслан Имранович: «Нужна корректировка реформ». Но сами реформы под сомнение никто не ставил. А Ельцин отказывается корректировать.

Казалось бы, чего проще: взять и откорректировать. Но вокруг Ельцина уже новые люди: Гайдар, Чубайс, Шохин. Совершенно новая команда, которая не имеет ничего общего со старыми руководителями, с так называемыми «красными директорами». Они связаны с совершенно новыми социальными слоями, с так называемыми «новыми русскими». Кто они? Это уголовный элемент, теневая экономика, и... При Горбачеве, помнится, возникли центры научно-технического творчества молодежи, которые с самого начала занялись дискотеками, спекуляцией, потом организацией проституции и пр. Вот из этого симбиоза молодых, агрессивных людей и воров «в законе» сформировался целый слой «новых русских», а эти «новые русские» совершенно не заинтересованы в том, чтобы сохранялась наша экономика. Им не нужны промышленность, наука и культура. Наоборот, они заинтересованы в том, чтобы государственные предприятия разорились. Это потому, что деньги у этих «новых русских» есть, а недвижи-

мости нет, и чем дешевле будет недвижимость, тем больше они ее скупят. И они прямо об этом заявляют: «За копейку мы скупим гиганты индустрии».

И вот этот новый социальный слой, набравший силу, получивший представительство в правительстве, в окружении президента, вступил в конфронтацию со старой хозяйственной элитой. И Ельцин принял сторону этого нового, сильного, агрессивного, готового на любые преступления, на любую кровь социального слоя, слоя хищников. Между этими двумя прослойками началась конфронтация, которая получила свое выражение наверху в виде противостояния законодательной и исполнительной властей. Это упрощенная схема.

А Фронт – совсем другое. Фронт – это выразитель интересов самых широких, обнищавших, во многом люмпенизированных слоев населения, тех, по кому ударили все эксперименты, кто лишился работы, сбережений, накопленных за всю жизнь. Лишился веры, надежды, лишился квартиры. Фронт – это аккумуляция энергии социальных низов, тех, кто ходил на улицам Москвы с кастрюлями, с голодными маршами, тех, кто требовал прежде всего элементарных условий человеческого существования. Фронт занял сторону законодательной власти, потому что в сложившихся условиях объективно победа Советов означала бы поворот во внешней и внутренней политике, который бы отвечал интересам традиционной элиты, но одновременно облегчал бы положение широких народных масс. Потому что было бы государственное регулирование экономики, был бы контроль за ценами – были бы восстановлены социальные гарантии для малоимущих: бесплатное образование, здравоохранение и т.д., то есть те завоевания, которые потом и кровью дедов и отцов были завоеваны за десятилетия Советской власти.

И вот Фронт вместе с законодательной властью сгорел, более того, он стал первым объектом атаки. В этом наша беда, трагедия.

А. П.: Илья, я вспоминаю тебя до Фронта, в недрах Фронта, на последних этапах Фронта, когда ты стал общена-

циональным лидером, национальной фигурой. Я помню эти телешоу, эти выступления на заседаниях Верховного Совета, трансляции съезда. Тогда в России вдруг среди традиционных партийных и номенклатурных лидеров-вождей и витий появилась совершенно новая генерация политиков: молодых, яростных, совершенно не похожих друг на друга, талантливых и блестящих, абсолютно внутренне консолидированных. И вот эти марафоны к микрофону: Бабурин, Исаков, Аксючиц, ты, Павлов... Это напоминало корриду: на страшного, жуткого коллективного быка, в котором варились тяжелые энергии тупого разрушения, вдруг вылетели изящные, молодые, отважные люди и били его с налету... Это напоминало бой русских истребителей 41-го года, которые налетали на армаду «хейнкелей» или «юнкерсов». Вот тогда вы все сложились в эффектную плеяду, и все вы, за исключением Аксючица, вошли во Фронт и наполнили его своей энергией, стали коллективной политической фигурой. Потом произошла смена политических формаций, пожар, тюрьма, аресты, подавление, избиения. Все прошли через это так или иначе. Возникла иная политическая реальность. Возникла эта усеченная тихая Дума, которая не имеет выхода к микрофонам, она живет как бы под ватным одеялом, идет тихое брожение, шуршание, выделяются какие-то газы, энергии. Но мы не видим эту ослепительную Думу: все ушли. Ты прошел тюрьму. Бабурин чудом уцелел. Не прошли в политику Павлов, Астафьев. Ваша блестящая когорта затихла, погасла. И мои друзья воспринимают это как беду, как драму.

Что для тебя этот период анабиоза, этой тишины, пребывания в коконе? Я надеюсь, я верю, что этот кокон будет рассечен твоими крылами, ты вырвешься – прости мне эту метафору – в виде новой, ослепительной яркой бабочки. Чем наполнены сейчас твоя душа, твой интеллект, твое сознание?

И. К.: Период бури и натиска закончился, наступила пора компромиссов. Ведь само существование Думы – это живой компромисс. Выборы, так называемая Конституция – это все компромисс. Более того, существование оппозиции сегодня –

компромисс. Потому что после октября речь шла о физическом уничтожении противников режима.

Мы живы. Значит, наша жизнь – тоже компромисс. Я прекрасно понимаю и надеюсь, что ситуация еще изменится. Даст Бог, мы еще сможем расправить крылья и вылететь в полный рост. Но сегодня иное время. Время осмысления, чувствования ситуации, поиска новых путей, новых слов, новых людей. Время перегруппировки, структурирования оппозиции. Сейчас идет огромная внутренняя работа, работа, которая не видна невнимательному стороннему наблюдателю. Мы должны найти социальные силы, которые способны изменить ситуацию, которые обладают достаточными возможностями для того, чтобы взять на себя ответственность за будущее страны. Мы должны найти новые слова, не те, что мы использовали до октября. Обратиться к новым людям, к тем, кто до сих пор еще спит. Мы должны найти новые формы борьбы.

Я думаю, что оппозиция ждет перемен. Не до конца еще осознано, что мы живем в совершенно другом мире после октября и после декабря, то есть после выборов. Российская Конституция – законная Конституция, Конституция, по которой мы жили, и в соответствии с которой мы действовали, канула. Ее заменил некий суррогат, называемый новой Конституцией. Это реальность. Практически завершена приватизация, возник мощный класс собственников. У него деньги, связи, люди. Сдадут они власть добровольно? Нет. Социальная сила, которая может перевернуть все, – рабочий класс. Он раздроблен, дезориентирован, люмпенизирован. Крестьянство – то же самое. Интеллигенция? Где она сейчас? Средние слои советского общества – где они сейчас? Они продают у станций метро сигареты и водку. Где та социальная сила, которая может изменить ситуацию? Нам надо найти эту точку опоры. Это первое.

Второе: оппозиция должна переструктурироваться. Оппозиция должна приспособиться к новым условиям. Нужна новая система коалиций. Нужны новые основы единства. До сих пор мы жили тем, что у нас был общий враг – режим. Этого

мало. Мы должны договориться не только против чего мы выступаем, но и за что мы выступаем. Мы должны дать гарантии социальным слоям, которые сегодня волею судеб вознесены на вершину социальной пирамиды. Иначе нас ожидает поражение. И все это нужно сделать, сохранив лицо, не запятнав себя сотрудничеством с режимом, не изменив делу, которому мы служим. Этим я сейчас занимаюсь.

А. П.: Период, когда ты стал известен в стране, – это в основном период ослепительных одиночек. Ты был одиночкой в контексте пятерки, шестерки, семерки товарищей, таких же ярких. И вы яркими рыбами плыли в океане народовластия, в океане съездов, в океане Верховного Совета, в океане клокочущего краткосрочного либерального периода нашей русской истории.

У тебя не было организации. ФНС не был организацией. Люди называют ФНС талантливым блефом, который работал как блеф. В понятие «блеф» я не вношу, пойми, уничижительного смысла. Потому что то был период великих блефов. Сама либеральная идея была великим блефом. А с другой стороны, этот блеф отхватил у русской истории четыре года существования. И в контексте общелиберального блефа ФНС работал, создавал реальные политические ситуации.

Это все кончилось. Мне кажется, что сегодня успех будет гарантирован только угрюмой, кропотливой, черновой работой. Лидеры, у которых нет времени, нет денег, нет серьезных кадров исполнителей, – невозможны. Лидер-фантом – это ситуация прошлого. Я знаю, что ты делаешь организацию, что ты работаешь в организационном режиме, пытаешься создать структуры, которые не удалось создать тогда в ФНС, и когда тебя товарищи по Фронту национального спасения критиковали за отсутствие этой оргработы, – ты был упоен другим: это либеральная стихия даст возможность одолеть строй конституционным образом, без организации. Не вышло, организация необходима. Я хочу узнать от тебя, что такое эта новая организация, структура, которой ты кропотливо занят, уходя от прессы: телевидения, политики, как будто нырнув под ковер, под

покров. Что это за оргработа, как ты себя в ней ощущаешь? По существу, это твое новое амплуа. Ты человек-звезда или человек структур, политических шоу?

И. К.: В одиночку ничего не делается. Любая организационная работа – это работа коллективная, это работа команды. И сегодня работают микрокоманды. Известно, что почти каждый день возникают новые партии, движения, организации, блоки, союзы – все это дело команд, больших и небольших, хуже или лучше организованных. И сегодня я работаю тоже в команде с Рудским, мы создаем социал-патриотическое движение «Держава», которое ставит перед собой задачу восполнить все минусы Фронта национального движения.

Я согласен: были недостатки в организационной работе, были натяжки, были элементы блефа. Сегодня, повторяю, мы ставим перед собой задачу восполнить все эти минусы, создать централизованную, организованную, управляемую из единого центра, работающую как часы политическую структуру, основанную на личном членстве. ФНС был сборной командой, «сборной солянкой». Туда входили коллективно партии, организации, блоки, союзы. Сегодня мы создаем организацию нового типа, если позволительно будет использовать такой термин. Организацию, я бы даже позволил себе сказать, несколько военизированную – не в смысле обладания оружием, ни в коем случае, а в смысле принципов управления: централизм и иерархия. Это задача номер один.

Оппозиция не сможет победить по правилам, навязываемым нынешним режимом. Оппозиция не сможет победить в том случае, если она будет уповать исключительно на выборы, которые назначаются президентом, законы, которые определяются президентом, сроки, которые нам навязывают, – мы все время будем проигрывать.

Возьмем перспективу предстоящих выборов. Когда будут эти выборы – неизвестно. По какому закону будут эти выборы – неизвестно: его нет сегодня, закона о выборах. Кто будет контролировать выборы – неизвестно. Вернее, известно, кто будет контролировать, и как будут подсчитывать голоса – тоже

известно. Играть по этим правилам значит обречь себя на поражение. Нужна сила, которая может навязать правящему режиму если не свои правила игры, то, по крайней мере, установить некое равновесие, добиться выполнения элементарных норм законодательства: выборы в установленный срок, выборы в соответствии с законом, выборы под контролем наблюдателей от общественных организаций. Для этого нужна колоссальная структура, которая охватила бы всю территорию Российской Федерации, от Москвы и до каждой деревеньки. Не будет этого – мы будем все время идти за уходящим паровозом. Вот это задача движения «Держава».

Да, я окунулся в организационную работу. Мне тяжело и в силу объективных, и в силу субъективных обстоятельств. Финансы, люди, техника, связи – все это нужно создавать заново. Очень тяжело: огромные внутренние противоречия, политические противоречия, идеологические противоречия, личностные, борьба амбиций. Все мы живые люди, но главное – конечная цель. Я могу сказать самое главное: из октябрьского гона я вышел другим человеком.

А. П.: Что же удалось сделать?

И. К.: Удалось сделать мало. Надо гораздо больше. Создан центральный аппарат, создано два десятка региональных организаций и три десятка оргкомитетов. Мало... Время уходит. Быстрее, быстрее, быстрее! Поддержка на местах есть, люди заждались. Люди хотят работать, люди ищут единства и требуют действий. Есть и сопротивление: и администрации на местах, и, как ни странно, сопротивление внутри оппозиции – острейшая конкуренция.

А. П.: В народных кругах витает мечта о единстве. Я сам ею одержим. Все время стараюсь совместить полюса: север с югом, плюс с минусом, красное с белым, коммунистов с монархистами. Объективно это возможно, потому что коммунисты, «красные», – это ведь совершенно не догматики, это не марксисты, то есть люди, которые пытаются осуществить утопический вариант истории. Это совершенно другие люди. Те же самые националисты – это не люди, которые

действительно сейчас мечтают о создании боярской думы или о возрождении олигархического дворянского правления. Это люди, которые страшно страдают в связи с уничтожением оборонных объектов, обнищанием народа. Это социально страдающие националисты. Поэтому идея единства – не мечта. Это тенденция самого общества. Одно и то же лицо – это человек и национально страдающий: русский, обобранный и уничтоженный, и социально страдающий.

Но возможно ли сегодня и в какой степени возможно, а если невозможно, то почему – сочетание этих полюсов: белых и красных, тех же коммунистов и националистов, «Державы» и компартии, и Руцкого и Зюганова? Возможен ли этот синтез? Все о нем говорят, все его требуют, а он не возникает...

И. К.: И возможен, и невозможен. Возможен потому, что необходим. Это не только потребность оппозиции, это потребность общества. Я позволю себе смелое замечание: даже внутри правящего режима существует понимание того, что этот синтез необходим для выживания, для того, чтобы сохранилась хотя бы какая-то вертикаль, чтобы остались хоть какие-то скрепы. Этот синтез необходим, без него не выжить не только оппозиции – России не выжить. И мы сплошь и рядом слышим, как представители исполнительной власти начинают говорить языком оппозиции. Это понимание того, что по-другому нельзя, по-другому не получится.

И вместе с тем – он почти невозможен сегодня. Завтра, наверное, будет иначе. Почему? Во-первых, не устоялся «социальный компот», который варится уже несколько лет в нашем обществе. Не сформировались окончательно социальные слои и классы. Не устоялась социальная психология. А с этим связана и биологическая, и психологическая неустойчивость, постоянное метание из крайности в крайность.

Что такое лидер? Это рупор именно определенных социальных взглядов, настроений и интересов. Иначе его никто не услышит. Это во-первых. А во-вторых, беспрецедентен уровень личных притязаний лидеров оппозиции. И во многом необъяснимых. Я сам до конца не могу понять, в чем тут дело.

Почему после страшной бойни, после всех этих ломок, этой трагедии – вместо того чтобы наконец осознать, что хватит тянуть одеяло на себя, борьба за лидерство усиливается, оппозиция дробится на десятки новых партий и организаций, заявляют о себе десятки претендентов на президентское кресло. Такое впечатление, что многие наши товарищи не выдержали психологических перегрузок, связанных с октябрьским поражением. Нужно суметь пережить, нужно суметь устоять. Это тяжело, не у всех получается.

Я думаю, что сама жизнь поставит оппозицию перед необходимостью объединиться, смирить свою гордыню перед необходимостью работать так, как положено работать в обществе, как положено работать в политической организации. Признать вождя, установить иерархию и идти вперед. Но, боюсь, это будет не сегодня и даже не завтра.

А. П.: Казалось бы, трагедия октября показала, что дробность и отсутствие единого центра – это катастрофа, это поражение. Возникает такая ситуация, о которой ты говорил. Упования упованиями, а какая-то социальная загадочная химия, в которую, конечно же, противник постоянно вбрасывает свои яды, свои компоненты, действует. Хотя есть определенная логика: движение странных, экзотических идеологий рядом с традиционными константами рождает действительно необыкновенно ярких оппозиционных политиков.

Ты прошел сквозь октябрьское игольное ушко. Многие из нас прошли через это игольное ушко со своими горбами, со своими длинными ногами, подобно верблюдам. А многие не прошли: сейчас они в могилах, многие остались по ту сторону беды, и неизвестно, кому честь: тем, кто прошел, или тем, кто остался там, на баррикадах.

Более того, ты не просто прошел через драму, ты попал в тюрьму. А человек, прошедший тюрьму, – это другой человек. Будь он вор, будь он политик, будь он религиозный диссидент или случайно попавший в КПЗ прохожий, он прошел сквозь страшный аппарат подавления, уничтожения человеческой личности. Вот, скажем, Достоевский начинал с из-

вестным революционером Петрашевским. Он был как бы во Фронте национального спасения, который был организован в 40-х годах XIX века. Потом он попал в сибирские рудники, а вышел оттуда мистиком, вышел апологетом самодержавного строя, власти. Произошла удивительная трансформация: он из агрессивного разночинца, о которого потом преломили шпагу и заковали в железо, превратился в генератор огромных духовных энергий, полных страдания, может, часто безумия, и бесконечной любви. Потом возникли «Бесы». По существу, он сам себя в этих «Бесах» истребил, весь этот петрашевский период подверг остракизму.

Пойдя через все это – тюрьму, одиночество, через угрозу расстрела – ведь, наверное, страшно было не только на Смоленской, когда начинали палить из пушек, не только в Белом доме, когда били танки, в тюрьме, когда, во-первых, могли задушить, отравить и, во-вторых, приговорить к расстрелу, – понял ли ты свой социальный путь, свою дистанцию? Во что она тебя сейчас превратила?

И. К.: В двух словах не скажешь. Но то, что я стал новым человеком, несомненно. Самое поверхностное, самое простое – сгорели амбиции, большая часть амбиций опала, как труха. Не буду скрывать, я, как и многие политические лидеры, был одержим этой страстью: к власти, к успеху, к политическому преобладанию. Был элемент рисовки. Это все опало. Это суета. По сравнению с человеческими муками и со смертью, по сравнению с тюрьмой все это суета. Я это очень хорошо понял. И понял, что есть нечто главное, что всегда остается, что помогает сохранить человеческое лицо, – сознание выполненного долга.

Без преувеличения могу сказать: октябрь был, может быть, самый сильный, честный, может быть, единственный подлинный мой поступок. Октябрь был моим главным поступком. Я не знаю, как дальше закрутит судьба меня и моих товарищей. Но я знаю, что до конца моих дней те дни останутся для меня эталонными. Я был тогда Человеком, я был честен перед собой, я дрался до конца за благое дело. Для меня сегодня принципиальна правота не в мелочах, не

в деталях, а в главном, правота абсолютная. И, может быть, получится, что мы проживем эту жизнь, доживем, может, до старости глубокой, а эти дни так и останутся эталонными. Я это очень хорошо понял. И еще я очень хорошо понял, что простой русский человек сохраняет свою чистоту, нравственную чистоту. Он намного выше любого аттестованного политика. Когда я увидел наших людей на Смоленской площади, в Останкино, у Дома Советов, я был потрясен: невероятное презрение к смерти, невероятное мужество, нестигаемое, абсолютное... Тысячи и тысячи людей, которые пришли тогда к нам, все до одного готовы были умереть. Все ли политики готовы были умереть? Далеко не все. Я видел удивительные вещи: на моих глазах парень вытащил из-под огня нескольких раненых, это было в Останкино. Я подошел к нему, стал с ним разговаривать: кто, что? Член какой-то партии? Нет. Сторонник Верховного Совета? Нет. Что ж ты здесь делаешь? Проезжал, увидел, что людей убивают... Он увидел, что убивают людей, и пошел под пули. А огонь там был такой, что головы не поднять.

А кто я такой?

Я вот вышел из тюрьмы...

Сентябрь 1994 г.

На войну — спасателем

(Диалог А. Проханова и В. Востротина)

Грозный – как убитый, выброшенный на берег кит с переломанными костями, вытекшими глазами, в бесчисленных надрезах и ранах, в зловонной жиже и сукровице... В эту плоть убитого города, в минированные завалы, в трупное гниение, в разорванные газопроводы и трассы вторгаются отряды спасателей. Еще грохочут выстрелы, а уже бурят артезианские скважины. Еще бродят оглушенные и потерянные, с несчастными лицами жители, а уже в походных пекарнях

пекут хлеб. Еще пухнут на солнцепеке неубранные трупы, а уже полевые лазареты оказывают населению первую помощь. Все этим занимается Министерство по чрезвычайным ситуациям. Всем этим занят замминистра генерал-лейтенант Востротин, тот самый, легендарный, кто летом 1979 года первым со своей ротой сел в Баграм, обеспечивая десантирование «мусульманского батальона», штурмовавшего в декабре дворец Амина. Тот самый Востротин, о котором поэт-афганец Виктор Верстаков сочинил свою песню «Идет по Кабулу девятая рота». Тот самый, прошедший с боями Афганистан и ставший любимцем десантных войск.

Сейчас Востротин в пекле, как и прежде, но не штурмует, не десантирует, а накладывает пластыри, швы на израненную землю, сращивает переломы, спасает обреченных на смерть. Мы беседовали с Валерием Александровичем Востротинным в его походном балке посреди Грозного, по соседству с тем местом, где в новогодний штурм горели и рвались боевые машины и где по сей день на тротуарах лежат бронежилеты убитых и их не трогают, оставляя на месте как поминальные знаки.

Мысли Востротина – это мысли второго лица в министерстве, но это и мысли кадрового военного, чья воинская карьера, я убежден, далеко не закончена.

Александр ПРОХАНОВ: Валерий Александрович, ваше министерство – Министерство по чрезвычайным ситуациям – сегодня выполняет роль некоего бальзама или пластыря, который накладывают на кровоточащие раны державы. Землетрясения и наводнения, взрывы нефте- и газопроводов и межнациональные конфликты – все это, так сказать, объекты вашей работы, места ваших подвигов. Причем сам характер действий МЧС очень далек от военного ведомства. Там, где у армии наступление, – у вас восстановительно-спасательные работы, у военных – оборона, марши, у вас – доставка и распределение гуманитарных грузов, медикаментов. Разве что разведка роднит вас с армией, ими-то там ведется разведка сил противника, а у вас – района стихийного бедствия.

С чем же можно сравнить то, что произошло в Чечне? На что похожа эта катастрофа, как оцениваете ее вы и ваши боевые товарищи по МЧС?

Валерий ВОСТРОТИН: Вы знаете, Александр Андреевич, сравнение может быть не лучшее, но, мне кажется, точное, и к нему склоняюсь не только я. От многих здесь я слышал те же мысли. Все произошедшее здесь очень напоминает район применения какого-то неизвестного по чудовищности своей мощи оружия массового поражения. Все признаки налицо. Огромные разрушения и массовая гибель людей, почти полный паралич систем связи, жизнеобеспечения, медицинской помощи. И Грозный – эпицентр этого взрыва.

Впрочем, я, наверное, неточно назвал оружие неизвестным – оно известно. Это взрывная смесь безумия политиков, интриг, социальной напряженности, национализма и дилетантства.

А. П.: Когда Вы почувствовали возникновение этого конфликта? Когда поняли, что он Вас коснется?

В. В.: Наверное, как и все, давно. С первых заявлений Дудаева, с первых вестей из Чечни, с первых беженцев стало ясно: режим, установившийся здесь, – аморален. И рано или поздно, но этот узел придется разрубить. Вот только удивительно, кому и почему понадобилось затянуть это решение на столько лет. Загнать ситуацию в такой тупик, из которого был выход только через жерло орудий...

Непосредственно же для меня Чечня началась утром 12 декабря 1994 года, когда я по тревоге убыл в Назрань, где разворачивались наши подразделения.

Сразу же навалился огромный объем работ, связанный с беженцами. Их к середине декабря скопилось в Назрани более пятидесяти тысяч.

До сих пор непонятно, кому было выгодно занижать цифру беженцев. В официальных сообщениях все время речь шла о пяти–семи тысячах, хотя мы давали реальные цифры.

Одной из сложнейших задач тех дней стала организация эвакуации мирного населения из районов, где велись боевые

действия. Для этого приходилось идти на контакт с дудаевскими командирами. А они тогда не видели особой разницы между МЧС и той же армией. Всякое было. Иногда казалось, что еще минута, и случится непоправимое – прольется кровь. Не все же мы смогли добиться своего. Подразделения МЧС организовали эвакуацию десятков тысяч мирного населения из районов, где шли бои, при этом не потеряв ни одного своего сотрудника. Мы доказали, что являемся Министерством по чрезвычайным ситуациям и способны эффективно действовать в любых условиях, и наши усилия действительно носят гуманный, миротворческий характер, хотя с этим часто бывают многие и не согласны.

Не раз и не два мы слышали от военных упреки в том, что мы, мол, своей работой помогали чеченцам, что наши действия на руку Дудаеву и т.д.

Мне кажется, что подобные упреки идут из-за непонимания сущности нашей работы. Мы не имеем права видеть врага в чеченце, ингуше, осетине, грузине, абхазе или еще в ком-нибудь. Случись подобное, и МЧС прекратит свое существование как жизнеспособный организм. Наша сила в том, что мы непредвзяты. Для нас все «наши» – граждане одной великой державы, хотя и расколотой на куски.

А. П.: Валерий Александрович, я два дня ездил по Грозному. И все это время я не мог избавиться от ощущения, что нахожусь где-то в Сталинграде, Кенигсберге или Берлине. По городу прокатился фронт. Здесь прошла война уже, наверное, третьего тысячелетия. И я пытаюсь понять: трагедия Грозного – это чья-то задумка, план устрашения, или, может быть, чей-то просчет, чудовищная ошибка, случайность?

Мне кажется, что этот Грозный ошеломил всех россиян и чеченцев, политиков, военных, интеллигентов, публику, наверное, и Вас...

В. В.: Я уверен, что никто не предполагал масштабов разразившейся катастрофы. Никто не представлял, что произойдет именно такое. Ошибка это, или случайность, или чей-то злой умысел, сказать с уверенностью сейчас не могу. Да и вряд ли кто-нибудь сегодня это сможет.

Но знаю одно. Никто подобного апокалипсиса не представлял. Мы прогнозировали большое число беженцев, возможность эпидемий, экологических катастроф, жертв, но не в таких масштабах. Все оказалось на много порядков больше любых крайних оценок. И таково же мнение военных, медиков, контрразведчиков, офицеров МВД – всех, с кем пришлось общаться за эти месяцы.

А. П.: Что же сейчас? Чем сегодня занимаются ваши подразделения? Каковы задачи, стоящие перед МЧС?

В. В.: Сегодня можно сказать, что со взятием Грозного первый этап закончен. Война вытеснена на окраину республики, под Гудермес и Аргун. Мы сосредоточили здесь самую мощную за последние годы группировку сил и средств МЧС. В основном выполнены все мероприятия по организации приема беженцев или, точнее, временных переселенцев, так как большинство собирается возвращаться к местам проживания после прекращения боевых действий. Нам удалось избежать экологической катастрофы в этом регионе. Защитить от выбросов нефтепродуктов реки и пахотные земли. Не допустить разливов и повреждения месторождений нефти и газа.

Сегодня идет структурная перестройка средств МЧС, на смену легким подвижным группам, в чью задачу входила в основном доставка гуманитарных грузов и эвакуация, приходят «тяжелые» подразделения техники для расчистки завалов и руин, восстановления разрушенных систем связи, водопровода, газопроводов, электричества.

Главной проблемой сегодняшнего дня является отсутствие у высшего руководства России какого-либо единого плана восстановления Чечни. Он так и остался лишь провозглашенным. Будь такой план – и работать было бы проще. Под него легче было бы собирать необходимые технические и материальные средств. А так каждое подразделение действует в конкретном районе на свой страх и риск. Впрочем, алгоритм действий верный. В первую очередь восстановление водопроводов, линий электропередач, медицинского обеспечения, поставка продовольствия.

Что особенно важно после первых недель недоверия, враждебности: сейчас в подразделения пришло очень много местных спецов – также энергетиков, газовиков, гидротехников. Причем не за зарплату или там за льготы. А полностью на добровольных началах. Многие из них отказались работать в дудаевских структурах и последние два года были безработными, а вот к нам идут. Потому что верят: республика оживет, восстановится.

Я думаю, что психологический перелом в настроениях и убеждениях чеченцев происходит именно рядом с нами, с Министерством по чрезвычайным ситуациям. После трех лет дудаевского беспредела, после ужасов этой войны люди тянутся к тем, кто действительно заботится о них, кто помогает им. И это самая лучшая пропаганда.

А. П.: Валерий Александрович, традиционный вопрос: что больше всего Вас поразило в этих событиях?

В. В.: Больше всего меня поразило и удивило то, как быстро и бесследно был забыт Российской армией опыт всех прошедших войн – от Отечественной до афганской. Как военный человек, а по сути своей я всегда останусь таковым, я могу судить, опираясь на свой боевой опыт и образование, о том, как шла эта операция. И грубейшие просчеты ее, полное презрение к боевому опыту нашего же поколения, прошедшего Афганистан, меня поразило больше всего.

Налицо слабость планирования и организации руководства. Судите сами. Все основные решения принимались в Моздоке, почти за двести километров от мест боев, людьми, реально не представляющими, что происходит в данный момент в данном месте. И это не критиканство «человека со стороны», это боль, которую я выражаю. Мне стыдно и горько было видеть, что армия оказалась не способной на оперативном уровне организовать корпусную наступательную операцию. Вдвойне горько знать, что возглавлял все это действие мой старший товарищ. Взводный, потом мой командир полка, комдив, командующий Павел Грачев. Я помню и чту его прежние заслуги перед Родиной, но мне стыдно за то, что сделал он за эти годы с армией как министр обороны.

В этом конфликте меня потрясли огромные потери среди мирного населения, и в первую очередь среди русскоязычного. Я не националист, но речь идет прежде всего о русскоязычном населении, которое в большинстве своем осталось в Грозном и перенесло весь ужас и боль городских боев. И в этом тоже был иезуитский замысел – не дать уйти из города русским, сделать их заложниками войны, основными жертвами ее.

Третье, что поразило меня на этой войне, – это то, как искаженно освещали ее российские средства массовой информации. СМИ была развернута оголтелая антирусская и антиармейская пропаганда, в ходе которой Российская армия представлялась скопищем деморализованных, необученных дезертиров, а чеченские боевики – этакими чудо-богатырями, беззаветно сражающимися за высшие идеалы.

Все это было настолько неприятно и лживо, что, наверное, навсегда отбило у армии какое-либо уважение к нынешней прессе и телевидению.

А. П.: Валерий Александрович, а что же можно конкретно записать в актив вашего ведомства?

В. В.: Начнем с того, что это наш первый столь масштабный опыт применения сил и средств МЧС. До этого работали лишь небольшие группы в Абхазии, Карабахе...

Мы вывезли из зоны боевых действий более трехсот тысяч мирных жителей – то есть около трети всего населения Чечни. Сюда было завезено и распределено около трех тысяч тонн продовольствия, что составляет около трех миллионов суточек.

Нами подготовлено к запуску два хлебозавода: один на 135 тонн хлеба в сутки, другой – на 65.

На семи комендантских участках организована выдача питьевой воды. Развернуто в Грозном две бани, где организована выдача белья. Мужчинам – солдатского, а женщинам – французского... Да-да. Прибыл такой груз гуманитарной помощи.

Но на нас лежит ответственность не только за живых. В Грозном под руинами находятся сотни погибших, и это создает сложную санитарно-эпидемиологическую обстановку. Захоронение погибших – тоже наша работа.

Нами найдены и переданы родным для захоронения останки сорока шести российских военнослужащих. И хотя об этом очень скорбно говорить, но для родных все же лучше видеть могилу, в которой покоится дорогое тело, чем вечно мучиться над извещением о пропавшем без вести...

Буквально сегодня ко мне пришла сестра одного из таких пропавших без вести солдат. Она была в части, там со слов сослуживцев примерно определила место, где пропал ее брат. Просила помощь людьми и техникой.

А. П.: Помогли?

В. В.: Конечно. Там сейчас работает наша группа. Это район Дома правительства. Сплошные руины. Недавно оттуда мы извлекли и передали для захоронения тела шести морских пехотинцев...

А. П.: Вы так уверенно говорите о работах, которые сделаны вашими подразделениями, о тех задачах, которые выполнены, а я ловлю себя на мысли, что не знаю, как здесь вообще после всего этого можно жить. Русским и чеченам, военным и гражданским, администрации, мафии – кому угодно. Вы – реаниматоры, вы вдыхаете жизнь в безжизненные тела, и как только они наконец жадно, вздохнув начинают дышать, открывают глаза, вы уходите, а сюда должна вернуться жизнь. Наша сегодняшняя непростая жизнь. Заработают нефтескважины, заводы. Вернутся рабочие, откроются банки, закукуются бандиты. Но уже все равно никогда не будет той Чечни, того Грозного. Я лежал с десанниками среди руин новеньких вилл и ловил себя на мысли, что все это богатство было построено на костях СССР, на его обломках. По сути, чечены, правящий слой, и разбогатели на развале Союза. Но ведь этого уже никогда не будет. Как жить здесь дальше?

В. В.: Я сам себе часто задаю этот же вопрос. И не нахожу на него однозначного ответа. Очень, очень нескоро жизнь войдет в нормальную колею. Мы не просто поссорили чечен и русских – это слишком простой ответ. Мы не просто поссорили гражданских и военных, превративших цветущий город в лунный пейзаж. На самом деле мы распорили глу-

бокими шрамами сотни тысяч душ, которые не скоро зарубцуются, покроются свежей тканью. Завтра, когда наконец пройдет шок этих месяцев, тысячи людей – русских, чечен, стариков, женщин, мужчин – зададут одни и те же вопросы. Почему это произошло? За что с ними так обошлись? Кто виноват во всем этом? И отвечать придется всем, кто имел отношение к этой катастрофе...

А. П.: Валерий Александрович, и все-таки почему МЧС? Почему остановлена блестящая перспективная карьера военного? Конечно, должность замминистра почетна, и это явное повышение, но как-то в сторону от армейской стези.

В. В.: Очень сложный вопрос. Уходить из военной системы было очень непросто. Мучительно. И наверное, если бы здесь, в МЧС, я не остался бы при военной должности, звании и задачах, близких мне по духу, наверное, я бы не ушел из армии. Но выхода иного не видел. На моих глазах разваливалась и уничтожалась великая армия, великая держава. Противостоять этому лично я, как человек военный и связанный приказами и ответственностью за жизнь и судьбы тысяч людей, не мог, а участвовать в этом разрушении не хотел.

Я не нашел в себе силы подчиняться новому военному руководству, смириться с крушением Союза, его армии. А за эти годы вообще утратил какую-либо уверенность в сегодняшнем военном руководстве. Все это и определило мой переход.

Сейчас я на своем месте. За эти месяцы я стал патриотом МЧС. Я увидел, сколь большой потенциал и какое будущее у министерства, и теперь все мои помыслы и чаяния связаны с МЧС, я верю в него и сделаю все, что в моих силах, для его укрепления.

А. П.: Что же Вам дает надежду на будущее? Во что Вы верите? С чем связываете свое будущее, будущее страны?

В. В.: Я с симпатией отношусь ко всем лидерам и партиям, стоящим на государственно-патриотических позициях. Держава, патриотизм, народность – это не пустые слова. За ними – много столетий нашей истории. Падений, взлетов, трагедий, побед. И все они в трудный год консолиди-

ровали нацию, помогли пережить лихое время. Верю, и сегодня переживем, вынесем, возродимся. Это меня укрепляет в деле, которым я занимаюсь.

А конкретнее... Мне все больше симпатичен Геннадий Зюганов. Он умен, мне кажется, искренен и верен той государственно-патриотической идее, о которой я говорил. Все это заставляет многих сейчас, пусть и с оглядкой, с осторожностью, но все чаще смотреть на него. Некоторых, правда, пугает слово «коммунистическая» в названии его партии, но это уже дело вкуса. Я, как и все люди моего поколения, всегда отделял дела и поступки номенклатуры, жиреющей на партийных деньгах, от безусловно симпатичных всем идей социального равенства, справедливости, соборности. И большинство искренне считало, что честный труд во имя этих идей куда важнее партийной должности и кормушки. Мы все были молчаливыми коммунистами. Так что дело не в названии. Нас всех ждет тяжелый труд по восстановлению нашей великой державы...

А. П.: Спасибо, Валерий Александрович. И все же, несмотря на Ваши слова о верности новой службе, новому ведомству, позвольте предположить, что в этом великом труде, который всем нам предстоит, – кто знает, Вам, может быть, еще придется надеть армейские эмблемы. Ведь России еще так будут нужны отличные комбаты, комполка, комдивы, командармы...

Март 1995 г.

«Гермес» — цивилизация будущего

*(Александр Проханов беседует с
главой крупнейшего в России концерна
«Гермес» Валерием Неверовым)*

Александр ПРОХАНОВ: Валерий Иванович, мы с Вами не слишком знакомы, раза два до этого виделись. Однажды

Вы были у меня в редакции, еще прежней. Я счастлив сейчас оказаться у Вас, в Вашем кабинете – строгом, чопорном, деловом. Впервые Вы в моем сознании и в сознании моих друзей были зафиксированы, когда сделали неожиданный вклад в фонд возрождения Храма Христа Спасителя. По тем временам это была колоссальная сумма – 5 миллионов, по-моему. Это ошеломило, причем по нескольким причинам. Во-первых, сама возможность таких пятимиллионных даяний казалась тогда невероятной. Во-вторых, они были сделаны в то время, когда еще шла полемика по вопросу о создании храма. Наконец, в этом чувствовалась какая-то утраченная, но интуитивно понимаемая этическая задача Третьякова, Мамонтова, присутствовавшая в деяниях той последней генерации великих русских предпринимателей, на которых, собственно, и пресеклась линия русского капитализма. И мне кажется, что вся Ваша нынешняя деятельность не затмевает ту первую, ошеломляющую Вашу встречу с патриотической публикой, с патриотической интеллигенцией. Скажите: что же все-таки это был за шаг, какова была его мотивация?

Валерий НЕБЕРОВ: Для меня совершенно понятно, что не бывает отдельно экономики, отдельно политики, отдельно идеологии – все взаимосвязано. Как только мы начали развивать модель народной экономики, как только стали распродавать свои акции, то есть у наших предприятий становилось все больше и больше владельцев (хотя сейчас из-за плохой работы закона они еще не чувствуют себя настоящими собственниками), мне совершенно ясно стало, что в другой плоскости этой экономической модели лежит православие. И чем сильнее будет Православие, чем быстрее оно будет возрождаться, тем лучше пойдет наша модель, легче будет внедряться.

Я неоднократно приводил пример экономических теорий, которые базируются на безналоговой системе хозяйства. Они в точности соответствуют исламу, то есть там, где работает безналоговая экономика, мгновенно возникает ислам. Почему? Потому что запрет на торговлю деньгами должен не только содержаться в законе, но и подкрепляться чем-то на

более высоком уровне – шариатом. Или, скажем, как только у нас начинают списывать законы с американских, тут же объявляются разные проповедники. С другой стороны, чем больше долларов будет ходить в России, тем активней будет пробиваться к нам американская массовая культура и т.д. То есть все это взаимосвязано. Кто, например, защитил Ближний Восток от долларов? Поначалу они проникли туда в огромном количестве – около 70 миллиардов? А снизил этот приток долларов именно ислам на более глубинном, чем экономический закон, уровне. И я совершенно ясно понимал, что нашу модель может защитить только Православие – соответствующая ему этика, идеология, культура.

Если честно признаться, те пять миллионов – это все, что у нас тогда было. Но очень хотелось именно в тот критический момент, когда непонятно было, куда склонится общественное мнение, именно публично пойти на такой шаг. Вот сейчас мы многие храмы поддерживаем, но об этом уже не объявляем. Скажем, Оптиная пустынь... Один из мотивов моего переселения сюда – это то, что из окна кабинета видно представительство Оптиной пустыни. А тогда мне хотелось, чтобы как можно больше людей поддержали идею воссоздания храма. Вложив свои деньги, мы хоть немного, но изменили бы ситуацию. Нам казалось, что надо было это движение чуть-чуть толкнуть в желанную сторону. Может быть, это стремление возникало не столько на сознательном уровне, сколько на подсознательном. И я думаю, какое-то движение произошло на самом деле. Вообще, как бы ни казалось, что сегодня все плохо, движение есть...

Я иногда привожу такой пример: гусеница ползет по берегу реки. Грязно, сыро, холодно, но иногда светит солнышко, иногда попадается пища, и вроде бы все хорошо, но вот какие-то неясные предчувствия ее томят. И вдруг в какой-то момент у нее начинают отпадать лапки, поднимается хвост, голова свертывается набок. И кажется: все, конец миру пришел. Теоретики, которые внутри гусеницы сидят, говорят: надо немедленно приставить обратно лапку, заткнуть дыроч-

ки, чтобы газ не выходил, голову выправить, чтобы все опять было хорошо. На самом деле хорошо для гусеницы уже не будет никогда. Потому что рождается бабочка. Так вот, большинство политических и экономических теорий пишутся с точки зрения гусеницы. И хотел бы сказать: как бы Вы ни обижались, но, с моей точки зрения, многие материалы Вашей газеты тоже написаны с такой точки зрения.

Теперь посмотрим на мир глазами бабочки. Бабочке ведь тоже нехорошо. Ей тяжело – давит мертвое тело, и кажется, не будь его, она бы уже давно полетела. А на самом деле истина в другом – она ведома лишь Богу. Бог смотрит на это, или, скажем, мировая цивилизация, как хотите, хотя слова эти, конечно, неравноценные. Тем не менее в этом примере они взаимозаменяемы. И с точки зрения Бога – что нужно? Главное, чтобы бабочка раньше времени не вылетела. И только на втором месте – чтобы гусеница не слишком сильно мучилась. Потому что если гусеница будет так мучиться, она погубит бабочку. С моей точки зрения, Бог заботится больше о будущем, чем о настоящем. Бог в том, чтобы этот процесс, во-первых, прошел, а во-вторых, прошел максимально гармонично. Сколько возможно, нужно уменьшить напряжения, но полностью их снять, конечно, нельзя.

А. П.: Вы знаете, у меня дома большая коллекция бабочек, я провёл, может быть, десять лет своей жизни, самых ярких, в погоне за бабочками. Поэтому метафора: гусеница, куколка и бабочка – мне очень понятна. На самом деле в ней очень высокая метафизика. Гусеница – это как бы земная жизнь существа, человечества, наполненная жадным съеданием, наращиванием плоти, ползанием по берегам болот и рек – период неизбежный и не такой уж дрянной и худой. Затем так же неизбежно происходит как бы смерть души, исполненной грехов, тягот, пороков земного странствия, и потом – воскрешение, вознесение из этой мертвой гробницы, превращение в горнее существо. Душа воспаряет в новой бабочке, возвращается к Божеству. Конечно, с точки зрения Божества, важна триада.

В. Н.: Я уже не раз высказывался о том, что наша задача – родить новую духовно-экологическую цивилизацию, своего рода бабочку. Ведь к чему стремился всегда русский и православный человек? К гармонии с окружающими людьми и природой. И вот такая цивилизация отвечала бы нынешним требованиям максимальной гармонии.

Мне кажется, что божественную энергию человек получает все-таки, прежде всего, в общении с природой, а уже потом в городах это все раскладывается по полочкам... Вот чего хочет Бог? Для чего эти все войны, революции? В начале века ясно, чего Он хотел. Хотел, чтобы люди максимально ушли из деревень в города. Почему? Потому что в городах очень активные контакты, отсюда возникает интенсивная экономическая жизнь, материальные накопления, высокие технологии. И страны, где сельское население было менее всего предрасположено уходить в города, то есть Россия и Германия, столкнулись в войне. В ней погибло, естественно, в основном сельское население. Ну а после того, как созданы и города крупные, и компьютеры, чего хочет Бог? Бог хочет, чтобы люди опять ушли к земле, чтобы у каждого был благоустроенный дом, небольшой земельный участок, причем не обязательно с целью земледелия. Интенсивность контактов уже не может уменьшиться, потому что есть компьютер, видеотелефон, просто телефон и т.д. Конечно, кроме интеллектуальных контактов человеку нужны еще и эмоциональные. Так вот и надо защищать природу, развивать всевозможные зоны отдыха. Я думаю, что сейчас Бог хочет этого, потому что наша планета уже не выдерживает тяжести огромных городов и мощных производств.

Думаю, что пришло время и в России строить принципиально новую цивилизацию, духовно-экологическую, как я ее называю, или какую-то иную. То есть пришло время если не освобождения, то серьезного изменения души. Я часто привожу еще один биологический пример. Вот живет человек. У него, как говорят биологи, за шесть месяцев на 95 процентов меняются атомы. Другие атомы приходят, но они выстраива-

ются точно на тех же местах. Что-то их держит, какое-то поле заставляет вновь пришедший атом занимать положенное ему место. Вот был Советский Союз. Ясно, что его стержнем была КПСС. Причем не только как структура и идеология, но и как образ жизни, определенные традиции, навыки у людей. Вынули этот стержень – КПСС, – и вот лежит мертвое тело. Одни идеологи или экономисты говорят: «Вот нужно перевернуть ногу, тогда оно опять зашагает». А другие говорят: «Надо сменить голову, тогда тело оживет». Но ведь ясно, что это тело ни для чего уже не годится. Оно лишь материал для новой цивилизации. Только новая структура, новый стержень могут преобразовать весь этот материал, создать принципиально новую ситуацию. И, естественно, чтобы тело ожило, нужно, чтобы душа была, а я думаю, что Православие – это наиважнейшая часть нашей души. Если будет душа, то тело прирастет само, само соберется и организуется.

Или если поставить вопрос по-другому: не почему, а для чего распался Советский Союз? Мне кажется, совершенно ясно: Советский Союз распался на множество частей с единственной целью – чтобы собраться в новой комбинации. Сейчас Россия фактически тоже распалась. Почему? В 91-м году 15 из 89 субъектов Федерации только брали из федерального бюджета, ничего не давая. А в четвертом квартале 94-го года уже 67 из 89 субъектов Федерации перестали платить в федеральный бюджет. А те, кто платят, обязательно торгуются. Скажем, наибольший плательщик – это, конечно, Москва, потому что здесь сосредоточено 80 процентов банковского капитала и 85 процентов акционерных обществ. Руководство столицы говорит: «Мы заплатим, но вы нам разрешите приватизацию сделать по-нашему». Или, скажем, Тюмень. Там говорят: «Мы заплатим, но вы сделайте так, чтобы вот эти предприятия были областного подчинения, а не федерально-го». Очень скоро федеральной власти уже нечем будет откупаться. И в этой связи, конечно, смешными выглядят все эти обсуждения бюджета в Думе, поскольку, повторяю, уже 67 из 89 регионов категорически отказались платить. То есть Рос-

сия в экономическом плане распалась на многие части, хотя в политическом, идеологическом еще остается единой. Но распадается даже информационное пространство, программы Центрального телевидения не показывают уже во многих районах, центральные газеты все в меньшем количестве доходят туда и т.д. Украина – там тоже намечилось разделение: Галиция, Восточная Украина, Крым и еще более мелкие куски. Для чего это все нужно? Чтобы кусочки потом соединились в другой комбинации. Не исключено, например, что кто-то из Восточной Европы присоединится к ним тоже. Более того, я уже неоднократно говорил, что для меня совершенно очевидно новое государственное образование – Славянский Союз. Он несет в себе черты чего-то прежнего, но в то же время создает новое качество.

А. П.: То что Вы сказали, мне импонирует, но также и смущает, как мне кажется, опасными аналогиями: у вас Господь Бог то урбанист, то аграрник, то желает распада Советского Союза с тем, чтобы потом через преуспевание, скажем, «Гермеса» создать Славянский Союз...

Я вот только что вернулся из Чечни. Может, в это время, когда мы беседуем, система «Ураган» перепахивает до земли такие города, как Гудермес и Аргун. А мы с Вами комфортно устроились здесь на облаке рядом с Престолом Господа, рассматриваем проекцию огромных космических замыслов на земную реальность. Но мы ведь все-таки прагматики, у нас с Вами экономические, моральные, политические рычаги, и мы должны быть в ужасе от того, что наши деяния каждый раз упираются в катастрофы, тупики, трагедии. Уповать на создание духовно-экологической цивилизации нужно и важно, но все-таки, мне кажется, Господь Бог желает в конце XX – начале XXI века того, чтобы стихийно осуществляющаяся история, которая близка к природе и чревата землетрясениями, извержениями, сдвигом материков, стала бы управляемой.

Советский Союз важен и интересен, по-видимому, тем, что это была страшная, может быть, исполненная гордыни попытка перевести стихийный исторический процесс в управля-

емое русло. КПСС – это, конечно, была команда управляющих, команда суперменеджеров, которые взяли на себя бремя распорядиться временем, пространством, судьбой народов. Эта задача остается и у человечества. Американцы, правда, считают, что они управляют историей, причем не только скоростным, но даже ускорением своего развития...

И мы, сидя на руинах, осколках цивилизации, которую выстроили не до конца, фантазируя о Славянском Союзе, гармоническом человеке, воспитании души, не уходим ли мы опять в область гуманитарного романтизма, не уходим ли мы с плацдарма современных представлений в технократическом мире?

В. Н.: Во-первых, хотел бы сказать, что даже в повседневных действиях всегда можно в той или иной степени узнать, чего хочет Бог. Я это совершенно четко замечаю. Когда угадываю, чего хочет Бог, то попадаю как бы в общее течение и мне начинает непрерывно везти. Как только от него отклоняюсь, возникает препятствие, как знак, что по этому пути идти нельзя. На самом деле мы мало что знаем о человеческой природе. Потом, с точки зрения религии, Бог хочет как раз неуправляемости, потому что у Бога одна единственная задача – максимальная скорость развития.

Что касается западной цивилизации, то, мне кажется, ее представители не способны на какие-то прогрессивные действия. Почему? Ясно, скажем, почему рухнула КПСС. Шла непрерывная ее деградация, лучшие люди выпадали из этой системы, не находили себе там места. Но точно так же сегодня в западной цивилизации задает тон не самое лучшее, а самое хитрое, жадное. В то же время ее массовая культура непрерывно все упрощает и упрощает. Кто нужен им? Налогоплательщик, покупатель и избиратель. Точка. Не нужен американской цивилизации мыслитель...

То же самое было и в нашей индустриальной цивилизации. Скажем, если инженер-путеец одновременно и поэт – это было не только не нужно, но и крайне опасно. Поэтому всех неординарных забирали в лагеря. И все-таки у нас упро-

щение было не такое тотальное, как сейчас на Западе, у нас остались еще люди, которые способны создать новую цивилизацию или помогать росткам этой цивилизации.

Что касается США и вообще западного мира, то я не прогнозирую там ничего хорошего. Как раз потому, что стержень его все время ухудшается, люди упрощаются с помощью массовой культуры. Кризис у них, по сути, уже сейчас идет. Я удивляюсь, что мало кто у них это замечает, за исключением разве что вице-президента Гора. Вот мы много ругали АО «МММ», что это пирамида, которая изначально обречена, и т.д. Так доллар – это пирамида такая, с которой не сравнится ни одно «МММ», и обеспечен доллар намного хуже, чем была обеспечена акция АО «МММ», потому что у «МММ» 10 процентов ВАЗа было, а фирма, которая владеет десятью процентами крупнейшего в мире автомобильного завода, ни по каким западным меркам прогореть не может. Сейчас две трети печатаемых долларов уходят из Америки и больше не возвращаются никогда, только семь процентов доллара Соединенные Штаты могут отоварить. Но чем больше в мире владельцев долларов, тем больше они стремятся его поддержать, это вполне естественно. Так что пирамида эта куда круче, чем жалкая постройка АО «МММ», и американцы сейчас очень боятся, что она зашатается. Приняли решение, чтобы начать выпускать новые купюры. Для чего? Чтобы в случае обвала иметь хотя бы горлышко, чтобы не сразу в страну хлынули бы потоком доллары в преддверии, скажем, больших столкновений на мировом рынке с исламскими странами. Все, может быть, непросто и с поставками той же нефти.

Кстати, есть и другие внешние признаки кризиса. Например, я с удивлением, а потом со все большим любопытством наблюдал за сменой руководителей крупнейших западных финансовых структур. Одного за одним, одного за одним. Разве это обычное дело, если за год, скажем, из пятисот компаний руководство сменилось в трехстах? Ведь среднее время их нахождения на должности – 15–20 лет. Это означает, что идет какая-то очень серьезная ломка. Вслед за этим начинает

лихорадить политические партии, скажем, консерваторов, которые уже многие десятилетия существуют, и т.д. То есть там тоже происходит определенная трансформация. И я думаю, что России, быть может, предстоит не только самой выйти из кризиса, но еще какое-то влияние оказать на остальной мир с тем, чтобы тот во время своего крушения менее жестко проходил через те же процессы.

Когда сегодня говорят о безопасности России, часто бьют тревогу, что нефть и другие ресурсы распродаются и вывозятся... Пусть везут сколько угодно, мы так богаты, что все не вывезти. Главная наша общая проблема, и для каждого человека в отдельности: сохранение души. Будет душа, тело нарастет. А Храм Христа Спасителя, я думаю, может играть у нас ту же роль, что статуя Свободы у американцев.

А. П.: Допустим, что действительно происходит мутация, смена формации, но сегодня мы наблюдаем, как в прахе распада, напитавшись тленом, сформировались особые существа, две категории млекопитающих нового времени. Внутри уже дохлого кита они вдруг сцепились в довольно жесткую и кровавую схватку, и мы слышим звон и скрежет. Публике все это видно, как столкновение нескольких олигархий. Скажем, олигархии Ельцина, Сосковца, Коржакова и т.д., именуемой национал-капиталистической группировкой, с чем-то, олицетворяемым тем же Лужковым, Гусинским, как мы говорим, – компрадорским капиталом, со своими тесными связями в мировом рынке и в мировом парламенте. Вот эти две формулы неожиданно вышли на поверхность, и весь сегодняшний политический контекст являет собой схватку этих новых монстров. «Гермес» и Вы в сознании публики окрашены в национальные цвета, имеете национальный колорит, идеологию. Кто Вы на самом деле? Являетесь ли национал-капиталистом или вообще кем-то иным?

В. Н.: Во-первых, категорически не согласен, что родились новые существа и они борются. Думаю, что идет ожесточенная схватка нарождающейся новой жизни и отживающей, старой. Новое еще очень слабо, но быстро развивается, воз-

действует на более костное и неповоротливое. Например, нет ни одного экономического хода «Гермеса», который государство не повторило бы с опозданием в один-два года.

Еще в ноябре 91-го года мы добивались, чтобы приватизация проводилась через акционерные общества. Началась она ровно через год, но наша модель была искажена, так что принципиальный ее смысл сам потерялся. У нас была модель какая? Все точно так же, но только акционерный капитал по-другому оценивается – минимум половину денег получает само предприятие, и при этом не теряются межотраслевые связи, привлекаются деньги населения для развертывания жилищного строительства. Но когда вклады населения окончательно обесценились, бессмысленно было строить народную экономику. Наладить жизнь на встречных финансовых потоках было уже невозможно. В результате государство создает бюрократический рынок. Такие рынки жестко зарегулированы: одним что-то делать можно, другим – нельзя. То есть на самом деле борьба идет не за пищу, потому что ее всем хватает, борьба идет за будущее.

Вы спрашиваете, кто я? Вот есть какой-то завод. Вот он акционировался, у него появился руководитель. Интересно, кто он: капиталист или нет? «Гермес» сегодня уже не отличается, скажем, от какого-нибудь министерства. У нас контрольные пакеты акций 74 крупных промышленных предприятий. Я, по сути дела, такой же управляющий, каким раньше был министр. Абсолютно тот же! И функции примерно такие же. У меня даже такой же аппарат...

А. П.: Вы получаете зарплату?

В. Н.: Да, получаю, и поскольку я еще покупал свои акции, мне положен и дивиденд. Но за время всей моей работы не брал больше, чем было необходимо для жизни и представительских расходов. И заранее себе определил, что не возьму никогда, потому что в случае ухода отдам все на храм. Это чтобы меньше соблазнов было.

У нас форма собственности очень интересная, она не является ни одной из тех, которые описаны в учебниках и

мелькают на страницах газет. Потому что мы не государственные, у нас граждане акциями владеют, а их более пяти миллионов. С другой стороны, государству принадлежит какая-то часть нашей собственности. И кто мы – я не знаю. А если присмотреться, «Гермес» – это почти КПСС. Скажем, как он построен? Возьмем, к примеру, наше тюменское представительство. В регионе есть ряд промышленных предприятий, хозяин которых – «Гермес». Что это значит? Напомню, что «Гермес» – это 5 или 7 миллионов российских граждан, это предприятия, банки, страховые компании, пенсионный фонд, магазины, предприятия сферы обслуживания, научно-технический центр, задача у которого – собирать новые изобретения и пытаться что-то внедрить, и т.д. А всем этим в Тюмени занимается наше представительство. По сути, оно – один к одному обком. Там, например, есть идеологический отдел, называемый рекламно-информационным. Он владеет своей радиостанцией, выпускает две газеты, поддерживает еще несколько средств массовой информации. Есть организационный отдел. Ну все есть. И не могло быть по-другому... В то же время «Гермес» имеет и черты нового, он постоянно меняется, каждый день он другой, это тоже неизбежно. Я иногда задумываюсь: а не суждена ли мне в «Гермесе» такая же роль, как у Михаила Сергеевича в КПСС? Почему? Потому что вижу, что «Гермес» надо трансформировать. Это не только во многом КПСС, в миниатюре – Советский Союз. С другой стороны, наша достаточно крупная система была построена по принципу КПСС не потому, что кто-то хотел этого, а просто не было иной жизнеспособной структуры. Тот, кто строился как-то по-другому, должен был брать на это огромные ресурсы у государства. Но на данном этапе наша структура должна, конечно, существенно перестроиться, и прежде всего по экономическим причинам, потому что сейчас осталось всего несколько видов осмысленной деятельности, дающей прибыль, если это не пирамида, игра на валюте и тому подобное. Нормальных видов деятельности, которые теоретически были бы прибыльны, сегодня почти нет. Ну

еще в прямой или косвенной форме можно забирать деньги у государства. Вот некоторые директора говорят, что у них прибыльное производство. Да, оно может быть прибыльным – если что-то берется не по эквивалентной цене у государства или идет проедание того, что накоплено ранее. То есть основные фонды устаревают, новые станки не появляются. И конечно, в этой ситуации «Гермес» должен перестроиться. Меня, кстати, очень пугает, что сейчас в «Гермесе» идут процессы образования как бы диктатуры. Уже многие руководители на разных уровнях говорят: все, не надо больше никакой демократии, Совета директоров. Просто приказывайте, и точка. Я очень боюсь, что эти процессы отражают те тенденции, которые идут в экономике в целом.

А. П.: Значит, либеральная идея, которая послужила для создания этих организмов, она сама себя съела и вырождается опять в авторитарный, централистский подход?

В. Н.: К сожалению, в «Гермесе» такие тенденции наблюдаются очень четко.

А. П.: Вы вот сказали, что сегодняшняя политическая схватка, которая просматривается как борьба группировок – это на самом деле не борьба иерархий, не борьба экономических монстров и не борьба различных идеологий капитализма, а борьба старого и нового. Тогда что, по-Вашему, то загадочное новое, которое проявляет себя в этой драматической схватке?

В. Н.: Я бы сказал, что и в мире начинается какая-то борьба нового со старым. Не может быть, чтобы такое государство, как Советский Союз, распалось, а вся мировая цивилизация не пришла в движение. С неизбежностью и там начинаются определенные процессы, причем примерно по той аналогии, с которой я начинал разговор, может, не совсем удачно: гусеница – куколка – бабочка. Я думаю, что рождается какая-то новая цивилизация, она, конечно, не появится одновременно во всем мире, но будет влиять на него, и международные силы, конечно, не могут не вмешиваться в этот процесс, это очевидно. Поэтому борьба нового со старым ведется почти на каждой территории и постепенно втягивает в

себя весь мир. Одни силы уже сейчас задевают друг друга, черед других придет позже.

А. П.: В таком случае то, что я называю компрадорским капиталом, судя по вашим словам, есть формула традиционно старого, мирового, западного и как бы не желающего уступать. Так?

В. Н.: Я сказал бы так: всего западного, которое располагается и здесь, и там. Нефть по дешевке уходила от нас и в годы советской власти. Ильич считал, что россиянам хватит пяти процентов добытой нефти, а остальное должно быть отдано на Запад. И сейчас мало что изменилось. А рождается нечто такое, что может создать принципиально новую ситуацию.

А. П.: Значит, по-вашему, национал-капиталистическая тенденция на самом деле есть контрпроцесс, и в его недрах гнездится этот возможный ренессанс, новая идеология в целом?

В. Н.: Да, причем совершенно ясно, что если мы здесь станем на ноги, то немедленно выйдем на мировые рынки, и конкурентов у нас там не будет. Потому что люди там не прошли такой жесткой школы. И доллару тогда не удержаться, он вообще будет стоить я не знаю сколько. Мы немедленно сделаем так, чтобы доллар не был мировой валютой, это тоже возможно. И они понимают, что если нынешние позиции не сдержат, дальше будет много труднее.

А. П.: Судя по вашим словам, «Гермес» представляет собой концерн, некую целостную галактику, которая хочет проявлять себя, по существу, во всем, только не в другом...

В. Н.: Не совсем так. Вот мы себя называем технопарком, главная задача «Гермеса» – плодить новые структуры. Только фирм с названием «Гермес» создано несколько тысяч. Одни из них гибнут, другие встают на ноги. Скажем, встанет газета «Гермес» на ноги – хорошо, она превратится в самостоятельный печатный орган. Биржа, банк встали на ноги – прекрасно. У нас множество самых разных магазинов. Фирм по производству медицинского оборудования, лекарств и Бог весть чего. Мы плодим и плодим новые структуры. Некоторые впишутся не только в экономическую жизнь, но и в

какую-то идеологическую. Другие окажутся нежизнеспособными. Будут и такие, которые выступают на стороне наших противников. И это нормально. Так должно быть. Наша задача – создавать максимальное разнообразие, а жизнь пусть сама сделает отбор. На самом деле не только жизнь, но и мы сами отбираем. Каким структурам начинаем помогать? Скажем, заработала она десять миллионов, немедленно ей нужно дать сто. Заработала сто, немедленно надо давать миллиард. И так каждый доходит до своего уровня – какими он может распоряжаться суммами, давая прибыль. В нашу систему сейчас втянуто достаточно много людей, я думаю, даже никто в точности не знает сколько. У нас только в головном аппарате работает около десяти тысяч человек, в дочерних фирмах – 30 тысяч, и в тех предприятиях, где мы владеем контрольным пакетом акций, еще примерно 120 тысяч человек. Плюс каждый третий москвич связывает себя как-то с «Гермесом». Акционеров же в целом где-то от 5 до 7 миллионов, точно мы не знаем. Очень много людей считают себя связанными с нами.

А. П.: Вот в этом технопарке, как Вы образно назвали свое детище, Вы продуцируете политические технологии? Вы продуцируете политические группировки? Занимаетесь фабрикацией лидеров, систем лидеров?

В. Н.: Нет, этим мы не занимаемся. Но мы занимаемся другим – пытаемся разрабатывать социальные технологии. Под социальной технологией я понимаю набор заявлений, статей и действий, которые приводят к определенному результату. Можно, скажем, излагать свою политическую позицию в виде статьи, а можно провести опрос граждан. Вот, скажем, на вопросы анкеты нашего фонда социальных технологий «Славянский Союз» пришло ни много ни мало 160 тысяч ответов. Спустя два месяца в новом социологическом опросе мы обнаружили, что 14,5 процента респондентов помнят, что была такая анкета со «Славянским Союзом», то есть сумели надолго заложить это в память людей. И я думаю, что новую цивилизацию обязательно будет создавать социальные технологи.

Посмотрите, что было в Германии. Вот 32-й год: высочайшая преступность, никто не хочет работать, страшная инфляция. А спустя несколько месяцев – организованность, полный порядок, всегда считавшийся самым рациональным народ вдруг становится самым иррациональным. Это что? Это был набор технологий. Я сейчас не оцениваю их с плюсом или минусом, с точки зрения технологии это неважно. Или, скажем, Германия послевоенная, с Аденауэром, – та же история. И тогда у них была ситуация, когда объективно вроде все есть, а экономика не поднималась. Тогда собрались промышленники, предприниматели и стали обсуждать это положение. Они пришли к выводу, что нужно запустить определенный тип просвещения, а именно – писать в газетах статьи, как вставала на ноги экономика Германии в начале века, как создавались рудная промышленность, машиностроение, автомобилестроение... На читателя пошел целый поток статей про историю промышленности Германии. И все начало меняться. Но к этому были добавлены технологии, связанные с жилищным строительством. Жилье и дороги возникают каждый раз, когда страна поднимается из кризиса.

А. П.: Вы – хозяин концерна, который является также и технопарком, создающим, в частности, социальные технологии. И у меня возникает такой вопрос. Неверов, которому удалось осуществить свои проекты и модели на уровне «Гермеса», а «Гермес», по существу, это пол-России, хотел бы распространить свое влияние и на политические сферы? Вы на самом деле намерены выступать на более высоком президентском поприще?

В. Н.: Хотел бы или не хотел – это значения не имеет. Просто бабочке не дано право летать раньше, чем ей положено. С моей точки зрения, новая жизнь должна еще пройти много этапов, можно побыть не только президентом «Гермеса», но и других структур. С другой стороны, это президентство у меня всегда было мощным инструментом в экономических вопросах. Скажем, в одной из областей, куда мы уже поставляли до 30 видов бензина и дизельного топлива, вдруг

администрация собирается и ставит вопрос: почему «Гермес» продает дешевле, чем государство, у него все покупают, а у нас не покупают? Отобрать надо у «Гермеса» бензоколонки. Тогда я заявляю: «Буду президентом». И администрация говорит: «Бог с тобой, не будем трогать бензоколонки, а вдруг и действительно станет?» Это на самом деле как бы тоже технология, один из видов социальной технологии.

А. П.: Но в данном случае блеф?

В. Н.: Нет, не блеф, на самом деле ведь никто не знает, а вдруг действительно так будет? Я считаю, что ни одно общество не может существовать без социальной утопии. Скажем, американская мечта – это не более чем социальная утопия. Коммунизм тоже был социальной утопией, но в какой-то период выполнял свою роль. Ни одно, я думаю, развивающееся общество не может существовать без такой утопии. Так же, как, я думаю, нашим акционерам приятно, что такая информация мелькает в газетах. Вне зависимости от того, что будет.

А. П.: После того, что я услышал, я даже как-то изменил о Вас представление. Вы мне казались человеком технократического склада, рационалистом и прагматиком. Сейчас Вы мне представляетесь человеком внутренне иррациональным, с чувством своего высокого предназначения, в хорошем смысле этого слова. Действительно это так? Вы чувствуете в себе некий вектор, который не принадлежит лично Вам, а через Вашу судьбу и деятельность осуществляет что-то значительное?

В. Н.: Во-первых, я бы сказал, что считаю себя прагматичным человеком, только мой прагматизм немножко другого типа, чем об этом написано в книгах и внушено советскому человеку. На самом деле для меня высочайшее счастье сидеть в комнате, запереться, чтобы не было никого! Я по своей натуре – кабинетный ученый. Часто спрашивал себя: зачем мне все эти мучения, что мною движет? Никак не могу ответить на этот вопрос, кроме как – надо, судьба, что же делать?

А. П.: Хорошо. На этом мы закончим беседу, и будем называть ваше движение гермесизмом. Может, это и есть новая философия?

В. Н.: Нет, я собираюсь постепенно менять ее в том смысле, что «Гермес» – он должен быть и дальше, но у меня уже душа лежит к тому, что называется «Славянский Союз».

А. П.: Что это значит? Вы хотите заниматься геополитическими конструкциями, создать действительно геополитическую суперструктуру?

В. Н.: Нет, просто я хотел бы заниматься теми экономическими вопросами, которые более тесно связаны с политическими и идеологическими. Конкретно, скажем, социальными технологиями.

Апрель 1995 г.

«Зову продолжать борьбу»

(Беседа председателя Совета Союза коммунистических партий – КПСС – Олега Шенина с Александром Прохановым)

Александр ПРОХАНОВ: Олег Семенович, первый мой пассаж связан с поразительной несостоятельностью правящей партии, той КПСС, которая, казалось, безраздельно владела страной до 1991 года и исчезла как дым. Меня глубоко поразила послеавгустовская ситуация, как и то, что произошло в ходе самих августовских событий.

Почему, спрашивал я себя, у партии не оказалось закрытых структур, тайных финансов, вывезенных из страны, говоря образно, куда-нибудь на Новую Землю? Почему не оказалось тайных боевых фракций, включившихся в момент, когда армия Язова и департамент Крючкова обнаружили свою несостоятельность? И наконец, где политическая разведка партии, о которой так много шептались?

Размышляя об этом, я постепенно понял, что партия после упразднения 6-й статьи Конституции уже была обречена. Когда Ленин начал говорить о «партии нового типа», то изначально имелась в виду не просто политическая организация,

а своего рода зародыш, почка нового государства. Там, в этой почке, уже содержалось все: ЧК, внешняя разведка, Госплан, Академия общественных наук, интеллектуальные центры. Словом, все необходимое для немедленного «развертывания» в государство. И главное – все это было заряжено сверхидеей управляемости истории, ее рукотворности. Партия Ленина была интеллектуальным штабом и одновременно религиозным орденом, берущим на себя ответственность за историю, за насилие над ней. Эта партия была смоделирована в Швейцарии и явилась организационным открытием. Затем шло лабораторное опробование ее во время первых съездов и внутрипартийной борьбы. Затем – «развертывание проекта». В ходе «развертывания» вся партия как бы перешла в государство, перелилась в него, растворилась в нем. После развала государства партию вытащили из обломков как жалкую, опустошенную, никому не нужную «жилу». Что из этого следует? А то, что «партия нового типа», задуманная в Швейцарии, – это и был СССР в свернутом виде. Разверстка СССР сворачивала партию. С крушением СССР партия не могла уцелеть в виде отдельной сущности. Ибо соки этой сущности уже были отжаты для государственного строительства.

Что же могло сохраниться от партии после государственной катастрофы? Скажем прямо, не просто остатки, а еще и остатки вполне определенного качества.

Вы – лидер остатков чего-то, у Вас в руках часть от вынутой жилы. Как, впрочем, и мой друг Геннадий Зюганов. Он тоже лидер остатков распавшегося государства, и его титаническая работа – превращение этих остатков в новую сущность. Я хочу спросить: ощущаете ли Вы своеобразие своей роли? Чем Вы намерены заниматься? Левым движением XXI века, в котором, по-видимому, возникнет тот же феномен партии, ответственный за историю, управляющей ею? Если да, то понимаете ли Вы, что с тем, что имеют сейчас коммунисты, этой каши не сварить?

Олег ШЕНИН: Александр Андреевич, Вы затронули несколько тем, каждая из которых требует отдельного серьезного

рассмотрения. Прежде всего скажу, что еще недавно все эти вопросы показались бы мне просто надуманными. Сегодня это уже не так. Чем больше я занимаюсь партийным строительством, тем более остро ощущаю нехватку гуманитарных знаний и дефицит информации по очень многим вопросам. Я занимал высокое положение в КПСС эпохи Горбачева. Еще тогда это была организационно-политическая машина с огромными возможностями. Да, уже не было 6-й статьи Конституции, но оставался общегосударственный пульт управления, и я, как мне казалось, был допущен в его святая святых. И когда потом, уже после краха КПСС и выхода из тюрьмы, мне стали предлагать такие объяснения произошедшего, которые базировались на предположении об очень сложном устройстве партии, мне казалось, что все эти избыточные сложности надуманы в силу отсутствия реального опыта и реальных знаний.

Теперь мне так уже не кажется. Взяв на себя роль, как Вы выразились, «собирателя неких остатков», я столкнулся с очень непростыми вещами. А ведь собираются не груды невесть чего, а части какого-то целого. Собирается то, что имело свое имя и свою суть. Не назвав это имя и не поняв эту суть, смешно заниматься собирательством. Вот и приходится в не юном возрасте осваивать такие вещи, которые раньше казались страшно далекими от практической деятельности.

Да, КПСС проиграла. И проиграла она потому, что потеряла и имя, и суть задолго до аннулирования 6-й статьи Конституции. Растворилась ли она при этом в государстве? Не знаю. Думаю, что все происходило еще намного более запутанным образом. И мы распутываем этот клубок виток за витком, нить за нитью. Загадка произошедшего была в том, что страна с непобедимой армией, с прочной, может быть, недостаточно динамичной, но весьма добротной экономикой, с огромным культурным потенциалом рухнула, так и не задействовав свой потенциал для сопротивления силам этого обрушения. Почему? Ответ, конечно, один. В стране, где все соединяется идеологией, идеологическое поражение превращается в государственную катастрофу.

Идея оказалась растоптанной. И этому помогали те, кто по долгу службы обязан был делать все для ее защиты. Говорю о том, что знаю. И не могу считать происшедшее случайным. Роль Горбачева и Яковлева огромна. Но за фамилиями и чинами этих «высоких персон» стоит нечто большее. Ведь их избирали, им подчинялись, за ними шли. Почему?

Есть простые и очевидные вещи. Партия не может состоять из 18 миллионов человек. Это уже не партия. В Конституции 1977 года было впервые сказано о ней как о руководящей и направляющей силе. Почему-то Ленину и Сталину это не потребовалось. Видимо, кому-то показалось прельстительным оговорить условие, при котором любой завмаг побежит в партию. Но что за этим стояло? Неумная корыстность высокопоставленных клик? Или чей-то злой ум? Или же и то, и другое? Здесь нельзя гадать на кофейной гуще. Тут надо иметь четкие ответы по существу. Вы спросите, есть ли такие ответы? Готовых, разумеется, нет. Но нет и блуждания в потемках. Важные для будущего принципы понимания прошлого нами уже нащупаны.

Когда я говорю «мы», я имею в виду людей, сохранивших верность коммунистической идее, верность своему прошлому. Тому прошлому, которое у нас постарались отнять. Тому прошлому, без которого нет будущего.

Речь идет, поймите, не о партийном, а об историческом прошлом. Народ отдал идее столько сил, принес на ее алтарь такие невероятные жертвы, что без ответа на вопрос об их смысле страна не может встать с колен. Такой ответ не должен быть схоластическим. Спору нет, рефлексии нет пути в будущее. И, повторяю, учиться придется многому. Но кроме правды осмысления есть еще и правда поступка. Если все отреклось от идеи и от связанного с ней прошлого, если все попрятались по углам и начинают «жить заново», то никакая рефлексия ничего не изменит. А вот когда люди, живые люди приходят и говорят: «Я был и остаюсь коммунистом, для меня нет другой партии, кроме КПСС» – то это уже поступок. Особенно когда за это преследуют. Большая часть таких людей, «осколков», как Вы

говорите, еще довольствуется простыми ответами на трагические вопросы эпохи. И это не случайно.

Чаще всего речь идет о простых людях, людях, отдавших себя строительству той, отнятой у них жизни, и страстно любящих эту жизнь. Говорят, что они мыслят сегодня только в категориях возвращения прошлого, что они фундаменталисты, чистые реставраторы. На деле все намного сложнее. Конечно, есть и реставраторство, и фундаментализм. Но это – видимость. А сущность уже в другом. Есть страдание от потери, есть горечь утраты. А когда они есть, то неизбежно начинается осмысление. И оно уже началось.

Чем плотнее будут собираться люди, чем более ясно для общества и для них самих станет, что не все предали, не все отступили, тем глубже и основательнее будет осознание причин случившегося. А это неизбежно повлияет и на ход политического процесса. В чем моя мысль? В том, что главная крепость, главная твердыня – в человеческой душе. Если там не оборвалась становая жила, если сохранена цельность человеческой личности и верность пройденному пути, то это уже немало. К этому начнет тянуться новое. Начнется фокусировка и политических, и духовных энергий.

Собирая, мы будем умнеть. Умнея, собирать все больше. Да, можно говорить об обломках. Но они дышат живыми и мощными энергиями. В них есть цельность, воля, выстраданная верность самим себе. А значит, есть притягательность, живой политический магнетизм.

Ленин существовал в другой ситуации. Он строил заново на пустом месте. Мы так не можем и не должны. Если мы, будучи сами вдобавок частями рухнувшего и ответственными за рухнувшее, начнем пренебрегать старым и делать новые чертежи по принципу «все сначала», мы предадим историю. А как, предав ее, начать вновь разворачивать новые проекты истории? Нам справедливо скажут, что история не обладает для нас ценностью. Что мы обращаемся с ней как с тварью. И меняем один невыполненный проект на другой. Для Ленина та, предшествующая, история не была его детищем, его

проектом. Он мог пренебрегать ею и проводить свой проект. У нас совсем другая ситуация. Мы наследники. И мы ответственны за наследство.

Да, партии предстоит пережить еще один «катакомбный» период. Но это период осмысления прошлого, вскрытия его смыслов и ценностей. Это период радикальной идейной реформации с сохранением верности своей сути. Мы не новую веру, образно говоря, создаем. Мы возвращаемся к сути, но на новом витке, в качественно иной ситуации.

Вот Вы затронули здесь проблему истории, в том числе истории самой партии. А ведь если вдуматься, все десять прошедших лет – это война со своей историей, особенно с ее советским периодом. Шла жесточайшая безжалостная война, война на уничтожение всех и всяческих смыслов. Война, кстати, и против самой истории. Против истории вообще, против ценностей и смысла истории. Вот масштаб вызова, который мы должны принять и отбить. Пока мы к этому в полной мере не готовы. Но других, идеальных политиков, полностью готовых к ответу на вызов такого масштаба, в стране нет. А есть, подчеркиваю, те, кто готов продолжить борьбу кто не признает капитуляции, кто зовет других продолжить борьбу, и кто не застыл в некоем окостенелом упрямстве, а ищет ответы на мучительные вопросы. Это, согласитесь, уже немало.

Здесь мне очень близок образ генерала де Голля. Франция разгромлена, Петен признал поражение, все рухнуло, ничего нет. И вдруг человек говорит: «Я капитуляцию не подписываю. ЗОВУ ВСЕХ, КТО ГОТОВ ПРОДОЛЖИТЬ БОРЬБУ».

А. П.: Я думаю, что при создании политической организации, инструмента управления сложнейшими процессами, его создатели должны исходить из своего понимания качества истории. Что есть история для Вас и в чем смысл истории? Как Вы понимаете историю? Если история природна, стихийна, нерукотворна, объективна, то партии – это лодки, лавирующие в ее течениях. Тогда можно говорить только о партиях парламентского типа, партиях исторической конъюнктуры. Но Ленин говорил о другом. Он твердо верил в то, что исто-

рия поддается управлению, что ее можно схватить, как говорится, за нос и двигать, знания о будущем находились в руках партийной элиты. СССР был в эпоху динамичности и соответствия целям не только исторической стройкой, где строили заводы и станции, но и местом, где строили историю, силой гнали ее в нужном направлении. Обрушенный СССР содержит в себе уникальную информацию о подобном строительстве. Есть старые балки, подвески, крепления, перекрытия... Все это рухнуло. Рухнуло грандиозное историческое строение. Умники из других стран приезжают, раскапывают, разнюхивают, зарисовывают, фотографируют. Что? Опыт управления историей! И этот опыт, не сомневаюсь, будет повторен. Не знаю где. В Японии, в Бразилии. В чем суть опыта? В конструировании развития. И что же Вы строите сейчас? Какой тип коммунистической партии создаете на обломках такого уникального опыта? Мне кажется, уже сегодня Вам надо выбирать – либо это будет «партия нового типа», то есть партия исторического лидерства, либо это будет традиционная партия, стихийно следующая по историческому течению.

О. Ш.: В этом смысле речь, конечно же, идет о партии нового типа. Начну с простейших вещей. Для меня в нынешней ситуации парламентаризм крайне проблематичен. Если партии коммунистов идут на выборы, чтобы убедить народ, то в каком-то смысле это понятно, хотя и не безусловно. Но если они делают ставку только на выборы, тогда речь может идти лишь о борьбе за право реализовывать чужой проект, уже навязанный стране и глубоко для нее чуждый. В самом общем виде можно говорить о так называемом модернизационном проекте. У него очень глубокие корни в истории Запада, но нет корней в российской истории. Каждый раз, когда наши народы начинают смещаться в эту сторону, их ждет большая беда. Но и уход от модернизации может превращаться в серьезное бедствие. Можно говорить о верности традиции, о почве. Это все прекрасные вещи. Но они имеют значение лишь постольку, поскольку на их основе дается строить новое, развиваться ускоренными темпами. Именно

это позволил освоить проклинаемый «демократами» и иже с ними советский период. Он сохранил коллективизм, спас важные исторические достижения дореволюционной России, но он же и позволил развиваться колоссальными, невиданными в мире темпами, сотворив «русское чудо».

Спору нет, нельзя дважды сделать в истории все «один к одному». Да и не нужно это. Но и России, и миру как никогда необходимы сегодня такие глобальные проекты, в которых развитие будет сочетаться с аскетизмом, разумным самоограничением и строиться на основе проектов, требующих огромных объединенных усилий.

Возьмем, к примеру, энергетику будущего, способную решить и экологическую проблему, и, хотя бы отчасти, ряд еще более сложных проблем, связанных с термодинамическим равновесием в масштабах планеты. Если мир хочет спасти себя и свое развитие, если человечество не капитулирует перед сложностями, вызванными развитием, а стремится преодолеть их за счет ускоренного развития, то лет через 30, а то и ранее, возникнет проблема так называемой чистой термоядерной энергии. И уже сейчас пионерские разработки доказывают, что такая энергия может быть получена лишь при промышленной добыче особого гелия («гелия-3»), который в необходимых количествах на Земле не имеется, но имеется на Луне. То есть, борясь за будущее, нам придется увязывать оригинальные и сверхоригинальные технические изобретения с гигантскими космическими проектами. Такое возможно лишь в особом социальном климате. Том климате, в котором есть место разумному самоограничению людей, есть почва для фундаментальных открытий, базирующихся всегда на неповрежденной культуре и целостной духовной основе, есть, наконец, возможность собирать и мобилизовывать коллективные социальные энергии для крупных свершений, фокусировать коллективную волю.

Все эти условия противоречат установкам модернизационного проекта. Поэтому его творцы и говорят об устойчивом, то есть капитулянтском, развитии, о свертывании раз-

вития. Это и есть предел того, на что способен экологический империализм. Он не мыслит о большем, и потому возник лозунг «Иного не дано». А Россия и есть то место, где рождается и произрастает Иное.

В этом смысле у подлинных коммунистов есть свой глобальный проект, свое видение и общечеловеческого, и нашего российского будущего. Всякий отход от подобного максимализма превращает коммуниста в обычного социал-демократа. Уберите из коммунизма диалектику, то есть веру в необходимость и спасительность революции, уберите веру в новый гуманизм и нового человека, уберите величие идеи сверхистории, выражаемой словами «из царства необходимости в царство свободы», – что останется? А ведь именно такие попытки предпринимаются непрерывно, в том числе и в нашем коммунистическом движении.

А. П.: Много говорят о Ваших спорах с Геннадием Зюгановым и вообще с КПРФ. Слышатся даже обвинения в раскольнической деятельности. А ведь главная ценность патриотического движения – это сильная КПРФ. В этом смысле все, что идет на пользу КПРФ, полезно Родине. Все, что против нее, неприемлемо. Но убежден, что для КПРФ, которая окрепла, вернула себе уважение народа, выиграла у режима множество опасных тактических боев, вскоре наступят серьезные времена. Ей придется отвечать самой себе на вопрос: может ли и хочет ли она стать партией нового типа, то есть партией государственного строительства? Будет ли она в этом, высшем смысле слова – коммунистической партией? Если нет, то, по-видимому, ее участь – парламентский социал-демократизм.

О. Ш.: Вы уже сказали очень многое. Можно было бы оспорить часть Ваших утверждений, но я предпочитаю согласиться и на базе общего согласия вместе порассуждать. Прежде всего по поводу Геннадия Зюганова и нашей якобы имеющей место личной взаимной неприязни. Ничего такого нет. Это миф, создаваемый противниками коммунистического движения и мелким честолюбцами, стремящимися ловить

рыбу в мутной воде сплетен и науськиваний. Я уважаю Зюганова, ценю его заслуги, считаю его талантливым политиком.

Все, что я делал до сих пор и собираюсь делать впредь, будет направлено на преодоление раскола, объединение коммунистического движения, достижение в нем дружественной солидарности. Если для этого потребуются пойти на любые допустимые, с точки зрения интересов целого, уступки и соглашения, то я пойду на них, уступлю сам, признаю собственные ошибки, соглашусь на любые решения членов партии. Все это до тех пор и постольку, поскольку это идет на благо партии и коммунистическому движению. А если речь идет о вещах, которые подтолкнут к расколу, углубят непродуктивные противоречия в движении, создадут угрозу государственной целостности, обрушат возможные пути к восстановлению Союза? Что тогда? Тогда деликатная и корректная партийная дискуссия становится неизбежной. Есть, как Вы, надеюсь, помните, «компромиссы – и компромиссы». Если же самое главное (становлюсь на Вашу точку зрения) – это интересы КПРФ, то в чем же верное понимание этих интересов? Приведу пример.

Еще в 1994 году на совещании руководителей коммунистических партий было принято решение о проведении XXX съезда. Все, кто были на этом совещании, помнят, что именно я убеждал тогда товарищей не торопиться с проведением съезда. С трудом удалось добиться решения о его проведении не в феврале 1995 года, а в первом полугодии. Затем начались подготовительные мероприятия. Есть соответствующие партийные решения КПРФ с определением квот и этапов работы. Есть совместные документы. Если они не устраивают – для этого и существуют съезды, чтобы на них искать оптимальный вариант тех или иных документов. И вот, когда съезд уже приблизился вплотную, когда прошли выборы делегатов, в руководстве КПРФ начались сомнения: не будет ли участие в съезде использовано режимом для закрытия партии. А почему никто не считает, во что обернется неучастие? Съезд будет проведен все равно. Часть делега-

тов приедет на съезд, а часть – не приедет. Начнется раскол. Масштаб его определить сейчас трудно, но даже маленький раскол, маленькая трещина уже смертельно опасны. Для кого? Именно для КПРФ как крупнейшей силы российского оппозиционного движения! Теперь представим себе, что часть областных и национально-государственных организаций начнет уходить из КПРФ и переходить в СКП–КПСС напрямую. Мы стремимся не допустить этого. Но есть объективный процесс. Если он начнется – что тогда? Мы получим достаточно резкое ослабление КПРФ и, главное, раскачивание российской государственности, чего нельзя допустить. Сдвинутся идейные характеристики расколовшегося комдвижения, усилятся непродуктивный зачастую радикализм отдельных его составляющих, начнется борьба за влияние в массах. Все это разве на пользу коммунистам, КПРФ, России, восстанавливаемому Союзу?

Я считаю, что нет. И стремлюсь убедить в этом своих друзей, в том числе руководителей КПРФ. Начинается жесткий товарищеский спор, в котором, убежден, возобладает интерес дела, возобладает стратегия над тактикой. А какая-нибудь, простите, честолюбивая нечисть начинает подзуживать, подталкивать, стравливать, науськивать. Все это, убежден, не без содействия наших общих политических недругов. Что делать? Борьтсь за интересы дела, за партию, за идею и поганой метлой выметать любые посторонние дразги, политиканство, суету амбиций и честолюбия. Так и только так.

Есть интересы дела. И есть нормальные человеческие отношения между политиками, связанными этими интересами. Отношения, основанные на дружбе, общности целей, глубоком взаимном уважении. А разность в понимании целей – это и есть политика.

А. П.: Насколько я знаю, КПРФ – участвует в вашем съезде, и Ваши опасения напрасны, но я возвращаюсь к принципиальному вопросу. Мне кажется, что СССР создавался под очень крупную идею. Под мировую идею. Под сверхидею. Под это набирался потенциал территорий, копился че-

ловеческий потенциал. Советский Союз рухнул потому, что улетучилась сверхидея. Началось топтание на месте. Замысленный Союз должен был быть непрерывным изменением, непрерывным достраиванием, непрерывным экспериментом. Никакой стабильности, никакой неподвижности! Постоянное прощупывание ландшафтов будущего, создание самих этих ландшафтов. Там, где было убито государство-эксперимент (а где оно было убито – вот основной вопрос для истории партии и истории СССР), там началось обычное стяжательство. Я не имею в виду коррупцию, я имею в виду воровство социального времени. А его нельзя накапливать в подобных системах, его можно только тратить. Что КПСС предлагает миру теперь?

О. Ш.: Я уже говорил об этом. Постиндустриальный прорыв.

А. П.: Ну и отдайте его Рокфеллеру, он лучше распорядится!

О. Ш.: Не распорядится он этим! Не захочет, не сможет! Все, что он может, – это строить «золотой миллиард». У нас сначала критиковали постиндустриализм как буржуазную химеру, затем стали восхвалять и включать в программы. А ведь постиндустриализм может быть разным! Одно дело, когда новые технологии соединяются с новым человеческим качеством, с новой историей. И другое дело – когда постиндустриальные технологии влекут за собой смерть культуры и одномерного человека. Тогда кончается Человек... да и технологии, кстати, тоже становятся мелкотравчатыми. Тогда рождается всемирное царство пошлости и застоя с неслыханной доселе экономией социального времени. Со смертью культуры, с ее распадом на элитные изыски и массовую попу. С рассыпанием человеческой воли к смыслу. Без альтернатив такому «устойчивому развитию» мир жить не может, а эти альтернативы могут родиться только в России, в обновленном Союзе.

Я согласен с Вами, что Союз создавался под идею и был разрушен идейным кризисом. Но это был кризис индустриаль-

ной модели. Мы сумеем преодолеть его. И преодолев, соединим страну и обеспечим прорыв. Стратегические интересы России и мира совпадают. И чем скорее это будет понято, тем лучше для всех. И хватит морочить голову болтовней о красно-коричневых. Не может быть живых вариантов сплетения фашистов и коммунистов. Возможен только пропагандистский искусственный блеф на эту тему. На самом же деле все обстоит иначе: ИЛИ КРАСНОЕ – ИЛИ КОРИЧНЕВОЕ.

Новая эпоха показывает, что за историю приходится бороться, что просто так, как природный процесс, она не способна уже течь. Кто-то хочет ее уничтожить, а кто-то – отстоять. Главное – как. Оппоненты коммунистов говорят об иерархических популяциях. Это проект правых сил. Да и либеральный проект тоже предполагает олигархические иерархические ряды. Многоэтажное человечество. А Россия дает ответ на глобальный вызов, асимметричный тому ответу, который дает весь остальной мир. Она предполагает наличие не одного луча, по которому идет развитие, а продуктивного противоречия, органической двойственности, производящей историю, восстанавливающей тройственность диалектического целого, строящегося по принципу «тезис – антитезис – синтез». Это не теория, точнее, не столько и не только теория. Это геополитика, это глобализм, эти идеология, и это политическая борьба. Классовый подход не исчерпан. Он только становится принципиально иным в новой глобальной ситуации. Но остаются и лидирующий класс, и историческая необходимость, и революция с ее волей к правде и справедливости.

Есть проекты, которые отнимают власть у финансовой и ресурсной олигархии. А для нее, для правящего класса, власть прежде всего. И этот класс скорее, извините, «задавится», чем пустит к власти новые лидирующие сверхиндустриальные группы. В России этот олигархический класс-тормоз пока что слаб. А противостоящие ему «новый сверхиндустриальный класс» и массы с их фундаментальным интересом, отстаиваемым этим «классом», в России могут состояться.

При всем трагизме нынешней российской ситуации субъекты нового здесь еще есть, и они не куплены так крепко, как на Западе. Массы здесь – культурны и осознают гнет. И вместе с тем понимают, что экологический гнет ляжет именно на них. Отсюда новая ситуация, повторяющая старую. Я уже говорил о ней. Россия – слабое звено в цепи эконоимпериализма.

И наконец, Россия – место стратегической оригинальности. Социализм создал для этого особый тип связи культуры и технологии. На Западе этого нет. А максималистские проекты как раз основаны на прорыве, на новых кардинальных стратегических идеях технокультурного характера. Это может состояться лишь здесь.

Не будем забывать о русском космизме и его связях с коммунистической идеологией. О космическом человеке, о космическом идеале. Об этом много писал талантливый исследователь марксизма Эвальд Ильенков. К сожалению, его мысли не нашли достойного отклика в нашем идеологическом развитии.

А. П.: Ваша партия понятна публике как широкое движение, предполагающее воссоздание СССР. Но раз так, то Вы не можете не ломать себе голову над тем, как это сделать. Всего один пример. Раньше была общегосударственная собственность, и с ее помощью можно было удерживать целостность страны. Теперь она не только перестала быть государственной. Она расхищена национальными элитами. Они на ней вспухли. Повторяю, это всего лишь один пример. Их много. Вот почему мой вопрос такой: какие рычаги вы собираетесь применить, чтобы восстановить территорию? Желания здесь мало.

О. Ш.: Об этом я много думал. Могу сформулировать по пунктам.

Первое. Посмотрим на Таджикистан и Афганистан. Для большинства республик отпадение от Союза, от сверхнационального красного государства, которое в этом смысле слова можно условно называть и продуктивной красной империей, это скатывание в глубокое средневековье.

Второе. Помощь Запада – блеф. Без помощи союзного целого его части нежизнеспособны. По крайней мере, эта жизнеспособность может быть куплена только ценой глубокого регресса к средневековью. Осознание этого обстоятельства на уровне элит в определенном политическом климате способно дать продуктивные результаты.

Третье. Да, имеет место национализм и даже феодальный этнотрадиционализм. Мы это видим. Но это, видимое, не есть вся жизнь обломков целого. Советский образ жизни не химера, и неизвестно, сколь глубоки наработки 70-ти лет. И нет ли в реальности того советского гиперэтнуса, той новой общности советских людей, над которыми так много смеялись в начале перестроечного процесса? Это ведь только на дне катастрофы можно понять до конца!

Четвертое. Есть смешанное население, дети от огромного количества смешанных браков. Их десятки миллионов. Это население, которое не найдет себе места в расщелинах узкого национализма, не сумеет там разместиться.

Пятое. Есть русский фактор, есть 25 миллионов русских, вдруг оказавшихся за рубежом. Это сильнейший фактор, если хотеть его продуктивно задействовать. Пока что такого хотения нет ни у власти, ни у оппозиции.

Шестое. Монополярный мир безраздельного диктата США – это геополитическая химера. Многополярный мир – неустойчив. Тип новой биополярности – не определен. В мире нет стабильности без СССР. И это скоро поймут очень многие.

Седьмое. Правый радикализм нарастает во всем мире. Этому значительно способствовали распад СССР и постсоветский коллапс на территории СНГ. И скажем прямо, без настоящих красных геополитический фашизм почти гарантирован, и это многим не нравится.

Вот типы энергий, которые можно использовать. Под каждый из этих типов можно создать механизм. Другое дело – каким будет Союз. Как мы будем его строить. Я убежден, что новый Союз должен быть прочнее прежнего. Это должно

быть союзное государство, а не союз государств. Формула обновленного Союза – «Союз народов, федерация территорий».

А. П.: Последний вопрос. Мы с Вами не были знакомы до путча. Вы позвонили мне вечером перед арестом 22 августа 1991 года. Войска уже ушли из Москвы. В эту оставленную ими сатанинскую дыру ворвалось все inferнальное, что копилось несколько лет, а то и десятилетий. Итак, Вы позвонили. И мы договорились встретиться. Наутро встреча не состоялась, Вы были арестованы. Ваша жена принесла мне документ для напечатания. Ваше заявление. Мы его напечатали. Потом тюрьма. Все, что могли, мы для Вас делали.

О. Ш.: Вы делали очень много.

А. П.: Мы делали то, что могли. Вы были первый гэкачепист, с которым я встретился, когда начали выпускать из «Матросской тишины». У Вас был посаженный низкий голос. Я взял у Вас первое интервью, завязалась дружба. Возникло доверие. Началось настоящее товарищество. Были заложены глубокие связи. Это крайне важно. Теперь – вопрос. Вспомним опыт большевиков. Все то же было. Дружба домами, близость, товарищество, и все это было принесено в жертву политической целесообразности, диктаторскому самовыражению. Началось самоизбиение, самовырезание. Как Вы думаете, не повторится ли это с сегодняшней оппозицией, когда она получит власть? Крайне важно сохранить некие маленькие архипелаги, куда можно приходить и ощущать себя вне опасности... Архипелаги дружбы! Останется ли это? Не окажется ли, что под гильотину «мобилизационного проекта» будет положено три четверти нынешней оппозиции? И сделает это оставшаяся мобилизационная четверть? Этот вопрос очень важен.

О. Ш.: Склоняю голову перед Вашей теплотой и вниманием, добротой. Я занимаюсь политикой, но товарищество для меня превыше всего. Я человек, очень приверженный товарищеским отношениям. То, что Вы говорите... Скажу одно: не дай Бог. Лучше ничего не затевать, если это так будет. Да, есть разное видение будущего и настоящего. Взаимное

уничтожение и унижение должно быть исключено. Именно коммунисты, пережив это, не захотят повторять свой трагический опыт.

Июнь 1995 г.

«Воля, победа»

(Диалог Александра Проханова
и Сергея Бабурина)

Александр ПРОХАНОВ: Сергей Николаевич, может быть, это будет выглядеть как чрезмерный комплимент, но я Вас по-прежнему отношу к числу блестящих представителей новой плеяды политиков. Такое мнение разделяют многие мои товарищи, да и противники тоже. Эта сущность Ваша, это качество не раз подтверждались в парламентских баталиях. Страна помнит Вас как рыцаря микрофона, в окружении своих товарищей Вы давали бой в парламенте. Вы были ярким политическим оратором. То была пора Вашего триумфального вхождения в политику. Вам прочили быстрый политический успех, Вы составили мощнейшую конкуренцию Хасбулатову, едва не выиграв у него первый парламентский бой. О Вас многие тогда говорили с восторгом, причем как о неизбежном будущем президенте. Вы и Ваши соратники – Павлюк, Константинов, Саенко – по существу, победили в конце концов к сентябрю 1993 года в Верховном Совете и завладели ситуацией на этом поле брани.

После шквального танкового обстрела Дома Советов, после крушения целого исторического периода и разгрома оппозиции Вы затихли, исчезли, будто ушли за какую-то тучу. И вернулись в новом качестве – новым думцем, парламентарием. Вы другой Бабурин, как все Ваше окружение, как и все мы. Другой Павлов, который не прошел в Думу, иной совершенно Константинов, прошедший через тюрьму. Исаков превратился в такого сдержанного, умеренного строителя законов, в нем

как будто исчезла вся его былая энергетика. Я хочу понять, что это такое, что это за новое качество. Может, это осмысленный переход к новому политическому витку или это внутренняя самодисциплина, а может, политическая усталость, понимание того, что в нынешней ситуации невозможно иным образом влиять на нее. Как Вы сами себя вписываете в новый контекст, что Вы такое – нынешний тихий Бабурин?

Сергей БАБУРИН: В тихом омуте, говорят, черти водятся. Я согласен, Александр Андреевич, что сегодня качественно иная ситуация, чем та, когда мы познакомились. Ведь самые первые наши встречи были еще при существовании Советского Союза. А затем начался хорошо организованный обвал государственных структур, и в тот момент, действительно работа в Верховном Совете была, может быть, наиболее заменой. Это была авансцена, хотя главные политические вопросы решались за кулисами. Но мы действительно что-то могли. И Верховный Совет Российской Федерации, первоначально внесший немалую лепту в разрушение великой страны, действительно к концу 93-го года стал другим. Мы уже были почти в большинстве. Считаю, что тогда и сегодня у нас цель была одна: осуществить преобразования в нашей стране и изменить жизнь к лучшему. Но в то время, если воспользоваться спортивной терминологией, был спринт. Почти все были уверены, что до нового качества жизни, более высокого, до светлого будущего остается несколько секунд. Последнее усилие – и мы все сделаем. Ломали и пытались создавать все стремительно. Государственный переворот осенью 93-го года стал тем рубежом, когда наконец большинство политиков в стране и большинство просто активных граждан осознали, что путь возрождения Отечества долог. Это стайерская дистанция, где нужно собрать в кулак волю и силы и быть готовым к трудным испытаниям. Сегодня действительно меньше приходится быть у микрофона, больше заниматься внепарламентской политической деятельностью. Потому что в 90-м – начале 91-го я был просто депутатом, который не входил вначале ни в одну из фракций; затем участвовал в создании

фракции «Россия», очень небольшой на уровне парламента. На сегодняшний день я руковожу общероссийской партией и отвечаю не только за себя, но и за тысячи людей, которые поверили в меня как в руководителя, доверили быть председателем Российского общенародного союза.

Не могу не сказать еще об одном моменте, который тоже объясняет, почему Бабурин сегодня другой. Когда я начинал свою политическую деятельность, еще в тени великой битвы между демократами и коммунистами, меня как в некотором смысле традиционалиста еще на старте можно было безбоязненно притормозить и не допустить на вершины политических баталий. Но этот момент был упущен. Я возглавил первую некоммунистическую оппозицию Ельцину. Тогда уже со мной и моими товарищами попытались разделаться самым примитивным образом – дискредитацией. Но очень быстро убедились, что чем больше грязи и лжи они льют на мою голову, тем больше укрепляется ко мне доверие российских граждан. И эти люди, я имею в виду разрушителей, тех, кто уничтожили нашу страну, сегодня сделали здравый вывод, что с Бабуриным бороться в открытую бесполезно. Его дело правое, значит, с ним нужно бороться умолчанием. Информационная блокада, которую нам устроили, очень жесткая. Например, по моему настоянию включается в повестку дня вопрос об экономических санкциях против Эстонии. Я делаю доклад на заседании, и Госдума, к изумлению нейтралов и либеральствующих интеллигентов, принимает постановление с требованием экономических санкций против Эстонии. Об этом узнают только в Эстонии. Одно упоминание вскользь в теленовостях – и ничего больше о столь важном и принципиально новом решении парламента. Если бы за этим решением стоял не Бабурин, а кто-нибудь другой, истерики или кликушества было бы изрядно, либо наоборот – спокойная информация в тех или иных изданиях. Но что делать, у нас пока монополия в средствах массовой информации гораздо более жесткая, чем в период социалистической державы. Так что Бабурин действительно изменился: и то время, пусть

небольшое, которое я провел на Петровке, 38, и вообще события сентября–октября 93-го года, бесследно не прошли. А с другой стороны, Бабурин не изменился, потому что цели, которые я себе поставил, сидя впервые в депутатах в 91-м году – сделать страну могущественной, обеспечить гражданам личную безопасность и высокое благосостояние, – остались неизменны. Но, к сожалению, они сейчас от нас более далеки, чем четыре года назад.

А. П.: Время от 91-го до 93-го года мне как писателю, как редактору газеты казалось удивительно сложным, пестрым и уникальным. На поверхность еще недавно монолитной советской жизни вдруг выпрыгнуло огромное количество экзотических явлений – движений, инициатив, характеров, типов. И реальность жизни мне представлялась удивительно творческой. Расстрел же Белого дома, как мне казалось тогда, в те ужасные дни, эту пеструю сложность как бы резко упростил, набросил на нее намордник и свел ее опять к угрюмой норме чрезвычайного положения. Пожалуй, не как политику, а как художнику утрата этой сложности мне казалась мучительной. Я думал, что опять политическая жизнь будет упакована в две-три формулы. Ничего подобного! Прежде, при всей сложности, общество делилось, грубо говоря, на два полюса: на одном, как в почке или бутоне, были «упакованы» так называемые демократы, которые реформировали страну, то есть уничтожали ее последовательно, поэтапно, а на другом соединились для коллективного отпора все те, кому это разрушение казалось страшным, неприемлемым. Мы с Вами сначала создавали объединенную лево-правую оппозицию, потом Фронт национального спасения, то есть идея соединения для этого отпора левых и правых, красных и белых – была тогда очень творческой и, кстати, удачной. Нам казалось, что мы совершили что-то невероятное. Астафьев тогда сказал, что мы действительно подвели черту под гражданской войной и предотвратили традиционный затяжной конфликт на новом историческом витке между красными и белыми. Но, повторяю, оказалось, что после разгрома российского парламента на время затих-

шая политическая реальность, упростившаяся мнимо, на мой взгляд, теперь еще больше усложнилась. Потому что эти две почки, два бутона раскрылись, и оттуда высыпалось огромное количество новых миров, явлений, оттенков и тенденций, которые прежде были не видны или не учитывались. Например, во властной квазидемократической сердцевине вдруг обнаружился национал-капиталисты и рядом с ними компрадоры, которые ведут между собой страшный бой на истребление, по существу превращая сегодняшний политический период в ежедневные единичные, а то и массовые убийства, переделы зон влияний, борьбу идеологий: Гусинский – Коржаков и т.д. Наш с Вами фланг тоже распался. Из этой табакерки высыпались уже созревшие фракции. Белые как националисты уже не хотят идти единым строем с красными, коммунистами, потому что они за это время возмужали, создали структуры, движения, обрели политический опыт. Красные, которые прежде очень удачно и справедливо формулировали некую надкоммунистическую общенациональную державную идею, вынуждены были для сохранения структуры партии опять сделать шаг к традиционному марксизму, традиционной коммунистической классике. А это мешает им стать общенациональной политической силой.

События в Чечне еще больше усложнили ситуацию. Началось что-то вроде соединения националистов. Национал-капиталисты вдруг нашли поддержку среди некоторых наших друзей, которые простили им ограбление народных карманов, побратались с ними, потому что на карту была поставлена целостность территории России. То есть национальный и геополитический мотив оказался сильнее, важнее социального, социалистического мотива. И наоборот, коммунисты-традиционалисты иногда по какой-то странной логике, загадочной для них самих, оказывались в одной упряжке с демократами.

Я мучительно пытаюсь создать карту, топографию сегодняшней политической жизни. Как Вы ее воспринимаете? В чем видите главное противоречие сегодняшнего момента?

С. Б.: Прежде всего подчеркну, что вместе со своими коллегами пытаюсь держать главный курс. Какие бы ветры ни дули, какие бы течения ни начинали оказывать влияние на наше движение, РОС и те политики, которые его возглавляют, продолжают держать курс патриотического традиционализма. И последние полтора-два года показали, что наше решение правильное.

Но если говорить о палитре, то я вспоминаю древние притчи или легенды. Во многих из них главный герой проходит через разные испытания, преодолевает массу препятствий, чтобы добыть, допустим, аленький цветочек. Но по воле этого колдуна рядом появляются миллионы абсолютно неотличимых цветов, и нужно найти именно тот подлинный, потому что, сорвав ложный, герой может просто погибнуть. На сегодняшний день патриотическая риторика напоминает вот это поле, где очень много лжи. Ведь когда диктор или политик по телевидению говорит, что интересы России для него превыше всего, многие принимают эти слова за чистую монету. И когда недавно один из наших известных телеведущих представил господина Гайдара и господина Федорова: «Сегодня у нас в гостях лидеры оппозиции», – кто-то мог действительно поверить, что это люди, которые противостоят нынешнему режиму и нынешнему социально-экономическому курсу. Вот почему разобраться в нынешней политической палитре достаточно сложно. Критерием для меня был и остается вопрос, как совместимы слова и дела того или иного человека. Что он сделал в своей жизни, чтобы его словам можно было доверять? И отсюда у меня достаточно холодные отношения с коллегами, которые возглавляют сегодня те или иные политические организации. Ко многим я просто не питаю доверия.

Вместе с тем считаю, что мы должны добиваться собирания истинно народных и патриотических сил в одно целое. Единым потоком нужно прошибать затор из тины и грязи, что создали между нами и завтрашним днем России. И именно для этого в свое время мы создавали Российский

общенародный союз, политическую коалицию самых разных организаций. Не получилось. Правые и левые в тот момент не смогли собраться вместе, это был конец 91-го года. И только через несколько месяцев, опять-таки при помощи РОСа как посредника, была создана объединенная правая и левая оппозиция. Затем, когда задачи оппозиции стали перерастать парламентские рамки, вместе с Вами и с нашими другими политическими и общественными деятелями мы создавали уже Фронт национального спасения. Не получилось. Не в ту сторону, на мой взгляд, пошел Фронт, очень многие организации покинули его или остались в стороне. Затем была попытка «согласия во имя России», затем попытка создать Координационный центр оппозиционных сил. Сегодня такая попытка предпринимается опять же при нашей поддержке, но не по моей инициативе, потому что четырехмесячные усилия мои, Валентина Ивановича Варенникова, Георгия Ивановича Тихонова, Станислава Николаевича Терехова объединить оппозицию успеха не имели. Сейчас остатки надежды в том, что увенчается успехом такая же попытка, которую возглавляет Николай Иванович Рыжков.

Но Вы правы в том, что государственный переворот 93-го года развел оппозиционные силы по разным углам. Если у нас в Верховном Совете был единый блок «Российское единство», куда входили Аграрный союз, «Коммунисты России», фракция «Россия», группа «Российский Союз», «Гласность», то в Государственной Думе, где есть очень весомые представительства, есть КПРФ, Аграрная партия и ряд близких по взглядам политических организаций, нет единой оппозиции, нет даже согласованности действий между этими партиями. Но я надеюсь, что предстоящие выборы будут все же вехой консолидирующей. После них в парламенте должна сложиться коалиция патриотических сил, и я надеюсь, что она будет иметь стабильное большинство.

А. П.: РОС сегодня – это, по существу, политическая корпорация, достаточно экспансивная, агрессивная в хорошем смысле слова. Должна быть некая гравитация – организаци-

онная, личностная и идеологическая, которая выделяла бы ее из ряда других патриотических движений. Что в РОС является цементирующей материей, этой ласточкиной слюной, которая позволяет вить гнездовье Вашего движения? Какова идеология РОС? Вы говорите: фундаментализм национальный. Что это в Вашем понимании? На какие противоречия в сегодняшнем мире Вы прежде всего обращаете внимание?

С. Б.: Если говорить о противоречиях, определяющих внутреннюю конфликтность в России, то первым из них, на наш взгляд, является противоречие между традициями государственности, организации общества и попытками навязать стране чужие политическое устройство и систему властных отношений, сложившиеся на иной, западной цивилизационной основе. Мы живем в эпоху межцивилизационного столкновения. Но к базовым, конечно, стоит отнести и противоречие между общенародным стремлением разрешить внутренние проблемы мирным путем и силовой политикой нынешних правителей, стремящихся удержаться у власти любой ценой. Ведь как только патриотические силы начинали выигрывать по тем правилам игры, которые были созданы и даже навязаны им, эти правила немедленно менялись, вплоть до перечеркивания Конституции. Необходимо выделить также противоречие между объективными потребностями развития национальной культуры и навязываемыми нам чуждыми духовными ценностями. Противоречие между необходимостью такого социально-экономического и технологического развития, которое обеспечивало бы России достойное вхождение в XXI век, и насильным внедрением экономических отношений, которые на деле отбрасывают страну на этап, давно уже пройденный промышленно развитыми странами.

РОС был создан осенью 91-го года в атмосфере антикоммунистического угара, последовавшего за августом 91-го, за запретом КПСС, разрушением всех основ нашего общества. Тогда многие сегодняшние патриоты находились еще в стане президента Ельцина и были лишь обеспокоены возможностью неконтролируемого разрушения, но еще в нем не участвова-

ли. Другие находились в шоковом состоянии и апатично не вмешивались в политику. Вспомните декабрь 91-го года, когда ратифицировались Беловежские соглашения. С пониманием и горечью должен сказать: да, среди тех коммунистов, кто проголосовал против ратификации соглашений, ни одного представителя фракции коммунистов России или фракции «Аграрный союз» не было. Чувство безысходности довлекло над многими...

Говоря о традиционализме, о третьем пути, отдавая день многим идеям евразийства, способным вычленив Россию как цивилизацию на стыке Запада и Востока, стали подходить к ключевому для нас понятию – российского пути. Сегодня мы уже заложили в партийной программе идею российского пути как главного стержня нашей идеологии. И это, наверно, действительно отсутствует в полном объеме в других программах.

А. П.: Сергей Николаевич, если говорить более определенно о российском традиционализме, то его основой является Православие. Православие – та мистическая философия, из которой, по существу, проистекала Россия. Оно определило тип власти, а также отношение к другим народам – мягкость, открытость, жертвенность. Православие определяло и тип культуры. Русское мессианство было связано, по существу, с идеей Нового Иерусалима. с идеей выкликания того часа, когда воздастся свое и доброму, и стяжателю – то есть присутствовал элемент чисто социалистический, – а также вхождения в Град. Здесь опять русское мистическое чувство всеобщего неизбежного блага, которое достигается через страдание, через огромный крестный путь индивидуума или народ в целом. В Вашей философии и в Вашем облике, в Ваших изречениях вот этого фундаментализма нет, есть как бы тень его, намек на него. Поэтому когда Вы говорите о традиционализме, то что это такое? Это геополитическая традиция или это соблюдение неких идеалистических навыков? В чем традиционализм Вашей партии?

С. Б.: Нельзя путать традиционализм и клерикальность. Все, кто идут по этому пути, представляют патриотов, тра-

диционалистов бородатыми мужиками, которые кроме икон и лаптей ничего не знают. Православие, по моему глубокому убеждению, – это неотъемлемая часть русской культуры и ее продукт. Именно наши национальные традиции смогли преломить христианство в его византийской форме и создать ту Русскую Православную Церковь, которая отличается от других, которая вобрала в себя опыт и черты мировой религии вместе с опытом национальной жизни. Поэтому, определяя РОС как партию традиционализма, мы сказали, что российский путь – это исторический союз традиционных для России конфессий. Стержнем нашего государства, нашего народа являются русская нация, Православие, но мы не можем не видеть и те нации, которые столетиями жили вместе с русскими. Мы не можем не видеть их иной конфессиональной принадлежности, которая не препятствовала участию в совместной жизни и в совместном формировании единой империи. Хочу подчеркнуть, Россия исторически формировалась как централизованная многонациональная империя, раскинувшая на необъятных просторах Евразии. И я лично никогда не боялся слова «империя». Ни когда меня обвиняли в 90–91 годах, что я занимаю великодержавные позиции, ни потом. Да, я за великую державу, я этого не стыжусь. И Вы помните, что тогда людей, которые откровенно стояли на таких позициях, было очень немного, они в основном группировались вокруг газеты «День». Остальные все бежали от слова «империя» как черт от ладана.

А. П.: Вы как националист, патриот, скажите: почему мы не создали правого консервативного русского движения?

С. Б.: Прежде всего хочу подчеркнуть: понятие «правый» или «левый» достаточно чужды сознанию и культуре России, даже политической. Но если все же попытаться исходить из них, мы вынуждены будем сказать, что правое движение всегда было обречено на поражение. В определенном смысле оно противоречит принципу соборности, чувству единения. Основой правых позиций является частная собственность, эгоизм экономический и духовный. Успех же в России имеют только те течения или организации, которые

могут соединять консерватизм в здоровом его виде, принцип стабильности и планомерного реформирования с нашими традициями экономического уклада, в том числе общинным принципом жизни, коллективным видом землепользования и земледелия прежде всего. Отсюда, я убежден, серьезные проблемы многих антикоммунистических организаций патриотического направления. Отторжение русским человеком прямых антикоммунистических взглядов неизбежно. Весь вопрос в том, когда люди будут поддерживать не тех, кто красиво разглагольствует о социальной справедливости, а тех, кто реально борется за нее, порой даже не называя себя ни коммунистом, ни социалистом. Коммунизм свою роль ведь сыграл. Я уверен, что теперь необходимо будет строить державно-политическую идеологию. И не зря последние несколько лет вчерашние лидеры «Демроссии» стали говорить на языке патриотов. Послушаешь Андрея Козырева, так он сегодня больший христианин, чем сам Папа. Но насколько это искренне? Думаю, что ничего искреннего в этом нет.

Американские аналитики месяца два тому назад проанализировали три варианта ситуации в России: демократическую, неоккоммунистическую и традиционалистскую. Они пришли к выводу – и проинформировали господина Клинтона накануне его визита в нашу страну, – что «демократическая» альтернатива в России невозможна, и шансов у Явлинского, Шахрая, Собчака нет. Нужно ориентироваться на поддержку неоккоммунистической, как более совместимой с западной шкалой ценностей. Традиционализм эти аналитики не без основания отождествляют с твердой протекционистской линией экономики, поворотом нашего внимания не только к Атлантическому блоку, но и к Китаю, Японии, Корее. Это, кстати, говорит о том, почему сегодня пытаются создать дилемму в лице Черномырдина и Рыбкина: чуть-чуть правый блок, чуть-чуть левый блок. И более лояльно относятся к любым официальным коммунистическим организациям, чем к организациям национально-патриотического профиля, которые стремятся дискредитировать через каких-то дутых деятелей

типа господина Веденкина. Хлестаковщина у нас очень развита сегодня. И искренне идущая от лица, и усиленно насаждаемая спецслужбами.

А. П.: Появление блока Черномырдина вообще многих наших коллег отрезвило. Потому что возникла угроза их тотальной победы. Все поняли, какие у администрации и исполнительной власти огромные возможности. К тому же теперь используются суперсовременные технологии – пропагандистские, психологические... Это сила, и может так произойти, что третий проигрыш – после 91-го и 93-го – одолеет наше разрозненное воинство. И сколько же можно быть в оппозиции, сколько быть в конфронтации с властью? И может случиться, что проигравшую оппозицию будут терпеть и даже подкармливать как атрибут демократического общества. Но ведь смирившиеся с подобной оппозиционной ролью лидеры страшны для нации, потому что заводят ее в огромные исторические тупики. Как Вы расцениваете появление блока Черномырдина, степень его опасности, степень его эффективности?

С. Б.: Нисколько не боюсь блока Черномырдина и считаю, что получить власть демократическим путем у него нет никаких шансов. Больше боюсь прикормленных оппозиционеров. Ведь сегодня почему у нас не возникло единого блока в парламенте? В том числе и потому, что многие политики, относящие себя к оппозиции, по ключевым вопросам голосуют только так, как это правительству и президенту нужно. Классический пример – это, конечно, господин Жириновский. Но ведь по бюджетным, по ряду других вопросов правительство опирается и на Аграрную партию, которая, по существу, вместе с «Выбором России», вместе с ЛДПР и рядом других партий является сегодня правящей. В этой связи я только рад появлению блока Черномырдина, но и не осуждаю некоего блока Рыбкина. Призываю своих коллег не спешить с юридическими усилиями в целях разрушения этих блоков. Вспомните, когда Святослав шел на печенегов, он ставил их в известность, чтобы не гоняться зря по степям, чтобы они собрались вместе, и он бы их всех и изрубил. Коллегам я го-

ворю: «Дайте всем паукам собраться в этих двух банках: в банке Черномырдина и в банке Рыбкина. Легче будет разобрататься, кто есть кто, когда человек официально запишется в партию начальника или в партию официально назначенной оппозиции. Да здравствуют две банки пауков!»

А. П.: Вот Вы не просто профессиональный политик, Вы лидер партии, человек, который решил посвятить себя строительству организации, идущей своим путем. Вы намерены вступать в коалицию, но вовсе не торопитесь вливать свои, пускай не очень большие, потенциалы в чужие сосуды, как сделали многие наши союзники и, в общем, в каком-то смысле потеряли свое лицо. Но вот что меня тревожит. Я и нынешние политики, близкие мне люди, друзья – это в основном политики филологического склада. Они формулируют идеологии, они пытаются создать политические комбинации, они очень склонны к риторике. Но они не занимаются технологиями, они не оснащены аппаратом, штатом, ансамблем специалистов, которые могли бы вписать их движения в этот страшный политический контекст, который наполнен информационной войной, огромным количеством ловушек, блефов, ложных целей, мгновенных изменений. То есть сегодняшняя политическая борьба – это вовсе не риторика, вовсе не Нагорная политическая проповедь, а страшная схватка аналитических группировок, поединки технологий. Вы готовите свое окружение к такой схватке? Вы готовы входить во власть так, чтобы на год вперед знать свое поведение, технологию воздействия на общество? Есть ли в Вашем движении хоть зародыши этих технологических решений?

С. Б.: С огромным удовольствием слушал Ваш вопрос, Александр Андреевич, потому что ответ на него в какой-то степени еще раз объяснит, почему Бабурин сейчас другой. Раньше Бабурин был вот на той макушке айсберга, которую видят все. Последние же два года я осознанно работал, в основном в той части, которая находится под водой. Да и не боюсь, что сегодня о РОС знают меньше. Придет время – узнают. Мы можем преподнести очень большие сюрпризы,

и мы их, смею уверить, преподнесем, потому что все то, о чем Вы сейчас говорили, у нас есть. Есть люди, работающие в аналитическом центре, которым, я не побоюсь сказать, нет равных в любой другой партии, находящейся в оппозиции. Мы не кричим, мы просто действительно работаем. Создаем партийные структуры на местах, опору среди профессионалов. Мы не хотим, чтобы после нашего прихода к власти мы оказались в положении Лукашенко, Кучмы, вынужденных опираться на недавних противников, потому что больше не на кого. Мы работаем, и уверен, что партийный список РОС, когда он будет официально заявлен, произведет надлежащее впечатление и на друзей, и на врагов. А пока я действительно это не афиширую и вообще не высказываюсь по персоналиям, потому что мы желаем здоровья людям, с которыми работаем. Если же говорить о том, что в принципе известно по итогам нашего четвертого съезда РОС, то мы дополнительно избрали руководящих должностных лиц в партии. Моим заместителем стал депутат от Кубани Сергей Александрович Глотов, он подполковник, философ. Секретарем-координатором в партии избран Станислав Терехов, председатель Союза офицеров. Именно поэтому он был нашим единственным кандидатом на выборах в Коломенском избирательном округе, где получил 20,5 процента. И это при том, что первоначально РОС планировал выдвигать двух кандидатов. Но Союз офицеров тогда выдвинул Терехова, а так как других кандидатов на тот момент от оппозиции не было, мы высказались за то, чтобы был единый кандидат. А затем появился кандидат от КПРФ Герман Степанович Титов и ряд других. Мы поняли, что на выборах очень непросто находить общий язык даже с союзниками. Но будем все-таки искать этот общий язык.

А. П.: Поскольку Вы показали маленький краешек своего носового платка, сказали, что Вы оснащены технологиями, мне бы хотелось узнать приблизительно следующее: все мы державники, сторонники империи. Разрушение Союза, этого геополитически превосходного сооружения, отзывается как личная трагедия каждого из нас. И все мы так или иначе в

своих программах ставим задачу восстановления нашей великой имперской целостности. Как Вы представляете себе технологии, с помощью которых нам удастся соединиться в новую империю?

С. Б.: Это, несомненно, один из ключевых вопросов, и именно поэтому он четко решен в нашей партийной программе. РОС является сторонником Российского Союза. В программе мы говорим о двух путях по созданию нашего единого государства. Первый – это присоединение к Российской Федерации территорий или прежних республик на правах членов субъектов Федерации. Причем не обязательно по решению парламента республики, а по волеизъявлению населения данной территории. Мы не скрываем, что считаем необходимым уже сегодня ставить вопрос о присоединении к России Приднестровья, Абхазии, а после проведения референдума – Крыма и любых других территорий, например Северного Кавказа, Северного Казахстана, если население там примет соответствующее решение.

Второй вариант, может быть, более спокойный, хотя и длительный, – это создание Российского Союза через соединение нынешней Российской Федерации и Белоруссии, Украины и других республик. Шаг к этому мы сделали, по моему предложению на заседании Госдумы было принято решение о подготовке на декабрь 95-го года российского референдума по вопросу восстановления государственного единства с Белоруссией – создания экономического, политического и оборонного союза Белоруссии и Российской Федерации, а также единых органов государства. Для этого нужно, конечно, разговаривать с нашими белорусскими коллегами. Первый шаг ими сделан, и мы, я думаю, должны быть признательны им за мужество и решимость. Референдум об экономическом союзе дал 80 процентов голосов. Но мы должны проявить ответственность и сказать, что экономический союз без политического и оборонного – это блеф. Не может существовать единого экономического пространства без социальной сферы, которая его оформляет, без политически отношений, которые его прикрывают.

Поэтому необходимо воссоединение с Белоруссией. Я уверен, что тогда аналогичный процесс пойдет и на Украине, и в Казахстане, и, может быть, в других республиках. И здесь все будет идти цивилизованно. Причем единственное, что пока этому не способствует, – это отсутствие на то реальной политической воли в высшем российском руководстве. Пока в Москве, к сожалению, чаще бьют по рукам, протягиваемым к России, будь то руки Казахстана, Белоруссии, Таджикистана или других.

А. П.: Несмотря на все потери и проигрыши, оппозиция все-таки сделала довольно многое. Ей удалось навязать противнику свою лексику, а это немаловажно, потому что слова постоянно прорастают в мысль, а мысль в поступки. Люди начинают действовать в атмосфере привычных представлений, и, по существу, наша тенденция, наша идея начинают осуществляться на практике. Мы видим, что тот же Козырев, который является внутренним врагом и такой подсадной проамериканской уткой, уже вынужден действовать по отношению к Сербии, Ираку по-нашему. То есть мы как бы руками бесов делаем Божье дело. А потом народ в целом на своем капиллярном, молекулярном уровне самыми разными непонятными формами травяного сопротивления выдавливает из себя этот топор в спине или осколок в сердце. Конвульсиями, муками, вздохами, каким-то закатыванием век, каким-то потягиванием этот осколок выдавливается, живая ткань окружает себя защитной оболочкой... Вот Вы молодой человек, деятельный, я вижу Вашу деятельность, восхищаюсь ею и хочу понять психологию Ваших внутренних поступков, Вашу мотивацию. В чем Ваш модус? Может, это азарт молодости, может, азарт конструирования движения политического, или это момент честолюбия, славы, известности, чувство долга? Или это чувство ненависти к врагу, который заставляет Вас бросить все остальное и взяться за вилы? Или это чувство мистической любви, или действительно мессианство, когда ангел появляется, как у Жанны д'Арк, и говорит: «Иди, гори, но спасай!»?

С. Б.: Я человек эмоциональный, но сдержанный. Вырос в сибирском городе с двадцатитысячным населением,

где если не каждый горожанин всех других знал, то все-таки большинство людей были знакомы. И поэтому я привык, если иду по улице и встречаю человека, здороваться, даже если я его не знаю. Я привык быть вежливым даже с политическим противником, стараюсь, по крайней мере. Родители воспитывали меня в русско-советских традициях: думать не только о себе, заботиться прежде всего об общем деле, о друзьях, уважать старших. Мне было страшно тяжело видеть, какому осквернению подвергаются наша история, плоды и результаты работы поколений, предков. Может быть, здесь основа того консерватизма, который делает меня таким, какой я есть. Конечно, сказались и многое другое. Никогда не забуду своего внутреннего состояния в Афганистане, где я служил солдатом, когда я увидел человека, у которого заживо сняли кожу. Тогда я дал себе зарок, что буду делать все от меня зависящее, чтобы это не пришло ко мне на Родину. Может быть, подобные эмоции заставляют быть жестким по отношению как к врагам, так и к соратникам. Потому что без требовательности и принципиальности нельзя. У меня бывают сложности и сегодня, когда приходится говорить людям в глаза неприятные вещи. Но я все-таки предпочитаю делать это, даже если потом у меня портятся с ними отношения.

А. П.: Я почему-то запомнил одно выражение Вашего лица. Моментальная такая память. Это было днем 3 октября около мэрии. Стекла валялись битые, была разбросана проволока. Уже в Останкино поехала первая группа защитников Белого дома, кольцо было прорвано. Кругом царила атмосфера радости, ликования, а Вы стояли, и у Вас было белое-белое лицо, без единой кровинки. Что это было? Страх или предчувствие чего-то ужасного? Вы ждали на следующий день разгрома, катастрофы, избиения в подъездах? Что Вы сейчас со своей прогностической сущностью ожидаете: катастрофы, взрыва или достаточно мирных выборов? ... Вот произошла трагедия в Буденновске, и сразу – голосование о недоверии правительству. Каково ваше место в этом вспыхнувшем противостоянии законодательной и исполнительной власти?

С. Б.: Для депутатов – членов РОС не возникало проблемы, как голосовать по вопросу о недоверии правительству. Мы были инициаторами его постановления, ибо наши подписи стоят среди тех, кто добился внесения его в повестку дня. А эти подписи собирались еще до Буденновска. Главная причина, почему мы требовали отставки кабинета Черномырдина, – это полное фиаско президента и правительства в экономике и политике. Последовавший затем фарс с инициативой Черномырдина высказаться «о доверии правительству» ничего не меняет. Безусловно для нас только недоверие. Только уход нынешнего правительства может очистить дорогу для преобразований в интересах большинства населения.

Разумеется, очень неоднозначно мы восприняли ситуацию в Буденновске. Нельзя там все списывать на стрелочника, как нельзя списывать на стихию трагедию Нефтегорска. Кто-то ведь должен отвечать, почему были закрыты сейсмические станции, почему дома, полный износ которых констатировало еще последнее правительство СССР и которые должны были быть либо расселены, либо через капитальный ремонт фундаментально укреплены, – эти дома оставались нетронутыми и в них по-прежнему жили люди? И я был инициатором решения парламента о создании специальной комиссии по расследованию причин трагедии в Нефтегорске. Мы также далеки от того, чтобы винить в случившемся в Буденновске только инспекторов ГАИ, пропустивших бандитов, а затем превозносить до небес мудрость правительственного решения. Ведь чудовищный прецедент выполнения политических требований террористов еще отзовется страшным эхом на всей территории России. Преступники должны жестоко караться, это однозначно.

Буденновск продемонстрировал неспособность правительства обеспечить безопасность людей. Поэтому мы требовали отставки не только силовых министров, но и правительства в целом. Говорят: почему вы не хотите заметить возможность роспуска парламента? Я отвечаю, что РОС всегда выступал за скорейшие выборы президента и нового парламента, будь то декабрь или, скажем, октябрь 95-го года. Мы готовы участво-

вать в выборах даже в самых неблагоприятных условиях. Мы также прекрасно понимаем, что главная причина, заставляющая правительство искать сегодня псевдокомпромисс с парламентом, – это цель провести через Госдуму нынешнего созыва утверждение бюджета России на 96-й год. Ни президент, ни правительство не хотят выходить с ним на следующий депутатский корпус, понимая, что тот будет более жестким, более требовательным. Надеемся, что будущий депутатский корпус поддержит и новую налоговую реформу. А это совершенно изменит бюджет. Что за этим стоит? Ну вот я еще за два дня до голосования по недоверию правительству был в своем избирательном округе – городе Омске. Встречался с людьми на некоторых предприятиях или «числящимися», работающими там, вообще с избирателями. В чем сегодня может быть апофеоз «стабилизации» по Черномырдину? В том, например, что в начале июня на одном из крупнейших наших оборонных предприятий, заводе подъемных машин, выдали аванс за сентябрь прошлого года? Вот что такое черномырдинская экономическая политика. И таких примеров множество.

Экономический развал и отсутствие безопасности граждан – главные причины, по которым мы выступаем за уход правительства Черномырдина. Мы за смену всей сегодняшней ситуации. Ведь после того, как президент отклонил решение парламента о недоверии правительству в целом, мы потребовали сменить не только Ерина, Егорова или Грачева, но и Чубайса, и Сосковца, и Козырева. Средства массовой информации сделали вид, что такого не было, хотя на самом деле в Думе такой вопрос рассматривался. Между тем у нас должно стать нормой: если правительство провалилось, его спокойно, без истерик и воплей, выгоняют в отставку и формируют новое. И большинство населения не должно терять время на обсуждение этих вопросов. Они должны лишь добиваться того, чтобы депутаты непосредственно выражали их волю. Ну сменили Силаева, сменили Гайдара, ушел, не отчитавшись, с поста главы правительства Ельцин, – как говорится, Луна или Солнце на Землю не упали.

В 93-м году РОС был одним из инициаторов создания комитетов «За честные и свободные выборы». Тогда они не смогли заработать в полную силу. Сегодня мы вновь выступаем за то, чтобы общественность, все политические силы, независимо от взглядов и политических пристрастий, создали бы такие комитеты и сообща обеспечивали объективные результаты голосования. Вероятность разного рода фальсификаций будет зависеть от конкретных людей, от конкретных участковых комиссий, от конкретных наблюдателей. Я уверен, что в наших силах обеспечить, чтобы выборы были объективными.

У меня за два последних года никогда не возникало желания выйти на защиту Государственной Думы так, как я вышел на защиту Верховного Совета, защиту Конституции осенью 93-го года. По существу, наиболее значимое решение парламента за все время – это и есть решение о недоверии правительству Черномырдина. Дай Бог, чтобы эта правильная, красивая, благозвучная тональность стала завершающим аккордом нынешней Думы. И не дай Бог, чтобы она завершила свою работу с позором. Будем идти на выборы.

А. П.: Победы Вам на выборах! Я думаю, что мы будем с Вами встречаться не на разбитых стеклах и руинах нашей страны, а в каких-то славных, добрых и прекрасных деяниях.

С. Б.: Спасибо, Александр Андреевич, и Вам, и Вашим товарищам по цеху. Я думаю, что вначале должны победить Вы, прорвав вот этот информационный отравленный пояс, и тогда уже придут победы политические.

Июль 1995 г.

«Справедливость — понятие вечное»

*(Диалог Александра Проханова
и Людмилы Вартазаровой)*

Александр ПРОХАНОВ: Мы познакомились с Вами, Людмила Степановна, в 1990 году, в кабинете Прокофьева,

первого секретаря МГК КПСС. Москва была охвачена идеологическим и политическим возбуждением. В столичных коридорах власти дули новые ветры, открывались двери, что еще недавно были почти запечатаны. Ощущалось, что партия, государство, социум в целом переживают какую-то конвульсию. То ли собирались родить, исторгнуть из себя нечто, то ли тряслись в лихорадочном ознобе.

Вы, находясь в идеологическом фокусе тех лет, не могли не ощущать того же. Более того, думаю, сами Вы были введены в должность идеологического секретаря московского горкома этими переменами, связанными с идеологической мутацией. Москва была центром коммунистической идеологии. И вот ее парторганизация оказалась расколота на «консерваторов» и «модернистов». Через Вас проходили их явные и неявные противостояния. Вам ведомы явные и неявные конструкторы тех внутрипартийных нововведений – идеологических и организационных. Вы присутствовали на заседаниях Политбюро, куда сопровождали лидера городских коммунистов Прокофьева и на которых решались судьбы Москвы и судьбы страны. Вы знаете, что такое Попов, его роль в столице. Расскажите об этом малоизученном, в сущности, периоде.

Людмила ВАРТАЗАРОВА: Я недолго побывала на партийном олимпе. Начинала в академическом Институте энергетических исследований, где возглавляла «первичку» из тридцати трех человек. В 1988 году мы задумали провести академическую, общепартийную конференцию, инициировали образование совета первичных организаций КПСС. В 1989 году меня «десантировали» на аппаратную, партийную работу секретарем Октябрьского РК КПСС. Я очутилась на «острове демократии», который Илья Заславский пытался создать внутри «консервативной» Москвы. «Демократия в одном отдельно взятом районе», если угодно.

С декабря 1990-го я перешла в горком. Это было уже на излете времени КПСС.

Вот этот период – два с небольшим года перед концом Компартии – я могу осмыслить как свою партийную карьеру.

Партия всегда была живым духовным организмом, отнюдь не совокупностью высших сановников из ЦК, Политбюро и их клевретов на местах. К началу горбачевской перестройки в партии накопилась жажда реформ, перемен – идеологических и организационных, как Вы сказали. Горбачев лишь эксплуатировал ее. Он и не позволил развернуть демократические реформы в КПСС. Ибо иначе КПСС не смирилась бы с «перестройкой».

Партия 70–80-х застыла на свойственном прежним советским эпохам понимании социалистических идей, социалистического опыта. Между тем советское общество сделалось за десятилетия неизмеримо сложнее – и духовно, и организационно. Потому потребность в реформах внутри КПСС была налицо. Ее особенно остро осознавали люди, пришедшие, как я, на высокие посты в аппарате КПСС не номенклатурными путями. Из науки, с производства. Люди, привыкшие делать дело, размышлять, анализировать, а не просто «осуществлять общее руководство», «куруковать».

Эта смена затронула, кстати, не обкомы, а городские комитеты КПСС.

Мы пришли с искренним желанием реформировать, превратить КПСС из государственной машины в политическую структуру, которая несла бы в общество добро и созидание. Это был шаг максимально осознанный, ибо тогда принадлежность к партаппарату не давала никаких привилегий, зато сама по себе выводила на политическую «линию огня».

Интуиция и опыт подсказали нам, что та «черная дыра», в которую проваливались перестроечные усилия и энтузиазм некоррупцированных управленцев, находится в высших эшелонах партийной власти. Если реформировать что бы то ни было в КПСС – следует начинать оттуда.

Партийные реформаторы затеяли реформы. Подули новые ветры.

КПСС была огромной. В ней «состояли» очень разные идеологии: от монархистов до коммунистических фундаменталистов. Весь спектр реальной политики был упакован

в единую структуру. Политика «проснулась», ее разбудили партийные энтузиасты-реформаторы, шедшие до поры рука об руку с горбачевскими «гласностью и демократизацией». Структура задрожала в конвульсиях.

В Москве эти процессы были особенно заметны. Московская организация по своему статусу могла себе позволить несколько большую самостоятельность. В ряду руководителей «первичек» скопилось множество социально активных людей: они хлынули в московскую политику.

С академическими партийными организациями, с которыми я была связана, в стране всегда считались. Мы выходили со своими платформами и на XIX партконференцию, и на XXVIII съезд КПСС. Мы пугали горбачевский ЦК своими инициативами: конференцией академических парторганизаций по СССР, совещанием секретарей горкомов городов-героев к 50-летию начала войны. Все это не нравилось соседям по Старой площади. КПСС – жестко выстроенная вертикальная структура. А тут появляется довольно сильная и авторитетная «горизонталь». Это были нежелательные для Горбачева попытки партии «выстроиться» самой именно как политической организации.

Лидер коммунистов столицы Юрий Анатольевич Прокофьев признавал право людей на взгляды. Вероятно, он не сразу к этому пришел. Но я застала его таким. Еще до моего прихода в горком с ним была команда Сергея Кургиняна; эти люди вынашивали проекты партийных реформ, сценарии будущего страны. Мы прекрасно находили с ними общий язык. Мне лично довелось «продавливать» публикации в «Московской правде» «Семи сценариев выхода из кризиса» Кургиняна, работ его команды по «литовскому синдрому», по финансовой войне Запада против СССР. Мы обсуждали эти документы во многих московских парторганизациях – в академических и технологических институтах, на производстве. Люди откликнулись. Они отвыкли от идеологического соучастия в деятельности КПСС: раньше и теперь идеологию «делали» одни и те же люди.

Я выскажу, быть может, парадоксальную мысль. На XXIX съезде КПСС, если бы он состоялся тогда, когда его требовали самые разные группы в партии, КПСС неизбежно бы раскололась. Для самой КПСС – в свете ее дальнейшей трагической судьбы – лучше было бы пойти на это уже на последнем, XXVIII съезде. Выделилась бы традиционная фракция – в контурах нынешней КПрФ. Ушли бы социал-демократы и «модернизаторы», то есть те, кто хотел бы реформировать КПСС в рамках социалистических ценностей, близких к пониманию «русского социализма», отвергнув и фундаментализм (классовую борьбу, «диктатуру пролетариата»), и западную социал-демократическую идеологию и практику.

Да мало ли что было, если бы...

Не успели.

«Новым людям» в партии казалось, что хватит времени и сил «довернуть куда надо». Это знали и те, кто не хотел реальных преобразований в КПСС, кто желал ее исчезновения. Полагаю, в значительной мере «внезапность» августовского, 1991 года, переворота была предопределена и этим. Дело явно было не только в Союзном договоре. Горбачевцы опасались обновленной КПСС, ее политического самоопределения.

А. П.: КПСС рассыпалась в один день. И вместе с ней – государство, вся глобальная мегамашина коммунистической политики и идеологии. Мистическое исчезновение этих огромных энергий – людей, структур – не поддается рациональному осмыслению.

Идеологические и организационные реформы внутри КПСС, какими бы благими намерениями ни руководствовались реформаторы, кончились отлучением партии от государства. Государство сделалось, по существу, бесхозным. «Партийный ренессанс» обернулся распадом государства. Как, почему? И отчего 22 и 23 августа коммунисты не вышли защищать свои райкомы, обкомы, горкомы, партийное имущество, банки, святыни, знамена, красные звезды и монументы Ленину?

Л. В.: С 60-х годов КПСС подверглась сугубому огосударствлению, стала утрачивать политические параметры.

Одно из этих драгоценных и утраченных свойств – идеологическая убежденность. Убежденность искренняя, которая несродна убежденности бюрократа в «благости» кормящего его государственного «выгона». Ныне госаппарат тот же, а Россия изменилась неузнаваемо.

Тогда же, с 60-х, партия, а вместе с ней и общество стали утрачивать политический динамизм, волю к организационным рывкам, потенциалы для великих преобразовательных проектов.

К 90-м годам в КПСС число людей старшего поколения, пришедших в партию по убеждению, резко, вследствие демографических причин, упало. Эти люди, кроме того, не сумели предложить следующему поколению коммунистов формулу идеологической и моральной преемственности.

Сошлюсь на личный опыт. Однажды выдвинули кандидатом в депутаты райсовета. Заодно рекомендовали задуматься о вступлении в партию. Мой отец был убежденным коммунистом. Я же совершенно искренне сказала, что не чувствую себя готовой. По общению с окружающими мне казалось, что партийность – это ответственность. Была середина 60-х годов. В 70-х в партию пришли «прагматики». Это поколение уже не отслеживало убеждений окружающих, тех, с кем сживало на партсобраниях. Идеология, однако, сплавлена с моралью. Поколение партийных «прагматиков» оттеснило «романтиков оттепели». «Прагматизм» обернулся «цинизмом». Количество перешло в качество. Я вступала тогда в КПСС, зная, что ничем не хуже тех, кто меня туда принимает.

Профессиональные структуры партии превратились в обыкновенный чиновный аппарат. Партийцы стали воспринимать себя как чиновников. Чиновники сменили политруков военного и мирного времени. Потом их стали шельмовать: все ценности перевернулись на 180 градусов. Измену Родине превозносили как «такой способ борьбы с коммунистической системой».

Аппарат, в отличие от дееспособной политической организации, не так уж и трудно ликвидировать, распустить, «сократить».

В 1991 году КПСС, в сущности, «сократили за ненужностью».

Чиновники ошельмованного, искусно и многократно пропущенного через публичное позорище аппарата – самого большого аппарата страны – разошлись по домам.

Никто особо не возражал.

Поразительно: в августе–сентябре 1991 года «демократы» из райсовета, а не партийцы, мешали омоновцам захватывать райкомы. Среди них было много искренних людей: им не нравилось насилие. Меня это потрясло! Что же надо было сделать с сознанием людей, рядовых коммунистов, какую же ненависть к своей партии надо было в них вселить!..

Страшнее всего было 30 декабря 1991 года, когда советский флаг опускался над Кремлем и торжественно поднимался российский триколор. И – тишина...

А еще за партийной беспомощностью угадывался страх. Страх, генетически захваченный из прежних эпох. 23 августа я вышла из здания ЦК Российской компартии, там были еще последние телефоны, по которым мы могли общаться с внешним миром. И недели три после того просыпалась по ночам от звуков проезжавших автомобилей. Я признаюсь в этом совершенно искренне: ждала, что за мной «приедут». Власти всегда в России боялись...

А. П.: Однако в октябре 1993 года – в отличие от 1991-го – тысячи людей в Москве вышли оборонять от власти свои ценности. Люди шли безоружными на пулеметы и «бэтээры».

То загадочное и тотальное отчуждение 1991-го от своей партии, корпорации, от государства, от понятия Родины, отчуждение, застоявшееся за 70 лет конструирования нового человека и нового общества, – ныне медленно преодолевается.

С другой стороны, что же это за феномен – отчуждение? Когда нажимались кнопки в военкоматах, приводились в действие рычаги в советских системах принуждения, отчуждение, бывало, легко преодолевалось. Люди шли воевать, ехали на стройки, на освоение целины. Строили КамАЗ, БАМ, Атомаш. Были порывы самоотверженности, связанные со слияни-

ем, с судьбой государства и общества. Какой сбой произошел в недрах этого непрерывного процесса суперконструирования, который мы называем социализмом, коммунистическим строительством? Из ритуальных коммунистических оболочек излетел «идеологический ангел»?

Вы и многие другие коммунисты той трагической поры не изменили своим ценностям, своей судьбе. Продолжаете выстраивать заново то, что рухнуло. Энергии социальной справедливости и гармонии, льющиеся из поколения в поколение, никуда не исчезли. Угнетенные – они присутствуют в обществе. Они реализуются через вас. Чем одарит нас нынешняя стадия социалистического мирознания? Одарит ли вообще?

Л. В.: Мы в советское послевоенное время привыкли сражаться с врагом внешним. Это уникальное ощущение – защищать не только себя, свою семью, но и нечто превосходное – Родину, то есть смысл, связующий живых и мертвых. Типично русское ощущение.

Враг СССР и России 80–90-х оказался внутри СССР и России. Психологически нам трудно сражаться с внутренним врагом. Это напоминает битву с самим собой.

Далее, я не согласна с тем, что социалистическая идея сконструирована искусственно. Ядро социалистической идеологии «намыто» историей духовных исканий человечества в Новое время. Вдобавок русская личность более склонна к коллективизму, более солидарна, чем западная. Нуждается в «звездочке, сияющей над горизонтом», в «общей правде». Социалистические ценности базировались на религиозных. Просто они предстают в разных понятийных оболочках.

С нашей точки зрения, в систему современных социалистических ценностей – «русский социализм» – входит в первую очередь идея справедливости. Мы признаем ценностью свободу – до тех пор, пока свобода не ущемляет свободу рядом стоящего человека. Мы признаем ценностью и равенство – но не уравниловку, нарушающую справедливость. Равенство – с

точки зрения прав и возможностей. Человек – народ – общество – государство. Такова эта иерархия по нисходящей. Это перевернутая «советская пирамида».

Почему я говорю о равенстве возможностей и прав в сочетании со справедливостью? Справедливость не должна быть одной для Бурятии, другой для Нечерноземья.

Солидарность мы понимаем как неравнодушие к ближнему, как солидарную ответственность. Эта формула – реакция на современность, хотя идет от Вернадского, Тейяра де Шардена. Ответственность за прошлое и будущее.

Это не есть аналог «концепции устойчивого развития», превознесенный в программах КПРФ, причем, как считают некоторые, именно в интерпретации вице-президента США Альберта Гора. Для нас «устойчивое развитие» не статус-кво. Мы говорим о взаимосвязанности, переплетенности мира, о его перетекании в некое новое технологическое, политическое, гуманитарное и моральное состояние.

Еще одна ценность – тоже из ряда классических русских: «всенародность», «всемирность». То, что прежде звалось ошельмованным словом «интернационализм». Национальное, культурное, конфессиональное многоцветье – величайшее достояние России. Сплав, какого нет нигде более.

Кризисы в познании мира, в проекции познания на политику в России случаются оттого, что мы мечемся из крайности в крайность. Боимся золотой середины. Бурбулис даже как-то взялся доказывать, что само развитие человечества закономерно идет по принципу маятника: от либерализма к социализму, от социализма – к фашизму и пр.

Для нас переход в XXI век – перемена модели развития, прекращение маятникового качания. Тем более что всякий такт маятника сопровождается разрушением предыдущего состояния «до основания, а затем...». Это сверхвысокая, непомерная плата за нормальный цикл развития. Развитие не может питаться разрушением всякой пройденной стадии. Нельзя всякую вновь достигнутую ступень собирать из осколков прежней.

И потому мы говорим как о ценности и о синтезе, в том числе в области ценностей. Свобода, демократия – и социализм. Как совместить? Надо это переплавлять.

Далее. Россия – вечно между Востоком и Западом. Она никогда не станет европейской державой, не станет и азиатской. В ней, России, всегда переплавлялись ценности западные, связанные с идеей модернизации, прогресса, и идеи восточные, связанные с консервацией наличного, с традицией. Это российская уникальность, и вместе с тем – российский шанс выбраться из духовной ямы, в которую мы угодили. Мудрые китайцы и японцы, не ломая социокультурные коды общества, не вытаптывая почву, просто аккуратно насаждали туда «модернизационные блоки» и получили – успех.

Кроме того, России нельзя навязать систему, укорененную в Европе на протестантской этике. Это банально, но это тоже не объехать. В России иной, незападный социокультурный код. И потому надо искать, как эти противоположности «сплавить».

Искать «сплав».

Идея синтеза как ценности проецируется в конкретные программы. Мы говорим о смешанной экономике не потому, что это модно. Мы убеждены в благотворности разумного сочетания ценностей, идеологий, формационных стилей. Синтез всех созидательных начал, накопленных человечеством, должен проводиться и при решении конкретных вопросов.

Да, должна быть государственная собственность. Странно, если бы ее не было в державе гигантских пространств, с гигантскими инфраструктурами – железными дорогами, связью, энергетикой. Мне как энергетика по профессии больно видеть, как из единой советской энергосистемы, спроектированной с беспримерным размахом, на которую с завистью взирал мир, делают дробное и рыхлое акционерное общество.

Не менее странно было бы, если бы Россия обошлась без всевозможных форм коллективной собственности. И частная собственность: столь же странно было бы ее отсутствие. Кстати, бедный Маркс, чьим именем свершались беспрецедентные

в истории экспроприации, никогда не призывал к прямой ликвидации частной собственности. Да и не мог призывать: он был гегельянец, в его категориальном аппарате попросту не было такого понятия – «ликвидация». В отношении частной собственности он вел речь лишь о ее преодолении, «снятии».

Наконец, абсолютно невысказана современная экономика без активного планового начала. Это только у властей предрежающих в России на этот счет идеологический заскок.

То есть мы за то, чтобы везде искать сочетание, разумный сплав, комплиментарность, а не качаться из крайности в крайность.

А. П.: Мне кажется, что русский социализм (русский коммунизм – нечто ему тождественное в общественном сознании) суть нечто большее, чем просто справедливость, просто гармония или радость полиэтнического цветения. Ослепительный и вместе с тем истребительный пафос русского социализма состоял в том, что открытия, связанные с идеальным миром, идеальным человеком, идеальным социумом, должны были быть внесены в мир человеческой волей, человеческой силой. И этот идеал должен был быть помещен в абсолютно неидеальный мир, среди неидеальных, скверных, вредных и просто старомодных форм этого мира, которые обрекались на истребление. Мир следовало, таким образом, сконструировать по идеальным чертежам. В этом – историческое и человеческое величие социализма. А с другой стороны – мистический ужас, испытываемый человеком перед лицом такой задачи, – сконструировать заново вселенную. Ваша партия – партия нежного, мягкого, сентиментального социализма или Вы оставляете для себя возможность политического насилия над вселенной, над ноосферой? Ведь ноосфера пополняется, мы поднимаем в нее наши интеллектуальные блоки. Ноосфера – это лишь отчасти «зонтик» покрывающей нас и правящей нами гармонии. В остальном мы тоже правим ноосферой, вторгая в нее удобные нам идеи. Итак, как Вы относитесь к идее исторического творчества и, следовательно, исторического насилия?

Л. В.: Не вижу, как применить к социализму определение «сентиментальный». Однако согласна, что сидеть и ждать, пока социализм свалится на голову, – нереалистично. Элемент насилия, конструирования, искусственного ускорения исторических процессов присутствует, конечно, в социалистической концепции. Политическая партия, естественно, должна настойчиво пропагандировать свои идеи. Я бы говорила, повторюсь, не столько о насилии над историей, сколько об ускорении ее движения через ряд идеологических и организационных фаз – к искомой, отвечающей чаяниям партии фазе. Если проще – об ускорении осознания партийной идеологии массами. В противном случае вся политика замкнулась бы в кружках. Сидели бы, философствовали, оттачивали в дискуссиях ценностные системы... А история шла бы сама по себе.

Разумеется, придя к власти путем демократических выборов, мы займемся «социальным конструированием», «навязыванием своих взглядов» и пр. Идеологии всегда наступательны, содержат в себе элементы насилия, жаждут завоевать массы. Вопрос в цене, которую мы готовы выставить нации к уплате за воплощение наших прекрасных идей.

Эта цена не может измеряться в человеческих жизнях.

Этого мы не принимаем.

Это можно называть «сентиментальностью», но это так.

Произнося слово «гуманизм», мы соглашаемся с теми политологами на Западе, что считают социализм «гуманизмом XXI века». Мы утверждаем гуманизм средством воплощения наших гуманных идеалов. За политические амбиции, за желание навязать политические намерения другим мы уже расплатились. В августе 1991-го распадом державы и – попутно – тремя жизнями; в октябре 1993-го – сотнями жизней; в 1995-м, в Чечне, – уже десятками тысяч жизней. Для Социалистической партии трудящихся это неприемлемо. Мы не признаем, повторю, плату в человеческих жизнях за решение политических задач.

А. П.: Вы высказали мысль о том, что внутри огромной КПСС, как в гнезде орла, было еще много малых гнезд, где

жили идеологические воробьи, ласточки, летучие мыши. И когда гнездо было разорено, оттуда, шурша крыльями, вылетели идеологии, включая монархистов либералов, космистов-дервишей и пр.

Итак, Луна вырвалась из Земли, и вместе с ней вырвалось много комет, болидов. Однако оказалось, что Земля уцелела. КППРФ осталась крупнейшей партией, с очень мощной гравитацией, с устойчивым политическим геном. Когда взрыв стал оседать, в компартию начали планировать под воздействием гравитации вырванные из нее осколки. В КППРФ пришло много националистов, для которых русские национальные проблемы первостепенны, а марксизм – третьестепенен. Ученые социалистической ориентации образуют вокруг КППРФ своего рода «охранительное кольцо». К КППРФ приблизились вчерашние либералы. Покойный Владимир Максимов тяготел к коммунистическому традиционализму, «Правда» сделалась любимой его газетой.

Однако ваша партия не торопится вернуться на ту площадку, с которой вы стартовали в 1991-м. Еще многие левые движения пытаются остаться самостоятельными и сложиться в некую новую политическую культуру.

Сама идея сложить часть политического спектра в некий «левоцентристский блок» продуктивна. Она имеет под собой продуманную концепцию биполярного общества. Она ориентирована на имманентный для России социалистический идеал и социалистический процесс. Радикальный, коммунистический вариант, связанный с социальным конструированием, на время отступает на второй план; создание левого крыла в «большой политике» становится актуальнейшей задачей. Расскажите, Людмила Степановна, как родился «левоцентристский проект» Рыбкина, как Вы в него могли встроиться и отчего этого не произошло? Как Вы взаимодействовали с Рыбкиным, в чем природа вашего конфликта?

Л. В.: Я убежден, что в России должны быть две левых партии – социалистическая и коммунистическая. В сущности, ситуация к тому и тяготеет. РКРП Анпилова радикальна. КППРФ

находится в переходном состоянии: может радикализировать, может рутинизироваться, а может и расколоться. Ее будущее неопределенно. Должна появиться еще одна партия, которая объединила бы всех некоммунистических левых. Социализм в России еще не сказал окончательного, последнего слова.

СПТ этим занималась в 1992–95 годах; планировали провести конгресс левых и демократических сил, собрав там все, пусть даже и небольшие, левые группы. Споткнулись не столько на идеологии, хотя она явно не была отработана, сколько на личных амбициях. Каждый, даже имея за собой пять человек, хотел быть главным. Сказалась и коллизия тех, кто вышел из профессиональных структур КПСС, и тех, кто вышел из неформальных движений 80-х. Последние не понимали, что такое дисциплина, команда. Это были «тусовщики», как теперь говорят. Хорошие ребята, готовые по дискутировать, выставить пикет, но неспособные работать в целеустремленной команде. Причем работать на цель, которая воплотится не завтра, в лучшем случае послезавтра.

На прошлых выборах нам также не удалось всех собрать. Левые стали пристраиваться кто куда. Идеология оказалась слабее конъюнктуры.

Ныне политический «левоцентристский блок» вновь пытаются собрать опять-таки исходя лишь из политической конъюнктуры, а вовсе не потому, что в стране должен существовать «левый центр» политики и экономики. В лице «блока Рыбкина» мы имеем дело с искусственным конструированием под заданное название. Это не естественное, идущее снизу объединение людей левоцентристской ориентации. «Царь сказал», что должны, мол, быть два блока, а начальниками там – Черномырдин и Рыбкин. Только и всего.

Уже одно это отсекает от официального «левоцентризма» все авторитетные левые силы. Потому что войти в «разрешенно-оппозиционный» блок – значит потерять политическое лицо. Не может Социалистическая партия трудящихся, с первых дней своего существования стратегически оппозиционная «курсу реформ», спорящая не по поводу ню-

ансов, а по сути проводимой Кремлем политики, по поводу критериальной системы оценок, что хорошо, что плохо, – не может такая партия идти в «высочайше разрешенный» блок. Так посчитали не только мы.

Более того, странно, что называют «левоцентристским» тот конгломерат, что сейчас создается Рыбкиным. «Левый центр» как феномен политики и идеологии там вовсе не присутствует. «Регионы России» – это, конечно, самая что ни на есть «левоцентристская организация». Начальники пошли «направо», в блок «Наш дом – Россия», а вверенные им регионы, выходит, «влево»? Это очень трогательно.

Нет, разумеется, там есть люди, радикально настроенные, знающие катастрофическую ситуацию в регионах, живущие этой болью. Но к социалистической идее они мало причастны.

Есть депутатская группа «Россия» – это «левый центр»? «Промышленная партия» Щербакова тоже объявляет себя «левым центром». Это директора-то – мультимиллионеры, отдыхающие на Канарских островах, повелители рабочих, получающих сто-двести тысяч, – социалисты?..

Я часто думаю, Александр Андреевич, что в массовом сознании искусственно умертвляются, тотально дискредитируются целые понятийные семейства: социализм, «левый центр», например. Как раньше коммунизм – демократию.

Это и есть причина, побудившая СПТ отказаться от «романа с Рыбкиным».

В бытность свою руководителем аналитического центра Думы я все это говорила Рыбкину в глаза. Спасение «левоцентристского блока» могло состоять лишь в том, чтобы привлечь Аграрную партию и хотя бы часть профсоюзов. Но это вряд ли совместимо с официальным «левоцентризмом». Позиция СПТ также не была для Рыбкина тайной. Однако исходя из соображений профессиональной части я, работая в Думе, делала все, чтобы что-то позитивное из этого блока вышло. Чем больше на следующих выборах в парламент придет конструктивных политиков, полагала я, тем лучше будет для дела.

Конфликт с Рыбкиным был как бы заочен и скоротечен. Похоже, на этот счет пришла какая-то команда сверху. Еще во вторник мы с Иваном Петровичем в течение трех часов обсуждали проблемы блока и вроде бы остались удовлетворены, еще в среду я получила некоторые конфиденциальные поручения от руководителя секретариата Рыбкина, а уже в четверг мне была вручена официальная бумага о том, что меня уволили. Что-то произошло в четверг вечером или в среду утром... Рыбкин не нашел нужным даже встретиться со мной. Допускаю, что Иван Петрович мог обидеться на мою критику, высказанную в ходе пресс-конференции в газете «Правда»; там я, впрочем, не сказала ничего такого, что ранее не говорила бы ему в глаза.

Парадоксальным образом случившееся лишний раз меня убедило в правоте моих собственных построений: в России, повторяю, естественны, органичны две левые партии: коммунистическая и социалистическая.

А. П.: И вот Вы теперь на палубе скоковского корабля. На этой палубе появляются все новые и новые персонажи. Скоков для политической публики явление таинственное. Его выход в публичное действие – новость. Скокова нельзя назвать ни левым, ни правым, ни центристом. Он в равной степени и интернационалист, и националист, социалист и правый радикал. Он, как демиург, над этими полюсами политики. Он пытается сконструировать живое общество на руинах, осколках того, что еще недавно было обществом. Если его политическая карьера увенчается успехом, мы, несомненно, станем свидетелями новых экспромтов и трансформаций Скокова. Скокову, возможно, ближе роль силового конструктора; с этой ролью, этим образом Ваш сентиментальный социализм может войти в противоречие.

Л. В.: Мы с Юрием Скоковым взаимодействуем с 1993 года: есть опыт общения, предсказуемость. Тогда, если Вы помните, мы заявляли о комитете «Согласие ради Отечества». Октябрьские события заставили отодвинуть во времени эту инициативу. Так вот: мало, почти, наверное, и нет таких людей, что, подобно Скокову, ставят во главу угла диалог, по-

литическое собрание. В этом смысле он уникален. Тогда, в 1993-м, вокруг «Согласия ради Отечества» сходились такие люди, как Вячеслав Полосин, Олег Попцов, Дмитрий Рагозин, Рамазан Абдулатипов, лидеры республик в составе РФ.

В стране сегодня настолько трудно и плохо, что сосчитаться на левых, правых, центристов и прочих лучше уже на следующей политической стадии. Есть люди, согласные в принципе со стратегией «реформ», есть несогласные. Вылезти из ямы можно только объединив усилия всех несогласных с проводимым Кремлем стратегическим курсом.

Да, нам, представителям СПТ, несколько, быть может, дискомфортно: все же мы левые социалисты по убеждениям.

Есть благородная политическая сверхзадача – работать, взаимодействовать со всеми, кто против разрушения. Кто при этом не зовет назад, осуществлять опять – в который раз – догоняющую модернизацию, но кто верит в возможность опережающей модернизации для России XXI века. В этой связи, кстати, Скоков поставил задачу поиска новой системы социально-трудовых отношений. Мне как социалисту это близко.

Юрий Скоков – собиратель. Он исповедует особенно жесткие нравственные критерии при подборе союзников. Если человек где-то когда-то поступился нравственностью, повел себя непорядочно, Скоков отсекает такого человека. Это непрагматично, но вызывает уважение.

Он из тех, кто пытается найти «сплав».

Август 1995 г.

После ГКЧП мы продолжали бороться

*(Диалог Александра Проханова
и Вадима Шевцова)*

Александр ПРОХАНОВ: Вадим Георгиевич, когда мы с Вами еще не были знакомы, в конце 91-го, страшного для Родины года, в нашей среде гуляли слухи, почти легенды о груп-

пе советских людей из Прибалтики, которые вырвались из-под нарастающих в Литве, Латвии, Эстонии фашистских диктатур и одиночками, партиями просачивались сквозь кордоны новой жестокой власти, отрывались от преследователей и скапливались в Приднестровье. Мы думали: кто они? Что это за люди? Живы ли они? Этот рейд вашего легиона обрастал легендами. Потом я увидел Вас в Тирасполе. Я привез туда группу русских писателей-патриотов. Никогда не забуду, как в микроавтобусе на большой скорости мы преодолевали участок трассы, идущей на Дубоссары, где стоял обелиск, весь изгрызенный пулями румынских пулеметов. Мы проезжали мимо казачьей заставы, Вы торопили водителя, чтобы писатели не попали под обстрел. А у плотины через Днестр, которая простреливалась снайперами, по тропке шел худой, долговязый Игорь Шафаревич. Я видел, как Вы волновались, как хотели заслонить его своим телом, ждали выстрела с той стороны. Когда этот замечательный патриот, не ведая, что находится под прицелами снайперов, одолел страшные метры, Вы как бы внутренне даже перекрестились. Тогда я понял Вашу роль, Вашу миссию на этом клочке советской территории.

Не могли бы Вы сейчас рассказать о том, что на самом деле скрывалось за той легендой, за тем мифом 91-го года? Как вырвались Вы из цепких лап нового режима? Кем Вы были тогда и кто Вы теперь?

Вадим ШЕВЦОВ: Трагедию советской милиции в Латвии когда-нибудь опишут, когда-нибудь о подвиге ее будет знать не только узкий круг людей. Потому что рижская милиция – первое подразделение, организованно выступившее против фашизма, зарождавшегося на территории СССР.

Вокруг нее создавалась, структурировалась организация сопротивления – именно это сейчас инкриминируют мне и моим товарищам, облакая в форму подрывной деятельности против республики Латвии. Но тогда был Советский Союз, и наша «вина» заключалась в том, что мы раньше других распознали смысл происходящего. Горбачев Прибалтику называл лабораторией перестройки, а в действительности у нас испы-

тывались методы разрушения Союза. И мы первые выступили за то, чтобы Латвия оставалась в составе СССР. Видели настроения людей, проживающих там – и русских, и латышей. Ни те, ни другие не желали отделения. Через некоторое время националистам удалось возбудить латышское население. Сначала тайно, а потом явно стали создаваться группы боевиков, организации государственного характера. И мы, вопреки воле наших командиров, начали создавать контрструктуры. Все мы были юристы, работники МВД, действовали довольно-таки успешно. Но совершали, как потом выяснилось, одну большую глупость – ездили за правдой в Москву. А там нас продавал Бакатин, который сам уже тогда все понимал, а нас призывал оказывать сопротивление. Продавал и Силаев, который потом назвал нас бастионом Советской власти. Рангом мы были невелики, поэтому указания этих государственных чиновников воспринимали как приказ, который надо выполнять. В связи с событиями в Латвии говорят лишь о рижском ОМОНе. Но ведь это была только часть гарнизона рижской милиции, и омовцы не продержались бы так долго, если бы не находили поддержки у остальных сотрудников. Так сложилось, что в Прибалтике всю тяжелую работу выполняли русские – в милиции мы составляли 90 процентов.

Противостояли нам огромные пропагандистские силы и Запада, и прочих «демократов», рисующих нас в виде монстров, терроризирующих бедное латвийское население, которое, мол, поет национальные песни, зажигает свечи, а наш советский сапог топчет их.

Самое трудное было пережить, осознать, что ты предан, когда после «моральной поддержки» из Москвы ты оказываешься под пулями, как это случилось в январе 91-го – тогда мы попали на провокацию спецслужб Запада и нарождающейся политохранки Латвии. Было трудно. Но в основном мы использовали, конечно, политические методы борьбы.

В августе 1991 года в Риге (я буду говорить только о «латвийском варианте») к нам приходили наши латышские друзья, благодарили, что мы проявили стойкость, высказывали надеж-

ду, что теперь кончится кошмар прибалтийского национал-фашизма, когда, чтобы слыть хорошим латышом, требовалось как можно более нечисто говорить по-русски. В Риге не было никакого сопротивления. Ни один житель Латвии не вышел с осуждением ГКЧП. Да, предательское латвийское правительство приняло постановление о несогласии с ГКЧП, но после этого оно нервно ждало выезда в Швецию. Все, что они смогли тогда сделать, – бежать. Но в Москве-то вышло по-другому. И через два дня страшно было видеть, как «освобожденная Латвия» вновь погружается в пучину фашизма. Причем мгновенно, за несколько часов, как тонет корабль. 23 августа уже снимали флаги, посты охраны советских учреждений, начались аресты. В ночь с 21 на 22 августа я уже не ночевал дома, потому что был предупрежден о расправе...

В латвийском ведомстве я проработал до весны того самого 1991 года. Последняя должность – заместитель начальника уголовного розыска. Затем перешел в Прибалтийское управление внутренних дел на транспорте, созданное Пуго, чтобы спасти советские кадры. Туда приняли всех офицеров, стоявших на позициях сохранения Латвии в составе Советского Союза. Так что с весны я был в подчинении Москвы. Мы продолжали свою патриотическую деятельность. Отслеживали негодяев, которые контактировали со спецслужбами Запада, не давали им продыха, мешали, разоблачали провокации против советских учреждений, оберегали как могли тех латышей, которые не продались. Мы были деятельны, но преступлений не совершали. И вот настало 19 августа...

Утром брился в общежитии, готовился выйти на службу, и вдруг передают одно постановление, другое, третье. Ну наконец-то! Повторяю, август 91-го для Прибалтики был совсем другим, чем для Москвы. Ведь москвичи не испытывали унижения, предательства, издевательства над каждым славянином. А нас они так мучили на протяжении пяти лет. Терялись друзья-латыши. Расторгались браки. Резали по живому. И вдруг я слышу эти указы и постановления из Москвы! Быстренько в машину. Подразделение наше все гу-

дит. Настроение праздничное! И простой народ на улицах радовался. Недалеко от нас в подземном переходе продавали порнуху, так народ вымел все лотки, выпинал торговцев оттуда. Латыши, русские обнимались. Это было освобождение. Часов в шесть вечера сообщили, что министр МВД фашист Лазнис бежал со своими телохранителями. В это время меня вызвали в советскую прокуратуру, и я получил приказ по телефону от Пуго – взять под контроль здание латышского МВД, не допустить беспорядков, перевести руководство гарнизоном на себя до особых указаний. Прибыл в УВД, помню, еще отругал Парфенова, что он неграмотно расставил посты. Начальник УВД, латыш такого валяжного, бабского вида, уже выкладывал из карманов вещи, ключи, оружие, просил, чтобы его мирно отпустили. Ему разрешили сесть в подаренную ему мафией машину, и он уехал. А его заместитель, начальник оперативной службы УВД подполковник Лепиньш, остался с нами, мы у него не изымали даже пистолета. Он был наш. Начал действовать. Узнал, что болтается по городу рота спецназа (вся из латышей, великолепно вооруженных), приказал по радиации прибыть в УВД и разоружиться, что они безропотно и сделали. Стал обеспечивать деятельность территориальных органов милиции: ни одно подразделение не подверглось разграблению.

Работали так: сначала все жизненно важные объекты города занимал рижский ОМОН. А через два-три часа туда входил советский спецназ.

А потом оказалось – все напрасно, все кончено! Вспоминаю – мороз по коже. Сравнить можно только с тем, как начинается война. Да, теперь я представляю, что такое – «началась война»... Мы смотрели в окно. Шла колонна «бэтээров», тех, что стояли у мостов. На одном из них установлено громкоговорящее устройство. «Внимание! В Риге вводится особое положение. Просим соблюдать порядок». «Бэтээры» явно уходят, бросают свои позиции. Но почему такие призывы? Потом оказалось, что просто крутили старую запись, чтобы колонна беспрепятственно прошла через город. Военная хитрость при

отступлении. Эти несколько секунд глубочайшего разочарования, горя не забудутся до конца жизни...

Заканчивалась моя служба в Риге так: 22 августа – звонок от начальника управления МВД Риги полковника Бугая, которого мы называли «полковник Власов». Это действительно предатель по своей сути. Как только начали выступать наци, он говорил нам, патриотически настроенным офицерам: боритесь с ними всеми возможными способами, я же не могу, я же начальник. Если я сохранюсь, то прикрою и вас... Он и теперь «царствует» в Риге на этой должности. И я получил огромное удовольствие, когда увидел фотографию в одной из латвийских газет, где он стоял на коленях и лобызал латвийский флаг... А тогда, в 91-м, я зашел к нему в кабинет, доложил. Там сидели всего его замы. Он стал читать мне какие-то нравоучения. Тогда я еще не догадывался о глубине всей катастрофы, но видел, что это уже враги. Поехал от него и сжег все документы во дворе нашего подразделения. Бумаги горят, а старший лейтенант Сергей Моргунов говорит: «Как в детективе». – «Хорош детектив!..» Надо сказать, что Сергей Моргунов некоторое время скрывался в Риге, потом ушел в Москву. Осенью уехал в Приднестровье. Участник боевых событий. Был капитан. Потом майор – Кириченко. Воевал на дубоссарском направлении, боролся с профессиональными террористами Молдовы... Он погиб.

Уничтожив документы, принял решение уходить. Всех своих подчиненных отправил в командировку на десять дней, поскольку считал, что дольше этого срока такой кошмар не продлится. В общежитии собрал сумку, документы... Чем памятно это общежитие? В марте 1991 года его потряс взрыв. Подонки-наци заложили мощный заряд. Чудом осталась жива старушка-вахтерша, которую накрыло стеной. В эпицентре пробило межэтажное перекрытие. Кругом остались листовки: «Русские свиньи, убирайтесь»... Тогда всю Ригу тревожила серия взрывов по ночам: то у здания ЦК, то у Дома политпросвета, то в Доме офицеров. Наци сваливали на армию, говорили, что это провокация. Фашистское руководство МВД объявило

даже, что тот, кто укажет на исполнителей взрывов, получит в подарок автомашину. А я помню, как задержали одного человека, который начал давать показания о взрыве памятника Ленину, и латвийская прокуратура стала всячески препятствовать, чтобы этот человек не смог подтвердить свои показания на месте. Кончилось тем что подследственный от всего отказался, и нить была утеряна...

Даже 23-го утром мы еще не могли привыкнуть к мысли, что произошла окончательная катастрофа. Из Москвы звонил какой-то генерал и нес какую-то чепуху: «Все рассосется, ребята, к вам правильно отнесутся»... Мы поехали по городу. Возле постов наших войск уже толпились боевики, переодетые милиционеры, которые перешли к наци. В 12.00 дня я передал информацию в латвийский ЦК, что через несколько минут будет снята охрана здания. Мне не поверили. Позвонил в советскую прокуратуру с тем же известием – там меня сразу поняли. Потом я наблюдал такую картину: из окон прокуратуры выглядывали люди и смотрели на тех, кто изготовился к штурму, и почти все знали друг друга по совместной работе. Чудовищно!.. В прокуратуре я обнял своего знакомого, чего бы никогда не сделал в обычной обстановке. Сердце подсказывало, что мы больше никогда не встретимся. Прошелся по кабинетам, попрощался с людьми. Позвонил старшему сыну (я в разлуке с семьей). Он все понял и сказал: «Папа, если тебя будут задерживать, то ты особо не отстреливайся, прошу тебя...»

С собой взял только паспорт. Шел с «дипломатом» по Риге. Был куплен билет на поезд до Москвы. Но через вокзал выйти было уже невозможно. Все перекрыто. Вернулся в центр. Если бы не общий беспорядок, эйфория «победителей», то они, конечно, успели бы меня захватить. Горд стал мгновенно чужим, враждебным. Что делать? Решил пойти в любимый ресторан «Пие кристофа». Выпил кружку пива и подумал: «Очевидно – последний раз». После чего сел в такси, уехал к своему товарищу. Через час меня подобрала машина друзей. И вскоре я был уже в ста пятидесяти километрах, на станции Екопилс.

Решил там подсесть на московский поезд. И, помню, мне стало не по себе, когда я в том же Екопилсе встретил работников советской прокуратуры, которые везли с собой папки с уголовными делами против наци. Они думали, что это кому-нибудь пригодится, и не понимали, как рискуют...

В Москве деваться было некуда. Сидел на вокзале. Было 24 августа...

Через некоторое время узнал: мне инкриминирована статья «измена Родине», а там – от 10 до 15 лет или смертная казнь. Узнал, что заочно уволен из органов внутренних дел. То есть выброшен из жизни. Сейчас отношусь к этому спокойно, а тогда было очень тяжело оттого, что предали. В сентябре нелегально вернулся в Москву. Встретил одного знакомого омовца, имени называть не буду. Геройский был парень, но в то время служил в охране какого-то предпринимателя. И горько было видеть, как «хозяин» поносил его, унижал. Тогда я понял, что никогда не смогу вот так же служить кому-то лично, за деньги. Только государству, Родине. Никогда не буду ни пред кем ломаться ни за какие блага. Нашел Алксниса. Сначала мы с ним встретились на улице. Он пригласил меня к себе и назвал несколько направлений приложения сил в борьбе против развала Союза. За Приднестровьем я пристально наблюдал еще в Латвии. Все события там развивались по тому же сценарию, что и в Прибалтике, потому что схему разрушения разрабатывали одни и те же люди. К тому же выяснилось, что там находится и кое-кто из моих товарищей, создается строевое подразделение «Днестр». И туда можно прибыть рядовым бойцом. Для меня не было выбора. Хотел оставаться самим собой, верным присяге. Не мешкая, на следующий день уехал на последние деньги в Тирасполь.

В те дни как раз в Приднестровье арестовали Смирнова и нескольких депутатов. Женщины перекрыли железнодорожное полотно, не пропускали поезда. Это все тревожило, было в новинку. В конце концов они своего добились. Смирнова освободили. Уже на одесском вокзале я встретил этих при-

днестровских женщин, услышал их рассказы и почувствовал приближение войны.

Ночью собрался до Тирасполя. Увидел у здания горисполкома ребят с красными повязками, бросил сумку на асфальт, как бросают шапки оземь от радости: «Добрался!» Этой же ночью нашел нескольких знакомых рижан, полковника Гончаренко (услышал их голоса в коридоре)... Рассказываю сейчас, и мороз по коже... После всего...

А. П.: Глотни чаю...

Б. Ш.: Сейчас, сейчас... Извините. Надо же – никогда!.. После такой катастрофы и вдруг вижу родного человека. Единомышленника... Надо сказать, что все оказалось в Приднестровье совсем не так, как я себе представлял. Народ замечательный, народ – единый, готов постоять за себя. Но ничего не организовано. Все УВД помещались в комнатке два на три метра. На вооружении были пара учебных автоматов, пять пистолетов, палки резиновые, деревянные.

Через несколько дней начали подъезжать рижские омовцы, группами. Одна группа неудачно отмечала свое прибытие в Тирасполь, засветились, попали в полицию. Их удалось вызволить. Но нам пришлось из гостиницы «Дружба» в четыре утра съехать, уничтожив предварительно последние документы – сожгли и смыли в унитаз... Жили потом на каком-то допотопном пароходике, который от Тирасполя до Бендер шел сутки. В течение двух недель нас возили по Днестру вверх-вниз, и команде мы были представлены как группа спортсменов на отдыхе. Станный был отдых: кормили тухлым мясом, поили чаем без сахара. Но главное – мы не знали, что происходит в мире. Через две недели решили сходить на разведку в Тирасполь, связались со своими. (А надо сказать, тогда власть в Тирасполе ограничилась горисполкомом.) Кругом была полиция Молдовы. На теплоходике нам пришлось еще очень долго жить. Но уже тогда, на плаву, начали заниматься формированием структур правоохранительных органов. Сначала ведь Приднестровье не собиралось создавать службу безопасности, было только УВД крохотное. Это потом, в декабре, ор-

ганы полиции мы переведем под юрисдикцию ПМР, как-то сумев убедить полицейских служить республике, в которой УВД располагается в комнатке два на три метра...

Мне довелось организовать операцию по переходу слободзейской полиции на нашу сторону. Оттуда к президенту прибыли два смелых офицера. Сказали, что настроение у людей способствует переходу. Только надо сбросить комиссара полиции и кое-кого из его прихвостней. Для этого требуются немного оружия и тот, кто поведет. Вызвали меня, поставили задачу. Дали три автомата, двух бойцов батальона «Днестр», и мы поехали в Слободзею, снаряжая на ходу магазины автоматов.

В здание Слободзейского УВД зашли с черного хода, завернув оружие в верхнюю одежду. И пошли по кабинетам. Врываемся, прижимаем к двери и объявляем указ президента. От отчаяния действовали настолько уверенно, что сначала никто даже не пытался сопротивляться. Отдавали ключи, оружие... Вот наконец добрались до кабинета комиссара полиции, а там все те, кого мы только что изгнали из кабинетов... Всех мы их выставили. Анатолию Турову я приказал занять еще не остывшее от комиссара полиции кресло: «Садись, ты теперь начальник». Объявили личному составу, что теперь они – милиция, кто хочет, остается, кто не хочет – скатертью дорожка. Ночь прошла довольно спокойно. По телефону угрожали. К утру дежурный наряд сбежал. В здании остались два бойца батальона «Днестр» – молоденькие мальчишки и мы. А во дворе находилось до двухсот вооруженных работников полиции (за несколько дней до нашей акции комиссар, видимо, предчувствуя, раздал им оружие). Они решали вопрос о штурме. А мы выставили стол, посадили за него офицера с карандашом, дали ему лист бумаги и объявили: «Кто хочет служить у нас – проходи». Я понимал, что риск огромный. Могли в здание под видом добровольцев зайти и враги. Звоню в Тирасполь, прошу помощи. Гончаренко отвечает: «Высылаю семьдесят человек». На нашем языке это означает: «Не могу послать ни одного». Но все обошлось без крови...

А. П.: Вадим, от того растерянного, гонимого беженца, погорельца – сгорела Родина – Вы за эти годы проделали путь до генерала, до министра безопасности ПМР. Я бывал у Вас в критические периоды. Помню, мы с Макашовым приезжали, когда уже шла бойня, грохотала артиллерия дубоссарская. Я знаю, что на Ваши плечи и на плечи Ваших соратников легла огромная работа по созданию структур государства, Вы участвовали в создании пограничной службы, организовывали органы разведки и контрразведки, мобилизовывали казачество. Ходили в казармы 14-й армии, находящейся тогда под командованием Неткачева, пытались вытащить их с техникой, чтобы остановить наступление румын. Все висело на волоске. Какое было огромное напряжение! Не будем говорить о войне, которая прошла по Приднестровью, трагичной, страшной, грозной войне. Мы здесь, в Москве, наблюдали и думали: неужели этот последний очаг Советского Союза не выстоит, падет, растопчут его? И малейший успех воспринимался нами, как успех сорок первого года под Москвой.

Сейчас поднимается новая волна демонизации Приднестровья. Их было несколько. Первая закончилась атаками на Дубоссары, Бендеры. Потом шла следующая волна демонизации, связанная с событиями 93-го года, когда Приднестровье объявляли коммуно-фашистским плацдармом. Симптомы третьей – поездка Шумейко в Молдавию, его антиприднестровские заявления, которые мы трактуем так: «Снегур, пожалуйста, атакуй Приднестровье. Оно не будет защищаться Россией, мы его отдаем вам на растерзание так же, как на растерзание Грузии отдали Абхазию».

Мы увидели по московскому телевидению ряд передач молодого Боровика, который постоянно качает эту тему криминального Приднестровья, как якобы рассадники криминалитета. И ваш покорный слуга затянут в эту тему – речь идет о револьверах, подаренных мне, Макашову, Шашвиашвили, Бабурину. Последняя передача Боровика о Приднестровье носила особенно тенденциозный характер. То есть создается какой-то новый пропагандистский фон, на котором возможен

удар по Приднестровью. Эту приднестровскую сковородку разогревает все тот же режим в России. Как Вы это чувствуете? Как интерпретируете?

В. Ш.: Я не могу все это отнести к проискам нынешнего режима России. Надо отдать должное России за ту миротворческую деятельность, которую она у нас проводила, за разьединение враждующих сторон, за то, что при помощи России был достигнут мир и Молдове не позволили продолжать боевые действия. Говорить надо об определенных силах в МИДе, о прозападных силах, которые пытаются уничтожить Приднестровье! При этом любой политик, любой журналист, ратующий за уничтожение Приднестровья, должен ответить на один вопрос: был ли он в криковском подвале? И выяснится, что он там был. Каждый из них куплен. Тот, кто лоббирует интересы Молдовы, делает это за взятки. Никакими высшими интересами России он не озабочен, ему наплевать на стратегию развития событий в Европе. Его интересует только собственный карман и собственный желудок. Молдова в отношении своего лобби действует, повторяю, однозначно: она просто его покупает. А к высшему военно-политическому руководству России идет некачественная информация о событиях у нас. Подтасовываются факты ради того, чтобы доказать: Приднестровье надо уничтожить.

Если кого-то в России страшат красно-коричневые, то нас объявляют красно-коричневыми. Пугает Чечня – нас объявляют второй Чечней. Завтра будет угроза эпидемии грибка какого-нибудь – его рассадник найдут у нас. У Украины были проблемы с Крымом – заявили, что туда поставляют оружие Приднестровье. Спецслужбы Украины знают, что это ложь, но утка уже запущена. А для меня Приднестровье – это русская Испания, которая дала и выиграла первый бой с фашистами.

Приднестровье в моем понимании – начало обновления Руси. Где возродилось Черноморское казачье войско? У нас. И возродилось как войско именно в купели войны. Казаки сначала повоевали, а потом уже, защитив Россию, организационно оформились. И как бояться казаков румынские фаши-

сты! Именно поэтому они так жестоко с ними расправлялись, так глумились над их телами. Почему всей нечисти не любо Приднестровье? Потому что там живет народ-победитель. Злобствуют битые. Вот скоро пятилетие нашей победы. Будет парад. Будет проводиться у нас очередной славянский фестиваль, конкурс русских фильмов – и опять завопят ваши «демократы» и наша оппозиция. Потому что это будут исторические моменты единения с Россией.

Нас хотят уничтожить как прецедент возрождения славян. Кто хочет? Ведь украинцы нами гордятся, белорусы нами гордятся, русские нами гордятся. Кто? Ответ ясен.

Да, у нас есть много сволочи, которая развелась не без помощи той же России и Молдовы. Размножилось ворье. Среди окружающего разложения мы не можем оставаться стерильно чистой территорией. Но концентрация здоровых, светлых сил у нас, я думаю, наиболее велика. Потому что мы те, кто постоял за себя, и надеемся, что своим примером заставим славян поверить в себя. Пускай нервничают, гадят пухлые «боровички». Мы к этому привыкли. Заявление Шумейко в Приднестровье тоже никто не воспринимает серьезно. Здоровые политические силы в России понимают, что мы стали бастионом на пути экспансии Запада на славянские земли, крепостью на развилке дорог. Если бы в 92-м году не было Приднестровья, Молдова бы ушла в Румынию и новая Румыния придвинулась бы к границам Украины, для которой бы это стало страшной головной болью. Не позволив уничтожить наш народ, мы не позволили глумиться и над русскоязычной диаспорой в самой Бессарабии. Теперь они вынуждены считаться с русскими у себя; не осмеливаются так их угнетать, как в Прибалтике. Мы – сдерживающий фактор, об этом знает Россия.

А. П.: Гнусные попытки оскорбить приднестровцев, интерпретировать их в глазах русского народа как какую-то нелепость, политическое уродство – они действительно тщетны. Потому что простой народ любит Приднестровье, обожает, преклоняется. Русская национальная элита – философы, поэты, певцы, писатели, политики – перед придне-

стровцами снимают шляпу и низко кланяются. Помню визит к Вам. Когда мы ехали по трассе в сторону Дубоссар, Днестр стрелял, мелькал стальной подковой сквозь хаты, вызывал чувство тревоги, как в Афганистане – когда идешь по ущелью и знаешь, что с горы в тебя кто-то невидимый прицеливается. Мы даже ни разу не вышли на берег Днестра, не постояли, не зачерпнули воды – была такая сентиментальная мысль. Берег был заминирован.

Льщу себя надеждой, что вместе с самыми лучшими своими друзьями–художниками, поэтами, священниками приеду к Вам очень скоро опять, и мы выйдем на берег Днестра, поставим на травушку-муравушку флягу, наполненную красным вином нашего родного красного цвета, врежем по кружке и будем смотреть на воду дивного нашего славянского Днестра.

Август 1995 г.

Объединиться во имя будущего

*(Диалог Александра Проханова
и Сергея Глазьева)*

Александр ПРОХАНОВ: Сергей Юрьевич, Вы один из самых молодых молодых политиков. У Вас просто уникальная политическая судьба. На приливной волне демократических реформ, демократического ренессанса Вы вошли во власть, были министром в самый острый, самый мучительный для России период. Осенью 93-го года, когда страшным инструментарием режим решал свою стратегическую судьбу, Вы ушли из правительства, как бы хлопнув дверью, влились в достаточно узкую, но уже сформировавшуюся группу политиков-реформаторов, покинувших власть в знак протеста против катастрофики этого режима. Здесь Скоков, Руцкой, после Вас – Полеванов, многие армейцы, в том числе Лебедь. Все Вы формируете новый тип политического деятеля, жертвующего своей карьерой в трагический для страны момент. Рас-

скажите о том, как происходил Ваш уход, какие были мотивации, переживания, какая была технология Вашего выхода из правительства осенью 93-го.

Сергей ГЛАЗЬЕВ: Хотел бы сразу кое-что уточнить. Во-первых, я не считаю себя политиком. Никогда не стремился заниматься политикой, понимая ее как искусство взаимоотношений людей по поводу власти. Вообще всегда был далек от этой сферы. Считаю себя экономистом-ученым, затем экономистом-практиком, занимавшимся на государственной службе осуществлением тех наработок, которые делал в течение ряда лет. Поэтому, если говорить о моей политической карьере, то, возможно, я чем-то здесь и пожертвовал, но для меня эта жертва невелика, потому что, по-моему, человек должен делать прежде всего то дело, в котором разбирается.

Если же говорить о работе на благо государства в областях, в которых я имею профессиональную подготовку и соответствующее образование, то здесь не могу себя причислить к молодежной волне. Кандидатскую диссертацию я защищал в 86-м году, докторскую – в 89–90-м. С тех пор прошло довольно много времени. Нынешняя волна молодых экономистов уже довольно плохо представляет себе хозяйственную структуру страны, которой мы занимались в 80-е годы. Я же принадлежу к тому поколению экономистов, которые, с одной стороны, усвоили анализ структуры нашей экономики в 70–80-е годы, работали над проблемами ее структурного кризиса, перестройки, а с другой стороны – были в курсе разработок чисто рыночных моделей, рыночных механизмов. Это поколение сочетает в себе знания как бы прошлой и нынешней эпохи.

Уходил же я из правительства достаточно банально: написал заявление на имя президента с просьбой освободить меня от занимаемой должности, поскольку не считал для себя возможным выполнять указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе», как противоречащий действующей Конституции. Убежден, что власти обязаны строго следовать закону, и если кто-то наверху его нарушает, то остальные тем не менее должны им руководствоваться, а также чувством

долга, а не приказами свыше. Я воспитан на русской литературной классике и полагаю, что никакие самые добрые цели и намерения не могут оправдать преступные средства для их достижения. Поэтому мне было совершенно ясно, что все члены правительства должны были либо уйти в отставку, либо занять четкую позицию.

Но, к моему великому удивлению, никто не последовал моему примеру. Правительство безропотно согласилось следовать указу № 1400 и попало в политическую ловушку, в которой уже все оказались по ту сторону закона. А по ту сторону закона возникает ситуация безответственности и вседозволенности. И хотя Чубайс и Федоров утверждали, что все делается ради реформ, ради того, чтобы Россия процветала, это могло убедить только совсем наивных людей. Люди, которые готовили государственный переворот целый год, практически начиная с декабря 92-го, они просто боялись потерять власть. Верховный Совет, например, неоднократно требовал от Ельцина отстранить Чубайса от должности за грубые нарушения законности и действия, противоречащие интересам общества и государства, в ходе приватизационной кампании. По Борису Федорову было принято специальное решение Верховного Совета в связи с тем, что он не смог отчитаться за исполнение бюджета 92-го года и внятно представить разработанный бюджет 93-го года. Против Шумейко тогда был фактически возбужден процесс по обвинению в коррупции, и он уже был отстранен временно от должности, ему тоже нечего было терять. То есть группа людей настолько далеко перешла рамки закона, что потеря власти для них означала не только политическую смерть, но и крах всех амбициозных планов и, может быть, даже утрату свободы. И не случайно они торопились с переворотом, потому что как только он состоялся, последовал совершенно катастрофический спад экономической активности в стране.

А. П.: Даже человек, не связанный с политологией, не знающий донных течений кремлевской жизни, прекрасно понимает, что, скажем, в 85-м году с появлением Горбачева

кончился некий политический период. Его семилетие до 91-го года имеет свою окраску, свою внутреннюю музыку. Потом последовал крах этого режима, августовские события. Началась какая-то другая симфония, возникли другие мотивы, другая совершенно политическая палитра. И все это развивалось примерно до 93-го года. Гайдаровский период – резкое занижение роли государства, возникновение каких-то новых сил, хаос в управлении, появление новых лиц, будто какие-то глубоководные рыбы всплывали и исчезали. Вы в этом периоде жили, работали, пытались в нем сориентироваться. В нем было много трагического, отвратительного, но, с другой стороны, и легкомысленного, безответственного – даже оппозиции жилось тогда достаточно легко. Было легко собираться на митинги, было легко создавать Фронт национального спасения, было легко дразнить власть, эпатировать ее своим радикализмом. Был достаточно широкий слой политически активных людей, которым нравилось участвовать в радикальной жизни, и сама атмосфера в России с 91-го по 93-й год была атмосферой какого-то балагана, страшного и веселого. И в недрах этого периода тайно, загадочным образом сформировался совершенно другой тип власти, тот тип, который сейчас отождествляется с Черномырдиным, «Газпромом». Какой-то угрюмый, совершенно не связанный с демократической риторикой, криминальный, мафиозный, использующий оргопыт советской империи, знающий возможности явной и тайной мировой интриги. Как Вам, находившемуся в этот период внутри здания на Старой площади, виделось появление вот этого загадочного дракона – мафиозно-криминального, имперского типа черномырдинской власти? Что это такое?

С.Г.: Могу сказать, что это явление было неожиданным только с точки зрения того, что планировалось в 91-м году. Сейчас ретроспективно понятен механизм закономерного становления этой действительно криминально-государственной структуры власти, этого мафиозного государства. Меня, работающего в правительстве в эпоху самого крайнего либерализма, очень беспокоили последствия надвигающегося хаоса. Для

справедливости скажу, что в правительстве 92-го года, в котором я был первым заместителем министра, людей, разделяющих точку зрения Гайдара на повальную либерализацию, было меньшинство. Отраслевые, те, кто занимался промышленностью, даже Комитет по торговле, – все выступали против. Мы сопротивлялись либерализации внешней торговли. Стремясь сохранить ограничения и вводя экспортные пошлины, чтобы как-то защитить нашего товаропроизводителя. Но тем не менее политический выбор был сделан. Государство самоустранилось от экономической деятельности. И в очень короткий период мы достигли фазы такой степени либерализации всех хозяйственных взаимосвязей, которая не снилась даже Западной Европе. Но исторический опыт учит, что, если свобода превращается в анархию и хаос, возникает диктатура. Это закономерность. И чем больше хаоса, тем более чудовищная диктатура из него вырастает. У нас вслед за либерализацией и самоустраниением государства от экономической деятельности его место как регулятора социально-экономических процессов очень быстро стали занимать криминальные структуры. Весь тот мелкий бизнес, который встал на ноги в эпоху кооперации, постепенно вытеснялся рэкетом. Государство постепенно само превращалось в рэкетира, вводя непосильное налоговое бремя и не платя по своим обязательствам. Практикой, скажем, Бориса Федорова стала систематическая невыплата заработной платы из бюджета по уже выполненным для государства заказам, то есть само правительство демонстрировало пример необязательности и прямо-таки бандитских приемов. И наконец, схема приватизации, принятая Чубайсом вопреки мнению тоже подавляющей части членов правительства и обманном путем проведенная через Верховный Совет, окончательно установила в экономике криминальные правила игры. Когда приватизация пошла валом и без всякого контроля, люди поняли, что, участвуя в переделе собственности, можно ухватить несравнимо больше, чем заработать реальным трудом. И наша предпринимательская элита устремилась в борьбу за этот передел. Гиперинфляция тоже породила нездоровую

ситуацию, когда те, кто сидел на кранах денежно-кредитных потоков, имели возможность, ничего не делая, заработать кучу денег. Просто получая под отрицательный процент деньги из Центрального банка и затем перераспределяя через своих друзей в коммерческих банках.

Все это, конечно, не из воздуха шло, из-за этого, например, растаяли сбережения населения. В конечном счете произошло перераспределение богатства от населения и производительных секторов экономики в пользу финансово-спекулятивных структур, которые росли как грибы, буквально на глазах превращаясь в чудовищных монстров. И, в сущности, само правительство породило такой экономический механизм, когда невыгодно стало заниматься трудом, честным бизнесом, но зато чисто спекулятивная деятельность в сферах, тесно связанных с государством, оказалась баснословно прибыльной. Именно тогда государство само превратилось в игрока в лице своих конкретных ведомств. Скажем, Министерство финансов в прошлом году благополучно начало осваивать практику Мавроди по устраиванию финансовой пирамиды из своих краткосрочных обязательств. На этом многие люди сколотили состояние. Причем бремя это для всех сегодня таково, что уже в следующем году по обслуживанию выпущенных облигаций государству придется изыскать средства, превышающие все затраты федерального бюджета на образование и в два раза большие, чем затраты бюджета на здравоохранение.

Приватизация сплошь и рядом изобилует примерами прямого соучастия в практике раздела имущества людей, связанных с властью. Например, среди наиболее сегодня процветающих финансистов, работающих на внутреннем рынке, вы найдете немало бывших советников господина Чубайса, причем иностранного происхождения, которые сами занимались методиками приватизации, организацией чековых аукционов, а теперь – покупкой и продажей акций. Естественно, покупкой здесь, а продажей за рубежом. Согласно американскому, европейскому, японскому и любому другому законодательству – это чистая уголовщина. По нашему кодек-

су, кстати, тоже не совсем невинное деяние, но тем не менее это правило игры, принятое правительством Черномырдина. Разница между правительством Гайдара и правительством Черномырдина и Чубайса заключается в том, что первое породило стихию неконтролируемой войны за собственность всех против всех, а второе – стало активным ее участником, используя свою власть, играя на себя в разных своих ипостасях. Госкомимущество – это одна ипостась, которая играла с иностранным капиталом, премьер-министр с «Газпромом» – это другая ипостась. Мы видим сегодня, что у людей в первом полугодии зарплата упала на 30 процентов, зато цены на газ за восемь месяцев выросли в 10 раз.

А. П.: Кстати, в чем суть феномена непотопляемости Чубайса?

С.Г.: Я думаю, в поддержке из-за рубежа. Это видно и по реальным действиям, когда он активно лоббирует интересы иностранных компаний, и по очень напористой работе его иностранных советников, которые обеспечивают связь с крупным зарубежным капиталом, и в прямом давлении американской администрации на российскую. Показательно, что каждый приезд американского президента сопровождается укреплением позиций господина Чубайса. Так было и в начале 94-го, и в конце 94-го, когда возник правительственный кризис после нашего признания работы правительства неудовлетворительной. Так что здесь однозначно мощная зарубежная поддержка...

А. П.: Мне кажется, что современный суперполитик, как правило, человек очень оснащенный, пластичный, интуитивный, в периоды кризисов обладает способностью перелетать из периода в период, из одной политической среды в другую, тем самым выживая. Скажем, Александр Яковлев легко прошел через несколько формаций коммунистического периода, триумфально вошел в период либеральный, по существу, политически еще не умер и по сей день. Это, по-видимому, такое существо, у которого и легкие есть, и жабры, которыми он может дышать в воде, у которого на случай есть и крылья, и

плавники, и он одновременно и человек-планктон, и человек-социум. В этом смысле Гайдар, как бы ни был мне антипатичен, в какой-то степени трагический человек. Он в новой черномырдинской эре не уцелел. Гайдар полностью осуществился, развился, как личинка-однодневка, в либеральный период – очень быстро вырос, набрал вес, стал огромным, сверхсильным, потому что съел много политических калорий. Но сейчас он, в общем, умер, у него трагикомическая роль, он на глазах деградирует и распадается. Однако меня интересует судьба достаточно известного человека – Травкина. Ведь чем он интересен? Травкин, конечно порождение социалистической хозяйственной практики. Там, будучи человеком абсолютно неординарным, энергичным и хватким, народным человеком, он вышел на первые роли. Травкин набрал свою стартовую политическую скорость при Горбачеве, а в постгорбачевский период стал создателем и лидером ДПР. Но в либеральный период, после 91–93 годов, он уже чувствовал себя дискомфортно. Было ощущение, что он потерял способность лавировать в политических потоках. Он сбивался: был то ельцинистом, то антиельцинистом. То у него возникали какие-то ностальгические коммунистические рефлекссы, то он опережал процессы и казался немного нелепым и смешным. И в конце концов в эту черномырдинскую эру Травкин как бы свернулся в простоквашу, перестал быть политической личностью, политически заснул и вряд ли проснется. Он нашел достойный способ уйти из политики, стал таким великим немым, и о Травкине люди потихонечку забывают. Как Вы расцениваете судьбу своей партии и судьбу этого неординарного политического лидера?

С.Г.: Повторяю, что никогда в политику не стремился, и мое избрание на пост председателя Национального комитета ДПР было явлением скорее вынужденным. Травкин к тому времени от активной партийной жизни самоустранился, по всей видимости, она ему надоела. Он все больше времени проводил в Шаховской, руководя районом Московской области, и когда встал вопрос о том, что депутат не имеет права

совмещать никакой государственной должности, кроме поста министра, Травкин даже склонялся к мысли, что надо уйти из депутатов и остаться администратором Шаховского района. Не знаю точно, как развивалась интрига на Старой площади, но, мотивируя это необходимостью сохранения и депутатского мандата, и должности главы администрации Шаховского района, Николай Ильич принял решение согласиться с предложением стать министром. Это было довольно неожиданно, хотя многие сразу вспомнили, что у Травкина давно было желание поработать в правительстве. Когда же мы начали блокировать попытки правительства провести свой проект бюджета, рассказывая депутатам, что это будет означать резкий спад в промышленности и углубление депрессии – и мы оказались правы: к 94-му году спад составил более 20 процентов, – Травкин стал утверждать, что ничего сделать нельзя: как все катится вниз, так пусть и катится, и надо сотрудничать с правительством, пытаясь на практике что-то сделать. Он не смог убедить в этом ни фракцию, ни политсовет, ни национальный комитет. Мы все-таки приняли решение добиваться вотума недоверия правительству, а Травкин, находясь в то время в правительстве, был вынужден сложить с себя партийные полномочия.

В новой политической реальности, трезво осмыслив ситуацию на своем съезде в августе, большинство членов партии пришли к выводу, что на выборы все-таки следует двигаться в рамках широкой избирательной коалиции, которая способна реально бороться за власть. И ДПР, может быть, единственная из политических партий, приняла решение самостоятельно в выборах не участвовать. Тут же злопыхатели объявили крах, гибель ДПР. На самом деле организация как была, так и есть, около 40 членов нашей партии участвуют в выборах в составе Конгресса русских общин, практически все организации нормально функционируют. Это было осмысленное решение, оно было подсказано нашим собственным опытом вхождения во власть и работы в Думе. Располагая всего пятнадцатью мандатами и внося несколько десятков законопроектов, повлиять на

ситуацию в стране, по большому счету, мы не смогли. Поэтому пытаться строить из себя лидеров, претендующих на всеобщую любовь народа, мы не стали.

Сегодня главное – объединение всех конструктивных сил. Считаю, что демократическая партия России, приняв решение не выходить самостоятельно на выборы и рекомендовав своим членам участвовать в них через Конгресс русских общин, просто показала пример, как ради действительно серьезных целей, перед лицом реальной угрозы саморазрушения государства и страны надо забыть о политических амбициях и стараться укрепить общее движение, которое способно реально что-то сделать в интересах общества.

А. П.: У Вас был такой период, когда казалось, что Глазьев ищет, выбирает, оценивает, будто просматривает всю колоду лидеров, движений, пробует их на вкус, на прикосновение. Потом Вы выбрали Конгресс русских общин (КРО), который к тому времени уже сложился. Думая о КРО как о явлении, о Скокове, который его создал, об идеологии и технологиях, которые вырабатываются в КРО, мне, может быть ошибочно, представляется вот что. Была 70-летняя коммунистическая теза, которая стала нормой, доминантой в жизни России XX века. Потом возник агрессивный либеральный контрапункт, анти-теза, которая крушила и как бы отрицала всеми возможными легальными и криминальными способами коммунистическую данность. И как снятие вот этого острейшего, разрушительного для России конфликта между коммунистической формой и агрессивным, ядовитым антикоммунизмом Гайдара и либералов, возник КРО – некий синтетический проект, умиротворяющий этот конфликт и снимающий его через возможность нового прорыва, новой идеологии и нового государственного и социального конструирования. Мне кажется, Вы как человек чуткий, ищущий, выбрали КРО именно поэтому. Так ли это? Что Вас привлекло в КРО и как Вы себя в нем чувствуете сейчас, будучи третьим лицом в федеральном списке?

С.Г.: Конгресс русских общин действительно синтетическая организация. Мы там, кстати не единственная полити-

ческая партия. Там есть представители Соцпартии трудящихся, многие ветеранские, профсоюзные движения, Федерация товаропроизводителей, что для меня очень важно. Напомню также, что Конгресс русских общин возник в связи с защитой интересов русских за границей, оказавшихся там не по своей воле. У многих обозревателей такое ощущение что КРО – случайное объединение, выстроенное вокруг одной-двух фигур для решения каких-то временных задач. По моему глубокому убеждению это не так. КРО сложился достаточно естественно, и в той идеологии, которую мы сейчас развиваем, есть все необходимые элементы для новой национальной идеи, способной сплотить всю страну. Например, идея русской государственности. Кстати, при всей противоположности коммунистической тезы и радикально-либеральной антитезы их объединяет одно: отрицание русской государственности, отрицание прав России на собственную историю. В этом они близнецы-братья. И не случайно, что люди, которые двинули страну по пути радикально-либеральной утопии, были буквально потомки тех, кто в свое время вверг Россию в бездну коммунистической утопии. Здесь прослеживается поразительная взаимосвязь и людей, и явлений, и идей, и событий. Похожие методы, кстати, используются.

Конгресс русских общин восстанавливает преемственность нынешней эпохи со всей историей России и вырабатывает идеологию, которая способна реально двинуть Россию в XXI век, соединяя наши духовные ценности, исторические традиции с конкурентными преимуществами нашей экономики. Не случайно в КРО есть и орган, защищающий интересы русских в ближнем зарубежье, и Федерация товаропроизводителей, которая представляет интересы российских деловых кругов, и члены Демократической партии России, которые понимают демократию как народовластие и ответственность власти перед народом, и Союз народов России как организация, которая не просто делегировала Конгрессу русских общин свое представительство на выборах, но и идеологически дополняет идею русской государственности тем, что Россия –

это общество, объединенное не по этническому, а по духовному принципу. И в этом смысле ключевой стержень идеологии Конгресса русских общин и Союза народов России – общая историческая судьба всех, кто болеет за наше великое государство, кому близки наши традиционные ценности, кто готов работать на благо всего общества. Здесь наше фундаментальное отличие от коммунистических и либеральных утопистов: примат духовного над материальным.

А. П.: Есть достаточно утвердившееся мнение, что у КРО благодаря тому, что Вы в ней фигурируете, есть наиболее разработанная, аргументированная, цельная и научно обоснованная экономическая программа, проверенная отчасти на практике Вашим предшествующим министерским опытом. Не могли бы Вы для нашего читателя простым языком, ибо экономическая наука не менее сложна, чем квантовая механика, в самых общих чертах обрисовать несколько центральных идей экономической программы?

С.Г.: Прежде всего подчеркну, что свою экономическую программу мы разрабатывали исходя не из каких-то абстрактных схем, а из тех предложений, пожеланий и даже требований, которые идут отовсюду. В ней, например, Федерация товаропроизводителей выразила интересы людей, которые заняты реальным производством, их взгляды и понимание того, как нужно строить экономическую политику, чтобы не просто защитить сектор товарного производства, но и создать условия для общего экономического роста. Мы использовали предложения и профсоюзов, и деловых кругов, и финансов. Все это было обработано с учетом состояния сегодняшней экономической науки. В разработке нашей программы принимал участие целый ряд академических институтов и научно-исследовательских центров, было проведено немало международных конференций, где она отрабатывалась и с позиций международного опыта. Работая в Думе, мы видим, что многие элементы нашей программы разделяют большинство депутатов, и именно поэтому довольно успешно принимаются экономические законы, которые мы предлагаем. К сожалению

нию, половина из них получает «вето» президента, которое не всегда удается преодолеть. Ведь нынешний режим выражает интересы двух-трех процентов населения, а наша программа – интересы подавляющего большинства, потому что реально обещает экономический рост без ожиданий иностранной помощи, исходя из того, что в нашей экономике имеется.

Ключевую идею программы я бы выразил так: соединение конкурентных преимуществ нашей экономики с главным фактором современного экономического роста – научно-техническим прогрессом. На производство и распространение новых научно-технических знаний сегодня приходится от 70 до 90 процентов экономического роста.

Мы полагаем, что активизация научно-промышленного потенциала и его объединение с нашими естественными конкурентными преимуществами создаст основную тяговую силу для роста экономики. Какие у нас конкурентные преимущества? Это самое дешевое природное сырье, которое позволяет обеспечивать низкие издержки производства обрабатывающей промышленности. Это развитая промышленная база и один из самых мощных в мире научный потенциал. Это высокая квалификация наших людей. Это развитая инфраструктура. То есть в стране создано все необходимое для того, чтобы с опорой на свои силы развиваться дальше.

Другая часть программы связана с текущим состоянием экономики, которое мы характеризуем как великую депрессию. И здесь мы предлагаем набор конкретных мер по реанимации экономики. Это меры по оживлению производства, по расширению загрузки производственных мощностей. Это восстановление сбережений граждан – важнейший фактор расширения спроса населения. Это использование государственных закупок для пополнения оборотных средств у предприятий в связи с гиперинфляцией. То есть мы предлагаем задействовать государственный спрос для стимулирования производства в ключевых отраслях, определяющих экономический рост. Для того чтобы сохранить наши конкурентные преимущества, связанные с мощной сырьевой базой, мы счи-

таем необходимым проведение активной ценовой политики. Это означает, что должен быть установлен контроль над ценообразованием в отраслях естественных монополий. Ведь главным фактором инфляции сейчас стал резко опережающий рост цен на энергоносители, прежде всего на природный газ. Если все цены в этом полугодии в среднем выросли в 2 раза, то на газ – в 6,5 раза, а газ сетевой – в 10 раз. Понятно, в чьих это интересах. А в интересах всего общества – как раз установить контроль над естественными монополиями, над системой ценообразования с тем, чтобы промышленность могла оставаться конкурентоспособной.

В части реанимационных мер очень важный для нас вопрос – наведение порядка в управлении госсобственностью и госфинансами, потому что наши стратегические цели и задачи требуют материального обеспечения, концентрации средств. Причем концентрации средств не только в государстве, но и в финансово-промышленных группах и в тех частях экономики, которые ориентированы на рост, а не на спекулятивную краткосрочную конъюнктуру. Скажу, что, если отменить все незаконно предоставленные льготы, если обеспечить изъятие природной ренты не в частные карманы, а в государственный – природная рента, как ни крути, в любой рыночной экономике – это общенародная рента; если обеспечить нормальное коммерческое использование госимущества, доходы бюджета могут быть практически удвоенны. И наши расчеты показывают что это позволит не только решать социальные проблемы, но и провести налоговую реформу, которая крайне необходима для нормализации всей предпринимательской жизни, поскольку сегодня процветает тот, кто не платит налогов.

Но нынешняя власть жестко препятствует даже первым шагам по наведению порядка в этой сфере. Мы видим, что самые тяжелые взаимоотношения Думы и правительства складываются по вопросу о ликвидации льгот и контроле за ходом приватизации. Правительство также всячески уходит от установления какого-либо законодательного обеспечения этих процессов.

С моей точки зрения, мы сейчас находимся в активной фазе банковского кризиса; во всяком случае, сплошь и рядом идут сигналы о неплатежеспособности банков. Замораживаются расчеты, банки не в состоянии выполнять свои обязательства перед клиентами, и уже активно начались процессы по концентрации банковского капитала как один из способов выхода из этого кризиса. То, что сейчас делают правительство и Центробанк, скупая государственные краткосрочные облигации и пытаясь тем самым увеличить ликвидность в экономике, – это полумера, которая не даст серьезного эффекта без использования одновременно других средств. Таких, как те же гарантии для частного капитала, развитие производства, защита рынка в целях восстановления производственных мощностей, введение нормального уровня экспортных пошлин на газ в целях сдерживания давления на рост курса рубля и приведение темпа его обесценивания в соответствие с темпом обесценивания покупательной способности на внутреннем рынке. Правительство из всего этого набора мер использует только одну и, кстати, самую разрушительную по своим инфляционным последствиям – эмиссию денег через Центральный банк под выкуп ГКО. И в рамках ограничений, в которых они находятся, ничего кардинального не смогут сделать для улучшения ситуации на межбанковском рынке. Чем все это кончится и когда? Вопрос сложный, потому что в Чили в аналогичной ситуации это кончилось крахом всей банковской системы. В Америке в эпоху Великой депрессии были прекращены расчеты на какое-то время, затем началась политика санации банков. А наше правительство все пустило на самотек. Поэтому, видимо, многие банки просто лопнут, клиенты разорятся, и это никого не будет беспокоить ни правительство, ни Центральный банк.

А. П.: Какое у Вас ощущение предвыборного процесса? Вот мы с Вами участвовали – каждый со своей позицией – в создании коалиции патриотов разных ориентаций с тем, чтобы прийти на выборы согласованными рядами, суровым фронтом и, возможно, доминировать на них. Не будем ана-

лизировать причины, почему сделать это не удалось, но факт тот, что оппозиционные группировки выходят на предвыборный старт отдельно. Единственное, может, что нам удалось сделать за это время, – это все-таки обеспечить достаточно низкий уровень предвыборной конфронтации. Какая-то этика, я думаю, все же будет соблюдаться: в критике, борьбе за электорат. Нет такой очевидной агрессивности, и те чашки чая, которые мы выпили вместе, сидя в гостиничных номерах, не пропали даром. Какое у Вас ощущение: удастся ли в Думе, если Бог поможет и оппозиция будет доминировать, создать единый фронт, объединительную коалицию для того, чтобы работать не только в законодательном желобе, но и попытаться через договор или через давление на президента создать свое правительство?

С.Г.: У оппозиции нет иного пути, как объединиться. В свое время я с большим энтузиазмом откликнулся на идею создания движения «Согласие во имя России». Очень жаль, что оно так и осталось клубным, не выросло в реальную политическую силу. Думаю, что сегодня камень преткновения на пути объединения – это отнюдь не идеологические разногласия, поскольку перед угрозой саморазрушения Российского государства теоретические расхождения теряют всякий смысл и значение. В то же время мы знаем, с какой легкостью, скажем, наша социально-экономическая программа проникла в разных формах в программные заявления думских коллег из других партий и обретала форму законов, которые всеми поддерживались. Это показывает, что существует набор ключевых идей, на почве которых нужно объединяться. Следовательно, главная проблема – чисто субъективная, проблема лидерства. Я уверен, что если нам удастся избежать фальсификации выборов, обеспечить частный подсчет голосов, то оппозиция, получив две трети мест в Думе, просто не выполнит свой исторический долг, если не объединится. В этом смысле очень важная роль политической воли самих организаций – они должны толкать своих вождей на объединение под угрозой их отстранения от должности.

К сожалению, мы убедились также, что среди руководящего состава оппозиционных партий находится немало людей, которые очень быстро вступают во взаимосвязь со структурами власти. И как бы считают, что они уже вошли во власть и могут что-то решать. На самом деле это иллюзия. Ну пригласили человека на совещание в правительстве. Ну президент пригласил на какие-то переговоры. Ну провели какое-то красивое мероприятие со всеобщим участием. Дали машину. Создается видимость причастности: хоть и оппозиция, но влияет на принятие решений. И таким заигрыванием с вождями раскалывают оппозицию. Здесь очень важно, чтобы все время была связь с низами. Скажем, Конгресс русских общин выстраивается по принципу представительства разных организаций с коллективной системой принятия решений. Действует коллективное мнение, вырабатываются согласованные решения. Мне кажется, это продуктивная модель для объединения всех конструктивных сил.

Октябрь 1995 г.

«Союз — это реальность»

*(Диалог Александра Проханова
с Юрием Петровым)*

Александр ПРОХАНОВ: Юрий Владимирович, Ваш политический генезис всем известен: Урал, партия вплоть до катастрофы 91-го года. Она многих близких к Вам людей развела на разные фланги политики. Вас волей обстоятельств, скрытых пружин или судьбы она продвинула вместе с Ельциным в новый политический этап. Вы были очень близкий к президенту человек, близкий по взглядам, близкий по землячеству, Вы были с ним рядом на первых, самых напряженных и хрупких этапах его президентской карьеры.

Я был в совершенно другой среде, среди гэкачепистов. Мои симпатии Вам тоже известны: я — антиельцинист, и та

агрессивная атмосфера, в которой тогда все происходило, заставляла меня и многих близких мне людей относиться к Вам подозрительно, враждебно, с мучительным пристрастием анализировать Ваши поступки и Ваши ситуации.

Потом Вы подверглись мощнейшему ostracismu людей, которые нам казались Вашими соратниками, партнерами. Многих это ошеломило: Петров, правая рука президента, хозяин его администрации, – и вдруг непонятная страшная репрессия со стороны тех, кто назывался демократами. Что это было? По-видимому, и тогда в президентском окружении существовало два потока, две энергетика. В недрах одного потока существовали Вы, у Вас была своя система, своя политическая культура. Другой было принято называть демократическим. Что это за две энергии, две системы, две политические культуры, которые столкнулись тогда, следствием чего стали Ваше поражение, отторжение из этой сферы?

Юрий ПЕТРОВ: Здесь надо посмотреть на чуть более ранний период. Мы действительно земляки с президентом, много и дружно работали в Свердловской области, считали, что когда-то потом опять будем работать вместе, это когда уже пути наши разошлись: он отправился в Москву, а я остался там, потом уехал на Кубу. На Кубе многое из того, что происходило здесь, особенно с 88-го по 90-й год, воспринималось с болью. Отношения между двумя странами стали разлаживаться. К Кубе и другим странам социалистического лагеря стали подходить совершенно с другой философией. Идеология интернационализма, солидарности и поддержки уходила в прошлое. Все чаще стали слышны призывы всех бросить, мол, хватит их кормить, надо решать свои собственные проблемы. Я считаю, что это в принципе неправильно. И поэтому, отработав уже достаточно времени на Кубе, стремился вернуться домой. К тому же в 90-м и 91-м годах просто чувствовалось, что события развиваются далеко не в том русле, в котором хотелось бы, и, честно говоря, было желание принять в них участие. Во время моего отпуска в июле 91-го состоялась встреча с уже президентом Борисом Николаевичем. Он предположил мне возгла-

вить его администрацию. Я не знал, что такое администрация. Мне дали документы, в частности по администрации США, я их просмотрел и дал согласие. Пришел к Борису Николаевичу и говорю: «Да, я готов, но при том условии, что это будет не хозяйственная должность, а политическая». То есть я не хочу быть чем-то вроде завхоза. Собственно, должность руководителя администрации и задумывалась как политическая.

Так получилось, что все вопросы, связанные с моим уходом с работы, были быстро согласованы тогда еще с Горбачевым и с МИДом. В течение двух недель сдал дела на Кубе и 19 августа вышел на работу в Белый дом. Меня только провели в кабинет, как через два часа, как говорится, танки уже под окнами. Во время известного выступления президента с танка я тоже был там в толпе. Ну а потом началось...

Вы говорите о двух энергиях – безусловно, так и было. Энергия людей, которые имели определенный опыт, жизненную позицию, быть может, более консервативную, чем у молодого, напористого, даже нахрапистого, демократического движения, представители которого были носителями другой энергии. Решая задачу организации работы администрации президента, мы, по существу, опирались на аппарат правительства, потому что поначалу у меня в подчинении было всего 16 человек. Я стремился увязать все в один кулак и подчинить одной цели – нормальной работе государственного аппарата.

Мои взгляды – а я их особенно не скрывал – пришлось не по душе многим политическим деятелям, которые тогда имели достаточно сильное влияние на президента. С ними вместе он проработал год-полтора, пришел сначала в Верховный Совет, потом в президентство, и подходы у них были, я бы сказал, очень революционные – все решалось спешно. А с учетом того, что опыта достаточного не было, зачастую неправильно.

Вот отсюда возникли два течения, две энергии, как Вы говорите. Никто не был против реформ, да и сегодня ведь никто не выступает против определенной демократизации общества, политического плюрализма. Речь не об этом шла, а о темпах, способах и цене реформ.

Вот это нетерпение, стремление все перевернуть сразу способствовали тому, что чем дальше, тем больше расходились наши позиции. Ведь когда задумывались реформы, все говорили об одном: будем давать свободу человеку, пусть он проявляется во всем многообразии своих способностей и талантов. Сделаем так, чтобы тезис «инициатива наказуема» ушел в далекое наше прошлое, и т.д. Ставилась задача каждый день, каждый год делать жизнь человека лучше. Мы же призывали каждый год подводить итоги, сравнивать его показатели с предыдущим годом. Если мы строили на 10–12 процентов больше жилья, школ, какие-то объекты соцкультбыта и прочее, мы испытывали законную гордость за сделанную работу. А что испытывают люди сегодня? Я как-то читал статью Гайдара, где он признавался, что по ночам спит очень спокойно. Как можно об этом говорить сегодня человеку, который был одним из тех, кто довел страну до нынешнего состояния? И здесь, конечно, команда набиралась очень поспешно, формировалась из знакомых, близких. Очень много людей, квалифицированных, действительно знающих дело, вынуждены были покинуть правительство, министерства и ведомства. Помните, когда произошел распад СССР, союзные министерства стали поглощаться абсолютно маломощными российскими министерствами. А у нас кадры в российских министерствах и ведомствах всегда были слабее – так уж сложилось. Многих министерств у нас вообще не было: металлургии, оборонной промышленности. Мы занимались в основном «бытовкой», делами, связанными с обеспечением нормальной жизнедеятельности, а все основные вопросы решались в союзных министерствах. Получилось, например, что наш республиканский МИД поглотил большой, союзный. Очень много людей, абсолютно достойных, были вынуждены просто уйти из МИДа в силу того, что новому руководству надо было, как говорится, подтянуть своих людей. А «свои» люди оказались менее квалифицированными, менее подготовленными, поэтому у нас произошел огромный провал во внешнеполитической сфере. Последствия его не преодолены и сегодня.

Я пользовался, конечно, доверием и поддержкой президента, и люди из другого потока это чувствовали. Информация, которую я давал президенту, очень часто расходилась с той, которую хотели бы принести из правительства и несли в конечном счете, выдавая желаемое за действительное. Я не говорю, что они обманывали сплошь и рядом, но ведь каждый хочет показать свою работу получше. Не случайны же эти многократные заявления премьера и президента: вот скоро будет улучшение, вот с 92-го года, еще чуть-чуть потерпим, 93-й год... Это же им давали соответствующие материалы, статистику...

Я бы даже сказал, что не было особо сильных столкновений между мной и Бурбулисом или Шахраем... Было просто определенное взаимное неприятие. Они знали мою позицию, чувствовали ее, и я знал их позицию. Но ни в какие дразги я никогда не вступал, не вступаю и не буду вступать – я не так воспитан. Во мне достаточно и характера, и гордости мужской, чтобы выстоять там, где я считаю должным. Но были моменты, которые, конечно, нельзя было пропустить. Я думаю, Вы помните: перед одним из съездов началась очень мощная кампания, направленная на принятие закона о люстрациях. Хотели одним махом вывести из политической жизни всех, кто был связан, в частности, с партийной работой. Считаю, что такой подход – это уже зачаток будущей гражданской войны. И тогда, подав президенту заявление об отставке, я ушел, фактически покинул администрацию и в течение 20-ти дней сидел дома. Не потому что я бывший партийный работник, прошедший большую школу, что мне некуда будет приткнуться. Я как раз не о себе думал.

После этого был разговор с президентом, и мы с ним обо всем договорились. Я, кстати, предложил новую схему его администрации, в значительной степени ту, которая существует сейчас, может, только она гипертрофирована, не знаю. Я считал, что у президента должен быть свой собственный аппарат аналитика, работа с территориями, то есть он обязан держать руку на пульсе страны, опираясь на собственный

аппарат, на тех людей, которые работают в его администрации. И, конечно, все это ни в коей мере не должно было породить конфронтацию с правительством, министерствами, ведомствами. У президента все-таки свои обязанности, они более широкие, чем обязанности правительства, в решении тех или иных вопросов.

Согласие на этот вариант было получено, но позже потихоньку все опять стало спускаться на тормозах. Определенное противостояние сил, не явное, конечно, сохранялось. И поскольку я был человек команды и хорошо знал правила политической игры, я не один раз говорил, что готов, если этого требует обстановка, покинуть свой пост.

Потом были события перед последним съездом. Я действительно не проинформировал президента о том, что Иван Петрович Рыбкин, руководитель коммунистической фракции в Верховном Совете, пришел ко мне накануне рейтингового голосования и предложил: «Юрий Владимирович, как Вы посмотрите, если завтра коммунисты Вас выдвинут на должность премьера?» Я сказал, что первым это будет решать президент, я тут ничего не могу обещать. Тогда он спросил: «Вы снимете свою кандидатуру или нет?» Я ответил: «Нет, снимать не буду». Потом, хотя меня и выдвинули, президент мою фамилию в списке не зачитал, то есть принял для себя такое решение. Другое дело, что я не смог с ним до начала съезда поговорить. Это не какие-то там закулисные дела, я далек от них – он знает об этом. За все годы нашей совместной работы я не допускал закулисных шагов, интриги чужды мне как человеку, как гражданину и как политику. Поэтому и закончилась постепенно моя деятельность в администрации.

А. П.: На протяжении всех этих четырех с лишним лет от власти все время отслаивались люди, отслаивались как бы целые формации. Это люди, скажем, Вашего склада, скоковского склада, руцковского склада или, быть может, глазьевского и полевановского. Они уходили, казалось, потому, что не выдерживали экспансии, агрессии либерально-радикальной фракции, за которой была поддержка с Запада,

которая блистала своим авангардизмом, своей буржуазной мифологией. Вы, люди другой политической культуры, уступали им во многом – уступали в лексике, в способности воздействовать на общественное сознание. У Вас был ген советского традиционализма. Вот я был близок, дружил с Поляничко Виктором Петровичем. Эта формация государственников, вскормленных и выпестованных КПСС и вышедших на передние рубежи партийно-государственной политики, была неприемлема в ту пору.

Но интересно, что и другие отслаивания происходили. Где они, бурбулисы, полторанины, старовойтовы? Их нет рядом с Ельциным, они сгорели, как ступени ракеты, оказались израсходованными и в личностном, и в мировоззренческом смысле. Где супермен Гайдар, который казался огромным, который повелевал территориями? Он стал сейчас крохотным, в икринку опять превратился из такого огромного головастика. Сейчас, я думаю, кончается эра и Черномырдина. Вот что это за периоды были? Как Вы ощущаете это четырехлетие, что это за властные формации, почему происходила их смена и что это за сила, которая толкала всю эту политическую массу?

Ю. П.: Мне кажется, что здесь сказываются объективные законы политической жизни в таком сложном периоде. Если взять даже наше недавнее, будем говорить, социалистическое прошлое, как формировался высший эшелон руководства? Тоже по принципу команды. Но поскольку таких переломных моментов не было, то эти процессы проходили более спокойно. Потом еще одно важное обстоятельство. Мы – воспитанники, как Вы говорите, старой школы партийной работы. У нас не были приняты заговоры, даже какие-то специальные объединения в рамках той же администрации. Скокову уже доставалось, и Руцкому доставалось, но мы же не шли по пути какого-то единения и выработки совместных действий, скажем, против команды Бурбулиса или Гайдара. Хотя мы знали позицию друг друга, порой обсуждали те или иные вопросы. Видимо, сказывалось, что они были более молодые, более агрессивные, ведь агрессия, она всегда более подвижна, более ожесточена, если

хотите. А когда достаточно прочно стоишь на ногах и знаешь, что и как делать, то, быть может, даже принижаешь возможности этой агрессивности. Кажется, что все перемелется, ведь и так ясно, кто чего стоит и кто что делает в этой жизни.

А приход одних и уход других – это естественный процесс. Возьмите правительства других государств. Меняются кабинеты, кто-то работает с президентами больше, кто-то меньше, кто-то уходит со скандалом, кто-то тихо, незаметно...

А. П.: Там доктрины меняются. Уход команды связан с изменением доктрины.

Ю. П.: Не только это. От того же Клинтона целый ряд людей по разным причинам уже ушел: кто-то не справляется со своими обязанностями, кто-то допускает нарушения моральных, этических норм, за чем у них там очень внимательно следят, в отличие от нас. У нас сегодня что ни напиши газета – с виновников безобразия как с гуся вода. Раньше в этой части действенность прессы была значительно выше. С нарушениями законности разбирались партийные органы, ЦК, в конце концов наводили порядок. Но я думаю, что это все-таки временное явление. У нас просто политическая культура сейчас недостаточная, властные институты еще не установились, нет четкого разделения властей, и здесь одна из причин нынешнего положения. Но я это не считаю безнадежным.

А. П.: Юрий Владимирович, Вы были рядом с Ельциным на самых ранних, во многом трагических для русской истории отрезках его президентской деятельности, и мне просто интересно узнать Вашу трактовку такого события, как беловежское решение, как распад СССР. Демократический фланг твердит, что это была неизбежность, естественный внутренний разрыв и распад, что Ельцин, Шушкевич и Кравчук просто конституировали реальность, которая сложилась на последнем этапе горбачевской политики. Люди, близкие ко мне, патриоты и коммунисты, убеждены, что это был насильственный акт, заговор, что это было исполнение суперзаказа нашего стратегического противника по ослаблению СССР, расчленению его на части, созданию усеченной России... Вы наблюдали всю эту

ситуацию, знали людей, которые были с Ельциным, видели, как это решение созревало, чем мотивировалось. Почему необходимо было это сделать? Ведь до сих пор Лукашенко рвется обратно. Не пускают. Назарбаев заявлял, что ему хотелось объединиться. Не пустили. Тезис о том, что национальные элиты и национальные движения рассыпали «империю зла», неубедителен, потому что до сих пор люди, народ, элиты, даже новая буржуазия, хотят объединиться, создать политический интеграл. Как Вы объясняете, почему было принято преступное решение на расщепление супердержавы?

Ю. П.: Думаю, что однозначного ответа тут нет. Дело в том, что имели место все факторы, о которых Вы говорили. Была абсолютно разнузданная националистическая пропаганда, которая велась сначала в республиках Прибалтики, потом на Украине, в меньшей степени в Белоруссии, в закавказских республиках. Все это имело место, и упомянутые руководители были поставлены в очень жесткие рамки, особенно после того как произошли события в августе 91-го года. Тогда, по существу, закачалось государство, а националистические силы интерпретировали эти события как попытку центра снова подвести всех под один кулак. Этот процесс шел подспудно – скажем, на Украине все время говорили, что они не только Москву, а вообще полмира кормят. В конце 80-х – начале 90-х годов подобные настроения усилились, потому что им не давали отпора. То, что пропаганда и спецслужбы Запада активно работали на распад Советского Союза, – абсолютно точно. Этот фактор тоже присутствовал. Измерить на весах, чего больше было, очень трудно. То, что шла борьба с центром за власть, в том числе и в России, и распад Союза решал для новых элит ряд конкретных проблем, – и это было. Всем хотелось стать президентами, потому что оставаться первыми секретарями, когда партию практически уже втоптали в грязь и обвинили во всех смертных грехах, было небезопасно. Ведь у нас обвинение партии шло голословно, не против конкретных людей. Виноватыми объявлялись все 19 миллионов коммунистов. Да в чем были виноваты те же секретари райкомов или

работники партийного аппарата, которые к льготам высшего руководства не имели ни малейшего отношения? Когда я пришел в 67-м году на работу в партийный комитет, я потерял сто рублей – по тем временам весомые деньги, потому как заместитель начальника цеха получал 250 рублей, а оклад партийного работника был 150. На трамвае 45 минут ездил на работу и столько же домой каждый день. Какие там дачи, какие машины! Правда, когда стал вторым секретарем, уже была машина, но в этом была служебная необходимость. Если на трамвае всюду ездить, то много не наработаешь. А вот другая сторона жизни партийных подвижников – подвижничество – была просто втоптана в грязь. У всех нас сил не хватило защититься, потому что в оппозиции у высшего руководства партии во главе с Горбачевым и Яковлевым был один Лигачев. Конечно, в партии много было достойных людей, но с Егором Лигачевым я работал, был у него заместителем и скажу, что это кристально честный человек. И когда начались нападки Гдляна и Иванова и никто его не защитил, в том числе и генсек, то уже было ясно, как стали обращаться с кадрами. И это сказалось на поведении республиканских элит. Их стремление отдалиться от центра было отчасти понятно – ведь государственная самостоятельность сразу разрешала массу вопросов. И это никак не сбросить со счетов. Точно так же, как сейчас нельзя сбрасывать со счетов то, что в народе растет тяга к объединению. А что значит 25 миллионов русских за границей? Вдруг начинают ставить пограничные столбы, делать таможи, нельзя в соседнюю деревню прийти к сыну... Это же нонсенс! И опять же по политическим соображениям там, за бугром, не хотят, чтобы вновь возник единый Союз.

Интеграционные процессы пока не находят конкретного воплощения. То, что существует СНГ, хорошо. Но до сих пор не отработаны достаточно действенные механизмы взаимовыгодных отношений. Общая заинтересованность, казалось бы, есть: и экономическая, и политическая. А дело не идет. Почему? Говорят, что пока нынешние руководители и элиты не сменятся, очень трудно надеяться на то, что удастся догово-

риться сойтись. Потому что уж слишком много личного привнесено в политику. Посмотрите, например, на левоцентристские силы. Создан десяток партий, движений, блоков – все с похожими программами. Кто-то чуть громче кричит, кто-то слабее, кто-то острее стравит вопрос, кто-то мягче, но принципы все совпадают. Возьмите Скокова, Рыбкина, блок компартий, профсоюзы, «Мое Отечество», Святослава Федорова и других – они все примерно с одной программой. Что мешает объединиться, создать мощную силу, назвать единых кандидатов? Мешают амбиции, больше ничего серьезного нет. Я считаю, что только к следующим выборам, через 3–4 года, удастся сформировать такой единый союз. Вот уйдут все эти лидеры, которые где-то и когда-то друг другу наступили на пятки. И тогда сформируется более спокойное, будем говорить, социал-демократической направленности движение. Кстати сказать, компартия в значительной степени дрейфует в этом направлении, потому что социальные идеалы, они все правильные, от них никуда не уйдешь. Человек должен быть защищен, он должен иметь возможность для полного самовыражения. Честный труд предпринимателя или рабочего у станка должен достойно оплачиваться, по реальной рыночной его стоимости. И если ты способный человек или можешь продуктивно работать по 20 часов в сутки на благо всех, ради Бога, пусть у тебя будет все. Ведь мы просто обязаны сделать жизнь наших людей достойной, другого пути у нас нет.

А. П.: С нашими ресурсами мы уже давно должны быть мировым лидером, как это замышлялось в начале века. Ведь реформы, лучшая жизнь, приобщение к «цивилизации» – все это мифологемы. В то же время все этапы нашей жизни начиная с 91-го года – это непрерывное ухудшение, никаких сдвигов. Взять тот же Китай: гигантское развитие, суперорганизация, продуктивность, могущество, спокойствие, потенциалы сохранены и умножены, идут реформы. А у нас что ни делается и будет делаться – на ухудшение, на провал, на катастрофу. Идет страшная потеря социального времени. Чтобы выбраться из этой катастрофы нации в целом, всем ее слоям,

и не избранному меньшинству, похоже, потребуется первая половина XXI века. Неужели Ельцин не понимает этого? Он считает, что все его указы идут на углубление реформ? Но ведь каждое такое углубление – это все более ужасный котлован на месте супердержавы. Почему так? Ну, два этапа провалились, третий. Что дальше? Черномырдинская тенденция, которая сейчас реализуется, – тенденция тупика. Это понимают все. Это понимают утонченные экономисты и практики. Это понимают энергетики, военные, ученые, аграрии. Нам не светит никакой прогресс. Почему Ельцин продолжает идти по этому пути? Кто его на это толкает?

Ю. П.: Сложный вопрос. Единственное, что я могу сказать: он действительно хочет сделать лучше. Не получается. Первая команда была плохая, но она задала тон. А дальше в сущности ничего не изменилось – упорно проводится та же самая гайдаровская монетаристская политика. Нормальную приватизацию как ждали, так и ждут. Сейчас поставлена задача: буквально за два месяца продать акции наших крупнейших предприятий без соответствующей оценки, по явно заниженным ценам. У нас в стране нет таких денег, чтобы их купить. Баба Нюра сегодня не пойдет покупать акции Норильского никельного завода, она в этом ничего не понимает, не знает, что такое дивиденды. Да и где она может заработать на это деньги? Зато очень хорошо мы «воспитали» людей на всякого рода пирамидах типа «МММ» и «Тибет». Народ от них шарахается, он никому не верит сейчас и в то же время чего-то ждет, ему вроде бы постоянно с экранов телевизоров обещают: вот-вот-вот...

Мы начали реформы, имея достаточно мощный потенциал. Но смотрите: резко сократилось военное производство, практически отменены дотации сельскому хозяйству. Спрашивается, после освобождения таких огромных средств вроде бы должна начаться инвестиционная активность? Ведь были еще гигантские материальные запасы, на которые мы жили в 92-м, 93-м годах. Где все эти накопления? Они ушли за рубеж, потому что в условиях полной бесконтрольности

была либерализована внешнеэкономическая деятельность. Все всё продавали, никто ни за что не отчитывался.

А. П.: Но ведь уже четыре этапа прошли, и каждый приводил ко все большему обнищанию. Мы профукали 70 лет напряженнейшего труда, все, что на костях накопил Сталин, весь стратегический ресурс, в том числе и материальный, и социальный, – все ушло за рубеж. Что это за психология? И сейчас просвета не видно, та же самая тенденция. Сейчас землю хотят продавать.

Ю. П.: Землю продавать надо, во всем мире земля является товаром, и государство имеет с этого большие прибыли, надо только правильно научиться продавать.

А. П.: Почему мы порты продали так дешево? Мы и землю продадим за копейки? И кому? Немцам? Армянам?

Ю. П.: Вот в этом трагедия. Для таких реформ, на которые мы решились, нужны были не год, не два и не три, а десятилетия. Вспомните ту же китайскую культурную революцию с ее принудительным трудом, исправительными работами в сельском хозяйстве. Постепенно там вызрело понимание того, что должна быть другая стратегия, и, опираясь на мощь государственного аппарата, в хорошем смысле этого слова, на мощь партийного аппарата, Китай повел свою реформу. Они даже перегрели экономику, у них сейчас задача другая: как снизить темп экономического развития. Два года назад я был там и видел, чего они достигли, хотя, конечно, там еще много внутренней напряженности. Они нашли правильный путь реформ. Мы его за эти годы не нашли.

А. П.: И все-таки я хотел бы получить ответ на вопрос: что это за давление? Давление политическое – референтных групп, зависимость от концепции МВФ, или здесь что-то психологическое, личностное есть? Как Вам кажется?

Ю. П.: И опять здесь есть и то, и другое, и третье. Говорю так не потому, что хочу уйти от прямого ответа. Давление Международного валютного фонда – есть. Мы зависимы, к сожалению, сегодня от того, дадут они нам деньги или не дадут. Потому что в бюджете эти несколько миллиардов

долларов уже учтены, а МВФ каждый квартал приезжает и смотрит, какая у нас инфляция, какие у нас главные экономические показатели, и в зависимости от этого принимает решения. Конечно, правительство поставлено в очень сложное положение. С другой стороны, кто сегодня не заинтересован в восстановлении сильной России? Кроме нас самих, никто не заинтересован, ну, может быть, еще наши ближайшие соседи. Значит, отношение к нам соответствующее, инвестиции сюда не идут под всеми предложениями. Да, есть определенная политика в отношении России, которая проводится, как мы раньше говорили, воротилами западного мира. И есть настойчивость, упрямство президента в достижении поставленной цели. Он никогда не отступает, он должен пройти свой путь до конца. Это психологический момент? Да, он так воспитан, он такой человек – не может быть вторым и не может не дойти до той цели, которую поставил. Да, он ищет выход из трудного положения, в том числе путем кадровых изменений, которые происходят с самого начала деятельности администрации. Надо было сохранить или смягчить вот этот накат со стороны демократов, тогда уходил в сторону один человек и приходил другой. Под давлением обстоятельств ушел и Гайдар. Потом в какой-то момент снова оказалось, что он может что-то сделать, – возвращается, его курс продолжается. Опять падение, катастрофа, как Вы говорите, уходит опять. Приходит Черномырдин, вроде бы человек, который должен поправить дело. В огромном хозяйстве надо хотя бы уметь разбираться, а у нас сейчас гигантская и совсем другая Россия. В регионах совсем не то, что раньше: кто-то действительно приспособился, работает, кто-то вообще не умеет работать в новых условиях, людей надо или научить, или поменять. Ведь государство, имея контрольные пакеты акций предприятий, фактически не управляет ими, потому что всюду поназначали там чиновников из Госкомимущества, но что они понимают? Управлять должны министерства, ведомства, это им сегодня надо отдать контрольные пакеты акций, а вместо этого мы их, извините, кастрировали, свели их функции до нуля. И некому решать

вопросы перспективного экономического развития. Например, в Министерстве экономики осталось всего 600 человек, причем не самых лучших, потому что лучших разобрали коммерческие структуры. Скажем, у меня работает один из бывших заместителей министра, занимается вопросами инвестиций. Точно так же растащили квалифицированный аппарат Министерства финансов... А мы все говорим, что надо коррупцию побороть. Как ее поборешь? Ведь руководитель или сотрудник государственного аппарата должен быть честным, уважаемым человеком, причем с соответствующим его непростой работе окладом.

Думаю, что президент рассуждает и над тем, кто придет после него и какой будет тогда курс. Есть серьезные вопросы и ближайшего будущего, потому что Госдума, скорее всего, не утвердит бюджет на 96-й год. Как говорят эксперты, он в полной мере продолжает бюджетную политику 95-го, нет каких-то кардинальных изменений ни в налоговой системе, ни в других вопросах, связанных с поступлениями в бюджет. Поэтому надеяться на то, что будущий год будет годом расцвета и подъема, не приходится, и в Думе, конечно, начнутся острые баталии. Не исключено, что правительство бюджет так и не получит.

А. П.: Теперь мы обратимся к теме, связанной с Вашим новым амплуа. Концепция реализма сегодня звучит достаточно эпатажно. Например, американские реалисты или прагматики, если я верно угадываю аналогию, это представители консервативной, уверенной в себе, осторожной части американского истеблишмента, взгляды которых сложились в достаточно спокойный период истории США. Нужно быть очень социально обеспеченным, экономически и политически преуспевающим человеком, чтобы позволить себе роскошь быть реалистом. У нас же в стране нарастающий революционный кризис. Мы живем в неопределенном мире, который описывается двадцатью сценариями, а его параметры вообще непонятны. И в этой сюрреалистической ситуации, ситуации кризиса, который ведет, по существу, к гражданской войне –

она уже идет в разных формах, – Вы предлагаете обществу свою философию реализма, когда, по моему ощущению, на политической арене должны действовать люди склада Пересвета и Осляби, Гастелло или Матросова. Сегодня актуальна этика жертвенности, безумного романтического рывка. И президент, и какой-нибудь ротный в Чечне – это не реалисты. На мой взгляд, это люди традиционного интуитивного озарения, полубезумного, может быть. Вот в этом контексте, что такое Ваша философия реализма?

Ю. П.: Я не хотел бы сейчас формулировать философию нашего движения, потому что, по существу, она только вырабатывается. Вы вот говорите об озарениях, они, безусловно, нужны, но все-таки в основе всего будничная, напряженная, черновая работа. В основе нашей философии прежде всего такой подход. Мы отвергаем крайности, считаем, что как левые, так и правые перекосы недопустимы в сегодняшнем нашем обществе, бурлящем, кипящем, как Вы правильно говорите, в котором невозможно разобраться даже тем, кто профессионально занимается социологией и политикой. Однозначных ответов сегодня на многие вопросы нет. Задумывая же клуб и потом движение «Союз реалистов», мы считали, что должна появиться спокойная, уравновешенная сила, которая реально оценивала бы всю нашу историю со всеми ее плюсами и минусами, победами и поражениями, реально оценивала бы сегодняшний день, не воспринимая его только в черных красках. То, что мы наконец начали заниматься рыночным реформированием хозяйства, в принципе хорошо, и это обязательно даст отдачу. Другое дело, конечно, цена реформ, о которой мы говорили. Да, это непомерная цена, но это уже мы виноваты, что не смогли все сделать как надо, люди, которые взялись за реформы, оказались не способны сделать лучше. Но все-таки получился политический плюрализм, и демократические свободы в стране стали действительными. Но самое главное, конечно, – переход к рыночной экономике, о чем мы думали, мечтали. Потому что все, что было раньше, это было фактически плаванием против течения. Считаю, что мыплыли

против объективных экономических законов. Мы пытались повернуть вспять реки Сибири, направить их на юг, перегородить плотинами. Мы очень решительно и очень бездарно подходили ко многим делам. И сегодня мы считаем, что надо ставить реальные задачи на будущее. Прошрое, сегодняшнее и будущее должно оценивать без завихрений, прежде всего с позиций здравого смысла. Думаю, что страна больше не выдержит экспериментов. Вот Явлинский, он сегодня главный критик, один из тех, кто еще не работал в правительстве, даже он не скажет: «Ребята, к концу будущего года мы выйдем на такие-то параметры». Во всяком случае, чрезвычайно рискованно все это. Поэтому мы за эволюционный путь развития. Считаем, что реформа – тяжелая работа, которую должны делать квалифицированные специалисты, люди, понимающие, что такое наша экономика, страшно монополизированная. А что делать с энергетиками, транспортниками и другими естественными монополистами, которые всех сегодня загоняют в угол непрерывным ростом цен и инициируют инфляцию? Мы считаем, что должны прийти люди, которые способны проводить реалистический курс и иметь достаточную политическую волю. Иначе будут беспомощны все, кто бы ни пришел к власти. Сегодня Глазьев многое критикует, и, бесспорно, справедливо. Он член нашего клуба, мы с ним вместе работали, и наши позиции совпадают по абсолютному большинству вопросов. Но придет он завтра к рулю экономики, и ему надо будет держать достаточно мощный удар со всех сторон. Потому что если не включить печатный станок, мы не сможем платить ни заработную плату, ни пенсии, ни пособия. Потому что сегодня мы не умеем собирать налоги, у нас огромный дефицит бюджета, и его в одночасье не преодолеть. Тот, кто придет к власти, столкнется с гигантским наследием трудностей, совершенно объективных и не зависящих от него. И он должен иметь резерв времени и поддержку. Почему мы и ставим задачу, чтобы в Думу пришло как можно больше реалистически мыслящих людей с нормальной гражданской позицией, чтобы можно было сформировать нормальное правительство. Опи-

раясь на поддержку парламентского большинства, это правительство будет способно решать главные задачи, в том числе и очень непопулярными мерами.

А. П.: Сегодня идет сшибка, все равно что Курская дуга, Прохоровка, и мы хотим решить эту битву эволюционным путем? Нет, это будет страшная борьба, это будет скрежет танковых корпусов, он уже слышен, и Вы меня недостаточно убедили, Юрий Владимирович, что реализм как средство примирения левых и правых монстров в условиях нарастающего кризиса даст Вам возможность активно войти в политику. Вот Вы в рыбкинском блоке, а мы проиронизировали в последнем номере, что Рыбкин – не человек, это судьба. Мне кажется, пытаюсь создать реалистический, прагматический центр, Вы как бы строите свою архитектуру, свои здания на болоте. Нет фундамента. Все социальные энергии ушли в одну сторону и в другую. Ваша политическая доля мне представляется очень сложной, мучительной и как бы не абсолютной. Может, в следующем периоде, после того как две силы перемелют одна другую, появится возможность Вам, с Вашим опытом, с Вашим фундаментальным спокойствием, моралью состыковать остатки этих двух группировок, левых-правых. Но ошибка, мне кажется, неизбежна, она должна произойти.

Ю. П.: Вы в значительной степени правы. Я говорил о том, что наш Союз реалистов – это движение не столько сегодняшнего, сколько завтрашнего дня. Сегодня мы должны заявить о своих позициях, постараться сделать максимум возможного в этой конкретно обстановке. Задача – постараться именно, чтобы скрежет танков не перешел в настоящую бойню, как-то развести немножко эти страшные силы, не дать им схлестнуться. Потому что если совсем схлестнемся, то мы знаем, что такое бунт по-русски... И еще задача заключается в том, чтобы начать строить третью башню, как Вы говорите, подтягивать тех, кто близок к нам по идеологии и уже сегодня готов встать в строй. Но для этого государство должно быть сильным, порядок в стране должен быть, то есть закон должен соблюдаться...

А. П.: Он будет соблюдаться, но в интересах четырех процентов?

Ю. П.: Почему? В интересах абсолютного большинства.

А. П.: В интересах большинства не получается. Сильное государство наращивает сильное МВД. Но вся сила и мощь государства с 93-го года направлены на то, чтобы гарантировать выживание и процветание 4-х процентов населения и чтобы остальные молчали и задыхались...

Ю. П.: Я с этим не согласен. Эти четыре процента сегодня ничем не гарантированы. Они в меньшей степени гарантированы, чем остальные 96, потому что во все нынешние разборки, расстрелы попадают, как правило, представили вот этих четырех процентов. Так что я бы не сказал, что у них очень уж легкая жизнь. Другой вопрос, что мы должны и законодательную и исполнительную власть подчинить тому, чтобы вот этот лозунг, который мы писали на знаменах: «Все во имя человека, все для блага человека», наполнился реальным содержанием. И есть такие примеры. Швецию возьмите, да и вообще все европейские страны. То, о чем мы с Вами мечтали, говоря, что развитой социализм построили, они уже давно достигли. Там бесплатны и медицина, и образование, хотя есть, конечно, для отдельных категорий и больницы, где можно за миллион долларов лечиться. Там именно сочетание, но для общей массы населения – и товары народного потребления, и возможность приобрести автомобиль, и иметь дом собственный.

А. П.: В вашем движении очень много достойных людей, например адмирал Чернавин, которого я чрезвычайно уважаю. Знаю, что на ваши встречи ходит Кургинян. В общем вы аккумулируете очень много сильных и достойных людей. Вот Вы уралец. Уральская группировка, уральский клан, он ведь с приходом Ельцина к власти сменил ставропольский. А ставропольский клан в свое время сменил молдавский. По существу, в нашем обществе, казалось бы, однородном, монолитном, движутся некие массивы, киты – одни покрупнее, другие помельче. С разрушением партийной структуры, с падением СССР ничего не изменилось. По-прежнему движутся

эти массивы: люди, связи, отношения, интересы, дружба, зависимость. Вы, конечно, представитель Урала, продолжаете уральскую традицию. А что такое уральская традиция? Это ВПК, это металлургия, это ракеты, это Тизяков, это ГКЧП? С кем бы Вы в нынешней реальной серьезной и угрюмой политике могли блокироваться?

Ю. П.: Начну с группировок. Думаю, это процесс естественный. Люди стараются работать с теми, кого знают, на кого могут положиться в трудную минуту. И так постепенно вырастают руководители на любом уровне: областном, городском. Не скажу, что сейчас слишком много свердловчан осталось в руководстве. Хотя землячество, естественно, существует. Иногда мы собираемся, но это больше товарищеские отношения, ностальгические воспоминания о прошлом, здесь нет круговой поруки.

С кем блокироваться? С такими же, как мы, то есть с людьми твердых, гражданских позиций, морально чистоплотными. Не скажу, что это только наше поколение 50–60 лет. У нас есть много молодых людей, которые станут хорошими дрожжами для общества. Вот с этой верой в будущее мы и строим свое движение, с нею живем.

Октябрь 1995 г.

«Чтобы Россию уважали»

*(Диалог Александра Проханова
и Александра Бессмертных)*

Александр ПРОХАНОВ: Александр Александрович, в последние лет пятнадцать я испытывал острый писательский и аналитический интерес к проблеме соперничества: мы и Штаты, мы и Запад. Этот интерес я утолял своими поездками на наши военные базы, плаванием на кораблях и подводных лодках. Я писал о нашей атомной триаде, по существу, побывал на всех локальных войнах, которые проходили в ту пору

на земле, на всех континентах. Я наблюдал это нарастающее соперничество, пытался его осмыслить и зафиксировать в публицистике и в своих романах.

Одновременно с этой апокалиптической, глобальной конфронтацией я видел и отмечал паритетные тенденции, пытался отслеживать их формулу и концепцию. Это были попытки как-то снизить темпы ядерной гонки, степень психологической конфронтации. И паритет выстраивался на моих глазах. Выстраивался как плод работы некоего надполюсного штаба. В нем и проходила конвергенция дипломатов, политиков, разведчиков, политических и культурных элит. В недрах этого штаба, не оформленного, конечно, организационно, мне казалось, созрел проект постпаритетного мира. Конвульсии биполярного мира должны были медленно и поэтапно ослабнуть, раствориться, и мир должен был гармонично войти в новую фазу. Этого не произошло, потому что рухнул один из двух полюсов. Мгновенно, обвально, и вот тот таинственный, загадочный, мерцавший в моем представлении проект оказался не просто не осуществленным, а даже не заявленным. Я бы хотел узнать у Вас, опытного политика и дипломата, существовал ли вообще такой проект и если существовал, то в чем была его философия?

Александр БЕССМЕРТНЫХ: Должен сразу сказать, что обоюдное стремление Соединенных Штатов и Советского Союза к паритету объяснялось прежде всего необходимостью выйти на такой уровень военного противостояния, когда стороны могли бы начать разговор о сокращении вооружений. Своеобразие и парадокс вот такой постановки вопроса состоит в том, что для начала серьезного разговора о сокращении стратегически наступательных, оборонительных и прочих вооружений стороны должны были подняться на более высокий уровень вооружений, дойдя до паритета.

А все произошло, как в истории бывает очень часто, весьма случайно. Ведь в свое время никто не задал Соединенным Штатам цифру в тысячу межконтинентальных баллистических ракет. Ни Комитет начальников штабов, ни кто другой. Ника-

кие расчеты также не показывали, почему американцам нужно иметь именно столько МБР для того, чтобы почувствовать себя защищенной империей. Но с погони за этой цифрой началась реальная гонка ядерных стратегических вооружений.

Меня всегда интриговало: как они вышли на такой расчет? Ведь в то время был фактический паритет почти на нулевом уровне – количество ракет рассчитывалось лишь десятками. Через какое-то время мы вышли на сотни, но это были не межконтинентальные ракеты, они еще не достигали территории друг друга. И вдруг неожиданно американская сторона решает резко поднять ракетный «потолок». Поначалу это было скрыто ото всех, но скоро цифра стала известна и нам. Советский Союз, испытывая понятную тревогу, решил, что ему тоже надо выходить примерно на тот же уровень. То есть срабатывал инстинкт взаимного страха. Почему у них будет 1000 ракет, а у нас, скажем, 70? Значит, надо что-то делать. И началась интенсивная ракетная гонка.

Спустя годы я разговаривал с одним из бывших ведущих советников президента Джона Кеннеди, при котором это решение было принято. Я его спросил: «Почему вы вышли на эту загадочную, совершенно фантастическую для тех времен цифру?» Он ответил: «Знаете, во время дискуссий она просто звучала очень солидно. Соединенные Штаты с тысячью МБР – это такой мировой статус! Вот с чего мы начали...» Таким образом, я получил подтверждение того, что начало гонки вооружений не было запрограммировано какими-то точными расчетами. Движение к пику гонки не управлялось ни интеллектом, ни стратегическими планами, ни чем-то иным, о чем вы спрашивали. Потом эта гонка обрела свою динамику, мы вошли в клинч связанной с ней напряженности.

Но уже в ситуации паритетности мы, конечно, начали серьезные разговоры о сокращении вооружений. И ведя такие разговоры, мы впервые сломали себя психологически. Мы поняли, что нельзя вести разговоры о сокращении стратегических вооружений, не раскрывая того, что считалось нашими основными секретами. Правда, на первых этапах переговоров

мы никак не подтверждали друг другу верность или неверность взаимных оценок. Американцы там говорили: «У вас столько-то ракет». Мы говорили: «А у вас столько-то». Каждая сторона молчала, про себя удивляясь, до какой степени точно знает о ситуации другая сторона. Это сейчас мы легко говорим о стратегических вооружениях, а ведь раньше это была совершенно невозможная, суперсекретная тема. И люди, которые вели эти переговоры, конечно, проникались друг к другу определенной степенью доверия, соблюдая взаимные гарантии неразглашения секретов. Появлялась, конечно, определенная часть переговорной элиты, в которую входили и дипломаты, и военные специалисты, и генштабисты, и представители военно-промышленного комплекса, которые участвовали в этих диалогах, даже не обязательно усаживаясь за переговорный стол, хотя бы при подготовке позиций. Да, если хотите, это была психологическая конвергенция, потому что до политической было еще далеко, хотя никто в этих терминах и не мыслил. Просто на каком-то этапе обе стороны поняли, что действительно надо и политически договариваться, то есть почувствовали чрезмерность бремени вооружений, которое свалилось на плечи той и другой стороны.

И вот эта раскрытость друг перед другом в рамках узкой группы была явлением весьма необычным, даже в чем-то пугающим тех, кто входил в эту группу. Потому что они соприкасались с интересами громадной государственной важности.

Что касается паритета, то только сегодня, после развала одной из супердержав, мы стали критиковать его как нечто ужасное и ненужное. Паритет тогда был жизненно важен. Если бы он не был достигнут, не было бы договора ОСВ-1, не было бы договора по СНВ-1, то есть мы бы вообще не вышли на сокращение вооружений. А договор СНВ-2, явно несправедливый для России, – это уже продукт российской новой политики. Поспешный, как мы считаем, непродуманный, так как в договоре СНВ-2 мы согласились ликвидировать все наши МБР с разделяющимися боеголовками, то есть основу нашей стратегической силы.

А. П.: Я думал, если в паритетный период удалось управлять гонкой, управлять конфронтацией, то есть самым стихийным, трагическим, иррациональным процессом современной истории, если были достигнуты такие огромные, даже потрясающие результаты, то естественно было бы управлять и самой историей. Ведь, по сути, это и была история. Содержание истории тех лет – сдерживание гонки, эскалации, конфронтации... Есть же постоянная тенденция управлять миром, управлять ситуацией глобально, в целом. Вспомним Венский конгресс в XIX веке, или, скажем, Версальский мир, пакт Риббентропа и Молотова, связанные с переделом зон влияния, установлением табу, закреплением занятых рубежей. Все это, мне кажется, должно было родиться, хотя бы на устном уровне, в этой конвергентной среде, которой удалось сделать невероятное: остановить иррациональный процесс соперничества, наконец, набросить намордник на взбесившуюся цивилизацию. И вот Вы говорите, что этого не было?

А. Б.: Соглашусь, что, по существу, многое происходило из того, о чем Вы говорите, хотя все это не было сформулировано или сведено в программу. Ведь мир тогда находился под контрольным воздействием Соединенных Штатов и Советского Союза. Почти ничто в нем не могло произойти, не задевая наши интересы. Две супердержавы «нависали» над всем. И поэтому мы внимательно друг на друга смотрели: не произойдет ли где-то перетягивание чего-то в пользу другой стороны. С одной стороны, сложилась атмосфера большого доверия в элитной группе, которая занималась поднятием друг друга до уровня паритета, но в целом две державы смотрели друг на друга с большой подозрительностью.

Таким образом, контроль за мировыми процессами в значительной степени действительно осуществлялся. Но нельзя забывать и о других контрольных механизмах, которые существуют вне сферы соперничества сверхдержав. Это, например, естественные финансовые потоки, это люди, которые такими потоками занимаются и достаточно эффективно их контролируют. В значительной степени такие люди всем

известны, как, скажем, президент «Манхэттен-банка» или «Сити-банка» и прочие. Но мы говорим в основном о межгосударственных рычагах воздействия на мировые процессы. А здесь все не так просто.

Сейчас весь сложившийся механизм как бы распался, и некоторые считают, что Соединенные Штаты будут теперь контролировать мир в одиночку. Это фантазия, которая, кстати, самими американцами не овладела. Многие из них понимают, что это слишком дорогое занятие. Не будет одинокая супердержава властителем мира, во всяком случае больше чем 5–10 лет, причем ее деградация при этом пойдет значительно быстрее, чем во времена двух супердержав.

А. П.: Необычайно быстрый обвал и распад Советского Союза сегодня более или менее понятен. Объективным фактором действительно была остановка развития. На здоровую сосну или елку не садится короед. Но остановленное развитие все-таки не предопределяло крушения. Ресурсы в стране колоссальные, способность изолироваться от мира – грандиозная, возможности для создания ракетно-ядерного щита следующего поколения были. Вероятно, можно было еще второй-третий раз набросить «железный занавес» и так держаться весь XXI век или до его середины по крайней мере. Но крушение произошло столь быстро, что, естественно, возникает конспирологический его аспект. Вот мои друзья-системщики оперируют термином «оргоружие». Против Советского Союза его противником было использовано вот это новое организационное оружие, оружие второй половины XX века, – проведение оргмероприятий и операций, рефлексивное управление, создание ложных целей, групп лоббирования, использование этих групп для формирования целых потоков информационных, интеллектуальных, психологических. Вы как политик чувствовали это оружие?

А. Б.: Вы задали непростой вопрос, и однозначно на него ответить невозможно. Повторю, между супердержавами существовала большая степень подозрительности. И поскольку мы были врагами, противниками, оппонентами, то, естественно,

каждая из сторон стремилась ослабить другую. И было бы странно, если бы этого не происходило. Более того, сейчас открываются интересные документы, говорящие о том, что американская разведка порой неточно оценивала действия Советского Союза или, скажем, степень развития определенных программ наших вооружений. На одной из конференций я прочитал доклад, в котором цитировал документ американского Комитета начальников штабов о намерениях Советского Союза в вопросах взаимодействия с Соединенными Штатами. В нем было очень много того, что на самом деле не входило в намерения Москвы. То же самое, я знаю, происходило и с нами. И наша разведка просчитывала замыслы Соединенных Штатов порой неверно, тоже ошибалась.

Но когда неточно просчитывается движение другой стороны, может быть масса последствий для взаимодействия государств, что, кстати говоря, и происходило.

С другой стороны, каждая из сторон проводила серию мероприятий против другой. У нас это иногда называлось «активные действия». Примерно так же назывались подобные акции в Соединенных Штатах. Это работа разведок, скрытых каналов воздействия. Мы были противниками в «холодной войне», а средства в войне не всегда бывают благородными. У нас, например, были свидетельства того, как президент США говорил своему госсекретарю: «Вот здесь надо нажать на болевые точки Советского Союза». Помню, как Брежнев в порыве какой-то странной откровенности стал просить Никсона оказать определенное воздействие на Китай, поскольку Советский Союз находился с ним в очень сложной конфронтации. Потом мы обнаружили в мемуарах Киссинджера, в его дневниковых записях, что после этой беседы, а Брежнев был убежден, что он сделал очень тонкий ход, нацеленный на сдерживание Китая, Никсон тут же сказал Киссинджеру: «Удесятерить усилия по нагнетанию отношений между Китаем и Советским Союзом!» Так что и такое было. На всех уровнях – руководство, правительство, разведка и прочие специальные подразделения, – конечно, делалось все, чтобы создать друг другу помехи.

Доходило ли это до того, чтобы одна сторона взяла на себя непомерную задачу разрушить другое государство? У меня таких свидетельств просто нет. И даже в документах 50-х годов, когда в США особенно залихватски и разнузданно говорили о необходимости ослабить Советский Союз, этого не звучало. И когда они создали, скажем, программу на десятилетия по поддержке «порабощенных» наций, причем среди них существовали немыслимые государства, например «Казакия», даже эта поддержка не трансформировалась в концепцию целенаправленного развала Советского Союза. В то же время и конспирология имеет право на существование, потому что вскрывает один из тех аспектов анализа, который, как правило, забывают.

Я думаю, что в развале СССР прежде всего виноваты мы сами. Да, они нас ослабляли экономически, затеяли эту гонку вооружений, мы ее подхватили. Конечно, они поддерживали националистические движения, особенно в Прибалтике. Конечно, они пытались ослабить наши отношения с Восточной Европой – сначала с Югославией, потом с Чехословакией и так далее. Все это было и объективно вело к развалу и Варшавского договора, и в конечном счете Советского Союза. Но если бы мы были поумнее, потоньше и поразумнее в наших усилиях по обеспечению выживаемости собственной страны, то этого бы не произошло. Мы сами не спрогнозировали свой путь.

Я считаю нужным делить две вещи: развал Советского Союза и развал его социально-экономической системы. Сначала существовала Российская империя, потом в том же государстве почти в те же государственные формы влилась новая система, просуществовавшая 70 лет. Начиная где-то с 70-х годов она стала уже неподвижной, а экономика – ведущий фактор развития системы – вышла из-под контроля, стала неуправляемой. И я, например, не исключаю такого развития событий, когда сохранялось государство с пережившейся внутренней системой. Но у нас сначала рухнула система, и в этом обвале рассыпалось государство. В этом вся трагедия ситуации. Возьмем пример Китая. Многие на него ссылаются, но мне кажется,

не доглядывают одну интересную деталь. Ведь китайцы меняют и систему, хотя по-прежнему говорят, что развивают социализм с китайской спецификой. Но государственные формы при этом тщательнейшим образом оберегаются.

Вы знаете, я был в Югославии до ее развала еще как министр иностранных дел. И тогда мне интересно было посмотреть, почему идет такой быстрый распад. Хотя он еще не свершился, но все его признаки были уже налицо. Если говорить о субъективном факторе, то ошибка югославского руководства состояла в том, что оно неверно просчитывало сигналы, подземные толчки, которые слышны были почти всем. Вместо того чтобы разработать стройную программу вывода страны из кризиса, оно в основном импровизировало, искало какие-то однодневные решения. Предпринимались малые ходы, полумеры, целью которых была латание кризиса, а не сведение его на нет. Можно сказать, что субъективный фактор не поднялся до уровня той катастрофы, которая надвигалась, не осознал ее масштаба.

А. П.: В своих поездках, особенно по воюющему третьему миру, мне часто приходилось встречаться с дипломатами. Меня принимали в посольствах, давали рекомендации, спутников, когда я ездил на фронты. Я встречался с дипломатами и среднего, и очень высокого звена. В непринужденной обстановке, на биваках, мы обсуждали и внутренние проблемы Советского Союза, откуда я только что явился, и внешнеполитические. И что я замечал. В дипломатах той поры, вот в этих напряженных воюющих регионах, был совершенно очевиден некий скептицизм. Все они выполняли поручения власти, правительства, очевидно, достойно, рискуя иногда жизнью, но были исполнены скептицизма по поводу того, что делали. По существу, они были в достаточной степени цинично и скептически настроены по отношению ко всей внешней политике государства и, может быть, даже к самому государству. Это меня ошеломляло, внутренне огорчало. И потом, когда этот скептицизм, замеченный мною не у разведки, не у технократов, не у военных, а именно у мидовцев, которые

имели возможность, по-видимому, сравнивать ситуацию в своей стране с ситуацией в другой стране, когда этот скептицизм охватил почти все наши интеллектуальные слои, я был просто потрясен. Оказывается, вся наша элита, может даже через МИД, была заражена раковыми клетками социального скептицизма. Не было ни романтизма, ни стоицизма, ни апологетики, а был нигилизм.

Все неизбежные реставрационные процессы, которыми мы сейчас начинаем заниматься, будут делаться с помощью этой же элиты, потому что у нас нет другой. Многие из этих людей еще достаточно крепки, молоды, у них есть дети, они сейчас вошли в социальную игру. И вот эта отравленная скептицизмом и нигилизмом элита мне представляется достаточно серьезным препятствием на пути нашего имперского ренессанса. Я хотел бы услышать Ваши ощущения от элиты в целом и мидовской элиты. Как она эволюционировала и менялась с тех квазиблагополучных времен по нынешний трагический период?

А. Б.: Это верное наблюдение относительно присутствия в умах многих мидовцев, дипломатов, также, добавлю, и некоторых разведчиков, скептицизма в отношении и идеологии, и каких-то конкретных направлений политики – скептицизма по поводу правильности принимаемых глобальных решений. Я это объясняю эффектом одновременного видения двух сторон медали. Такой привилегией располагала небольшая часть государственной элиты, прежде всего та, которая постоянно работала за рубежом. Те, кто выезжали туда, скажем, на неделю-две, могли не обрести вот этого видения второй стороны медали, просто не заметить. А дипломат, который находился, как мы говорим, в другом лагере, он видел там и хорошее, и плохое. Одновременность нашей идеологической пропаганды, которая не соответствовала реальному положению вещей в той или иной стране, конечно, вызывала скепсис. Особенно если вспомнить нашу первоначальную примитивную пропаганду, когда утверждали, что там у них во всем развал, загнивание, безработица и тому подобное. Когда ди-

пломаты приезжали туда, они, естественно, и это видели, но и что-то другое. Вы сказали, что не замечали скепсиса разведчиков. Они, возможно, в беседе с Вами были более сдержанными. Но я знаю несколько таких крупных деятелей нашей разведки. Причем это были абсолютные патриоты страны, их скептицизм не переходил определенную грань. То есть люди, видевшие две стороны медали, не стремились к тому, чтобы уйти на другую сторону либо что-то кардинально изменить в своей стране. И такие люди были везде. Но и весь МИД тоже нельзя стричь под одну гребенку. Среди его отрицательных персонажей были и абсолютные ретрограды, и люди, не видящие ничего дальше своего носа, и совсем забывающие о собственном достоинстве, восхищавшиеся другой страной и уходившие на другую сторону.

То есть диапазон психологического воздействия на пребывающих за границей – он очень широкий. И вот эта двойственность очень сильно сказывалась на поведении многих дипломатов, которые, возвращаясь домой, должны были свой скептицизм скрывать.

Сохранился ли скепсис, о котором вы говорите, у нынешней элиты, несмотря на сложившиеся обстоятельства, несмотря на все перемены? Думаю, что да. Причем к тем ощущениям, которые возникали от видения двух сторон медали сразу, сейчас добавился очень мощный скепсис в отношении почти всего, что происходит в России: развал, неверие людей в успешность реформ, обманутые обещания и так далее. Бывшие полускептики, мне кажется, стали сейчас стопроцентными. Это сказалоь и на профессиональном уровне дипломатов. Многие из них, причем очень квалифицированные, просто ушли, придавленные новой идеологией, невозможностью профессионально делать свое дело.

Некоторые из наших внешнеполитических двигателей смотрят сегодня на мир, может быть, резче, чем в свое время Пономарев из окон международного отдела ЦК, когда ему все виделось красным или черным. Так, когда наш нынешний руководитель внешнеполитического ведомства, например, говорит:

«Сербы – красно-коричневые, а эти – фашисты...» – создается невозможная ситуация. Этот мощный наплыв новой несовершенной идеологии раздавил в какой-то степени скептиков в дипломатическом ведомстве.

Современная элита, я думаю, отличается от старой тем, что она не болеет такой раздвоенностью, не отягощена этим. Мне кажется, это уже более однозначные существа, и даже сами они это признают. В частности, недавно я прочитал интервью Шумейко, и меня поразило одно его высказывание. Он сказал, что после революции 91-го года поднялась большая пена и заполнила поры государственной власти, там появилось много случайных людей. Но пена ведь не страдает душевной раздвоенностью, эти случайные люди не страдают оттого, что нечто надламывается в их концепции или видении.

Поэтому, если брать элитную часть нынешнего российского истеблишмента, то там, конечно, есть и хорошие люди. Но есть и стопроцентная пена. Боюсь, что такая элита Россию далеко не поведет, все равно есть какая-то ограниченность в ее функционировании. Не может опустошенная элита вести страну к большой содержательной цели. Скорее она приведет ее к опустошенной ситуации.

А. П.: Это как бы сдавшаяся элита, примирившаяся со своим пленом. Может, такое было при Виши во Франции, когда государство, еще функционирующее, имеющее свою казну, армию, разведку, действующих агентов за рубежом, влияние, превратилось в военно-политический придаток своего недавнего врага и соперника. По существу, демонтаж Советского Союза и превращение его в грудку стран СНГ проведен благодаря усилиям Козырева. Его политика так называемого ближнего зарубежья была и остается направленной на то, чтобы все интеграционные процессы блокировать, скомкать, снабдить наших недавних друзей своими армиями, оружием, создать искусственные таможенные барьеры. Мы сконструировали вокруг себя барьер врагов, выполняя этим волю наших суперпротивников... Или переориентация России на загадочное «партнерство» с Западом и стремительный отказ от про-

веренных друзей в третьем мире: Ирак, Индия, та же Сербия. Произошло нечто невероятное с точки зрения не просто этики, но и исторической традиции. Все оказалось вывернутым наизнанку. Но тем не менее, я вижу, что сопротивление этому существует, оно нарастает. Убежден, что внешнеполитический курс будет меняться, симптоматика этому есть. Вообще курс будет меняться. И сопротивление – это вовсе не только газета «Завтра». Его очаги, его центры на молекулярном уровне есть и в МИДе, и в армии, и в ВПК, и в деревнях, и в семьях, и в стариках, и даже в этой расхристанной молодежи. Каждый так или иначе говорит свое маленькое «нет», саботирует этот курс. Как Вы ощущаете это сопротивление в близкой Вам дипломатической среде? В чем оно проявляется?

А. Б.: Надо сказать, что всякое социальное потрясение, будь то революционное или контрреволюционное, – это всегда великий шанс для лейтенантов, которые сразу могут стать полковниками и генералами. Это одновременно и великий шанс для посредственности, чтобы прорваться наверх. Ведь система отбора существует в любом государстве и в любом обществе, и очень трудно идти по ступеням иерархической лестницы наверх просто так, не обладая никакими способностями. И самое главное, что в такого рода периоды расцветает одно уникальное качество русской общественной жизни, которое Салтыков-Щедрин назвал «пенкоснимательством». Сейчас мы с вами как раз живем в эпоху, когда это качество достигло высочайшей степени расцвета. Все пытаются снять пенку с нынешней несчастной жизни России, что-то урвать для себя, забывая об интересах общества, других людей и интересах безопасности государства. Вот что больше всего сейчас губит Россию.

Есть ли очаги какого-то внутреннего сопротивления? Да, и прежде всего это, конечно, всеобщее недовольство, внутреннее неприятие происходящего. Всем людям многое наобещали и опять ничего фактически не дали. Вот этот разрыв между ожиданиями и реальностью, мне кажется, вносит сейчас разлад в души русских людей. Большинство из них все еще надломлены, растеряны или запуганы и поэтому даже хорошо сформу-

лизовать свою общественную позицию в широком масштабе не могут. Я не вижу, откровенно говоря, каких-то проявлений пассионарного отношения к нынешним российским бедам. Молодежь аполитична и апатична. Исчезли идеалы в хорошем смысле, идея движения к лучшей жизни, развития страны. Среднее поколение занято добыванием средств для жизни, работая в нескольких местах, чтобы хоть как-то одеть детей, накормить их. Куда уж тут до политики! И поэтому мы наблюдаем поразительную вещь: на громадных просторах России несчастный народ, в общем, безмолвствует.

Что касается нынешней элиты, скажем, дипломатической или научной, творческой и так далее, то у всех беды опять-таки чисто локальные. Я не вижу, чтобы в настроениях российских дипломатов было нечто такое, что отличало бы их от настроений учителей, инженеров, врачей. То же недовольство маленькой зарплатой, то же разочарование в том, что их профессионализм никому не нужен. Ведь одна из нынешних бед России состоит в том, что исчезают сложные профессии, все сводится к какому-то общему знаменателю. Уже почти нет ни докторов наук, ни инженеров – просто добывальщики еды. А как они ее добывают – это никого не волнует. То же самое относится и к армии. Она – бесквартирная, безденежная, к тому же «подставляемая» то и дело, страдающая от поражений, которые не всегда сама потерпела, а кто-то ей их навязал.

Вообще говоря, апатичность российского социума – явление не новое. Так всегда было в смуту. Периоды растерянности неизменно возникали в переломные моменты истории страны. Думаю, сейчас самое главное для нашего народа – понять, что все зависит от него. Не столько от лидеров или партий, как от него самого. А он даже на выборы идти не хочет! Вот эта характерная растянутасть России во временах, в желаниях, в недовольстве – она затягивает выход из кризиса.

А. П.: Все-таки я думаю, что в близком для Вас департаменте перемены будут, они уже есть даже при нынешнем руководстве. И убежден, что в следующий политический период, который наступит в декабре, уж не говоря о лете будущего

года, будут сметены целые пласты представлений и политиков, обслуживающих эти представления. Скажем, отставка Литвинова и приход Молотова – это сразу новый курс, причем резко новый. Или уход Громыко и приход Шеварднадзе. Думаю, что уход Козырева предопределен, жизнь потребует другой, антикозыревской политики. Там тоже будет смена вех, смена симпатий и антипатий. Я хотел бы спросить: имеется ли в кругу политиков, в кругу дипломатов некий плацдарм, некая интеллектуальная лаборатория, которая уже сейчас, в преддверии перемен, вырабатывает внешнеполитический контркурс? Не является ли, скажем, Ваша ассоциация таким плацдармом, такой интеллектуальной лабораторией?

А. Б.: Я знаю, что такие центры есть и действуют. Они действуют прежде всего потому, что многими проблемами внешней политики России Министерство иностранных дел просто не в состоянии заниматься. Вопросы национальных интересов, внешнеполитических приоритетов, механизмов принятия внешнеполитических решений и их реализации – не решаются ныне в Смоленской площади по многим причинам, в том числе и объективным. И количество проблем, которые окружили Россию, я думаю, превышает способность МИДа справиться с ними.

Поэтому такие центры и группы работают. Причем они вовсе не настроены сознательно скорректировать курс. Просто своими работами они показывают, что, оказывается, есть другой курс, который более эффективно обеспечит интересы России. Фактически все группы, которые я знаю, не столько оппозиционны, сколько более глубоки по анализу, видению вещей, чем нынешний государственный внешнеполитический аппарат. Ведь интересы России сегодня не защищены, нынешняя ориентация политики страны неверна.

Ну что значит – ориентироваться на Запад? Или ориентироваться на Восток? Это одинаково неправильно, так же как ориентироваться на какую-то одну страну или блок стран. Россию необходимо ориентировать только на одно: на ее собственный национальный интерес. Он может либо совпасть,

либо не совпасть с интересами стран Запада или Востока. Поэтому неизбежны перемены при любом новом министре иностранных дел, будет ли он назначен нынешним президентом или в какое-то более отдаленное время. Курс будет обретать, на мой взгляд, более правильные формы. Он приблизится к интересам России. Хотя это может быть сложно, потому что Россия еще не осознала себя в современном мире достаточно хорошо и сформулировать ее национальный интерес тоже не так просто. Но главное – этим будут наконец заниматься, и уже очень много наработок, которые можно сразу вложить в обойму внешней политики России.

Причем я уверен, что Запад – а я его знаю достаточно хорошо, поскольку жил и работал там двадцать лет, – высоко ценит политику, которая строится надежно, стабильно, на национальных интересах России. Потому что Западу, как и всему внешнему миру, крайне важно, чтобы политика России была достаточно предсказуемой, чтобы они знали: если договориться с Россией, то эта договоренность будет жить. А не так: сегодня договорились об одном, завтра же все перевернулось наоборот, потому что эта договоренность не была результатом государственной мудрости или, скажем, широкого и глубокого обсуждения в правительстве.

Очень много сейчас импровизации, а во внешней политике это крайне опасно. И когда я прочитал недавно в одном из наших журналов, по-моему, в «Коммерсанте», что даже Талейран не справился бы с нынешними российскими внешнеполитическими проблемами, я с этим согласен. Да, он бы не справился, но А. М. Горчаков бы справился. Как только наш внешнеполитический механизм вернет себе достаточный профессионализм, компетентность, способность не отделяться от национальных интересов, чувствовать их нутром и защищать вне зависимости от политических настроений тех или иных лидеров, тогда внешняя политика России, даже при ослабленной экономике, может сыграть грандиозную роль в защите страны с точки зрения ее дальнейшего развития. Ведь порой у слабой страны бывает сильная внешняя политика. И

очень сильная страна может порой иметь слабую внешнюю политику. Нет здесь прямой взаимосвязи. Думаю, что как раз нынешняя Россия, ослабленная, униженная, растерзанная, требует очень достойной внешней политики. Надеюсь, эта политика появится.

А. П.: Я сегодня беседовал с одним американским дипломатом, и мы с ним согласились, что в новых условиях и при новом курсе неизбежен рост антиамериканских настроений в российском обществе как реакция на поражение в «холодной войне». Но что эти явления, которые, наверное, открыто выйдут и в прессу, и в общественное сознание, не будут носить некий фундаментальный характер. Это будет момент как бы временной невралгии в наших отношениях. На самом деле и у Америки, и у России очень много общих стратегических интересов, существовавших в прежние времена и возникших в последнем десятилетии. И в будущем Россия и Америка будут стратегическими партнерами в Тихоокеанском регионе, в Европе, откуда, с точки зрения этого дипломата, Америка должна в конце концов уйти, и в Азии. Мне бы хотелось услышать Вашу точку зрения на эволюцию русско-американских отношений. Они по-прежнему для России будут ключевыми?

А. Б.: Американские и антизападные настроения уже существуют, и возникли они в основном из-за недостаточно хорошо рассчитанной внешнеполитической стратегии Запада. Совершенно было много ошибок, они продолжают совершаться. Несбыточные обещания, чрезмерное давление, какое-то прорывающееся пренебрежение даже этикой отношений с Россией – все это имеет место. Например, американцы говорят нам, что Прибалтика – это сфера их жизненно важных интересов. Ну, допустим, они могут так думать. Но когда они открыто обо всем этом заявляют, хотя Прибалтика сейчас независима, причем все-таки странно причислить ее к зоне жизненно важных интересов Соединенных Штатов, этим самым они оскорбляют, возможно, не замечая того, чувства русских. Уж слишком напористо и грубо это делается. Или когда мы видим, как Запад или

американцы отвратительно вбивают клин между Украиной и Россией, то это не настраивает российское общественное мнение на доброжелательное отношение к США. Или когда Белый дом через своих представителей комментирует внутривнутриполитические события в России, при этом откровенно говоря, какие партии им нравятся, какие не нравятся, хорошего отношения со стороны русского народа они тоже не получают. В то же время потенциал доброты в отношении США – в России достаточно велик. Причем глубинной доброты, поскольку американцы показали в критический момент Второй мировой войны, что они могут пойти вместе с нами. Период партнерства, или паритетности, о которой мы с вами в начале беседы говорили, тоже вызывал уважение друг к другу. Так что здесь все будет зависеть от того, как мы будем относиться друг к другу.

Что касается приоритетов в русско-американских отношениях, я хотел бы сказать здесь следующее: пока значительный ядерный компонент в наших отношениях существует, эти отношения неизбежно будут находиться в центре взаимного внимания. Однако если мы придем к какому-то достаточно низкому, удовлетворяющему обе стороны уровню, то отношения с Соединенными Штатами примут довольно рутинный характер. И для России возможно будет эти отношения, я имею в виду экономические, культурные, финансовые и так далее, на какое-то время поставить как бы на автопилот. Это будет, кстати, признаком их надежности. На автопилот самолет ставят тогда, когда уверены в курсе и в том, что все механизмы работают хорошо.

Для России, конечно, более важными и приоритетными на ближайшее время и на начало будущего столетия будут отношения с СНГ. Прежде всего с Украиной, если к тому времени тенденции к сближению не примут достаточно оформленный вид. Но Запад, подчеркну, этого очень не хочет. Китай – супердержава XXI века с громадным потенциалом, и России здесь надо серьезно определяться. Восточная Европа, ныне называемая Центральной Европой, висит сейчас в воздухе, рвется на Запад только потому, что Восток на нее не

обращает внимания. Это как раз сфера наших жизненных интересов. Запад и Европа со всеми своими архитектурами безопасности, конечно, тоже приоритетны.

Нам крайне важно определиться и в Азиатском регионе. Здесь будет тончайшая дипломатическая игра, игра в баланс. В системе коллективной безопасности там будет совершенно любопытная вещь, когда, скажем, некоторые признаки и приемы дипломатии XIX века переселятся на громадный простор Азии в XX веке и даже немножко в XXI веке. Хотя все, конечно, будет по-иному, но определенная система балансов заиграет. Там еще долго не будет системы коллективной безопасности, поэтому нам нужно представлять, как в этом балансе будет чувствовать себя Россия в отношениях с Соединенными Штатами, Японией, объединенной или не объединенной Кореей, Китаем, Индией. Здесь у нас никакой стратегии пока нет. Но, конечно, исторически, традиционно и по соображениям целесообразности отношения России с Соединенными Штатами, видимо, всегда будут милы сердцу политиков и стратегов. Хочу сказать, что как раз надеюсь на такое стабильное положение, когда мы сможем заняться некоторыми другими вопросами, которые горят ярче, чем наши отношения с Америкой.

А. П.: И последнее. Вот есть у человека период властной активности, когда он своей дланью может управлять процессами, держать штурвал истребителя, управлять департаментом. А есть период, когда он уходит от этого властного азарта, период, связанный с созерцанием, переосмыслением сделанного, накоплением тонких интеллектуальных энергий, с помощью которых он продолжает воздействовать на процессы. Одним словом, он приобретает такой опыт и такие знания, которые еще в большей степени могут воздействовать на происходящее. У Вас был период непосредственной активности по руководству МИДом Советского Союза, одной из двух в то время сверхдержав. Теперь Вы в науке, созерцании, размышлении. Какой период предпочтителен для Вас? Что Вы потеряли из того периода, что не сумели приобрести вот в этот период?

А. Б.: Во-первых, я не погрузился уж очень глубоко в созерцательную стадию своего существования. Хотя, конечно, у меня появилось несколько больше времени для того, чтобы этим заняться, и больше возможностей. Тем более что сейчас пишу две книги, участвую в работе аналитических групп и так далее. Моя активность сейчас по существу не намного отличается от той, которая была, когда я находился на посту министра иностранных дел. Я постоянно занят контактами, переговорами, езжу по всему миру, встречаюсь с лидерами государств. К тому же я создал Всемирный совет бывших министров иностранных дел, в котором у нас уже 150 человек. В него входят и Киссинджер, и Геншер, и Дюма, и Бейкер, и Шульц – в общем, вся мировая элита дипломатии. Я встречаюсь и с действующими министрами иностранных дел, премьерами. То есть продолжаю заниматься дипломатией, но вне государственного варианта. Причем цель моей активности не в том, чтобы просто мельтешить на внешнеполитической арене. Как профессионал и опытный в дипломатии человек я хотел бы максимально содействовать защите интересов России. Поэтому у меня нет какой-то ностальгии от того, что мне оставлено только три телефона, а раньше было двенадцать, и я мог брать трубку, а на другом конце провода раздавался голос президента. Совершенно естественно, как профессионалу мне хочется заниматься дипломатией и в рамках государственных интересов. Подытоживая, хочу сказать, что не чувствую, будто вышел из атмосферы дипломатии. Я в ней нахожусь и действую, а вот скипетр – он может еще где-то и полежать. Для меня важно, что дело есть, что я активно в него вовлечен.

Декабрь 1995 г.

ПИСЬМА И ВОЗЗВАНИЯ, В СОСТАВЛЕНИИ КОТОРЫХ ПРИНЯЛ УЧАСТИЕ И КОТОРЫЕ ПОДПИСАЛ А. А. ПРОХАНОВ

Слово к народу

Дорогие россияне! Граждане СССР! Соотечественники!

Случилось огромное небывалое горе. Родина, страна наша, государство великое, данное нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнет, ломается, погружается во тьму и небытие. И эта погибель происходит при нашем молчании, попустительстве и согласии. Неужели окаменели наши сердца и души и нет ни в ком из нас мощи, отваги, любви к Отечеству, что двигала нашими дедами и отцами, положившими жизнь за Родину на полях брани и в мрачных застенках, в великих трудах и борениях сложившими из молитв, тягот и откровений державу, для коих Родина, государство были высшими святынями жизни?

Что с нами сделалось, братья? Почему лукавые и веле-речивые властители, умные и хитрые отступники, жадные и богатые стяжатели, издеваясь над нами, глумясь над нашими верованиями, пользуясь нашей наивностью, захватили власть, растаскивают богатства, отнимают у народа дома, заводы и земли, режут на части страну, ссорят нас и морочат, отлучают от прошлого, отстраняют от будущего – обрекают на жалкое

прозябание в рабстве и подчинении у всесильных соседей? Как случилось, что мы на своих оглушающих митингах, в своем раздражении и нетерпении, истосковавшись по переменам, желая для страны процветания, допустили к власти не любящих эту страну, раболепствующих перед заморскими покровителями, там, за морем, ищущих совета и благословения?

Братья, поздно мы просыпаемся, поздно замечаем беду, когда дом наш уже горит с четырех углов, когда тушить его приходится не водой, а своими слезами и кровью. Неужели допустим вторично за этот век гражданский раздор и войну, снова кинем себя в жестокие, не нами запущенные жернова, где перетрутся кости народа, переломится становой хребет России?

Обращаемся к вам со словами предельной ответственности, обращаемся к представителям всех профессий и сословий, всех идеологий и верований, всех партий и движений, для коих различия наши – ничто перед общей бедой и болью, перед общей любовью к Родине, которую видим единой, неделимой, сплотившей братские народы в могучее государство, без которого нет нам бытия под солнцем.

Очнемся, опомнимся, встанем и стар и млад за страну. Скажем «Нет!» губителям и захватчикам. Положим предел нашему отступлению на последнем рубеже сопротивления.

Мы начинаем всенародное движение, призывая в наши ряды тех, кто распознал страшную напасть, случившуюся со страной.

Мы зовем к себе рабочий люд, которому нынешние фарисеи обещали изобилие и заработки, а теперь изгоняют с заводов и шахт, обрекают на голод, бесправие, на унылое стояние в очередях за пособием, ломтем хлеба, за милостыней богачей и хозяев.

Мы зовем к себе трудолюбивых крестьян, измотанных невежественной властью, чьи нынешние судьбы решают вчерашние разрушители деревень и творцы утопических программ, навязывая хлеботорбу кабальный обмен, обрекая на запустение уцелевших кормящих страну хозяйств.

Мы зываем к инженерам, чьими руками, умом и талантом были созданы уникальная техническая цивилизация, мощ-

ная индустрия, обеспечившая благополучие и защиту народа, позволившие Родине взлететь в космос. Техника, которая, устав работать, нуждалась в модернизации и обновлении, за шесть лет безделья и разглагольствований остановилась и рухнула, и теперь мы – страна остановленных предприятий, умолкнувшей энергетики, исчезнувших товаров, растерянных обнищавших инженеров, отлученных от творчества.

Мы зываем к ученым, достойно продвигавшим развитие отечественной науки, изумлявшим мир плодами своих трудов, накопившим в лабораториях и институтах открытия для следующего рывка в двадцать первый век, где мы надеялись на достойное место в человеческой цивилизации. Вместо этого демагоги и злоумышленники разоряют драгоценные накопления, рассыпают коллективы исследователей, закрывают научные направления, вбивают тромбы в развитие космических исследований, ядерных технологий, новейшей химии, обрекая лучшие умы на прозябание, на бегство из родных пределов в преуспевающие страны, где их талант станет питать не свое, а чужое развитие.

Мы устремляем свой голос к армии, снискавшей уважение человечества за самоотверженный подвиг спасения Европы от гитлеровской чумы, к армии, унаследовавшей лучшие качества русского, советского воинства и противостоящей агрессивным силам. Нелегкие времена переживают наши славные защитники. Не вина армии, что она вынуждена поспешно покидать зарубежные гарнизоны, быть объектом беспардонных политических спекуляций, подвергаться постоянным атакам лжи и очернительства безответственных политиканов. Но никому не удастся превратить Вооруженные силы в аморфную массу, разложить изнутри, предать осквернению. Мы убеждены, что воины армии и флота, верные своему святому долгу, не допустят братоубийственной войны, разрушения Отечества, выступят надежным гарантом безопасности и оплотом всех здоровых сил общества.

Мы устремляем свой голос к художникам и писателям, по крохам создававшим культуру на развалинах разгромлен-

ной классики, добывавшим для народа образы красоты и добра, ожидавшим в будущем расцвета искусств, а обретших нищету, низведение творчества до жалкого фарса на потеху коммерсантов и богачей, когда народ, отлученный от духа, лишенный идеала, управляемый безнравственными лукавцами, выводится из истории, превращается в дешевую рабочую силу для иноземных фабрикантов.

Мы обращаемся к Православной Церкви, прошедшей Голгофу, медленно, после всех избиений встающей из гроба. Она, чей духовный свет сиял в русской истории даже во времена мрака, сегодня, еще неокрепшая, терзается распрями, ущемляется в епархиях и приходах, не находит достойной опоры в сильной державной власти. Пусть она услышит взывающий к спасению глас народа.

Мы обращаемся к мусульманам, буддистам, протестантам, верующим всех направлений, для которых вера есть синоним добра, красоты и истины; на них сегодня наступают жестокость, уродство и ложь, губящие душу живую.

Мы обращаемся к партиям, большим и малым, к либералам и монархистам, к централистам и земцам, к певцам национальной идеи. Мы обращается к партии – коммунистической, которая несет всю ответственность не только за победы и провалы предшествующих семидесяти лет, но и за шесть последних трагических, в которые компартия сначала ввела страну, а потом отказалась от власти, отдав эту власть легкомысленным и неумелым парламентариям, рассорившим нас друг с другом, наплодившим тысячи мертворожденных законов, из коих живы лишь те, что отдают народ в кабалу, делят на части измученное тело страны. Коммунисты, чью партию разрушают их собственные вожди, побросав партбилеты, один за другим мчатся в лагерь противника – предают, изменяют, требуют для недавних товарищей виселицы, – пусть коммунисты услышат наш зов!

Молодежь, наша надежда и цвет, которую растлевают, отдав в услужение ложным кумирам, обрекают на безделье, бездарность, наркотики и преступность.

Старики, наша мудрость и гордость, безотказные труженики и неустанные наши кормильцы, получившие в удел нищенство и надругание над прожитым, осквернение печатным и телевизионным варевом тех, кто добивается умерщвления памяти, противопоставления поколений.

Молодые ветераны, воины-интернационалисты, проявившие самоотверженность и гуманизм, высокие нравственные качества, но поставленные в положение без вины виноватых.

Женщины, отказывающие себе в высшем природном праве – продлевать в потомстве род из-за страха плодить нищету, пополнять солдатами армию гражданской войны, пугающиеся своей любви и своего материнства...

Все, кто ни есть в городах и селениях, в степях и лесах, у кромки великих, омывающих страну океанов, – очнемся, встанем для единения и отпора губителям Родины!

Начнем с этой минуты путь ко спасению государства. Создадим народно-патриотическое движение, где каждый, обладая своей волей и влиянием, соединится во имя высшей цели – спасения Отчизны.

Сплотимся же,

чтобы остановить цепную реакцию губительного распада государства, экономики, личности;

чтобы содействовать укреплению советской власти, превращению ее в подлинно народную, а не в кормушку для алчущих нуворишей, готовых распродать все и вся ради своих ненасытных appetitov;

чтобы не дать разбушеваться занимающемуся пожару межнациональной розни и гражданской войны.

Не пожалеем сил для осуществления таких реформ, которые способны преодолеть невыносимое отчуждение человека от власти труда, собственности, культуры, создать ему достойные условия для жизни и самовыражения. Окажем энергичную поддержку прогрессивным новациям, нацеленным на то, чтобы продвигать наше общество вперед, достигнуть современных высот – научно-технического прогресса, раскрепостить умы и энергию людей, чтобы каждый мог жить по труду, со-

вести и справедливости. И мы будем выступать против таких проектов, которые тащат страну назад, во мрак средневековья, туда, где культ денег, силы, жестокости, похоти.

Наше движение – для тех, кому чужд разрушительный зуд, кто горит желанием созидать, обустраивать наш общий дом, чтобы жили в нем дружно, уютно и счастливо каждый народ, большой и малый, каждый человек, и стар, и млад.

Не время тешить себя иллюзиями, беспечно надеясь на прозорливость новоявленных мессий, с легкостью необыкновенной сулящих нам то одну, то другую панацею от всех бед. Пора отряхнуть оцепенение, сообща и всенародно искать выход из нынешнего тупика. Среди россиян есть государственные мужи, готовые повести страну в неунизительное суверенное будущее. Есть знатоки экономики, способные восстановить производство. Есть мыслители, творцы духа, прозревающие общенародный идеал.

Советский Союз – наш дом и оплот, построенный великими усилиями всех народов и наций, спасший нас от позора и рабства в години черных нашествий! Россия – единственная, ненаглядная! – она взывает о помощи.

Юрий БОНДАРЕВ, Юрий БЛОХИН, Валентин ВАРЕННИКОВ, Эдуард ВОЛОДИН, Борис ГРОМОВ, Геннадий ЗЮГАНОВ, Людмила ЗЫКИНА, Вячеслав КЛЫКОВ, Александр ПРОХАНОВ, Валентин РАСПУТИН, Василий СТАРОДУБЦЕВ, Александр ТИЗЯКОВ

Июль 1995 г.

Заявление «левой» и «правой» оппозиций

23 февраля, в день всенародного праздника, в Москве произошли события, потрясшие национальную жизнь страны. Многотысячные колонны граждан России – ветераны,

женщины, дети, представители движений и партий – направились в центр города к могиле Неизвестного солдата, чтобы почтить светлую память павших за Родину героев – своих соратников, дедов, отцов и братьев. Моссовет, высшая конституционная власть в столице, дал согласие на проведение этого мероприятия.

Однако мирное праздничное шествие было остановлено кордонами из самосвалов, автобусов, фургонов, заслонов милиции и ОМОНа. Только на улице Тверской их было десять. Некоторые из них напоминали «загоны» для скота, любая панника в которых закончилась бы массовой гибелью людей.

В ответ на требование манифестантов разрешить проследовать к центру властями города, персонально мэром Поповым, его заместителем Лужковым был отдан приказ о применении силы. Добиться отмены этого приказа не смогли даже народные депутаты России, которых руководство мэрии просто не приняло.

В результате циничного приказа и моральной глухоты московских правителей во многих местах произошли столкновения. Беззащитные люди безжалостно избивались дубинками и ногами. Старикам и детям наносились телесные повреждения. Один из участников шествия, генерал-лейтенант Песков, прошедший войну от первого и до последнего дня, умер, не вынеся унижения и оскорблений. На улицах города пролилась кровь.

В то же время центр столицы был очищен от людей. Похоже, окончательно решили «приватизировать» память людскую. На огромной, абсолютно пустой площади, оцепленной тысячами милиционеров и военнослужащих, поднятых ночью по тревоге и переодетых в милицейскую форму, президент Ельцин и сопровождающие его лица, узурпируя право народа, возложили венок на могилу Неизвестного солдата и приняли парад торжественного караула. Рядом, на выставке в Манеже, тоже не было посетителей. Там сидел целый полк с оружием, обеспечивая безопасность этого торжественного ритуала.

В тот же вечер официальное телевидение, прежде всего российские «Вести», известные своей тенденциозностью и враждебностью всему государственному и национальному, охарактеризовали шествие как выступление «красно-коричневых», чем еще раз оскорбили живых и мертвых, павших в борьбе с фашизмом.

В связи с происшедшим мы – представители «левой» и «правой» оппозиций, партий, движений, организаций и творческих союзов, люди различных убеждений и взглядов – заявляем решительный протест. Требуем прокурорского расследования и возбуждения дела против Попова, Лужкова и Мурашева, не выполнивших решения Моссовета и спровоцировавших побоище. Настаиваем на немедленной отставке этих лиц.

Мы считаем, что давно назрела смена руководства антинародного, русофобского, лживого телевидения и радио, возглавляемого Яковлевым и Попцовым. Российское телевидение и радио превращены из источников информации в центр дезинформации и нагнетания психологической истерии и провоцирования конфликтов в стране. Если не будут предоставлены равные возможности для выражения мнения всем партиям и движениям, мы оставляем за собой право применять и использовать все законные формы протеста. Требуем объективного показа на телевидении происшедших событий с комментариями пострадавших и представителей оппозиции.

Мы настаиваем, чтобы маршал Шапошников, клявшийся, что он не допустит использования военнослужащих в политических целях, дал публичные объяснения, на каком основании в день рождения армии он направил солдат и офицеров на разгон тех, кто шел поклониться ее героическим знаменам, почему он запретил участвовать людям в военной форме в праздничных мероприятиях.

Мы надеемся, что президент Ельцин принесет извинения нации за произвол и насилие, допущенные над участниками праздничной манифестации.

Мы просим Верховный Совет России провести открытые парламентские слушания о трагических событиях 23 февраля с.г. Это позволит снять дальнейшую эскалацию напряженности в обществе.

Мы обращаемся ко всем трудовым коллективам страны, воинским частям и гарнизонам с предложением провести собрания, на которых просим обсудить наше заявление, дать оценку антинародной деятельности лжедемократического правительства Москвы.

Мы призываем все движения, партии, союзы, организации объединиться перед лицом тоталитарной антидемократической угрозы, втягивающей нас в трагическое противостояние, повторяющее опыт Тбилиси, сулящее в условиях экономического распада развязывание гражданской войны.

В годовщину Всесоюзного референдума, 17 марта 1992 года, намечено проведение Всероссийского вече в Москве на Манежной площади. Заявка на митинг направлена в Моссовет – требуем немедленного удовлетворения заявки.

Нет – гражданской войне в России! Нет – циничному антинародному телевидению! Нет – антидемократической мэрии!

*В. И. Алкснис, В. И. Анпилов, А. Л. Андреев,
М. Г. Астафьев, С. Н. Бабурин, Ю. В. Бондарев,
Э. Ф. Володин, Ю. В. Голик, Н. И. Дорошенко,
П. А. Емелин, Г. А. Зюганов, В. А. Иванов,
В. И. Илюхин, В. Б. Исаков, И. В. Константинов,
А. Н. Крайко, С. Ю. Куняев, Б. П. Курашвили,
Н. Н. Лысенко, В. С. Мартемьянов, С. А. Михайлов,
Ю. И. Науман, И. П. Осадчий, Н. А. Павлов,
А. А. Пригарин, А. А. Проханов, Г. В. Саенко,
А. А. Сенин, Г. И. Скляр, В. И. Скурлатов,
А. С. Соколов, А. Н. Стерлигов, Ш. З. Султанов,
С. Н. Терехов, С. З. Умалатова, В. И. Филатов,
О. А. Финько, В. М. Якушев*

Март 1992 г.

Заявление объединенной оппозиции

Чрезвычайные обстоятельства, связанные с заявлением Президента Б.Н. Ельцина в Омске, заставляют оппозицию высказать свои суждения.

На этот раз, путешествуя по России, Ельцин не грозил разогнать Съезд народных депутатов, не смещал злополучных директоров, не отправлял немцев Поволжья жить на ракетный полигон. Он объявил об уголовном преследовании одного из лидеров «Трудовой Москвы» В. И. Анпилова и сопредседателя Думы русского национального Собора А. Н. Стерлигова, тем самым лично возглавил удушение оппозиции. Складывается впечатление, что кто-то из его ближайшего окружения тщательно снаряжает президента в поездки, подталкивает к нелепым заявлениям, готовя ему отставку.

Левая и правая оппозиции, сведенные в единый фронт сопротивления губительному антинародному режиму, получают из уст Президента прямую угрозу тюрьмы и расправы в момент, когда камеры «Матросской тишины» еще наполнены узниками прежней волны репрессий, когда общество, подвергнутое невиданному экономическому, культурному и психологическому насилию, готовится принять удар насилия политического.

Оставить народ без лидеров перед осенним социальным протестом, перед полной остановкой заводов, безработицей, бесхлебьем, голодным мором, когда сопротивление общества, не желающего полного истребления, неизбежно, – вот смысл угрюмой угрозы Ельцина.

Для оппозиции эта угроза не была неожиданностью. Шельмование «красно-коричневых», создание в лице патриотов ненавистного нации образа врага-фашиста – этим тщательно занимались лаборатории психологической войны, мастера негативного программирования цветовы, нуйкины, лацисы, киселевы и др. Эффект этой войны был закреплен прямым на-

силием – избиением патриотов во время зимнего праздника Советской Армии и летнего Останкинского стояния.

Так было в двадцатых и тридцатых годах, когда вслед за травлей развязывались процессы и судилища, уничтожались наши соотечественники, называемые «врагами народа», «врагами социалистического строя».

Сегодня «врагами конституционного строя» названы все, кто не желает безропотно покориться чудовищному умерщвлению страны, для кого этот «строй» является синонимом обмана и ограбления.

Именем этого «конституционного строя» был уничтожен Советский Союз и растоптана его Конституция. Рассеяна великая армия и попрана ее присяга. Превращена в ничто передовая ядерно-космическая индустрия. Обобран до нитки народ, чье право на общенародную собственность было закреплено в Конституции. Деморализованы все слои общества, растлена молодежь, погублена национальная культура. Развязаны кровавые войны в Осетии и Приднестровье, предтечи всеобщей гражданской войны. Подготовлены зимний голод и насильственное изъятие хлеба. А десятки российских областей уже сейчас лишаются своего вымирающего населения – перестают быть субъектом Конституции.

И все это именем «конституционного строя», возглавляемого жестокой и беспринципной горсткой людей, не имеющих связей со страной и народом, презирающих все российское и русское.

Удар по лидерам оппозиции наносится в момент, когда сопротивление народа принимает все более организованные формы, множатся оппозиционные движения, в столицах и областях объединяются рабочие и интеллигенция, директора и предприниматели, военные и священники, писатели и политики. Когда налицо огромное национальное достижение – стратегический союз «красных» и «белых», преодолевающих мучительный, заложенный историей раскол, в одолении которого нация начинает сознавать себя как единое целое, что больше всего пугает недругов России.

В этих условиях патриотическая оппозиция в лице своих организаций и движений заявляет решительный протест против неконституционных насильственных действий режима. Призывает народ бдительно следить за безнравственными маневрами властей и послушной им прессы. Мы заявляем, что не отдадим своих товарищей в руки наемных следователей и тюремщиков, чья жестокость проверялась неоднократно за минувший трагический год.

Власть рвачей и коррупционеров, режим безнациональной олигархии падет. Народ, пережив трагедию разрушения, направит свои силы и талант к возрождению. И всем патриотам, каких бы политических взглядов они ни придерживались, будет место в этой работе и творчестве.

Руки прочь от лидеров оппозиции!

Нет – политическому террору в России!

Август 1992 г.

Мы — русское сопротивление.

Политическая декларация левой и правой оппозиции

Наша Родина стоит на грани политического и хозяйственного развала. Нависла угроза голода, безработицы, гражданской войны, утраты реальных возможностей для нас, наших детей и последующих поколений занять достойное место среди народов планеты.

Главная ответственность за разорение России лежит не на сменяемых правительственных командах, а на Президенте РФ, чей политический заказ они выполняют.

Следствие этого курса – тотальное уничтожение экономики страны и открыто антinationальный союз с теми международными силами, которые, как и Президент РФ, видят в ликвидации единого и сильного Российского государства основу для своей неограниченной власти.

Поэтому отстранение от власти конституционным путем антинациональной и коррумпированной ельцинской правящей верхушки – главное условие восстановления народного хозяйства и осуществления подлинно демократических преобразований в обществе.

Выживание государства, возрождение нашей Родины как великой мировой державы не могут опираться ни на исчерпавшую себя чисто «командную» систему управления экономикой, ни на чисто «капиталистические», образца XIX века, рыночные отношения, которые в условиях создававшейся десятилетиями монопольной структуры народного хозяйства и отечественных традиций общественного производства способны породить лишь анархию и разруху.

Консолидация оппозиции необходима в первую очередь для осуществления экстренных антикризисных мер. Их конкретное содержание будет зависеть от степени разорения народного хозяйства России ельцинским режимом и основываться на следующих положениях.

1. Рост общественного производства и народного потребления в стране – приоритет государственной экономической политики.

2. Нарушенные связи между предприятиями в рамках единого народнохозяйственного комплекса страны должны быть восстановлены. Для этого необходимо воссоздать федеральные органы согласованного экономического управления.

3. Для обеспечения должного жизненного уровня населения ближайшей целью антикризисных мер станет восстановление соотношения потребительских цен и заработной платы на уровне до августо-декабрьского государственного переворота 1991 года.

4. Программа «обвальной» приватизации, проводимая в условиях катастрофического спада производства и падения уровня жизни, нацелена на лишение «на законных основаниях» подавляющего числа граждан страны общенародной собственности и потому должна быть немедленно остановлена.

5. Все формы аграрного производства должны стать приоритетным объектом государственных инвестиций и льготного кредитования, направленного на обеспечение роста сельскохозяйственной продукции в стране. Вопрос о собственности на землю, общественной или частной, формах пользования, владения и распоряжения ею должен решаться на государственном и региональном уровне в соответствии с волей народа, исходя из сложившихся традиций хозяйствования.

6. Внешнеэкономическая политика должна основываться на четком государственном регулировании, предусматривающем первоочередное обеспечение населения продовольствием и потребительскими товарами, обеспечение народного хозяйства страны сырьем, энергоносителями и оборудованием.

7. При сохранении ельцинской политики развала народного хозяйства в ближайшие месяцы страна может оказаться перед необходимостью введения жестких мер государственного распределения, направленных на ликвидацию угрозы массового голода и полной экономической разрухи.

В политической области экстренные антикризисные меры должны обеспечить:

восстановление определенной Конституцией СССР территориальной целостности страны, единства ее Вооруженных сил и защиты прав, безопасности и собственности граждан;

создание условий для демократического выбора своего государственного устройства всем населением страны;

осуществление подлинного самоопределения для всех, и в первую очередь для тех, кто желает жить в единой стране;

свободу выбора за жителями позиций тех или иных политических сил и движений в отношении будущего, противодействие навязыванию стране новых диктатур, способных принести ей еще худшие бедствия.

Определение дальнейшей судьбы единого государства может быть осуществлено только волеизъявлением народа.

Оппозиция заявляет, что она рассматривает наше Отечество как великую державу. У него есть собственные историче-

ские, экономические, духовные и геополитические интересы, которые определяют содержание и цели внешней политики.

С момента прихода к власти конституционным путем оппозиция начнет восстанавливать систему государственных социальных гарантий, ставших неотъемлемой частью жизненного уклада всех граждан нашей страны на протяжении последних десятилетий. Права на труд, жилье, отдых, образование, здравоохранение будут гарантированы соответствующим законодательством, социальной политикой и экономическими программами.

Оппозиция объединилась во имя национально-государственного спасения. Ее основная задача – обеспечить всенародный, представительный и конституционный способ волеизъявления всех граждан страны в отношении ее социально-политического устройства, принципов межнациональных отношений правового статуса личности и государства.

Мы верим в праведность наших целей.

Мы убеждены, что наша страна была и останется великой державой.

Мы уверены, что наш народ выйдет из смуты, в которую вовлекли его лжепророки, еще более могучим и сможет сознательно и свободно реализовать свои надежды и идеалы.

Среди подписавших этот документ: В. И. Алкснис, М. Г. Астафьев, С. Н. Бабурин, В. П. Бирюлин, Э. Ф. Володин, С. П. Горячева, В. И. Гусев, Н. И. Дорошенко, И. И. Епищева, Г. А. Зюганов, В. А. Иванов, В. И. Илюхин, В. Б. Исаков, И. В. Константинов, Р. И. Косолапов, А. Н. Крайко, С. Ю. Куняев, Е. А. Лукьянова, Н. Н. Лысенко, А. М. Макашов, А. С. Митрофанов, Н. А. Павлов, А. А. Проханов, Г. В. Саенко, В. М. Смирнов, А. Н. Стерлигов, С. Н. Терехов, М. Г. Титов, С. З. Умалатова, О. А. Финько, А. А. Шабанов.

Октябрь 1992 г.

**Обращение
к гражданам России
оргкомитета Фронта
национального спасения**

В № 39 «Дня» была обнародована политическая декларация левой и правой оппозиции.

В ней, в частности, сказано:

«Оппозиция объединилась во имя национально-государственного спасения. Ее основная задача – обеспечить всенародный, представительный и конституционный способ волеизъявления всех граждан страны в отношении ее социально-политического устройства, принципов межнациональных отношений, правового статуса личности и государства».

На основании декларации был создан оргкомитет Фронта национального спасения, чье обращение, направленное на конституционное изменение нынешнего политического курса, мы публикуем.

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ!

Наша Родина подвергается невиданному разгрому и поруганию. Великий и трудолюбивый народ ограблен. Большинство населения доведено до нищеты и полуголодного существования. Честный труженик – надежда и опора страны – не в силах свести концы с концами. Тысячи заводов и крестьянских хозяйств – крупных и мелких – доведены до банкротства. Национальные богатства переходят в руки спекулянтов и мафии, утекают через «прозрачные» границы. Закордонные хозяева наших новых властителей разъезжают по России, указывая, что нам делать и как нам жить. Десятки тысяч мирных жителей, ни в чем не повинных людей, стали жертвами братоубийственных войн, сотни тысяч превратились в беженцев на своей земле. Разрушение обще-

ственных устоев и фактическое безвластие привели к взрыву преступности. Повсюду – на улицах, в транспорте и даже в собственных жилищах граждане буквально терроризированы уголовниками.

Чего мы еще ждем? Или мы уже не хозяева на своей земле?

Мы убеждены, что постигшая нашу страну трагедия – результат целенаправленной антинародной политики правящей верхушки, а не ошибок или просчетов «неопытных» руководителей. Предательство нельзя «скорректировать», за него надо отвечать по всей строгости закона. Президент Ельцин и его правительство должны немедленно уйти в отставку. На смену им придут новые политические лидеры, преданные идее национального возрождения России.

На этом трудном пути возврат к прошлому невозможен. Губительной для нашей страны была бы реставрация однопартийной административно-командной системы.

Сегодня жизнь ставит перед нами неотложные первоочередные задачи:

1. Создание правительства национального спасения, способного взять в руки реальную исполнительную власть и предотвратить приближающийся крах государства.

2. Наведение в стране порядка и пресечение разгула преступности, спекуляции, коррупции и беззакония.

3. Прекращение грабительских экспериментов Ельцина–Гайдара, в том числе политики «обвальнoй» приватизации.

4. Обеспечение гражданам достойного уровня жизни. Установление контроля за ценами и приведение заработной платы в соответствие с уровнем цен.

5. Восстановление нарушенных хозяйственных связей. Создание благоприятных условий для развития промышленного и сельскохозяйственного производства на предприятиях всех форм собственности.

6. Последовательное восстановление государственного единства страны. Пресечение межнациональных конфликтов и роспуск незаконных вооруженных формирований.

7. Восстановление обороноспособности государства, совершенствование вооруженных сил и поддержка предприятий военно-промышленного комплекса.

8. Государственная поддержка и обеспечение всех необходимых условий для развития науки, образования, здравоохранения, культуры и искусства.

Пришло время действовать. Оставим идеологические споры до лучших времен. Только объединившись, мы сможем предотвратить катастрофу.

Сегодня нам нужна сила, способная остановить разрушение Отечества и взять на себя ответственность за будущее страны. Нам нужен Фронт национального спасения.

Мы призываем всех, кому дорого будущее нашей Родины, без различия национальности, вероисповедания и партийной принадлежности, принять активное участие в формировании комитетов фронта на местах и направить представителей для участия в конгрессе национального спасения, который состоится 24 октября 1992 года в Москве.

Оргкомитет Фронта национального спасения: В. И. Алкснис, И. В. Артемов, М. Г. Астафьев, С. Н. Бабурин, В. И. Белов, В. В. Беспалов, С. А. Глотов, В. А. Гололобов, И. И. Епишева, Г. А. Зюганов, В. Е. Исаков, И. В. Константинов, Р. И. Косолапов, Г. В. Костин, М. И. Лапшин, И. Н. Лысенко, А. М. Макашов, А. С. Митрофанов, С. А. Михайлов, А. Г. Невзоров, В. Н. Осипов, Н. А. Павлов, Г. И. Петухов, А. А. Проханов, В. Г. Распутин, Г. В. Саенко, Ю. С. Сидоренко, А. Н. Стерлигов, Е. А. Тарасов, С. Н. Терехов, М. Г. Титов, А. Г. Тулеев, С. З. Умалатова, В. Н. Хайрюзов, Р. З. Чеботаревский, М. Б. Челноков, В. В. Чикин, И. Р. Шафаревич

Октябрь 1992 г.

**Взываем к совести.
Обращение
комитета «Лефортово»**

Мы вызываем к совестливым людям России, к чувству по-
пранной справедливости, к душам, исполненным боли и со-
страдания. Мы пережили страшные дни октября, расстрел из
танков Дворца в центре Москвы. Взирали сквозь бесстрастную
телевизионную оптику на то, как убивают безоружных бра-
твьев, как берут в оковы и увозят в тюрьму конституционных
лидеров. И мы хотим заявить: сотворилось злодеяние, меняю-
щее ход русской жизни, выталкивающее Россию в мрачный
произвол, в неизбежную деградацию и крушение.

Почти десять лет отнимали у нас великое государство,
могучую промышленность, надежную оборону. Лишали до-
статка, отторгали миллионы россиян от единого великорус-
ского тела. Обещали взамен одно – свободу. Теперь и ее от-
няли, а вместе с ней надежду на гражданское общество, на
гражданский мир.

Парламент, который был так свирепо разгромлен, являл-
ся форумом, где в свободных дискуссиях разрешались про-
тиворечия нашего измученного общества. Был залогом того,
что эти противоречия не будут загнаны внутрь ударом де-
спота, не вырвутся из подполья безумным народным бунтом.
Парламент радел о стране, о людях России. Болел за судьбу
Черноморского флота. Защищал русских в Крыму и Придне-
стровье. Опекал бедных. Помогал обездоленным военным.
Стремился ограничить произвол разорителей, обогативших
горстку лихоимцев, кинувших в нищету население. Он стре-
мился отстаивать самостоятельную внешнюю политику в ин-
тересах суверенной России, а не заморской империи.

И вот парламента нет. Нет полутора тысяч защищав-
ших его подвижников. Многие в тюрьме, многие прошли че-
рез истязания.

В этих условиях мы, представители общественности, создаем правозащитный комитет, цель которого – постоянное возбуждение общественного внимания к событиям 4 октября. Мы выступаем в защиту сторонников Конституции России, требуем их немедленного освобождения. Пристально следим за состоянием их здоровья, методами допросов. Не позволим создать из них образ чудовища. Будем способствовать тщательному исследованию всего, что связано с разгромом парламента, выявлению истинных жертв, истинных контуров происшедшего, истинных исполнителей злодеяния.

Мы обращаемся к интеллигенции, чьи сущностные признаки связаны со свободой интеллектуального поиска. К священникам, чье религиозное чувство обострено в вопросах добра и зла. К военным, чья совесть не может не страдать после беспощадных танковых залпов. К политикам, кто не желает для России деспотизма. Ко всем свободолюбивым, искренним и сострадательным.

Сделаем все, чтобы не повторился «красный террор» 20-х годов России. Чтобы горящий дом Советов и горящий рейхстаг не стали символами мировой катастрофы. Чтобы штурм дворца в Сантьяго и штурм Белого дома в Москве не стали метафорой пещерного подхода к национальным проблемам.

Комитет открыт для приема новых членов. Готов взаимодействовать с другими организациями, способствующими освобождению узников «Лефортово», восстановлению закона и правопорядка в России.

*А. Проханов, В. Бондаренко, А. Невзоров,
Ю. Власов, И. Шафаревич, П. Проскурин,
А. Шилов, о. Д. Дудко, Н. Пеньков, Э. Володин,
С. Золотцев, Ю. Кузнецов, В. Кожин,
Э. Лимонов, В. Личутин, Н. Тряпкин,
Г. Ступин, Н. Мишин, Н. Бурляев, В. Гостюхин,
М. Лобанов*

Декабрь 1993 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
--------------------------	----------

СТАТЬИ В ГАЗЕТАХ «ДЕНЬ» И «ЗАВТРА»

Крах либеральной утопии.....	22
С Новым годом, люди русские!	28
А ты готов постоять за Россию?.....	31
Триста тысяч красно-коричневых.....	41
«День» – 100! Слово главного редактора	44
«22 июня, ровно в 4 часа...»	47
Сначала – Ипатьевский дом, а потом – всю Россию.....	54
«Завтра» – рубеж сопротивления.....	70
Не спешите брататься с драконом.....	77
Слово Александра Проханова	81
Пал смертью храбрых в боях за Грозный	85
Чеченский фронт. Аргунское направление.....	100
А на груди его светилась медаль за город Гудермес	117
Третий Рим или Республика Русь. Приглашение к дискуссии	135
Зюганов.....	144
Мистика Восстания	154
Знамя победы, святое и красное.....	163
Украденные выборы	164
В шесть часов вечера после выборов.....	166
Лик Ельцина уходит в пучину	169
Бесы телевидения, вон из дома!	170

Мы – из русской цивилизации!	172
Операционный стол накрыт – кушать подано.....	174
Загнанных президентов пристреливают, не правда ли?	176
Народный булжник национального согласия.....	178
Шесть дыр в сердце Ельцина.....	180
Командир спецназа и детская смертность	182
Чеченский нож под русское ребро.....	184
Лимит на русскую революцию не исчерпан.....	186
Говорят, в кремле кур доят	188
Чубайс как зеркало русской революции.....	189
Русский, учи албанский!.....	192
Ельцин как ночная туфля Петра Первого	194
Не верьте колдунам Сванидзе и Киселидзе!	196
Мистическая звезда Александра Лукашенко	198
Взятка президенту	200
Дегенераты у власти	202
На нашей улице будет праздник!	204
Реформы проводит цэрэушная банда	206
Народу – победа, Ельцину – беда.....	208
Россией правит злая обезьяна.....	210
Гитлер и Бандера в гостях у Ельцина.....	212
Россия без армии, с царем-чеченцем	213
Наздратенко, будь Лукашенко!	216
Тело Ельцина положат в муравейник.....	218
Ельцин отдыхает у нарисованного озера.....	220
Костиков обратил Ельцина в католичество.....	223
Журналисты ОРТ, сифилис и Березовский.....	225
Кто забьет бычка оппозиции	227
Дума, объяви импичмент предателю!	229
У Масюк сохранились длинные ногти.....	231
Арбуз Думы будет разрезан.....	233
Лужков пролетел на серебряном «Су».....	235
Петр I, Сталин, и скоморох Бориска.....	237
Есть ли у Думы 28 гвардейцев-панфиловцев?.....	239
Власть пинцетом не берут	241
Четвертая русская революция – впереди	243

Битва гигантов сливного бачка	245
Савостьянов и Степашин – «причники демократии»	248
Сталин грядет!.....	250
Куриный след ноги Ельцина.....	252
1998: восстание машин.....	254
Богородица, спаси Россию от Ельцина!	256
С Кавказа дует пепел перемен.....	257
Русский интеллигент в час солнечного затмения.....	259
Преемник Ельцина – Змей Горыныч	261
Компромисс – в мусоропровод, Ельцина – на свалку!	263
Армия Петра I и Сталина – непобедима!	264
Козленка зарежут	266
Русское сопротивление: пророки и лидеры.....	268
Революция крыс	271
Президент-надомник и премьер-наемник	273
Психиатр президента сошел с ума.....	275
Ельцин – Зюганов: любовая атака.....	277
Победа рядом, измена за углом	279
Лебедь выключает глаза России	280
Бутон революции, цветок катастрофы	282
Кто сорвет цветок ненависти?	284
Церебральный паралич кремлевского мозга	286
Импичмент, суд, высшая мера.....	287
Финансисты с большой дороги	290
«Число зверя» над Барвихой.....	291
Ельцину снится Ипатьевский дом	292
Ельцину на крючок попался ваххабит.....	295
Назовут ли Кириенко «кровавым»?	297
Чернобыль на Украине, Чернобырдин в России.....	299
Ельцин обрыдл	300
От Чернобырдина страну воротит	302
В Ельцине гарпун, но он жив	304
Дохлая кошка Бориса Ельцина.....	306
Это сладкое слово – восстание!.....	309
Венчание Ельцина в имперской канцелярии.....	311
Ельцина арестуют, как Пиночета.....	312

НТВ – «электронная Хазария».....	315
Нас с Макашовым – 130 миллионов	318
Генерал Макашов и политическая падаль	320
Почему у Сванидзе губки свастикой?	322
Еврейский погром в Грановитой палате	325
Солженицын дал пощечину Ельцину.....	327
Бандиты-сионисты разбомбят Москву.....	330
Ельцину на нос повесят сосульку	332
1999 – русский год.....	334
Ельцин, не кидайся из окна	336
Лужков бьет лежачего Ельцина.....	338
Гусинский качает помпу антисемитизма	341
Дыхание президента рождает эпидемии	343
Лужкову, как и Алле Гербер, не быть президентом.....	345
Виктор Илюхин – безупречный лидер.....	348
Исход Березовского или изгнание беса	350
Граница НАТО проходит через НТВ.....	352
Вий пришел за душой Ельцина	354
Ельцин, зачем разбомбил Белград?	356
Пятая колонна НАТО в России	358
Ельцина нельзя предавать земле.....	360
Бросим к Мавзолею штандарты НАТО!.....	362
Ельцин – бомба, которая всегда с тобой	364
Красную площадь не тронь – обожжешься!	366
Ермак Тимофеевич и Борис Абрамович	368
Кремль, не предавай десантников в Косово!	370
Молимся за русский «бэтээр».....	372
Ельцина похоронят в лунном кратере	375
Яйцо Ельцина работы Фаберже	377
Иосиф Сталин несет ледоруб.....	379
От Чернобырдина исходит угроза холокоста.....	381
За русский народ! За родину! «За победу!»	382
Хаттаб – агрессор, Ельцин – предатель	384
Ельцин – вор, Дьяченко – воровка?	386
Батарея!.. По врагам России!.. Огонь!.....	389
Ельцин и Дьяченко эмигрируют в Баварию	391

Ельцин – в Барвихе, Басаев – в Кремле	393
«За Победу!»	396

БЕСЕДЫ С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ ДЕЯТЕЛЯМИ

Партия выстоит? (Ю. А. Прокофьев)	399
Шеф разведки в гостях у «Дня» (Л. В. Шебаршин)	410
Вице-премьер Хижа в гостях у «Дня» (Г. С. Хижа)	422
«Мы – народ Победы!» (В. А. Ачалов)	430
«У патриотической России – патриотическая армия» (В. А. Ачалов)	439
Армия и народ: после крови («Круглый стол» с генералами Российской армии)	446
«Я не хотел говорить о Горбачеве» (Н. И. Рыжков)	461
«Я въеду в Кремль» (В. В. Жириновский)	478
«Есть бойцы, но нет еще армии...» (А. Г. Невзоров)	495
«Быть русским – это дар» (В. Б. Исаков)	510
«Русский инженер, я вынужден стать политиком...» (П. В. Романов)	529
«Россия – подножие Престола Господня» (Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев))	540
«Слава России!» (А. П. Баркашов)	558
«Не покоримся!» (В. И. Анпилов)	574
«Безопасность страны – нулевая» (В. А. Крючков)	592
«Я знал, что иду под обстрел» (К. Н. Илюмжинов)	614
«Работа – для России» (Р. И. Хасбулатов)	629
«Я никогда не ронял чести русского человека» (А. А. Зиновьев)	649
«Остаюсь русским офицером» (С. Н. Терехов)	663
Разговор с открытым забралом (А. В. Руцкой)	680
«Октябрь был моим главным поступком» (И. В. Константинов)	702
На войну – спасателем (В. А. Востротин)	718
«Гермес» – цивилизация будущего (В. И. Неверов)	727
«Зову продолжать борьбу» (О. С. Шенин)	744

«Воля, победа» (С. Н. Бабурин)	760
«Справедливость – понятие вечное» (Л. С. Вартазарова)	779
После ГКЧП мы продолжали бороться (В. Г. Шевцов)	795
Объединиться во имя будущего (С. Ю. Глазьев).....	808
«Союз – это реальность» (Ю. В. Петров).....	824
«Чтобы Россию уважали» (А. А. Бессмертных)	843

**ПИСЬМА И ВОЗЗВАНИЯ, В СОСТАВЛЕНИИ
КОТОРЫХ ПРИНЯЛ УЧАСТИЕ И КОТОРЫЕ
ПОДПИСАЛ А. А. ПРОХАНОВ**

Слово к народу.....	863
Заявление «левой» и «правой» оппозиций	868
Заявление объединенной оппозиции.....	872
Мы – русское сопротивление. Политическая декларация левой и правой оппозиции	874
Обращение к гражданам России оргкомитета Фронта национального спасения	878
Взываем к совести. Обращение комитета «Лефортово»	881

Институт русской цивилизации создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 100 томов).

Редактор Д. В. Орлов
Корректор Г. А. Островская
Компьютерная верстка Е. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 21.01.2012 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 41,1 изд. л. Тираж 2000
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация *(вышел)*
- Русское Православие в трех томах *(вышли)*
- Русское государство *(вышел)*
- Русский патриотизм *(вышел)*
- Русское мировоззрение *(вышел)*
- Русский образ жизни *(вышел)*
- Русская география
- Русское хозяйство *(вышел)*
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература *(вышел)*
- Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*
- Русская архитектура и скульптура
- Русская живопись
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.

Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.
Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.

Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская (восточнославянская) этнография, 672 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.

Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
Очерки истории русской иконы, 592 с.
Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
Синодикъ или Куликовская битва в лицах, 736 с.
Русский государственный календарь, 728 с.
Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
Русская артель, 672 с.
Русская община, 1376 с.
Платонов О. А. Русский народ. История – Душа – Победы, 808 с.
Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.

Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.

Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.

Платонов О. История царевубийства, 768 с.

Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.

Башилов Б. История русского масонства, 640 с.

Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.

Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.

Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.

Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.

Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.

Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.

Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.

Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.

Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.

Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Звенигородское шос., д. 4 (пав. «Детский мир на Пресне»), тел. 8(495)-788-41-48, podina@rw.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)